

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ТЕОРИЯ. АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В двух частях

Под редакцией Е. И. Дибровой

Часть I

ФОНЕТИКА И ОРФОЭПИЯ • ГРАФИКА
И ОРФОГРАФИЯ • ЛЕКСИКОЛОГИЯ •
ФРАЗЕОЛОГИЯ • ЛЕКСИКОГРАФИЯ •
МОРФЕМИКА • СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением по специальностям
педагогического образования в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности «Русский язык и литература»*

3-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 808.2-56(075.8)

ББК 81.2Рус-923

С 568

А в т о р ы:

Е. И. Диброва («Введение», «Лексикология», «Фразеология», «Лексикография»),
Л. Л. Касаткин («Фонетика и орфоэпия», «Графика и орфография»);
Н. А. Николина («Словообразование»); *И. И. Шеболева* («Морфемика»)

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова *И. С. Улуханов*;
кафедра современного русского языка Московского государственного
областного университета (зав. кафедрой — доктор филологических наук,
профессор *П. А. Лекант*)

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых еди-
С 568 **ниц** : учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1.
Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / [Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Шеболева] ; под ред. Е. И. Дибровой. — 3-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 480 с.

ISBN 978-5-7695-4795-9 (Ч. 1)

ISBN 978-5-7695-4796-6

Учебник является теоретическим описанием современного русского языка и практического анализа всех единиц языка: звука, слова, фразеологизма, морфемы, словоформы, словосочетания и др. Каждая единица языка рассматривается в трех аспектах: как элемент системы языка, как представитель определенной категории и как единица словоупотребления. Разбор производится по типовым схемам, таблицам и включает комментарии. Теория языка в учебнике рассмотрена с учетом традиции и современных исследований, а анализ языкового материала в схемах и таблицах представляет собой систему анализа языковых единиц. Единство теории и разбора языковых единиц позволяет эффективно вести процесс самообразования. Второе издание учебника (2006 г.) было исправлено и дополнено.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть рекомендован преподавателям русского языка, аспирантам и всем интересующимся проблемами современного русского языка.

УДК 808.2-56(075.8)

ББК 81.2Рус-923

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Николина Н. А., Шеболева И. И., 2006

ISBN 978-5-7695-4795-9 (Ч. 1) © Образовательно-издательский центр «Академия», 2008
ISBN 978-5-7695-4796-6 © Оформление. Издательский центр «Академия». 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц» представляет собой комплексное синхронное рассмотрение языковых единиц всех уровней системы современного русского языка. Здесь дано описание теоретического и практического изучения единиц всех уровней языка, сделан акцент на трудностях анализа языковых явлений, рассмотрены сложные случаи и наиболее типичные ошибки.

Основная задача учебника — научить студентов-филологов, будущих преподавателей словесности, теоретическому осмыслению языковых явлений и разбору основных единиц языка в рамках структурно-семантической концепции. На этой концепции построена программа по современному русскому языку¹.

Предварив анализ того или иного класса языковых единиц обширным теоретическим описанием, что делает учебник автономным относительно других учебников по русскому языку, его авторы исследуют языковые примеры, разбор которых и составляет вторую содержательную компоненту учебника, и дополняют разбор лингвометодическим комментарием. Авторы последовательно расширяют границы учебного материала, предлагая разные подходы к нему; соблюден также важнейший принцип учебника для будущего учителя русского языка — профессиональная направленность обучения в его теоретических выкладках и практических рекомендациях.

В задачу учебника входит обучение комплексному разбору, при котором учитываются важные для современной русистики результаты лингвистических исследований последнего времени. Это дает возможность показать нормативность языковых явлений и тенденции их развития, а также особенности функционирования в различных социолингвистических условиях. В соответствии с таким подходом сделан отбор рекомендуемой литературы: учебные пособия по предмету; работы, ставшие классическими и представляющие отечественную лингвистическую традицию; исследования последних лет, отражающие современные направления; работы за-

¹ См.: Программа высших педагогических учебных заведений : Современный русский язык. Для специальности «Русский язык и литература» / под ред. акад. Д. Н. Шмелева. — М., 1992 (и последующие изд.).

рубежных лингвистов, содержащие наиболее ценные сведения по изучаемым проблемам.

В учебнике, несмотря на специфику каждого раздела русского языка, соблюдается единый подход к изложению материала: теоретическое освещение, практические рекомендации, схемы и таблицы анализа, комментарии трудных и спорных случаев в разборе, типичные ошибки.

Учебник является обобщением многолетней работы авторов в вузовской аудитории.

Авторы разделов учебника: **В. В. Бабайцева** — «Простое предложение»; **Е. И. Диброва** — «Введение», «Лексикология», «Фразеология» и «Лексикография»; **Г. Г. Инфантова** — «Чужая речь»; **Л. Л. Касаткин** — «Фонетика и орфоэпия», «Графика и орфография»; **Н. А. Николина** — «Словообразование», «Сложное предложение», «Сложное синтаксическое целое» и «Диалогическое единство»; **В. С. Печникова** — «Функциональные омонимы»; **Л. Д. Чеснокова** — «Морфология»; **И. П. Чиркина** — «Словосочетание»; **И. И. Щеболева** — «Морфемика».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СО	— Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1972 (и последующие изд.)
СОШ	— Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993 (и последующие изд.)
ССРЛЯ	— Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л., 1950—1965 (и последующие изд.)
СРЯ	— Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1980—1984 (и последующие изд.)
ФСРЯ	— Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 3-е изд. — М., 1978 (и последующие изд.)
БСЭ	— Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. — 3-е изд. — М., 1970—1978
ЛСВ	— лексико-семантический вариант
ФЕ	— фразеологическая единица
ФС	— фразеологическое сочетание
ФСВ	— фразеолого-семантический вариант
ССС	— свободное сочетание слов
ОП	— омонимическая парадигма
СП	— синонимическая парадигма
АП	— антонимическая парадигма
ТП	— тематическая парадигма
ГП	— гиперо-гипонимическая парадигма
ЛСГ	— лексико-семантическая группа
СП	— семантическое поле
ВЯ	— журнал «Вопросы языкознания»
ФН	— журнал «Филологические науки»
РЯШ	— журнал «Русский язык в школе»

Названия рода:

женский род — ж. р.; мужской род — м. р.; средний род — ср. р.

Названия числа:

единственное число — ед. ч.; множественное число — мн. ч.

Названия падежей:

именительный падеж — им. п.

родительный падеж — род. п.

дательный падеж — дат. п.

винительный падеж — вин. п.

творительный падеж — тв. п.

предложный падеж — пр. п.

Названия наклонений:

изъявительное наклонение — изъяв. накл.

условное наклонение — усл. накл.

сослагательное наклонение — сосл. накл.

Названия времен:

прошедшее время — прош. вр.; будущее время — буд. вр.; настоящее время — наст. вр.

Названия вида:

совершенный вид — сов. в.; несовершенный вид — несов. в.

Сокращения, данные в схемах предложений:

инфинитив — инф.

имя прилагательное — прил.

имя существительное — сущ.

краткое страдательное причастие — кр. страд. прич.

глагол — гл.

наречие — нареч.

причастие — прич.

категория состояния — кат. сост.

союзное слово — с. с.

союз — с.

союз-частица — с.-ч.

коррелят — к.

местоимение — мест.

разговорное — разг.

книжное — книжн.

нейтральное — нейтр.

устаревшее — устар.

тождественное слово — тожд.

знаменательное слово — знам.

значение — знач.

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы говорим о современном русском литературном языке, то имеем в виду, во-первых, состояние языка в определенный исторический период и, во-вторых, название основного языковедческого курса среди филологических дисциплин.

Язык — это форма отражения реальной действительности в сознании человека, которая выражается естественной, исторически сложившейся и развивающейся в человеческом обществе системой звуковых, словесных и грамматических средств, предназначенных для общения (коммуникации). Язык хранит и передает знания, объединяет людей в их практической деятельности, формирует сознание и самопознание носителя языка, является материальной основой художественных произведений. Иными словами, язык — это общепринятая в национальном языке форма знания, сложившаяся в процессе производственной и культурной деятельности и раскрывающая функциональные потребности личности в обществе.

Русский язык сформировался как язык русской нации, исторически сложившейся общности людей, объединенных единством территории, психологического уклада, экономики и языка. Образование русского языка из древнерусского (в противоположность украинскому и белорусскому) относится к концу XIV в. Этот период характеризуется оформлением языка, ориентированного на говор Москвы и окружающих ее поселений. В настоящее время русский язык как средство общения используется на территории Российской Федерации, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. Он является государственным, или официальным, языком областей и республик, которые входят в Российскую Федерацию, наряду с языком коренного населения этих республик. В современном мире русский язык — рабочий язык ООН и ЮНЕСКО.

Выражение «современный русский язык» употребляется в двух значениях: 1) это язык от А. С. Пушкина до наших дней (широкое понимание термина «современный») и 2) язык середины — второй половины XX в. (узкое понимание термина, предложенное М. В. Пановым). Вне сомнения, язык конца XX в. отличается от языка пушкинской эпохи фонетически, лексически, семантически и грамматически.

Здравствуй, племя!
Младое, незнакомое!

(А.С.Пушкин)

Племя в языке А.С. Пушкина значит 'поколение людей' — устарелое слово высокого стиля; *младое* — ныне фонетический архаизм. Однако язык Пушкина нам в целом понятен, лишь в отдельных случаях необходимы комментарии. И вместе с тем язык эпохи информационного развития отличается специализированностью знания, расширением информативности, вовлеченностью в широкий обиход иноязычных именований интернационального типа: *брокер, оффшор, эмиссия, эмбарго* и др. И потому узкое понимание термина «современный» объяснимо и обоснованно.

Современный русский литературный язык — это общеобязательный, закрепленный в употреблении, «образцовый» язык. Литературный язык — это язык письменности, науки, культуры, художественной литературы, школьного и высшего образования. Термин «литературный язык» возник под влиянием художественной литературы (от лат. *litera* — 'буква'), сферы письменного языка, определившего в значительной степени его состав и границы. Литературный язык свойствен языковому стилю эпохи — определенному лингвистическому времени, со своей сложившейся системой общеупотребительных языковых единиц, которые прошли длительную обработку мастерами слова, учеными, лингвистами, носителями русского языка. А.А. Шахматов считал, что исторически русский литературный язык сложился на основе живых источников народной речи с включением старославянских элементов. В образовании национального литературного языка большую роль сыграл и московский приказной язык XVII—XVIII вв. Приказным языком писались документы, составленные профессиональными писцами, дьяками и подьячими московских приказов. Например, образец юридического текста заемной кабалы — 'расписки в получении денежной суммы' вологодского посадского человека (крестьянина):

«Се азъ имркъ Вологжанинь посадцкоі челоувъкъ имркъ сороку того и того занялъ есми у Вологжанина же посадцкого челоувъка у имрка денегъ столько и столько Московскихъ ходячихъ ноября в 1 день до сроку до Богоявленіева дни 1702 году, до сроку деньги без убытковъ, а послѣ сроку платити и съ убытки всѣ сполна».

Нормы орфографии и стиля той языковой эпохи были закреплены «Соборным уложением» при царе Алексее Михайловиче в 1649 г.

Современный русский литературный язык принято членить на две разновидности: книжная речь — разговорная речь. Книжная речь по преимуществу — письменная, разговорная —

устная. В работах последних лет первая разновидность называется «книжный язык», вторая — «разговорный»¹.

Психологическое и лингвистическое разграничение письменной и устной речи предложил в 1934 г. Л. С. Выготский в своей, ныне классической, работе «Мышление и речь». Он установил их особенности: 1) свойства письменной речи определяются отсутствием собеседника, и поэтому письменная речь — максимально развернутая и сложная в синтаксических формах, где нужно употребить для высказывания мысли значительно большее количество слов, чем в устной речи; «...письменная речь есть самая многословная, точная и развернутая форма речи»²; устная речь — сокращенная речь, это полярная противоположность письменной; устная речь возникает тогда, когда ситуация речи ясна собеседникам и когда говорящий выражает «психологический контекст» высказывания с помощью интонации, мимики и жеста; 2) письменная речь связана с сознательностью и намеренностью, т.е. ее характеризуют условия и цели речевого высказывания; 3) письменная и устная речь разграничиваются функционально — с точки зрения условий и цели высказывания, что определяет формы речи — их лексику и синтаксис; 4) письменная речь — монологическая форма речи, устная же в большинстве своем — диалогическая. «В противоположность композиционной простоте диалога монолог представляет собой определенную композиционную сложность, которая вводит речевые факты в светлое поле сознания...»³.

В современных исследованиях книжная речь определяется как литературная, в основном письменная, речь, которой свойственны: 1) общелитературные и специфические книжно-письменные языковые средства; 2) кодификация (от лат. *codex* — ‘книга’ и *codificatio* — ‘систематизация’) — описание свода правил употребления единиц языка, упорядочивание их и систематизация в учебниках, словарях, справочниках, пособиях, монографиях, статьях и т.д.; 3) функциональные стили речи: нейтральный стиль — книжный стиль, в последний включают официально-деловой, научный и публицистический стили, или подстили⁴.

Разговорная речь — это речь носителей литературного языка, функционирующая в устной форме в условиях непринужденного, неподготовленного общения. Для нее характерны: 1) экспрессивные языковые средства: *здоровяга, забываха, наезжать* ‘принуждать’, *давить* ‘добиваться своего’, *большеный*; 2) экстра-

¹ См.: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1997. — С. 43–48; Русский язык : энциклопедия. — М., 1997. — С. 406–408.

² В ы г о т с к и й Л. С. Мышление и речь. — М., 1996. — С. 340.

³ Там же. — С. 341.

⁴ Подробнее о разновидностях и функциональных стилях речи см. в каждом из разделов учебника — «Фонетика и орфоэпия», «Лексикология», «Фразеология», «Лексикография», «Словообразование» и др.

лингвистические приметы: неподготовленность, непринужденность, неофициальность ситуации речи, сокращенность, жесты и мимика.

Литературный язык обладает нормой. Языковая норма характеризуется общеобязательностью правил произношения, употребления слов, грамматических форм и стилистических средств. Нормы литературного языка обязательны в общественно-языковой практике, они обслуживают все сферы национальной и государственной жизни и удовлетворяют культурные нужды литературы, науки, искусства, разного рода учреждений, учебных заведений, СМИ и др.

Нормативность речи образуется в результате отбора и реализации элементов системы языка, которые культивируются средствами массовой информации — радио, телевидения, речью актеров театра, кино, речью на газетной полосе, преподаванием в средней и высшей школе.

Норма литературного языка — социально-историческая категория, каждой эпохе свойствен свой языковой стиль. Например, в пушкинские времена целый ряд слов имели иные значения или произношение: *шифр* ‘вензель’, *подсолнечная* отечества ‘находящаяся под солнцем’; *вотще*, *просвещённый*, *удинённый* — в последних двух словах употребляется звук [э] вместо современного [о]. Но постоянство — стабильность нормы не исключает ее развития — динамики: в ней сочетаются стремление носителей литературного языка к сохранению традиций и одновременно желание обновить ее, сделать языковые средства более выразительными и живыми. См., например, вхождение новых слов и их значений в нормативное употребление: *недоимщик* (о предприятии), *эксклюзивность* ‘исключительность’, *дальнобойщик* ‘шофер дальних перевозок’, *спад* (активности) и др. Демократизация языка конца XX в. «подталкивает» норму к широким новациям, к ее порогу приближаются — *раскручиваемость* ‘приобретение известности, авторитета’, *выстроить* ‘создать определенную линию борьбы, поведения’, *тупиковый* путь и т.д.

Разные уровни языка (фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис) и разные сферы общения (научная речь, публицистическая речь, бытовая речь, молодежная речь и др.) реагируют на преобразование правил употребления не одинаково. Что является возможным в прессе и молодежной речи, не всегда соответствует правилам книжно-письменной речи. Недавно юная участница ток-шоу, защищая ценности своего поколения от нападок старших, в пылу полемики заявила: «Культура — это *отстой*». И пояснила: «Культура — это канал “Культура”». Или: «Охмури в мальчишек и девчонок, а также и родителей, режиссер решил — кто кого *сборет* — младшее и старшее поколение или будущее поколение X» (газета «Известия»). Поддаваясь («продавливаясь» — в

современной молодежной речи) влиянию современной экспрессивности и агрессивности, нормативность движется в сторону ее расширения. Другие уровни языка — фонетика, грамматика — более консервативны, и если допускают в свой стан новации, то это в значительной степени происходит в сфере профессиональной речи. Например, варианты *манжет* (м. р.) и *манжета* (ж. р.) — обе формы литературны, но *согласно* чему (лит.) и *согласно* чего (офиц.-дел.), *добыча* угля (шахт.), *дело возбуждено* (юрид.) — профессионализмы. Прогресс общества «раскачивает» нормативность, и язык эпохи подвергается изменениям, особенно в сфере именовании, где вхождение в жизнь новых реалий вносит и новые именованья, которые стремятся укрепиться в системе языка.

Следует особо оговорить проблему нормы в книжно-письменной и устно-разговорной речи. Для первой нормативность — это общепризнанность, определенность, правильность, письменная закреплённость, т.е. все то, что создает культуру речи. Для разговорной речи понятие нормы еще не разработано. Это зависит от сравнительно недавнего ее описания, больших «нарушений» по сравнению с культурной традицией употребления в области как именовании, так и синтаксического построения. Например: — *Вы в пятиэтажке?* — *Нет, в блочном; Сначала капуста/ пакет есть?; Живем в коммуналке/ уже четырех поколений.*

По своему составу современный русский язык включает разные социальные и территориальные пласты. Ядром современного русского языка является литературный язык в его книжной и разговорной формах. Ближайшую периферию составляют диалекты и просторечие.

Диалекты — одна из основных разновидностей русского языка (наряду с литературным языком), существующая как система частных говоров (диалектов), которые обладают общностью языковых черт и распространены на определенном географическом пространстве. *За тычком не гонись; он-та тычками дитё понукает* (рязанское); *Выговаривают клад, када сватали. За мене муж дал рубли и наплиновую юбку с кохточкой, хороший платок; без клада нельзя* (донское).

Просторечие — это социальная разновидность русского языка, которая обладает несистемными свойствами единиц языка, нахождением их вне норм литературного языка и отсутствием территориальной закреплённости. Просторечие характерно для единиц всех языковых уровней. Например: *Кто это положил ложку на тубаретку?* — *Маруська длинная* ('высокого роста'). — *А где она?* — *На вызовах. Юбку поширше нацепила, кохту, без пальта пошла. Показать — ничем не нуждаюсь. Надоумили чтобы без верхнего.*

Дальнюю периферию составляют жаргоны и аргот. Жаргон, или профессиональная речь, — разновидность

речи какой-либо профессиональной группы людей (моряков, летчиков, спортсменов и т.п.). Например: *дэмбель* 'военный, служащий по приказу до демобилизации', *черпак* 'прослуживший в армии год'. Современный молодежный жаргон нередко называют сленгом: *Клёво! Прикол!* 'хорошо'; *облом* 'неудача'; *тащиться* 'испытывать удовольствие'.

Арго — разновидность речи асоциальной группы. Например, уголовного мира в его различных социально-вариантных формах: *дятел* 'дурак', *масть* 'везение, удача', *нарисовать* 'запомнить', *де-лать лыжи* 'совершать побег'¹.

Следует различать понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы». Литературный язык — это нормированная книжно-письменная речь в своих функциональных стилях. Язык художественной литературы — это авторская речь, в которую могут быть включены и диалектная, и просторечная речь, авторские новообразования, изменения и приращения значений слов и т.д. Например, в речи В. Шукшина: *Мечтяк коньячишко*, — *похвалил он*. Значение уничижительности суффикса *-ишк-о* в просторечном слове *коньячишко* снимается за счет позитива слова *мечтяк*. Или: *Ловкий мужичок, проворный и себе на уме*. Одобрительность слов *ловкий, проворный мужичок* нейтрализуется негативным значением *себе на уме*, что значит 'хитер, скрытен, не обнаруживает своих мыслей, намерений'. Или в поэзии Н. Гумилева: *Он злобен, но не злобой святотатца, И нежен цвет его атласной кожи*. Слово *атласная*, употребленное метафорически, значит 'гладкая, блестящая, но неживая, неестественная'. Или: *Здесь не жарко, С моря веют белобрысы туманы. Белобрысы* в поэтике Гумилева означает 'светлого цвета, прозрачный'. См. диалектизмы в речи М. Шолохова: — *Теперича* ('теперь') *самое светок лазоревый* ('степной тюльпан'), *что ж держать — аль мало перестарков в девках кулюкают* ('сидят в старых девах')? — *выступила Василиса...* — *За нашу наезжали* ('приезжали') *ишо* ('еще') *на провесне* ('ранней весной').

«Художественное произведение рассматривается как единостная форма, как символ, смысловые разрешения которого трансфинитны ('бесконечны'. — Е.Д.), но замкнуты в строго очерченную сферу. Определение этой сферы и направленности включенных в нее значений устанавливается путем снятия покровов со структуры, путем раскрытия ее оболочек»².

Исследовательский стиль языка XX в. имеет свои особенности:

— антропоцентризм языка приводит к пониманию того, что язык — «дом нашего бытия»; язык — это созданное, создава-

¹ См. подробнее в разделе «Лексикология». — С. 339–342.

² Виноградов В.В. О языке художественной прозы. — М., 1980. — С. 92.

емое и используемое в интересах человека средство общественной коммуникации, в которой он и создатель, и пользователь;

— осознание социализированности языка — его зависимости от общественного устройства эпохи, следствием чего явились терминологические новации — язык эпохи и языковой стиль эпохи;

— развитие самопознания культуры во 2-й половине XX в. актуализировало понимание национальной специфики языка, что в наибольшей степени отражается в расширении информативности лексикона — слов и фразеологизмов;

— понимание языка как самоорганизующейся системы, преобразования которой определяются законом среднего уровня информации языковых единиц.

«Каждая знаковая система требует определенного среднего уровня той информации, которую несут ее знаки в определенную эпоху. Так и в языке: если... единицы... имеют уровень информации, который слишком высок для нового времени, для новых поколений... — то работает механизм его снижения. Если единицы языка имеют уровень информации, недостаточно высокий для общества в новых условиях... — то работает механизм его повышения»¹. Самоорганизация языковых единиц проявляется на разных уровнях языка: система гласных упрощается при осложнении системы согласных (М. В. Панов); именам существительным, прилагательным и числительным свойственно стремление к упрощению новых образований — появление аналитических прилагательных типа *беж* (А. А. Реформатский), несклоняемых существительных типа *метро* и др. На протяжении трех веков усложняются морфемный состав глагольных форм — бесприставочные причастия типа *верстанный* исчезают, на смену им приходят приставочные причастия типа *сверстанный*, в которых глагольный компонент значения поддерживает приставка (М. В. Панов).

В наибольшей степени соблюдение уровня информативности для данного времени свойственно лексике и синтаксису. Словарный состав языка является наиболее открытой саморазвивающейся системой, живо реагирующей на все изменения в обществе: он непрерывно пополняется новыми «запросными» словами (*радионаводка, танкодром, менеджер, файл* и др.) и переводит в пассив имена устарелых предметов и явлений (*кринолин, булава 'жезл', крепостничество* и др.). Синтаксис также отражает накопление сведений о положении дел в осваиваемом мире: в современном русском языке для осложненного простого предложения (по сравнению с классической прозой) характерно снижение употребления развернутых обособленных оборотов, однородных членов

¹ Панов М. В. Динамика русского языка в XVIII—XIX—XX вв. // Семантика языковых единиц. — М., 1998. — С. 31.

предложения и повышение числа вставочных конструкций (*На стене знакомая ученая роспись — геометрия, что ли? — облезла и потрескалась* (В. Тендряков)); развитие парцелляции — представления одного предложения несколькими самостоятельными единицами (*И как это я раньше жил без всего этого? Без Стравинского! Без Сезанна!* (газ.)); сегментация — отчленение какой-либо части предложения, оформленной как самостоятельная лексико-синтаксическая конструкция (*Вот чеховский рассказ «Попрыгунья», о чем он?* (Ф. Абрамов)) и т. д. Основной тенденцией развития синтаксического строя в настоящее время является тенденция к аналитизму — синтаксической несогласованности конструкций, широкому вхождению устных конструкций, различного рода экспрессивных структур (*Иголки, они все такие*) и др., что способствует появлению новых синтаксических моделей, обладающих большей семантико-стилистической значимостью (Н. Ю. Шведова, О. А. Лаптева).

ЧАСТЬ **I**

**ФОНЕТИКА И ОРФОЭПИЯ
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ
ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
МОРФЕМИКА
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ**

ФОНЕТИКА

Фонетика (от греч. *phōnē* — ‘звук’, *phōnētikos* — ‘звуковой’) — учение о звуковой стороне языка. Это наука, изучающая звуки и их закономерные чередования, а также ударение, интонацию, особенности членения звукового потока на слоги и более крупные отрезки. Фонетикой называют также и саму звуковую сторону языка.

Фонетика занимает особое место среди лингвистических наук. Лексикология и грамматика изучают смысловую сторону языка, значения, заключенные в словах, предложениях и в значимых частях слова — морфемах. Фонетика же имеет дело с **материальной** стороной языка, со звуковыми средствами, лишенными самостоятельного значения. Например, союз *а* — это слово, имеющее противительное значение, но звук [а] этого значения не имеет.

Фонетическая система языка может быть представлена в ее современном состоянии. Установление звуковой системы языка на определенном этапе ее развития — это задача **описательной** фонетики.

На протяжении эпох язык изменяется, изменяется и его звуковая система. Исследование того, как происходило это изменение, какие звуковые единицы были в языке прежде и чем они заменялись потом, как менялись чередования звуков в разные эпохи, составляет предмет **исторической** фонетики.

Бывает необходимо (например, при изучении чужого языка) сравнить звуковой строй разных языков, установить сходство и различия между ними. Сопоставление изучаемого и родного языков в первую очередь нужно для того, чтобы понять особенности чужого языка. Но такое сопоставление проливает свет и на закономерности родного языка. Иногда сравнение родственных языков помогает проникнуть в глубь их истории. Такое изучение нескольких языков входит в задачу **сопоставительной** фонетики.

Предметом исследования **общей** фонетики является то, что свойственно звуковой стороне всех языков. Общая фонетика изучает строение речевого аппарата человека и использование его при образовании звуков речи, рассматривает закономерности изменения звуков в речевом потоке, устанавливает классификацию звуков, соотношение звуков и абстрактных фонетических единиц — фонем, устанавливает общие принципы членения звукового потока на звуки, слоги и более крупные единицы.

АРТИКУЛЯЦИОННАЯ ФОНЕТИКА

Артикуляционная характеристика звуков речи. Речевой аппарат

Звуки речи образуются в результате определенной работы речевого аппарата. Движения и положения органов речи, необходимые для произнесения какого-либо звука, называются артикуляцией этого звука (от лат. *articulare* — ‘членораздельно выговаривать’). Артикуляция звука строится на согласованной работе различных частей речевого аппарата.

Речевой аппарат — это совокупность органов человека, необходимых для производства речи (рис. 1).

Нижний этаж речевого аппарата состоит из дыхательных органов: легких, бронхов и трахеи (дыхательного горла). Здесь возникает воздушная струя, которая участвует в образовании колебаний, создающих звук, и передает эти колебания во внешнюю среду.

Средний этаж речевого аппарата — гортань. Она состоит из хрящей, между которыми натянуты две мускулистые пленки — голосовые связки. При обычном дыхании голосовые

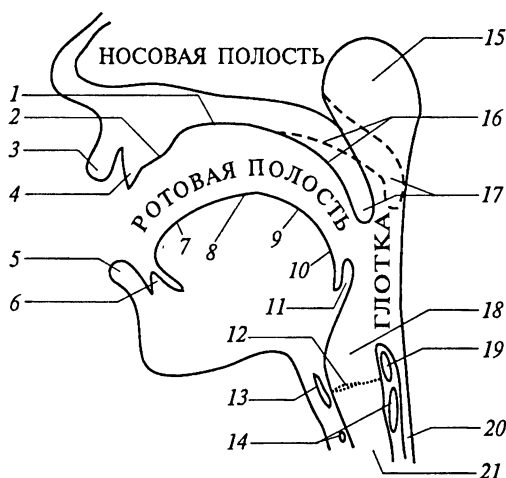

Рис. 1. Речевой аппарат:

1 — твердое небо; 2 — альвеолы; 3 — верхняя губа; 4 — верхние зубы; 5 — нижняя губа; 6 — нижние зубы; 7 — передняя часть языка; 8 — средняя часть языка; 9 — задняя часть языка; 10 — корень языка; 11 — надгортанник; 12 — голосовая щель; 13 — щитовидный хрящ; 14 — перстневидный хрящ; 15 — носоглотка; 16 — мягкое небо; 17 — язычок; 18 — гортань; 19 — черпаловидный хрящ; 20 — пищевод; 21 — трахея

связки расслаблены и воздух свободно проходит через гортань. Такое же положение голосовых связок при произнесении глухих согласных. Если же голосовые связки сближены и напряжены, то при прохождении через узкую щель между ними струи воздуха они дрожат. Так возникает голос, участвующий в образовании гласных и звонких согласных.

Верхний этаж речевого аппарата — органы, находящиеся над гортанью. Непосредственно к гортани примыкает глотка. Верхняя ее часть называется носоглоткой. Полость глотки переходит в две полости — ротовую и носовую, которые разделены нёбом. Передняя, костная часть его называется твердым нёбом, задняя, мускулистая называется мягким нёбом. Вместе с маленьким язычком мягкое нёбо называется нёбной занавеской. Если нёбная занавеска приподнята, то воздух идет через рот. Так образуются ротовые звуки. Если нёбная занавеска опущена, то воздух идет через нос. Так образуются носовые звуки.

Полость носа — неизменяемый по объему и форме резонатор. Ротовая полость может менять свою форму и свой объем благодаря движениям губ, нижней челюсти, языка. Глотка меняет форму и объем за счет движения тела языка вперед и назад.

Большей подвижностью обладает нижняя губа. Она может смыкаться с верхней губой (как при образовании [п], [б], [м]), сближаться с ней (как при образовании английского [w], известного и русским диалектам), сближаться с верхними зубами (как при образовании [в], [ф]). Губы могут округляться и вытягиваться в трубочку (как при образовании [у], [о]).

Наиболее подвижный орган речи — язык. Выделяют кончик языка, спинку, которая обращена к нёбу и подразделяется на переднюю, среднюю и заднюю части, и корень языка, обращенный к задней стенке глотки.

При образовании звуков одни органы ротовой полости играют активную роль — они совершают основные движения, необходимые для произнесения данного звука. Другие органы пассивны — они неподвижны при образовании данного звука и являются тем местом, где активный орган создает смычку или щель. Так, язык всегда активен, а зубы, твердое нёбо всегда пассивны. Губы же и нёбная занавеска могут играть активную или пассивную роль в образовании звуков. Так, при артикуляции [п] нижняя губа активна, а верхняя пассивна, при артикуляции [у] активны обе губы, а при артикуляции [а] обе пассивны.

Методы артикуляционных исследований

Артикуляцию звуков можно изучать методом самонаблюдения. Так, можно анализировать свое мышечное чувство и таким образом определять способы образования звуков. Легко

понять, как работают губы при произнесении разных звуков: когда они вытягиваются в трубочку, когда нижняя губа смыкается с верхней губой или сближается с верхними зубами. Можно обнаружить и движения и положение языка при произношении звуков, особенно если сравнивать попарно артикуляцию различных звуков. Зеркало поможет взглянуть на себя со стороны: увидеть артикуляцию губ, заглянуть себе в рот. Зажженная свеча укажет на силу выдоха, его место: рот (посередине или сбоку) или нос.

Артикуляцию можно изучать и при помощи инструментальных методов. Киносъемка помогает установить движение губ. Фотографируя после произнесения разных звуков язык, зубы и нёбо, смазанные специальным составом, определяют площадь смыкания языка с нёбом и зубами. Такие фотографии языка называются лингвограммами, фотографии нёба — палатограммами, фотографии зубов — одонтограммами. Применяют для этого и искусственное нёбо — специально изготовленную для каждого испытуемого тонкую пластмассовую пластину с датчиками, позволяющими определить места прикосновения языка. Профили органов речи при артикуляции изолированных звуков получают на рентгеновских снимках или томограммах. Заглянуть в глотку и увидеть работу гортани помогает ларингоскоп — зеркальце на длинной тонкой ручке или эндоскоп — тонкая трубка, снабженная оптической системой и лампочкой на конце. Движение голосовых связок регистрирует и электронный глоттограф, приставляемый к шее в области гортани.

АКУСТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА

Акустические свойства звуков речи

Звук — это волновые колебания упругой среды — воздуха, воды и др., которые могут вызывать слуховые ощущения. Такие колебания обычно возникают в результате колебаний какого-либо тела: колокола, струны музыкального инструмента, голосовых связок человека и т.п. Колеблющееся тело непрерывно образует упругие волны, состоящие из последовательных сгущений и разрежений молекул воздуха или другой среды. Эти волны достигают нашего уха, и мы слышим звук. Звуки отличаются друг от друга высотой, силой, длительностью и тембром.

Высота звука зависит от частоты колебаний: чем выше частота колебаний в единицу времени, тем выше звук; чем меньше приходится колебаний на это время, тем звук ниже. За единицу частоты звука принят герц (сокращенно — Гц, по имени немец-

кого физика Р. Г. Герца) — одно колебание в секунду. Человеческое ухо способно воспринимать звуки в диапазоне от 16 до 20 000 Гц. Звуки ниже 16 Гц (инфразвуки) и выше 20 000 Гц (ультразвуки) мы не слышим, хотя некоторые животные: дельфины, летучие мыши, собаки, лисы и др. — слышат и эти звуки.

У каждого человека своя средняя высота звуков речи. По ней определяется такая характеристика певческих голосов, как тенор, баритон, бас у мужчин, сопрано, меццо-сопрано, контральто у женщин. Изменение высоты звуков в процессе речи является основой интонации. Во многих языках изменением высоты звука выделяется ударный слог.

Сила звука зависит от амплитуды (размаха) колебаний: чем больше амплитуда, тем сильнее звук. С силой звука связана его громкость. Если чуть-чуть тронуть струну гитары, возникнет слабый звук, но если сильно оттянуть и затем отпустить струну, то звук будет гораздо громче: амплитуда колебаний струны в этом случае больше.

Единицей измерения силы, интенсивности звука является децибел (сокращенно — дБ, по имени американского физика А. Г. Белла). Порог слышимости — 0 дБ (децибел), шепот — 10–20 дБ, обычная речь — 40–60 дБ, шум на улице крупного города — более 80 дБ, близкий удар грома — 120 дБ, порог болевого ощущения в ушах — 130 дБ, рев космического корабля на расстоянии 45 метров — 180 дБ.

В речи мы пользуемся звуками разной силы. Это зависит, например, от условий общения: люди, стоящие рядом и находящиеся на некотором расстоянии друг от друга, должны произносить слова с разной громкостью. Большая громкость отражает и эмоциональность речи. Гласные безударные — менее сильные (громкие), а ударные — более сильные (громкие).

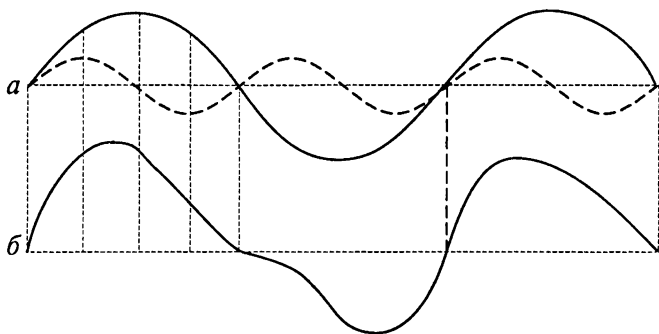
Длительность звука — это его продолжительность во времени. Длительность звуков речи измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах (мс). В некоторых языках (английском, немецком, французском, чешском и др.) различаются долгие и краткие ударные гласные. В русском языке ударные гласные длительнее безударных. Так, длительность ударного [а] в слове *сад*, произнесенном в нормальном темпе, может составлять 150 мс, длительность первого гласного в слове *сады* — 100 мс, а длительность первого гласного в слове *садовод* — 50 мс.

Тембр звука — это индивидуальная особенность, окраска звука, определяемая его спектром, соотношением между основным тоном и обертонами.

Если оттянуть и отпустить натянутую струну, то она начнет колебаться. Возникнет звук. Если прижать струну посередине и заставить колебаться оставшуюся часть, мы услышим звук, который в два раза выше основного тона струны: частота колебаний по-

ловинки струны в два раза больше, чем всей струны. Но и когда мы не прижимаем струну посередине, то кроме основного колебания всей струны колеблются ее половинки, и четвертые части, и восьмые и т.д. В результате на основной тон накладываются тоны, образуемые колебаниями частей струны. Эти тоны называются **дополнительными тонами** или **обертонами**.

Основное свойство обертонов заключается в том, что их частота всегда в кратное число раз выше частоты основного тона, а сила тем слабее, чем выше частота. Это соотношение основного тона и обертонов может меняться в результате усиления или ослабления некоторых из них в резонаторе:

a — кривые тона и обертона; *б* — сложный тон

Всякий объемный резонатор — это полое тело, например пустая комната, морская раковина, деревянный корпус гитары, труба органа. У каждого резонатора своя форма и объем и своя частота колебаний. Если рядом с резонатором возникает звук, частота которого совпадает с частотой резонатора, звук станет намного громче, так как колебания воздуха, представляющие собой этот звук, усилятся в результате ответных колебаний стенок резонатора. Это явление называется **резонансом**.

В сложном звуке, представляющем собой сочетание основного тона и обертонов, один резонатор может усилить основной тон, а другой резонатор — усилить один или несколько обертонов. В результате возникнут звуки разных тембров. Так, звучание одной и той же струны в гитаре, мандолине, балалайке будет различным: разные резонаторы этих музыкальных инструментов создадут звуки разных тембров.

Резонатор может не только усиливать, но и глушить некоторые составляющие звука. Известно, что в пустой комнате звуки усиливаются, а в комнате, заставленной мебелью, глушатся. Гладкая твердая поверхность стенок резонатора отражает звук, а рыхлая мягкая — поглощает.

Наша ротовая полость, носовая полость и глотка тоже резонаторы. Вытягивая или растягивая губы, опуская нижнюю челюсть, перемещая язык в ротовой полости, подключая носовую полость, мы меняем объем и форму речевого резонатора и усиливаем таким образом разные составляющие сложного звука, возникшего в гортани или ротовой полости. Так возникают звуки речи.

При произнесении гласных напряжение мышц разлито по всей ротовой полости, стенки ротового резонатора гладкие, они хорошо отражают звук, как стены пустой комнаты. При произнесении согласных напряжение мышц сосредоточено в одном месте ротовой полости, а в других ее частях мышцы расслаблены. Здесь стенки рыхлые, и, как в комнате с мебелью, они поглощают звук.

Бывают колебания периодические, они создают тон, музыкальный звук. Так, гласные — это чисто тоновые звуки. Другие колебания — непериодические, они создают шум. Согласные характеризуются наличием шума.

Методы акустических исследований

Акустическая сторона речи изучается инструментальными методами. С помощью звукозаписывающей аппаратуры речь может быть зафиксирована и воспроизведена. Звучащую речь можно увидеть на экране компьютера в виде отображения акустических характеристик звуковых сигналов. Осциллограмма дает изображение изменяющейся во времени звуковой волны, где в свернутом виде представлена информация о составляющих звук частотах и их интенсивности. На осциллограмме хорошо видны отличия между разными гласными, различными типами согласных. По осциллограммам обычно измеряют длительность звуков или их отдельных участков (рис. 2).

Спектрограмма представляет спектр звуков — изображение всех частот звука с их амплитудами. Такое изображение может соответствовать мгновенному спектру звука, взятому в одной из

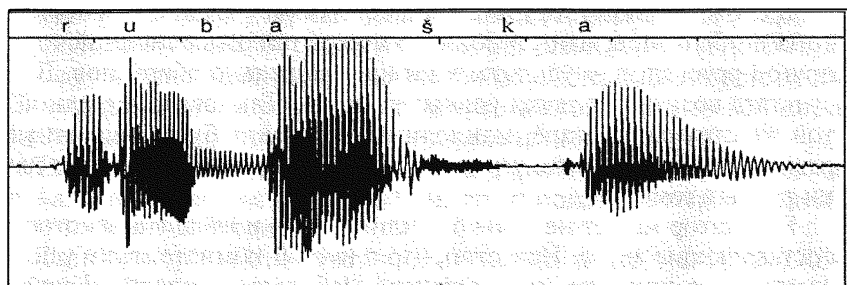

Рис. 2. Осциллограмма слова *рубашка*.

Знаки транскрипции обозначают начало соответствующих звуков

его точек (рис. 3). Динамическая спектрограмма, или сонограмма, представляет изменяющийся во времени спектр звуков, т.е. отражает часть речевого потока — один звук или последовательность звуков (рис. 4).

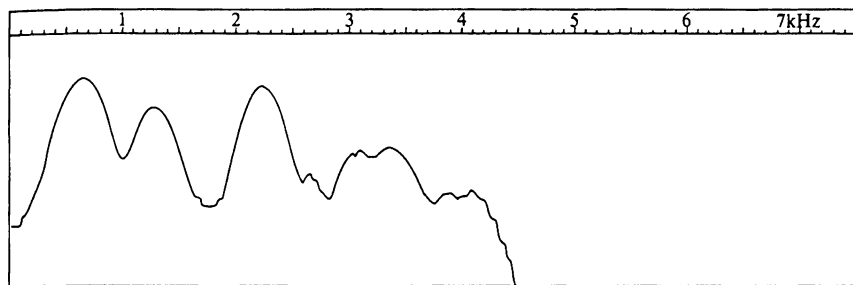

Рис. 3. Спектральный срез ударного [а] в слове *рубашка*. Место среза указано вертикальной чертой на динамической спектрограмме

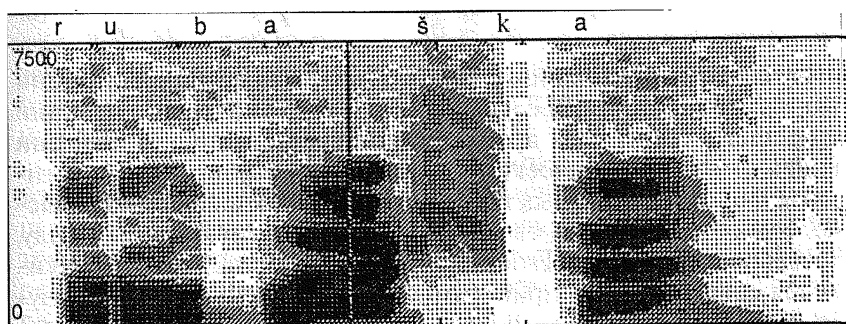

Рис. 4. Динамическая спектрограмма (сонограмма) слова *рубашка*

Интонограмма показывает изменение тона на отрезке речевого потока (рис. 5).

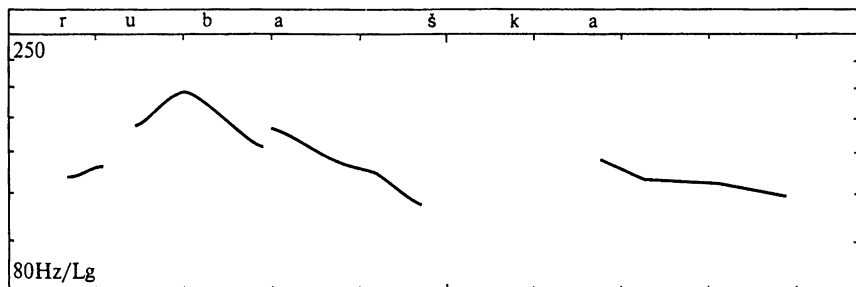

Рис. 5. Интонограмма слова *рубашка* (изолированное произнесение слова)

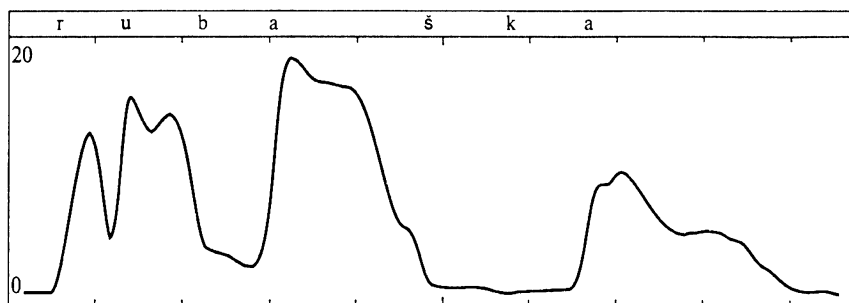

Рис. 6. Огибающая интенсивности слова *рубашка*

Огибающая интенсивности показывает интенсивность звуков и переходов от одного звука к другому на отрезке речевого потока (рис. 6).

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ФОНЕТИКА

Звучащая речь изучается с двух разных точек зрения: с позиции говорящего и с позиции слушающего. Изучением речи с позиции говорящего занимается артикуляционная фонетика, с позиции слушающего — акустическая и перцептивная фонетика. Акустическая фонетика описывает звучащую речь как физическое явление, имеющее в каждой своей точке определенную частоту, силу, длительность и спектр. Эти параметры достаточно точно фиксируются современными приборами. Но есть еще один аспект изучения звучащей речи — то, как она воспринимается не акустическими приборами, а другими людьми. Этим занимается перцептивная фонетика (от лат. *perceptio* — ‘восприятие’). Предмет перцептивной фонетики — восприятие речи слушающими, установление соотношения между произнесенными звуками и услышанными.

Факторы, влияющие на восприятие речи

Разрешающие способности человеческого слуха ограничены, мы можем воспринимать и различать далеко не все звуки. Так, уже говорилось выше, что человек способен воспринимать звуки, различные по высоте, в диапазоне от 16 до 20 000 Гц. Звуки более низкие и более высокие мы не слышим. Человеческое ухо обычно способно отличить один звук от другого, если разница между ними не меньше полутона — одного из двенадцати звуков музыкальной октавы (частоты крайних из них

соотносятся, как 1:2). Но музыкально одаренные люди различают и более близкие по частоте звуки.

Разница в длительности между звуками менее 10 мс совершенно незаметна для говорящих. Вполне достаточна для определения качества отдельного звука величина 30 мс. Существует и предел скорости говорения, при которой речь остается разборчивой: длительность звуков, исключая отдельные звуки в потоке речи, не должна быть менее 50 мс.

Сила, интенсивность звука — это его физическая величина, громкость звука — это его восприятие человеком. Громкость звука связана не только с его интенсивностью, но и с высотой. При одной и той же интенсивности звуки разной высоты воспринимаются как разные по громкости: увеличение высоты звука до 5000 Гц воспринимается как уменьшение его громкости, а от 5000 до 9000 Гц — как увеличение громкости.

То, что человек слышит и воспринимает, зависит не только от характера звука, но и от ряда других причин. Одна из них — языковой опыт слушающего. Звуки родного языка узнаются достаточно хорошо. Если же это звуки чужого языка или даже другого диалекта своего языка, отличающиеся от привычных звуков, они могут идентифицироваться с трудом. Часто непонимание связано не с незнанием слова, а с необычным с точки зрения слушателя его звучанием.

На степень разборчивости речи влияют условия общения, которое может происходить при наличии посторонних, мешающих пониманию звуков: шум от уличного движения транспорта, музыка, звуковые помехи при телефонном разговоре, одновременный разговор нескольких собеседников, большое расстояние между говорящими, например, находящимися в разных комнатах. В результате таких помех могут возникать ослышки — неверно воспринятые слова; например:

произнесено	услышано
<i>в горáх</i>	<i>в Гáграх</i>
<i>вы́нула</i>	<i>вы́мыла</i>
<i>голубо́к</i>	<i>глубо́к</i>
<i>граница</i>	<i>бранится</i>
<i>из Ита́лии</i>	<i>и дета́ли</i>
<i>к набо́говому</i>	<i>на ло́гово</i>
<i>к онко́логу</i>	<i>Гонко́нг</i>
<i>мемориáл</i>	<i>Монреáль</i>
<i>на́ голову</i>	<i>на́глого</i>
<i>сдал</i>	<i>ждал</i>
<i>с сы́ром</i>	<i>сыры́м</i>
<i>чита́ешь</i>	<i>счита́ешь</i>
<i>Та́ня была</i>	<i>та́ не была</i>

*то́лстый немнóжко
у нѣх дóм вѣше
я вóду закрóю*

*с то́лстыми нóжками
у нѣх дóма мѣши
я рóт закрóю*

Анализ ослышек помогает выявить некоторые стороны фонетической системы языка. Так, выделяются «ключевые» звуки, которые редко заменяются другими звуками, и звуки, легко заменяющие друг друга. Опорой узнавания фрагмента речи является и его ритмическая схема — распределение разных по силе гласных. Так, в русском литературном языке свистящие и шипящие согласные при ослышках часто заменяют друг друга и реже заменяются другими согласными, точно так же сонорные согласные легче заменяют друг друга, чем заменяются шумными согласными. Гласные безударных слогов, кроме первого предударного, очень краткие, поэтому при ослышках они могут заменять друг друга либо вовсе не восприниматься. Гласный же первого предударного слога по силе и длительности может быть равным ударному гласному, и это тоже проявляется в ослышках.

На восприятие речи влияет смысловой контекст, он может вызывать ожидание появления определенного слова. И если это слово будет произнесено нечетко, с отсутствующими звуками или даже другими похожими звуками, все равно оно будет узнано. Так, в одном эксперименте по опознаванию слов, искусственно произведенных синтезатором — устройством по переводу письменного текста в звучащий, слово *хорошо* узнавалось вполне правильно, хотя в нем звук [р] не был синтезирован, а заменялся перерывом в звучании гласных. Для человека, знающего русский язык, [р] в этом слове предсказывался остальными звуками. В разговорном языке в словах могут не произноситься как отдельные звуки, так и целые звуковые блоки, однако понимание при этом сохраняется: *в[а]бщѣ* — *вообще*, *п[ии]сѣт* — *пятьдесят*, *ты[ш']а* — *тысяча*, *здра[с']те* — *здравствуйте*, *Пал Ывѣнч*, *Сан Санч*.

Перцептивные эталоны

В памяти человека существует ограниченное число звуков языка в виде определенных эталонов этих звуков. Эталоны эти имеют зонную природу. Это значит, что каждому эталону соответствует не один конкретный звук, а множество близких, но отличающихся друг от друга звуков. Если измерить акустические параметры каждого звука одного и того же слова, произнесенного разными людьми, то окажется, что звуки эти будут отличаться по силе, длительности, высоте тона, тембру. Но отличия эти несущественны для слушающих, которые всегда в этом слове выделяют и опознают одни и те же звуки. Серия опытов помогает определить границы таких зон *р а с с е и в а н и я*, в пределах кото-

рых разные конкретные звуки опознаются слушающими как один и тот же звук. Зонную природу имеют также и такие единицы, как ударение и интонация.

Между зонами рассеивания отдельных звуков существуют промежутки — зоны безопасности. В процессе речи говорящие должны избегать произношения звуков в зонах безопасности, но иногда могут произнести конкретные звуки и в этой зоне. В этом случае возникают трудности для слушающих, которые в процессе восприятия должны отнести произнесенный звук к одной из соседних эталонных зон рассеивания. Такая ситуация — один из источников возникновения ослышек.

Эталоны звуков в каждом языке свои, зоны рассеивания звуков могут в разных языках не совпадать, что зависит от особенностей фонетических систем этих языков. Так, для русского языка твердость и мягкость согласного — существенные признаки, согласные, отличающиеся этими признаками, имеют свои зоны рассеивания, слушающие определяют твердые и мягкие согласные как разные звуки. Но есть и такие языки, например английский, немецкий, французский, в которых твердость/нетвердость согласного — признаки несущественные, носители этих языков относят твердые и нетвердые согласные звуки к одной и той же зоне рассеивания, т.е. считают их одним и тем же звуком.

Методы перцептивных исследований

Основная задача перцептивной фонетики — установить отношение между звуками, произнесенными без всяких помех, и звуками воспринятыми. Поэтому эксперименты по восприятию звуков проводят в специальных звукоизолированных помещениях. Чтобы исключить влияние семантики, часто предлагают испытуемому, или, как их называют, аудиторам, псевдослова, логотопы — искусственные слова, не обладающие значением в данном языке, либо слова, неизвестные аудиторам.

В качестве предъявляемых аудиторам для опознавания звуковых сегментов используются слова или фразы, начитанные на магнитофон специально подобранными дикторами либо искусственно синтезированные. Эти слова или фразы могут предъявляться целиком, либо из них могут быть вырезаны отдельные части: слоги или звуки, которые и предъявляются аудиторам. При этом задания могут быть в виде требования определить, какой это звук, слог или слово, где стоит ударение, каково движение тона во фразе. Другой вид задания, когда аудиторам предъявляются пары звучащих сегментов (звуковых стимулов) и дается задание определить, одинаковы они или различны, какие пары ближе друг к другу, а какие дальше. Таким образом, основные виды перцептивных

заданий — опознание, различение и сравнение предъявляемых звуковых стимулов.

При подготовке звуковых стимулов для аудирования исследователь может производить пересадку сегментов в другой звуковой контекст, например, в записанных на магнитофонную ленту словах *мёд* и *мот* вырезать гласные, поменять их местами и предъявить полученные слова аудиторам. Еще один способ определить характер звука — прослушать его наоборот: от конца к началу.

В ходе эксперимента некоторые параметры звуков могут быть изменены при помощи особых компьютерных программ. Так, например, исследуется порог, до которого звук воспринимается как краткий и выше которого он начинает восприниматься как долгий, определяется уровень тона, при котором повествовательное предложение начинает восприниматься как вопросительное.

Оценка звуковых стимулов может носить вероятностный характер, когда в эксперименте участвуют несколько аудиторов и их оценки не всегда совпадают.

Звуковой символизм

М. В. Ломоносов писал: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; уачение письмен *е, и, ѣ, ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через *о, у, ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль». В одном опыте маленьким детям показали две матрешки, отличающиеся размером: одна большая, другая совсем маленькая. Сказали: «Вот две сестрички, одну зовут А, другую — И. Отгадай, какую зовут И». И большинство детей показали на маленькую матрешку.

Многие люди связывают звуки, чаще всего гласные, с определенным цветом. Так, звуку [а] обычно соответствует красный цвет, [о] — светло-желтый, [и] — голубой, [э] — желто-зеленый, [у] — сине-фиолетовый, [ы] — темно-коричневый. Противопоставление согласных чаще строится на других признаках: светлый — темный, маленький — большой, хороший — плохой и др.

Все звуки противопоставлены друг другу по тону: есть звуки высокие и низкие. Низкие звуки образуются в большей по объему и менее расчлененной ротовой полости, высокие — в меньшей по объему и более расчлененной. Так, гласные [и], [э], образующиеся в передней части полости рта, высокие, а непередние гласные [а], [о], [у] низкие; согласные, периферийные по месту образования, т.е. губные и заднеязычные, низкие, а согласные цент-

ральные, т.е. передне- и среднеязычные, высокие (исключение — низкий [л]). С высокими звуками связаны представления о светлом, высоком, легком, тонком, гладком, горячем, с низкими звуками — о темном, глубоком, тяжелом, толстом, шероховатом, холодном.

В различных опытах аудиторам предлагалось описать при помощи этих признаков логотомы, составленные из высоких звуков (например, *дичёс, незйч, терйлья, дес, тин*) и из низких звуков (например, *букóф, мову́к, пум, вумп, буф*). Большинство аудиторов слова первого типа описывали при помощи признаков из первой группы, а слова второго типа описывали при помощи признаков из второй группы.

Эту особенность звуков хорошо чувствуют и используют в своих стихах поэты. Вот начало стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро»:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Безмятежное, радостное, светлое настроение передается и преобладанием высоких звуков над низкими. Совсем иная эмоциональная тональность в стихотворении «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Здесь и иное соотношение высоких и низких звуков: низкие преобладают.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

Мы передаем нашу речь на письме. Но письмо не точное отражение речи. Мы пишем *мороз*, а произносим [марóс]. Одна и та же буква *о* здесь соответствует разным звукам. И наоборот, один и тот же звук может передаваться разными буквами. Так, *з* в слове *мороз* обозначает тот же звук, что и буква *с* в слове *нос*.

При изучении фонетики необходимо передавать на письме звучащую речь возможно более точно. Обычная орфографическая

запись для этого не подходит. Поэтому пользуются в этом случае особой записью, которая называется фонетической транскрипцией. Ее основные принципы: 1) каждая буква должна обозначать звук, не должно быть букв, не обозначающих звуков; 2) каждая буква должна обозначать один звук, а не сочетание звуков; 3) каждая буква должна обозначать всегда один и тот же звук. Отрезки фонетической записи пишутся в квадратных скобках.

Русская фонетическая транскрипция использует буквы русского алфавита. Но некоторые буквы в транскрипции не употребляются: *я, ю, е, ё* не отвечают второму и третьему принципам; *щ* может читаться по-разному и тоже не отвечает этим принципам; вместо *й* употребляется [й]. Буквы *ъ, ь* употребляются в транскрипции некоторыми лингвистами, но в особом значении. Звук [ъ] обозначает гласный, средний между [ы] и [а], произносящийся, например, на месте букв *о, а* во втором предупредном и заударном слогах: *п[ъ]рубѣть, п[ъ]русѣна, вѣп[ъ]лз, вѣп[ъ]л*. Другие лингвисты, как и в нашем учебнике, употребляют вместо [ъ] знак Международного фонетического алфавита [э] («шва»): *п[э]рубѣть, п[э]русѣна, вѣп[э]лз, вѣп[э]л*. Звук [ь] может обозначать гласный, близкий к [и], но менее напряженный. Однако разные лингвисты употребляют этот знак в разных значениях, поэтому в нашем учебнике, как и в некоторых других описаниях русской фонетики, этот знак не употребляется.

В языке звуков больше, чем букв алфавита. Поэтому в русской фонетической транскрипции используются буква латинского алфавита *j*: [jólka], [daǰu] и буква греческого алфавита *γ*, которая обозначает звонкий согласный, произносящийся, например, на месте *х* в словах *дву[γ]годѣчный, свер[γ]звуковой*; знак *л*, обозначающий звук, близкий к [о], но неогубленный, произносящийся частью говорящих на литературном языке, например, в первом предупредном слоге: [вадá], [трлвá]; знак [н̥], обозначающий носовой заднеязычный звук, встречающийся, например, в словах *фѣ[н̥]кция, бандѣ[н̥]гский*.

Кроме того, в транскрипции используются диакритические (надстрочные и подстрочные) знаки, которые указывают на следующие особенности звуков:

[с'] — мягкий согласный;

[с̣] — полумягкий согласный;

[с̌] — огубленный согласный;

[ĕ] — долгий согласный (в этом значении употребляется также знак [с:]);

[дз], [уо] — слитный звук: аффриката, дифтонг;

[т̚] — имплозивный согласный;

[л̚] — оглушенный сонорный согласный;

[л̣] — слоговой согласный;

[й̣], [ў̣] — неслоговой гласный;

[а] — гласный, отодвинутый назад; для обозначения сдвига гласного назад или вперед используются знаки [.] и [.] под буквой;
[·а] — гласный, продвинутый вперед и вверх в начале звучания;
[а·] — гласный, продвинутый вперед и вверх в конце звучания;
[ä] — гласный, продвинутый вперед и вверх на всем протяжении звучания;
[и^э] — звук, средний между [и] и [э], но ближе к [и], «открытый [и]», «[и], склонный к [э]».

СЕГМЕНТНЫЕ И СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Наша речь представляет собой поток звуков, звуковую цепь. Эта цепь членится на отрезки, отдельные единицы, выделяемые различными фонетическими средствами. В русском языке такими единицами являются фраза, фонетическая синтагма, фонетическое слово, слог и звук.

Фраза — это отрезок речи, объединенный особой интонацией и фразовым ударением и заключенный между двумя достаточно длительными паузами. Например, звуковая цепь *Было ветрено, сыро и скверно. || Дверь в сад была открыта, || на почерневшем от мокроты полу террасы высохали лужи ночного дождя* (Л. Н. Толстой) членится паузами на три фразы (границы между ними обозначены двумя вертикальными чертами).

Фраза соответствует относительно законченному по смыслу высказыванию. Однако ее нельзя отождествлять с предложением. Фраза — это фонетическая единица, а предложение — грамматическая, они относятся к разным уровням языка. Они и линейно могут не совпадать. Так, в приведенном примере в одном сложном предложении две фразы. Одно сложное предложение может соответствовать и одной фразе: *Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез* (Н. В. Гоголь); *Она не сводит глаз с дороги, что идёт через рощу* (И. А. Гончаров).

Фраза может члениться на фонетические синтагмы. Фонетическая синтагма также характеризуется особой интонацией и синтагменным ударением, но паузы между синтагмами не обязательны и они короче межфразовых пауз. Например, фраза *Было ветрено, | сыро | и скверно* состоит из трех синтагм (границы между ними обозначены одной вертикальной чертой).

Членение речевого потока на фразы и синтагмы обусловлено смыслом, значением, которое говорящий вкладывает в высказывание. Наличие оттенков значения отражается на допустимых колебаниях в членении речевого потока. Так, возможны варианты членения фразы на синтагмы; ср.: *На другой день вест о пожаре |*

разнеслась по всему околотку (А. С. Пушкин). — *На другой день | весть о пожаре | разнеслась по всему околотку.* — *На другой день | весть о пожаре | разнеслась | по всему околотку* (факультативные варианты членения на фонетические синтагмы выделяются пунктирной чертой). В некоторых случаях варианты членения фразы на синтагмы отражают разное значение; ср.: *Надо учиться, | работать | и отдыхать.* — *Надо учиться работать | и отдыхать;* *Как испугали её | слова брата.* — *Как испугали её слова | брата.*

Фонетические синтагмы, состоящие более чем из одного слова, характеризуются смысловой и синтаксической цельностью. Поэтому невозможно такое, например, членение на синтагмы: *на | другой день* или *на другой | день.*

Таким образом, фраза и фонетическая синтагма выделяются ритмико-интонационными средствами, членение речевого потока на фразы и синтагмы связано со смыслом и синтаксическим членением.

Фонетическая синтагма может состоять из одного или нескольких фонетических слов. Фонетическое слово — это отрезок звуковой цепи, объединенный одним словесным ударением. Фонетическое слово может соответствовать одному или нескольким лексическим единицам. Так, во фразе *В ту же ночь | широкая лодка | отчалила от гостиницы...* (И. С. Тургенев) три синтагмы, в каждой из которых по два фонетических слова. Одно фонетическое слово образуют сочетания *в ту же, от гостиницы.*

Фонетическое слово делится на слоги, а слоги, в свою очередь, — на звуки.

Звук, слог, фонетическое слово, фонетическая синтагма, фраза — это разные отрезки речевого потока. Такие линейные отрезки называются сегментными единицами. Звук — наименьшая сегментная единица. Каждая следующая по величине сегментная единица состоит из более мелких: слог из звуков, фонетическое слово из слогов, фонетическая синтагма из слов, фраза из синтагм.

Объединение сегментных единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря суперсегментным, или просодическим, единицам, которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся слоговость/неслоговость, ударение и интонация. Слог является и сегментной и суперсегментной единицей. Слог как сегментная единица представляет собой линейную последовательность звуков. Слог как суперсегментная единица представляет собой единство слогового и неслоговых звуков. Слоги объединяются в фонетическое слово благодаря словесному ударению. Фонетические слова объединяются в синтагмы благодаря синтагменному ударению и интонации. Интонация и фразовое ударение служат для объединения синтагм во фразе.

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Все звуки речи делятся на гласные и согласные. Различаются они артикуляционно и акустически.

Есть два источника звуков речи. Один — это колебания голосовых связок в момент прохождения через гортань струи воздуха. Это колебания периодические; они создают тон, музыкальный звук. Другой источник звуков речи — шум, непериодический звук; он возникает в результате преодоления воздушной струей различных препятствий.

При образовании гласных голосовые связки дрожат, но воздушная струя проходит через рот свободно, не встречая никаких препятствий. При образовании согласных воздушная струя преодолевает препятствие в ротовой полости. Этим основным артикуляционным различием между гласными и согласными обусловлены и другие их отличия. Так, гласные — это чисто тоновые звуки, а согласные характеризуются наличием шума. Для гласных характерна слабая струя воздуха, а для преодоления преграды при произнесении согласных необходима более сильная воздушная струя. При образовании гласных мускульное напряжение почти в равной мере распространяется по всей ротовой полости, а при образовании согласных мускульное напряжение сосредоточено в том месте, где возникает преграда (ср., например, звуки [и] и [j]).

Гласные — ртоскрыватели: чем громче мы их произносим, тем шире раскрываем рот. Согласные — ртосмыкатели: чем громче мы их хотим произнести, тем теснее должны сблизить органы речи. (Чтобы громче произнести [а], надо рот раскрыть шире; чтобы громче произнести [с], надо плотнее придвинуть язык к зубам.)

Классификация гласных звуков

Гласные — это чисто тоновые звуки. Возникнув в гортани в результате колебания голосовых связок, музыкальный тон, голос приобретает особый тембр в надгортанных полостях. Рот и глотка — это те резонаторы, в которых и формируются различия между гласными. Эти различия определяются объемом и формой резонирующих полостей, которые могут изменяться в результате движений губ, языка и нижней челюсти. Каждый гласный произносится при особом, свойственном только этому звуку положении органов речи.

Классификация гласных звуков основывается на трех признаках: участии губ, степени подъема языка по вертикали по отношению к нёбу, степени продвинутости языка вперед или отодвинутости назад по горизонтали.

По участию губ гласные делятся на огубленные (или лабиализованные) и неогубленные (или нелабиализованные). При образовании огубленных гласных губы сближаются, округляются и выпячиваются вперед, уменьшая выходное отверстие и удлинняя ротовой резонатор. Степень огубленности может быть различной: меньшая у [o], бо́льшая у [y]. Гласные [a], [э], [и], [ы] неогубленные.

По степени подъема языка по отношению к нёбу различаются гласные верхнего подъема: [и], [ы], [y]; среднего подъема: [э], [o]; нижнего подъема: [a]. При артикуляции гласных верхнего подъема язык занимает крайнее верхнее положение. Нижняя челюсть при этом обычно слегка отходит от верхней, создавая узкий раствор рта, поэтому гласные верхнего подъема называют также узкими. При артикуляции гласных нижнего подъема нижняя челюсть обычно опущена в крайнее нижнее положение, создавая широкий раствор рта, поэтому гласные нижнего подъема называют также широкими.

По степени продвинутости языка вперед или отодвинутости его назад по горизонтали различаются гласные переднего ряда: [и], [э]; среднего ряда: [ы], [a]; заднего ряда: [y], [o]. При артикуляции гласных переднего, среднего или заднего ряда язык концентрируется соответственно в передней, средней или задней части полости рта. Форма языка при этом бывает различна. При образовании гласных переднего ряда по направлению к передней части нёба приподнимается передняя часть языка. При образовании гласных заднего ряда приподнимается по направлению к задней части нёба задняя часть языка. А при образовании гласных среднего ряда язык либо приподнимается

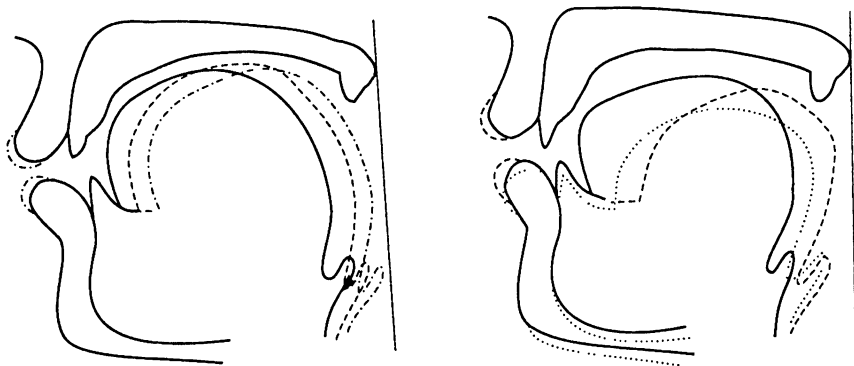

Рис. 7. Схемы артикуляции гласных:

—— [и]	—— [э]
---- [ы]	---- [o]
-·-·- [y]	 [a]

средней частью к средней части нёба, как бывает иногда при произнесении [ы], либо лежит плоско, как при произнесении [а] (рис. 7).

Простейшая таблица русских гласных такова:

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
верхний	и	ы	у
средний	э		о
нижний		а	

Но деление на три подъема и три ряда не отражает всего богатства гласных звуков. Так, кроме [и] есть еще звук, произносимый с несколько большей открытостью рта и чуть более низким подъемом языка. Этот звук называют «[и] открытый»; в более точной транскрипции это [и³], т.е. «[и], склонный к [э]». Есть «[э] закрытый» — звук, отличающийся от [э] несколько большей закрытостью рта и чуть более высоким подъемом языка; в более точной транскрипции это [э⁴] или [э̣]. Таким образом, **открытые и закрытые гласные** — это «оттенки» звуков, произносимые с несколько большей открытостью или закрытостью рта и несколько меньшим или большим подъемом языка.

Оттенки звуков можно рассматривать как особые звуки. Тогда и таблица гласных должна быть более детальна (хотя и в ней показаны, конечно, не все гласные русского языка):

Подъем	Ряд				
	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
верхний	и	й	ы		у
верхне-средний	и ³ э̣	ö	ы ³		
средний	э	э̣	э		о
средне-нижний		ä	а ³	а̣	
нижний			а		

Гласный [э] произносится, например, в словах *п[э]рохóд, гóр[э]д*. Изолированно его можно произнести, если образовать непрерывный ряд звуков от [ы] к [а] и остановиться посередине.

Гласные [ä], [ë], [ö], [ÿ] продвинуты вперед и вверх по сравнению с [a], [э], [o], [y]. Произносятся они между мягкими согласными: *пять* [п'ät'], *петь* [п'эт'], *тётя* [т'öt'э], *тюль* [т'үл'].

Гласный [э] произносится под ударением после твердых согласных: *м[э]р*, *ш[э]ст*.

Гласные [и³], [ы³], [а³] бывают только в безударном положении: [и³]*скри́ть*, *д[ы³]ши́*, *в[а³]да́*. У некоторых говорящих вместо [а³] звучит [л] — неогубленный гласный, по положению языка средний между [а] и [о].

Все ли гласные звуки отмечены в этой таблице? Конечно, нет. При более детальном рассмотрении обнаружатся и более тонкие позиционные зависимости звуков. Например, в словах *дам* и *дал* обычно транскрибируют один и тот же гласный [а]. Но в действительности здесь произносятся разные звуки: [а] среднего ряда в слове *дам* и [а] средне-заднего ряда в слове *дал*. Звук [л] вызывает сдвиг предшествующего гласного назад. В словах *дома́* и *дала́* обычно транскрибируют один и тот же предударный гласный [а³]. Но при более точной транскрипции следует различать [да³ма́] и [дла́]: звук [л] здесь воздействует на предударный гласный так же, как и на ударный.

Обычно не отмечается в транскрипции и различие между ударным и безударным [y]: [сундуку́], [ду́му]. Но в действительности при произношении безударного [y] язык не доходит до крайнего верхнего положения, место такого гласного в верхне-среднем ряду. Более точная транскрипция его [y°].

Влияют на качество гласных звуков и другие позиции, они могут быть выявлены при более тонком, чем это дано в нашем учебнике, фонетическом анализе.

Классификация согласных звуков

В характеристику согласных звуков входят пять основных признаков: место образования, способ образования, уровень шума (сонорность/шумность), глухость/звонкость, твердость/мягкость.

Место образования согласного зависит от того, какой активный орган совершает основную работу и с каким пассивным органом он смыкается или сближается. Это то место во рту, где воздушная струя встречает препятствие. Если активный орган — нижняя губа, то согласные могут быть губно-губными: [п], [б], [м] (пассивный орган — верхняя губа) и губно-зубными: [в], [ф] (пассивный орган — верхние зубы). Если активный орган — язык, то характеристика согласного зависит от того, какая часть языка — передняя, средняя или задняя — участвует в создании преграды и с каким пассивным органом — зубами, передней, средней или задней частью нёба — язык сближается либо смыка-

ется. Переднеязычные согласные бывают зубными, когда передняя часть языка направляется к зубам: [т], [д], [с], [з], [н], [л], [ц], и передненёбными, когда она направлена к передней части нёба: [р], [ш], [ж], [ч']. Среднеязычные одновременно всегда и средненёбные: [й], [й']. Заднеязычные либо средненёбные: [к'], [г'], [х'], [γ'], либо задненёбные: [к], [г], [х], [γ].

Способ образования согласного — это характеристика препятствия в полости рта на пути воздушной струи и способа его преодоления. Препятствие это бывает трех родов: либо полная смычка органов речи, либо щель между ними, либо дрожание активного органа. Поэтому все согласные делятся на смычные, щелевые и дрожащие.

Щелевые (или фрикативные, от лат. *fricatio* — ‘трение’) образуются в результате трения воздушной струи о края сближенных органов речи, образующих узкую щель. Щелевые срединные образуются посредине сближенных органов речи: [в], [ф], [з], [с], [ж], [ш], [й], [γ], [х]. При артикуляции щелевых боковых воздух протекает сбоку ротовой полости, между боковой частью языка и зубами: [л], [л'].

Смычные согласные включают момент полного прекращения протекания воздушной струи через ротовую полость. В зависимости от характера преодоления смычки смычные делятся на взрывные, аффрикаты, имплозивные, носовые.

При образовании взрывных согласных сначала происходит полная задержка воздушной струи и повышение в результате этого внутриротового давления, а затем резкое размыкание органов речи и прорыв воздушной струи в образовавшийся проход с характерным шумом.

Взрывные согласные могут быть двух типов: взрывные ротовые, когда воздух выходит через рот, — [п], [б], [т], [д], [к], [г] и взрывные глоточные, когда воздух выходит через нос после резкого отрыва нёбной занавески от задней стенки носоглотки, а смычка губ или языка и верхних зубов продолжается, — [п^м], [б^м], [т^н], [д^н]. Взрывные глоточные произносятся перед носовыми согласными того же места образования: *нэ*[п^м]*ман*, *су*[п^м]*молочный*, *о*[б^м]*ман*, *ня*[т^н]*ница*, *мо*[д^н]*ный* (приблизьте ладонь ко рту и произнесите: *нэп* и *нэпман*, *пя*ть и *пя*тница; вы почувствуете, как при произнесении [п] и [т'] воздух выходит изо рта, а при произнесении [п^м] и [т^н] нет). Взрывные глоточные иначе называются *фаукальными* (от лат. *faux* — ‘глотка’).

Образование аффрикат (или смычно-щелевых, слитных согласных), как и взрывных, начинается с полной смычки органов речи. Но на последней фазе сомкнутые органы не резко размыкаются, а только приоткрываются, образуя щель для выхода воздуха. Таковы, например, [ц], [ч']. Они иногда обозначаются

в транскрипции и иначе: [ц] как [т̪с], [ч'] как [т̪ш']. Такой способ обозначения указывает на неоднородность звука. Однако [т̪с] не равно [т+с] (как и [т̪ш'] не равно [т'+ш']): [т̪с] — один слитный звук, а [т+с] — два звука. По-разному произносятся сочетания *о целевой* и *от солевой*: в первом случае звук [ц] (= [т̪с]), во втором случае ему соответствуют два звука (то же *о цепной* и *отсыпной*, *о цыпке* и *отсыпке* и т. п.). Начальная и конечная фазы аффрикаты [т̪с] только напоминают звуки [т], [с], но не совпадают с ними полностью.

Различаются аффрикаты срединные и боковые. У срединных аффрикат после смычки органов речи щель для выхода воздуха образуется посредине рта: [ц], [ч'], у боковых аффрикат щель образуется сбоку языка: [т̪л], [д̪л]. Боковые аффрикаты произносятся на месте [т], [д], [т'], [д'] перед [л], [л']: *у[т̪л]лый, по[д̪л]лый, ня[т̪л'] лет, по[д̪л']линный*.

Имплозивные (или сомкнутые) согласные содержат только фазу смычки. У них нет второй фазы, как у взрывных и аффрикат. Имплозивные выступают на месте взрывных перед взрывными и аффрикатами того же места образования и на месте аффрикат перед такими же аффрикатами: *о[т̪]уда, по[д̪]ёлка, [к̪-к]ому́, о[т̪ц]а́, пла[т̪ ц]ёлый (плат и плац), не[т̪] ч'а́сто (нет и печь)*.

Носовые согласные характеризуются полным замыканием ротовой полости и одновременным опусканием нёбной занавески (мягкого нёба, оканчивающегося язычком); воздух свободно протекает через носовую полость: [м], [н], [ɲ]. Звуки [ɲ], [ɲ'] — носовые заднеязычные — редки в русском языке. Они произносятся на месте [н] [ɲ'] перед [к], [г] обычно в тех случаях, когда дальше следует согласный: *ну[ɲ]кти́р, ко[ɲ]грёсс, ко[ɲ]гнедой*.

Дрожащие согласные образуются путем вибрации, дрожания кончика языка и смыкания и размыкания его с альвеолами: [р], [р'].

По уровню шума (степени его интенсивности) согласные делятся на сонорные [р], [л], [м], [н], [j] и шумные [б], [в], [г], [д], [ж], [з], [к], [п], [с], [т], [ф], [х], [ц], [ч'], [ш] и др. Интенсивность шума у шумных согласных значительно выше, чем у сонорных. Объясняется это различиями в напряженности органов речи и в силе воздушной струи при произнесении сонорных и шумных согласных. Шумные согласные образуются при большем, чем у сонорных, напряжении мышц в том месте ротовой полости, где возникает преграда воздушной струе. Поэтому и сила воздушной струи, выходящей из ротовой полости во время речи, при произнесении шумных согласных гораздо больше, чем при произнесении сонорных.

Глухие и звонкие согласные определяются по отсутствию или наличию при их произнесении голоса (тона). Голос воз-

никает в результате того, что голосовые связки сближены и дрожат при прохождении струи воздуха. Так образуются звонкие согласные: [р], [л], [м], [н], [ј], [б], [в], [г], [д], [ж], [з] и др. Разница между звонкими сонорными и звонкими шумными в том, что у звонких сонорных голос обычно преобладает над шумом, а у звонких шумных шум преобладает над голосом. Без голоса, при помощи одного только шума образуются глухие согласные: [к], [п], [с], [т], [ф], [х], [ц], [ч'], [ш] и др. При их произнесении голосовая щель раскрыта, а голосовые связки расслаблены.

По глухости/звонкости согласные звуки образуют пары: [б]—[п], [в]—[ф], [г]—[к], [д]—[т], [ж]—[ш] и др. Звук [ц] глухой, но у него есть парный звонкий [дз̌], который произносится на месте [ц] перед звонким согласным: *плацда́рм, Шницбе́рген, ко́нec го́да*. Такую же пару составляют глухой [ч'] и звонкий [дж̌']. В словах *начба́зы, мяч заб́или, дочь далá* перед звонким шумным согласным произносится не [ч'], а [дж̌']. Звук [γ] составляет звонкую пару [х] и произносится, например, в словах *двухго́ди́чный, мох зе́лёный, их жда́ли*.

У сонорных согласных тоже есть звонкие и глухие пары: [р]—[р̌], [л]—[л̌] и др. Глухие сонорные могут выступать, в частности, на конце слова после глухого согласного: *мет* [р̌], *вих* [р̌'], *смыс* [л̌], *мыс* [л̌'], *пес* [н̌], *кос* [м̌] (род. п. мн. ч. от *ко́смы*). Глухой [ј] — пара звонкому сонорному [ј̌] — возможен на конце слова, особенно в эмоциональной речи: *Отда́[ј̌]!*; *Открó[ј̌]!*; *Сто[ј̌]!*

Твердые и мягкие согласные звуки отличаются характерной для каждой из этих групп артикуляцией (рис. 8). При

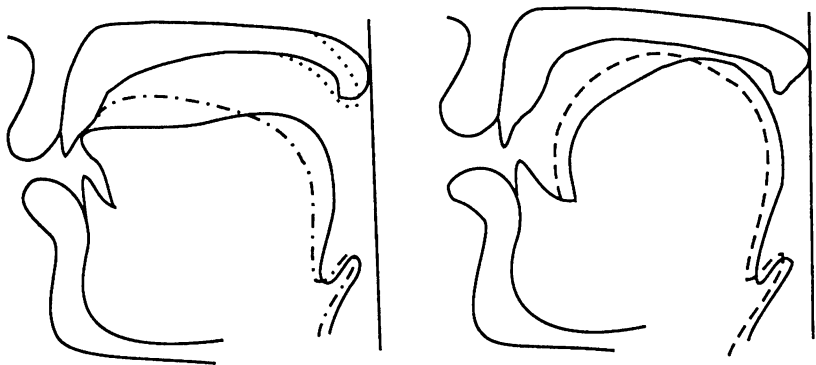

Рис. 8. Схемы артикуляции согласных

Положение языка при произношении:

— [т], [д], [н]

----- [т'], [д'], [н']

Положение языка при произношении:

— [х]

----- [х']

Положение нёба при произношении:

— [т], [д], [т'], [д']

..... [н], [н']

Основные звуки современного русского языка

Уровень шума		Способ образования		Место образования						
				губные		переднеязычные		среднеязычные	заднеязычные	
шумные		губно-губные	губно-зубные	зубные	передне-нёбные	средне-нёбные	средне-язычные	средне-нёбные	задне-нёбные	
			ф ф'	с с'	з з'	ш ш'	ж ж'		х х'	γ
сонорные	щелевые	срединные						j j̣		
			боковые			л̣ л̣'	л л'			
	дрожащие									
									p̣ p̣'	p p'
	смычные	носовые	ṁ ṁ'	ṁ ṁ'	ṅ ṅ'	ṅ ṅ'	ṅ ṅ'	ṅ ṅ'	ṅ	

шумные	смычные	взрыв- ные	ртовые	п п'	б б'		т т'	д д'			к к'	г г'
			глоточ- ные	п ^м п ^{'м}	б ^м б ^{'м}		т ^н т ^{'н}	д ^н д ^{'н}				
		аффри- каты	средин- ные				ц ц'	дж дж'	ч ч'			
			боковые				тл тл'	дл дл'				
	имплозивные		п п'	б б'		т т'	д д'			к к'	г г'	

образовании мягких согласных язык концентрируется в передней части, а при образовании твердых — в задней части ротовой полости; ср.: [в']ил — [в]ыл, [п']ил — [п]ыл, [л']ёг — [л]ог, [р']яд — [р]ад. Это основное движение по горизонтали сопровождается напряжением и приподнятием разных участков языка. При образовании мягких согласных наблюдается палатализация — приподнятие по направлению к твердому нёбу передней части языка. При образовании твердых согласных наблюдается веляризация — приподнятие по направлению к мягкому нёбу задней части языка.

Согласные звуки образуют пары по твердости/мягкости: [б]—[б'], [в]—[в'], [г]—[г'], [д]—[д'], [з]—[з'] и др. Звук [ч'] мягкий, его твердая пара [ч], который бывает перед [ш]: *лу[ч]ше*. Звук [ц] твердый, а мягкий [ц'] произносится, например, на месте [т'] перед [с']: *ня[ц']ся, ма[ц'] Серёжи*. У звука [ш] пара [ш']: [ш'] *ча-ем, мо[ш']ный, [ш']ука*. У звука [ж] пара [ж'], который бывает почти всегда двойным, долгим: *во[ж']и, дро[ж']и*. Так произносят слова *вожжи, дрожжи* многие говорящие на литературном языке (допустимо и произношение [ж̌] на месте [ж']). Только у звука [ј] не может быть твердой пары. У остальных мягких согласных поднятие языка по направлению к твердому нёбу — артикуляция, дополнительная к основному способу образования согласного. У [ј] же поднятие средней части языка по направлению к твердому нёбу является основной артикуляцией, без которой никакого согласного звука вообще не возникает.

В таблице 1 перечислены важнейшие признаки и основные звуки современного русского литературного языка (в каждом квадрате слева — глухие, справа — звонкие, сверху — твердые, внизу — мягкие). Но, конечно, не все. Если, например, сравнить начальные звуки слов *сад* и *суд*, *дам* и *дум*, *таз* и *туз*, то можно заметить разницу в их артикуляции. Перед [а] согласные произносятся без напряжения губ, а перед [у] — с округленными и вытянутыми губами. Мы еще только приготовились произнести слова *суд*, *дум*, *туз*, а губы уже приняли это положение. Такая дополнительная артикуляция называется лабиализацией (от лат. *labium* — 'губа'), а согласные звуки [с°], [д°], [т°] и т.п. — лабиализованными (или огубленными). Эти звуки отличаются от [с], [д], [т] артикуляцией и на слух. (Эту разницу можно услышать, если начать произносить слово *сад* и остановиться после первого согласного, затем начать произносить слово *суд*, но произнести только первый согласный.) В русском языке лабиализация согласных всегда связана с их положением перед [у] или [о], а также перед лабиализованными согласными: [с°т°ул], [с°т°ол], но [стал]. Исключений нет, поэтому в транскрипции она обычно не отмечается.

Между глухими и звонкими согласными есть дополнительное отличие — степень напряженности. Глухие более напряженные,

чем звонкие. Проявляется это в большей напряженности мускулов артикулирующих органов речи — губ и языка. Это хорошо видно на палатограммах и одонтограммах — снимках нёба и зубов и лингвограммах — снимках языка, отражающих площадь соприкосновения языка с нёбом и зубами при произнесении согласных. Так, при произнесении [т] язык более напряжен, чем при произнесении [д], он теснее смыкается с зубами и нёбом, поэтому площадь смыкания у [т] больше, чем у [д], поэтому также [т] длительнее [д]. Эта разница между глухими и звонкими согласными становится основной при шепоте, когда не участвует голос. Мы и при шепоте различаем слова *дам* и *там*, *запор* и *сбор*, *бидон* и *питон*. Большая напряженность глухих понятна: мы ведь должны компенсировать отсутствие голоса при произнесении глухих согласных, иначе они будут восприниматься на слух гораздо хуже, чем звонкие. Это можно сделать за счет усиления шума. А для этого и необходима большая напряженность органов речи.

При более тонком анализе звуков обнаружатся и другие их особенности.

СЛОГ

Теории слога. Слоговые и неслоговые звуки

Наша речь членится на слова, а слова — на слоги. Слог может состоять из одного или нескольких звуков. Один звук в слове слоговой (или слогаобразующий), остальные неслоговые (неслогаобразующие).

Существует несколько теорий слога.

Экспираторная теория трактует слог как такое звукоисчисление, которое произносится одним толчком выдыхаемого воздуха. Такое определение слога наиболее наглядно. Проверить это можно следующим образом. Если произнести перед горящей свечой слово *дом*, пламя дрогнет один раз, слово *рука* — пламя дрогнет два раза, *молоко* — три раза.

Но эта теория не объясняет всех случаев. Произнесем односложное слово *слав*, и пламя свечи дрогнет два раза: смычка губ у [п] разорвет воздушный поток на две части. Произнесем *ау!* — и пламя дрогнет один раз, хотя в слове два слога.

В современном русском языкознании широко признана сонорная теория слога, основанная на акустических критериях. Применительно к русскому языку она была разработана Р. И. Аванесовым. По этой теории слог — это волна сонорности, звучности. В слове группируются звуки, обладающие разной степенью звучности. Наиболее звучный — слоговой (слогаобразующий) звук, остальные звуки неслоговые.

Гласные, как наиболее звучные звуки, обычно бывают слоговыми. Но, например, гласный [и] может быть и неслоговым: [йу-б'и-л'эй] — *юбилей*. Согласные обычно бывают неслоговыми, но иногда и они могут быть вершиной слога. Чаще всего в этой роли выступают сонорные согласные, как самые звучные из согласных.

Вот стихи Лермонтова:

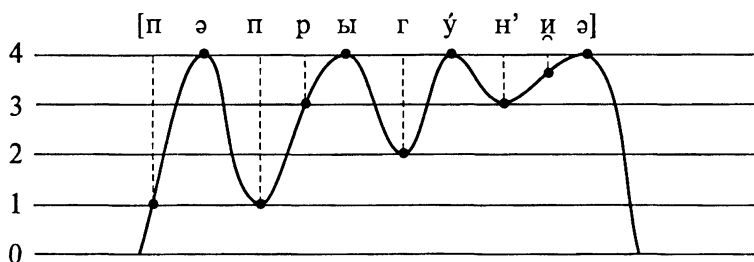
Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою...

В каждой строке 3 трехсложные стопы с ударением на последнем слоге. Размер — анапест:

$\begin{array}{c} \cup \cup \acute{\cup} \\ \cup \cup \cup \end{array} \mid \begin{array}{c} \cup \cup \acute{\cup} \\ \cup \cup \cup \end{array} \mid \begin{array}{c} \cup \cup \acute{\cup} \\ \cup \cup \cup \end{array} \mid$

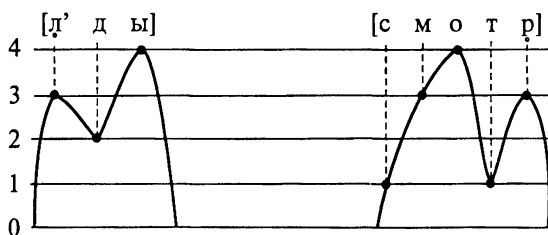
При этом слово *жизнь* произносится в два слога [жы-з'н']. Слобообразующим второго слога выступает сонорный согласный.

Можно по степени звучности обозначить: гласные — 4, сонорные звонкие согласные — 3, шумные звонкие согласные — 2, глухие — 1. Паузу обозначим 0. На линейках, соответствующих этим индексам, будем откладывать звуки, обозначая их точками. Если соединить эти точки, получатся волны сонорности, характеризующие слово. Тогда слово *попрыгунья* будет представлено так:

Сколько в этой волне пиков, вершин сонорности, столько и слогов. Звук [и] гласный, но с ослабленной сонорностью, поэтому он ниже верхней линейки.

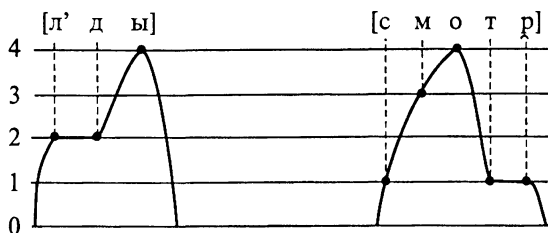
Слова *льды*, *смотр* схематично выглядят так:

Эти слова двусложные — у них две вершины сонорности: [л'ды], [смор]. Так же могут быть произнесены слова *мхи*, *Мценск*,

льстить, львы, лжет, рты, ртуть, рвы, ржи, рдет и Петр, вепрь, смысл, мысль, казнь и т. п.

Но эти же слова могут быть и односложными, с одной вершинной сонорности:

Сонорный при таком произнесении частично или полностью оглушается, его звучность на уровне шумного согласного, звонкого или глухого. Так же могут произноситься слова [мх'и], [д'с'т'ит'], [в'эпр'] и др.

Двуликость подобных слов используют поэты. Так, в стихотворной строке В. Хлебникова «*Эта жизнь и жизнь та*» слово *жизнь* в первом случае односложно, а во втором двусложно.

Слоговые согласные нетипичны для русского языка. Поэтому они часто развивают перед собой гласный. Произносится [кáz'ин'], [т'иáтэр] *казнь*, *театр*, [ʔржы], [ʔл'н'инóџ] *ржи*, *льняной*, а в диалектах [аржанóџ], [ил'н'инóџ] и т. п. Глухой сонорный плохо воспринимается на слух, поэтому он часто выпадает. С этим связано произношение [руп'] *рубль*, [акт'áпск'ийџ] *октябрьский* и т. п. В древнерусском языке наряду с формами глаголов *несла*, *несли*, *могла*, *могли* и т. п. были и формы мужского рода *неслѣ*, *моглѣ* с гласным [ѣ] на конце слова. После его выпадения перестал произноситься и глухой [д]. Так возникли формы *нес*, *мог*, *вез*, *утих* и т. п.

В некоторых языках слоговые сонорные вполне обычны, например в сербском и чешском: серб. *рж* — 'рожь', *крв* — 'кровь', *прст* — 'перст, палец', *врба* — 'верба'; чеш. *vrch* — 'верх, вершина', *vlk* — 'волк', *slza* — 'слеза'.

Слоговыми могут быть не только сонорные согласные, но и шумные, даже глухие. Так, русские подзывают кошку *кс-кс-кс*. В этом междометии три слога, хотя все звуки глухие. Слоговым здесь является звук [с]. Глухой шелевой согласный выступает слоговым и в возгласе отпугивания птиц *кш!*, и в призыве к молчанию *тс!* В разговорном языке в южнорусских говорах безударный гласный может выпадать, а количество слогов в слове при этом может сохраняться. Роль слогового звука в этих случаях принимает на себя согласный, в том числе и глухой: [т̚] *но́ра* — *топора*, *вѣ*[ç] *пано* — *высыпано*. Такой слоговой согласный отличается от

соседних звуков большей напряженностью. Таким образом, вершину слога может образовывать не только самый сонорный звук в слоге, но и самый напряженный.

У звуков, характеризующихся повышенной сонорностью и повышенной напряженностью, есть общая черта: они обладают большей силой, интенсивностью, которая проявляется в увеличении амплитуды колебания. На учете этого акустического признака слоговых и неслоговых звуков основана динамическая теория слога. С точки зрения этой теории слог — волна силы, интенсивности. Самый сильный, интенсивный звук слога — слоговой, менее сильные — неслоговые.

В одном слоге может быть два гласных звука. Сочетание двух гласных в пределах одного слога называется дифтонгом. В русском литературном языке дифтонгов нет, но они встречаются в русских диалектах, где произносятся *кор[у̯о]ва*, *молок[у̯о]*, *л[и̯е]с*, *с[и̯е]но* и т. п. Дифтонги есть, например, в английском, немецком, испанском и многих других языках. Дифтонги могут быть равновесными, когда оба гласных обладают одинаковой силой и длительностью, как, например, встречается в русском диалектном произношении. Если в дифтонге первый гласный слоговой, а второй неслоговой, то это нисходящий дифтонг, например в английском [tʌɪm] *time* ‘время’, [teɪbl] *table* ‘стол’, [ɡoʊ] *go* ‘идти’, в немецком [maɪn] *mein* ‘мой’, [haʊs] *haus* ‘дом’. Если в дифтонге первый согласный неслоговой, а второй слоговой, то это восходящий дифтонг, например в испанском *puerta* — ‘дверь’, *tierra* — ‘земля’, *nuevo* — ‘новый’. Дифтонги всегда относятся к одной фонеме (см. с. 76).

Слог, начинающийся слоговым звуком, называется *неприкрытым*: [он], [ил], [á-ист]. Слог, начинающийся неслоговым звуком, называется *прикрытым*: [сам], [да-скá], [иу-лá] *юла*. Слог, оканчивающийся слоговым звуком, называется *открытым*: [да-лá], [за-кó-ны], [т’и-гр]. Слог, оканчивающийся неслоговым звуком, называется *закрытым*: [стол], [краи], [пай-мáт’] *поймать*.

Слогораздел

В потоке речи слова обычно на слоги не делятся, границ между слогами нет, соседние звуки как внутри одного слога, так и между слогами произносятся без перерыва, «перетекают» один в другой. Но иногда нам нужно произнести слово или несколько слов громко и отчетливо. Тогда сцепление между звуками ослабевает, слово распадается на слоги. Вы говорите близко стоящему человеку: «Миша, иди сюда». А в лесу, если он далеко от вас, вы кричите: «Ми-ша, и-ди сю-да!» По телефону, чтобы лучше

расслышали вашу фамилию, вы диктуете: «И-ва-но-ва». Но никто не станет диктовать так: «Ив-ан-ов-а».

Слогораздел — реальная или потенциальная граница между слогами, то место в слове, где при скандировании можно сделать паузу.

Законы слогоделения неодинаковы в разных языках и даже в диалектах одного языка. Так, представители севернорусского наречия будут членить слова при скандировании следующим образом: [кар-тош-ка], [н'ел'-з'а], [друж-ба], [с'ед-ло], [пус-т'и], а представители южнорусского наречия эти же слова разделят на слоги иначе: [ка-рто-шка], [н'е-л'з'а], [дру-жба], [с'е-дло], [пу-с'т'и].

В русском литературном языке, опирающемся на московское произношение, большинство неконечных слогов построено по принципу восходящей звучности. При этом начальный звук наименее звучный, а конечный — наиболее звучный, т.е. слоговой. Поэтому большинство неконечных слогов открытые: [ка-ро́-ва] — 14-34-24, [бу-квá-л'нэ] — 24-124-334.

Принципом восходящей звучности обусловлен ряд особенностей слогораздела. Один интервокальный (находящийся между гласными) согласный отходит к следующему гласному: [за-ро́-дыш], [на́-су-хэ]. Группа интервокальных согласных отходит к следующему гласному, если она состоит из шумных согласных: [ку-пцы́], [и-зба́], [ра-ссóл]; сонорных согласных: [ва-лнá], [сý-мрэк]; начинается шумным и заканчивается сонорным согласным: [су-кно́], [во́-бла]. Во всех этих случаях начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности.

В группе неслоговых звуков первый всегда отходит к предшествующему гласному, если это [й]: [тай-га́], [ч'áй-н'ик]. Сонорный согласный тоже может отходить к предшествующему гласному: [кан-в'э́рт], [в'о́р-сты]. В этих случаях образуется предыдущий закрытый слог. Место слогораздела обусловлено здесь тем, что первый из группы неслоговых звуков обладает большей звучностью, чем следующий. Наличие слогораздела после первого звука обеспечивает возрастание звучности в следующем слого. Но у сонорного согласного перед шумным звучность может снижаться до уровня этого шумного. Такой сонорный примыкает к следующему слогу: [на-рва́т'], [ко́-лба], [ка-нв'э́рт].

Закрытыми могут быть и конечные слоги: [стол], [л'ист], [пáй-ма́й]. Но и в закрытых слогах начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности. Это основной принцип строения слога в русском языке.

Слогораздел и правила переноса слова с одной строки на другую могут не совпадать. Правила переноса строятся на нескольких принципах, и перенос слова по слогам — это только один из этих принципов. Так, слово *сестра́* может быть перенесено тремя способами: *се-стра́*, *сес-тра́*, *сест-ра́*, а слогораздел в этом слове

один: [с'и-стра́], слово *разб́ить* можно перенести только так: *раз-б́ить*, а слогораздел в нем [ра-зб'йт'].

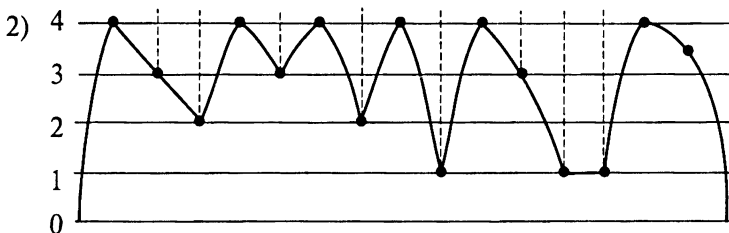
Анализ слоговой структуры слова

1) Привести фонетическую транскрипцию слова, обозначив слоговые согласные и неслоговые гласные; 2) построить волну sonorности слова; 3) под буквами транскрипции цифрами обозначить степень sonorности звука; 4) на транскрипции вертикальными линиями обозначить слогоразделы; 5) пронумеровать слоги и дать их характеристику по первому и последнему слоговому/неслоговому звуку. При вариантности слогораздела привести все варианты анализа.

О б р а з е ц: *организаторский*.

I.

1) [а° р г э н' и° з а́ т э р с к' и° ы]

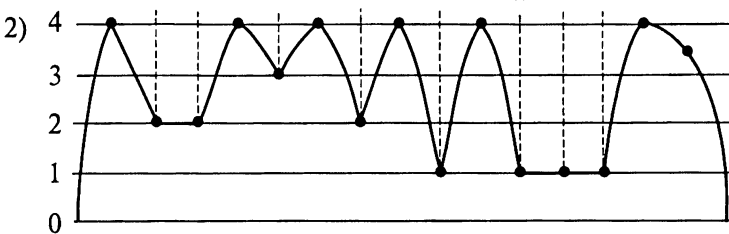
3)–5) [а°р | г э | н' и° | з а́ | т э р | с к' и° ы]

4 3	2 4	3 4	2 4	1 4 3	1 1 4 3, 5
1	2	3	4	5	6

1-й слог неприкрытый закрытый; 2, 3, 4-й слоги прикрытые открытые; 5-й, 6-й слоги прикрытые закрытые.

II.

1) [а° р г э н' и° з а́ т э р̣ с̣ к' и° ы]

3)–5) [а° | р г э | н' и° | з а́ | т э | р̣ с̣ к' и° ы]

4	2 2 4	3 4	2 4	1 4	1 1 1 4 3, 5
1	2	3	4	5	6

1-й слог неприкрытый открытый; 2, 3, 4, 5-й слоги прикрытые открытые; 6-й слог прикрытый закрытый.

УДАРЕНИЕ

Слово может состоять из одного или нескольких слогов. Один слог в слове ударный, остальные — безударные. С л о в е с н о е у д а р е н и е — это выделение одного из слогов неодносложного слова. При помощи ударения часть звуковой цепи объединяется в единое целое — фонетическое слово.

Фонетическая природа ударения

Способы выделения ударного слога в разных языках различны. В русском языке ударный слог может отличаться от безударных большей силой, длительностью и тембром — особым качеством входящих в него звуков. При этом существует сложная зависимость силы (интенсивности) и длительности ударного слога главным образом от следующих двух факторов.

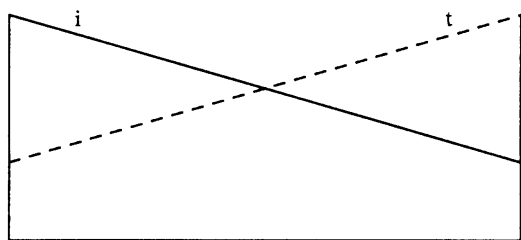
1. Сравнение силы и длительности ударного и безударных слогов наиболее наглядно при сопоставлении гласных, которые обычно составляют стержневую, слогаобразующую часть слога. Сила гласного проявляется в его громкости. Так, в словоформах *пи́лá*, *пи́лэ*, *пи́лoй* или в словах *водá*, *сукно́*, *сыро́й* ударный гласный громче безударного. Но экспериментально установлено, что в таких словах, как *палí*, *травы́*, *могу́*, безударный гласный громче ударного. Однако мы безошибочно узнаем ударный слог, выделяя его как более сильный. Объясняется это следующим.

Мы можем произнести слово громче или тише. Но у каждого гласного есть собственная сила (интенсивность) и связанная с нею громкость. Она зависит от объема ротового и глоточного резонатора при артикуляции гласного, а сам этот объем связан со степенью раствора рта, т.е. с подъемом гласного, и с его рядом. Гласные узкие (верхнего подъема) [и], [ы], [у] обладают меньшей силой и громкостью, чем гласные со средним раствором рта (среднего подъема) [э], [о], широкий гласный [а] (нижнего подъема) самый сильный и громкий. Гласные переднего ряда менее громкие, чем гласные заднего ряда, поэтому [у] громче [и], а [о] громче [э]. Таким образом, по нарастающей собственной силе, громкости гласные можно выстроить в ряд: [и]—[ы]—[у]—[э]—[о]—[а].

У каждого гласного есть и свой порог громкости, ударности. Гласные, произносимые громче этого порога, воспринимаются как ударные. В слове *пи́лí* второй [и] не просто громче первого, его громкость еще и выше своего порога ударности, тогда как громкость первого [и] ниже этого порога. В слове *палí* [а] громче

[и], но как ударный воспринимается [и], так как громкость [и] выше своего порога ударности, а громкость [а] — ниже.

2. Порог ударности у каждого гласного звука не постоянная величина, он меняется в зависимости от места ударения в слове. Существует следующая зависимость интенсивности (i) и долготы (t) гласного от места ударного слога в изолированном слове: чем ближе место ударения к началу слова, тем больше интенсивность гласного и меньше его долгота; чем ближе место ударения к концу слова, тем меньше интенсивность гласного и больше его долгота.

Место
ударения

1-й

слог слова

последний
слог слова

На силу и долготу гласного влияет и позиция слова во фразе. Так, в частности, начало и конец фразы и фонетической синтагмы (независимо от того — безударный или ударный там гласный) выделяются особенно сильно: начало — особенно высокой интенсивностью, конец — особенно большой длительностью.

Таким образом, при общем правиле: ударный гласный сильнее и длительнее безударных гласных — конкретные ударные гласные в конкретных положениях в слове и фразе могут оказаться слабее и короче безударных. Но совокупность указанных выше закономерностей все равно покажет слушающим, где в слове ударный слог.

Выделяет ударный слог еще одна особенность ударных гласных: они характеризуются особым тембром. Например, в предложении *Вот брат взял нож* ударение воспринимается на всех словах, хотя здесь нет безударных слогов, с которыми можно было бы сравнивать ударные. Объясняется это, в частности, тем, что [о] в словах *вот*, *нож* и [а] после мягкого согласного в слове *взял* [вз'ал] могут быть только под ударением и не характерны для безударных слогов, а у звука [а] в слове *брат* отсутствует редукция. Носители языка определяют гласные этих слов как ударные в соответствии с эталонами тембра ударных гласных, существующими в их языковом сознании.

Ударность и безударность — это свойство не только гласного, но всего слога. Для ударного слога характерна четкость артикуляции всех звуков. Взаимовлияние гласных и согласных гораздо сильнее проявляется в безударных слогах.

Место ударения в слове

В русском языке ударение может падать на любой слог слова и на любую морфему — приставку, корень, суффикс и окончание: *вы́пустить, до́мик, доро́га, столо́вая, дела́, доро́гой, распро-страня́ть, перегруппиро́вать*. Такое ударение называется **разно-местным** или **свободным**.

Ударение может выполнять **смыслоразличительную** функцию. Так, по месту ударения могут различаться:

1) разные слова во всех их формах: *за́мок, за́мка, за́мку и замо́к, замка́, замку́* и т. д.; *му́ка, му́ки, му́ку и мука́, муки́, муку́* и т. д.; *па́рить, па́рю, па́ришь и парить, парю́, пари́шь* и т. д.;

2) некоторые формы разных слов: *пи́цца* (сущ.) и *пища́* (дее-прич.), *бе́лка* и *белка́*, *кро́ю* и *крою́*, *но́шу* и *ношу́*;

3) разные формы одного слова: *во́лос* и *волос́*, *но́ги* и *ноги́*, *ходи́те* и *ходи́те* и т. п.

Неподвижное и подвижное формообразовательное ударение

При образовании грамматических форм слова ударение может оставаться на одном и том же месте; такое ударение называется **неподвижным** или **постоянным формообразовательным**: *кни́га, кни́ги, кни́ге, кни́гу, кни́гой, о кни́ге, кни́ги, кни́гам, кни́гами, о кни́гах; дела́ть, дела́ю, дела́ешь, дела́ет, дела́ем, дела́ете, дела́ют, дела́л, дела́ла, дела́ло, дела́ли, дела́й, дела́ющий, дела́вший, дела́емый, дела́нный, дела́я, дела́в*. В русском языке бо́льшая часть слов (около 96 %) имеет неподвижное ударение. Такое ударение может стоять на основе (на приставке: *при́город, вы́мыть*; на корне: *ка́рта, удо́бный*; на суффиксе: *волчо́нок, дубо́вый*) или на окончании либо на формообразовательном аффиксе (*ста́тья, больно́й, нести́*).

В словах с **подвижным формообразовательным** ударением происходит перенос ударения с одного слога на другой, с одной морфемы на другую. Подвижность ударения внутри одной морфемы встречается крайне редко: *де́рево — дере́вья, ко́лос — коло́сья, о́зеро — озёра, боро́ться — бо́рется*. Обычно при подвижном ударении чередуется ударение на основе с ударением на окончании: *рука́ — ру́ки, сниму́ — снёмишь, сняла́ — сня́ли*.

Ударение существительных

У существительных выделяется 2 типа неподвижного и 6 типов подвижного ударения. Неподвижное ударение на основе обозначается буквой А, неподвижное ударение на окончании — буквой В, подвижное ударение — буквой С, место ударения указывается

отдельно для форм единственного и форм множественного числа. Если изобразить основу квадратом, а окончание кружком и при этом место ударения обозначить черной фигурой, то основные типы ударения существительных можно представить так:

Формы		Типы							
		AA	BB	AB	BA	AC	BC	CA	CC
Ед. ч.	И. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●
	Р. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●
	Д. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●
	В. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	Т. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	П. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
Мн. ч.	И. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	Р. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	Д. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	Т. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	П. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○
	П. п.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○

Форма вин. п. мн. ч. не учитывается в этой схеме, так как она может совпадать у разных существительных с формой им. или род. п.

Эта схема показывает, что тип ударения (акцентный тип, акцентную парадигму) существительного можно определить по четырем формам: вин. п. и любого другого с гласным в окончании в ед. ч. и им. п. и любого другого (кроме формы вин. п., совпадающей с формой им. п.) с гласным в окончании во мн. ч.

Тип AA самый распространенный, к нему относится более 30 тысяч существительных всех трех родов: м. р. (*внук, знак, мѣсяц, парк*), ж. р. (*буква, собака, мысль, тетрадь*), ср. р. (*болото, колѣно, правило, яблоко*).

Тип BB содержит более 2 тысяч слов также всех трех родов: м. р. (*кот, сапог, стол, угол*), ж. р. (*западнѣя, кишкѣя, статья, чешуѣя*), ср. р. (*житиѣя, озеркѣя, очкѣя, словцѣя*).

Тип AB содержит почти 300 слов м. р. и ср. р. (*город, дом, остров, снег; дѣло, зѣркало, море, слово*).

Тип BA содержит более 150 слов главным образом ж. р. и ср. р. (*звездѣя, игрѣя, странѣя, травѣя; вино, лицѣя, письмѣя, числѣя*) и несколько слов м. р. (*глазѣк — глазѣки, зубѣк — зубѣки, лист — листьѣя*).

Тип AC содержит около 120 слов главным образом м. р. и ж. р. (*зуб, голубѣя, корень, слог; дверь, лошадѣя, мышѣя, цѣрковѣя*) и 2 слова ср. р.: *око* и *ухо*.

Тип BC содержит около 40 слов главным образом ж. р. (*волнѣя, губѣя, свечѣя, слезѣя*) и несколько слов м. р. и ср. р. (*гвоздѣя, конѣя, уголь; крыльцѣя, плечѣя*).

Тип СА содержит 12 слов ж. р.: *водá, душá, земл́я, спинá* и др.

Тип СС содержит 13 слов ж. р.: *головá, горá, ногá, рукá* и др.

В формах некоторых слов окончание не содержит гласной: *рукáв, морóз, овéц, сторóн*. Бывают и неслоговые основы: *дно, зло, льва, сна*. Ударение на основе или окончании здесь может быть вынужденным (ср. *рукáв — рукав́* и *морóз — морóза*), оно не принимается в расчет при определении типа ударения слова.

Некоторые существительные м. р. 2-го склонения и ж. р. 3-го склонения акцентных типов АА, АВ и АС в пр. п. ед. ч. при предложениях *в, на* могут иметь ударение на окончании. У существительных м. р. в этом случае выступает особое окончание пр. п. -у/-ю: *в снегу́, в соку́, в лесу́, в (таком-то) часу́, в году́, в бою́; на берегу́, на ветру́, на лугу́, на мосту́, на краю́*. У существительных ж. р. выступает обычное окончание 3-го склонения -и: *в грязи́, в пыли́, в степи́, в тени́, на мели́, на печи́, на цепи́*.

В некоторых сочетаниях существительных с предлогами (чаще всего *за, на, по*, реже с другими) ударение может перемещаться на предлог. Эта закономерность устаревает, и обычно возможны параллельные варианты с ударением на существительном: *за́ голову* (и *за́ голову*), *за́ ночь* (и *за́ ночь*), *за́ город* (и *за́ город*), *на́ воду* (и *на́ воду*), *на́ смерть* (и *на́ смерть*), *на́ год* (и *на́ год*), *по́ снегу* (и *по́ снегу*), *по́ морю* (и *по́ морю*), *по́ небу* (и *по́ небу*), а также *бе́з вести, до́ полу, из́ дому, об́ пол, от́ роду, по́д вечер, при́ смерти* и т. п.

Ударение прилагательных

Все полные прилагательные имеют только неподвижное ударение и по его месту делятся на два акцентных типа: А и В. Прилагательные типа А характеризуются ударением на основе во всех падежных формах ед. и мн. ч.: *ста́рый, ста́рого, ста́рому, ста́рым, о ста́ром; ста́рая, ста́рой, ста́рую; ста́рое; ста́рые, ста́рых, ста́рым, ста́рыми, о ста́рых*. К типу А принадлежат все прилагательные с окончанием -ый/-ий: *но́вый, кра́сный, до́лгий, си́ний, хоро́ший* и т. п. Таких прилагательных около 15 тысяч. Прилагательные типа В характеризуются ударением на окончании во всех падежных формах ед. и мн. ч.: *молодо́й, молодóго, молодóму, молодóм, о молодóм; молодáя, молодóй, молодóую; молодóе; молодóе, молодóых, молодóым, молодóыми, о молодóых*. К типу В принадлежат все прилагательные с окончанием -ой: *большо́й, живо́й, ключево́й, прямо́й, сыро́й* и т. п. Таких прилагательных около тысячи.

Краткие формы прилагательных могут относиться к трем основным акцентным типам: А, В и С. При этом форма м. р., которая всегда имеет нулевое окончание, не учитывается при определении акцентного типа краткого прилагательного:

Формы		Типы		
		А	В	С
Ед. ч.	м. р.	<i>гото́в</i>	<i>уме́н</i>	<i>жив</i>
	ж. р.	<i>гото́ва</i> ■ ○	<i>умна́</i> □ ●	<i>жива́</i> □ ●
	ср. р.	<i>гото́во</i> ■ ○	<i>умно́</i> □ ●	<i>живо́</i> ■ ○
Мн. ч.		<i>гото́вы</i> ■ ○	<i>умны́</i> □ ●	<i>живы́</i> ■ ○

К типу А относятся такие прилагательные, как *ве́чный, зно́йный, лэ́живый, спо́рный, суро́вый* и т. п., таких прилагательных абсолютное большинство.

К типу В — *ра́вный, све́тлый, сме́шной, тяжё́лый, хоро́ший* и т. п.

К типу С — *ги́бкий, гла́дкий, дря́хлый, сла́дкий, це́лый* и т. п.

В формах сравнительной степени прилагательных с суффиксами *-е* и *-ше* ударение всегда падает на основу, а у прилагательных с суффиксом *-ее/-ей* ударение может быть на основе или на формообразовательном суффиксе, как например в прилагательных: *бли́же, про́ще, ле́гче, ста́рше; восто́чнее, краси́вее, бе́лее, по́зднее*.

Таким образом, во всех формах прилагательных ударение может быть неподвижным и стоять на одном и том же месте: на основе — *вня́тный, вня́тна, вня́тно, вня́тны, вня́тнее*; на окончании или на формообразовательном суффиксе — *сме́шной, сме́шна, сме́шно, сме́шны́, сме́шнее*.

Кроме того, ударение может быть и подвижным, когда в формах полного и краткого прилагательного и/или в форме сравнительной степени ударение стоит на разных морфемах, например: *це́нный, це́нна, це́нно, це́нны, ценне́е; ле́гкий, легка́, легко́, легки́, ле́гче; те́мный, темна́, темно́, темны́, темне́е* и т. п.

Ударение глаголов

В настоящем (простом будущем) времени и в прошедшем времени выделяется по три основных акцентных типа:

- 1) неподвижное ударение на основе — тип А;
- 2) неподвижное ударение на окончании — тип В;
- 3) подвижное ударение — тип С.

Объединение форм настоящего и прошедшего времени дает следующие основные акцентные типы:

Формы			Типы						
			АА	ВВ	ВА	ВС	СА	СВ	СС
Наст.— буд. время	Ед. ч.	1-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	□ ●	□ ●	□ ●
		2-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○
		3-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○
	Мн. ч.	1-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○
		2-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○
		3-е л.	■ ○	□ ●	□ ●	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○
Прош. время	Ед. ч.	ж. р.	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○	□ ●	■ ○
		м. р.	■ ○	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○	□ ●	■ ○
	Мн. ч.		■ ○	□ ●	■ ○	■ ○	■ ○	□ ●	■ ○

Как видно из таблицы, в типе С ударение падает в настоящем времени на окончание в форме 1-го л. ед. ч. и на основу в остальных формах, в прошедшем времени на окончание формы ж. р. и на основу в формах ср. р. и мн. ч. Форма м. р. всегда имеет нулевое окончание, поэтому она не учитывается при определении акцентного типа глагола, ей приписывается условное ударение форм ср. р. и мн. ч.

Ударение на основе может быть на приставке и корне или на суффиксе; так, к типу АА относятся такие глаголы, как *видеть*, *делать*, *прыгнуть*, *слышать*, *требовать* и др., где ударение на корне; *болеть*, *жалеть*, *играть*, *рисовать*, *читать* и др., где ударение на суффиксе; *алкать*, *колебать*, *колыхать*, где ударение в настоящем времени на корне (суффикс отсутствует), а в прошедшем — на суффиксе. К другим типам относятся такие глаголы, как: ВВ — *беречь*, *печь*, *стеречь*, *нести*, *расти* и др.; ВА — *гореть*, *грызть*, *вернуть*, *класть*, *сидеть* и др.; ВС — *жить*, *плыть*, *прясть*, условно — *начать*, *спать*, *умереть*, у которых в настоящем (простом будущем) времени корень (в том числе выделяемый лишь исторически) не содержит гласной, и др.; СА — *гасить*, *водить*, *держать*, *кормить*, *любить* и др.; СВ — *мочь*, *изнемо́чь*, *помо́чь*, *превозмо́чь*; СС — *знать*, *обнять*, *отнять*, *поднять*, *разнять* и др.

Не включены в схему акцентные типы, представленные единичными глаголами: АВ — *лечь*; АС — *быть*; С₁А — *хотеть*.

С учетом и других глагольных форм: инфинитива, повелительного наклонения, причастий, деепричастий — может быть установлено постоянное (неподвижное) ударение на корне во всех глагольных формах: *па́чка*ть, *па́чка*ю, *па́чка*ешь..., *па́чка*л, *па́чка*ла, *па́чка*ло, *па́чка*ли, *па́чка*й, *па́чка*ющий, *па́чка*вший, *па́чка*емый,

пáчканный, пáчкана, пáчкано, пáчканы, пáчкая; постоянное ударение на суффиксе основы: *рисова́ть, рису́ю, рису́ешь..., рисова́л, рисова́ла, рисова́ло, рисова́ли, рисуй, рису́ющий, рисова́вший, рису́емый, рисо́ванный, рисо́вана, рисо́вано, рисо́ваны, рису́я*.

У некоторых глаголов происходит вынужденный сдвиг ударения в некоторых формах. Так, у глагола *вести́* ударение на окончании или формообразующем суффиксе почти во всех формах: *веду́, ведёшь..., велá, велó, велí, ведí, веду́щий, ведóмый, ведéнный, веденá, ведя́*; но в форме *вёл* вынужденное ударение из-за нулевой флексии, в форме *ведíший* вынужденный сдвиг ударения на корень из-за того, что формообразующий суффикс не содержит гласной; у глагола *обрати́ть* окончание инфинитива не содержит гласной, а ударение на суффиксе основы; так же и во всех формах, образованных от той же основы; в формах настоящего времени и образованных от основы настоящего времени ударение на окончании или формообразующем суффиксе: *обращу́, обрати́шь..., обрати́л, обрати́ла, обрати́ло, обрати́ли, обрати́, обрати́вший, обрати́мый, обращённый, обращёнá, обрати́в*. Одни лингвисты считают такое ударение неподвижным, другие — подвижным.

Неподвижное и подвижное словообразовательное ударение

При словообразовании наблюдаются те же закономерности, что и при формообразовании. Так, ударение в производном слове может быть на той же морфеме, что и у производящего слова: *кни́га — кни́жка, медве́дь — медве́дица, бога́тый — бога́ч, берё́за — берё́зовый, голосова́ть — голосова́ние, обледе́неть — обледе́нный*. Это словообразовательное неподвижное ударение. В других случаях ударение в производящем и производном словах падает на разные морфемы: *звездá — звёздочка, ло́шадь — лошаде́нка, глухо́й — глу́хость, изба́вить — избавле́ние*. Это словообразовательное подвижное ударение.

Место ударения и акцентный тип производного слова в большинстве случаев подчиняются определенным закономерностям. Так, у подавляющего большинства производных слов (кроме приставочных глаголов) ударение неподвижное; например, у слова *дом* акцентный тип АВ, а у слова *до́мик* — АА; у слова *река́* — ВА, а у слова *речу́шка* — АА; у слова *земля́* — ВА, а у слова *земля́к* — ВВ; у слова *сеть* — АС, а у слова *се́тка* — АА; у слова *стра́шный* — АС/С₁, а у слова *бесстра́шный* — АА. У глаголов, различающихся лишь отсутствием и наличием приставки, обычно один и тот же акцентный тип; например, *пры́гнуть* и *перепры́гнуть* — АА, *толчо́й* и *растолчо́й* — ВВ, *стри́чь* и *подстри́чь* — ВА, *лечи́ть* и *залечи́ть* — СА и т. п.

Место ударения производного слова может зависеть от морфемы определенного типа. Так, некоторые приставки всегда ударны: у существительных *па-* — *пáводок, пáдуб, пáдчерица, пáсынок*; *от-* со значением 'отражение' при односложных корнях — *óтблеск, óтзвук, óтклик, óтсвет*; у неопределенных и отрицательных местоимений и наречий *не-* — *нéкто, нéчто, нéкий, нéкоторый, нéсколько, нéгде, нéкуда, нéкогда*; у глаголов совершенного вида и отглагольных существительных *вы-* — *вы́звать — вы́зов, вы́нести — вы́нос, вы́рубить — вы́рубка* и др.

Всегда ударны некоторые суффиксы, например, у существительных: *-аг(а)/-яг(а)* — *молодчáга, бедня́га, бродя́га, дворня́га*; *-ак(а)/-як(а)* — *зевáка, служáка, воя́ка, гуля́ка*; *-онок/-ёнок* — *бобо́нок, медвежо́нок, котёнок, слонёнок*; *-ох(а)/-ёх(а)* — *выпивóха, пройдóха, дурёха, растерёха*; *-ул(я)/-юл(я)* — *бабу́ля, грязну́ля, косу́ля, чистю́ля*; *-ант* — *дикта́нт, курса́нт, музыкан́т, эмигран́т*; *-ацй(а)* — *вибра́ция, дегаза́ция, информа́ция, ликвида́ция*; *-изм* — *идеали́зм, капитали́зм, куби́зм, оптими́зм*; у прилагательных: *-ав(ый)/-яв(ый)* — *велича́вый, слаща́вый, дырjáвый, черня́вый*; *-аст(ый)/-яст(ый)* — *губа́стый, зуба́стый, ноздря́стый, щеля́стый*; *-енн(ый)* и *-ущ(ий)/-ющ(ий)* с усилительным значением — *высоченный, здоровенный, толстенный, тяжелённый; большущий, высорёущий, здоровенный, длиннющий, худющий; -ийск(ий) — альпийский, буддийский, олимпийский, эвенкийский; -оват(ый)/-еват(ый) — грубовáтый, горьковáтый, молдцевáтый, синевáтый* и др.

Некоторые суффиксы всегда безударны. При этом ударение может стоять либо перед суффиксом, либо после него. Так, всегда ударение перед суффиксами существительных *-тель* — *писа́тель, учи́тель, выключа́тель, дви́гатель*; *-льник* — *будильник, купáльник, морозильник, пая́льник*; *-льщик* — *боле́льщик, кури́льщик, носи́льщик, чисти́льщик*; *-оньк(а)* — *берёзонька, ку́хонька, ко́сонька, ры́бонька*; *-ышк(о)* — *брёвнышко, горлышко, крылышко, пёрышко* и др. Ударение стоит всегда после таких суффиксов в существительных (т.е. на окончании), как *-ак/-як* — *вожа́к, рыса́к, моря́к, червя́к*; *-ач* — *богáч, сила́ч, скрипáч, трубáч*; *-ёж/-еж* — *грабёж, чертёж, паде́ж, рубёж*; *-няк* — *дубня́к, ивня́к, лозня́к, столбня́к*; *-ун* — *бегу́н, горбу́н, скаку́н, хвасту́н* и др.; акцентный тип таких существительных ВВ (ударение в им. п. ед. ч. м. р. вынужденное).

Клитики

Некоторые слова в речи не имеют ударения. Они примыкают к другим словам, составляя с ними одно фонетическое слово. Безударное слово, стоящее впереди ударного, к которому оно примы-

кает, называется проклѣтѣи́кой. Проклитиками обычно бывают односложные предлоги, союзы и некоторые частицы: *на горѣ; ко мнѣ; сестра | и брѣт; сказал, | чтобы пришлѣ; не знѣю*. Безударное слово, стоящее после ударного, к которому оно примыкает, называется энклѣтѣи́кой. Энклитиками бывают обычно односложные частицы: *скажѣ-ка, он же, придет ли*. Некоторые односложные предлоги и частицы могут принимать на себя ударение, и тогда следующее за ними самостоятельное слово оказывается энклитикой: *на спину, под руки, из лесу, без вести, не было*.

Абсолютные проклитики и энклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в одно фонетическое слово, где гласные и согласные звуки произносятся как в одном лексическом слове: *до са́да* (ср. *доса́да*), *на си́лу* (ср. *наси́лу*), *при во́льном* (ср. *приво́льном*); *ле́й-ка* (ср. *ле́йка*), *та́к же* (ср. *та́кже*), *окре́п ли* (ср. *окре́пли*).

Относительные клитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, характеризуются иным произношением отдельных звуков, чем внутри одного лексического слова.

В одних случаях относительные клитики сохраняют некоторые фонетические признаки самостоятельного слова. Обычно это отсутствие качественной редукции гласных в тех позициях, где она закономерна внутри одного лексического слова. Таковы некоторые союзы, например *но, то...то*, всегда сохраняющие в произношении звук [о]: *мороз, но солнце* [но-со́нцэ] (ср. *на солнце* [на°-со́нцэ]), *овёс то рос, то полёг* [то-ро́с | то-па́л°'о́к] (ср. *торос* [та°ро́с], *тополёк* [тэпа́л°'о́к]); некоторые местоимения: *те леса* [т°э°-л°'и°са́] (ср. *телеса* [т°и°л°'и°са́]), *вор он* [во́р-он] (ср. *ворон* [во́рэн]); некоторые непервообразные предлоги: *вдо́ль улиц* [вдо́л°-у́л°'и°ц], *вне дома* [вн°э°-до́мэ], *све́рх обуви* [св°эрх°-о́був°'и°].

У некоторых непервообразных предлогов происходит также замена конечного звонкого согласного глухим, как на конце самостоятельных слов: *всле́д облаку* [фсл°'эт°-о́блэку], *скво́зь лес* [сквос°-л°'эс], *близ Лондо́на* [бл°'ис°-ло́ндэна]. Кроме того, на конце слов *скво́зь, близ* произносятся мягкие согласные и перед такими твердыми переднеязычными согласными, сочетания с которыми у этих мягких согласных бывают только на стыке слов, но не внутри слова: *скво́зь наст* [сквос°-на́ст], *скво́зь тунд́ру* [сквос°-ту́ндру], *скво́зь шубу* [сквош°-шу́бу], *близ до́ма* [бл°'из°-до́мэ], *близ ры́нка* [бл°'ис°-ры́нкэ] и др.

В других случаях в относительных клитиках наблюдается иная степень редукции гласных, чем внутри одного лексического слова. Так, в союзе *да*, в частице *так* произносится [э] вне зависимости от положения по отношению к ударению: *река да море* [дэ°-мо́р°'э] (ср. *до моря* [да°-мо́р°'э]), *Попросят, так вымою* — [тэк°-вы́мэиу] (ср. в наречии: *Так вымою, что еще попросят* — [та́к вы́мэиу]). В союзе *что* также может произноситься [э] в любом предударном слоге,

но возможно и произношение [о]: *Сказали, что Нина ушла* — [штэ-н'йнэ] и [што-н'йнэ] (ср. *штанина* [шта'н'йнэ]); и в том и в другом случае союз *что* — относительная проклитика.

Возможны и произносительные варианты слова, при которых оно выступает то в виде абсолютной клитики, то в виде относительной, а относительная клитика характеризуется разным произношением гласного и конечного согласного. Так, предлог *меж* всегда безударен, это проклитика; ср.: *Меж ними все рождало споры* (А. С. Пушкин). Но при произношении [м'и'ж-н'йм'и³] это абсолютная проклитика, а при произношении [м'эж-н'йм'и³], [м'эш-н'йм'и³], [м'и'ш-н'йм'и³] — относительная. Союз *хоть* обычно, а частица *хоть* всегда безударны, при этом в них могут произноситься [о] и [э]. В этом случае союз *хоть* всегда проклитика, а частица *хоть* может быть проклитикой и энклитикой. Например: *Хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя всё то же* (И. А. Крылов) — произносится [хот'-ты] и [хэт'-ты], здесь союз — относительная проклитика; *Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная* — при разном смысле этого высказывания безударная частица может примыкать к предшествующему слову и к последующему: [пэгэва'р'й-хэт'] и [хэт'-ты] или [хот'-ты]; в первом случае частица — абсолютная энклитика, во втором — относительная проклитика.

Слабое ударение

Некоторые слова могут иметь ударение более слабое, чем обычное ударение самостоятельных слов. Такое ударение называется *слабым* и обозначается знаком «`» в отличие от основного ударения, обозначаемого знаком «´».

Слабоударяемыми могут быть некоторые двусложные и трехсложные предлоги и союзы: *пѐред отхо́дом, дѐколо дѐйма, ѐсли смѐжешь, потѐму что хо́лодно*. Слабое ударение могут иметь относительные слова: *лѐс, откѹда мы вы́шли; письмѐ, котѐрое при-сла́ли*; простые числительные в сочетании с существительными: *дѡѡ часѡ, дѡѡсять рублѡй*; некоторые местоимения: *тебѡ иска́ли, ѡн приѡхѡл, еѡд сестрѡ*; связки *быть, стать*: *ѹтро бѡыло морѡзное, ѡн стѡл учѡителем*; слова с модальными значениями: *знѡй себѡе нахѡливает, собирѡлся бѡыло ѹѡхать, придѡт бывѡло и молчѡит*.

Побочное ударение

В некоторых словах в речи наряду с основным ударением может возникать дополнительное ударение, которое стоит ближе к началу слова. Такое ударение называется *побочным*. Оно

встречается обычно у многосложных слов. Побочным ударением могут выделяться части сложных и сложносокращенных слов: *дрѣвнерусский, пѣдинститут, стрѣйматериалы*; приставки: *антикоррозийный, дѣдперестрѣбный, пѣслеобѣденный, прѣамериканский*.

Побочное ударение появляется главным образом у слов редко употребляющихся, специальных, книжных, с четко выделяющимися частями: *звѣрофѣрма, вѣдонепроницаемый, стѣрославянский* (ср. широкоупотребительные слова *зверобѣй, водопровѣд, старомѣдный*).

При трех или четырех основах в слове возможны три ударения — два первых побочных, а последнее основное: *аэрофѣтосъѣмка, Мѣсѣблфинотдѣл*.

Анализ словесного ударения

1) Определить, имеет ли данное слово в анализируемом тексте ударение. Если слово безударное, то оно — проклитика или энклитика, абсолютная или относительная? Если слово имеет ударение, то одно или более, сильное или слабое? 2) Если у слова есть разные грамматические формы, то определить место ударения в этих формах, установить, неподвижное или подвижное формообразовательное ударение у этого слова, и указать, на какие морфемы падает ударение. 3) Если слово производное, то определить место ударения у слова, от которого данное слово образовано, и установить, неподвижное или подвижное словообразовательное ударение у анализируемого слова.

Образец:

*Над поблекшей травой от нечего делать **носятся** грачи.*

1) Слово *носятся* имеет одно сильное ударение. 2) Слово *носятся* — глагол. Ударение форм настоящего времени: *ношусь, носишься, носится, носимся, носитесь, носят* — подвижное, в форме 1-го лица ед. ч. на окончании, в остальных формах на корне. Ударение форм прошедшего времени: *носился, носилась, носилось, носились* — неподвижное на суффиксе. В целом у слова формообразовательное подвижное ударение. 3) Слово *носиться* образовано от слова *носить*, ударение осталось на той же морфеме, это словообразовательное неподвижное ударение.

Фразовое и синтагменное ударение и акцентное выделение слова

Если фонетическая синтагма или фраза состоит из нескольких фонетических слов, то одно из слов несет более сильное ударение. Такое выделение одного из слов фонетической синтагмы или фразы называется синтагменным или фразовым

ударением. Например: *Лиза́вета Ива́новна | сидела́ в сво́ей ко́мнате, | ещё́ в ба́льном сво́ём на́ряде, | погру́женная́ в глубо́кие размышле́ния; Графи́ня не отве́чала́* (А. С. Пушкин; синтагменное и фразовое ударения отмечены знаком «~»).

Синтагменное и фразовое ударения не связаны со смыслом, слово, выделяемое таким ударением, не является более важным в смысловом отношении. Функция синтагменного и фразового ударений заключается в фонетическом объединении нескольких слов в фонетическую синтагму или фразу, эти ударения членят текст на синтагмы и фразы. Синтагменное и фразовое ударения стоят на последнем фонетическом слове синтагмы и фразы и указывают на их границу — конец синтагмы и фразы.

По своим физическим характеристикам фразовое и синтагменное ударения совпадают, поэтому большинство лингвистов объединяют синтагменное и фразовое ударения под одним названием — фразовое.

Выделение в синтагме более сильным ударением какого-либо слова для подчеркивания его особого значения называется акцентным выделением. Оно обычно сильнее фразового и падает на любое слово фразы (синтагмы). Акцентное выделение передает различные смысловые отношения, в частности явное или подразумеваемое противопоставление: *Я пойду́ в кино́, а не ты́; Я пойду́ в кино́* (хотя я очень занят); *Я пойду́ в кино́* (а не в другое место). Такое акцентное выделение называется логическим ударением.

Анализ ударения в тексте

1) Обозначить вертикальными линиями границы между фонетическими синтагмами и фразами (факультативные границы — пунктирной линией); 2) расставить ударения — сильные и слабые словесные ударения, синтагменные и фразовые ударения; 3) присоединить клитики к остальной части фонетического слова лигой в орфографической записи, дефисом в транскрипции.

Образец:

*Бри́чка | бежи́т | а Егору́шка | ви́дит | всё́ одно́ и та́ же | —
не́бо, | равни́ну, | холмы́...|| Над по́блёкшей тра́вой | от не́чего
де́лать | но́сятся гра́чи; || всё́ они́ | похо́жи | друг на дру́га | и де́лают
сте́нь | ещё́ бо́лее однообра́зной.||*

ИНТОНАЦИЯ

Интонация — ритмико-мелодическая сторона речи, способствующая членению потока речи на отдельные отрезки — фонетические синтагмы и фразы, а также служащая в предложении сред-

ством выражения синтаксических значений, модальности и эмоционально-экспрессивной окраски.

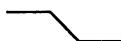
В практике преподавания русского языка в России и во многих других странах широко используется описание русской интонации Е. А. Брызгуновой. Важнейшим положением этой теории является выделение семи интонационных конструкций (сокращенно ИК), которые характеризуются в первую очередь изменениями основного тона в пределах фонетической синтагмы, но также и количественно-динамическими и тембровыми средствами. Существуют также описания интонации, в которых, как и в данном учебнике, эти ее компоненты рассматриваются отдельно.

Тональные средства интонации

Основными интонационными средствами являются **тональные средства**. У каждого говорящего свой средний тон речи. Но в некоторых местах фонетической синтагмы и фразы происходит резкое повышение или понижение тона, которое называется **тональным акцентом**. Движение тона на протяжении фонетической синтагмы называется ее **тональным контуром** (сокращенно ТК).

Каждый ТК имеет центр — слог, на который падает основное ударение — **динамический акцент** фонетической синтагмы (синтагменное или фразовое ударение или акцентное выделение слова). Выделяются также **предцентровая** и **постцентровая** части фонетической синтагмы, которые могут в конкретных синтагмах отсутствовать. Например: *Наступило лето*; *Дверь не заперта*; *Где книга? Здесь* (в этих примерах выделен центр ТК). Основными различительными признаками ТК являются движения тона в центре и уровень тона постцентральной части. Предцентровая часть в большинстве ТК произносится на среднем тоне.

Каждый из сегментов ТК — предцентровую часть, центр и постцентровую часть — можно схематически изобразить непрерывной линией движения тона.

Общая схема ТК-1

В зависимости от того, как распределены по этому контуру сегменты, выделяются две разновидности ТК-1:

ТК-1.1

Основное понижение тона происходит на звуках центра, тон постцентральной части ниже среднего. Здесь динамический и **тональный акценты** совпадают, они выделяют один и тот же слог.

ТК-1.1 обычно встречается при выражении завершенности в повествовательном предложении: *Поздняя о\сень. Грачи улете\ли, лес обнажил\ся, поля опусте\ли...* (Н.А. Некрасов) — центр ТК в примерах выделен, падение тона показано знаком «\» после слога, на котором это изменение происходит. ТК-1.1 может встречаться и в предложениях другого типа, например: *Куда\ ты идёшь? Не мешай\ мне.*

ТК-1.2 — — \ —

Звуки центра произносятся в пределах среднего тона, на первом слоге постцентральной части понижение тона ниже среднего уровня, а дальнейшая часть фонетической синтагмы — на низком тоне. Здесь динамический и тональный акценты не совпадают, они выделяют разные слоги.

ТК-1.2 обычно встречается в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в предложениях с обращением, волеизъявлением: *Куда ты\ идёшь? Володя\, не ходи ту\да.*

ТК-1.1 и ТК-1.2 могут характеризовать предложения с одним и тем же лексическим составом: ТК-1.1 *Андрей на заво\де был.* ТК-1.2 *Андрей на заводе\ был.* В первом примере нейтральное утверждение, ТК-1.1 характеризует фразовое ударение на слове *заводе*. Во втором примере ТК-1.2 указывает на скрытое противопоставление: *на заводе, а не в другом месте.*

Общая схема ТК-2 — — / —

ТК-2.1 — — / —

На звуках центра резко восходящее движение тона, тон постцентральной части выше среднего. Здесь динамический и тональный акценты совпадают, они выделяют один и тот же слог.

ТК-2.1 обычно встречается при выражении неожиданного обнаружения высокой степени признака, действия, состояния: *Какой компот/ вкусный! Как она танцу\ет! Сколько воды/ набралось!* — повышение тона показано знаком «/» после слога, где оно происходит.

ТК-2.2 — — / —

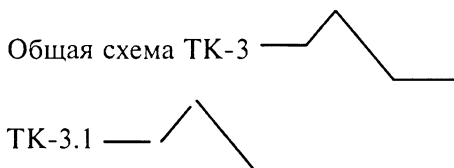
Звуки центра произносятся в пределах среднего тона, на первом слоге постцентральной части повышение тона выше среднего уровня, сохраняющееся до конца фонетической синтагмы. Здесь динамический и тональный акценты не совпадают, они выделяют разные слоги.

ТК-2.1 и ТК-2.2 могут характеризовать предложения с одним и тем же лексическим составом: ТК-2.1: *Где же был Андрей? — Он на*

заво/де был. ТК-2.2: Почему Андрея не было дома? — Он на заводе/ был.

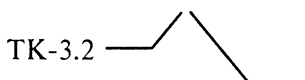
В этих примерах ТК-2.1 указывает на эмоциональное утверждение с оттенком протеста, вызова, а ТК-2.2 с более сильным, чем при ТК-1.2, оттенком противопоставления.

Легко заметить, что ТК-1 и ТК-2 построены как зеркальное отражение друг друга.

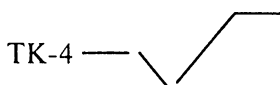
На звуках центра резко восходящее движение тона, а затем нисходящее движение тона, которое происходит главным образом на следующем слоге, но может начинаться и в конце центра, дальнейший тон ниже среднего. Здесь сложный тональный акцент выделяет тот же слог, что и динамический акцент, и следующий слог.

ТК-3.1 характерен для выражения незавершенности речи. Так, ТК-3.1 обычно встречается в вопросительных предложениях без вопросительного слова: Анна *пьёт*/ сок\? Типичен ТК-3.1 и для неконечной синтагмы в утвердительном предложении: Когда Каштанка *опо*/мни\лась, | музыка уже не играла (А. П. Чехов). Встречается ТК-3.1 и при обращении, выражении просьбы: Мари/но\чка, | позвони/ за\втра. Тональный контур здесь такой же, как и в Позвонишь/ за\втра?

Резкое повышение тона от среднего уровня происходит на предцентральной части с вершиной на первом предупредном слоге, а в центре понижение тона до уровня ниже среднего, тон постцентральной части низкий. Здесь сложный тональный акцент выделяет тот же слог, что и динамический акцент, и предшествующий слог.

ТК-3.2 характерен для предложений с эмоциональной окраской; повествовательных: Он при/е\хал; Весной здесь просто наводне\ние; побудительных: Посмо/три\ на себя По/жа\луйста | помол/чи\те!; вопросительных с вопросительным словом: Ты ку/да\ отправился? Поче/му\ ты молчишь?

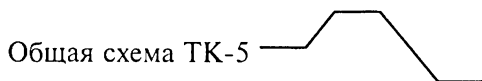

На звуках центра нисходящее движение тона, тон постцентральной части восходящее движение тона до уровня выше среднего. Здесь сложный тональный акцент выделяет тот же слог, что и динамический акцент, и следующий слог.

ТК-4 обычно встречается в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом *а*, в вопросах с оттенком требования: *А Ната\ша/? Ваше и\мя/? Фами\лия/?* Повышение тона в постцентральной части может происходить на первом заударном слоге: *А Ба\ри/нова?* или равномерно повышаться на всей заударной части.

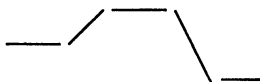
ТК-3 и ТК-4 (как и ТК-1 и ТК-2) выглядят как зеркальное отражение друг друга.

В фонетической синтагме может быть и два акцентно выделенных слова, в этом случае два интонационных центра. В отличие от описанных выше тональных контуров, ТК-5 и ТК-6 характеризуются на протяжении одной фонетической синтагмы двумя существенными изменениями тона и состоит из пяти сегментов.

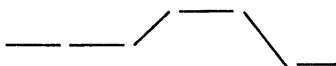
На звуках первого центра или на следующем слоге восходящее движение тона, на звуках второго центра или на следующем слоге нисходящее, тон между центрами выше среднего, тон постцентральной части ниже среднего.

При ТК-5.1 повышение и следующее понижение тона происходит на центрах, здесь динамические и тональные акценты совпадают: *Неуже\ли на заво\де был?*

В других разновидностях ТК-5 один или оба тональных акцента не совпадают с динамическими акцентами.

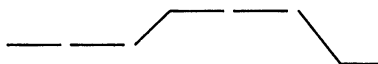
При ТК-5.2 повышение тона происходит на слоге, следующем за первым центром (динамический и тональный акценты не совпадают), понижение — на втором центре (динамический и тональный акценты совпадают): *Неужели\ на заво\де был?*

При ТК-5.3 повышение тона происходит на первом центре (динамический и тональный акценты совпадают), понижение — на слоге, следующем за вторым центром (динамический и тональный акценты не совпадают): *Неуже\ли на заводе\ был?*

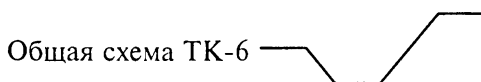
При ТК-5.4 повышение, а затем понижение тона происходит на слогах, следующих за центрами (оба динамических и тональных акцента не совпадают): *Неужели/ на заводе\ был?*

При отсутствии постцентральной части у второго центра ТК-5, его разновидности различаются по месту понижения тона на втором центре: у ТК-5.1 и ТК-5.2 оно начинается в начале центра, у ТК-5.3 и ТК-5.4 — в конце гласного.

ТК-5 обычно встречается при выражении высокой степени признака, действия, состояния: *Какой/ у неё го\лос!* (или *Какой у/ неё го\лос\!*; *Какой/ у неё го\лос\!*; *Какой у/ неё го\лос\!*); *Как/ она танцу\ет!* (или *Как о/на танцу\ет\!*; *Как/ она танцует\!*; *Как о/на танцует\!*); *Настоя\щая весна\!* (или *Настояща\я весна\!*). ТК-5 часто встречается и в вопросительных предложениях с вопросительным словом: *Куда/ ты идёшь\?* (или *Куда ты/ идёшь\?*); *Какой/ у неё го\лос?* (или *Какой у/ неё го\лос\?*; *Какой/ у неё го\лос\?*; *Какой у/ неё го\лос\?*).

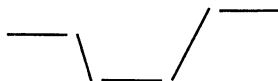
ТК-5 может быть и у фразы, состоящей из одного слова с побочным ударением, обычно при выражении эмоции: *Вё\ликолё\пно!*; *Вё\схити\тельно!*

Общая схема ТК-6

На звуках первого центра или на следующем слоге нисходящее движение тона, на звуках второго центра или на следующем слоге восходящее, тон между центрами ниже среднего, тон постцентральной части выше среднего. Схема ТК-6 представляет собой зеркальное отражение схемы ТК-5.

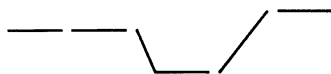
При ТК-6.1 понижение и следующее повышение тона происходит на центрах, здесь динамические и тональные акценты совпадают: *А Во\ло\дя разбу\дит?*

В других разновидностях ТК-6 один или оба тональных акцента не совпадают с динамическими акцентами.

При ТК-6.2 понижение тона происходит на слоге, следующем за первым центром (динамический и тональный акценты не со-

впадают), повышение — на втором центре (динамический и тональный акценты совпадают): *А Волю\д\я разбу\дит?*

При ТК-6.3 понижение тона происходит на первом центре (динамический и тональный акценты совпадают), повышение — на слоге, следующем за вторым центром (динамический и тональный акценты не совпадают): *А Волю\д\я разбу\дит/?*

ТК-6.4 отличает понижение, а затем повышение тона на слогах, следующих за центрами (оба динамических и тональных акцента не совпадают): *А Волю\д\я разбу\дит/?*

ТК-6 встречается в вопросительных предложениях: *Ты рабо\ту закон\чила?* (или *Ты рабо\ту закон\чила?*; *Ты рабо\ту закончи\ла?*; *Ты рабо\ту закончи\ла?*); *Эти две\ри на ули\цу?* (или *Эти две\ри на ули\цу?*); в повествовательных предложениях: *Он прекра\сный иссле\дователь* (или *Он прекра\сный иссле\дователь*; *Он прекра\сный иссле\дователь*; *Он прекра\сный иссле\дователь*); *Она зараба\тывает мно\го* (или *Она зараба\тывает мно\го*; *Она зараба\тывает мно\го*; *Она зараба\тывает мно\го*); в придаточных предложениях: *Когда\ она проснёт\ся*, | *дай ей молока* (или *Когда\ она проснёт\ся* | ...; *Когда\ она проснётся* | ...; *Когда\ она проснётся* | ...).

Схемы ТК-5 и ТК-6 представляют собой зеркальное отражение друг друга.

Соотношение ТК-1.1 и ТК-1.2, ТК-2.1 и ТК-2.2, ТК-5.1 и ТК-5.2, ТК-5.3 и ТК-5.4, ТК-6.1 и ТК-6.2, ТК-6.3 и ТК-6.4 в некоторых случаях может быть примерно одинаковым, когда вторые члены этих соответствий добавляют к смыслу, выраженному первыми членами, одни и те же компоненты, например, модальности — особой заинтересованности, чувства говорящего; ср.: ТК-1.1: *Какой\ у нее голос?* — ТК-1.2: *Какой у\ нее голос?*. ТК-1.1: *Там опа\сно*. — ТК-1.2: *Там опасно*. ТК-2.1: *Когда перейдёшь ули\цу*, | *свернёшь направо*. — ТК-2.2: *Когда перейдёшь ули\цу*, | *свернёшь направо*. ТК-5.1: *Какой\ у нее го\лос!* — ТК-5.2: *Какой у\ нее го\лос?* ТК-5.3: *Хорошо\ ли вы спали\?* — ТК-5.4: *Хорошо ли\ вы спали\?* ТК-6.1: *Гости\ница напра\во?* — ТК-6.2: *Гостини\ца напра\во?* ТК-6.3: *Гости\ница направо\?* — ТК-6.4: *Гостини\ца направо\?*

Таким образом, различительными, дифференциальными признаками ТК являются: в центре — тон восходящий, нисходящий, ровный средний; в постцентре: тон восходящий, нисходящий, ровный высокий, ровный низкий. Разные сочетания этих дифференциальных признаков характеризуют разные ТК.

Тон предцентральной части также может участвовать в различении разных типов высказываний. Так, при общем среднем тоне в утвердительных предложениях все фонетические слова предцентральной части выделяются некоторым повышением тона на ударном слоге и понижением на безударных слогах: *Эта картина художника Петрова*. В вопросительных предложениях эта мелодическая выделенность слов предцентральной части гораздо меньшая: *Эта картина художника Петрова?*¹. Кроме этого в завершении предцентральной части тон может резко повышаться при ТК-3.2.

Если существенное изменение тона происходит на постцентральной части ТК, то при ее отсутствии в конкретной синтагме или фразе это изменение тона переносится в центр ТК: понижение или повышение тона начинается с конца гласного центра.

Так, в этом случае у ТК-1.1 понижение тона начинается с начала центра (как и при наличии постцентральной части), а у ТК-1.2 — в конце гласного центра: ТК-1.1: *Андрей заболел*\; ТК-1.2: *Андрей заболел*\.

У ТК-2.1 повышение тона происходит в начале центра (как и при наличии постцентральной части), а у ТК-2.2 — в его конце: ТК-2.1: *Андрей заболел*/; ТК-2.2: *Андрей заболел*/.

У ТК-3.1 при отсутствии постцентральной части повышение тона начинается в начале центра, в конце его может происходить некоторое понижение тона. Это понижение тона может и отсутствовать, в этом случае ТК-3.1 не отличается от ТК-2.1, они нейтрализуются: *Андрей заболел*/^ или *Андрей заболел*/.

У ТК-4 при отсутствии постцентральной части в центре происходит понижение и следующее повышение тона: *Андрей заболел*\/.

При отсутствии постцентральной части после второго центра у ТК-5 его разновидности различаются по месту понижения тона на втором центре: у ТК-5.1 и ТК-5.2 оно начинается в начале центра, у ТК-5.3 и ТК-5.4 — в конце гласного центра: ТК-5.1: *Андрей/ заболел*\; ТК-5.2: *Андрей за/болел*\; ТК-5.3: *Андрей/ заболел*\; ТК-5.4: *Андрей за/болел*\.

¹ Был проведен следующий эксперимент: в записанных на магнитофонную ленту предложениях подобного типа были стерты последние слова, несущие фразовое ударение. Оставшиеся предцентровые части были предъявлены разным аудиториям. И большинство из них правильно определили, какая часть была вырезана из повествовательного предложения, а какая из вопросительного (см.: Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. — Л., 1982. — С. 116—120).

При отсутствии постцентральной части после второго центра у ТК-6 его разновидности различаются по месту повышения тона на втором центре: у ТК-6.1 и ТК-6.2 оно начинается в начале центра, у ТК-6.3 и ТК-6.4 — в конце гласного: ТК-6.1: *А Воло\дя придём/?* ТК-6.2: *А Володя\ придет/?* ТК-6.3: *А Воло\дя придет_/?* ТК-6.4: *А Володя\ придет_/?*

Общий уровень тона фонетической синтагмы или фразы может в некоторых случаях сдвигаться вверх или вниз. В связи с этим выделяются: средний регистр тона, на котором произносятся большинство фонетических синтагм и фраз: *Он такой вялый, грустный, ленивый*; верхний регистр: *Он такой хорошенький, пухленький, курносенький*; нижний регистр: *Он такой грубый, грязный, хмурый*. (Каждую из этих фраз невозможно с точки зрения русского языка произнести в другом регистре.)

Верхний регистр типичен для переспросов: *Куда, ты сказал, тебе надо ехать?* В нижнем регистре обычно произносятся вводные слова и предложения, сообщающие факультативную информацию: *У Саввы, пастуха (он барских пас овец), вдруг убывать овечки стали* (И. А. Крылов); переспросы-припоминания: *Как её зовут? — Как её зовут? Не знаю*. Слова автора, стоящие после прямой речи или внутри нее, обычно отличаются от прямой речи регистром. Так, если прямая речь произнесена в среднем регистре, то слова автора — в нижнем или верхнем: *Вот хороший выстрел, — сказал я, обращаясь к графу. — Да, — отвечал он, — выстрел очень замечательный* (А. С. Пушкин).

Расстояние от нижнего тона нижнего регистра до верхнего тона верхнего регистра составляет тональный диапазон каждого говорящего.

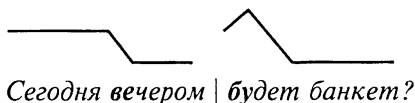
Характер интонации определяется и интервалом повышения или понижения тона — расстоянием между нижним и верхним уровнем от начала до конца изменения тона. Так, в примерах *Мар\и\чка звонила? Позвон\ишь/ за\втра?* и *Мар\и\чка, | позвон\и/ за\втра* — движение тона характерно для ТК-3.1, но в вопросительном предложении подъем тона происходит обычно до более высокого уровня, чем при обращении и просьбе; тональные интервалы здесь разные.

Существуют закономерности сочетания соседних тональных контуров. Характер тонального контура может зависеть от ТК следующей синтагмы. Например, во фразе, состоящей из двух фонетических синтагм, первая синтагма может быть оформлена ТК-3.1 при ТК-1.1 во второй синтагме:

Сегодня вечером | будет банкет.

Если во фразе вторая синтагма оформлена ТК-3.1, то первая синтагма — ТК-1.1:

Тембровые и количественно-динамические средства интонации

Тембровые средства интонации — это разные качества голоса, определяемые состоянием голосовых связок, напряженностью или расслабленностью стенок ротовой полости и глотки, расширением или сужением глотки, сдвигом вверх или вниз гортани.

Чаще всего голос нейтральный: *Он такой, светлый, шелковистый, гладкий.* Кроме того, выделяют также голос расслабленный: *Он такой добрый, милый, нежный;* напряженный: *Он такой быстрый, ловкий, бодрый;* скрипучий: *Он такой паршивенький, тощенький, плюгавенький;* придыхательный: *Он такой прекрасный, восхитительный, божественный.*

В конце движения тона может происходить резкое смыкание голосовых связок — гортанная смычка. Она может завершить движение тона вверх: *Хорошо было? — Хорошо↑! Какие у тебя отметки? — Да ну↑, | что↑ это за отметки! Когда↑ это ещё будет!* Она может быть и при нисходящем движении тона: *Не хорошо↓! Дура↓кая история!*

Количественно-динамические средства интонации включают увеличение или уменьшение силы (громкости) и изменение темпа произнесения отдельных участков фонетической синтагмы и фразы. Например, предложения *Какой у нее голос?* и *Какой у нее голос!* можно произнести с ТК-5. Различие между ними будет состоять в том, что звуки центров ТК в восклицательном предложении произносятся с большей длительностью и силой (громкостью).

Степень длительности и силы центра ТК зависит от нейтрального и эмоционального произнесения фразы. Например: *Он за\втра придет* (ТК-1.1, нейтр.) — *Он за\\втра придет* (ТК-1.1, эмо.); *Когда он\ придет?* (ТК-1.2, нейтр.) — *Когда\ он\ придет?* (ТК-1.2, эмо.); *Как здесь прохл\дно!* (ТК-2.1, нейтр.) — *Как здесь прохл\\дно!* (ТК-2.1, эмо.); *Он сего\дня\ придет?* (ТК-3.1, нейтр.) — *Он сего\\дня\ придет?* (ТК-3.1, эмо.); *Ну как экза\ме/ны?* (ТК-4, нейтр.) — *Ну как экза\\ме/ны?* (ТК-4, эмо.); *Кака/я пого\да?* (ТК-5.1, нейтр.) — *Кака\\я пого\\да!* (ТК-5.1, эмо.); *Давно\ его не/ было* (ТК-6.1, нейтр.) — *Давно\\ его не/ было!* (ТК-6.1, эмо.). Увеличение силы и длительности центра ТК показано двумя чертами.

Функции интонации

Звук, слог, ударение представляют собой односторонние языковые единицы, они создают внешнюю оболочку слов и морфем — двусторонних единиц, сочетающих внешнюю оболочку, звуковой облик, означающее и внутреннее содержание, значение, означаемое. Интонация может выступать как односторонняя и как двусторонняя языковая единица.

Интонация как односторонняя единица выполняет чисто фонетические функции членения потока речи на отдельные отрезки — фонетические синтагмы и фразы — и вместе с тем объединения фонетических слов в фонетические синтагмы, а синтагм во фразы. Так, во фразе *За заводами кончался город* (ТК-3.1) | *и начиналось поле* (ТК-1.1) (А. П. Чехов) две фонетические синтагмы. Паузы между ними может не быть, и тогда граница обозначается только переломом тона: движением тона от уровня ниже среднего к среднему.

Интонация как двусторонняя единица может различать предложения разных типов. Так, сочетание слов *сегодня понедельник* имеет только то значение, которое содержится в этих двух словах. Но произнесенное с определенной интонацией это словосочетание становится предложением вопросительным: *Сегодня понедельник?* или утвердительным: *Сегодня понедельник.* В этом случае интонация передает грамматические значения вопроса и утверждения. Интонация может передавать и другие синтаксические значения: тему и рему, основные и второстепенные части высказывания, вводные слова и предложения, выделять чужую речь и собственную речь говорящего и др. Интонация передает значение — это и значит, что интонация обладает этим значением.

Интонация как двусторонняя единица может передавать модальность — отношение говорящего, нейтральное или субъективное, к содержанию высказывания или к собеседнику, может передавать разнообразные оттенки эмоций. Например:

1.1	1.2	2.1
Студентам идти. — Кому? — Студентам идти. — Студентам идти?		
3.1	4	5.1
Не слышу. — Студентам идти? — Студентам идти. Их очередь. — Студентам идти! Ура! — Студентам идти? Или подождать?		
6.1		

Цифры над словами обозначают центры ТК и их типы.

1.1
Зачем ты это сделал? (угроза);

1.2
Зачем ты это сделал? (обычный вопрос);

- 2.1
Зачем ты это сделал? (переспрос);
- 2.2
Зачем ты это сделал? (недоумение);
- 3.1
Зачем ты это сделал? (душевная боль);
- 3.2
Зачем ты это сделал? (укоризна);
- 4
Зачем ты это сделал? (отчитывание);
- 5
Зачем ты это сделал? (сильное чувство сожаления);
- 6
Зачем ты это сделал? (раздумье).

Какое у нее платье? (нейтральный голос) *Черное или белое?*
Какое у нее платье! (придыхательный голос) *Великолепное!*
Какое у нее платье! (скрипучий голос) *Паршивенькое!*
Какое у нее платье? (напряженный голос) *Отвечай!*
Какое у нее платье? (расслабленный голос) *Разве это важно?*

К фонетике относится лишь внешняя сторона интонации — фонетические средства: высота, сила, длительность и тембр звуков. Значениями интонации должен заниматься особый раздел описания языка — **интонология**, который пока еще отсутствует в русских грамматиках. Интонология должна стоять в одном ряду с такими разделами, как лексикология, фразеология, морфемика, словообразование, морфология и синтаксис. Задача этого раздела — описывать разные интонационные единицы, типы интонационных значений, интонационные синонимы и омонимы, явления нейтрализации, законы сочетаемости разных интонационных типов, т.е. их синтаксис, и т.д. Пока в науке сделаны лишь первые шаги в этом направлении.

Анализ интонационной структуры текста

Переписать текст со знаками интонационной транскрипции. При этом: 1) обозначить вертикальными линиями границы между синтагмами и фразами; 2) подчеркнуть центры интонационных конструкций — слоги, несущие синтагменное и фразовое ударения; 3) над этими центрами написать цифры, характеризующие данный ТК; 4) после слога, на котором происходит основное падение или подъем тона, поставить соответствующую косую линию; 5) увеличение громкости и длительности центра ТК показать двойной чертой. Кроме того, определить регистр каждого ТК и особенности выделения участков синтагм и фраз тембровыми и количественно-динамическими средствами интонации.

Ты и вы

2.1/3.1 1.1
 Пустое вы// | сердечным ты\ |
 1.1
 Она, обмолв^ясь, зам^{ени}\ла ||
 2.1/3.1
 И все счастливые меч^{ты}/ |
 2.1 1.1
 В ду^{ше}/ | влюбленной | возбу^{ди}\ла. ||
 2.1/3.1
 Пред ней задумчиво сто^ю/ | ||
 3.1 1.1
 Свести оче^й/ с не\е | нет си\лы; ||
 1.2 5.1
 И говор^ю ей\ : | как// вы ми\лы! ||
 1.2 5.1
 И мыслю\ : | как// те^{бя} люб^ю\! ||

(А. С. Пушкин)

Возможны и другие варианты интонирования этого поэтического текста.

Почти все фонетические синтагмы произносятся в среднем регистре. В нижнем регистре произносится синтагма «она, обмолв^ясь»; в верхнем регистре произносятся синтагмы «как *вы* милы!» и «как *тебя* люблю!».

Увеличение громкости и длительности наблюдается на словах *вы*, *ты*, *тебя*, выделенных А. С. Пушкиным, на этих словах логическое ударение, а также на центрах ТК–5.1. Слово *милы* произносится расслабленным голосом.

ФОНОЛОГИЯ

Звуки речи и звуки языка

Говорящие на русском языке знают, что в слове *а* один звук, это звук [а], в слове *да* два звука: [д] и [а], в слове *дам* три звука: [д], [а], [м]. Мы легко можем произнести эти слова и узнать их в чужой речи. Чтобы узнавать слова, говорящие должны произносить звуки, из которых эти слова состоят, одинаково: [а], [да], [дам].

Но вместе с тем по одному только слову, произнесенному хорошо знакомым нам человеком, мы узнаем этого человека, даже не видя его. Более того, мы можем понять, здоров этот человек или болен, в хорошем он настроении или в плохом. Это значит,

что в одном и том же слове каждый человек произносит звуки по-своему. И не всегда одинаково. А раз эти звуки отличаются друг от друга, следовательно, это разные звуки. Можно сказать, что мы и не можем произнести одно и то же слово дважды совершенно одинаково. Как бы мы ни старались, звуки хоть немного, а будут отличаться друг от друга. Различия между звуками могут быть по высоте тона, длительности, силе, тембру.

Почему же мы считаем все-таки, что одно и то же слово, произнесенное разными людьми, — это одно и то же слово с одним и тем же составом звуков? Во-первых, некоторых различий между звуками мы не слышим: такие различия настолько тонкие, что находятся за пределами человеческого восприятия (хотя специальные приборы могут их отмечать). Во-вторых, в нашем языковом сознании каждый звук представлен не точкой, а зоной, областью рассеивания. Все звуки, находящиеся в пределах этой зоны, отождествляются говорящими и воспринимаются как один и тот же звук.

Различают звуки речи и звуки языка. Звук речи — это конкретный звук, произнесенный конкретным лицом в конкретном случае. Обычно нельзя воспроизвести в точности один и тот же звук — это будет уже другой звук речи. Можно это сделать только при помощи идеального магнитофона или лазерного плеера. Звук речи — точка в артикуляционном и акустическом пространстве.

Звук языка — это множество звуков речи, близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, определяемых говорящими как тождество. Звук языка — это звуковой тип, эталон звука, существующий в языковом сознании говорящих. Как и всякое множество, звук языка уже не конкретный звук, а абстракция.

В дальнейшем, говоря о звуках, мы будем иметь в виду чаще всего звуки языка. Именно звуки языка отражены в знаках транскрипции.

Фонема

Отождествляем мы не только звуки, близкие в артикуляционно-акустическом отношении. В языке действует строгий закон: отождествляются звуки, различия между которыми связаны с разными условиями их произнесения.

Слова *воз* и *ввоз* отличаются первым звуком: в слове *воз* звук [в], а в слове *ввоз* — [в̌]. Если произнести [в] в слове *воз* с долготой 100 мс (миллисекунд), а затем увеличить долготу этого звука вдвое, не меняя долготы остальных звуков, мы получим слово *ввоз*. Но если произнести [в] за 200 мс и соответственно увеличить долготу остальных звуков, то мы получим все то же слово *воз*. Долгота звука оценивается говорящими только на фоне дол-

готы других звуков. Поэтому краткие звуки в слове, произнесенном быстро, и долгие звуки в том же слове, произнесенном медленно, воспринимаются как одни и те же звуковые единицы.

Разные условия произнесения могут существовать для всего слова (как в только что приведенном примере): разная длительность, разная громкость, разный музыкальный тон (у одних бас, у других тенор, у женщин голоса обычно выше, чем у мужчин, у детей выше, чем у взрослых).

Другой случай, когда разные условия произнесения связаны с неодинаковым положением звука в слове, с разным звуковым окружением. Например, перед звонким согласным [ц] меняется на [дз]; произносится *гля́не* [ц], *ко́не* [ц], *оте́* [ц] и при отсутствии паузы: *гля́не* [дз] *был*; *ко́не* [дз] *го́да*; *оте́* [дз] *до́ма*. Но звуки [ц] и [дз], с точки зрения говорящих, представляют собой некое тождество. Неодинаково произносятся согласные перед [а], [у] — перед огубленным [у] согласные тоже огублены: *ко* [з] *а́* — *ко* [з°] *у́*, *но* [ж] *а́* — *но* [ж°] *у́*, [с] *а́лым* — [с°] *у́мным*. Звуки [з] и [з°], [ж] и [ж°], [с] и [с°] — это разные звуки. Но говорящие обычно этой разницы не замечают: для них [з] и [з°] — одна единица, как и [ж] и [ж°], [с] и [с°]. Она называется *фо́не́й*.

Фонемы существуют в нашем языковом сознании как единые комплексы звуков. Говорящие обычно не обращают внимания на разницу между звуками, относящимися к одной фонеме, отождествляют их. Что же заставляет нас так поступать? Может быть, в одну фонему объединяются звуки близкие, похожие?

В словах *мир*, *мирок*, *мировой* фонема /и/ реализована разными звуками: ударный [и] длительней безударного и произносится при более верхнем положении языка: *м* [и] *р*, *м* [и°] *ро́к*, *м* [и°] *рово́й*. Такая же разница между двумя *и* в словах *в* [и°] *згл* [и°] *вы́й*, [и°] *скр* [и°] *ть*. Но для русских эта разница незаметна. Чтобы ее увидеть, нужны особые усилия. Для англичан же ничего не стоит узнать звуки [i:] и [ɪ] в разных словах: *read* [ri:d] ‘читать’ и *rid* [rid] ‘освобождать’, *scene* [si:n] ‘сцена’ и *sin* [sin] ‘грех’, *wheel* [wi:l] ‘колесо’ и *will* [wil] ‘воля’. В английском языке звуки [i:] и [ɪ] — представители разных фонем, в русском языке подобные звуки [и:] и [и°] в корне *мир* объединяются в одну фонему.

Дело в том, что разные звуки, выступающие в одной и той же позиции, относятся к разным фонемам. (В английском языке и [i:] и [ɪ] могут быть под ударением перед одними и теми же согласными.) Разные звуки, не встречающиеся в одной и той же позиции, а обусловленные разными позициями, т.е. находящиеся в дополнительном распределении, могут представлять одну и ту же фонему. (В русском языке [и:] бывает только под ударением, [и°] только без ударения.) Следовательно, не степень акустической или артикуляционной близости звуков определяет, к одной или к разным фонемам они относятся. Это определяется их позиционным пове-

дением. Фонему представляет весь ряд (всё множество) чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями.

У фонем в языке важное назначение — различать разные слова, разные морфемы. Слова *бар*, *вар*, *дар*, *жар*, *пар*, *шар* различаются начальными звуками [б], [в], [д], [ж], [п], [ш]. Эти звуки здесь — представители фонем /б/, /в/, /д/, /ж/, /п/, /ш/. В словах *бар*, *бор*, *бур* звуки [а], [о], [у] — представители фонем /а/, /о/, /у/, различающих эти слова. Фонема в одном слове или в одной его словоформе может быть противопоставлена в другой его словоформе или в другом слове не только другой фонеме, но и ее отсутствию, т.е. нулю фонемы: *бор* и *бора*, *бору*, *сбор*, *убор*, *борт* и т.п. Эта функция фонемы называется с и г н и ф и к а т и в н о й (от лат. *significare* — ‘обозначать’) или с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н о й.

Не все звуки, которыми слова различаются, принадлежат разным фонемам. В словах *сода* и *сада* две пары разных звуков: [с°] — [с] и [о] — [а]. Но эти соответствия между звуками неравноценны. Звуки [о] и [а] могут выступать в одной и той же позиции — под ударением. Поэтому они — представители разных фонем /о/ и /а/. Они даже могут быть единственными различителями двух слов: *ода* — *ада*, *о́хать* — *а́хать*, *о́стры* — *а́стры*. Звуки же [с] и [с°] всегда обусловлены позицией — следующим гласным или согласным, поэтому они представляют одну фонему /с/ и никогда не могут быть единственными различителями слов. Различия между [с] и [с°] — только «отблеск» основного различия между [а] и [о]. Слова *скинуть* [ск’ýнут’] и *сгинуть* [зг’ýнут’] отличаются звуками [с] и [з], [к’] и [г’]. Но выбор [с] и [з] целиком обусловлен следующими звуками. Поэтому [с] и [з] относятся к одной и той же фонеме, в данном случае /с/. Различия между [с] и [з] — лишь «отблеск» основного различия между [к’] и [г’], воплощающими фонемы /к’/ и /г’/.

Другое назначение фонем — способствовать отождествлению одних и тех же слов и морфем. Эта функция фонемы называется п е р ц е п т и в н о й (от лат. *perceptio* — ‘восприятие’) или и д е н т и ф и ц и р у ю щ е й. Почему мы считаем, что в словах *лез* (от *лезть*) и *лес* разные корни? Потому что у них совершенно разные значения. Почему мы считаем, что в словах *лез* и *залез* корень один и тот же? Во-первых, потому, что он имеет одно и то же значение. Но этого недостаточно: *залез на дерево* значит то же самое, что *взобрался на дерево*, но мы ведь не считаем, что *залез* и *взобрался* — одно и то же слово. В словах *лез* и *залез* корни произносятся одинаково, это и позволяет нам их отождествить. Но почему тогда мы отождествляем корни в формах *залез*, *залезу* и *залезать*? Ведь произносятся они по-разному: *за*[л’э́с], *за*[л’э́з]у и *за*[л’и́эз]а́ть. Мы это делаем потому, что чередующиеся звуки этого корня относятся к одним и тем же фонемам.

Фонемы — строительный материал для значимых единиц языка — морфем и слов, фонемы служат для складывания этих единиц (их плана выражения — звуковых оболочек). Эта функция фонем называется конструирующей. Так, слово *меч* состоит из трех фонем — /м'ач'/; приставка, корень, суффикс и окончание слова *набрать* состоят из фонем /на-бр-а-т'/. Фонемы — кратчайшие линейные единицы языка.

В речи фонемам соответствуют звуки. Членение слова на звуки говорящие осуществляют в соответствии с фонемным членением. Без знания языка, его фонемного состава, невозможно разделить звуковой поток на отрезки, соответствующие звукам. Так, при более тонком анализе выясняется, что в слове *меч* произносится не один гласный, а несколько различных переходных звуков [и-а-и], за которыми следует сначала смычка органов речи, примерно соответствующая звуку [т'], а затем звук [ш']. Знание фонемного состава этого слова /м'ач'/ позволяет отождествить [и^аи] с одним звуком русского языка и точно так же с одним звуком отождествить последовательность [т'ш'] — лига над буквами означает, что это не несколько звуков, а один слитный звук, соответствующий одной фонеме.

В разных языках одни и те же или похожие последовательности звуковых сегментов могут говорящими члениться на разные звуки в соответствии с разным фонемным членением. Так, в русском языке в слове *май* три фонемы /maj/ и три звука [maj], а в английском языке в слове *my* [maɪ] 'мой' две фонемы и два звука — согласный и гласный дифтонг.

Фонемы — это абстрактные единицы фонетического яруса языка, воплощающиеся в речи в множествах позиционно чередующихся звуков. Все эти множества звуков являются отражением реализаций фонем во всех морфемах русского языка, выступающих в разных словах и словоформах. Но в каждой отдельной морфеме фонема обычно бывает представлена лишь частью этого множества.

Так, фонему /о/ представляет следующий ряд звуков:

Позиции: 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 10 — 11

Звуки: [o] - [o̞] - [oɪ] - [ö] - [a²] - [a²̞] - [ə] - [ə̞] - [ə̞] - [и³] - [и³̞]

- 1) под ударением между твердыми согласными;
- 2) под ударением после мягкого согласного перед твердым;
- 3) под ударением после твердого согласного перед мягким;
- 4) под ударением между мягкими согласными;
- 5) в первом предударном слоге между твердыми согласными;
- 6) в первом предударном слоге после твердого согласного перед мягким;
- 7) в безударных слогах, кроме первого предударного, между твердыми согласными;
- 8) в безударных слогах, кроме первого предударного, после твердого согласного перед мягким;

9) в заударном конечном открытом слоге после мягкого согласного;

10) в безударных слогах после мягкого согласного перед твердым;

11) в безударных слогах между мягкими согласными (см. ниже, с. 97–100).

Данный ряд позиционно чередующихся звуков, представляющий фонему /о/, абстрагирован от конкретных морфем, существует как особая фонетическая единица. Но формируется он на основе всех слов и морфем русского языка с этой фонемой, хотя в каждой из этих морфем фонема /о/ может быть представлена лишь частью этого множества. Так, в корневой морфеме *-стол* фонема /о/ представлена пятью звуками из этого ряда: [о] — *стол*, [о·] — *сто́лик*, [а³] — *стола́*, [а³·] — *на столе́*, [э] — *столова́ться*; в окончании твор. п. ед. ч. существительных 2-го склонения *-ом* фонема /о/ представлена четырьмя звуками: [о] — *быко́м*, [о·] — *конё́м*, [э] — *во́лком*, [и³] — *оле́нем*; в слове *о́чень*, где только и встречается этот корень, фонема /о/ представлена лишь звуком [о·].

Итак, фонема — это кратчайшая линейно выделяемая языковая единица, представленная всем рядом (всем множеством) чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями, служащая для складывания, различения и отождествления слов и морфем.

Многие представители Московской фонологической школы (МФШ) обозначают фонему угловыми скобками < >, чтобы графически подчеркнуть особое понимание фонемы в отличие от взглядов иных фонологических школ. Другие представители МФШ используют для этого косые скобки / /, как это принято во всех современных фонологических школах мира, несмотря на различия во взглядах на фонему. В нашем учебнике понятие фонемы и описание фонематической системы русского языка дается с позиций МФШ, при этом фонема передается косыми скобками.

Позиционные чередования

В формах слова *коза́*, *козе́*, *козу́*, *коз*, в словах *ко́злы*, *козе́л*, *козеро́г* корень один и тот же. Но мы произносим то [з] (*коза́*, *ко́злы*), то [з'] (*козе́*, *козеро́г*), то [с] (*коз*), то [з³] (*козу́*), то [з³°] (*козе́л*). Гласный тоже не одинаков: [о] (*ко́злы*, *коз*), [а³] (*коза́*, *козе́*, *козе́л*), [э] (*козеро́г*). Не одинаков и первый согласный: перед [а³], [э] это [к] (*коза́*, *козеро́г*), перед [о] это [к°] (*ко́злы*, *коз*). Такая мена звуков, занимающих одно и то же место в одной и той же морфеме, но в разных словах или разных словоформах, называется че ре-

довании м. Заменяв [з] на [с] (или наоборот) в словах *ко[з]á*, *ко[с]á*, мы не получим чередования: корни здесь разные. В слове *вожжи* может произноситься [ж'] и [ж̌]. Варианты слова *тоннель* и *туннель* отличаются звуками [а³] и [у], но это не чередование, а варьирование звуков в одной и той же словоформе.

Чередование может быть связано с определенным положением звуков в слове. Так, в русском языке звук [г], попав на конец слова, заменяется звуком [к]: *подру[г]а* — *дру[к]*, *но[г]а* — *но[к]*, *слу[г]а* — *слу[к]*, *бе[г]у* — *бе[к]*, *кру[г]лый* — *кру[к]*. Это чередование не знает исключений. В новых словах действует та же закономерность. Недавно заимствованы слова *акваланг*, *смог*, создано сложносокращенное слово *киборг* (*кибернетический организм*), они подчинились той же закономерности.

Чередование [г] || [к] в русском языке — позиционное чередование. Позиционным чередованием называется такое чередование, которое происходит в какой-либо позиции.

Чередование звуков может быть вызвано позицией начала слова. Во многих русских говорах с неполным оканьем [о] заменяется [у] в начале слова во втором предударном слоге. Здесь скажут [ó]блако, но [у]блока́, [ó]стров, но [у]стровá, [ó]труби, но [у]трубе́й, а также [у]горо́д, [у]топ्री́, [у]бязáтельно, [у]дея́ло и т.п. Тот же звук и в новых для говоров словах, заимствованных из литературного языка: [у]пeрáция, [у]блигáция. Не в начале слова такой замены нет: *д[о]м* — *д[э]мово́й*, *к[ó]рень* — *к[э]рневийше́*.

Чередование бывает связано с позицией звука в слоге. Так, в некоторых русских говорах [в] на конце слога заменяется звуком [ў] неслоговым: *голо[в]á* — *голо́[ў]*, *голо́[ў]ка*, *голо[ў]ня́*; *тра[в]á* — *тра[ў]*, *тра́[ў]ник*.

Часто чередование бывает обусловлено положением одного звука рядом с другим. Так, в русском языке после твердого согласного [и] заменяется на [ы]: [и]гра́ — с[ы]гра́ть, [и]кра́ — с[ы]кро́й, она [и] он — он [ы] она. Мы пишем *ножи*, *широкий*, а произносим *нож[ы]*, *ш[ы]рокий*: [ж], [ш] — твердые согласные. Перед глухими согласными звонкие заменяются глухими: *вя[з]áть* — *свя[с]ка* (*связка*), *ле[г]ла́* — *улё[к]ся* (*улёгся*).

Звуки могут чередоваться в зависимости от положения по отношению к ударению: ударный [э] заменяется безударным [и³]: *св[']э[рху]* — *нав[']и³[рху]*, *пóв[']и³[рху]*.

Все эти примеры характеризуют чередования, которые называются фонетическими. У фонетических чередований позиции, т.е. условия появления того или иного звука, фонетические — начало и конец слова или слога, соседство других звуков, положение в ударном или безударном слоге.

Но вот еще пример — чередование [г] || [ж]: *подру[г]а* — *дру[ж]-ный*, *бума[г]а* — *бума[ж]ный*, *тай[г]а* — *таё[ж]ный*, *дви[г]ать* — *подви[ж]ный*, *мо[г]у* — *возмо[ж]ный*. Чередование это осуществляется

во многих словах, и можно подумать, что оно обусловлено позицией перед [н]. Тогда оно тоже фонетическое. Но это не так: [г] перед [н] не обязательно заменяется на [ж]: [г]он — [гн]ать, ми[г]ать — ми[гн]уть, ша[г]ать — ша[гн]уть. Фонетической позиционной обусловленности здесь нет. Но в данном случае есть другая позиционная обусловленность: чередование [г] || [ж] не знает исключений в позиции перед суффиксом прилагательных -н-. Позиция здесь морфологическая, чередование — морфологическое позиционное. Когда в русском языке от заимствованных слов *каталог*, *флаг*, *фрамуга*, *шага* были образованы прилагательные с суффиксом -н-, то [г], как и в других русских словах, заменился на [ж]: *каталожный*, *флажный*, *фрамужный*, *шажный*.

При морфологических чередованиях в качестве особой позиции может выступать не только суффикс, но и окончание. У глаголов губные согласные [б'], [п'], [в'], [м'] в конце основы заменяются в форме 1-го лица ед. ч. сочетаниями [бл'], [пл'], [вл'], [мл']: *губить* — *гублю*, *топить* — *топлю*, *травить* — *травлю*, *кормить* — *кормлю*. Появился в русском языке глагол *графить* с губным [ф'], и он подчинился этой закономерности: *графлю*. Исключений здесь нет, данное чередование позиционное. Но оно вызвано не гласным звуком, стоящим после губного согласного, а глагольным окончанием 1-го лица ед. ч.: в *глубь* — *глубю* нет этого чередования, а в *приглубь* — *приглублю* есть. Поэтому оно морфологическое.

А чем вызвано чередование [х] || [ш]: *сухой* — *сушь*, *глухой* — *глушь*, *тихий* — *тишь*, *ветхий* — *ветошь*? Фонетическая позиция здесь не принимает участия: в конце слова может и не быть этого чередования: *сух*, *глух*, *тих*. Замена [х] на [ш] не вызывается также и конкретным окончанием: [ш] выступает во всех падежных формах: *сушь*, *суши*, *сушью*. В роли позиции, требующей замены [х] на [ш], выступает сама принадлежность слова к 3-му склонению существительных. Существительные 1-го и 2-го склонений могут в конце основы иметь [х]: *рубаха*, *муха*, *слониха*, *смех*, *мох*, *петух*. Существительные 3-го склонения звук [х] в конце основы заменяют на [ш]. Позиция здесь морфологическая, и чередование тоже морфологическое. Это чередование охватывает все заднеязычные согласные — в конце основы существительных 3-го склонения они заменяются шипящими: *лгать* — *ложь*, *залгать* — *залежь*, *дрогнуть* — *дрожь*, *запрягать* — *упряжь*, *благой* — *блажь*; *изрекать* — *речь*, *горький* — *горечь*, *дикий* — *дичь*, *мелкий* — *мелочь*, *бестолковый* — *бестолочь*.

Фонетические и морфологические чередования могут образовывать целые ряды позиционно чередующихся звуков: 1) г[ó]сти — г[а³]сте́й — г[э]стево́й, горо[д]а́ — го́ро[т] — иногоро́[д']ный — горо[ц]ско́й; 2) шу[т] — шу[т']и́ть — шу[ч']у́; каза́[к] — каза́[к']и — каза́[ц]кий — каза́[ч]ий. Чередоваться могут не только звуки друг

с другом, но и с нулем звука, его отсутствием: 1) *гиган*[т] — *гиган*[-]ский (*гигантский*), *стрó*[ѣ]ка — *стрó*[-]ит; 2) *сыр*[ó]к — *сыркá*, *пирож*[ó]к — *пирожкá*.

Позиционные чередования могут не знать исключений в данной языковой системе. Такие чередования называются *позиционно обусловленными*: например, фонетическое чередование шумного звонкого согласного с глухим на конце слова (*гла*[з]á — *гла*[с]) или перед глухим шумным (*гла*[с]ки), морфологическое чередование [г] || [ж] перед суффиксом прилагательных *-н-* (*подру*[г]а — *дру*[ж]ный), перед глагольным суффиксом *-и-* (*дру*[ж]и́ть) или окончанием глаголов II спряжения (*дру*[ж]у́, *дру*[-]ж[и]шь и т.д.). Позиционные чередования, знающие исключения, называются *позиционно прикрепленными*. Например, фонетическое чередование твердого зубного согласного с мягким в позиции перед мягким зубным (*мо*[с]т — *мо*[с']тик) не обязательно на стыке приставки и корня (*ра*[с']тесáть и *ра*[с]тесáть), в начале слова ([с']тенá и [с]тенá), после твердого согласного (*шер*[с']ть и *шер*[с]ть); морфологическое чередование [о] || [а] перед глагольным суффиксом *-ива-/-ыва-* (*выхóдит* — *выхáживает*, *сно́сит* — *сна́шивает*, *уло́бит* — *ула́вливает*, *отко́лет* — *отка́лывает* и т.п.) знает исключения: *то́пчет* — *прита́птывает* и *прито́пывает*, *хло́пает* — *прихло́пывает* и др.

Кроме позиционных бывают и такие чередования, которые не имеют ни фонетической, ни морфологической обусловленности: *подру*[г]а — *дру*[з']ья, *с*[о]н — *с*[-]на, *зас*[ó]хнуть — *зас*[ы]хáть — *зас*[у]и́ть. Это *непозиционные* чередования, которые связаны только с конкретными словами.

Фонетические позиционно обусловленные чередования — это чередования звуков, относящихся к одной фонеме. Фонетические позиционно прикрепленные чередования могут быть чередованием звуков, относящихся к одной фонеме, и чередованием фонем. Так, если отступления от позиционного чередования закреплены в отдельных словах, лексикализованы и обязательны для говорящих, то такие чередования представляют собой чередования фонем. Например, чередование [н'] || [н] перед твердым зубным (*ко*[н'] — *ко*[н]ный, *Казá*[н'] — *казá*[н]ский, *испа́*[н']ец — *испа́*[н]цы) знает исключение: *ию́*[н'] — *ию́*[н']ский. Следовательно, это чередование звуков представляет собой чередование фонем /н'/ || /н/. Если отступления от позиционного чередования факультативны, необязательны, то такие позиционно чередующиеся звуки рассматриваются как представители одной фонемы. Например, чередующиеся ударный [а] с безударным [и³] после мягкого согласного (*п*[ʲá]тый — *п*[и³]так, *р*[ʲа]д — *р*[и³]дý) представляют фонему /а/, несмотря на то, что в словах типа *спекуля́тивный*, *ассимиля́тивный* в предударном слоге наряду с [и³] встречается произношение [ʲа].

Морфологические и непозиционные чередования — это чередования фонем, которые называются историческими чередованиями.

Нейтрализация фонем

Фонетические позиционные чередования могут быть двух типов: 1) чередования, образующие параллельные ряды, не имеющие общих членов; 2) чередования, образующие пересекающиеся ряды, имеющие общие члены. Вот схематическое изображение этих двух типов чередования в позициях P_1 и P_2 :

Например, фонемы /р/ и /л/ образуют параллельные ряды звуков, чередующихся в разных позициях:

$/р/ - \text{смот}[р]_ы - \text{смот}[р^°]_у - \text{смот}[р]$
 $/л/ - \text{смыс}[л]_ы - \text{смыс}[л^°]_у - \text{смыс}[\underline{л}]$

Фонема /р/ представлена рядом позиционно чередующихся звуков $[р] \parallel [р^°] \parallel [\underline{р}]$. Фонеме /л/ представляет ряд $[л] \parallel [л^°] \parallel [\underline{л}]$. При этом в каждой позиции /р/ и /л/ представлены разными звуками; эти фонемы различаются во всех позициях.

Фонемы /б/ и /п/ образуют пересекающиеся ряды чередующихся звуков:

$/б/ - \text{стол}[б]_ы - \text{стол}[б^°]_у$ $\searrow$
 $/п/ - \text{стол}[п]_ы - \text{стол}[п^°]_у$ $\swarrow$ $\text{стол}[п]$

Фонемы /б/ и /п/, различаясь в позициях перед гласными, не различаются на конце слова.

Совпадение, неразличение двух или нескольких фонем в определенной позиции называется **нейтрализацией**. В позиции нейтрализации эти фонемы реализуются одним и тем же звуком.

Позиция

Фонологическая позиция — условия употребления, реализации фонемы в речи. В разных позициях одна и та же фонема выступает в разных звуковых обликах. Чередование звуков, воплощающих одну и ту же фонему, обуславливается фонетическими позициями. Одна и та же позиция может выступать и как фонологическая, и как фонетическая.

Позиции могут быть комбинаторные — положение фонемы перед определенными звуками или после них и конститутивные — положение фонемы на границе слова или слога, в ударном или безударном слоге, в том или ином месте фразы. Так, фонема /д/ бывает представлена перед [д] имплозивным [д]: *на[д] домом*, перед [н] фаукальным [д^н]: *на[д^н] нами*, перед [с] аффрикатой [ц]: *на[ц] садом*, на конце слова звуком [т]: *огоро[т]*. Условия эти могут действовать и совместно. Так, фонема /о/ реализуется под ударением после твердого согласного в звуке [о], после мягкого — [о^ʲ]; в первом предударном слоге после твердого согласного — [а^ʲ], после мягкого — [и^ʲ]; во втором предударном слоге после твердого согласного — [э], после мягкого — [и^ʲ], в неприкрытом слоге — [а^ʲ].

В качестве конститутивных позиций могут выступать разные положения фонемы во фразе, в словах элементарной и сложной структуры (сложных, сложносокращенных, с некоторыми приставками), в некоторых заимствованных словах, в абсолютных и относительных клитиках, а также стиль, темп речи и др. Так, в начале фразы звуки характеризуются повышенной интенсивностью, конечный слог во фразе характеризуется повышенной длительностью. В словах сложной структуры, в некоторых заимствованных словах и в относительных клитиках могут произноситься безударные качественно не редуцированные гласные (*тр[ʼо]хна́льный*, *д[ʼэ]тдо́м*, *п[о]слеубо́рочный*; *б[о]́д*, *ан[э]сте́зия*; *вд[о]́ль ули́цы*, *т[ʼэ] ле́сá*, *ды́ак* [о]н); отсутствие качественной редукции может быть связано и со стилем речи (*в[и^ʲ]но́к*, *п[а^ʲ]э́т*, *п[э]э́ти́ческий* в нейтральном и *в[ʼэ]но́к*, *п[о]э́т*, *п[о]э́ти́ческий* в высоком); сочетание фонем /сч'/, /зч'/ при среднем темпе речи может реализоваться в [ш'ч'], а при ускоренном — в [ш̣']: *с чем* — [ш'-ч']*ем* и [ш'-ш']*ем*, *бе[ш'-ч']его* и *бе[ш'-ш']его*.

Позиции могут быть сильные и слабые.

Сильные позиции — те, в которых фонема наилучшим образом выполняет свои функции.

В слабых позициях возможности выполнения фонемами своих функций ограничены.

У фонемы две основные функции: перцептивная — способствовать отождествлению одних и тех же значимых единиц языка — морфем и слов и сигнификативная — способствовать различению разных единиц. В связи с этим выделяются два типа позиций: перцептивные (сильные и слабые) и сигнификативные (сильные и слабые).

В перцептивно сильной позиции фонема выступает в своем основном звуковом облике. В этой позиции звук, реализующий фонему, не испытывает редукции и воздействия соседних звуков, он максимально независим от позиции. В перцептивно слабых позициях фонема представлена другими звуками.

Они связаны именно с данной позицией и являются результатом редукции или воздействия соседних звуков. Так, в словах *чай*, *печь*, *печник* фонема /ч'/ реализована звуком [ч'] — своим основным представителем. Глухость этого звука, выступающего в начале и на конце слова, перед гласным и сонорным согласным (как и другие качества этого звука), — признак, проявляющийся в данных позициях, но не обусловленный ими. Для /ч'/ эти позиции перцептивно сильные. Перед звонким шумным согласным позиция для /ч'/ перцептивно слабая: в этой позиции происходит обязательная замена глухого [ч'] звонким [дж']: *не[дж'] бы затопить*. Звук [дж'] обусловлен этой позицией и употребляется только в ней. Если записать на магнитофонную ленту слова со звуком [ч'], а затем стереть часть записи, оставив только [ч'], и дать прослушать этот звук, то всеми говорящими по-русски он будет легко опознан. Если то же проделать со звуком [дж'], то многие его не узнают, не смогут определить, в каких словах он произносится, или воспримут его как другие звуки: он не встречается вне своей позиции перед звонким согласным.

В сигнификативно сильной позиции данная фонема отличается от других фонем, т.е. реализуется особым звуком. Сигнификативно слабая позиция — это позиция неразличения фонем. В сигнификативно слабых позициях фонемы ограничены в возможности различать разные слова и морфемы.

Есть два типа сигнификативно слабых позиций: позиция нейтрализации фонем и позиция, в которой отсутствует противопоставление фонем из-за того, что некоторые из этих фонем в данных позициях не употребляются.

Так, /о/ и /а/ под ударением после твердых согласных реализуются в звуках [о] и [а]: *б[о]к — б[а]к*. Это сигнификативно сильная позиция для /о/ и /а/. В первом предупредительном слоге /о/—/а/ не различаются, реализуясь одним и тем же звуком [а³]: *бочок и бачок — б[а³]чók*. Эта позиция сигнификативно слабая для /о/ и /а/, позиция их нейтрализации.

Конец слова — позиция сигнификативно сильная для большинства согласных, противопоставленных по твердости/мягкости: *кро[ф]* (кров) — *кро[ф']* (кровь), *знако[м]* — *знако[м']*, *о[с]* — *о[с']*, *пустова́[т]* — *пустова́[т']* и т.п. Иное положение, как указывалось выше, у заднеязычных согласных. На конце слова возможны только твердые [к], [х] и не встречаются мягкие заднеязычные. Поэтому данная позиция для заднеязычных фонем сигнификативно слабая по твердости/мягкости. При этом на конце слова не происходит нейтрализации в твердых [к] или [х] фонем /к/ и /к'/, /г/ и /г'/, /х/ и /х'/, так как нет таких разных морфем, где твердые и мягкие заднеязычные противопоставлялись бы друг другу в одних позициях и совпадали в твердых заднеязычных на конце слова.

Одна и та же позиция для одних фонем может быть сильной, для других — слабой. Так, конец слова — позиция сигнификативно сильная для твердых и мягких согласных и слабая для глухих и звонких; ср.: *пло/т/* и *пло/т'/* различаются, а *пло/т/* и *пло/д/* совпадают — *пло[т]*.

Перцептивно и сигнификативно сильная позиция называется абсолютно сильной. В этой позиции фонема реализуется своим основным представителем — доминантой. По этому звуку фонема и называется: фонема /а/ по звуку [а], фонема /б'/ по звуку [б']. В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях фонема представлена своими вариациями. Так, в слове *сон* фонема /с/ представлена вариацией [с°], в слове *пять* фонема /а/ представлена вариацией [ä]. Вариации фонемы — своеобразные звуковые синонимы ее доминанты. В сигнификативно слабых позициях фонема представлена своими вариантами. Так, звук [с] в слове *нос* — вариант фонемы /с/, а в слове *мороз* — вариант /з/. Варианты неразличающихся, нейтрализованных фонем — своеобразные звуковые омонимы. Все звуки, реализующие фонему (и ее доминанту, и ее вариации и варианты), называют и обобщенно — вариантами фонемы или аллофонами.

Дифференциальные и интегральные признаки фонем и звуков

Фонемы — минимальные единицы языка, их нельзя разделить на более мелкие, последовательно идущие друг за другом элементы. Но тем не менее фонема — сложное явление. Она состоит из ряда признаков, не существующих самостоятельно, вне фонем, но сосуществующих одновременно в фонеме.

Фонемы различаются в сигнификативно сильных позициях. Если сравнить ряды чередующихся звуков, воплощающих фонемы в этих позициях, то можно обнаружить, что эти ряды по некоторым признакам представляют собой единства, противопоставленные другим рядам — фонемам. Гласные фонемы под ударением реализуются следующими звуками:

/и/ — [и], [и'], [ы], [ы']	/у/ — [у], [у'], [ʏ], [ʏ']
/э/ — [э], [э'], [э̃] [э̃'] [·э], [ӭ]	/о/ — [о], [о'], [·о], [ö]
/а/ — [а], [а'], [·а], [ä]	

Для противопоставления этих фонем важны два признака: подъем гласного и наличие или отсутствие лабиализации. Фонема /и/

верхнего подъема, нелабиализованная. Это определение означает, что все звуки, воплощающие фонему /и/ в сигнификативно сильной позиции, верхнего подъема, нелабиализованные. Фонема /у/ верхнего подъема, лабиализованная; /э/ среднего подъема, нелабиализованная; /о/ среднего подъема, лабиализованная. Каждую из этих фонем можно определить (т.е. отграничить от остальных фонем) набором из указанных двух признаков. Эти признаки, необходимые и достаточные для определения данной фонемы в сигнификативно сильной позиции, называются дифференциальными признаками этой фонемы. Это различительные признаки, которые позволяют отличить данную фонему от остальных фонем.

Наборы дифференциальных признаков совпадают не у всех фонем. Так, например, фонема /а/ реализуется рядом звуков, признаками которых являются нижний подъем и нелабиализованность. Но /а/ противопоставлена всем остальным фонемам уже по одному признаку — нижнему подъему. Нет ни одной фонемы, кроме /а/, обладающей этим же признаком. Признак нижнего подъема — дифференциальный для фонемы /а/; признак нелабиализованности — недифференциальный для этой фонемы, интегральный.

Интегральные признаки — это такие признаки звуков, воплощающих фонемы, которые не участвуют в противопоставлении данной фонемы другим фонемам. Интегральные признаки несамостоятельны, они обусловленные. Гласные верхнего и среднего подъема могут быть лабиализованными и нелабиализованными, здесь есть выбор признака. Гласные нижнего подъема обязательно нелабиализованные. Здесь выбора признака нет: интегральный признак обусловлен дифференциальным. Ряд гласного тоже интегральный признак, он обусловлен позицией — окружением других звуков. Так, [а] выступает в позиции не рядом с мягкими согласными, [ä] — между мягкими согласными; это звуки разных рядов, но они воплощают одну и ту же фонему /а/. Интегральными признаками являются и различия между гласными звуками по подъему внутри трех основных подъемов — верхнего, среднего и нижнего, т.е. различия между [э] и [ë], [о] и [ö], [а] и [ä].

Интегральные признаки могут быть двух типов. Одни признаки — интегральные лишь по отношению к некоторым фонемам, у других фонем эти признаки дифференциальные. Эти признаки характеризуют и систему фонем. Так, многие согласные фонемы противопоставлены по глухости/звонкости, этот признак у них дифференциальный: /п/—/б/, /ф/—/в/, /т/—/д/, /с/—/з/ и др. Но у части фонем: /р/, /л/, /ц/ и др. — нет пар по глухости/звонкости, поэтому звонкость и глухость звуков, воплощающих эти фонемы: [р]—[ṛ], [л]—[ḷ], [дз]—[ц] — признаки интегральные, свой-

ственные данным звукам, но не соответствующим фонемам. Другие интегральные признаки звуков не бывают дифференциальными ни у одной пары фонем, они не входят в число признаков, характеризующих систему фонем, например ряд гласных звуков — передний, средний, задний: нет гласных фонем, противопоставленных только по ряду.

Интегральные признаки несущественны для противопоставления фонем, но существенны в других отношениях. В слове *сад* звук [а] нелабиализованный. Из того, что для /а/ этот признак интегральный, не следует, что его можно менять. Нельзя произнести слово *сад* с гласным нижнего подъема лабиализованным: такого звука в русском языке нет, и слово не будет понято. Точно так же нельзя в этом слове произнести гласный заднего ряда или лабиализованный согласный.

Чтобы определить фонему, необходимо указать набор ее дифференциальных признаков. Чтобы охарактеризовать звуки, воплощающие фонему, необходимо указать все их признаки, в том числе интегральные.

Архифонема

Фонемы /с/ и /з/ представлены следующими множествами позиционно чередующихся звуков:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
/с/	[с']	-[с°]	-[с']	-[с°]														
/з/	[з']	-[з°]	-[з']	-[з°]														

} [с']-[с°]-[з']-[з°]-[с']-[с°]-[з']-[з°]-[ш]-[ш°]-[ж]-[ж°]-[ш']-[ш°]-[∅]
 } [з']-[з°]-[з']-[з°]

1) перед нелабиализованным гласным или нелабиализованным сонорным согласным (кроме [н']): [с] *отцѡм* — *бе*[з] *отца́*, [с] *ма́терью* — *бе*[з] *ма́тери*; *поло*[с]а́ — *морѡ*[з]а;

2) перед лабиализованным гласным или лабиализованным сонорным согласным (кроме [н']): [с°] *ѡтчимѡм* — *бе*[з°] *ѡтчи́ма*, [с°] *му́жем* — *бе*[з°] *му́жа*; *пѡло*[с°]у — *морѡ*[з°]у;

3) перед [н']: [с'] *ня́ней* — *бе*[з'] *ня́ни*;

4) перед [н°]: [с°] *ню́хом* — *бе*[з°] *ню́ха*;

5) перед глухим твердым нелабиализованным согласным и на конце слова: [с] *сы́ном* — *бе*[с] *сы́на*; *пѡло*[с] — *морѡ*[с];

6) перед глухим твердым лабиализованным согласным: [с°] *су́пом*, *бе*[с] *су́па*;

7) перед звонким шумным твердым нелабиализованным согласным: [з] *бра́том* — *бе*[з] *бра́та*;

8) перед звонким шумным твердым лабиализованным согласным: [з°] *до́щерью* — *бе*[з°] *до́чери*;

9) перед глухим мягким зубным нелабиализованным согласным: [с'] *сестро́й* — *бе*[с'] *сестры́*;

10) перед глухим мягким зубным лабиализованным согласным: [с'°] *тётей* — *бе*[с'°] *тёти*;

11) перед звонким шумным мягким зубным нелабиализованным согласным: [з'] *дядей* — *бе*[з'] *дяди*;

12) перед звонким шумным мягким зубным лабиализованным согласным: [з'°] *дюжиной* — *бе*[з'°] *дюжины*;

13) перед [ш]: [ш] *шаром* — *бе*[ш] *шара*;

14) перед [ш°]: [ш°] *шумом* — *бе*[ш°] *шума*;

15) перед [ж]: [ж] *женой* — *бе*[ж] *жены*;

16) перед [ж°]: [ж°] *жёнами* — *бе*[ж°] *жён*;

17) перед [ч']: [ш'] *чадом* — *бе*[ш'] *чада*;

18) перед [ч°]: [ш'°] *чудом* — *бе*[ш'°] *чуда*;

19) перед [ш'], [ш'°]: [ø] *счастьем* — *бе*[ø] *счастья*; [ø] *щукой* — *бе*[ø] *щуки*. Последнее легко проверить: одинаково произносится *оказался щенком* и *оказался с щенком*. Объясняется это тем, что перед [ш'] звук [с] должен замениться на [ш']; получился бы согласный тройной длины [ш'ш'ш'], так как [ш'] = [ш'ш']. Такие звуки в русском языке невозможны: на месте [ш'ш'ш'] произносится [ш'ш'].

Примечание. Мягкость звука в позициях 3, 4, 9–12 обязательна в старшей норме, а в младшей норме в предлоге факультативна, в корне после гласного обязательна.

Фонема /с/ реализуется следующим рядом позиционно чередующихся звуков: [с||с'°||з||з'°||з'°||ш||ш'°||ж||ж'°||ш'°||ø], фонема /з/ — [з||з'°||з'°||с||с'°||с'°||ш||ш'°||ж||ж'°||ш'°||ø]. Звуки, воплощающие /с/ и /з/, одни и те же, но они неодинаково распределяются по позициям: доминанты и вариации фонем /с/ и /з/ различны. Множества звуков, воплощающих /с/ и /з/, отражают еще одну важную особенность: фонема может быть представлена звуками, совершенно непохожими один на другой (например, [с'] и [ж°]), в том числе нулем звука.

В сигнификативно слабых позициях нейтрализующиеся фонемы перестают различаться. Так, фонемы /с/ и /з/ различаются в позициях 1–4 и не различаются, совпадают в позициях 5–19. Языковая единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков, составляющих общую часть нейтрализованных фонем, называется *архифонемой*. Термин этот был предложен Пражской фонологической школой.

В приведенном примере фонемы /с/ и /з/ не различаются в позициях 5–19, но архифонема /с—з/ выступает только в позициях 5–8, так как в позициях 9–12 в нейтрализацию включаются также фонемы /с'/ и /з'/, в этих позициях выступает архифонема /с—з—с'—з'/, в позициях 13–16 с фонемами /с/ и /з/ нейтрализованы фонемы /ш/ и /ж/, в этих позициях выступает архифонема /с—з—ш—ж/, в позициях же 17–19 нейтрализованы фонемы /с/, /з/,

/с'/, /з'/, /ш/, /ж/, здесь выступает архифонема /с—з—с'—з'—ш—ж/. В таких случаях говорят об архифонеме 1-й, 2-й, 3-й степени; степень архифонемы увеличивается от увеличения количества нейтрализующихся фонем.

Звуки, воплощающие фонему /с/, и звуки, воплощающие фонему /з/, обладают разным фонологическим содержанием. В позициях 1—2 одни звуки этих рядов воплощают только фонему /с/, другие — только фонему /з/. В позициях 3—4 каждый звук может воплощать 2 фонемы — /с/ и /с'/ или /з/ и /з'/ . В позициях 5—8 каждый звук может воплощать и фонему /с/, и фонему /з/. В позициях 9—16 каждый звук может воплощать 4 фонемы — в позициях 9—12 /с/, /з/, /с'/, /з'/, в позициях 13—16 /с/, /з/, /ш/, /ж/. В позициях 17—19 каждый звук и нуль звука могут воплощать 6 фонем — /с/, /з/, /с'/, /з'/, /ш/, /ж/. Все звуки, воплощающие фонему, с учетом их фонологического содержания составляют парадигму фонемы.

Архифонема обладает меньшим набором дифференциальных признаков (ДП), чем соответствующие ей парные фонемы; признак, по которому противопоставлены нейтрализующиеся фонемы, у архифонемы отсутствует, так как в тех позициях, в которых выступает архифонема, противопоставление соответствующих ей фонем снято. Так, фонема /с/ зубная, щелевая, твердая, глухая, а фонема /з/ зубная, щелевая, твердая, звонкая; но архифонема /с—з/ не обладает признаком глухость/звонкость, у нее лишь три ДП: она зубная, щелевая, твердая. У архифонемы /с—з—ш—ж/ нейтрализованы признаки глухость/звонкость и зубность/передненёбность, но по месту образования эта архифонема в позициях, где она выступает, противопоставлена губной архифонеме /ф—в/ и заднеязычной фонеме /х/, поэтому у архифонемы /с—з—ш—ж/ тоже три ДП: она переднеязычная, щелевая, твердая. У архифонемы /с—з—с'—з'/ нейтрализованы глухость/звонкость и твердость/мягкость, у нее два ДП: зубная, щелевая. У архифонемы /с—з—с'—з'—ш—ж/ нейтрализованы зубность/передненёбность, глухость/звонкость и твердость/мягкость, у нее тоже два ДП: она переднеязычная, щелевая.

В соответствии с термином *архифонема* Р. И. Аванесов употреблял термин *слабая фонема*, связанный с тем, что в позиции нейтрализации противопоставление фонетических единиц ослаблено, так как здесь выступает меньшее их количество, чем в сигнификативно сильных позициях. Так, в частности, в конце слова фонемы /с/ и /з/ не различаются, совпадая в звуке [с]: *ко[с]* — *ко/с/* и *ко/з/, ро[с]* — *ро/с/* и *ро/з/*. В этой позиции /с/ и /з/ вместе противопоставлены другим парам нейтрализованных по глухости/звонкости фонем: *ро[т]* — *ро/т/* и *ро/д/, ро[к]* — *ро/к/* и *ро/г/, сно[п]* — *сно/п/* и *сно/б/, но[ш]* — *но/ш/* и *но/ж/, гри[ф]* — *гри/ф/* и *гри/в/*, другим фонемам: *ко/л/, ко/м/, ко/н/* и др.

Гиперфонема

Чтобы узнать, какой фонеме соответствует звук слабой позиции, надо изменить слово или подобрать другое слово с той же морфемой, чтобы слабая позиция в ней заменилась сильной. Так, безударный [a³] в слове *д[а³]ма́* — вариант фонемы /о/. Мы узнали это, изменив слово: *д[о]м*, подобрав другое слово: *д[ó]мик*. Звук [п] в слове *зу[п]* — вариант фонемы /б/: *зу[б]ы*, *зу[б]но́й*. Поэтому [*да³ма́*] — /дома/, [*з³уп*] — /зуб/.

Но в некоторых морфемах такая проверка невозможна. Например, в словах *соба́ка*, *собаково́д* первый гласный корня [a³] || [э] не бывает под ударением ни в одном однокоренном слове. Эти позиционно чередующиеся звуки могут быть представителями только фонем /о/ и /а/, но какой из них, решить здесь невозможно. В этом случае выступает гиперфонема / $\frac{о}{а}$ /: *с/ $\frac{о}{а}$ /ба́ка*, *с/ $\frac{о}{а}$ /баково́д*. В слове *сто́л* звук [с³] может представлять фонемы /с/ и /з/. Проверка невозможна, поэтому в фонематической транскрипции слово записывается так: / $\frac{с}{з}$ тол/ (или /с|зтол/).

Иногда проверка позволяет ограничить круг фонем, нейтрализующихся в сигнификативно слабой позиции, но не выявляет единственно возможную из этих фонем. Например, в слове *лебе́дь* заударный гласный [и³] может соответствовать фонемам /и/, /э/, /о/, /а/; проверка двоякая: *леб[³о́]дка* и *леб[³а́]жий*, преимуществ ни у одной из них нет, поэтому фонематическая транскрипция этого слова /л'эб' $\frac{о}{а}$ д'/ (или /л'эб'(о|а)д'/).

Г и п е р ф о н е м а — это функциональная единица, представленная в конкретной морфеме одним звуком или рядом позиционно чередующихся звуков, общих в этих позициях для нескольких нейтрализованных фонем, и не приводимая в данной морфеме однозначно к одной из этих фонем. Таким образом, гиперфонема — это особый случай реализации в отдельной морфеме лишь части всего ряда позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему, когда эта часть относится к архифонеме. В отличие от фонемы и архифонемы, которые являются единицами фонетического яруса языка, гиперфонема — это единица, характеризующая фонемный состав отдельных морфем.

Система фонем

Всякая система состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Взаимосвязь и взаимообусловленность фонем в системе проявляется в их дифференциальных признаках (ДП) и в способности фонем нейтрализоваться.

Фонемы находятся в системе в разных отношениях друг с другом. Степень их близости зависит от ряда условий.

Две фонемы тем ближе друг к другу, чем больше у них общих дифференциальных признаков и чем меньше различных. Так, /с/ и /б'/ объединяет только то, что они относятся к подсистеме согласных фонем. Фонемы /с/ и /п'/ имеют и общий ДП — глухость. Еще ближе /с/ и /п/: у них еще один общий ДП — твердость. И еще ближе /с/ и /т/: у них одинаково и место образования — зубность, они противопоставлены лишь по способу образования: /с/ — шелевая, /т/ — взрывная.

Фонемы /у/—/о/ противопоставлены по верхнему/среднему подъему, а /о/—/а/ по среднему/нижнему подъему. У фонем /у/ и /о/ есть ДП, который их объединяет, — лабиализованность. У фонем же /о/ и /а/ нет общего ДП. Но тем не менее /о/ и /а/ ближе друг к другу, чем /у/ и /о/, так как /о/ и /а/ нейтрализуются, а /у/ и /о/ нет. Нейтрализующиеся фонемы самые близкие в системе.

Степень близости нейтрализующихся фонем тоже может быть различна. Она прямо пропорциональна числу пар в корреляции (совокупности фонем, противопоставленных по одному и тому же дифференциальному признаку) и числу позиций нейтрализации. Так, /с/ и /з/ нейтрализуются по глухости/звонкости: *ро[с]* — *ро/с/* и *ро/з/*, а /с/ и /ш/ — по зубности/передненёбности: *ку/[ш ш]ута* — *ку/с/* и *ку/ш/*. Но связь между /с/ и /з/ более тесная, чем между /с/ и /ш/, потому что корреляция по глухости/звонкости включает гораздо больше пар фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности, и потому, что позиций нейтрализации у первой корреляции больше. Большая близость /с/ и /з/ связана и с тем, что они могут нейтрализоваться лишь друг с другом, а /с/ и /ш/ нейтрализуются только вместе с /з/ и /ж/: *ко[ш ш]ута* — *ко/с/*, *ко/з/*, *ко/ш/*, *ко/ж/*.

На связь между фонемами влияют и интегральные признаки. Так, связь между /ц/ и /ч'/ менее тесная, чем у большинства других фонем, парных по твердости/мягкости: звуки [ц] и [ч'], воплощающие /ц/ и /ч'/, отличаются не только по твердости/мягкости, но и по месту образования.

Важное значение для современного русского языка имеет и письмо. Фонемы — абстрактные единицы языка — реализуются в звуках устной речи и в буквах речи письменной. Обе эти реализации фонем взаимосвязаны, хотя полного соответствия между ними нет. Парные фонемы, передающиеся на письме одной и той же буквой, связаны теснее, чем фонемы, обозначающиеся разными буквами. Так, /л/ и /л'/ не нейтрализуются, а /ц/ и /ч'/ нейтрализуются только вместе с /т/, /т'/, /д/, /д'/. Однако /л/ и /л'/ ближе друг к другу: они передаются общей буквой *л* (*пола* — *поля*), тогда как /ц/ и /ч'/ передаются разными буквами (*цела* — *чела*).

Фонемы в системе могут группироваться в подсистемы. Так, существует подсистема гласных фонем и подсистема согласных фонем.

Фонологические школы

Учение о фонеме лежит в основе фонологии — раздела языкознания, изучающего функциональную значимость звуковой стороны языка.

Фонология возникла в России в 70-х годах XIX в. Ее основоположник И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие фонемы, противопоставив его понятию звука. На основе его идей возникло несколько фонологических школ.

В настоящее время в России ведущее положение в фонологии занимают два научных направления — Московская фонологическая школа (МФШ) и Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (П(Л)ФШ). Основоположник П(Л)ФШ — Л. В. Щерба, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ. Идеи Л. В. Щербы, высказанные впервые в 1912 г., развивают его ученики и последователи: Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев, Л. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Л. А. Вербицкая, В. Б. Касевич, Н. Д. Светозарова и др. МФШ возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин, продолжая традиции Бодуэна де Куртенэ, опираются на идеи, отразившиеся в его работах разных периодов. На формирование МФШ оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также разрабатывавшего идеи Бодуэна де Куртенэ. Обобщение, углубление и развитие теории МФШ в виде целостной концепции осуществлено М. В. Пановым. Идеи МФШ развивают и другие ее представители второго и следующих поколений: В. А. Виноградов, К. В. Горшкова, Вал. В. Иванов, Л. Э. Калнынь, М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, С. М. Кузьмина, Н. К. Пирогова, Е. Л. Бархударова и др.

Обе школы рассматривают фонему в сигнификативно сильной позиции с одной и той же точки зрения — функциональной. Звуки этих позиций объединяются в одну фонему не на основании их фонетического сходства, акустической или артикуляционной близости, а на основании способности этих звуков различать слова и морфемы. Так, в словосочетаниях *печь побелили* и *печь затопили* выступает одно и то же слово *печь* с одним и тем же фонемным составом. Хотя фонема /ч'/ реализуется в первом случае глухим звуком [ч'], а во втором звонким [д^ж'], звуки эти объединяются в одну фонему, так как они выполняют одну и ту же функцию: они способствуют отождествлению одних и тех же слов и морфем и не могут различать разные слова и морфемы. Состав фонем определяется МФШ и П(Л)ФШ по сильной позиции, позиции наибольшего различения. Обе школы исходят из того, что необходимым условием отнесения разных звуков к одной фонеме является их дополнительное распределение в разных фонетических позициях.

Основное различие между МФШ и П(Л)ФШ — в оценке звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях. МФШ функциональный критерий распространяет и на эти позиции. Например, в словосочетаниях *гусь пришел* и *гусь зашел* слово *гусь* имеет один и тот же фонемный состав. Звук [с'] в первом случае и [з'] во втором объединяются в одну фонему /с'/ на основании того, что они выполняют одну и ту же функцию. Они не различают данные словоупотребления: это одно и то же слово, а выбор [с'] или [з'] позиционно обусловлен. Отсюда следует вывод: фонему представляет весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков. Эти звуки могут быть совершенно непохожи друг на друга, фонетически несходны, фонему может представлять и нуль звука.

П(Л)ФШ к одной фонеме относит только часть позиционно чередующихся звуков. Для сигнификативно слабых позиций П(Л)ФШ выдвигается иной критерий, чем для сигнификативно сильных, — общность у звуков слабых позиций со звуками сильных позиций фонетических признаков, определяемых по сильной позиции как дифференциальные. По теории П(Л)ФШ в слове *гусь* в словосочетании *гусь пришел* [с'] является аллофоном /с'/, а в словосочетании *гусь зашел* [з'] — аллофон /з'/. Основанием для этого является то, что у звука [с'] в *гусь пришел* те же фонетические признаки, что и у звука [с'] в словах *гуси*, *сено* и т. п., где [с'] выступает в сильной позиции, а у звука [з'] в *гусь зашел* те же фонетические признаки, что и у звука [з'] в словах *зима*, *взять* и т. п., где [з'] выступает в сильной позиции. Таким образом, фактически выдвигается требование определенной фонетической близости звуков сильных и слабых позиций.

Точно так же в слове *вода* [ва^да] по теории МФШ предударный [а³] является представителем /о/, так как в сильной позиции в этом корне выступает [о]: [во^ды]. В этих формах наблюдается чередование звуков [а³] || [о], но фонема, реализованная этими звуками, одна — /о/. По теории П(Л)ФШ предударный [а³] в слове *вода* является аллофоном /а/, потому что это нелабиализованный гласный, как и [а]. С этой точки зрения в [ва^да] — [во^ды] наблюдается чередование фонем /а/ || /о/. Отсюда и разная фонематическая транскрипция этого слова: /вода/ по МФШ и /вада/ по П(Л)ФШ.

Из различий между МФШ и П(Л)ФШ в фонологических оценках звуков, выступающих в слабых позициях, вытекает и разное представление о степени вариативности фонемного состава морфем. МФШ устанавливает принцип неизменности фонемного состава морфемы при фонетических чередованиях звуков, обусловленных данными позициями; фонемный состав морфем может меняться только при исторических чередованиях. П(Л)ФШ считает, что фонемный состав морфем варьируется и в зависимости от

подобных фонетических позиций. Так, фонемный состав предложения *без*, по МФШ, во всех позициях остается одним и тем же — /б'эз/; по П(Л)ФШ — /б'эз/ *году*, /б'эс/ *толку*, /б'из/ *воды*, /б'ис/ *травы*, /б'из'/ *земли*, /б'ис'/ *семьи*, /б'иж/ *жа́лости*, /б'иш/ *и́длости*.

МФШ считает, что множества позиционно чередующихся звуков, представляющих фонемы, в сигнификативно слабых позициях совпадают, пересекаются. В этом случае наблюдается нейтрализация фонем и одни и те же звуки относятся к разным фонемам. По П(Л)ФШ, фонемы представляют собой непересекающиеся множества звуков, каждая фонема имеет свой набор аллофонов, отличный от набора аллофонов любой другой фонемы. Нейтрализация фонем рассматривается как неупотребительность некоторых фонем в данных позициях. Так, с точки зрения МФШ глухие и звонкие согласные на конце слова не различаются, нейтрализуются: звук [т] в слове *брат* — вариант /т/ (ср. *бра[т]а*), а в слове *град* — вариант /д/ (ср. *гра[д]а*). С точки зрения П(Л)ФШ и в слове *брат*, и в слове *град* звук [т] — аллофон /т/, а фонема /д/ в этой позиции не употребляется.

Определение фонемной принадлежности некоторых звуков с точки зрения П(Л)ФШ представляет трудности. Так, звук [э], встречающийся только в слабой позиции, например в слове *в[э]довóз*, в равной степени отличен и от [а] и от [ы] и так же, как они, нелабиализованный. (Одни представители П(Л)ФШ относят его к фонеме /а/, другие — к выделяемой ими, в отличие от представителей МФШ, /ы/.) Для таких случаев вводится еще один критерий: надо посмотреть, на что похож звук при четком проговаривании слова. Так, на месте [э] в слове *в[э]довóз* в этом случае произносится [а]. Отсюда вывод: [э] относится к /а/. Однако на месте двух [э], обычно произносящихся в слове *вы́пытать* [вы́пэтэ́т'], при четком проговаривании звучит в одном случае [ы], в другом — [а]. Таким образом, оказывается, что один и тот же звук может относиться к разным фонемам, что противоречит теории П(Л)ФШ.

МФШ решает этот вопрос только на основании соотнесения звука [э] с сильной позицией в той же морфеме: *в[э]довóз* — *в[ó]ды* — фонема /о/; *вы́п[э]тать* — *п[ы́]тка* — /и/; *вы́пыт[э]ть* — *пыт[á]ть* — /а/.

Имплозивный [т̚] (*жи́ле[т̚] цы́гана*) в равной степени отличен от [т] и от [ц]. При четком проговаривании возникнет: *жи́ле[т̚]* *цы́гана* и *жи́ле[ц̚]* *цы́гана*. И здесь один и тот же звук может быть отнесен к двум разным фонемам — /т/ и /ц/. С точки зрения МФШ в слове *жи́лет*, в том числе и в словосочетании *жи́лет цы́гана*, фонема /т/ (ср. *жи́ле́[т̚]а*), в слове *жи́лец*, в том числе и в словосочетании *жи́лец цы́гана*, фонема /ц/ (ср. *жи́ль[ц̚]а*).

Пражская фонологическая школа (ПФШ) возникла во второй половине 1920-х гг., основные создатели ее теории — выходцы из России Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон.

ПФШ и МФШ сближает идея нейтрализации фонем. Но МФШ и ПФШ по-разному оценивают фонологическую сущность звуков, выступающих в позиции нейтрализации.

С точки зрения ПФШ в этой позиции выступает архифонема — особая фонологическая единица, отличная от фонемы, так как фонема и архифонема обладают разными наборами дифференциальных признаков. По ПФШ фонема — пучок, сумма дифференциальных признаков; архифонема состоит лишь из дифференциальных признаков, общих для нейтрализованных фонем. Поэтому у слов *рот* и *род* один и тот же фонологический состав /роТ/ — фонемы /р/ и /о/ и архифонема /Т/.

С точки зрения МФШ архифонема — это часть каждой из нейтрализующихся фонем, так как звуки, представляющие архифонему, обладают тем же свойством, что и звуки, представляющие фонему в сигнификативно сильных позициях: и те и другие позиционно чередуются в тех же самых морфемах. Поэтому фонемный состав слова *рот* — /рот/, а слова *род* — /род/.

Таким образом, содержание основной единицы фонологии — фонемы в МФШ и ПФШ различно.

Для ПФШ характерна детальная разработка теории оппозиций (противопоставления) фонем и теория дифференциальных признаков, тогда как МФШ основное внимание обращает на теорию позиций, в которых выступает фонема. В основе учения ПФШ — сигнификативная функция фонемы, в основе учения МФШ — перцептивная. Эти школы, описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чередования гласных звуков

Чередование гласных звуков зависит от двух основных факторов: от соседства твердых или мягких согласных и от положения гласного по отношению к ударению.

Ударные гласные

Мягкие согласные вызывают сдвиг артикуляции гласного вперед и вверх. Если записать на магнитофонную ленту произнесение слова *мать*, а затем значительно увеличить время воспроизведения этого слова, то легко обнаружится на слух, что гласный на протяжении звучания неоднороден. Отдельные его участки можно обозначить так: [а-а-а-а-ä-э-и]. Конец гласного сдвинут вперед и вверх. Это результат воздействия следующего мягкого [т']. Если

так же прослушать слово *час*, то обнаружится, что вперед и вверх сдвинут начальный участок гласного: [и-э-ä-а-а-а-а]. Это результат воздействия впереди стоящего мягкого [ч']. При этом [и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т.е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного. В транскрипции этот сдвиг начальной и конечной фаз гласного обозначается точками у буквы: [мат'], [ч'ас]. Между мягкими согласными наблюдается сдвиг вперед и вверх и центральной фазы гласного: [ч'ас'т'] (*часть*). Гласный [у] верхнего подъема, он продвигается вперед: [сут] — [сү'д'ий] (*суд — судьи*); [ш'ук] — [ш'үк'и] (*щук — щуки*). Гласный [и] самый верхний и самый передний, но и он испытывает воздействие следующего мягкого согласного: [йва] — [й'в'и] (*ива — иве*) — перед мягким согласным гласный сдвигается вперед и вверх.

После твердых согласных звуки переднего ряда [и], [э] отодвигаются назад: [и] заменяется звуком [ы], а [э] — звуком [э]; [и]гры — [сы]гран, [э]ра — [в э]ру.

Наблюдаются следующие ряды чередующихся ударных гласных звуков (С — твердый согласный, С' — мягкий согласный, Г — гласный, # — ноль звука):

Фонемы	Позиции					
	1	2	3	4	5	6
	#ГС ГГС	СГС СГ#	#ГС' ГГС'	СГС'	С'ГС С'Г#	С'ГС'
/а/	а	а	а*	а*	*а	ä
/о/	о	о	о*	о*	*о	ö
/у/	у	у	у*	у*	*у	ÿ
/э/	э	э	э*	э*	*э	ë
/и/	и	ы	и*	ы*	и	и*

Проиллюстрируем эти чередования:

/а/: (1) [á]нна (*Анна*), за [á]нну — (2) с [á]нной — (3) [á']ня, за [á']ню — (4) с [á']ней; (2) дрож[á]л, дрож[á] — (4) дрож[á']ть — (5) крич[á]л, крич[á] — (6) крич[ä]ть;

/о/: (1) [ó]ба, на [ó]ба — (2) в [ó]ба — (3) [ó']бе, на [ó']бе — (4) в [ó']бе; (2) сел[ó] — (5) плеч[ó]; (5) зач[ó]т — (6) на зач[ö]те;

/у/: (1) [ý]дочка, вы[ý]живать — (2) с [ý]дочкой — (3) [ý']дит, на[ý']дит — (4) от[ý']дит; (2) крик[ý]н — (4) крик[ý']нья — (5) молч[ý]н — (6) молч[ÿ]нья; (2) нес[ý] — (4) нес[ý']сь — (5) круч[ý] — (6) круч[ÿ]сь;

/э/: (1) [э́]тот, на [э́]тот — (2) с [э́]того — (3) [э́]ти, на [э́]ти — (4) с [э́]тих; (2) на лиц[э́] — (5) на рук[э́]; (5) т[э́]ло — (6) в т[э́]ле;

/и/: (1) [и́]ва, на [и́]ву — (2) под [и́]вой — (3) [и́]ве, на [и́]ве — (4) к [и́]ве; (2) нож[и́] — (5) врач[и́]; (2) сторо-ж[и́]л — (4) сторож[и́]ли — (5) нос[и́]л — (6) нос[и́]ли.

Чередование гласных под ударением образует параллельные ряды. В каждой позиции пять различающихся гласных. Поэтому все эти позиции сигнификативно сильные, но разные перцептивно.

Из таблицы видно, что указанные позиции неравноценны для разных фонем. Для фонем /а/, /о/, /у/ можно было бы выделить всего четыре различные позиции. Перцептивно сильные позиции, где качество этих гласных не обусловлено окружением, — это позиции 1 и 2. Твердый согласный перед и после [а], [о], [у] и впереди стоящий гласный действуют на гласный звук так же, как и отсутствие согласного и гласного, т.е. никак не действуют; ср.: *ар, да, дар, ягу́р* — в этих словах один и тот же звук [а]. Позиции 3 и 4 тоже равноценны для /а/, /о/, /у/; ср.: *ось, полубо́сь, лось* — в этих словах один и тот же звук [о́].

Для фонемы /и/ перцептивно сильные позиции 1 и 5. Дознаказательство то же: впереди стоящий гласный и мягкий согласный действуют на [и] так же, как и отсутствие звука, т.е. никак не действуют; впереди стоящий твердый согласный заставляет [и] замесниться на [ы]; ср.: [и́]гры, н[ай]г[ранный], взя[т' и́]гры, [сы́]гран.

У фонемы /э/ звуки, выступающие в позициях 1 и 5, различны, но эта разница настолько мала, что можно и тот и другой звук считать основными представителями /э/; ср.: [э́]то и л[э́]то.

Перцептивно сильной позицией для всех гласных фонем является только позиция 1 — в начале слова и после гласного перед твердым согласным. Позиция после твердого согласного является перцептивно сильной для /а/, /о/, /у/ и слабой для /и/, /э/. Позиция после мягкого согласного является перцептивно сильной для /и/, /э/ и слабой для /а/, /о/, /у/.

Перцептивно слабые позиции действуют на гласные однотипно: в этих позициях согласные вызывают замену отрезка гласного, прилегающего к согласному, приспособливают гласный в этой части к своей артикуляции. Это можно обнаружить на слух. В слове *ма́сса* произносится [а], позиция здесь сильная. В слове *мя́со* произносится [а́] — звук, не однородный на протяжении своего звучания. Если растянуть это слово, то мы это услышим: [м'а-а-а-са]. Только часть звука, прилегающая к мягкому согласному, здесь упереднена, дальше произносится [а].

В слове *и́ва* [и́ва] произносится [и] — основной вариант фонемы /и/, его качество не обусловлено позицией. В словоформе с *и́вой* [с-и́вай] произносится [ы]. Экспериментально установлено, что это тоже звук, не однородный на протяжении своего звучания.

Более точное его обозначение [ѳи]. Если растянуть гласный в сло-воформе *с ѳвой*, мы это услышим: [сы-и-и-вѳѳ]. Только часть звука, примыкающая к твердому согласному, произносится здесь как [ѳ], дальше произносится [и].

Таким образом, в перцептивно слабой позиции [·а] — результат приспособления [а] к предшествующему мягкому согласному, и точно так же [ѳ] — результат приспособления [и] к предшествующему твердому согласному.

Безударные гласные

Безударные гласные отличаются от ударных количественно и качественно. Отличия количественные заключаются в том, что безударные гласные обычно короче ударных и произносятся с меньшей силой. Качественные отличия — это отличия в тембре. В связи с этим ударные гласные называют гласными полного образования, безударные — редуцированными гласными.

Существует различие и между безударными гласными, что обусловлено их местом по отношению к ударению и положением в слоге. А.А.Потебня предложил формулу, условно оценивающую в единицах силу ударных и безударных слогов. Сила ударного гласного соответствует 3 единицам, гласного первого предударного слога — 2, других безударных слогов — 1: *беспорядок* [б'и³спа³р'ѳдѳк] — 1-2-3-1; *переподготовка* [п'и³р'и³пѳдга³тѳѳкѳ] — 1-1-1-2-3-1; *вынужденный* [ѳы³нужд'и³ны³ѳ] — 3-1-1-1.

Сила безударного гласного зависит также от следующих условий. Неприкрытый слог равен первому предударному: *атаковать* [а³тѳка³ѳѳт'] — 2-1-2-3; *наоборот* [нѳѳ³ба³рѳт] — 1-2-2-3; *ист* [ѳи³ст] — 3-2. Сила заударного конечного открытого слога колеблется, она может равняться 1 и 2 единицам: *шапка* [шѳпкѳ] — 3-1 и [шѳпкѳ³] — 3-2. Безударные гласные, оценивающиеся в 2 единицы, — это редуцированные 1-й степени, оценивающиеся в 1 единицу — редуцированные 2-й степени.

Качественные различия между ударными и безударными гласными обусловлены тем, что безударные гласные артикулируются менее энергично, чем ударные. Язык принимает положение, более близкое к нейтральному, занимаемому языком во время речевой паузы. Так, при произнесении безударных гласных верхнего подъема язык не доходит до крайнего верхнего положения. Безударные [и], [ѳ] можно точнее обозначить как [и³], [ѳ³]: [в'и³тр'ѳна], [сы³ры]. При произнесении [а] в первом предударном слоге язык не доходит до крайнего нижнего положения, более точное его обозначение [а³]: [тра³ѳѳ]. Во втором предударном слоге звуку [а] соответствует [ѳ], при образовании которого язык занимает среднее по вертикали положение в полости рта: [нѳпа³дѳт'].

Чередование ударных и безударных гласных

Фоне- мы	В ударном слоге			В безударных слогах				
	в не- при- крытом	после твер- дого соглас- ного	после мягко- го со- глас- ного	в не- при- кры- том	после твердого согласного		после мягкого согласного	
					редуцированные 1-й степени	редуцированные 2-й степени	во всех слогах, кроме конечного открытого	в конечном открытом слоге
	1	2	3	4	5	6	7	8
/у/	у	у	‘у	у	у	у	‘у	‘у
/и/	и	ы	и	и ^э	ы ^э	ы ^э	и ^э	и ^э
/э/	э	э	‘э	и ^э	ы ^э	э	и ^э	и ^э
/о/	о	о	‘о	а ^э	а ^э	э	и ^э	‘э
/а/	а	а	‘а	а ^э	а ^э	э	и ^э	‘э

В таблице 2 не учтено влияние следующего за гласным мягко-го согласного, оно проявляется в продвижении конечной фазы гласного вперед и/или вверх и обозначается в транскрипции точкой справа сверху от буквы.

/у/ (1) [ý]чит, на[ý]чит — (2) от[ý]чен — (4) [у]чѣть, [у]че-
ник, на[у]чѣть, вы[у]чить — (5) от[у]чѣть — (6) от [у]ченикѣ;
(2) п[у]ск — (5) п[у]скѣть — (6) п[у]сковой, вып[у]ск; (3) ч[‘ý]до —
(7) ч[‘у]дѣк, ч[‘у]дѣкѣ; (2) нес[ý] — (3) крич[‘ý] — (6) крѣш[у] — (8)
прѣч[‘у]; (3) плач[‘ý] — (8) выплѣч[‘у];

/и/ (1) [й]гры, на[й]гранный — (2) с[ы]гран — (4) [и^э]грѣ, [и^э]гро-
кѣ, на[и^э]грѣть, нѣ[и^э]грѣш — (5) с[ы^э]грѣть — (6) с [ы^э]грокѣм, (2)
с[ы]пѣть — (5) выс[ы^э]пѣть — (6) вы^эс[ы^э]пѣть; (2) ш[ы^э]рь — (5)
ш[ы^э]рѣкий — (6) ш[ы^э]ротѣ; (2) беж[ы]т — (3) сид[й]т — (6)
слыш[ы^э]т — (7) хѣд[и^э]т; любѣ[й] — (8) обѣв[и^э];

/э/ (1) [э̣]тика — (4) [и^э]тичѣский, [и^э]тикѣт; (1) по[э̣]т — (4)
по[и^э]тичѣский; (2) мод[э̣]ль — (5) мод[ы^э]льѣр — (6) мод[э̣]лиров-
ка; (2) т[э̣]ннис — (6) т[э̣]ннисѣст; (2) ш[э̣]сть — (5) ш[ы^э]стѣ —
(6) ш[э̣]стѣдѣсят; (2) скреж[э̣]щѣт — (5) скреж[ы^э]тѣть — (6)
скрѣж[э̣]т; (3) д[‘э̣]ло — (7) д[и^э]лѣ, д[и^э]ловѣй, вѣд[и^э]лка, (2)
лжѣ[э̣]ц — (3) мудр[‘э̣]ц — (5) лж[ы^э]цѣ — (6) землѣнѣш[э̣]ц — (7)
мудр[и^э]цѣ, стѣр[и^э]ц; (3) стѣн[‘э̣] — (8) вѣнн[и^э];

/о/ (1) [ó]браз — (2) без[ó]бразный — (4) [а³]брáзчик, [а³]бразо-
вáние, пре[а³]бразовáть — (5) без[а³]брáзный — (6) из[э]бразíть;
(2) д[о]м — (5) д[а³]мá — (6) д[э]мовóй, нá д[э]м; (2) канц[ó]на —
(5) канц[а³]нétта; (3) т[ʼó]мный — (7) т[и³]мнó, т[и³]мнотá,
зát[и³]мно; (2) дуб[ó]вый — (3) парч[ʼó]вый — (5) бок[а³]вóй —
(6) гáз[э]вый — (7) тен[и³]вóй, сирén[и³]вый; (3) бель[ʼó] — (8)
пол[ʼэ];

/а/ (1) [á]дрес, за [á]дресом — (2) от [á]дреса — (4) [а³]дресовáть,
пере[а³]дресóвка — (6) от [э]дресáта; (2) с[а]д — (5) с[а³]дý — (6)
с[э]довóд, выс[э³]дить; (2) ш[а]р — (5) ш[а³]ры — (6) ш[э]ровóй; (2)
ж[а³]ть — (6) выж[э³]ть; (3) н[ʼá]тый — (7) н[и³]тáк, н[и³]тáчок,
нá н[и³]т; (2) чуж[á]к — (3) земл[ʼá]к — (5) чуж[а³]кá — (7)
земл[и³]кá; (3) кон[ʼá] — (8) óкун[ʼэ].

В некоторых позициях и в некоторых аффиксах существуют
варианты произношения гласных, которые рассматриваются в
числе орфоэпических норм.

Чередования согласных звуков

Чередование звонких и глухих согласных

1. На конце слова перед паузой звонкие шумные заменяются
глухими: ду[б]ý — ду[п], дрó[бʼ]и — дро[пʼ], дро[в]á — дро[ф], крó-
[вʼ]и — кро[фʼ], но[г]á — но[к], стá[д]о — ста[т], бý[дʼ]ешь — бу[тʼ],
кó[ж]а — ко[ш], рó[з]а — ро[с], мá[зʼ]и — ма[сʼ], до[жʼ]и — до[шʼ].
Такая же мена звуков происходит при отсутствии паузы перед сло-
вом, начинающимся с гласного, сонорного согласного и [в], за ко-
торым следует гласный или сонорный: вя[с] упáл (вяз), дру[к] мой
(друг), гри[п] валу́й (гриб), во[с] внизú (воз).

2. В русском языке не может быть сочетания шумных соглас-
ных, не одинаковых по глухости/звонкости.

Перед глухими звонкие заменяются глухими, возникает соче-
тание глухих согласных: скá[з]очка — скá[с]ка (сказка), лó[ж]ечка —
лó[ш]ка (ложка), о[б]рубíть — о[п]тесáть, по[д]нóс — по[т]нóрка,
колдо[в]áть — колдо[ф]скóй, готó[вʼ]ите — готó[фʼ]те.

Перед звонкими глухие заменяются звонкими, возникает со-
четание звонких согласных: про[сʼ]и́ть — прó[зʼ]ба, моло[тʼ]и́ть —
моло[дʼ]бá, та[к]óй — тá[г]же, [с]мы́ть — [з]дуть, о[т]рази́ть —
о[д]грузи́ть, ál[чʼ]ный — ál[дʼжʼ]бá (алчба), свер[х]урóчный —
свер[γ]звукóй. Эта закономерность действует и на стыке слов при
отсутствии паузы: [к] мóрю — [г] дóму; о[т] отцá — о[д] брáта;
отне[с]лá — отнё[з] бы; чéре[б] большóй (череп); шка[в] закрыли
(шкаф); мо[γ] зелёный (мох).

Перед [в] замена глухого согласного звонким происходит толь-
ко тогда, когда после [в] произносится звонкий шумный: [з] вдо-

во́й (ср.: [с] врачо́м, [с] ва́ми); о[д] взгля́дов (ср.: о[т] вла́сти, о[т] воро́т); [г] вздо́хам (ср.: [к] вну́ку, [к] вы́бору); ва[ж] взор (ср.: ва[ш] враг, ва[ш] возраст).

3. Сонорные согласные на конце слова и перед глухими могут факультативно заменяться полуглухими или глухими. На конце слова такие глухие произносятся чаще всего после глухих: *смот*[р], *вих*[р'], *смыс*[л], *воп*[л'], *рит*[м], *пес*[н']. Такие же звуки возможны в начале слова перед глухими: [р]ту́ть, [л']сти́ть, [м]сти́ть, [м]ха. В этих же позициях могут произноситься и неоглушенные сонорные, но они тогда развивают дополнительную слоговость: *шиф*[р], *мыс*[л'], [р]та, [м]ча́ться. В середине слова перед глухими согласными сонорные также могут оглушаться: *заде*[рш]ка (*заде́ржка*), *мо*[рш] (*морж*), *по*[р]т, *по*[л]з, *те*[м]н, *ба*[н]к.

Чередование твердых и мягких согласных

Перед некоторыми мягкими согласными некоторые твердые заменяются мягкими. Так, внутри слова обычно твердые зубные заменяются мягкими перед мягкими зубными: *ли*[ст] — *ли*[с'т']ья, *мя*[с]о — *мя*[с'н']йк, *е*[зд]а́ — *е*[з'д']и́ть, *гла*[з]а́ — *гла*[з'н']йк, *цве*[т]ы́ — *цве*[т'н']йк, *о*[тр]ы́вок — *о*[т'т']е́нок, *ро*[дн]о́й — *ро*[д'н']е́е, *по*[дб]о́рка — *по*[д'д']е́лка. Перед [ч'], [ш'] звук [н] обычно заменяется [н']: *щелку*[н] — *щелку*[н'ч']ик, *ви*[нт] — *зави*[н'ч']ивать, *ба́ке*[н] — *ба́ке*[н'ш']ик, *вой*[н]а́ — *воё*[н'ш']ина. Это позиционное фонетическое чередование, но оно знает исключения, является позиционно прикрепленным. Поэтому оно рассматривается в разделе «Орфоэпия».

Чередование согласных по месту образования

1. Перед передненёбными шумными согласными зубные шумные заменяются передненёбными: [с] *ка́шкой* — [ш] *ша́шкой* — [ш'] *ча́шкой*, *бе*[з] *отца́* — *бе*[ж] *жены́*, *о*[т] *па́ра* — *о*[ч] *ша́ра*.

2. Губно-губные [м], [м'] перед губно-зубными изменяют артикуляцию на губно-зубную: *сьем пе́рси́к* — *сьем фи́ник*, *бе́лым ста́гом* — *бе́лым фла́гом*, *дам тебе́* — *дам вам*, *семь роз* — *семь фиа́лок*; ср. также: *си́мвол*, *трамва́й*, *комфо́рт*, *ни́мфа*, *амфи́бия*.

У губно-губных взрывных согласных перед губно-зубными артикуляция изменяется таким образом, что нижняя губа смыкается не только с верхней губой, но одновременно и с верхними зубами: *обда́рить* — *обва́рить*, *любо́вь* — *любви́*, *об пла́тье* — *обфа́ртук*, *дуб низкий* — *дуб высокий*, *укроп посадили* — *укроп вырос*.

3. Зубные [н], [н'] перед заднеязычными согласными, после которых обычно следуют и другие согласные, заменяются заднеязычными [нґ], [нґ']:
ко[н]то́ра, но *ко*[нґ]гре́сс; *фу*[н]т, но *фу*[нґ]к-ция; *фра́*[н]ция, но *фра́*[нґ]кский, *ба*[н]т, но *ба*[нґ]кно́та, *о*[н] *отло́-*

гий - о[н'] *крутой*; не[н'] *большой* - не[н'] *гнилой*, ста[н'] с ним — ста[н'] к ним.

Чередование согласных по способу образования

1. Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами.

Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: о[ц] *сыпать* (отсыпать), де[ц] *сад*, бра[ц] *Саша*, бу[ц] *сы*; [т'] перед [с'] меняется на [ц']: ме[-ц'] *ся*, ня[ц'] *селёдок*. Точно так же и [д] перед [з] меняется на [дз]: на[дз] *зёр*, по[дз] *зуживать*; [д'] перед [з'] меняется на [д'з']: на- [д'з'] *зиратель*, ня [д'з'] *земли*.

В позиции перед [ш], [ж] звуки [т], [д] по предыдущему закону заменяются передненёбными (передняя часть языка примыкает не к зубам, а к альвеолам), в результате образуются передненёбные твердые аффрикаты [ч], [дж]: о[ч] *шибить* (отшибить), млá[ч] *шя* (младшая), по[дж] *жилки*, та[дж] *жи́к*, о[дж] *жа́ть* (отжа́ть). Перед [ш'] происходит замена взрывного мягкой аффрикатой: [ч'] *щётно* (тищётно), о[ч'ш'] *итать* (отсчитать), [ч'] *щерь* (дщерь).

Взрывные зубные согласные перед боковыми щелевыми заменяются аффрикатами с боковой щелью; на месте [т], [д], [т'], [д'] перед [л], [л'] произносятся звуки [тл], [дл], [т'л'], [д'л'] (или [тл'], [дл']), у которых смычка переходит в боковую щель, при этом передняя часть языка не отрывается от зубов: о[т] *руки* — о[тл] *лапы*, по[д] *месяцем* — по[дл] *луной*, све[т] — просве[т'л'] *лённый*, на- до-е[д] *ать* — надое[д'л'] *ливый*.

2. Взрывные губные и зубные перед носовыми того же места образования меняют ртовый взрыв на глоточный, в результате произносятся фаукальные согласные: о[б] *радовать* — о[б^м] *ма- нывать*, о[б] *лёт* — о[б^м] *мён*, нэ[п] — нэ[п^м] *ман*, о[т] *вас* — о[т^н] *нас*, о[д'] *и́н* — о[д'н'] *ни́*.

3. Взрывные согласные перед взрывными и аффрикатами того же места образования и аффрикаты перед такими же аффрикатами заменяются имплозивными: о[т] *кого* — о[т̚] *того* — о[т̚] *царя́* — о[т̚] *чего́*, на[д] *о́дним* — на[д̚] *двумя́*, су[п] *овся́ный* — су[п̚] *перло́вый*, зна[к] *Стрельца́* — зна[к̚] *Козеро́га*; коне́[ц] *отде́ла* — коне́[т̚] *це́ха* (как и не[т̚] *це́ха*), но[ч'] *второ́я* — но[т̚'] *четве́ртая* (как и хо[т̚'] *четве́ртая*).

Чередование долгих и кратких согласных

Долгие согласные звуки реализуют сочетания двух фонем: ка[ĕ]а — ка/сс/а, лу[ĕ]ая — лу/нн/ая, во[ĕ]ш'ик — во/зч'/ик. Долгие согласные могут находиться в начале слова перед гласным или между гласными: *ввоз*, *ссора*, *Анна*, *щука*, *вожжи*. На стыке при-

ставки и корня долгие согласные встречаются и перед согласным: *во[э́]ва́ние, ра[ш̄]вы́рять*.

В других позициях долгий согласный теряет свою долготу, т.е. замещается кратким согласным:

1) на конце слова: *ва[н̄]а — ва[н] (ванн), ма[с̄]а — ма[с] (масс), су[м̄]а — су[м] (сумм), пла[ш̄']и́ — пла[ш'] (плащ);*

2) рядом с согласным: *програ́[м̄]а — програ́[м]ный (программ-ный), ру́[с]кий (русский), францу́[с]кий (французский), мо́[ш̄']и — мо́[ш']ный (мощный).*

В некоторых случаях эта закономерность отражается и на письме: *колонна — колонка, оперетта — оперетка, финны — финка, финский.*

По указанному выше закону на месте взрывного согласного перед щелевым того же места образования произносится аффриката, которая со следующим щелевым создает в интервокальном положении долгую щель: *детсад — де[цс]а́д = де[тсс]а́д, бутсы — бу́[цс]ы = бу́[тсс]ы.*

Перед согласным долгота щели утрачивается за счет выпадения щелевого согласного: *детский — де́[ц]кий, чукотский — चुко́[ц]кий, шведский — шве́[ц]кий, детство — де́[ц]тво, богатство — бога́[ц-]тво, банкротство — банкрó[ц]тво.* Здесь суффиксальный [с] повлиял на предшествующий [т], изменив его в [ц], но выпал перед следующим согласным. Иногда это отражается и на письме: в суффиксе *-ск-* после орфографического *ц* буква *с* не пишется: *кузнецкий, немецкий, ткацкий, турецкий.*

Производным от этого закона является закон: в русском языке не может быть согласных более чем двойной долготы. Три одинаковых согласных стягиваются до двух: *ссориться — рассориться (рас- + ссориться), одесский (от Одесса при помощи суффикса -ск-), ванная (из ванн-н-ая);*

3) возможно чередование долгих и кратких согласных и в позиции между гласными в зависимости от положения после ударного гласного или в других положениях: *програ́[м̄]а — програ́[м']и́ровать (программировать), прогре́[с]а — прогре́[с']и́вный (прогрессивный), либрé[т̄]о — либре́[т']и́ст (либреттист), Марó[қ̄]о — марó[к]а́нский (марокканский), свяще́[н̄]ый — пресы́ще[н]ый (пресыщенный).* Это чередование не имеет строгой обязательности, поэтому оно рассматривается в разделе «Орфоэпия».

Чередование согласных с нулем звука

1. Не произносятся [т], [д] ([т'], [д']) после согласных перед [ц], [ч']:

[с]—[ц]: *крес[т]а́ — крес[-]а́ (крестца), ис[т']е́ц — ис[-]а́ (истца), бухаре́с[т']е́ц — бухаре́с[-]и́цы, уз[д]а́ — под уз[-]и́цы (под уздцы); бода́[тц]а (бодаться), несё́[тц]а (несётся) — гры́з[ц]а (грызться), уда́с[ц]а (удастся);*

[ш]—[ц]: *будапéш*[т']ец — *будапéш*[-]цы;

[н]—[ц]: *тала́н*[т']ец — *тала́н*[-]ца (*талантца*), *докуме́н*[т']ец — *докуме́н*[-]ца, *ташкэ́н*[т']ец — *ташкэ́н*[-]цы, *голла́н*[д']ец — *голла́н*[-]цы, *шотла́н*[д']ец — *шотла́н*[-]цы;

[л], [л']—[ц]: *ше́ффи́л*[д']ец — *ше́ффи́л*[-]цы, *бухенва́ль*[д']ец — *бухенва́ль*[-]цы;

[р]—[ц], [ч']: *сер*[д']е́чный — *се́р*[-]це (*сердце*), *сер*[-]чи́шко (*сердчишко*), *сер*[д']и́ться — *осе́р*[-]ча́ть (*осерчать*), *степа́нокéр*[т']ец — *степа́нокéр*[-]цы, *фра́нкфу́р*[т']ец — *фра́нкфу́р*[-]цы, *о́ксфор*[д']ец — *о́ксфор*[-]цы.

Не произносится также [л] перед [нц]: *со́*[л]не́чный — *со́*[-]нце (*солнце*).

Все указанные случаи могут объясняться сокращением долгого согласного рядом с согласным. Так, в сочетаниях [тц] ([ттс]), [т'ч'] ([т'т'ш']) возникает долгая смычка передней части языка с верхними зубами. После предшествующего согласного происходит сокращение этой долготы за счет импловивных [т], [т']. В сочетании [лнц] непрерывная смычка языка с верхними зубами должна продолжаться при произнесении двух с половиной согласных; такая долгота артикуляции в русском языке невозможна, и [лнц] изменилось в [нц].

В этих сочетаниях чередование [т], [т'], [д], [д'], [л] с нулем звука обязательно. В других подобных сочетаниях строгой обязательности нет, в отдельных словах она может нарушаться, поэтому такие сочетания рассматриваются в разделе «Орфоэпия».

2. Фонемы /с/, /з/ перед [ш'] реализуются нулем звука: [с] *несча́стным* — [-] [ш'] *астли́вым* (*с счастливым*), *ра*[с] *толка́ть* — *ра*[-] *щепи́ть* (*расщепить*), *и*[з] *отве́рстия* — *и*[-] *ще́ли* (*из щели*; произносится так же, как *и щели*), *чере*[з] *доро́гу* — *чере*[-] *щебе́нку*. Эта закономерность связана с тем, что в русском языке не может быть согласных тройной долготы (см. выше). Здесь же [с], [з] перед [ш'] заменяются на [ш'] и в результате [ш'] перед [ш'] не произносится.

3. После гласного перед [и], [и³] фонема /j/ реализуется нулем звука: *мой* /мој/ [моѝ] — *моя* /моја/ [ма³ја] — *мои* /моји/ [ма³ѝ]; *строй* /с₃ трој/ [строѝ] — *строю* /с₃ троју/ [строѝу] — *строит* /с₃ троѝт/ [строѝ³т].

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Состав гласных фонем

В языке столько фонем, сколько звуков в одних и тех же сигнификативно сильных позициях. В большинстве случаев вы-

деление фонем не представляет трудностей. Нет сомнения, что в русском языке есть фонемы /и/, /э/, /о/, /а/, /у/, они встречаются в сильной позиции в огромном количестве слов. Но как быть, если звук в сильной позиции встречается в одном только слове, или в редких словах, или в словах, принадлежность которых русскому языку сомнительна? Среди лингвистов здесь нет единства во взглядах.

Звук [ы] в абсолютно сильной позиции, т.е. под ударением в начале слова, бывает только в названии буквы *ы* и в производных от него узкоспециальных терминах *ыкать*, *ыканье*. В географических атласах можно встретить и такие названия, как *Ыйсон*, *Ыныкчанский* и др., но они не являются словами русского языка, и по ним нельзя судить о русской фонетической системе. Что же касается названия буквы *ы*, то решение может быть следующее.

В русском литературном языке выделяется несколько фонетических подсистем: общеупотребительных слов, необщеупотребительных (редких) слов, междометий, служебных слов. Каждая из этих подсистем характеризуется своими фонетическими закономерностями. Так, в подсистеме общеупотребительных слов с элементарной структурой [о] в корне, суффиксе или окончании может быть только под ударением, в безударных слогах на его месте выступают [а³], [э]: з[о]д — з[а³]дá — з[э]довóй. В других подсистемах [о] может быть и без ударения: например, в редком слове *боá* [боá]; в междометии *о-хо-хó!* [охохó]; в союзе *то:* т[о] *я*, т[о] *он*. Бывают и такие звуки, которые не представлены в общеупотребительных словах в сильной позиции. Например, есть междометие, передающее сожаление и выражаемое щелкающим звуком, возникающим при всасывании воздуха и отрыве кончика языка от зубов: *Ц-ц-ц!* Есть частица, передающая отрицание: *Не-а*. Есть с таким же значением и частица, состоящая из двух гласных типа [э], перед которыми происходит резкое смыкание голосовых связок: [ʔé-ʔэ]; гласные эти носовые: воздух проходит через ротовую и носовую полости.

Названия букв (в том числе и название буквы *ы*) — это термины. У терминов своя фонетическая подсистема. Так, слово *фонема* можно произнести с [о]: [фонэма], это допускается законами фонетической подсистемы редких слов, куда относится и терминология. Но эти закономерности нельзя распространять на другие фонетические подсистемы.

Редкие слова, термины, междометия — это тоже слова русского языка. Поэтому на вопрос о том, есть ли в русском языке фонема /ы/, противопоставленная другим гласным фонемам, следует ответить: есть, но только в фонетической подсистеме необщеупотребительных слов. В фонетической подсистеме общеупотребительных слов пять гласных фонем: /и/, /э/, /о/, /а/, /у/.

Состав согласных фонем

Выделение большей части согласных фонем не представляет трудности: /п/—/п'/—/б/—/б'/—/ф/—/ф'/—/в/—/в'/—/м/—/м'/—/т/—/т'/—/д/—/д'/—/с/—/с'/—/з/—/з'/—/ц/—/н/—/н'/—/л/—/л'/—/ш/—/ж/—/ч'/—/р/—/р'/—/й/—/к/—/г/—/х/ — 32 фонемы. Столько разных звуков выступает в сильной позиции, например, перед ударным [а] в словах [па]р, [п'á]тый, [ба]с, [б'а]зь, [фа]кт, гра[ф'á] (дееприч.), [ва]л, [в'á]лый, [ма]к, [м'á]та, [га]к, [г'á]нут, [да]р, [д'á]дя, [са]д, [с'á]ду, [за]л, [з'а]ть, [ца]рь, [на]ш, [н'á]ня, [lá]на, [л'á]мка, [ша]р, [жа]р, [ч'а]с, [ра]д, [р'а]д, [ja]д, [ká]мень, [га]з, [хá]та.

Спорные вопросы в определении состава согласных фонем

1. В словах *щи*, *щу́ка*, *сча́стье*, *расче́т*, *во́зчик*, *шипя́щий* и др. произносится [ш']: [ш']и, [ш']у́ка, [ш']а́стье и т.д., в словах *визжа́ть*, *дребезжа́ть*, *пóзже*, *во́жжи*, *дро́жжи*, *сожже́нный* и др. одними говорящими произносится [ж']: ви[ж']а́ть, дребе[ж']а́ть, по[ж']е и т.д., а другими [ж]: ви[ж]а́ть, дребе[ж]а́ть, по[ж]е и т.д. Широко распространено мнение, что звуки [ш'] и [ж'] представляют особые фонемы, обозначаемые как /ш'/, /ж'/ (/ш':/, /ж':/), или /ш'/, /ж'/, или /ш/, /ж/.

Некоторые лингвисты, рассматривающие [ш'] как воплощение одной фонемы, указывают, что [ш'] может в отдельных случаях представлять и сочетания фонем: /шч'/ — *веснушчатый* (с /ш/ и /ч'/ на стыке морфем, ср. *весну/ш/ка* и *узор/ч'/атый*), /жч'/ — *переребечик* (ср. *бе/ж/ать* и *лёт/ч'/ик*), /сч'/ — *песчинка* (ср. *пе/сок/*, *пе/ск/а*, *пе/соч'/ек* и *горь/к/о* — *гор/ч'/инка*), /сч'/ — *разносчик* (ср. *но/с'/ить*), /зч'/ — *навязчивый* (ср. *навяз/з/ывать* и *вспыль/ч'/ивый*), /зч'/ — *возчик* (ср. *во/з'/ить*). Эти сочетания фонем идентифицируются на основании чередований со звуками в сигнификативно сильных позициях. В сигнификативно слабой позиции, когда последней фонемой сочетания является /ч'/, они нейтрализуются в звуке [ш'].

Фонема же /ш'/ постулируется для случаев, где отсутствуют такие чередования. Иначе говоря, /ш'/ оказывается всегда в непроверяемой сигнификативно слабой позиции. Между тем наличие особой фонемы в языке определяется только по сигнификативно сильной позиции. Таким образом, решение о выделении фонемы /ш'/ содержит существенные внутренние противоречия, поэтому от этого решения следует отказаться.

Некоторые лингвисты предлагали считать [ш'] воплощением двух фонем и определяли эти фонемы как /сч/ или /шч/. На основании вышесказанного следует, что в тех морфемах, где отсут-

ствуют чередования [$\bar{\text{ш}}$] с сочетаниями других согласных звуков (*щель, щит, пощада, ящик, счастье, расчёт, ведущий* и т.п., а также в тех случаях, когда в определенных позициях в результате сокращения долготы обычно произносится краткий [ш] — *плащ, вещь, мощный, подсчитать, дочь* и т.п.), выступает сочетание гиперфонемы /с|с'|з|з'|ш|ж/ с фонемой /ч'/.

О том, что последней фонемой в этом сочетании является /ч'/, говорит также следующее. На стыке приставки и корня, предложения и следующего слова, реже на стыке двух самостоятельных слов (*расчесать, бесчерепные, с чем, без чего, голос часового* и т.п.) наряду с [$\bar{\text{ш}}$], или, точнее, [$\text{ш}'\text{ш}'$], может (реже или чаще) произноситься [$\text{ш}'\text{ч}'$]. При этом на протяжении последнего столетия идет постепенное расширение произношения [$\text{ш}'\text{ш}'$] за счет [$\text{ш}'\text{ч}'$]. Во всех этих случаях данным звуковым сегментам соответствуют две фонемы, вторая из них /ч'/. Произношение [$\text{ш}'\text{ч}'$] ранее отмечалось и внутри корня и суффикса, и на стыках корня и суффикса и двух суффиксов. Теперь замена [$\text{ш}'\text{ч}'$] на [$\text{ш}'\text{ш}'$] в этих положениях почти завершена.

Таким образом, фонема /ч'/ в позиции после [$\text{ш}'$] реализуется звуком [$\text{ш}'$] внутри корня и суффикса и на стыках корня и суффикса и двух суффиксов, а на стыке приставки и корня, предложения и следующего слова, на стыке двух самостоятельных слов в этой позиции наблюдается вариативность в реализации /ч'/: она может воплощаться в звуках [ч'] и [ш'].

Звук [$\bar{\text{ж}}$], или, точнее, сочетание [$\text{ж}'\text{ж}'$], тоже можно рассматривать как бифонемное со второй фонемой /ж/. В некоторых морфемах чередования указывают на первую фонему /з/ — *пó- [ж'ж']е позже* (ср. *опоздать, пó[зн]о*; [д] чередуется с [ж']), перед которым [з] заменяется [ж']), гиперфонему / $\frac{\text{с}}{3}$ / — *ви[ж'ж']ать визжать* (ср. *ви/ $\frac{\text{с}}{3}$ /з*, [г] чередуется с [ж']), перед которым также [з] заменяется [ж']), гиперфонему / $\frac{\text{с}'}{3}$ / — *é[ж'ж']у езжу* (ср. *é/ $\frac{\text{с}'}{3}$ /дить*), фонему /ж/ — *за[ж'ж']ёт зажжёт* (ср. *за/ж/гу, за/ж/ёг*). В ряде случаев подобные чередования отсутствуют: *вó[ж'ж']и, дрó[ж'-ж']и, жу[ж'ж']ать* и др. В этих случаях первый [ж'] воплощает гиперфонему /с|с'|з|з'|ж/.

В современном русском литературном языке [$\text{ж}'\text{ж}'$] может произноситься только в некоторых корнях. Это произношение постепенно заменяется произношением [жж], господствующим в «младшей» норме. На стыке морфем на месте сочетаний /зж/, /сж/, /жж/, /шж/ произносятся только твердые звуки, обычно [жж]: *разжевать, сжечь, межжаберный, без жира, с жадностью, мышь же убежала* и т.п.

Различие в реализации одних и тех же сочетаний фонем объясняется следующим. В древнерусском языке все шипящие были мягкими, а затем щелевые (в некоторых говорах и [ч']) постепенно отвердевали. Этот процесс шел неодинаково в разных позициях:

дольше сохранялась мягкость шипящих рядом с мягкими согласными. Звук [ш'] в литературном языке до сих пор сохраняет мягкость перед [ч'] и заменяющим его [ш']. Мягкость [ж'] дольше всего сохранялась в сочетании с другим [ж'], т.е. в сочетании [ж'ж']. Но и в этом сочетании она давно стала утрачиваться, твердый [ж] захватил уже положение на стыке морфем, позднее он проник внутрь корня.

Разная реализация фонемы /ж/ в этих положениях объясняется тем, что в русском языке фонетические процессы по-разному протекают на стыке приставки и корня, предлога и следующего слова и внутри корня. Некоторые процессы начинаются внутри морфем, позднее они происходят на стыке приставки и корня, предлога и следующего слова. Такова прогрессивная ассимиляция [ш'ч']>[ш'ш']. Некоторые процессы на стыке морфем начинаются и заканчиваются раньше, чем внутри корня — изменение [ж'ж']>[жж]. Подобным образом идет в современном русском языке и отвердение первого согласного в сочетании мягких согласных. Объясняется это тем, что фонемный состав начала слова или корня лучше, чем в середине слова, осознается говорящими, которые стремятся реализовать эти фонемы их доминантами.

Приведенное решение фонологической сущности [ш'ш'] и [ж'ж'] помогает понять, почему в современном русском литературном языке мягкость [ш'ш'] сохраняется, а у [ж'ж'] утрачивается: у [ш'ш'] второй звук [ш'] — представитель мягкой фонемы /ч'/, его мягкость фонологически существенна, а у [ж'ж'] второй звук — представитель /ж/, внепарной по твердости/мягкости, мягкость [ж'] фонологически несущественный признак.

2. Звуки [к], [г], [х] чередуются с [к'], [г'], [х']: *pe[k]á, pe[k]óй, pe[k]ý, pe[k] — pe[k']ú, pe[k']é; ду[г]á, ду[г]óй, ду[г]ý — ду[г']ú, ду[г']é; со[х]á, со[х]óй, со[х]ý, со[х] — со[х']ú, со[х']é*. Звуки [к'], [г'], [х'] выступают перед [и], [э], в остальных позициях — [к], [г], [х]. Чередование можно рассматривать как фонетическое позиционное и считать, следовательно, что [к], [к'] воплощают одну фонему /к/, [г], [г'] — /г/, [х], [х'] — /х/.

С другой точки зрения, [к'], [г'], [х'] воплощают фонемы /к'/, /г'/, /х'/, противопоставленные /к/, /г/, /х/. Основания таковы. Звук [к'] перед [о], [а] выступает в формах слова *ткать*: *т[к'о]шь, т[к'о]т, т[к'о]м, т[к'о]ме, т[к'а]*. Правда, это только одно старое исконно русское слово, но оно относится к числу общеупотребительных. Кроме того, [к'] перед [о], [у] встречается в словах заимствованных, в том числе и широко распространенных: *бракёр, ликёр, хроникёр, кювёт, кюре, маникёр* и др. В русском языке созданы слова *киоскёр, паникёр*. Это достаточное основание считать, что [к] и [к'] возможны в одной и той же позиции и, следовательно, воплощают фонемы /к/, /к'/. Звук [г'] перед [у] встречается только в словах необщеупотребительных: *гюйс,*

гюрза и др. Но, во-первых, законы звуковой сочетаемости распространяются на все звуки одного класса. Из того, что [к]—[к'] противопоставлены в одной позиции, следует, что такая возможность существует в русском языке и для других заднеязычных: [г]—[г'] и [х]—[х'].

Во-вторых, об этом же могут свидетельствовать авторские неологизмы. В одном из писем композитор и музыкальный критик А.Н. Серов писал: «*Ведь был же я доволен и “Майской ночью”, хотя там швахятины было несравненно больше*». Слово *швахятина* образовано автором от нем. schwach ‘слабый’ по модели *кислятина*, *серятина* и т.п.

В-третьих, в русском языке возникли слова с сочетанием твердых заднеязычных перед [э] и таким образом появилась еще одна позиция, где могут противопоставляться [к], [г], [х] и [к'], [г'], [х']: [кэ]б — [к'э]др, [гэ]С — [г'э]рб, [хэ]ппи-энд — [х'э]к. Поэтому [к'], [г'], [х'] воплощают фонемы /к'/, /г'/, /х'/.

Следовательно, в русском языке 35 согласных фонем.

Подсистема гласных фонем

Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно сильных позициях проявляются в их дифференциальных признаках (см. с. 84—85). Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно слабых позициях могут быть показаны так:

Позиции в безударных слогах	Фонемы				
	/y/	/и/	/э/	/o/	/a/
1. ГГ, #Г	[y]	[и ²]			[a ²]
2. СГ в 1-м п/у слоге	[y]	[ы ²]			[a ²]
3. С'Г#	[y]	[и ²]			[э]
4. СГ, кроме 1-го п/у слога	[y]	[ы ²]	[э]		
5. С'Г, кроме С'Г#	[y]		[и ²]		

Позиции в безударных слогах: 1 — в неприкрытом слоге, 2 — после твердого согласного в первом предударном слоге, 3 — после мягкого согласного в конечном открытом слоге, 4 — после твердого согласного во всех слогах, кроме первого предударного, 5 — после мягкого согласного во всех слогах, кроме конечного открытого.

Если в сильной позиции различаются пять гласных фонем, то в позициях 1—4 — три гласных звука, а в позиции 5 — два. Это сигнификативно слабые позиции для /и/, /э/, /о/, /а/, в соответствии с ними здесь выступают архифонемы, у которых различительная способность снижена. Сигнификативно сильная для всех гласных фонем позиция под ударением. Для фонемы /у/ все позиции сильные: она не нейтрализуется ни с одной фонемой.

Подсистема согласных фонем

Дифференциальными признаками согласных звуков являются место и способ образования, глухость/звонкость, твердость/мягкость. Различие между сонорными и шумными согласными звуками для всех фонем является признаком интегральным.

Согласные русского языка образуют две основные корреляции фонем, в которые входят фонемы, противопоставленные по признакам глухости/звонкости и твердости/мягкости. По этим признакам фонемы соотносятся следующим образом:

/п/ — /б/	/ф/ — /в/	/т/ — /д/	
/п'/ — /б'/	/ф'/ — /в'/	/т'/ — /д'/	
/с/ — /з/	/к/ — /г/		
/с'/ — /з'/	/к'/ — /г'/	/ш/ — /ж/	
/м/ /л/	/н/ /р/	/х/ /ц/	
			/j/
/м'/ /л'/	/н'/ /р'/	/х'/ /ч'/	

22 фонемы составляют 11 пар по глухости/звонкости, остальные 13 фонем внепарные по этому признаку. 34 фонемы составляют 17 пар по твердости/мягкости, 1 — внепарная по обоим признакам.

Фонема /п/ глухая, она противопоставлена по этому дифференциальному признаку звонкой /б/. В число дифференциальных признаков /ц/ не входит признак глухости/звонкости, так как нет парной фонемы, противопоставленной /ц/ по этому признаку. Представителями /ц/ в сигнификативно сильной позиции являются и глухой [ц], и звонкий [дз]. Глухость/звонкость — интегральные признаки [ц], [дз] в разных позициях. Таковы же и другие внепарные по глухости/звонкости фонемы.

Парные глухие и звонкие согласные фонемы различаются в позициях перед:

1) гласным: [п]от — [б]от, [п']ел — [б']ел, [ф]áза — [в]áза, [ф']инн — [в']ин, [т]ам — [д]ам, [т']élo — [д']élo, ко[с]á — ко[з]á, [с']ядь — [з']ять, [к]ость — [г]ость, [к']ит — [г']ид, [ш]ар — [ж]ар;

2) сонорным согласным: [п]леск — [б]леск, [п'ју] — [б'ју] (пью — бью), [ф]ла́га — [в]ла́га, [т]рава́ — [д]рова́, [с]лой — [з]лой, [к]ласс — [г]лаз, слы́[ш]ной — с лы́[ж]ной. Эти позиции — сигнификативно сильные для парных по глухости/звонкости фонем.

Парные глухие и звонкие согласные фонемы не различаются, нейтрализуются в следующих слабых позициях:

1) на конце слова: *тру*[п]а — *тру*[б]а́ — *тру*[п]; *ко*[т]а́ — *ко*-[д]а — *ко*[т]; *ко*[с]а́ — *ко*[з]а́ — *ко*[с]; *лу*[к]а — *лу*[г]а — *лу*[к]; *но*[ш]а — *но*[ж]а́ — *но*[ш];

2) перед шумным согласным: *те*[с]а́ть — *те*[с]ка (тёска), *те*-[з]ок — *те*[с]ка (тёзка); *ска*[т]ок — *ска*[т]ку, *с ка*[д]ок — *с ка*[т]-ку (кадку); *ко*[с']и́ть — *ко*[з']ба́ (косьба), *ре*[з]а́ть — *ре*[з']ба́; *стол*[б]ы́, *стол*[п]ы́ — *стол*[б] за́мётный.

Позиция перед [в] для парных по глухости/звонкости фонем может быть сигнификативно сильной и слабой; в зависимости от звука после [в]: если гласный или сонорный согласный, то это сильная позиция, если шумный согласный, то слабая: [т]воре́ц — [д]воре́ц, [с]верь — [з]верь, *о*[т] вла́стного — *по*[д]вла́стного — позиция сильная, глухие и звонкие различаются; *по*[д] взгля́дом — *о*[д] взгля́да, *по*[д] вби́тым — *о*[д] вби́того, *бе*[з] вдо́ха — [з] вдо́хом — позиция слабая, глухие и звонкие не различаются.

В противопоставлении согласных фонем по твердости/мягкости в современном русском языке происходят изменения. В «старшей» системе парные твердые и мягкие согласные различаются:

1. В позиции, сигнификативно сильной для всех парных по твердости/мягкости согласных фонем, — перед гласными звуками — представителями одной и той же фонемы: [пá]льцы — [п'á]льцы (ня́льцы), *гру*[ба́] — *гру*[б'а] (грубя́), [ва]л — [в'а]л (вял), *ко*[та́] — *ка*[т'а́], [но]с — [н'о]с, [мо]л — [м'о]л, *го*[ры́] — *за*[р'и́], [лу]к — [л'у]к, [ко]т — *т*[к'о]т.

2. В позициях, сигнификативно сильных для части парных по твердости/мягкости согласных фонем:

1) все согласные на конце слова, кроме заднеязычных (в этой позиции встречаются только твердые заднеязычные фонемы): *то*[п] — *то*[п'], *кро*[ф] (кров) — *кро*[ф'] (кровь), *те*[м] — *те*[м'], *бра*[т] — *бра*[т'], *о*[с] — *о*[с'], *да*[л] — *да*[л'], *ко*[н] — *ко*[н'], *жа*[р] — *жа*[р'];

2) зубные /с/—/с'/, /з/—/з'/, /т/—/т'/, /д/—/д'/ перед твердыми губными и перед заднеязычными: *по*[см]о́трит — *ни*[с'м]о́, *и*[зб]а́ — *ре*[з'б]а́, *ге*[тм]ан — [т'м]а, *на*[дб]а́вка — *су*[д'б]а́; *выта*[ск']и-вать — *нау*[с'к']ивать, *нагру*[ск]а (нагрузка) — *Ку*[с'к]а (Кузька), *ма*[тк]а — *ба*[т'к]а, *ре*[тк]о (редко) — *ре*[т'к]а (редька); фонемы /т/—/т'/, /д/—/д'/ также перед /j/: *о*[тjа́]вленн^ый (отъявленн^ый) — *сму*[т'jа́]н (смутьян), *о*[тjо́]м (отъём) — *ши*[т'jо́] (шитьё), *по*[дjа́]корный (подъякорный) — *ма*[д'jа́]р (мадьяр), *пре*[д^бjу]билейный (предъюбилейный) — *а*[д'jу]та́нт (адъютант);

3) /л/—/л'/ перед всеми согласными: *мо[лв]á — ма[л'в]а, ша[лф']ей — со[л'ф']еджио, на сто[лб']é — стре[л'б']é, то[лп]á — ска[л'п]а, на хо[лм']é — о фí[л'м']е, но[лз]ать — но[л'з]а, занима[лсэ] (занимался) — ва[л'с]а, во[лд]ырь — [л'д]ы, же[лт]ок — па[л'т]ó, по[лн']ей — во[л'н']ей, ха[лц]едóн — фа[л'ц]ёт, по[лл']итрóвый — гу[л'л']и́вый, мо[лч']и́ — ма[л'ч']ик, то[лш']ина — по[л'ш']ён, по[лк]а — по[л'к]а, до[лг']и́ — бе[л'г']и́ец, а[лх']и́мик — о[л'х']и́;*

4) /н/—/н'/ перед твердыми губными, зубными, шелевыми передненёбными и перед заднеязычными (т.е. перед всеми классами твердых согласных, исключая [р], а также и перед мягкими заднеязычными): *баке[нб]áрды — го[н'б]á; же[нс]кий — иó[н'с]кий, афга[нц]ы — тайва[н'ц]ы; атамá[нш]а — ра[н'ш]е, ора[нж]евый — де[н'ж]óнки; ба[нк]а — ба[н'к]а, ра[нг']и — де[н'г']и;*

5) /р/—/р'/ перед губными и заднеязычными, перед мягкими зубными не после гласных переднего ряда и перед /j/: *го[рб]áтый — бо[р'б]á, ко[рм']é — тю[р'м']é; го[рк]а — го[р'к]о, ну[рг']и́ — се[р'г']и́; о спо[рт']е — оспó[р'т']е, о ба[рс']е — жа[р'с']я; инте[рjэ]кция — инте[р'jэ]р.*

В других позициях перед согласными парные по твердости/мягкости фонемы в «старшей» системе не различаются. Эти позиции для них сигнификативно слабые. В этих позициях перед твёрдыми согласными выступают только твердые, перед мягкими согласными могут быть и твёрдые, и мягкие согласные.

Так, нет противопоставления твёрдых и мягких губных и заднеязычных согласных фонем перед всеми согласными. Зубные /с/—/с'/, /з/—/з'/, /т/—/т'/, /д/—/д'/ не различаются перед мягкими губными согласными и перед всеми переднеязычными, /с/—/с'/, /з/—/з'/ еще и перед /j/. Не противопоставлены фонемы /н/—/н'/ перед мягкими губными и переднеязычными согласными, /р/ и /j/; фонемы /р/—/р'/ перед мягкими зубными после гласных переднего ряда и перед передненёбными.

В «младшей» системе возникли новые сильные позиции, в которых противопоставлены твердые и мягкие согласные фонемы. Так, стали различаться:

1) твердые и мягкие губные и зубные перед мягкими зубными: *сли[пс']я — сы[п'с']я, несé[мс']я — знакó[м'с']я, идё[мт']е — эконó[м'т']е, ко[фт']е — гото[ф'т']е, разро[сс']я — бро[с'с']я, на[сс']я — обезопá[с'с']я, разлэ[сс']я — взвё[с'с']я;*

2) твердые и мягкие зубные перед мягкими губными: *ко[см']и́ческий — во[с'м']и́, и[зб']é — ре[з'б']é, о[тм']ётка — во [т'м']é, кла[дб']ище — свá[д'б']е;*

3) твердые и мягкие /с/—/с'/, /з/—/з'/ перед /j/: *[сjэ]зд — до[с'jэ], ди[зjу]нкция — ко[з'иэ];*

4) /н/ и /н'/ перед [ч'] и [ш'] и перед /j/: *ко[н'ч']ать — ви[н'ч']эстер, Кубá[н'ш']ина — есéни[нш']ина, и[нjэ]кция — ви[н'jэ]тка;*

5) заднеязычные перед мягкими заднеязычными: *лѣ*[х'к']*ий* — *ва*[кх']*ический*.

Изменения в «младшей» системе привели к тому, что всякий мягкий согласный звук стал представителем мягкой фонемы, а твердый — твердой фонемы.

Особняком стоит в подсистеме согласных фонем /j/. Она не нейтрализуется ни с одной другой согласной фонемой. Основной ее представитель звук [j] — единственный среднеязычный согласный. Фонема /j/ не имеет пар по глухости/звонкости и твердости/мягкости, поэтому она внепарная по этим признакам: ни глухая, ни звонкая, ни твердая, ни мягкая. Своеобразен и ряд позиционно чередующихся звуков, представляющих эту фонему. Обычно в транскрипции используются три реализации /j/: звуки [j], [и] и [∅] — ноль звука:

1) [j] произносится перед ударным гласным: [já]ма, ма[já]к, друзь[já], [jэ]ль, за[jэ]зд, дось[jэ], чь[jи];

2) [и] возникает в результате того, что в позициях не перед ударными гласными напряженность [j] ослабевает, щель между языком и нёбом увеличивается, поэтому на месте согласного произносится неслоговой гласный: [и^э]дá, чужá[иэ], хлопь[иэ]; ка[и]мá, чá[и]ник; сарá[и];

3) после гласного перед [и] ([и^э]) фонема /j/ реализуется нулем звука: *свой* [свои] /свој/ — *своим* [сва^эйм] /својим/; *свояк* [сва^эják] /својак/ — *свояка* [сва^эи^эка] /својака/. Фонемный состав корня в этих соотносимых словоформах один и тот же, он включает /j/.

Однако при более тонком фонетическом анализе обнаруживаются и другие звуки, представляющие /j/:

4) перед ударным огубленным гласным произносится огубленный [j]: [j^у]г, вь[j^у]н, по[j^о]т, ружь[j^о];

5) после твердого согласного перед безударным гласным произносится [ʙи] (чередование неслоговых [и] || [ʙи] после мягких || твердых согласных подобно чередованию слоговых [и] || [ы] в этих позициях): *межь*[ʙи^э]зыкаво́й, *сверхь*[ʙи^э]сте́ственный, *подь*[ʙи^э]здно́й;

6) перед безударным [у] произносится огубленный неслоговой гласный переднего ряда [ý]: [ýу]жа́нин, но́чь[ýу], се́[ýу]. Этот же гласный произносится после [у] и [о] перед огубленным согласным: [уúд'о́]м, [уúг'у́]ры, стр[о́ун'у]ю;

7) на конце слова факультативно возможен и глухой [j] — при эмфазе: *Сто*[j]!, *Отда́*[j]!, при понижении тона в конце слова: *конво́*[j], *пуща́*[j];

8) перед сонорным согласным на конце слова произносится [и] слоговой. Так, одинаково произносятся слова *воин* и *во́ин*, *стойл* и *сто́ил*, *сейм* и *се́ем*. То, что это звук слоговой, подтверждают стихи В. Высоцкого:

О вкусах не спорят, есть тысяча мнений.
Я этот закон на себе испытал.
Ведь даже Энштейн, физический гений,
И тот относительно все понимал.

Здесь слово *Энштейн* произносится в 3 слога, на месте *й* слоговой [и].

Звук [и] на месте /j/ возможен и в середине слова перед согласным. Об этом тоже свидетельствуют стихи Б. Пастернака:

Всё в белых хлопьях скроется,
Залепит снегом взор, —
На ощупь, как пропойца,
Проходит тень во двор.

Здесь слово *пропойца* (корень /poj/) произносится в 4 слога; Б. Пастернак вопреки обычному написанию и пишет его с буквой *и*;

9) между гласными звук на месте /j/ может отсутствовать не только перед [и] ([и³]), где это отсутствие обязательно, но и перед другими безударными гласными, где это отсутствие звука факкультативно. В последнем случае о /j/ свидетельствует продвинутость вперед следующего гласного: *моюсь* [моўс³], *злая* [зла́а] (наряду с [мо́иус³], [зла́иа]).

Среди согласных фонем есть противопоставленные и по другим дифференциальным признакам: по месту и по способу образования. Некоторые из этих фонем нейтрализуются. Так, нейтрализуются зубные и передненёбные перед передненёбными: *на*[шш] *офёр* *увидел* (нейтрализованы /с/ и /ш/ — *нас* и *наш*); *отре*[жж] *ёлтый* (нейтрализованы /з/ и /ж/ — *отрез* и *отрежь*); *круни*[ц]а — *крупн*[т³] *чатый*, *пота*[ч³]ка — *пота*[т³]чик (нейтрализованы /ц/ и /ч³/). Нейтрализуются взрывные и аффрикаты перед щелевыми и аффрикатами того же места образования: *спи*[ц] *столько*, *жиле*[т³] *цыгана* (нейтрализованы /т/ и /ц/ — *спит* и *спиц*, *жилет* и *жилец*); *пе*[т³] *часто* (нейтрализованы /т³/ и /ч³/ — *печь* и *печь*).

Фонетическая и фонематическая транскрипция

Фонетическая транскрипция может быть разной степени точности. При более точной транскрипции отмечается продвинутость гласного вперед и вверх рядом с мягкими согласными: [м³а́т³]; отодвинутость гласного назад: [цэп]; открытость, сдвинутость вниз безударного гласного верхнего подъема: [п³и³ро́к], [жы³на́]; закрытость, сдвинутость вверх безударного гласного нижнего подъема: [да³ла́]; огубленность согласных перед огубленными гласными и согласными: [с³уп], [с³т³ук]; импловивность согласных: *бра́*[т³]ца; заднеязычность [н³]: *фу́*[н³]кция; аффрикатизированность смыч-

ных перед щелевыми: о[дз] *зависти*, о[тл'] *любви*; факультетность губных и зубных взрывных перед носовыми: о[б^м] *ман*, по[д^н] *нять*. Признаки эти обусловлены позицией, поэтому при менее точной транскрипции они не обозначаются: [м'ат'], [цэп], [п'ирók], [жына́], [дала́], [суп], [стук], бр[а]тца, ф[у]нкция, о[д] *зависти*, о[т] *любви*, о[б] *ман*, по[д] *нять*.

Фонетическая транскрипция передает звуковой состав слова, фонематическая транскрипция передает его фонемный состав. Она связана с пониманием фонемы в разных фонологических школах. Так, слово *сток* [с'т°ок] содержит следующий состав фонем: с точки зрения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы — /сток/; с точки зрения Московской фонологической школы, где кроме фонем выделяются и гиперфонемы, — /с₃ тог/; по Р. И. Аванесову, словофонематическая транскрипция [с₃ток₂], где [с₃] и [к₂] обозначают слабые фонемы, и морфофонематическая транскрипция <{с³т}ог>, где выделено сочетание согласных с общими фонетическими признаками глухости и твердости; с точки зрения Пражской фонологической школы, где кроме фонем выделяются и архифонемы, — /СтоК/.

Анализ звукового состава слова

1) Привести наиболее точную фонетическую транскрипцию;
2) охарактеризовать все звуки слова, указав признаки: у гласных — ряд, подъем, лабиализованность/нелабиализованность, полного образования или редуцированный и степень редукции, а также продвинутость начальной или конечной фазы гласного вперед и вверх рядом с мягким согласным; у согласных — место и способ образования, шумность/сонорность, глухость/звонкость, твердость/мягкость, а также лабиализованность/нелабиализованность.

Образец: *воодушевляться* [вз[а]д'ушы'вл'а́ц[а]

[в] — согласный губно-зубной, щелевой срединный, шумный, звонкий, твердый, нелабиализованный;

[э] — гласный среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный, редуцированный 2-й степени;

[а'] — гласный среднего ряда, средне-нижнего подъема, нелабиализованный, редуцированный 1-й степени;

[д'] — согласный переднеязычный зубной, смычный взрывной ротовой, шумный, звонкий, твердый, лабиализованный;

[у] — гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, редуцированный 2-й степени;

[ш] — согласный переднеязычный передненёбный, щелевой срединный, шумный, глухой, твердый, нелабиализованный;

[ы'] — гласный среднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализованный, редуцированный 1-й степени;

[в] — см. выше;

[л'] — согласный переднеязычный зубной, щелевой боковой, сонорный, звонкий, мягкий, нелабиализованный;

[а] — гласный среднего ряда, нижнего подъема, продвинутый вперед и вверх в начальной фазе, нелабиализованный, полного образования;

[т] — согласный переднеязычный зубной, смычный имплозивный, шумный, глухой, твердый, нелабиализованный;

[ц] — согласный переднеязычный зубной, смычный, аффриката срединная, шумный, глухой, твердый, нелабиализованный;

[э] — см. выше.

Фонематический анализ слова

1) Привести фонетическую транскрипцию слова, отделив черточками одну морфему от другой и обозначив сверху тип морфемы; 2) под буквами фонетической транскрипции (а когда это необходимо, то и внизу между ними) обозначить знаками + и – сигнификативно сильные и слабые позиции; 3) над буквами фонетической транскрипции обозначить знаками + и – перцептивно сильные и слабые позиции у звуков, стоящих в сигнификативно сильных позициях; 4) перенести знаки фонетической транскрипции, обозначающие звуки абсолютно сильных позиций, в фонематическую транскрипцию; 5) звуки, стоящие в сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях, соотносить со звуками — основными представителями тех же фонем и перенести обозначающие их знаки фонетической транскрипции в фонематическую; 6) звуки, стоящие в сигнификативно слабых позициях, соотносить, если это возможно, со звуками сигнификативно сильных позиций в тех же морфемах в других словах (словоформах) и, определив фонему, записать ее обозначение в фонематическую транскрипцию; 7) если в данной морфеме звук не приводится однозначно к сигнификативно сильной позиции, определить гиперфонему и перенести ее обозначение в фонематическую транскрипцию; 8) обозначить перцептивно сильные и слабые позиции знаками + и – у звуков, стоящих в сигнификативно слабых позициях, знаком $\pm$ у звуков, являющихся основным представителем одной из входящих в гиперфонему фонем.

О б р а з е ц: *беспокоить*

3), 8) п: $\begin{array}{ccccccc} \overline{\quad} & & \overline{\quad} & & \wedge & & \square \\ + & - & - & + & - & - & + \end{array}$

1) [б'и³с – п а²к'о́ – и³ – т']

2) с: $\begin{array}{ccccccc} + & - & - & + & - & + & - \end{array}$

4)–7) / б'э з – п $\frac{o}{a}$ ко j – $\frac{э}{a}$ – т' /

2) В сигнификативно сильных позициях стоят согласные [б'], [п], [к'] (перед гласным) и гласный [о] (под ударением); в сигнификативно слабых позициях стоят согласные [с] (шумный перед шумным), [т'] (шумный на конце слова) и гласные [и³], [а³], [и³] (в безударном слове). Сочетание звуков «гласный + [и] ([и³])» может представлять сочетание двух гласных фонем либо трех фонем: «гласная + j + гласная», в котором /j/ реализуется нулем звука. Позиция между гласным и [и] ([и³]) для /j/ сигнификативно слабая: здесь нейтрализованы /j/ и отсутствие фонемы /ø/.

3) Звуки [б'], [п], [о] — основные представители соответствующих фонем, перцептивные позиции этих звуков — сильные. Звук [к'] — вариация фонемы /к/, его огубленность (лабиализованность) вызвана позицией перед огубленным (лабиализованным) гласным [о], перцептивная позиция [к'] слабая.

5) Звук [к'] входит в один ряд позиционно чередующихся звуков с [к] — основным представителем /к/.

б) а) Звук [и³] сигнификативно слабой позиции в приставке чередуется с [э] в сигнификативно сильной позиции — под ударением в той же приставке: б[и³]здна — и представляет, следовательно, фонему /э/; б) звук [с] сигнификативно слабой позиции в приставке чередуется с [з] в сигнификативно сильной позиции — перед гласным или сонорным согласным в той же приставке: бе[з]облачный, бе[з]рогий — и представляет, следовательно, фонему /з/; в) нуль звука между гласными [ои³] чередуется при изменении позиции в том же корне с [и], представляющим /j/: поко[и]; г) звук [т'] на конце слова сохраняется в окончании инфинитива и перед гласным: нес[т']и — и, следовательно, представляет /т'/.

7) а) Первый гласный корня в других формах этого слова и в родственных словах всегда безударный; звук [а³] может быть представителем фонем /о/ и /а/, следовательно, в этом корне он представляет гиперфонему / $\frac{O}{a}$ /; б) в инфинитиве глаголов под ударением после мягкого согласного и /j/ могут быть гласные суффиксов -/и/-, -/э/-, -/а/-: *крути́ть*, *верте́ть*, *стоя́ть*. Все эти три фонемы можно «подозревать» за безударным [и³] суффикса анализируемого слова, преимуществ нет ни у одной из них, поэтому [и³] представляет здесь гиперфонему /иэ|а/.

8) Звуки [и³] и [с] в приставке и нуль звука в корне не основные представители соответствующих фонем /э/, /с/ и /j/; звуки [а³] корня и [и³] суффикса не основные представители всех фонем, входящих в соответствующие этим звукам гиперфонемы. Поэтому перцептивные позиции всех этих звуков слабые. Звук [т'] окончания — основной представитель фонемы /т'/, поэтому перцептивная позиция этого звука сильная.

ОРФОЭПИЯ

Орфоэпия (от греч. *orthos* — ‘правильный’, *epos* — ‘речь’) — совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц: морфем, слов, предложений. Среди таких норм различаются произносительные нормы (состав фонем, их реализация в различных позициях, фонемный состав отдельных морфем) и нормы суперсегментной фонетики (ударение и интонация). При более широком понимании орфоэпии к ней относят и образование вариантных грамматических форм.

Орфоэпией называется также раздел языкознания, изучающий функционирование таких норм и вырабатывающий произносительные рекомендации — орфоэпические правила.

Традиционно в орфоэпию включаются все произносительные нормы литературного языка. С другой точки зрения, выдвинутой А. А. Реформатским и М. В. Пановым, к орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке; этим орфоэпия отличается от фонетики, которая изучает фонетические законы, не знающие исключений. Так, к законам фонетики (а не к орфоэпии) относится в русском языке произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: зу[б]ы — зу[п], во[з]ы — во[с]; лабиализованных согласных перед [у], [о]: [д']ум, [д°]ом (но [д]ам), [с°]умм, [с°]ом (но [с]ам).

К орфоэпии относится вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий. Так, одни произносят *в[и³]сна́*, другие — *в[э³]сна́*: разница в характере звуков, фонема (с точки зрения Московской фонологической школы) одна и та же; одни произносят *бу́ло[ч']ная*, другие — *бу́ло[ш]ная*, одни — *умы́л[с]а*, другие — *умы́л[с']я*: разница в фонемном составе корня (*було/ч/-* или *було/ш/-*) и постфикса (*-/са/* или *-/с'а/*). На письме такие варианты обычно не отражаются: *весна*, *булочная*, *умылся*. Однако варьирование фонемного состава корня может обозначаться на письме: *бриллиант* и *брильянт*, *калоши* и *галoши*, *кринка* и *крынка*, *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль*.

Орфоэпия отмечает место ударения в слове: *кла́дбище* и *кладби́ще*, *тво́рог* и *твóрог*, *и́скристый* и *искри́стый*; в отдельной словоформе: *ко́су* и *косу́*, *вкусны́* и *вкусны*, *ткала́* и *тка́ла*; на разных

лексических единицах, входящих в одно фонетическое слово: *на́ руки* и *на ру́ки*, *не́ дали* и *не да́ли*; наличие или отсутствие побочного ударения: *ме́жплане́тный* и *межплане́тный*.

Орфоэпия рассматривает социально значимые произносительные варианты, т.е. те, которые типичны для разных групп людей, говорящих на литературном языке, а также стилистические варианты, сознательно выбираемые в различных социальных ситуациях.

Орфоэпические варианты могут характеризовать «младшую» и «старшую» нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но на определенном этапе развития литературного языка обе нормы сосуществуют; например, для некоторых сочетаний согласных традиционно произношение мягкого согласного перед мягким: [з'в']*ерь*, *е́*[с'л']*и*; по новой норме первый согласный — твердый: [зв']*ерь*, *е́*[сл']*и*); общенародную и профессиональную сферу употребления: *добы́ча* и *дб́ыча*, *и́скра* и *искра́*; мужскую и женскую речь (например, удлинение согласных в мужской эмоциональной речи и удлинение гласных в женской); территориальные разновидности литературного языка (например, произношение после гласного и в начале слова звука переднего ряда [э] в Москве и городах юга России: [э́]*тот*, *по*[э́]*т* — и звука передне-среднего ряда [э] в ряде северных и сибирских городов: [э́]*тот*, *по*[э́]*т*).

Орфоэпические варианты могут принадлежать разным стилям. Так, для высокого стиля характерно эканье: б[ʼэ"]*ру́*, в[ʼэ"]*ла́*; произношение безударного [о]: н[о]*кту́рн*, н[о]*эти́ческий*; твердого заднеязычного перед безударным окончанием именительного падежа единственного числа прилагательных: *гро́м*[кэ́]й, *стро́*[гэ́]й, *ты́*[хэ́]й. В нейтральном стиле произносится: б[и³]*ру́*, в[и³]*ла́*, н[а³]*кту́рн*, н[э³]*эти́ческий*, *гро́м*[к'и́]й, *стро́*[г'и́]й, *ты́*[х'и́]й. В разговорном языке наблюдается выпадение гласных и согласных: *про́во*[лк]а (*провода*), *не́*[кт]орые (*некоторые*), в[а]бще́ (*вообще*), *ты́*[ш']а (*тысяча*), н[ии]сýт (*пятьдесят*).

Допуская несколько вариантов, орфоэпия указывает, какое место занимает каждый из них в литературном произношении. В силу своей социальной значимости орфоэпические варианты могут использоваться, например, в сценической речи для социальной характеристики персонажа.

В выработке литературных норм особая роль принадлежит московскому говору. Уже в XVII в. сложились основные закономерности современного русского литературного языка. В основу этого языка лег говор Москвы, принадлежащий к среднерусским говорам, в которых сглажены наиболее резкие диалектные черты северного и южного наречий. Старомосковское произношение и сейчас составляет основу орфоэпических норм, несколько изменившихся в XX в.

Орфоэпия устанавливает и отстаивает нормы литературного произношения. Чем же обусловлено нарушение произносительных норм? Источники отступлений от орфоэпических норм — развитие языка, влияние диалектов, письмо. Вариант «младшей» нормы при своем возникновении, вариант «старшей» нормы при своем уходе из литературного языка могут восприниматься как нарушения нормы. Так, в начале XX в. некоторыми орфоэпистами осуждалось новое для литературного языка йканье, еще встречается в речи городских жителей произношение *не[р']вый, четве[р']г*, входившее раньше в число литературных норм. У жителей городов, расположенных в окружении севернорусских говоров, часто наблюдается оканье — различие безударных гласных фонем неверхнего подъема: *тр[а]ва́, д[а]ла́, но в[о]да́, ст[о]ла́*. А жители городов, окруженных южнорусскими говорами, нередко произносят [ʏ] вместо литературного [г]: *[ʏ]род, но[ʏ]а́*. Между буквами и звуками нет точного соответствия. Пишется *конечно, что, чтобы*, но произносится *конё[ш]но, [ш]то, [ш]тобы*. А тот, кто произносит *конё[ч']но, [ч']то, [ч']тобы*, допускает орфоэпическую ошибку.

Как узнать, насколько широко распространено то или иное произношение, какие слои населения употребляют тот или иной вариант? Таким изучением занимается с о ц и о ф о н е т и к а. Обследование проводится при помощи анкет, вопросников: «Как Вы произносите буквенное сочетание *чн* в следующих словах (подчеркните): *було^чная* или *було^шная, взято^чник* или *взято^шник, горчи^чник* или *горчи^шник?*»; «Одинаково ли Вы произносите слова (*дремучие*) *леса* и (*рыжая*) *лиса*? Да. Нет. (Подчеркните нужное.)» и т.д. Данные, полученные с помощью вопросников, дают представление о том, как говорят различные группы населения, отличающиеся по возрасту, профессии, месту жительства и др.

Орфоэпические нормы в области гласных

1. В современном русском литературном языке господствует й к а н ь е, т.е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем, кроме /у/, в звуке [и], точнее [и^э]: [п'йлы] — [п'и^эла́], [р'эк] — [р'и^эка́], [н'ос] — [н'и^эсу́], [п'átyи] — [п'и^эта́к]. В XIX в. в литературном языке господствовало э канье (оно и сейчас встречается в литературном произношении) — совпадение в той же позиции в звуке [э^и] гласных фонем неверхнего подъема: [р'э^ика́], [н'э^ису́], [п'э^ита́к], но [п'и́ла].

2. Звуки [ш], [ж], [ц] в древнерусском языке были мягкими, и гласные фонемы после них вели себя так же, как и после парных мягких согласных. Затем [ш], [ж], [ц] отвердели, но реализация гласных продолжала сохраняться прежней. В соответствии с эка-

ньем фонемы /э/, /о/, /а/ после твердых согласных [ш], [ж], [ц] в первом предударном слоге реализовались в XIX в. и в начале XX в. в звуке [э^б]: /э/ — *ш[э^б]сты́, ц[э^б]на́*; /о/ — *ш[э^б]лка́, ж[э^б]лто́к*; /а/ — *ш[э^б]ры́ (шары), ж[э^б]ра́ (жара)*. В соответствии с иканьем в эту эпоху распространилось в данной позиции произношение [ы^з], совпавшее с реализацией фонемы /и/: *ц[ы^з]на́, ш[ы^з]лка́, ж[ы^з]ра́ и ж[ы^з]ла́ (жила), ж[ы^з]ры́ (жиры)*.

Возникло противоречие в системе гласных: [ш], [ж], [ц] — твердые согласные, но гласные фонемы вели себя после них как после мягких согласных. Это противоречие разрешилось в пользу общей закономерности; гласные фонемы стали реализовываться после [ш], [ж], [ц], как после парных твердых согласных: в первом предударном слоге фонемы /и/, /э/ продолжают воплощаться в звуке [ы^з], фонемы /о/, /а/ стали воплощаться в звуке [а^з].

В настоящее время в первом предударном слоге после [ш], [ж], [ц] на месте /а/ в большинстве случаев по современной норме произносится [а^з]: *шага́ть, шали́ть, шапчо́нка, жарко́е, вожакá, царь́ца* и т. п. Но в нескольких словах перед мягким согласным (в одних чаще, в других реже) произносится в соответствии с прежней нормой [ы^з]: *жалéть, пожа́лэй, к сожа́лени́ю, лошаде́й, лоша́дям, лоша́дьями, жакéт, жасми́н, двадца́ти, тридца́тью*. В этих морфемах ударный [а] (*жа́лость, лоша́дка, двадца́тый* и т. п.) представляет фонему /а/, а предударный [ы^з] (*жалéть, лоша́дей* и т. п.) — гиперфонему /и|э/.

Произношение после [ш], [ж], [ц] предударного [а] на месте /о/ также соответствует новой норме, хотя и встречается гораздо реже: *канцоне́тта* (ср. *канцо́на*), а также *шофёр, шотла́нды, шоки́ровать, Шопе́н, жонгле́р, жокéй, Жорéс* и др. В этих заимствованных словах и иностранных именах собственных пишется буква *о* в соответствии с предударным [а^з]. В тех словах (морфемах), в которых под ударением произносится [о], а пишется после *ш, ж — е*, после *ц — о*, в первом предударном слоге сохраняется произношение [ы^з] в соответствии с буквой *е*: *ше́лк — шелка́, ше́пот — шепта́ть, же́ны — жена́, торцо́вый — лицево́й* и т. п. В этих морфемах чередование [ó] || [ы^з] представляет чередование фонемы /о/ с гиперфонемой /и|э/.

3. В XX в. сначала в разговорном языке, а примерно с середины века и в нейтральном стиле литературного языка на месте заударного [ы^з] в неконечном и конечном закрытом слоге распространилось произношение [э]: *оп[ы^з]та, сбрас[ы^з]вать, рóz[ы^з]сками* и чаще *оп[э]та, сбрас[э]вать, рóz[э]сками, бе́л[ы^з]й и бе́л[э]й*. В последнее время в нейтральном стиле стал возможен [э] и в предударных слогах, кроме первого предударного: *в[ы^з]ходить* и *в[э]ходи́ть, б[ы^з]товóй* и *б[э]товóй*. Но преобладает в этой позиции вариант [ы^з].

4. В разговорном языке на месте редуцированного 2-й степени [у] встречается произношение [э] после твердого согласного и [и^э] после мягкого: г[э]берна́тор, с[э]матóха, к[э]вырка́ться, за́м[э]жем, попрóб[э]й, комм[и^э]никé, имé[и^э]щийся. В кодифицированном литературном языке такое произношение встречается обычно лишь в виде оговорок.

5. Проклитики и энклитики могут не подчиняться нормам редукции гласных. В них возможны безударные [о], [э], безударный [а] после мягких согласных и звуков, воплощающих /j/, безударный прикрытый [а] не в первом предударном слоге, ср.: *дьяк он* [д'ják-он] — *дьякон* [д'jákэн], *те леса* [т'э-л'и^эсá] — *телеса* [т'и^эл'и^эсá], *я с ней* [ја-с'-н'эи] — *ясней* [и^эс'-н'эи]. В некоторых проклитиках в первом предударном слоге выступает [э]: *обещал*, *так выполни* [тэк-выпэлн'и], *ты да я* [ты́ дэ-ја́] и т.п.

6. В некоторых сложных и сложносокращенных словах и словах с некоторыми приставками, как и в клитиках, возможно произношение гласных без качественной редукции: *др[’е]внеру́сский*, *м[’е]жинститутский*, *с[о]редáктор*, *стр[о]йотря́д*, *м[а]шбюро́*, *тр[а]нссиби́рский*, *тр[’о]хра́зовый*, *в[’а]лотеку́щий*, *и́а]сновидящий*. В определенных фразовых условиях эти гласные могут получать побочное ударение.

Орфоэпические нормы в области согласных

1. Раньше в русском языке большинство согласных подчинялось закономерности: перед мягким согласным согласный должен быть тоже мягким — С’С’. Затем возникла тенденция к отвердению первого согласного: С’С’>СС’. Этот процесс идет и в современном русском литературном языке, постепенно охватывая все новые и новые позиции. По-разному он проявляется в различных группах согласных, внутри морфем и на стыке морфем, в начале и в середине слова, в словах частотных и редких. Так, произношение С’С’ дольше сохраняется внутри корня и на стыке корня и суффикса, новое произношение СС’ раньше появляется на стыке предлога и следующего слова, на стыке приставки и корня, в начале слова. Произношение С’С’ дольше сохраняется в словах частотных, произношение СС’ чаще встречается в словах редких, книжных. Произношение С’С’ или СС’ зависит и от характера согласных: в одних сочетаниях С’С’ задерживается дольше, в других наблюдается колебание между С’С’ и СС’, в третьих господствует новая норма — СС’. После гласных переднего ряда в некоторых сочетаниях согласных первый мягкий задерживается дольше, чем после гласных непереднего ряда. Есть и другие факторы, влияющие на произношение твердого или мягкого согласного перед мягким.

Губные перед многими мягкими согласными могут произноситься мягко по старшей норме и твердо по младшей. Твердый губной, свойственный младшей норме, во всех этих случаях встречается чаще:

Перед губными — [в'б']*ить* и [вб']*ить*, р[ф'м']*е* и р[фм']*е*, о[б'м']*ён* и о[бм']*ён*, а[м'б']*и́ция* и а[мб']*и́ция*.

Перед зубными щелевыми срединными — [ф'с']*е* и [фс']*е*, [п'с']*и́на* и [пс']*и́на*, ото[м'с']*ити́ть* и ото[мс']*ити́ть*, о[б'з']*елени́ть* и о[бз']*елени́ть*, [в'з']*ять* и [вз']*ять*. Перед другими зубными губные могут быть мягкими после гласных переднего ряда — пог[б'л']*и* и пог[бл']*и*, те[п'л']*ится* и те[пл']*ится*, и[в'н']*я́к* и и[вн']*я́к*, те[ф'т']*ели* и те[фт']*ели*, з[и'м'н']*ий* и з[имн']*ий*; в других позициях они обычно или только твердые — ко[п'т']*и́ть*, ка[п'л']*я*, [бд']*и́тельный*, гра[бл']*и*, ко[фт']*е*, но[мн']*ить*.

Перед передненёбными [ч'], [ш'] — л[и'ф'ч']*ики* и л[ифч']*ики*, люб[и'м'ч']*ики* и люб[имч']*ики*, годо[ф'ш']*и́на* и годо[фш']*и́на*, я[м'ш']*и́к* и я[мш']*и́к*; перед передненёбным [р'] губные почти всегда твердые: за[п'р']*ёт*, де[б'р']*и*, на ко[вр']*е́*, за[мр']*и*.

Перед звуками на месте /j/ — ко[п'j] *ё* и ко[пj] *ё*, воро[б'j] *и́* и воро[бj] *и́*, жи[в'j] *ём* и жи[вj] *ём*, са[ф'j] *ян* и са[фj] *ян*, ска[м'j] *я́* и ска[мj] *я́*, о[б'и] *явлéние* и о[бi] *явлéние*, [в'и] *етна́мский* и [ви] *етна́мский*; после ударного гласного перед [и] губные обычно мягкие: ко[п'и] *я*, дро[б'и] *ю*, здоро[в'и] *я*, ку́т[а'ф'и] *я*, се[м'и] *и*.

Перед заднеязычными губные щелевые — [в'г'] *и́бели* и [в-г'] *и́бели*, [ф'-х'] *и́жине* и [ф-х'] *и́жине*, ло[ф'к'] *ий* и ло[фк'] *ий*, спр[а'ф'к'] *и* и спр[афк'] *и*, губные смычные могут быть мягкими после гласных переднего (и передне-среднего) ряда — л[и'п'к'] *ий* и л[ипк'] *ий*, ю[п'к'] *и* и ю[пк'] *и*, се[м'г'] *е* и се[мг'] *е*, а после гласных непреднего ряда и в начале слова они почти всегда твёрдые: о[б-г'] *ита́ру*, ро[пк'] *ий*, ла[пк'] *и*, гр[обк'] *ий*, [мх'] *и* и т. п.

Зубные согласные перед мягкими губными могут произноситься мягко по старшей норме и твердо по младшей: по[с'п'] *еши́ть* и по[сп'] *еши́ть*, и[з'м'] *э́на* и и[зм'] *э́на*, че[т'в'] *е́ро* и че[тв'] *е́ро*, ме[д'в'] *е́дь* и ме[дв'] *е́дь*.

Зубные перед мягкими зубными обычно мягки внутри и на конце корня: мо[с'т'] *ик*, ле[с'н'] *и́к*, у[з'д'] *и́чка*, ба[н'т'] *ик*, о[д'н'] *и́*.

По младшей норме в таких сочетаниях допустима твердость первого согласного в начале слова: [с'т'] *ена* и [ст'] *ена*, [с'н'] *ег* и [сн'] *ег*, [з'д'] *е́сь* и [зд'] *е́сь*; в конце приставки: ра[с'т'] *и́ра́ть* и ра[ст'] *и́ра́ть*, во[з'д'] *е́ржа́ться* и во[зд'] *е́ржа́ться*, по[д'н'] *и́с* и по[дн'] *и́с*, о[т'т'] *яну́ть* и о[тт'] *яну́ть*.

Обычна твердость первого зубного после твердого согласного: то[лст'] *я́к*, обо[лзн'] *и*, но[лдн'] *ик*, ме[рзн'] *ет*, на[ртн'] *и́р*, намо[рдн'] *ик*, ко[нст'] *и́ту́ция*, те[кст'] *и́ль* (в старшей норме возможна и мягкость первого зубного в этой позиции: то[лс'т'] *я́к*,

о[пo]лз[н']и, пo[лд']ик, мe[рз']ет, пa[рт']eр, нaмo[рд']ик, кo[нс']итутция, тe[кс']иль).

В сложных словах на стыке основ первый зубной обычно твердый: *гo[сс']екретaрь, Го[ст']телерадио, диe[тс']естpa (точнее, диe[цс']естpa), куль[тс']eктор (точнее, куль[цс']eктор), пe[т҃т']eхникум (пeдтeхникум), тpy[дд']исциплинa.*

Звуки [н'] и [н] могут произноситься перед [с'], [з'] во многих словах: *кo[н'с']eрвы и кo[нс']eрвы, пa[н'с']ионaт и пa[нс']ионaт, мa[н'с']и и мa[нс']и, экcпa[н'с']ия и экcпa[нс']ия; бe[н'з']и и бe[нз']и, вo[н'з']и и вo[нз']и, тpa[н'з']и и тpa[нз']и, э[н'-з']и и э[нз']и и др. При этом произношение с твердым [н] в этих позициях во многих словах преобладает.*

Перед [т'], [д'] обычно произносится мягкий [н'], но также иногда может произноситься твердый [н]: *кo[н'т']инeнт и кo[нт']инeнт, пo[н'т']иaк и пo[нт']иaк, пo[н'т']ифик и пo[нт']ифик, и[н'д']иго и и[нд']иго, кo[н'д']иционeр и кo[нд']иционeр и др. Однако произношение твердого [н] перед такими взрывными встречается гораздо реже, чем перед мягкими зубными щелевыми.*

В сложных словах на стыке основ произносится твердый [н]: *гe[нс']eк, гe[нд']ирeктор.*

Звуки [л] и [л'] — исключение из сочетаний зубных: [л] не смягчался перед большинством мягких согласных, поэтому и сейчас произносится *дo[лб']и, тo[лп']и, пo[лз']и, жe[лт']eть, пo[лн']eй, тo[лч']eный, тo[лш']и и т.п.;* перед [л'] допустимы и мягкие и твердые зубные: *o[сл']ик и o[сл']ик, paзo[зл']и и paзo[зл']и, пe[тл']я и пe[тл']я, бo[дл']и и бo[дл']и.*

Зубные перед мягкими передненёбными произносятся по-разному. Перед [р'] зубные только твердые: *пo[ср']eдинe, co[зр']eть, [тр']и, му[др']eц, в жa[нр']e.*

Перед [ч'], [ш'] зубные заменяются передненёбными, в большинстве случаев мягкими. Так, возможны [н'] и [н], причем почти исключительно произносится [н']: *бубe[н'ч']ики, утo[н'ч']eнный, гo[н'ш']ик, жe[н'ш']ина и т.п. Исключения редки: ca[н'ч']aсть, Ми[нч']epмeт, a[н'ч']oбусы и a[нч']oбусы, ви[н'ч']eстep и ви[нч']eстep, так же и в некоторых других заимствованных словах с сочетанием нч; у существительных, образованных от фамилий на -ин с суффиксом -щин(а): дeн[и]ки[нш']ина, eсeни[нш']ина, cтaли[нш']ина. В соответствии с взрывными произносятся перед [ч']—[т҃'] и гораздо реже [т], перед [ш']—[ч']; например, в приставках от- и под-: o[т҃ч']итaть и o[тч']итaть, пo[т҃ч']epкн[ут] и пo[тч']epкн[ут], o[ч'ш']итaть, пo[ч'ш']eлкивать.*

Зубные перед звуками на месте /j/ внутри и на конце корня мягкие: *дo[с'j]a, кo[з'j]a, пя[т'j], [д'j]aкoн, кo[н'j]aк, кo[л'j]a.* В конце исконно русской приставки и предлога зубные щелевые произносятся мягко по старшей норме и твердо по младшей:

[с'јэ]хатъ и [сјэ]хатъ, [с'-јо]лкой и [с-јо]лкой, и[з'јэ]денный и и[зјэ]денный, бе[з'-ја]год и бе[з-ја]год; зубные взрывные обычно твердые: о[тјэ]зд, о[т-ја]блока, по[дјо]м, на[д-ја]мой. В конце приставок иноязычного происхождения *транс-*, *пост-* произносится твердый зубной: *тран*[с^{б_и}и³]*вропе́йский* (*трансэвропейский*), *пос*[тја́]дерный. После начальных *ин-*, *кон-*, *пан-* в заимствованных словах и производных русских произносится твердый [н]: и[нјэ]кция (*инъекция*), ко[н^{б_и}иу]нктив (*конъюнктив*), па[н^{б_и}и³]*вропе́йский* (*панэвропейский*).

Зубные перед мягкими заднеязычными и обычно твердые: ня[тк']и, мо[зг']и́, Па[сх']е.

Переднеязычный твердый [р] преобладает в произношении перед губными и переднеязычными согласными: го[рб']иться, со[рв']и́, а[рм']ия; ко[рз']и́на, а[рт']ель, вто[рн']ик; го[рч']и́ца, сва[рш']ик. Встречается в соответствии со старшей нормой произношение мягкого [р'] наряду с более обычным [р] после гласных переднего ряда: те[р'п']ётъ и те[рп']ётъ, ве[р'ф']и и ве[рф']и, че[р'в']я́к и че[рв']я́к, не[р'м']я́к и не[рм']я́к; не[р'с']ик и не[рс']ик, оме[р'з']и́тельно и оме[рз']и́тельно, че[р'т']и и че[рт']и, се[р'д']ится и се[рд']ится, не[р'ч']е́ный и не[рч']е́ный, бе́зала́бе[р'ш']и́на и бе́зала́бе[рш']и́на. Перед звуками на месте /j/ произносится мягкий [р'] внутри и в конце корня перед суффиксом и твердый [р] на стыке других морфем ва[р'и³]тё, сы[р'јо], — инте[рјэ]кция, конт[рја́]рус супе[рја́]хта. Перед заднеязычными [р] обычно твердые: стй[рк']е, ну[рг']и́, а[рх']и́в.

Заднеязычные перед губными и переднеязычными обычно твердые: бу[кв']е, до[гм']е; та[кс']и́, [гд']е, ма[хн']и́, ви[хр'], чу[кч']а. Перед звуками на месте /j/ заднеязычные могут произноситься мягко и твердо: [к'ја́]нти, [к'-јо́]лке и [к-јо́]лке, свер[х'и³]сте́ственный и чаще свер[х^{б_и}и³]сте́ственный. Заднеязычные перед мягкими заднеязычными мягкие в словах лё[х'к']ий, нале[х'к']е́, мя[х'к']ий (*лёгкий, налегке, мягкий*), мягкие и твердые в других случаях: ва[к'х']и́ческий и ва[кх']и́ческий, дву[х'к']иломе́тровка и дву[хк']иломе́тровка, [к'-к']и́ту и [к-к']и́ту, [г'-г']и́та́ре и [г-г']и́та́ре.

Процесс отвердения С'С'>СС' почти не коснулся мягких звуков, воплощающих мягкие фонемы, т.е. тогда, когда мягкость звуков позиционно не обусловлена: гото́[ф'с']я (ср. гото́[ф']), по́-знако́[м'т']е (ср. познако́[м']), су[д'б']е́ (ср. су[дб']а́), во[з'м']и́ (ср. во[зм']и́), до́трё[н'с']я (ср. трё[н']), ста́[н'т']е (ср. ста[н']), жа́[р'т']е (ср. жа[рт']). Перед постфиксами *-ся*, *-те* изредка встречается произношение твердых губных: гото́[фс']я, предста́[фс']я, познако́[мт']е, не упря́[мт']есь, однако такое произношение считается нелитературным.

2. Произношение [ш'] в литературном языке может быть в соответствии с сочетанием фонем /сч'/, /с'ч'/, /зч'/, /з'ч'/, /жч'/,

/шч'/, а также /(с|с'|з|з')ш|ж)ч'/, например, в словах *расчёска, доносчик, навязчивый, погружник, веснучатый, мерещатый, щука, ведущий*. Наряду с [ш'] произносится и [ш'ч']. Соотношение этих вариантов неодинаково в разных позициях и в разные эпохи.

Произношение [ш'] постепенно распространяется за счет [ш'ч']. В XIX — начале XX в. [ш'ч'] внутри морфемы господствовало в Санкт-Петербурге. В настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится [ш']: [ш']ука, [ш']астье.

Употребление [ш'ч'] или [ш'] на стыке морфем зависит от темпа речи, степени употребительности слова, силы сцепления морфем. Там, где при обычном темпе речи произносится [ш'ч'], при убыстренном темпе — [ш']. В редких словах обычно употребляется [ш'ч']. Чем чаще слово или предложно-именное сочетание встречается в речи, тем чаще в нем произносится [ш']; ср. редкие слова *бесчерепные, с чартизмом*, где обычно [ш'ч'], и широко употребительные *расчистка, с чем*, где нередко произносится [ш']. Сила сцепления корня и суффикса велика: здесь господствует [ш'] (*возчик, разносчик*). На стыке приставки и корня сила сцепления слабее: здесь чаще произносится [ш'ч'] (*бесчисленный*), еще слабее она на стыке предлога и знаменательного слова (*из чайника*) и двух знаменательных слов (*голос часового*).

3. Произношение [ж'] встречается в соответствии с /жж/, /(с|з)ж/, /(с'|з')ж/, /(с|с'|з|з')ж/ всего в нескольких словах (всегда в корне). Примерное распределение этих слов по снижению употребительности в них [ж'] таково: *дрожжи, брызжет, визжать, дребезжать, размозжить, брюзжать, возжи, езжу, жжёт, позже, брезжить, сожжённый, взгромозжу, жуужжать, дожди, дождик, можжевельник*. Мягкий [ж'] в этих словах вытесняется твердым [ж], в словах *дожди, дождик* — сочетанием звуков [жд']. У значительного числа говорящих на литературном языке в указанных словах (кроме *дожди, дождик*) произносится только [ж]: [дрѳжы] и т. д.

4. Согласные [т], [д] ([т'], [д']) между зубными или между зубным и [к] по традиционным нормам не должны произноситься. Но в части таких сочетаний в некоторых словах возникает и произношение [т], [д] ([т'], [д']):

1) между [з]—[н] ([з']—[н']): *пѳз[-]но (поздно), прѳз[-]ник (праздник)*, но *бѳз[-]на* и *бѳз[д]на, звѳз[-]ный* и *звѳз[д]ный*;

2) между [с]—[л] ([с']—[л']) без [т] произносятся *завистливый, совестливый, счастливый, участливый* и др., с [т] обычно произносятся слова *костлявый, постлатъ*; только с [т] *растлить*;

3) между [н]—[с] перед следующим согласным обычно [т] не произносится: *гигантский, декадентский, комендантский, голландский, ирландский, агентство, регентство*; гораздо реже смычный согласный сохраняется: *декадѳн[ц]ский, голлѳн[ц]ский*;

4) между [н]—[к] допустимо произношение без [т]: *голландка* ‘печь’, *шотландка* ‘ткань’, но [т] произносится в словах *гувернантка*, *официантка*, *студентка*, *голландка* ‘жительница Голландии’, *шотландка* ‘жительница Шотландии’ и др.;

5) между [с]—[к] по старым нормам, сохраняющимся в разговорном языке, [т] не произносится в таких словах, как *бороздка*, *громоздкий*, *жёстко*, *невестка*, *поездка*, однако чаще здесь отмечается произношение [т].

5. На месте двух согласных букв между гласными могут произноситься долгие и краткие согласные. Внутри корня и суффикса и на стыке корня и суффикса долгие согласные чаще всего произносятся непосредственно после ударного гласного, в других положениях долгота обычно утрачивается: *гру́[пп]а* — *гру[п’]и́ровка*, *кла́[с]ы* — *кла[с’]ифика́ция*, *коло́[н]а* — *коло[н]а́да*, *су́[м]а* — *су[м’]и́ровать*, *тра́[с]а* — *тра[с’]и́рующий*, *да́[н]ый* — *ви́да[н]ый*, *плé[н]ый* — *облу́пле[н]ый*, *сте́кля[н]ый* — *рассéя[н]ый*. На стыке окончания инфинитива или 3-го лица глагола и возвратного постфикса обычно произносится [тц] после ударного гласного и [ц] между безударными гласными: *бросá[тцэ]* (*бросáться*) — *бросá-е[цэ]* (*бросается*), *купá[тцэ]* (*купáться*) — *купáе[цэ]* (*купаётся*), *несé[тцэ]* (*несётся*) — *но́си[цэ]* (*носится*). На стыке приставки и корня долгота обычно сохраняется и между безударными гласными и перед ударным гласным: *бе[э]або́тный*, *во[с]озда́ть*, *о[т]о́лкну́ть*, *по[д’д’]е́ржа́ть*, *по[дд]а́ть*, *ра[с]о́л.*

6. На месте ч перед н в одних словах произносится [ч’]: *вечность*, *точный*, *отличник*, *печник*, в других — [ш]: *горчи́чный*, *двое́чник*, *конечно*, *очечник*, *пра́чечная*, *пустя́чный*, *скворе́чник*, *скупчо́*, *яични́ца*, в женских отчествах на -ична: *Кузьми́ни́ча*, *Савви́чна*. В некоторых словах допускается и [ч’] и [ш]: *бу́лочная*, *ла́вочник*, *подсвечник*, *поря́дочный*, *сливочный*, *собачник*, *стрелочник*. Одно и то же слово в разных сочетаниях может произноситься неодинаково: *серде́[ч’]ный приступ*, но *друг серде́[ш]ный*, *ша́по[ч’]ная мастерская*, но *ша́по[ш]ное знакомство*, *моло́[ч’]ная каша* и *моло́[ш]ная*, но только *моло́[ч’]ная кислота*.

7. На месте г перед глухим согласным произносится [к]: *де́гтя*, *но́гти*, *приля́гте*, *ла́гпункт*, *лотари́нґцы*, *улё́гся*, *загс*, *флагшты́к*, *отя́гча́ть*, *тя́гча́йший*. Но в корнях *лёгк-/легч-*, *мягк-/мягч-* произносится [х] перед [к], [ч’]: *ле́[х]кое*, *ле́[х]че*, *мя́[х]кая*, *мя́[х]че* — и [х’] перед [к’]: *ле́[х’]кий*, *мя́[х’]кий*, так же: *лё́гкость*, *легко́вой*, *на-легке́*, *обле́гча́ть*, *легча́йший*; *мя́гкость*, *мягко́ватый*, *размя́гча́ть*, *смя́гча́ть*, *мягча́йший* и др.

8. В некоторых словах перед гласным произносится [γ]. Обязателен он только в слове *бухгалте́р* [бу́хгалт’и’р], междометиях *ага*, *ого*. Допустимо произношение [γ] в междометиях *господи*, *ей-богу*. Во всех остальных словах произносится [г], который на конце слова чередуется с [к]: *бла́[г]о* — *бла[к]*. Но только *Бо́[г]а* — *Бо[х]*: оста-

ток прежнего произношения *Бѣ[γ]а — Бо[х]*. Произношение [γ] в сильной позиции характерно для южнорусских говоров. Кроме того, [γ] прежде и еще в начале XX в. был свойствен церковно-славянскому языку.

Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм

1. Фонема /а/ после мягких согласных перед твердыми в ударном положении в корнях реализуется в звуке [и^э] : [т'á]нут — *вѣ[т'и]нут*. В этой же позиции и после [и] в окончаниях фонема /а/ обычно реализуется в звуке [э] : *дѣ́ням, о дѣ́нях, лѣ́стьям, пѣ́лят*. В разговорном языке возможно и произношение краткого [и^э].

2. Прилагательные именительного падежа единственного числа мужского рода с твердой основой в русском литературном языке с древности имели окончание *-ой*: *молодѡй, старѡй*. В церковно-славянском языке окончание было *-ый*: *молодѡй, старѡй*. Впоследствии под ударением в литературном языке установилось окончание *-ой*, а без ударения на письме еще в первой половине XIX в. употреблялись и исконно русское *-ой*, и заимствованное из церковно-славянского *-ый*. Ср. в прижизненных изданиях А. С. Пушкина:

И он к устам моим приник
И вырвал грешной мой язык,
И празднословной, и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Затем без ударения стали писать только *-ый*, но в произношении сохранялись оба варианта: *стар[эѲ]* и *стар[ыѲ]*. При этом [эѲ] соотносилось с /oj/, а [ыѲ] с /ij/.

В настоящее время возник факультативный вариант [э] на месте всякого заударного [ы] (кроме конечного в слове). Но в связи с тем, что звук [э] в этом окончании варьируется с [ы^э], чего не бывает на месте /о/, он соотносится с фонемой /и/, а также с фонемой /о/ в ударном окончании *-ой*. Таким образом, [э] в этом окончании представляет гиперфонемену / $\frac{и}{о}$ /.

3. В XIX в. и начале XX в. было широко распространено произношение прилагательных на *-кий, -гий, -хий* и глаголов на *-кивать, -гивать, -хивать* с твердыми [к], [г], [х]: *мѣл[кэ]й, стрѣ[гэ]й, тѣ[хэ]й, постѹ[кэ]вать, вздрѣ[гэ]вать, размѣ[хэ]вать*. Произношение окончаний прилагательных соответствовало русской традиции, написание шло от церковно-славянской традиции.

Сейчас господствует произношение с мягкими [к'], [г'], [х']:
мёл[к'и]й, стрó[г'и]й, тi[х'и]й, посту[к'и]вать, здра́[г'и]вать, разма́[х'и]вать и т. п.

4. В окончаниях им.-вин. п. ед. ч. прилагательных среднего рода *-ое/-ее* и множественного числа *-ые/-ие* конечный гласный всегда безударный. В кодифицированном литературном языке в окончании *-ое/-ее* этим гласным обычно бывает [э], а в окончании *-ые/-ие* — [и^э]: *грибн[о́иэ] лето — грибн[ы́иэ] места; рисов[эиэ] зерно — рисов[ы́иэ] зёрна; задн[и́иэ] колесо — задн[и́иэ] колёса*. В разговорном языке эти гласные обычно не различаются: в обоих случаях произносится [и^э].

5. В безударном окончании вин. п. ед. ч. прилагательных женского рода *-ую/-юю* наряду с произношением [уиу] широко распространено произношение [эиу] после твердых согласных и [ииу] после мягких: *бёл[уиу] — бёл[эиу], сiн[уиу] — сiн[ииу]*.

6. В 3-м лице мн. ч. глаголов II спряжения наряду с безударным окончанием *-ат/-ят* может употребляться и окончание I спряжения *-ут/-ют*, более характерное для старшей нормы. Такое произношение встречается преимущественно после мягких согласных и [и]: *у́ч[’э]т и у́ч[’у]т, та́щ[’э]т и та́щ[’у]т, лóв[’э]т и лóв[’у]т, хóд[’э]т и хóд[’у]т, гóн[’э]т и гóн[’у]т, вáр[’э]т и вáр[’у]т, стрó[’иэ]т и стрó[’иу]т* и т. п. Произношение этого окончания с [у] чаще встречается у возвратных глаголов: *кóнч[’у]тся, мерéщ[’у]тся, хвáл[’у]тся, прóс[’у]тся, торóп[’у]тся, приклé[’иу]тся* и т. п. наряду с *кóнч[’э]тся, мерéщ[’э]тся, хвáл[’э]тся, прóс[’э]тся* и т. п.

7. В XIX — начале XX в. обычным было произношение возвратных форм глагола с твердым [с]: *бери́[с], бою́[с], мы́л[с]а*. И только в деепричастиях с ударением на последнем слоге обязательным был [с’]: *беря́[с’], боя́[с’], сту́ча[с’]*. Сейчас в возвратном постфиксе наряду с [с] произносится и [с’]. После [л] звуки [с] и [с’] равноправны: *родил[сá] и родил[с’á], мы́л[сэ] и мы́л[с’э]*. После [с] чаще встречается произношение мягкого [с’]: *нё[сс’э] (нёсся), разлэ́[сс’э] (разлезся)*, допустимо и произношение твердого [с]: *нё[ссэ], разлэ́[ссэ]*.

После других звуков обычно произносится [с’]: *взя́л[с’], берё́[с’], оставáя[с’], возмьём[с’э], учи́шь[с’э], бо́й[с’э], оста́нь[с’э]*; в этих случаях также встречается произношение твердого [с], но оно расценивается как устарелое.

Орфоэпические нормы заимствованных слов

1. В некоторых заимствованных словах допускается произношение безударного [о]: *ада́жио, боа́, болеро́, досье́, кака́о, кре́до, поэ́т, поэти́ческий, радио́, рококо́, сольфе́джио, три́о, фойе́* и др. Нередко [о] произносится в именах собственных: *Фл[о]бе́р,*

Ш[o]лén, Б[o]рнé[o]. Но произношение такого [o] почти во всех этих словах не обязательно; ср.: п[o]́т и п[aʲ]́т, б[o]лeрó и б[э]лeрó. В большинстве заимствованных слов на месте o произносятся звуки, соответствующие русским фонетическим нормам: к[aʲ]стióм, в[э]лeйбóл, пианíн[э]. Произношение безударного [o] в словах аромáт, бокáл, вокзáл, костióм, прогрéсс, ромáн, роя́ль и др. считается архаичным или манерным.

2. В заимствованных словах в соответствии с э в безударном положении произносятся различные звуки в зависимости от степени освоенности слова русским языком. В словах, сохраняющих книжно-литературный характер, в начале слова и после твердого согласного произносится [э]: [э]вéнк, [э]кипирóвка, [э]кскавáтор, [э]кстрáкт, [э]мбриóн, аст[э]рóид, бизн[э]смéн, корд[э]балéт, тéнд[э]р, андáнт[э]. В иноязычных словах, полностью освоенных русским языком, в начале слова возможно произношение [иʲ]: [иʲ]конóмика, [иʲ]мигрáнт, [иʲ]тáж; после твердого согласного в первом предударном слоге — [ыʲ]: ат[ыʲ]лé, бут[ыʲ]рбрóд, син-т[ыʲ]тíческий; в других безударных слогах — [э]: альт[э]рнатíва, мод[э]рниза́ция, т[э]ннисíст. В связи с этим возникает нейтрализация /э/ и /и/ в безударных слогах в начале слова (одинаково произносится из кáдра вы́шла и эскáдра вы́шла, и крáн передв́инули и экрáн передв́инули), после парных твердых согласных в первом предударном слоге (один и тот же гласный [ыʲ] может произноситься в этой позиции в словах атeльé и к Ильé, интегрáл и отыгрáл).

3. Раньше в русском языке действовала закономерность: перед /э/ могли быть только мягкие согласные (кроме [ш], [ж], [ц]). Поэтому в заимствованных словах перед /э/ твердые согласные заменялись парными мягкими. Сейчас эта закономерность утрачена; во многих заимствованных словах произносятся только твердые согласные: антéнна, б́изнес, бифштéкс, дéльта, кабаре́, кафе́, кашнé, ко́декс, кокте́йль, моде́ль, оте́ль, партéр, настéль, поэ́сса, пюре́, ре́квием, тарантéлла, тире́, тоннéль, шатéн, шеде́вр, шо́ссе, экзéма, эсте́тика и др. В некоторых словах допустимо двоякое произношение — с твердым и мягким согласным: [д]eдýкция и [дʲ]eдýкция, [д]eкáн и [дʲ]eкáн, конг[р]éсс и конг[рʲ]éсс, к[р]eдо́ и к[рʲ]eдо́, [т]eррорíст и [тʲ]eррорíст и др. Во многих словах произносится только мягкий согласный. Произношение твердого согласного перед /э/ в таких словах, как беж, брюне́т, музе́й, рельс, те́рмин, фанéра, ошибочно.

4. Внутри корня на месте двух одинаковых согласных букв в большинстве случаев произносится краткий согласный. Долгие согласные возможны главным образом в позиции сразу после ударного гласного: бо́[н]а, бру́[тт]о, ва́[н]а, ге́[тт]о, ка́[с]а, ле́[м]а, мадо́[н]а, ма́[н]а, ма́[с]а, мо́[кк]о, су́[м]а, то́[н]а и др., но ди́[гʲ]ер, до́[л]ар, кла́[сʲ]ик, коми́[сʲ]ия, профе́[с]ор, нфе́[нʲ]иг, се́[т]ер, спí[нʲ]инг, су́[фʲ]икс, те́[нʲ]ис, фили́[пʲ]ика, э́[лʲ]ипсис и др. Гораз-

до реже встречается произношение долгих согласных непосредственно перед ударным гласным: *а[б̆б]áт, ва[ц̆]áл, му[л̆]á* и др., но *а[к]óрд, а[л']éя, ба[л]óн, гра[м]áтика, коми[с]áр, ко[м']éрция, ко[р]у́пция, ко[т]éдж, ра[в']и́н, режи[с']ё́р, те[р]áса* и др. Между безударными гласными почти исключительно произносится краткий согласный: *а[п']енди́цит, а[т']естáт, и[л']юминáция, ка[л']игра́фия, ко[л']екти́в, ко[м']ентáтор, ми[л']имéтр, о[к]упáция, о[п]ози́ция, те[р']ито́рия* и др.

Орфоэпические нормы в области ударения

1. В некоторых словах или словоформах место ударения может колебаться. Местом ударения могут различаться литературные варианты ударения, оценивающиеся как равноправные, либо один из вариантов как более или менее предпочтительный: 1) равнo-правные варианты, или дублeты, когда разница в месте ударения незначима: *ба́ржа* и *баржа́*, *по бе́режку* и *по бережку́*, *отрас-лей* и *отрасле́й*, *за́литый* и *зали́тый*, *кру́жится* и *кружит́ся*, *и́наче* и *и́на́че*; 2) более предпочтительный и менее предпочтительный, принадлежащий старшей норме: *а́мфора* и *амфо́ра*, *сте́нам* и *стенáм*, *засне́женный* и *заснежѐнный*, *пѐрвенствовать* и *первен-ствовать*, *гру́зят* и *грузи́т*, *порва́лся* и *порвалсá*; 3) более предпочтительный и менее предпочтительный, принадлежащий младшей норме: *ко́жанка* и *кожа́нка*, *бо́рону* и *борону́*, *уто́нченный* и *утóнченый*, *шевели́т* и *шеве́лит*, *тка́ла* и *тка́ла*, *глубоко́* и *глубо́ко*.

К разным сферам употребления относятся варианты: 1) общеупотребительный и профессиональный; так, общеупотребительно место ударения в словах *добы́ча*, *и́скра*, *ко́мпас*, *осужде́нный*, *шасси́*, но шахтеры говорят *дóбыча*, электрики — *искра́*, моряки — *компа́с*, работники правоохранительных органов — *осу́женный*, летчики — *шáсси*; 2) литературный и народно-поэтический: *деви́ца* и *дѣвица*, *серебро́* и *сѣребро*, *богаты́рь* и *богáтырь*, *че́стный* и *честно́й*, *шёлковый* и *шелко́вый*.

Местом ударения могут различаться литературные и находящиеся за пределами современного литературного языка варианты: 1) современный и устарелый: *му́зыка* и *Гремит музýка боевая* (А. С. Пушкин), *по корня́м* и *По корня́м упругим топор засту-чал* (М. Ю. Лермонтов), *слýжащие* и *При мне служáщие чужие очень редки* (А. С. Грибоедов), *языко́м* и *Вовек отече́ским язы́ком не гну-шайся* (А. П. Сумароков), *по ше́рсти* и *Не по́ шерсти совсем нам эти шу́тки* (И. А. Крылов); 2) литературный и просторечный, оценивающийся как нерекомендуемый: *до́гмат* и *догма́т*, *ката́лог* и *катало́г*, *приговóр* и *при́говор*, *лесни́чиха* и *лесничѣ́ха*, *за́гнутый* и *загну́тый*, *включи́т* и *вклю́чит*, *повтори́т* и *повто́рит*; не правильны́й: *квартáл* и *квáртил*, *но́гтя* и *ногтя́*, *красѣ́е*

и красивее, *заку́порить* и *закупóрить*, *ждала́* и *жда́ла*; грубо и неправильный: *блюда́* и *блюда́*, *досу́г* и *дóсуг*, *магази́н* и *мага́зин*, *молоде́жь* и *мо́лодежь*, *нача́ть* и *на́чать*, *по́нял* и *пoнъя́л*; 3) литературный и диалектный: *вью́га* и *вьюга́*, *крапи́ва* и *кrapива́*, *сeмью́* и *сeмью*, *ди́кий* и *дикóй*, *никогó* и *никóго*, *хóлодно* и *холодно́*.

Варианты места ударения на гласных основы могут быть при одном и том же акцентном типе: *за́сека* и *засе́ка*, *обморо́жение* и *обморoже́ние*, *джи́нсовый* и *джинсо́вый*, *пе́рченый* и *перчéный*; *газирова́ть* и *гази́ровать*, *заржа́веть* и *заржаве́ть*. Чаще всего варианты ударения связаны с разными акцентными типами.

2. У существительных одна из основных закономерностей, связанная с вариантами акцентных типов, прагматическая — степень освоенности слова говорящими. Тип АА связан с представлением о чуждости слова для говорящего, о стилистической приподнятости слова, другие типы — с привычностью, освоенностью слова, его стилистической нейтральностью или сниженностью. Этапы освоения слова говорящими проявляются в наличии у него вариантов места ударения. Другая причина вариативности места ударения морфологическая — тенденция к формированию акцентного противопоставления единственного и множественного чисел. Еще одна тенденция — выравнивание места ударения в формах одного числа. Этими причинами обусловлено большинство вариантов акцентных типов существительных.

1) Колебания в месте ударения на основе или окончании во всех формах существительных женского, мужского и среднего рода отражают типы АА/ВВ: *пе́шня*, *пе́шни*, мн. ч. *пе́шни*, *пе́шням* и *пешня́*, *пешни́*, мн. ч. *пешни́*, *пешня́м*; *заку́ток*, *заку́тка*, мн. ч. *заку́тки*, *заку́тков*; *дере́вце*, *дере́вца*, мн. ч. *дере́вца*, *дере́вцам* и *дереви́цо*, *дереви́ца*, мн. ч. *дереви́ца*, *дереви́цам*.

Акцентными типами АА и ВВ могут различаться омонимы: *грош*¹ — старинная монета в России, *гроша́*, мн. ч. *гроши́*, *гроше́й* и *грош*² — мелкая монета в Польше и Австрии, *гро́ша*, мн. ч. *гро́ши*, *гро́шей*; *гурт*¹ — стадо, *гурта́*, мн. ч. *гурты́*, *гурто́в* и *гурт*² — ребро монеты, архитектурная деталь, *гу́рта*, мн. ч. *гу́рты*, *гу́ртов*. Первое слово в этих парах омонимов широко употребительно, второе — редкое.

Этим же обусловлен вариант ВВ в профессиональной речи: *дубля́ж*, *дубля́жа*, мн. ч. *дубля́жи*, *дубля́жей* и у киноработников ед. ч. *дубля́ж*а, мн. ч. *дубля́жи*й, *дубля́жей*ей; *масса́ж*, *масса́жа*, мн. ч. *масса́жи*, *масса́жей* и у массажистов ед. ч. *масса́ж*а, мн. ч. *масса́жи*й, *масса́жей*ей; *шпри́ц*, *шпри́ца*, мн. ч. *шпри́цы*, *шпри́цев* и у медиков ед. ч. *шпри́ц*а, мн. ч. *шпри́цы*й, *шпри́цов*.

2) При постоянном месте ударения на основе в единственном числе и наличии вариантов места ударения во всех формах

множественного числа наблюдаются типы АА/АВ: *чан*, *ча́на*, мн. ч. *ча́ны*, *ча́нов* и *чаны́*, *чанов́*; *дым*, *ды́ма*, мн. ч. *дымы́*, *дымов́* и допустимо «старшее» *дымы*, *дымов*; *мыс*, *мы́са*, мн. ч. *мысы*, *мысов* и допустимо «младшее» *мысы́*, *мысов́*.

Типами ударения АА и АВ могут различаться омонимы: *бой*¹ 'битва, поединок, борьба' и др., *бо́я*, мн. ч. *бои́*, *боёв* и *бой*² 'мальчик-слуга', *бо́я*, мн. ч. *бои́*, *боёв*; *строй*¹ 'ряд солдат', а также воинская часть, построенная рядами, и др., *стро́я*, мн. ч. *строи́*, *строёв* и *строй*² 'система государственного или общественного устройства', *стро́я*, мн. ч. *строи́*, *строёв*; *торг*¹ — от *торговать*, 'рынок, аукцион', *то́рга*, мн. ч. *торги́*, *торгов́* и *торг*² — сокращение: 'торговое учреждение', *то́рга*, мн. ч. *торги́*, *торгов́*.

У существительных м. р. весьма продуктивен такой акцентный тип АВ, который распространяется на месте типа АА в связи с заменой безударного окончания формы именительного падежа множественного числа *-ы/-и* ударным окончанием *-а/-я*, например: *овод*, *овода́*, мн. ч. *оводы́*, *оводов́* и *овода́*, *оводов́*; *ястреб*, *ястреба́*, мн. ч. *ястребы́*, *ястребов́* и *ястреба́*, *ястребов́*; *джэмпер*, *джэмпера́*, мн. ч. *джэмперы́*, *джэмперов́* и допустимо «младшее» *джемперá*, *джемперов́*; *шторм*, *шторма́*, мн. ч. *штормы́*, *штормов́* и допустимо «младшее» *шторма́*, *штормов́*.

Широко распространен такой тип АВ в профессиональной речи: *боцман*, *боцмана́*, мн. ч. *боцманы́*, *боцманов́* и у моряков *боцманá*, *боцманов́*; *драйвер*, *драйвера́*, мн. ч. *драйверы́*, *драйверов́* и у компьютерщиков *драйвера́*, *драйверов́*; *нефтепро́мысел*, *нефтепро́мысла́*, мн. ч. *нефтепро́мыслы́*, *нефтепро́мыслов́* и у нефтяников *нефтепро́мысла́*, *нефтепро́мыслов́*; *тэндер*, *тэндера́*, мн. ч. *тэндеры́*, *тэндеров́* и у железнодорожников *тендера́*, *тендеров́*; *трюм*, *трюма́*, мн. ч. *трюмы́*, *трюмов́* и у моряков *трюма́*, *трюмов́*.

При постоянном месте ударения на окончании в единственном числе и наличии вариантов места ударения на основе или окончании в формах множественного числа наблюдаются типы ВА/ВВ: *графá*, *графы́*, *графу́*, мн. ч. *графы́*, *графам́* и *графы́*, *графам́*; *озерцо́*, *озерца́*, мн. ч. *озёрца́*, *озёрцам́* и *озерца́*, *озерцам́*.

3) Некоторые варианты акцентных типов отражают колебания ударения на основе или на окончании в формах косвенных падежей множественного числа:

АА/АС: *ве́тер*, *ве́тра*, мн. ч. *ве́тры*, *ве́тров* и *ветро́в*; *лось*, *лося́*, мн. ч. *лоси́*, *лосей́* и допустимо «старшее» *лосей́*; *отрасль*, *отрасли́*, мн. ч. *отрасли́*, *отраслям́*, а также допустимо «младшее» *отраслям́*;

ВА/ВС: *волна́*, *волны́*, *волну́*, мн. ч. *во́лны*, *во́лнам́* и *волна́м*; *заря́*, *зари́*, *зарю́*, мн. ч. *зо́ри*, *зо́рям́* и допустимо «старшее» *заря́м*;

СА/СС: *среда́* (день недели), *среды́*, *среду́*, мн. ч. *сре́ды*, *сре́дам́* и *средáм*; *стена́*, *стены́*, *сте́ну*; мн. ч. *сте́ны*, *сте́нам́* и допустимо «старшее» *стена́м*.

4) Некоторые варианты акцентных типов отражают колебания места ударения у слов женского рода на основе или окончании в винительном падеже единственного числа, что связано с тенденцией выравнивания места ударения у таких существительных, т.е. изменением С>В: *борозда́, борозды́, боро́зду* и *борозду́; изба́, избы́, ѝзбу* и *избу́; поло́са, полосы́, по́лосу* и *полосу́; река́, реки́, ре́ку* и *реку́; щека́, щеки́, ще́ку* и *щеку́; доска́, доски́, до́ску* и допустимо младшее *доску́; сковорода́, сковороды́, сковороду́* и допустимо старшее *ско́вороду*.

3. У **прилагательных** в полных формах возможно только неподвижное ударение на основе (тип А) или на окончании (тип В). Вариативность этих типов у одних и тех же прилагательных связана, главным образом, с прагматическим фактором: разграничением слов малоупотребительных или с книжной окраской и широкоупотребительных, стилистически нейтральных или сниженных. У первых наблюдается стремление к типу А, у вторых — к типу В: *автозаво́дский* и *автозаво́дско́й, газоочи́стный* и *газоочи́стно́й, кру́жковый* и *кру́жково́й, око́лозе́мный* и *околозе́мно́й, плю́совый* и *плюсо́вой; те́мбровый* и у специалистов *те́мброво́й, филь́тровый* и у специалистов *фильтро́вой*.

Многие краткие формы прилагательных имеют варианты ударения на основе и на окончании. В связи с этим выделяются разновидности их акцентных типов:

Формы		Типы				
		А/С	В/С	С/С ₁	В/С ₁	В/С ₂
Ед.ч.	м.р.	<i>вла́стен</i>	<i>бе́л</i>	<i>но́в</i>	<i>узо́к</i>	<i>све́ж</i>
	ж.р.	<i>вла́стна́</i> ■ ●	<i>бе́ла</i> □ ●	<i>но́ва</i> □ ●	<i>узо́ка</i> □ ●	<i>све́жа</i> □ ●
	ср.р.	<i>вла́стно</i> ■ ○	<i>бе́ло</i> ■ ●	<i>но́во</i> ■ ○	<i>узо́ко</i> ■ ●	<i>све́жо</i> □ ●
Мн.ч.		<i>вла́стны</i> ■ ○	<i>бе́лы</i> ■ ●	<i>но́вы</i> ■ ●	<i>узки́</i> □ ●	<i>све́жи</i> ■ ●

К типу А/С относятся такие прилагательные, как *бу́йный, в́язкий, жесто́кий, зо́ркий, мо́дный* и др.; к типу В/С — *гре́шный, глубо́кий, кра́сный, пё́стрый, ста́рый* и др.; к типу С/С₁ — *бл́зкий, бле́дный, пло́хой, п́яный, сла́бый* и др.; к типу В/С₁ — прилагательные, включающие в свое значение сему 'слишком', 'больше или меньше, чем нужно' и имеющие в этом значении только краткие формы: *д́линен, ма́л, те́сен, то́нок, у́зок* и др.; к типу В/С₂ — прилагательные *све́жий* и *о́бщий* в значении 'неконкретный, схематичный'.

В формах женского рода часто у неосвоенных, непривычных, редких слов наблюдается склонность к типу ударения А, у привычных, частых слов — к типу С. Перенос ударения на

окончание в форме среднего рода в типе В/С встречается главным образом у широко употребительных слов.

В современном русском языке активно идет процесс переноса ударения с основы на окончание в форме множественного числа кратких прилагательных в связи с тенденцией к акцентному противопоставлению полных и кратких форм по модели *умный — умна́, умно́, умны́*. Поэтому велико количество кратких прилагательных, имеющих равноправные варианты ударения в этой форме, как в типах В/С и С/С₁.

4. У многих глаголов на *-ить* в формах настоящего/будущего времени в современном русском языке существует тенденция к замене неподвижного ударения на окончании подвижным ударением — акцентные типы В/С: *вкушу́, вкуси́т* и *вку́сит*; *горожу́, городи́т* и *горо́дит*; *дою́, дои́т* и *до́ит*; *зубрю́, зубри́т* и *зубо́рит*; *отслоню́, отслони́т* и *отсло́нит*; *скоблю́, скобли́т* и *ско́блит*; *строчу́, строчи́т* и *стро́чит* и др.

В формах прошедшего времени большинство случаев вариативности места ударения связано с некоторыми приставочными глаголами, у которых «старшее» ударение было на приставке и возникло новое ударение на корне под влиянием места ударения в инфинитиве. Ударение на приставке у таких глаголов раньше характеризовало все формы прошедшего времени, кроме формы ж. р., у которой было и сейчас сохраняется ударение на окончании: *допи́ть, допи́л* и *допи́л, допи́ла, допи́ло, допи́ли* и *допи́ло, допи́ли*; *зажи́ть, зажи́л* и допустимо «младшее» *зажи́л, зажи́ла, зажи́ло, зажи́ли* и допустимо «младшее» *зажи́ло, зажи́ли*; *нали́ть, нали́л* и допустимо «младшее» *нали́ло, нали́ли*; *отня́ть, отня́л* и допустимо «младшее» *отня́ло, отня́ли* и др.

Дальнейшее выравнивание места ударения в глаголах этой группы может приводить к отступлениям от литературной нормы. Так, широко распространен не п р а в и л ь н ы й вариант ударения на корне в форме ж. р.: *доплы́ла, забры́ла, назва́ла, обви́ла, отда́ла, пережда́ла, подня́ла, поли́ла, прерва́ла, пригна́ла, проспáла, совра́ла* и т.п. Не соответствует норме и ударение на приставке в форме женского рода: *допи́ла, за́лила, на́чала, обня́ла, отжи́ла, пе́редала, по́дала, по́дняла, пре́дала, при́была, про́кляла, со́здала* и т.п. Грубейшая ошибка — ударение на этих приставках в форме инфинитива у глаголов с корнем *-ня-*, *-ча-*: *за́нять, на́нять, по́нять, при́нять, на́чать*.

У возвратных глаголов в прошедшем времени при колебаниях в месте ударения обычно противопоставлены три группы форм: мужского рода — женского рода — среднего рода и множественного числа.

В форме м. р. равноправные варианты с ударением на постфиксе и на основе или предпочтительный вариант с ударением на по-

сфиксе встречаются в редких случаях: *родилсѧ* (сов. вид) и *родѣлсѧ*, у некоторых глаголов с корнем -ня-: *обнялсѧ* и *обнѣлсѧ*, *отнялсѧ* и *отнѣлсѧ*, *поднялсѧ* и *поднѣлсѧ*, *занялсѧ* и допустимо «младшее» *занѣлсѧ*, *нанялсѧ* и допустимо «младшее» *нанѣлсѧ*, *принялсѧ* и допустимо «младшее» *принѣлсѧ*. Обычно вариант ударения на постфиксе менее употребителен и отражает «старшую» норму: *брѣлсѧ* и допустимо «старшее» *бралсѧ*; *взвѣлсѧ* и допустимо «старшее» *взвилсѧ*; *гнѣлсѧ* и допустимо «старшее» *гналсѧ*; *напѣлсѧ* и допустимо «старшее» *напилсѧ*; *порвѣлсѧ* и допустимо «старшее» *порвалсѧ* и др.

Форма женского рода у таких глаголов почти всегда имеет ударение на окончании: *бралѣсь*, *взвилѣсь*, *гналѣсь*, *дождалѣсь*, *звалѣсь*, *клялѣсь*, *лилѣсь*, *напилѣсь*, *порвалѣсь* и др. Исключения редки: *осеклѣсь* и допустимо «старшее» *осѣклѣсь*, *родилѣсь* (сов. вид) и допустимо «младшее» *родѣлѣсь*.

В формах среднего рода и множественного числа этих глаголов место ударения вариативно: обычно предпочтительный вариант ударения на окончании, но допустим и вариант «младшей» нормы на основе: *бралось*, *брѣлись* и допустимо «младшее» *брѣлось*, *брѣлись*; *взвилось*, *взвѣлись* и допустимо «младшее» *взвѣлось*, *взвѣлись*; *гналось*, *гнѣлись* и допустимо «младшее» *гнѣлось*, *гнѣлись*; *дождалось*, *дождѣлись* и допустимо «младшее» *дождѣлось*, *дождѣлись*; *звалось*, *звѣлись* и допустимо «младшее» *звѣлось*, *звѣлись*.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Русское литературное произношение складывалось на протяжении долгого времени. До образования национального языка в XVII в. нормализация литературного языка практически не касалась произношения. На разных территориях были распространены диалектные разновидности русского языка. На этих диалектах: ростово-суздальском, новгородском, тверском, смоленском, рязанском и др. — говорило все население соответствующих феодальных земель независимо от социальной принадлежности.

Вместе с присоединением к Московскому княжеству других княжеств росла экономическая, политическая, культурная роль Москвы как столицы централизованного Русского государства. В связи с этим рос и престиж московского говора. Его нормы, в том числе и произносительные, перерастали в нормы общенациональные. Этот процесс облегчался тем, что говор Москвы среднерусский, где сглажены наиболее резкие диалектные черты Северного и Южного наречий.

Язык Москвы XVI–XVII вв. не был однородным. Ее население составляли выходцы из разных мест, представлявших разные рус-

ские диалекты. В большом городе возникал своеобразный сплав из этих разнородных диалектных черт. До XVI в. в языке Москвы господствовало оканье — различие безударных гласных фонем неверхнего подъема. В XVI в. оканье постепенно сменилось аканьем — неразличением, совпадением этих безударных гласных. В значительной степени это было связано с большим пополнением населения Москвы из южнорусских областей. В XVII—XVIII вв. южнорусское влияние на язык Москвы усилилось и привело к смене и некоторых других произносительных и грамматических норм.

Произносительные нормы современного русского литературного языка в своих важнейших чертах сложились в первой половине XVII в. Но тогда эти нормы характеризовали еще только московский говор. К концу XIX в. московская произносительная система уже сложилась как норма национальная.

В литературном языке второй половины XVIII — первой половины XIX в. существовали и произносительные варианты. Высокий стиль литературного произношения отличался от разговорной речи рядом особенностей.

Высокий стиль требовал оканья. И. С. Тургенев в повести «Пунин и Бабурин» писал: «Пунин произнес эти стихи размеренным певучим голосом и на *о*, как и следует читать стихи». Характерно, что в стихах поэтов XVIII и начала XIX в. рифмы, где оказываются безударные *о* и *а* типа *боярам* — *даром*, *немножко* — *мошка*, встречаются в редчайших случаях. Это также говорит о том, что в стихотворной речи было представлено оканье.

Высокому стилю было свойственно отсутствие перехода [ʒ] в [ó] после мягкого согласного перед твердым, тогда как в разговорной речи, в нейтральном стиле произносился [ʹо]. О произношении в этой позиции в поэтической речи свидетельствуют рифмы поэтов этого времени *жéртвой* — *мёртвой*, *весёлый* — *спёлый*, *утёса* — *черкёса*, *свёт* — *идёт*, ср.:

В пустыне чахлой и скупой
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

(А. С. Пушкин)

Слово *вселенная* А. С. Пушкин произносил так же, как и мы, с [ʒ]. Отсюда ясно, что и рифмующееся с ним слово *раскаленной* тоже должно было произноситься с [ʒ].

В высоком стиле на месте *г* произносился в соответствии с нормами церковно-славянского языка [γ], чередующийся на конце слова с [х]. Свидетельство этого — такие рифмы, как *дух* — *вдруг*, *юг* — *слух*, *стих* — *настиг*, *мог* — *вздых*; ср. у Е. Баратынского:

Не знал я радостей, не знал я мук других,
За мигом не умел другой предвидеть миг...

у А. С. Пушкина:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Гораздо больше, чем сейчас, было слов, в которых на месте исконного *чи* произносилось [шн]. Так, Н. М. Карамзин пишет *кумашный*, И. А. Крылов — *мушной ларь*, Н. В. Гоголь — *табашный*, Н. А. Некрасов — *наконешник*, *курение табашное*. В книгах того времени постоянно встречаются написания *святошный*, *лубошный*, *кулашный*, *кирпишный*, *буднишный*, *коришневый* и т. п.

Перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург не оказал существенного влияния на основные нормы литературного произношения. В новой столице в первое время наиболее влиятельными в политическом и культурном отношении были москвичи. Со временем московское произношение в Петербурге подверглось некоторым изменениям. В результате этого к XX в. сформировались особенности петербургского произношения. Некоторые из них сохраняются в речи петербуржцев и в настоящее время.

Старопетербургское произношение характеризует «старшую» норму, а также некоторые несвойственные современному литературному языку нормы XIX — начала XX в. В их числе произношение [л] (не [а²]) в первом предударном слоге на месте /о/, /а/: *в[л]д́а*, *тр[л]в́а*; эканье; [ш'ч'] на месте *щ* перед гласным: [ш'ч']*у́ка*, *и[ш'ч']у́*; [ш] на месте *щ* перед *н*: *хи[ш]ный*, *в су[ш]ности*, *изя[ш]ный*; твердые губные вместо мягких на конце слова: *се[м]*, *любо[ф]*; долгий [н̄] на месте *н* суффиксального или корневого перед окончанием прилагательных: *ю[н̄]ый*, *румя[н̄]ый*, *песча́[н̄]ый*; произношение [т], [д] ([т'], [д']) между зубными согласными: *влас[т]но*, *пра́з[д']ник*; только мягкий [с'] в возвратном постфиксе *-ся*, *-сь*.

В основе несвойственных современному литературному языку норм XIX — начала XX в., а также многих современных орфоэпических вариантов, характеризующих «старшую» норму, лежит и старомосковское произношение. Например, это [ы²] на месте /а/ после [ш], [ж] в первом предударном слоге: *ш[ы²]ѓи*, *ж[ы²]р́а*; мягкий [р'] после /э/ перед губными и заднеязычными: *пе[р']вый*, *четве́[р']г*; мягкие губные перед мягкими заднеязычными: *я[м'к']и*, *ла́[п'к']и*, *се́[м'г']е*; мягкие зубные перед мягкими губными: *с[п']и́н*, *Лю́[д'м']и́ла*, *о[т'в']е́т*; звук [ү] на месте [г] в словах *Бога*, *благо*, *богатый*, *Господь* и производных: *боготворить* и т. п.; твердые заднеязычные перед окончанием прилагательных м. р. им. п. ед. ч. и перед глагольным суффиксом *-ива-*: *до́л[гэ]й*, *жа́р[кэ]й*, *ве́т[хэ]й*, *затя́[гэ]вать*, *прище́л[кэ]вать*, *вспы́[хэ]вать*;

безударное окончание глаголов 3-го лица мн. ч. II спряжения -[ут] вместо -[эт]: *лю́[б'ут]*, *хва́[л'ут]* и др.

В настоящее время действует тенденция к сглаживанию различий между московским и петербургским произношением, к формированию единой произносительной нормы.

Орфоэпический анализ текста

Выписать из текста все слова, в которых возможны допустимые в литературном языке варианты ударения и произносительные варианты, и охарактеризовать эти орфоэпические варианты.

Образец:

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ес, и до листвы мосй
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

(А. Тарковский)

1. *Я*: 1) Это местоимение может иметь слабое ударение либо может быть безударным и в качестве проклитики примыкать к следующему слову: *я вѣтьвь* и *я вѣтьвь*. В первом случае перед гласным произносится [j]: [jə] *вѣтьвь*, во втором случае — [ɨ]: [ɨə-] *вѣтьвь*. 2) При отсутствии ударения на местоимении оно выступает в качестве проклитики, но относительной, так как здесь на месте *я* после [ɨ] в первом предударном слоге произносится [a], тогда как внутри слова в этом случае — [и³]; ср. *явѣться*, *ягнѣнок*, *ядрѣ*;

2. *ветвь*: наряду с твердым зубным [т] перед мягким губным [ф']: [в'этф'] — допустимо устаревающее произношение мягкого [т']: [в'эт'ф'];

3. *меньшая*: 1) *меньш́ая* — устаревший акцентологический вариант; современный — *мѣньш́ая*. 2) Произношение *м[и³]ньш́ая*, отражающее иканье, — более распространенный вариант, характерный и для нейтрального стиля. Произношение *м[э"]ньш́ая*, отражающее эканье, — более редкий вариант, характерный и для высокого стиля. 3) В заударном конечном слоге после /j/ и мягких согласных в окончаниях и других словоизменительных аффиксах на месте *я* в нейтральном стиле произносится [ə]: *меньш́а[ɨə]*. (В других морфемах в этой позиции на месте *я* произносится [и³]; ср. *заяц*, *лѣять*, *мѣсяц*, *память*.) В разговорном языке на месте [ə] может произноситься очень краткий звук [и³]: *меньш́а[и³]*;

4. *России*: в высоком стиле произносится [с'], в нейтральном — [с'];

5. *Я плѣть* и *я плѣть*: см. 1;

6. *ее*: в высоком стиле произносится [плѣт' ии³ѣ], в нейтральном стиле [плѣт'-и³ѣо]. В первом случае слово *её* имеет слабое ударение, во втором случае *её* — относительная энклитика (сохраняет произношение безударного [о] после /j/);

7. *доходят*: *дохѣ*[д'ѣ]т и *дохѣ*[д'и³]т: см. 3.3;

8. *влажные*: 1) В окончании им. п. мн. ч. имен прилагательных *-ые/-ие* на месте *е*, всегда безударного, произносится [и³]: *влáжны*[и³]. На месте конечного безударного *е* в других окончаниях может произноситься [э]; ср. *влáжное*, *мѡре*. 2) На месте заударного *ы* в неконечном слове может произноситься [э]: *влáжн*[э]е или [ы³]: *влáжн*[ы³]е;

9. *стальные*: см. 8.1;

10. *льняные*: 1) *льн*[и³]нѣе и *льн*[э^н]нѣе: см. 3.2. 2) См. 8.1;

11. *кровяные, костяные, прямые*: см. 10;

12. *продолжения*: см. 3.3.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. — М., 1974.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. — 5-е изд. — М., 1972; 6-е изд. — М., 1984.

Аванесов Р. И. Фонетика русского литературного языка. — М., 1956.

Барина Г. А. Фонетика // Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. — М., 1973.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. — СПб., 1998.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. — М., 1983.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Т. 1. — М., 1980.

Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. — М., 1970.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. — М., 1997 и др. изд.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка : грамматические формы. Ударение. — М., 1994.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. — 2-е изд. — М., 1979.

Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. — М., 1997.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Просодия слова и побочное ударение // Просодический строй русской речи / отв. ред. Т. М. Николаева. — М., 1996.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997 и др. изд.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык : фонетика. — М., 2006.

Кодзасов С. В. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи / отв. ред. Т. М. Николаева. — М., 1996.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. — М., 2001.
Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1976.

Николаева Т. М. От звука к тексту. — М., 2000.

Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова ; под ред. Р. И. Аванесова. — 5-е изд. — М., 1989 и последующие издания.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. — М., 1990.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. — М., 1979.

Панов М. В. Фонетика // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М., 1997.

Проблемы фонетики. I / отв. ред. Т. М. Николаева. — М., 1993; II / отв. ред. Л. Л. Касаткин. — М., 1995; III / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. — М., 1999; IV / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. — М., 2002; V / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. — М., 2006.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии : очерк. Хрестоматия. — М., 1970.

Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. — М., 1987.

Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. — М., 1979.

Реформатский А. А. Фонологические этюды. — М., 1975.

Русский язык и советское общество : социолого-лингвистическое исследование / под ред. М. В. Панова. [4] Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. — М., 1968.

Русский язык по данным массового обследования / под ред. Л. П. Крысина. — М., 1974.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. — Л., 1982.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М., 1960; 2-е изд. — М., 2000.

Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. — 2-е изд. — М., 1982.

ГРАФИКА

Передавая нашу речь на письме, мы пользуемся буквами, каждая из которых имеет определенное значение. Употребляем мы и другие письменные знаки: знак ударения, дефис (черточка), знаки препинания (правила их употребления относятся к пунктуации), апостроф, знак параграфа, пробелы между словами, абзацами, главами, а также шрифтовые выделения (курсив, полужирный шрифт, разрядка и др.), подчеркивание, использование цвета. Всем этим ведаёт графика. Но главное графическое средство — система букв.

Современный русский алфавит

Совокупность букв, расположенных в установленном порядке, называется алфавитом или азбукой. Слово *алфавит* происходит от названия двух первых букв греческого алфавита: α — *альфа* и β — *бета* (по-новогречески *вита*). Слово *азбука*, калька со слова *алфавит*, происходит от названия двух первых букв древнего славянского алфавита — кириллицы: *а* — *аз* и *б* — *буки*.

В современном русском алфавите 33 буквы. Каждая буква имеет два варианта — печатный и рукописный. В каждом варианте два вида букв — прописные (большие, заглавные) и строчные (малые). Так, первая буква алфавита представлена вариантами *А, а, А, а*.

Существуют индивидуальные и комплексные названия букв. Индивидуальные названия гласных букв — двух типов.

1. Названия букв *а, и, о, у, ы, э* состоят из одного гласного звука: [а], [и], [о], [у], [ы], [э]. 2. Названия букв *е [jэ], ё [jo], ю [ju], я [ja]* состоят из гласного звука и предшествующего ему согласного [j].

Названия согласных букв — четырех типов (первые три из них образованы в соответствии с названиями букв латиницы).

1. Названия букв *б, в, г, д, ж, з, н, т, ц, ч* состоят из соответствующего согласного звука и следующего за ним гласного [э]: [бэ], [вэ] и т.п. 2. Названия букв *л, м, н, р, с, ф* состоят из соответствующего согласного звука и предшествующего гласного [э]: [эл'], [эм] и т.п. Мягкость [л'] в названии буквы *л* в отличие от твердости остальных согласных в названиях букв этого типа объясняется тем, что в латинице, откуда заимствовано название этой

буквы, ей соответствует *l*. В названии русской буквы «полумягкий» звук [l] заменялся мягким [л']. 3. Названия букв *к, х, ш, щ* состоят из соответствующего согласного звука и последующего гласного [а]: [ка], [ха] и т. п.

Буква	Название	Буква	Название	Буква	Название	Буква	Название
а	<i>а</i>	и	<i>и</i>	с	<i>эс</i>	ъ	<i>твёрдый</i>
б	<i>бэ</i>	й	<i>й</i>	т	<i>тэ</i>		<i>знак, ер</i>
в	<i>вэ</i>	к	<i>ка</i>	у	<i>у</i>	ы	<i>ы</i>
г	<i>гэ</i>	л	<i>эль</i>	ф	<i>эф</i>	ь	<i>мягкий</i>
д	<i>дэ</i>	м	<i>эм</i>	х	<i>ха</i>		<i>знак, ерь</i>
е	<i>е</i>	н	<i>эн</i>	ц	<i>цэ</i>	э	<i>э</i>
ё	<i>ё</i>	о	<i>о</i>	ч	<i>че</i>	ю	<i>ю</i>
ж	<i>жэ</i>	п	<i>пэ</i>	ш	<i>ша</i>	я	<i>я</i>
з	<i>зэ</i>	р	<i>эр</i>	щ	<i>ща</i>		

Буква *й* с начала XVIII в., когда она появилась в нашем алфавите, называлась «и с краткой» (по значку «кратка» над буквой; это название было образовано по типу названия имевшейся тогда в алфавите буквы *i* — «и с точкой»). Во второй половине XIX в. ее стали называть «и краткое». Это название неудачно: буква *й* обозначает фонему /j/, название же «и краткое» связывает букву *й* со звуком [й]. Поэтому у буквы *й* в школьных учебниках приведено новое название «й» (читается [ий]).

В современном русском языке существует тенденция называть согласные буквы 2-го и 3-го типов по 1-му, самому многочисленному. Эта тенденция проявляется, в частности, в аббревиатурах, читаемых по названиям букв: *США* [сэ-шэ-а], *ФРГ* [фэ-эр-гэ] и т. п. В аббревиатурах проявляется также тенденция называть букву *л* с твердым согласным — [эл] (по аналогии с остальными названиями этого типа); ср. *ЛГ*, *НЛО* и т. п.

Буквы *ѣ* и *ь* в научной литературе в соответствии с традицией называются «ер» и «ерь». Так, в частности, называются буквы фонетической транскрипции. В школьных учебниках эти буквы называются «твёрдый знак» и «мягкий знак». Название «мягкий знак» соответствует одной из функций *ь* указывать на мягкость предшествующей согласной фонемы. Название «твёрдый знак» возникло тогда, когда *ѣ* писали на конце слова после твердой согласной: *домѣ, столѣ, мирѣ*. Сейчас это название — чистая условность.

Комплексные названия обозначают классы букв. В русском алфавите 10 гласных букв: *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 21 согласная буква: *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*. Буквы *ѣ* и *ь* звуков не обозначают, поэтому их иногда называют безгласными.

Фонематический принцип графики

В различных системах письма основная графическая единица может обозначать разные единицы языка: логограмма передает слово, морфемограмма — морфему, силлабограмма — слог, буква — фонему и звук. Основная графическая единица русского письма — буква.

Буквы русского алфавита обозначают не звуки, как об этом говорится в школьном учебнике, а фонемы. Так, в слове *спецодежда* букве *ц* соответствует звук [ц], а в слове *спецадание* — звук [дз]. Но эти разные звуки — вариации одной и той же фонемы /ц/. Она-то и обозначается буквой *ц*. В формах слова *Петр*, *Петра*, *Петру* на месте буквы *р* произносятся разные звуки: [р], [р], [р°]. Но буква *р* обозначает не эти звуки, а фонему /р/, воплощенную в них. Наиболее частый звук русского языка [э], но у него нет «своей» буквы, так как звук [э] не представляет собой фонемы. В слове *травяной* он вариант /а/, которая обозначается буквой *а*, в слове *водяной* он вариант /о/, которая обозначается буквой *о*.

Позиционный принцип русской графики

Если фонематический принцип определяет, что обозначают буквы, то позиционный принцип определяет, как передаются фонемы на письме.

Почти все русские буквы многозначны: рядом с одними буквами они обозначают одни фонемы, рядом с другими буквами — другие. Так, *ё* может обозначать сочетание фонем /jo/ (*ёлка* /jólка/); /'о/, т.е. гласную фонему и часть предшествующей согласной фонемы — ее мягкость (*тёлка* /т'ólка/); /о/ (*шёлка* /шólка/). Значение буквы *ё* определяется занимаемой ею позицией — предшествующими буквами и пробелом.

Некоторые буквы обозначают фонему только вместе с другими буквами. Так, в обозначении фонемы /в'/ в слове *вёл* принимают участие буквы *в* и *ё*, а в обозначении фонемы /в/ в слове *вол* — буквы *в* и *о*. Поэтому, если видна только буква *в*, то мы не сможем определить, какая фонема — /в/ или /в'/ — выступает в слове. Это можно сделать, только увидев, что стоит после буквы *в*, т.е. определив ее позицию.

Позиционный принцип графики (его называют также *слововым* и *буквосочетательным*) заключается в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции — соседних букв и других графических знаков.

Этот принцип графики проявляется в тех случаях, когда буква многозначна или передает не все содержание фонемы. Таковы почти все буквы. Только буква *й* всегда передает одну и ту же фонему /j/

независимо от позиции. Эта буква — вне действия позиционного принципа графики. (Одно значение и у *ѣ*, но само наличие этой буквы в алфавите определяется не графикой, а орфографией.)

Позиционный принцип графики связан с двумя ее особенностями: обозначением на письме фонемы /*ј*/ и обозначением твердости/мягкости согласных фонем.

Обозначение на письме фонемы /*ј*/

В исконно русских словах фонема /*ј*/ обозначается тремя различными способами в зависимости от позиции, занимаемой этой фонемой. В начале слова перед гласной и между гласными /*ј*/ вместе с последующей гласной /*а*/, /*у*/, /*э*/, /*о*/ обозначается буквами *я*, *ю*, *е*, *ё*: *яма* /*јама*/, *юг* /*југ*/, *ель* /*јэл'*/, *ёж* /*јож*/; *моя* /*моја*/, *мою* /*моју*/, *моей* /*мојеј*/, *моё* /*мојо*/.

После согласной перед гласной /*ј*/ вместе с последующей гласной фонемой обозначается буквами *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и*, перед которыми пишется разделительный *ь* или *ѣ*: *обезьяна*, *изъян*, *ладью*, *адъютант*, *судье*, *подъезд*, *побьём*, *объём*, *чьи*.

После гласной перед согласной и на конце слова /*ј*/ обозначается буквой *й*: *стройка*, *чайник*, *сарай*, *мой*.

В заимствованных словах *й* может обозначать /*ј*/ и перед гласной: *йод*, *Йошкар-Ола*, *Йемен*, *район*, *майор*, *майонез*, *фойе*, *фейерверк*. Так передается /*ј*/ в начале слова и после гласной. После согласной сочетание фонем /*јо*/ передается буквами *ѳо*: *бульѳон*, *павиљѳон*, *почтаљѳон*, *шиньѳон*, *синьѳор*, *гильѳотина*.

После гласной перед /*и*/ фонема /*ј*/ на письме не обозначается. Поэтому одинаково передаются на письме сочетания фонем /*аји*/, /*ији*/, /*оји*/, /*уји*/, /*эји*/: *окраина*, *ариѳи*, *доѳилка*, *струѳит*, *клетѳит* — и /*аи*/, /*ии*/, /*ои*/, /*уи*/, /*эи*/: *заѳискивать*, *антиѳисторизм*, *проѳиграть*, *полуѳимя*, *неѳискренний*. Чтобы узнать, есть ли между гласными /*ј*/, нужна специальная проверка. Графика не дает на это ответа.

Обозначение на письме твердости и мягкости согласных

Парные твердые и мягкие согласные фонемы, кроме /*ч'*/, /*ц*/, передаются на письме одной и той же буквой: /*б*—*б'*/ — *б*, /*в*—*в'*/ — *в*, /*т*—*т'*/ — *т* и т.д. Твердость/мягкость согласной фонемы в этом случае может обозначаться на письме другой буквой, следующей за согласной, или иным графическим знаком.

Твердость/мягкость таких согласных фонем, стоящих перед гласными, обозначается на письме гласными буквами. Твердость

согласной перед гласной обозначается буквами *а, о, у, ы, э*: *мал* /мал/, *сон* /сон/, *лук, ты, сэр*. Мягкость согласной перед гласной — буквами *я, ё, ю, и*: *мал* /м'ал/, *мёд* /м'од/, *люди* /л'уд'и/.

Буква *е* не указывает на качество предшествующей согласной фонемы: написание *те* может соответствовать /т'э/ (*тесто*) и /тэ/ (*теннис*); *де* — /д'э/ (*дело*) и /дэ/ (*модель*); *фе* — /ф'э/ (*кофе*) и /фэ/ (*кафе*) и т.д. Перед *е* твердость/мягкость согласной остается не обозначенной на письме.

На конце слова мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — пробелом: *ударь* /р'/, *удар* /р/; *весь* /с'/, *вес* /с/; *моль* /л'/, *мол* /л/.

Перед согласной, кроме /j/, мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — второй согласной буквой: *банька* /н'/, *банка* /н/; *верьте* /р'/, *в конверте* /р/; *кольчуга* /л'/, *колчан* /л/.

После согласных перед /j/ пишутся разделительные *ъ, ь*, которые служат для уточнения значения следующих за ними букв *я, ю, е, ё, и*, но не указывают на твердость/мягкость предшествующей согласной. Ср. одинаковое произношение большинством говорящих первого согласного в словах *въездной* и *вьетнамский*, произношение мягкого [д'] в слове *адъютант*, твердого [ш] в слове *шью* и т.п. Твердость/мягкость согласной перед /j/ связана с конкретными звуками и морфемами и на письме не передается.

Гласные буквы после шипящих и ц

Буквы *ж, ш, ч, щ, ц* передают все содержание соответствующих фонем. Поэтому после *ж, ш, ч, щ, ц* гласные буквы обозначают только гласные фонемы.

Фонемы /а/, /у/, /о/, /и/, /э/ передаются на письме буквами *а—я, у—ю, о—ё, ы—и, э—е*. Из каждой пары букв графика «выбирает» для позиции после шипящих и *ц* одну букву — *а, у, о, и, е*: *жар, шар, чаща, царь; жук, шум, чудо, шука, отцу; ежовый, шорох, чопорный, трещотка, лицо; жир, шип, чисто, щи, цифра; жест, шест, честь, щель, цех*. После шипящих пишутся также *ё* и *ю*: *жёлтый, шёл, чёлка, щёки; брошюра, жюри, парашют*; после *ц* пишется *ы*: *цыган, сестрицын, отцы*, но эти написания — результат «вмешательства» орфографии в область графики.

Буквы *а, у, о, и* используются после шипящих и *ц* потому, что они передают здесь только фонемы /а/, /у/, /о/, /и/, как и в начале слова и после гласной, где не надо указывать на качество предшествующей согласной. Буквы же *я, ю, ё, ы* кроме обозначения соответствующей гласной фонемы имеют дополнительные функции: *я, ю, ё* обозначают еще /j/ или мягкость предшествующей согласной фонемы, а *ы* — ее твердость. После *ж, ш, ч, щ, ц* пишется буква *е* потому, что буква *э* утвердилась в русском

алфавите лишь в XVIII в. и после согласной дополнительно обозначает твердость этой фонемы. Буква *е* уместна в данной позиции потому, что она обозначает только гласную фонему и после других согласных.

Значения букв

Значения букв — это соотношенность букв с фонемами или с их частями (дифференциальными признаками), а также уточнение значения соседних букв. Значения букв в графике определяются по сигнификативно сильным позициям соответствующих фонем. Все буквы, кроме *й, з*, многозначны.

Буквы *я, ю, е, ё* обозначают фонемы /*ја*/, /*ју*/, /*јэ*/, /*јо*/ в начале слова, после гласной буквы и после *ь, з*: *яд, стоят, сыновья, объятия*. Буквы *я, ю* после согласной обозначают гласные фонемы и мягкость предшествующей согласной фонемы: *няня* — /'а/, *нюхатъ* — /'у/. Буква *ё* имеет то же значение после согласных, кроме шипящих: *нёс* — /'о/. Кроме того, *ё* после шипящей обозначает только *о*: *шёл, чёрный*. Буква *е* после согласной обозначает /э/. У предшествующей согласной фонемы твердость/мягкость либо остается необозначенной: *тире, сено*, либо передана согласной буквой — *ц, ч, щ*: *цель, чек, щепка*, либо не является дифференциальным признаком и потому не обозначается: *жертва, шесть, фойе*.

Буква *и* может обозначать /и/: *игра, поиск, жизнь*; /'и/, т.е. гласную фонему и мягкость предшествующей согласной: *сила* — и /*ји*/: *чыи*.

Буквы *а, о, у, э* в начале слова и после гласной обозначают /а/, /о/, /у/, /э/: *армия, вуаль, отпуск, наотмашь, утро, наудить, эхо, дуэт*. Это же значение у букв *а, о, у* после шипящих и *ц*: *чай, обжора, лицу*, у буквы *о* также после *й*: *йод*. После остальных согласных *а, о, у, э* обозначают соответствующие гласные фонемы и твердость предшествующих согласных фонем: *сам* — /а/ и твердость /с/, *лом* — /о/ и твердость /л/, *дуб, мэр*.

Буква *ы* после согласной обозначает /и/ и твердость предшествующей согласной фонемы: *был* /бил/, *мы* /ми/. В тех случаях, когда буква *ы* пишется после *ц* (передающей и твердость /ц/), она обозначает только /и/: *отцы, куций*.

В большинстве позиций буквы *й, ж, ш, ч, щ, ц* обозначают /*ј*/, /*ж*/, /*ш*/, /*ч*'/, /*шч*'/, /*ц*/, буквы *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х* передают общую часть содержания фонем /б—б'/, /в—в'/ и т.д. — место и способ образования, глухость/звонкость. Твердость/мягкость этих фонем обозначается следующей буквой или пробелом либо остается необозначенной.

Все согласные буквы, стоящие после согласных букв (но не после *ж, ш, ч, щ, ц, й* и не в сочетаниях *нч, ниц*), передают поми-

мо своего основного значения твердость предшествующей согласной фонемы: *арбуз* — *б* передает общую часть /б—б'/ и твердость /р/ (ср. *борьба*), *гетман* — *м* передает общую часть /м—м'/ и твердость /т/ (ср. *тьма*), *таскать* (ср. *науськать*), *толщина* (ср. *болещик*), *халцедон* (ср. *кольцо*). В сочетаниях *нч*, *нщ*, где *ь* никогда не пишется (*обманчивый*, *ременчатый*, *доменищик*, *поденищина*), буквы *ч*, *щ* не обозначают твердости/мягкости /н—н'/.

Буква *ь* имеет несколько значений:

1) обозначает мягкость предшествующей согласной фонемы: *брать*, *редька*;

2) выступает как разделительный знак: *чьей*, *нальёт*, *полю*, *судья*, *семьи*; *ь* здесь указывает на то, что *е*, *ё*, *ю*, *я*, *и* обозначают /јэ/, /јо/, /ју/, /ја/, /ји/; разделительный знак отграничивает гласную от предшествующей согласной буквы, при этом *е*, *ё*, *ю*, *я* имеют то же значение, что и в начале слова; отсутствие *ь* привело бы к иному значению гласных букв (ср.: *чей*, *налёт*, *полю*, *судя*, *семи*);

3) сочетание букв *ьо* обозначает /јо/ в заимствованных словах: *бульон*, *медальон*, *лосьон* и др.

Существует мнение, что буква *ь* после шипящих на конце слова и перед согласными имеет морфологическое значение — указывает на ж. р. существительного: *рожь*, *тушь*; 2-е лицо ед. ч. глагола: *идёшь*, *моешься*; форму повелительного наклонения: *плачь*, *режьте*; инфинитив: *беречь*, *печь*; наречие: *слошь*, *вскачь*; частицу: *лишь*, *ишь*. В действительности *ь* пишется здесь только по традиции, и эти слова и формы требуют заучивания.

Буква *ъ* употребляется только в функции разделительного знака: *объехать*, *съёжиться*, *межъярусный*, *двухъязычный*, *субъект*, *трансевропейский*.

Разделительный *ь* не указывает на мягкость предшествующего согласного, а *ъ* — на его твердость. И перед *ь*, и перед *ъ* согласные могут произноситься твердо, полумягко и мягко: *вьюга* — [в'ју́га], [в:ју́га], [вју́га]; *сзезд* — [с'јэст], [с:јэст], [сјэст]; *адъютант* [ад'јутáнт]; *шью* [шју]. В словах *объём* и *побъём*, *обезьяна* и *без изьяна* согласный перед разделительным знаком многими говорящими произносится одинаково. Так, твердость/мягкость согласной фонемы разделительными *ь*, *ъ* на письме не обозначена. Разделительные *ь*, *ъ* выполняют одну и ту же графическую функцию: они уточняют значение следующих за ними многозначных букв *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и*, указывая, что эти буквы обозначают две фонемы — /ј/ и соответствующую гласную (/ја/, /јо/ и т.д.). Поэтому их иногда называют предупредительными знаками. Употребление разделительного *ь* или *ъ* определяется правилами орфографии. Выполняя ту же функцию, что и *ь*, буква *ъ* лишняя в русском письме.

Таким образом, буква может обозначать часть фонемы, часть одной и часть другой фонемы, одну фонему, одну фонему и часть другой фонемы, две фонемы, две фонемы и часть другой фонемы,

может не иметь фонемного значения. Буква может уточнять значение соседней буквы.

Графический анализ слова

1) Привести графическую запись слова; 2) определить графические значения всех букв и пробелов; 3) указать фонемный «объем» буквы (пробела); 4) отметить случаи, когда буква (пробел) уточняет значение соседней буквы; 5) стрелками обозначить проявление позиционного принципа графики. Стрелка направляется от буквы (пробела), которая передает часть дифференциальных признаков соседней фонемы, к букве, которая передает основную часть содержания этой фонемы, а также от буквы, уточняющей значение соседней буквы, к этой букве.

Образец: *беспокоить*

-
- # (пробел) — служит для отделения слова от другого слова, не имеет фонемного значения, но уточняет значение следующей буквы;
 - б — обозначает общую часть фонем /б—б'/, т.е. часть фонемы, три из четырех ее дифференциальных признаков (3/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - е — обозначает фонему /э/, т.е. одну фонему, и уточняет значение следующей буквы;
 - с — обозначает общую часть фонем /с—с'/, т.е. часть фонемы (3/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - п — обозначает общую часть фонем /п—п'/ и твердость предшествующей фонемы /с/, т.е. часть одной фонемы (3/4) и часть другой фонемы (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - о — обозначает фонему /о/ и твердость предшествующей фонемы /п/, т.е. одну фонему и часть другой фонемы (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - к — обозначает общую часть фонем /к—к'/, т.е. часть фонемы (3/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - о — обозначает фонему /о/ и твердость предшествующей фонемы /к/, т.е. одну фонему и часть другой фонемы (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
 - и — обозначает фонему /и/, т.е. одну фонему, и уточняет значение следующей буквы;
 - т — обозначает общую часть фонем /т—т'/, т.е. часть фонемы (3/4);
 - ь — обозначает мягкость предшествующей фонемы, т.е. часть фонемы (1/4);
 - # — не имеет фонемного значения, но уточняет значение предшествующей буквы.

ОРФОГРАФИЯ

Орфография (от греч. *orthós* — ‘правильный’ и *gráphō* — ‘пишу’) буквально означает ‘правописание’, т.е. правильное, соответствующее нормам письмо. Но значения слов *орфография* и *правописание* не совпадают; второе слово имеет более широкое значение, включающее пунктуацию.

Русская орфография — это система правил написания слов. Она состоит из пяти основных разделов: 1) передача буквами фонемного состава слов; 2) слитные, раздельные и дефисные (полуслитные) написания слов и их частей; 3) употребление прописных и строчных букв; 4) перенос части слова с одной строки на другую; 5) графические сокращения слов.

Разделы орфографии — это большие группы орфографических правил, связанные с разными видами трудностей передачи слов на письме.

Каждый раздел орфографии характеризуется определенными принципами — закономерностями, лежащими в основе орфографической системы. Принципы орфографии — это общие основания для написания слов и морфем при наличии выбора, предоставляемого графикой. Каждый принцип орфографии объединяет свою группу орфографических правил, являющихся применением этого принципа к конкретным языковым фактам.

Орфограмма

Средства нашего письма позволяют передать звучание слова разными способами. Одни из них правилами графики и орфографии узаконены, другие запрещаются. Орфограмма — это такое написание слова, которое выбирается из ряда возможных при одном и том же произношении и отвечает определенному орфографическому правилу. Например, в слове *портфель* орфограммами являются буквы *о, р, т, ф, л* (могут быть написаны соответственно *а; рр; д, тт, дд; фф, лл*). Любая из этих замен будет орфографической ошибкой, при которой произношение слова останется прежним. Буквы *н, е, ь* в этом слове не являются орфограммами: замена любой из них обязательно вызовет изменение произношения.

На месте орфограммы может быть допущена орфографическая ошибка. Но возможность появления ошибки на месте разных орфограмм не одинакова. В словах *мама*, *птица*, *идёт* выделенные буквы являются орфограммами. Однако в подобных случаях ошибок практически не бывает. Поэтому различаются теоретические и реальные, практические орфограммы. В слове *портфель* практическими орфограммами являются буквы *о* и *т*. Практические орфограммы бывают не в каждом слове. Так, в словах *дом*, *жар*, *соль*, *глухарь*, *сухой* нет таких орфограмм.

Орфографические ошибки возникают при замене орфограммы запрещенным правилами орфографии способом передачи того же произношения. Орфографические ошибки следует отличать от описок и языковых ошибок. Описки (например, *портфелефь*) являются результатом невнимательности и легко обнаруживаются самим пишущим. Языковые ошибки связаны с неправильным произношением слова. Так, написание *портфиль* свидетельствует о просторечном ударении на *ó* в этом слове либо о диалектном произношении [и] вместо [э] под ударением между мягкими согласными. В этом случае учитель должен исправлять не орфографическую ошибку, а языковую.

Орфографические ошибки следует отличать и от графических ошибок, которые могут быть двух типов. Часть ошибок связана с начертанием букв. Одни буквы ориентированы вправо (*Б, В, Г, Е, К* и др.), другие — влево (*З, У, Ч, Э, Я*). На начальном этапе усвоения письма дети могут путать ориентированность букв: писать, например, *Р* вместо *Я*.

Графические ошибки другого типа связаны с разными возможностями графики обозначать мягкость согласных и передавать на письме фонему /j/. Для обозначения мягкости согласных используются буквы *ь, я, ю, ё, и*. При нетвердом усвоении функций этих букв *ь* может употребляться для обозначения мягкости согласных там, где должны употребляться другие буквы (например, «*мьач*», «*кльон*», «*льуди*» вместо *мяч, клён, люди*). Буква *й* обозначает /j/ в исконно русских словах на конце слова и перед согласной. Дети могут употреблять *й* и в других позициях («*мойа*», «*йама*» вместо *моя, яма*). Вместо *й* может ошибочно использоваться буква *е* («*заека*», «*моеся*» вместо *зайка, мойся*).

Орфограммы могут быть нескольких типов:

1) та или иная буква в слове в соответствии с фонемой в сильной позиции: *душóнка* — *тушёнка*, *сэр* — *сёрвис*, *слóво* — *злóго*, *цирк* — *цыц*; в слабой позиции: *кот* — *год*, *растí* — *рослí*; наличие или отсутствие буквы: *станьте* — *бантик*, *честный* — *тесный*, *пятибалльный* — *кристальный*;

2) слитное, раздельное или дефисное (полуслитное) написание слова: *Алма-Ата* — *алмаатинец*, *встарь* — *в старину*, *подо-рожник* — *по-дорожному*;

3) строчная или прописная буква, начинающая слово: *шарик* — *Шарик* (кликча собаки), *отчизна* — *Отчизна*; все буквы в слове: *вуз* — *МГУ*;

4) перенос части слова с одной строки на другую: *те-пло* и *теп-ло*; *на-двинуть*, но *над-вязать*;

5) графические сокращения: сущ. — *существительное* (не «су.» или «сущ.»); в/ч — *войсковая часть* (не «во/ча»); с.-х. — *сельскохозяйственный* (не «сель.-хозяй.»).

Передача буквами фонемного состава слова

Передача буквами фонемного состава слова — основной раздел орфографии. Он непосредственно связан с графикой, также устанавливающей зависимость между буквами и фонемами. Но графика определяет значения букв в их сочетаниях друг с другом вне зависимости от конкретных слов, а орфография дает правила написания букв в конкретных словах и морфемах. Кроме того, графика устанавливает соответствие букв и фонем в сигнификативно сильных позициях, а область орфографии — сигнификативно слабые позиции фонем.

В отдельных случаях орфография «вмешивается» и в область графики — область сильных позиций. Так, в соответствии с /jo/ и с /o/ под ударением после мягких согласных, кроме шипящих, графика устанавливает написание ё: *ёлка, мёд*, а орфография разрешает написание *е*: *елка, мед*; в соответствии с /o/ под ударением после шипящих графика требует написания *о*: *шов, чопорный*, а орфография «добавляет» написания с ё, *е*: *шёл, шел, печёнка, печенка*; с точки зрения графики /э/ после твердых согласных, кроме шипящих и ц, должна передаваться на письме буквой *э*: *мэр, Улан-Удэ*, но орфография в большинстве подобных случаев устанавливает написание *е*: *модель, тире*; по законам графики /и/ после согласных фонем, полностью отраженных соответствующими буквами, передается на письме буквой *и*: *цинк, вакцина*, как и *шило, ножи*, а орфография вводит правило написания с *ы*: *цыкать, отцы*.

Основное правило правописания безударных гласных: в безударных слогах пишутся те же гласные, что и под ударением в той же морфеме. Мы пишем *о* в слове *вода* (хотя произносим [вада́]) потому, что под ударением в этом корне слышится [о] и пишется *о*: *воды, водный*. Слово, произносящееся [л'иса́], мы запишем *лиса*, если проверим первый гласный родственным словом *лис*, и запишем *леса*, если это слово родственно слову *лес*. Так мы определяем, какой фонеме соответствует звук слабой позиции, и пишем букву, обозначающую эту фонему.

Такое же общее правило действует для глухих и звонких согласных. На конце слова и перед шумными согласными пишется та же

согласная, что и перед гласными и сонорными согласными в той же морфеме. Мы пишем *п* в словах *суп*, *супчик* и *б* в словах *зуб*, *зубки* (хотя везде произносим [п]) потому, что перед гласными и сонорными согласными в корне *суп-* произносится [п] и пишется *п* (*супа*, *супница*), а в корне *зуб-* произносится [б] и пишется *б* (*зубы*, *зубной*). Принцип проверки здесь тот же, что и для гласных: звук слабой позиции проверяется сильной позицией. Установив фонему, к которой принадлежит данный звук, ее обозначают соответствующей буквой. Одна и та же буква обозначает фонему в сигнификативно сильных и слабых позициях — это основной, фонематический принцип русской орфографии. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда слабая позиция фонемы может быть однозначно проверена сильной позицией в той же морфеме.

Этот принцип орфографии определяет и передачу на письме мягких согласных: буквой *ь* обозначается не мягкость звука, а мягкость фонемы, т.е. мягкость, не зависящая от позиции. Так, в слове *лезть* произносится [с'] перед [т'], но мягкость [с'] здесь несамостоятельна, позиционно обусловлена мягким [т']. В сильной по твердости/мягкости позиции — на конце слова — этой мягкости нет: *ле*[с] (*лез*). Здесь твердая фонема /з/, поэтому в слове *лезть* буква *ь* после *з* не пишется. В форме повелительного наклонения *лезьте* тоже произносится [с'т'], но здесь мягкая фонема /з'/, так как мягкость звука, ее реализующего, на конце слова сохраняется: *ле*[с'] (*лезь*). Мягкость фонемы обозначается буквой *ь*. В слове *усни* произносится [с'н'], но при замене [н'] на [н] происходит и замена [с'] на [с]: *у*[сн]у́. Поэтому мягкость [с'] здесь несамостоятельна, она и не обозначается на письме. В слове *льдина* произносится [л'д'], при замене [д'] на [д] мягкость [л'] сохраняется: [л'д]ы. Здесь выступает фонема /л'/, ее мягкость обозначается на письме буквой *ь*.

Фонематический принцип орфографии определяет написание всех морфем слова: приставок, корней, суффиксов, окончаний. Так, в слове *подстаканник* приставка произносится [пэц], но мы пишем *под-*, так как проверка показывает фонемы /под/: *п*[ó]дтол, *по*[д]вóдный. В суффиксе слов *берёзовый*, *осиновый* произносится [э], но мы пишем *о*, так как в том же суффиксе под ударением произносится [о]: *дубóвый*. В формах слова *от нуля* и *о нуле* конечный гласный — [и³], но в первом случае он относится к /и/ (ср. *от зем*[л'и]), а во втором — к /э/ (ср. *о зем*[л'э]). После мягких согласных фонема /и/ обозначается буквой *и*, фонема /э/ — буквой *е*.

Фонематический принцип орфографии обеспечивает единообразное написание одной и той же морфемы в формах одного и того же слова и в разных словах. Так, корень *-город-* пишется одинаково в составе разных слов и словоформ, хотя произносится по-

разному: [гóрэт], [гóрэд]а, [гэра^ад]á, [гэра^ат]кí, *пrí*[гэрэт], *пrí*-[гэрэд]ный, *ино*[га^арòд^а]ний, [гэра^ац]скóй. Написание -город- во всех этих случаях отражает фонемный состав корня -/город/. Одинаковое написание одних и тех же морфем позволяет легко узнавать слова с этими морфемами, а это способствует быстрому пониманию и чтению.

Фонематический принцип русской орфографии определяет написание большинства букв-орфограмм, поэтому это основной принцип передачи буквами фонемного состава слов.

Фонематический принцип орфографии как особый выделяется представителями Московской фонологической школы. С точки зрения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы в корне слов *вода*, *водный* разные гласные фонемы — /а/, /о/; в формах слова *зуб*, *зуба* разные согласные фонемы — /п/, /б/. Поэтому написание одной и той же буквы в этих и подобных случаях представители П(Л)ФШ объясняют морфематическим (морфологическим) принципом орфографии.

Морфематический (или морфологический) принцип орфографии состоит в требовании единообразного написания одних и тех же морфем. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда одна и та же морфема в разных словах или формах одного слова имеет разный фонемный состав.

Область применения этого принципа по-разному оценивается представителями Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологических школ. С точки зрения П(Л)ФШ морфематический принцип русской орфографии проявляется в том, что для сохранения графического единообразия одних и тех же морфем фонетические чередования на письме не передаются: одной и той же буквой обозначается по сильной позиции весь ряд позиционно чередующихся звуков. Так, мы произносим *бé*[г]а^ать, *бе*[к], но пишем *бега^ать*, *бег*; произносим *н*[ó]си^ат, *н*[а]си^ать, *вын*[э]си^ать, но пишем *носи^ат*, *носить*, *выноси^ать*. Одни и те же корни передаются на письме одинаково. Представители П(Л)ФШ считают морфематический принцип основным принципом русской орфографии.

С точки зрения МФШ фонетические чередования — это, как правило, чередования звуков, относящихся к одной фонеме. То, что одной и той же буквой обозначается весь ряд позиционно чередующихся звуков, есть проявление фонематического принципа орфографии. На морфематическом принципе построена орфография лишь в редких случаях, когда написание противоречит фонематическому принципу.

Так, после шипящих под ударением в соответствии с фонемой /о/ может писаться *ё* (е), а не *о* в связи со стремлением к единообразной передаче морфемы, которая в других словах и формах пишется с *е*: *жёны* — *женин*, *жена*; *дёше^авый* — *дёшевле*, *дёшеветь*; *шёпот* — *шепчет*, *шептать*; *чёрточка* — *чертит*; *щёлка* — *щель*.

Чередующиеся ударные [о] и [э] отражают чередование фонем /о/ и /э/. Фонема /э/ представлена здесь и звуком [ы⁹] в первом предударном слоге после твердых [ж], [ш]. Чередование это историческое. Стремление одинаково передавать в таких случаях разные фонемы противоречит фонематическому принципу орфографии, по которому разные фонемы и передаваться на письме должны по-разному.

В возвратном постфиксе -ся может выступать не только фонема /с'/, как это следует из написания (*умой/с'а/*), но и /ц/ (*боит/ца/*) и /с/ при произношении твердого [с] (*открыл/са/*). Исторические чередования и здесь на письме не передаются: *умойся, боится, открылся*.

Морфематическому принципу орфографии отвечают также написания типа *дезинформация, контригра, пединститут, сверхидеальный* — с и после согласной, соответствующей твердой фонеме. Здесь сохраняется облик корня (вопреки правилу графики писать *ы* после таких согласных: *безыдейный, предыстория*).

Морфематический и фонематический принципы орфографии близки тем, что они позволяют одни и те же морфемы передавать на письме единообразно. Однотипны у них и способы обоснования передачи на письме одних слов или словоформ написанием других слов или словоформ с теми же морфемами. Однако фонематический принцип орфографии проявляет фонемный состав морфемы, а морфематический принцип затемняет его, одинаково передавая на письме разные фонемы.

В некоторых случаях проверка слабой позиции невозможна, так как в данной морфеме фонема не встречается в сильной позиции: *собака, топор, сапог, сарай, разборчивый, молодые, вокзал, футбол, стол, здоровье, сидишь, сидит*. В этом случае выступает гиперфонема: *с/о|а/бака, с/о|а/пог, фу|т|д/бол* и т. п. Фонематический принцип орфографии здесь ограничивает выбор букв, но не дает однозначного решения, так как выбор буквы не мотивирован современными языковыми закономерностями. С точки зрения звуковых соответствий безразлично, *о* или *а* писать в предударном слоге в словах *соба́ка, сапо́г*, так как в обоих словах выступает одна и та же гиперфонема. Традиция, действующее правило указывает на *о* в слове *собака* и на *а* в слове *сапог*. Написание в подобных случаях опирается на два принципа: фонематический и традиционный.

Традиционный принцип русской орфографии заключается в том, что употребляется написание, закрепленное традицией. Традиционные написания надо запоминать. (В школьной практике слова с гиперфонемой в корне называют словарными словами.)

Традиционный принцип орфографии выступает не только в тех случаях, когда фонема не может быть поставлена в сильную позицию, но и тогда, когда существует чередование фонем в сильной

позиции одной и той же морфемы. Например, *уси́дчивый, си́дя* — *сесть, домосе́д* — в безударном положении здесь гиперфонема: *с/И/*/дѣть. Выбор *и* или *е* в словах *сидѣть, посидѣлки* и *седѣк* определяется традицией. Гласные в корне *клон-/клан-* могут быть ударными: *клѡнится, клѧняться*. Выбор буквы *о* для безударных случаев основан на традиции: *склонѣть, наклонѣние*.

Традиционные написания могут соответствовать этимологии слова. Так, в словах *собака, товар, сапог* сохраняется древнейшее, этимологически верное написание. В словах *завтрак, калач* выделенные буквы также пишутся в соответствии с традиционным принципом. Но современное написание этих слов не соответствует древнему, когда, согласно этимологии, писали *заутрок, колач* (ср.: *утро, колесо*). В заимствованных словах *мохѣр, колѣѣтки* написание предударного *о* одинаково традиционное, но *о* в слове *мохер* этимологически правильно (< англ. mochair), а *о* в слове *колѣѣтки* этимологически неверно (< чешск. kalhotky).

В большинстве случаев традиционный принцип орфографии дополняет фонематический. Но иногда традиционный принцип применяется в противоречии с фонематическим. В сильной позиции это, например, написание *ч* в словах *конечно, скучно* и др. (в звуке [ш] реализована фонема /ш/); написание *г* в окончании *-ого/-его*: *красного, синего* (где произносится звук [в], реализующий фонему /в/); написание *е* вместо *ѣ* под ударением: *береза, еж*; отсутствие *ь* на конце предлога *близ*, который всегда произносится с конечным мягким согласным: *бли[з'] города*. В слабой позиции это, например:

1) правописание корней *-гор-/гар-, -плов-/плав-*, в которых под ударением пишется только *а*: *зага́р, пла́вать*, а без ударения — и *о*, и *а*: *заго́рѣть, вѣга́рки, плове́ц, плавни́к*;

2) правописание корней *-лож-/лаг-, -рос(т)-/рас(т)-*, в которых под ударением пишется *о*: *поло́жит, рост, ро́слый*, а без ударения — и *о*, и *а*: *положи́ть, полага́ть, росла́, расти́*;

3) в названиях лиц женского пола правописание суффикса *-анк(а)/-янк(а)* с *а, я* под ударением: *греча́нка, инди́анка, служѧ́нка, вакха́нка, кита́йнка, бегля́нка* и *е* без ударения: *францу́женка, черке́шенка, мона́шенка, ни́щенка*.

Фонема /о/ после *ц* передается буквой *о* под ударением и без ударения по фонематическому принципу орфографии лишь как исключение: *цо́кот, цокота́ть, цокоту́ха*. Обычно же после *ц* под ударением пишется *о*, а без ударения — *е* по традиционному принципу: *лицѣ́ — се́рдце, лицѣ́м — се́рдцем*. После *ж, ч, ш, щ* в некоторых суффиксах и окончаниях под ударением пишется *о*, а без ударения — *е*: *ежѣ́вый — бе́жевый, бычо́к — телѣ́ночек, руба-шо́нка — ба́шенка, свечѣ́й — ту́чей, плащо́м — това́рищем*.

В приставках *бе/з/-, во/з/-, в/з/-, и/з/-, ни/з/-, ра/з/-/ро/з/-, чере/з/-/чере/з/-* в соответствии с фонемой /з/ в слабой позиции

перед шумным согласным произносятся разные звуки: [з] (*безбрежный*), [ж] (*безжизненный*), [с] (*безвкусный, бесполезный*), [ш'] (*бесчеловечный*), нуль звука (*бессчётный* и т. п.), пишется же, по условному правилу, з перед буквами, обозначающими звонкие согласные (*безбрежный*), и с перед буквами, обозначающими глухие согласные (*бесполезный*).

В противоречии с фонематическим принципом орфографии находится также фонетический принцип, который заключается в том, что буква обозначает не фонему, а звук, выступающий в перцептивно слабой позиции. Фонетический принцип орфографии обычно проявляется при передаче на письме фонетических чередований в одной и той же морфеме (по фонематическому принципу фонетические чередования на письме не передаются).

Так, в приставке *раз-/рас-/роз-/рос-* фонема /о/. Но под ударением, когда произносится [о], пишется о: *рѳзвальни, рѳзыск, рѳсыть*, а без ударения, когда произносится [а], пишется а: *развѳл, разѳыскивать, рассѳпать*. Здесь фонетический принцип осложнен традиционным; ср.: *развалѳть, рассыпѳть*, где произносится [э].

У существительных 1-го склонения в формах дательного и предложного падежей единственного числа и у существительных 2-го склонения в форме предложного падежа единственного числа выступает окончание *-/э/*: *к землѳ, о конѳ, на остриѳ* — и в соответствии с фонематическим принципом орфографии без ударения пишется *-е*: *на вѳле, о дѳме, о сѳстье*. Но в соответствии с фонетическим принципом в этом окончании без ударения после и пишется *и*, так как произносится [и]: *к ѳрмии, о пролетѳрии, о здѳнии*.

В форме родительного падежа множественного числа существительных 1-го склонения, а также существительных среднего рода 2-го склонения может быть нулевое окончание; в основе при этом появляется «беглая» гласная */э/*: *семья /с'эм'ј-а/ — семей /с'эм'ј-ѳ/, статья — статей, свинья — свиней*. В соответствии с фонематическим принципом орфографии при безударности этой «беглой» гласной надо писать *е*, как это и бывает в отдельных случаях: *сѳдѳей, рѳжей*. Но обычно перед *й* в этом случае в соответствии со звуком [и] по фонетическому принципу пишется *и*: *олѳдий, шалѳний, ожерѳлий, увѳчий*.

Замена звонкого согласного глухим перед глухим согласным в соответствии с фонематическим принципом орфографии на письме не передается; ср.: *абсорбировать, абсорбент — абсорбция*. Но в некоторых заимствованных словах такая замена передается согласно фонетическому принципу: *абстрагировать — абстракция, реагировать — реакция, экстрагировать — экстракт, транскрибировать — транскрипция*.

По фонетическому принципу пишется *ы* после *ц*: *цыган, огурцы, курицын, бледнолицый*.

Дифференцирующие написания разграничивают на письме словоформы, совпадающие по фонемному составу: *ожог — ожёг, туш — тушь, плач — плачь, рож — рожь, копчик — кобчик, компания — кампания, орёл — Орёл* и т.п. Дифференцирующие написания обычно возникают в результате применения разных принципов графики и орфографии к словам с одним и тем же фонемным составом (*о* в корне слова *ожог* соответствует фонематическому принципу графики, *ё* в корне слова *ожёг* — морфематическому принципу орфографии; *ь* в слове *тушь* пишется по традиционному принципу орфографии, отсутствие этого знака в слове *туш* отвечает фонематическому принципу графики). В соответствии с традиционным принципом орфографии одна и та же гиперфонема может по-разному передаваться на письме: *компáния* и *кампáния*.

Слитные, раздельные и дефисные написания

Общее правило слитного или раздельного написания простое: части слова пишутся *слитно*, отдельные слова в словосочетании — *раздельно*. Но во многих случаях трудно решить, отдельные ли перед нами слова или части слова: *наизнанку* или *на изнанку*, *неприятель* или *не приятель*, *сильнодействующий* или *сильно действующий*, *никакой* или *ни какой*.

Для переходных или неясных случаев введены *дефисные* (полуслитные) написания. Например, морфемы *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-* образуют неопределённые местоимения и наречия: *кто-то*, *какой-либо*, *где-нибудь*, *кое-когда*. Этим они близки к аффиксам, пишущимся слитно с корнем. Но эти морфемы иногда «ведут себя» как отдельное слово. Например, постфиксы не изменяются при склонении местоимения: *кого-то*, *кому-то*; приставки могут быть отделены от местоимения предлогом: *кое с кем*, *кое у кого*.

Дефис является одновременно знаком и соединительным и разделительным. В противоположность пробелу дефис — соединительный знак (ср.: *отчётливо белый — красно-белый*). В противоположность контакту дефис — разъединительный знак (ср.: *красно-белый — краснокожий*).

Многие написания этого раздела орфографии противоречивы. Так, наречия пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис; ср.: *доверху — до отказа, вповалку — в обнимку, исподлобья — изпод мышек, насмерть — до смерти, назло — со зла, врукопашную — в открытую — по-доброму*. Существительные и прилагательные одного и того же типа пишутся по-разному; ср.: *обертон — обертондуктор, блокнот — блок-пункт, народнохозяйственный* (от *народное хозяйство*) — *народно-демократический* (от *народная де-*

мократия). Здесь правила не всегда согласованы друг с другом. Вследствие этого может оказаться, что по одному правилу слово надо писать, например, слитно, а по другому — раздельно или через дефис. Так, слова *индоевропейский*, *грудобрюшный* как термины пишутся слитно. Но по общему правилу написания сложных прилагательных, образованных из двух и более основ, обозначающих равноправные понятия, эти слова надо было бы писать через дефис (ср.: *мясо-молочный*, *садово-огородный*). Слово *ярко-синий* как обозначение оттенка цвета пишется через дефис, но в его основе лежит словосочетание с подчинительной связью *яркая синева*, а подобные слова пишутся слитно (ср.: *железнодорожный* от *железная дорога*). Наречие *в упор* пишется раздельно, так как образовано от сочетания предлога на согласную с существительным, начинающимся с гласной. Но по другому правилу это наречие надо было бы писать слитно, так как к существительному не может быть поставлен падежный вопрос (ср.: *в пору*, *в прок*).

Неупорядоченность правил данного раздела орфографии отчасти объясняется сложностью и нерешенностью проблемы разграничения слова и словосочетания. Неразработанность теории проявляется в нечеткости практических решений. Действующие правила строятся также на разграничении термина и нетермина: термины часто пишутся слитно, а нетермины — раздельно или через дефис. Но определить, является ли слово термином, нередко трудно.

Проблема слитного, раздельного или дефисного написания слов особенно остро встала в последние десятилетия. Объясняется это возникновением десятков тысяч новых слов. Значительная часть этих слов — научно-технические термины, сложные слова.

Основные принципы, на которых строятся правила слитного, раздельного или дефисного написания слов, определяют как лексико-синтаксический и словообразовательно-грамматический.

Лексико-синтаксический принцип связан с разграничением слова и словосочетания: части слова пишутся слитно, отдельные слова в словосочетании — раздельно. На основании этого принципа разграничиваются такие написания, как *палата легкораненых* — *легко раненный в руку*; *вечнозелёный кустарник* — *вечно зелёная на альпийских лугах трава*; *смотреть вдаль* — *всматриваться в даль*; *действовать наудачу* — *надеяться на удачу*; *нигде никогда не был* — *я не знал, ни где он был, ни когда он вернулся*; *непросохшая одежда* — *не просохшая за ночь одежда*. Орфографические трудности связаны здесь с тем, что пишущему приходится решать, является ли данный отрезок речи отдельным словом или словосочетанием, что часто бывает сделать затруднительно из-за нечеткости границ между этими лингвистическими единицами.

Словообразовательно-грамматический принцип устанавливает слитное или дефисное написание сложных прилагательных и существительных по формальному признаку — наличию либо отсутствию суффикса в первой части сложного прилагательного и соединительной гласной *-о-* или *-е-* в сложном существительном. По-разному пишутся прилагательные *плодоягодный* и *плодово-ягодный*, *картофелеовощной* и *картофельно-овощной*, *газонефтяной* и *газово-нефтяной*, *водорастворимый* и *водно-растворимый*. Если в первой части сложного прилагательного есть суффикс, слово пишется через дефис, если нет суффикса — слитно. Существительные с соединительной гласной *-о-* или *-е-* пишутся слитно: *железобетон*, *лесопарк*, *земледелец*, *птицелов*. Существительные без соединительной гласной пишутся через дефис: *дизель-мотор*, *диван-кровать*, *сестра-хозяйка*, *кафе-столовая*.

Некоторые написания объясняются традиционным принципом, по которому раздельно пишутся части современного единого слова, восходящего к сочетанию слов. Так, отдельно пишется приставка у наречий, образованных от сочетаний бывшего предлога с бывшим существительным или прилагательным: *под мышкой*, *без оглядки*, *без просыпу*, *без умолку*, *в обтяжку*, *в обхват*, *на убой*, *с натуги*, *в открытую*, *на боковую*, *на попятную* и др. В результате действия этого принципа возникает разноречие в правописании наречий. Запомнить сотни наречий практически невозможно, поэтому приходится обращаться к словарям и справочникам.

Этим же принципом обусловлено раздельное написание частей предлогов: *в продолжение*, *в течение*, *в силу*, *в целях*, *по мере*, *по причине* и др.

Употребление прописных и строчных букв

Прописные буквы употребляются в двух совершенно различных функциях: 1) для опирающегося на синтаксический принцип выделения начала определенных отрезков текста — предложений, стихотворных строк; 2) для выделения отдельных слов в тексте, опирающегося на три основных принципа — морфологический, семантический и словообразовательный.

Морфологический принцип заключается в том, что имена собственные пишутся с прописной буквы, имена нарицательные — со строчной. Переход имени нарицательного в собственное и имени собственного в нарицательное отражается в орфографии, ср.: *ленский* — *Ленский* (фамилия), *тётка* — *Тётка* (кличка собаки), *городок* — *Городок* (название города), *великая* — *Великая* (название реки), *Катюша* — *катюша* (название миномета), *Болонья* — *болонья* (ткань, первоначально изготавливавшаяся в Болонье), *Анютины глазки* — *анютины глазки* (цветы).

Непоследовательность в проявлении этого принципа наблюдается при написании топонимов. Так, в названии города *Красное Село* второе слово — часть названия, но не родовое обозначение (ср. *село Красное*), поэтому оно пишется с прописной буквы; также: *Белая Церковь* (город), *Елисейские Поля* (улица), *Золотой Рог* (бухта). Но в городских топонимах вторая часть сложного названия может писаться со строчной буквы, хотя в данном названии слово полностью утратило свое первичное значение; ср. недавние написания названий московских улиц, площадей и т.п.: *Каретный ряд*, *Кашёнкин луг*, *Крестьянская застава*, *Кузнецкий мост*, *Марьи-на роща*, *Никитские ворота*, *Перово поле*, *Сущёвский вал* и др. По новым правилам второе слово в этих названиях должно писаться с прописной буквы: *Каретный Ряд*, *Кашёнкин Луг* и т.д.

Семантический принцип заключается в том, что с прописной буквы могут писаться имена нарицательные, если они наделены особой патетикой или символикой: *Родина*, *Отчизна*, *Человек*. Этому же принципу подчинено написание названий многих праздников, знаменательных дат: *День Победы*, *Новый год*, *День учителя*; названий российских высших государственных организаций, должностей и званий: *Государственная Дума*, *Совет Федерации*, *Президент Российской Федерации*. С прописной буквы пишется *Вы* при обращении к одному лицу.

Этим же принципом обусловлено написание форм множественного числа имен собственных, перешедших в нарицательные и употребляющихся как обозначения лиц, обладающих определенными качествами. Если этим качествам придается положительное значение, то слова пишутся с прописной буквы: ...*Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (М. В. Ломоносов); если отрицательное — то со строчной: *азефы*, *геростраты*, *гитлеры*.

Словообразовательный принцип заключается в том, что аббревиатуры, составленные из первых букв слов, входящих в сложное название, передаются прописными буквами. Таковы аббревиатуры, обозначающие собственные названия: *РФ*, *ООН*, *МХТ*, *МПГУ*; читаемые по названиям букв: *АТС*, *КВН*, *НЛО*; читаемые как обычное слово: *ЛЭП*, *НИИ*, *ЦУМ*. Аббревиатуры последнего типа могут писаться по-разному: *ГЭС* — *гэс*, *ЗАГС* — *загс*, *ТЮЗ* — *тюз*; некоторые слова этого типа всегда пишутся строчными буквами: *вуз*, *втуз*, *дот*, *нэп* и др.

Перенос части слова на другую строку

Если слово не умещается в строке, часть слова переносится на следующую строку. Основной принцип правил переноса слова — фонетический, когда слово членится в соответствии со слоого-

делением: *во-рота*, *воро-та*. На этом принципе основаны правила, запрещающие оставлять в конце строки или переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога (например, нельзя переносить «*ст-рах*», «*мо-ст*»). Нельзя также отделять согласную от следующей за ней гласной; следует переносить: *дяденька* или *дядень-ка*, *лю-бовь*, *па-стух* или *пас-тух* (а не «*дяд-енька*», «*люб-овь*», «*паст-ух*»).

При этом, с одной стороны, возможности слогоделения понимаются широко; при стечении нескольких согласных между гласными допускается вариативность переноса, т.е. слогоделения: *дерзкий*, *дер-зкий*, *дерз-кий*. С другой стороны, не учитывается возможность согласных образовывать слог и запрещаются переносы типа «*просмо-тр*».

Второй принцип правил переноса — морфематический; при переносе членение должно проходить между двумя приставками: *без-возвратно*, между приставкой и корнем: *под-бить*, *при-слать*, *со-жжённый* и между значимыми частями сложных слов: *пяти-граммовый*, *спец-одежда* (не «*бе-звозвратно*», «*по-дбить*», «*прис-лать*», «*сож-жженный*», «*пятиг-раммовый*», «*спе-цодежда*»).

Есть и другие ограничения переноса. Например, русские слова не могут начинаться буквами *ы*, *ь*, *ъ*, *й*, поэтому переносить часть слова, начинающуюся с этих букв, не разрешается: *ра-зыс-кать*, *боль-шой*, *подъ-езд*, *май-ор* (не «*раз-ыскать*», «*бол-ьшой*», «*под-ъезд*», «*ма-йор*»). Нельзя оставлять в конце строки одну букву, перенося остальную часть слова на другую строку, так как эта буква может совпасть с целым словом (*а*, *и*, *о*, *у*, *я*) и такой перенос приведет к искажению в понимании текста.

Графические сокращения

Сокращения слов бывают двух типов. Первый тип — сокращения неграфические, это единицы и письменной и устной речи. К ним относятся сложносокращенные слова, аббревиатуры: *филфак*, *зарплата*; *РФ*, *СНГ*, *вуз*. Второй тип — графические сокращения, свойственные лишь письменной речи: с. — *страница*, з-д — *завод*, к/т — *кинотеатр*. Графические сокращения используются для экономии места и времени при письме.

Принципы сокращения слов следующие:

1) не может быть опущена начальная часть слова; например, слово *фабрика* нельзя сокращать так: «*брика*», «*рика*»;

2) опускаются минимум две буквы. Недопустимо сокращение «*фабрик.*», «*фабр-ка*». Исключение ю. — *юг* объясняется аналогией: с. — *север*, в. — *восток*, з. — *запад*;

3) часть слова, предшествующая опускаемой, не может состоять из сочетания букв с последней гласной, а также *й*, *ь*, *ъ*. Пра-

вильно: к., кар., карельск. (*карельский*), ф-ка (*фабрика*); неправильно: «ка.», «каре.», «карель.», «фа-ка»;

4) обычно опускается одна линейно последовательная часть букв. Нельзя сокращать «фбрка», так как при этом опускаются не следующие непосредственно друг за другом буквы *а*, *и*. Из этого принципа есть исключения типа млн. — *миллион*, млрд. — *миллиард*, стлб. — *столбец*, пн. — *понедельник* и ряд других.

В зависимости от приемов образования выделяются шесть типов графических сокращений:

1) точечные сокращения образуются путем опущения правой части слова (реже — середины) и постановки точки после оставшейся части: г. — *год*, с. — *страница*, напр. — *например*, сб. — *суббота*. Удвоение первой согласной буквы при опущении остальной части слова обозначает множественное число: вв. — *века*, пп. — *пункты*;

2) дефисные сокращения — такие, у которых вместо опущенной средней части слова ставится дефис: р-н — *район*, з-д — *завод*, ин-т — *институт*;

3) косослинные сокращения употребляются при сокращении словосочетаний или сложных слов. Вместо опущенной первой части ставится косая линия: п/о — *почтовое отделение*, б/у — *бывший в употреблении*, х/б — *хлопчатобумажный*;

4) курсивные сокращения выделяются особым шрифтом — курсивом: г — *грамм*, л — *литр*, дм — *дециметр*;

5) нулевые сокращения графически не выделены, они графически не отличаются от несокращенных слов: с — *секунда*, м — *метр*, кг — *килограмм*;

6) комбинированные сокращения — результат применения нескольких приемов сокращения: ж.-д. — *железнодорожный*, об/мин. — *оборотов в минуту*, ц/га — *центнер на гектар*.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Теория русской орфографии начала создаваться с середины XVIII в., ее основоположники — В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов. Но реальное воздействие на орфографическую практику оказали во второй половине XIX в. труды Я.К. Грота. Руководством для школы и для печати стала его книга «Русское правописание», вышедшая в 1885 г. и выдержавшая более 20 изданий. Я.К. Грот не реформировал правописание. Он лишь упорядочил его там, где не было единообразия.

Состояние орфографии требовало более радикальных изменений. В 1904 г. при Академии наук была образована орфографическая подкомиссия, куда вошли виднейшие лингвисты, она подготовила проект реформы. В несколько измененном виде этот про-

ект был утвержден в мае 1917 г. Декретами от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. новая орфография была введена в школьное обучение и стала обязательной для печати. Реформа исключила буквы *ѣ, ѳ, і*, букву *ѡ* в конце слов и частей сложных слов (писали *хлѣбѣ, столѣ, контрѣ-адмиралѣ*), заменила окончания *-аго, -яго* (*добраго, синяго*) на *-ого, -его*, установила формы на *-ые, -ие* вместо форм женского и среднего рода на *-ыя, -ия* (писали *старые дубы, но старыя липы, старыя, деревья*) и др.

Решив многие важные для правописания вопросы, реформа не касалась частных вопросов, не устранила многих колеблющихся написаний. С начала 30-х гг. развернулась работа по упорядочению правописания. Результатом этого явились «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. — первый в русской истории официально утвержденный и обязательный для всех свод правил. Этот свод не был реформой правописания. Но упорядочение и унификация коснулись всех разделов правописания.

Вопрос о новом усовершенствовании орфографии был поднят в 1962 г. При Институте русского языка АН СССР была образована Орфографическая комиссия, опубликовавшая в 1964 г. «Предложения по усовершенствованию русской орфографии». Комиссия исходила из того, что наше правописание не нуждается в коренном пересмотре, но имеет известные недостатки, которые осложняют изучение русского языка. В числе предложений комиссии были следующие: 1. Отменить букву *ѣ* и оставить один разделительный знак *ь*: *подъезд, объем, волеизъявление, адъютант, конъюнктура*. 2. После *ц* писать *и*, а не *ы*: *цыган, циркуль, огурци, бледнолицы, сестрицы*. 3. После *ж, ч, ш, щ* писать под ударением *о*, без ударения — *е*: *жёлтый, жёлудь, чёрный, шов, щёлки; медвежонок, ручёнка, смешон, окружённый, свежо, горячо; плечом, пращой, жжёт, течёт; но желтеть, желудей, чернеть, щекá, вьжженный, ярче, стóрожем, рóщей, плáчет*. 4. После *ж, ч, ш, щ* писать *ь* только в качестве разделительного знака: *рож, доч, мыш; стрич, выпеч; читаеш; отреж, спряч, спрячся; навзнич, сплoш; лиш; но рожью, ночью*. 5. В корнях *-рост-, -лог-, -мок-, -плав-, -гар-* писать безударные гласные в соответствии с ударной: *ростíй, ростéние, вóзрост (рост); предлoгáть, предпoлoгáть (предлoг, полóжит), мокáть (мок); плавéц, плавчíха (плáвать); загарéть, загарéлый (загáр)*. 6. В корнях *-зор-/зар-, -скок-/ска-* без ударения писать *о*: *зоря́, зорни́ца; скока́ть*. 7. Отменить двойные согласные в иноязычных словах, не поддержанные произношением: *асимиляция, дифференциация, тенис*. 8. Наречия писать слитно: *безоглядки, воткрытую, дозарезу, набегу, порусски*. Предусматривалось также упрощение написаний ряда суффиксов и окончаний, правил переноса, употребления прописных букв.

Эти предложения были глубоко продуманными и логичными. Многие из них привели бы к отмене написаний, противореча-

щих основному, фонематическому принципу орфографии, к упрощению написаний, основанных на традиционном принципе, к более четкому разграничению графики и орфографии.

Предложения были поддержаны большинством учителей русского языка, понимавших, что осуществление предложенных изменений в орфографии сделало бы ее гораздо более простой и доступной для учащихся. Однако большинство неспециалистов высказывались против реформы орфографии, и она была отвергнута.

Такая реакция понятна: упрощение орфографии необходимо для детей, которые только учатся письму, в том числе и для всех будущих поколений, и для учителей, которые могли бы использовать время, освободившееся от изучения ненужных орфографических правил, на изучение самого языка, его выразительных средств, его стилистики. Для взрослых же людей изменение орфографии не нужно: они уже умеют писать и не хотят переучиваться.

С 1990 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН орфографическая группа начала работу по созданию нового «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация», проект которого был опубликован в 2000 г. Его авторы отказались почти от всех предложений Орфографической комиссии 1964 г., так как видели свою задачу не в «реформировании письма», а в дополнении и расширении «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. на основе «современной практики письма». Таким образом, «подготовленный проект — только новая редакция правил правописания», изложенных в 1956 г., с весьма небольшим числом изменений. Однако и этот проект вызвал возражения в печати и не был утвержден правительством.

Орфографический анализ слова

Орфографический анализ слова может строиться на анализе орфограмм, относящихся ко всем разделам орфографии. Ниже приведен анализ, связанный с передачей буквами фонемного состава слов.

1) Привести графическую запись слова; 2) подчеркнуть и пронумеровать все орфограммы; 3) привести фонетическую транскрипцию слова; 4) привести фонематическую транскрипцию слова; 5) определить принцип орфографии у каждой орфограммы, приведя доказательства.

Образец:

1 2 3 4 5 6 7 8

р а ж ж ё в а н н о з о

[ра'жжѐвэннэз]

/розжованново/

О р ф о г р а м м ы:

1) *а* противоречит фонематическому принципу, так как в этой приставке фонема /о/ (ср. под ударением: *р[ó]зык, р[ó]зданный, р[ó]спись*), и соответствует фонетическому принципу: здесь произносится звук типа [а] — представитель /о/ в перцептивно слабой позиции;

2) *з* не противоречит фонематическому принципу (ср. *ра[з]мочь, ра[з]украсить*, где /з/ в сигнификативно сильной позиции), но пишется не по этому принципу, а по традиционному, так как подчиняется особому правилу, связывающему написание этой буквы в приставке со следующей буквой;

3) *е* противоречит фонематическому принципу, так как фонема здесь /о/, и соответствует морфематическому (морфологическому) принципу, так как подчиняется правилу написания *о* или *ё(е)* после шипящих, требующему написания *ё(е)* в тех случаях, когда в той же морфеме может писаться *е* под ударением или без ударения; ср. *жевать*;

4) *а* пишется по фонематическому принципу; ср. *разжев[á]ть*, где [á], представляющий /а/ в той же морфеме;

5) суффикс страдательных причастий прошедшего времени *-нн-* состоит из двух фонем /нн/, которые реализуются долгим [н̃] после ударного гласного (*данный — да́[н̃]ый*) и кратким [н] в других позициях. Чередование [н̃] || [н] позиционно обусловлено, поэтому краткий [н] в этом суффиксе соответствует двум фонемам /нн/. Следовательно, написание *нн* отвечает фонематическому принципу;

6) *о* пишется по фонематическому принципу; ср. *молод[ó]го*, где [ó], представляющий /о/ в той же морфеме на том же месте;

7) *з* противоречит фонематическому принципу: здесь произносится [в] в сигнификативно сильной позиции (перед гласным), представляющий фонему /в/. Орфограмма определяется традиционным принципом;

8) *о* пишется по фонематическому принципу; ср. *моег[ó]*, где [ó], представляющий /о/ в той же морфеме на том же месте.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К. Письма об орфографии. — М., 1969.

Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Сложные слова. — М., 1974.

Вопросы русской орфографии / отв. ред. В.В.Виноградов. — М., 1964.

Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. — Л., 1987.

Иванова В.Ф. Современная русская орфография. — М., 1991.

Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. — М., 1981.

Моисеев А.И. Звуки и буквы, буквы и цифры... — М., 1987.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). — М., 1965.

Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. — М., 1966.

О современной русской орфографии / отв. ред. В. В. Виноградов. — М., 1964.

Панов М. В. Занимательная орфография. — М., 1984.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! : рассказ о русской орфографии. — М., 1964.

Панов М. В. Теория письма. Графика. Орфография // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 3-е изд. — М., 1997.

Проблемы современного русского правописания / отв. ред. В. В. Виноградов. — М., 1964.

Шапиро А. Б. Русское правописание. — 2-е изд. — М., 1961.

Щерба Л. В. Теория русского письма. — Л., 1983.

С л о в а р и

Букчина Б. З. Слитно? Раздельно? Через дефис? : орфографический словарь русского языка. — М., 1998.

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно? : орфографический словарь-справочник. — М., 1998.

Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. — М., 2001.

Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная? : орфографический словарь русского языка. — М., 1999.

Орфографический словарь русского языка / отв. ред. В. В. Лопатин. — 29-е изд. — М., 1991 и следующие издания.

Орфографический словарь русского языка / отв. ред. В. В. Лопатин. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005.

Сазонова И. К. Одно или два н? : орфографический словарь русского языка. — М., 1998.

Человеческий язык — это язык слов, которые в своей совокупности образуют словарный состав языка, или лексику.

Лексика является центральной частью языка, именуемой, формирующей и передающей знания об объектах реальной действительности. Лексика современного русского языка состоит более чем из полумиллиона слов. По социальному употреблению, происхождению (этимологии) и функциональной направленности лексика членится на пласты, между которыми нет жестких границ. Все социальные — экономические и политические, общественные и индивидуальные, временные и территориальные, культурные и др. — преобразования в жизни общества реализуются лексикой языка.

Словарный состав — наиболее открытая и подвижная сфера языка: в него непрерывно входят и из него постепенно уходят слова. Лексических приобретений в языке значительно больше: нарастающая сфера человеческого знания прежде всего закрепляется в словах и их значениях. Образование, наука, новые технологии, сведения из других культур, идеологическое и культурное миропонимание, многообразие коммуникативных каналов и т.д. формируют новый тип современного общества конца XX в. — информационное общество, пришедшее на смену индустриальному, общество, в котором язык слов продолжает выполнять центральную роль в общении, приобретении и передаче знания. Формируется новый языковой стиль конца XX в., языковой стиль эпохи информационного развития, для которой становятся характерными следующие черты:

- ускоряющаяся открытость общества, что ведет к расширению общесоциального употребления специальной, профессиональной и терминологической лексики;

- специализированность знания, что обусловлено обширным проникновением интернациональной и заимствованной лексики, связанной с новой интеллектуальной, информационной, технологической, финансовой, маркетинговой и организационно-правовой инфраструктурой;

- новая волна демократизации книжного и разговорного языка за счет расширения сферы употребления разговорно-

просторечной, просторечной, регионально-диалектной, жаргонной и арготической лексики, что делает русскую речь ярче, образнее и сочнее при умелом и достойном использовании нелитературных слов;

— тенденция к расширению информативности лексики, что при определенной ограниченности ее состава приводит к насыщенности семантики слова, включению в него новых значений, расширению границ омонимии, формированию новых группировок слов и т. д.

Лексикология (греч. *léxis* — ‘слово’, ‘оборот речи’ и *lógos* — ‘учение’) — раздел языкознания, изучающий словарный состав языка, или лексику. В лексикологии рассматриваются: 1) слово и его значение; 2) система взаимоотношений слов; 3) история формирования современной лексики; 4) социально-стилевое функционирование слов в различных сферах речи — книжной, разговорной, научной, публицистической.

Подразделом лексикологии является фразеология (греч. *phrásis* — ‘выражение’ и *lógos*), где изучаются лексически неделимые, устойчивые сочетания слов — фразеологизмы (*стреляный воробей* ‘опытный человек’, *бить баклуши* ‘бездельничать’, *с азов* ‘с самого начала’). Во фразеологии исследуются: 1) значения и типы устойчивых сочетаний слов; 2) особенности их структуры; 3) формоизменение; 4) социально-стилевое функционирование фразеологизмов в книжной, разговорной, научной, публицистической речи.

Слово является центральной номинативной (именующей) единицей языка. Второй номинативной комплементарной (дополнительной) единицей является фразеологизм — составная единица языка косвенного (опосредованного) и характеризующего именованного (*красная девица* ‘робкий молодой человек’, *лить пули* ‘обманывать’).

Слова и фразеологизмы имеют свои особенности в структуре, значении, в формоизменении и вариантности форм. Например, фразеологизм *черная кошка пробежала* (*проскочила*) равнозначен по своей структуре простому предложению; по своему значению ‘произошла ссора, размолвка между кем-либо’ он не соотносится ни с одним из значений составляющих его слов. Его значение выводится опосредованно, как итог сложившейся ситуации — отношений между людьми. Фразеологизм употребляется в языке в одной грамматической форме прошедшего времени и обладает лексической вариантностью — меной глаголов *пробежала/проскочила*.

В языкознании для названия значения единиц языка употребляется термин «семантика». Термин *семантика* (греч. *sēmantikos* — ‘обозначающий’) используется в науке в двух смыс-

лах: 1) как само значение единиц языка (слов, фразеологизмов, морфем, грамматических форм слов, словосочетаний, предложений и пр.) и 2) как название раздела языкознания, где изучаются значения языковых единиц.

Семантика слова и фразеологизма исследуется в лингвистике в двух противоположных направлениях — от формы единицы к ее значению и от значения единицы к ее форме. Соответственно выделяются два раздела семантики — семасиология и ономасиология.

Семасиология (греч. *semasia* — ‘значение’, ‘смысл’ и *logos* — ‘учение’) — раздел семантики, где исследуются значения слов/фразеологизмов, обладающих закрепленными за данными единицами формами. В семасиологии изучаются: 1) структурно-семантические подсистемы лексики и фразеологии; 2) структура и типы значений слов и фразеологизмов; 3) семантические объединения (парадигмы); 4) историческое формирование лексики и фразеологии; 5) функционирование слов и фразеологизмов в речи и др.

Ономасиология (греч. *ónoma* — ‘имя’ и *logos*) — раздел семантики, в котором изучаются именования значений лексических и фразеологических единиц. В ономасиологии рассматриваются:

1) поиски именования (номинации) для выражения определенного значения: ‘орган летания у птиц, насекомых’ → *крыло*; ‘правильное расположение чего-н.’ → *порядок*;

2) использование одного и того же имени многозначным словом, где первичная номинация служит для названия переносных значений: *лиса*: 1. ‘лисица’; 2. перен. ‘хитрый, лстивый человек’; 3. перен. ‘замаскированный в лесу радиопередатчик, периодически посылающий кратковременные сигналы’. *Охота на лис* (спортивная радиопеленгация);

3) формирование парадигматических объединений на основе доминантного (главенствующего) значения: ‘имя’ (человека) → *имя собственное, уменьшительное имя, имя и отчество, фамилия, кличка, прозвище* и др.;

4) образование семантического поля (множества единиц лексики, объединенных одним обобщающим значением): ‘собака’ → *овчарка, колли, боксер, доберман-пинчер, бульдог, сенбернар* (названия пород собак);

5) сочетательные (синтагматические) связи определенного значения: ‘жидкость’ → *свежая, чистая, питьевая, прозрачная, питательная* и т.д.

Оба аспекта семантики (семасиологический и ономасиологический) тесно связаны и взаимодополняют друг друга, так как они изучают значение, но подходят к нему с разных сторон. «Жесткое

противопоставление ономасиологии и семасиологии поэтому нецелесообразно, и в анализе ряда явлений правильнее совмещать ономасиологический подход с семантическим»¹. Например, при семасиологическом подходе в слове *текст* определяется его семантика — ‘письменная **речь** (литературное произведение, сочинение, документ, а также часть, отрывок из них)’ (СОШ); указывается, что слово однозначное, его значение состоит из целого ряда компонентов и др. С ономасиологической точки зрения устанавливается, как может быть названо значение ‘**речь**’: *говорение, сообщение, разновидность языка* (письменная, устная). При образовании многозначного слова происходит объединение ономасиологического и семасиологического подходов — экономятся номинативные средства языка: одно имя означает разные явления действительности на основе их общих семантических компонентов.

Синонимы *любовь, влюбленность, страсть, увлечение* с точки зрения ономасиологической — и м е н о в а н и е ‘силы чувства к противоположному полу’; с точки зрения семасиологической — определение того, что з н а ч и т каждое слово в синонимическом ряду: *любовь* ‘чувство сердечной склонности к лицу другого пола’; *влюбленность* ‘пылкое влечение к кому-л., менее продолжительное, чем любовь’; *страсть* ‘сильная любовь с преобладанием чувственного влечения’; *увлечение* ‘чувство, более поверхностное, чем любовь, легкое, преходящее’.

СЕМАСИОЛОГИЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДСИСТЕМЫ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Слова и фразеологизмы образуют совокупность номинативных единиц, которую принято относить к лексическому или лексико-фразеологическому уровню языка.

Лексико-фразеологический уровень языка обладает особым образом организованной с и с т е м о й. Как система он характеризуется определенной целостностью, в которой его компоненты: слово и фразеологизм — образуют организованное, упорядоченное множество единиц, соотнесенных и одновременно противопоставленных по своему значению и строению. Лексическо-фразеологическая система обладает структурой, которая включает три относительно самостоятельные организации единиц, объединенных специфическими для каждой организации отношениями: эпидигматику, парадигматику и синтагматику. Э п и д и г м а т и к а

¹ Кубрякова Е. С. Ономасиология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 346.

(греч. *epidósis* — ‘приращение, прирост’) — именование иерархической семантической производности современного многозначного слова, которая сложилась исторически и образует внутреннюю структуру его значения; **парадигматика** (греч. *parádeigma* — ‘пример, образец’) — структура сгруппированных и противопоставленных родственных/тождественных значений различных слов/фразеологизмов; **синтагматика** (греч. *syntágma* — ‘вместе построенное’, ‘соединенное’) — линейная структура сочетаемости слов и/или фразеологизмов на основе семантических и грамматических свойств в составе словосочетания/предложения. Каждая из указанных организаций является структурно-семантической подсистемой, поскольку в образовании каждой из них лежат свои структурные и семантические основания.

Эпидигматика

Единицей эпидигматики является эпидигма. Эпиди́гма — это совокупность иерархически производных значений, сложившихся исторически, в многозначном слове современного русского языка. При эпидигматическом анализе значения слова рассматриваются наборы интегральных (объединяющих) и дифференциальных (различительных) признаков, позволяющих установить деривационные внутрисловные зависимости значений, отграничивающие одно значение от другого.

Эпидигма слова *соль*

В современном русском языке в слове *соль* зарегистрировано пять значений. **Соль**. 1. ‘Белое кристаллическое вещество с острым вкусом, растворяющееся в воде’. *Природная с. Морская с. Добыча соли*. 2. ‘Такое вещество, употр. как приправа к пище’. *Столовая с. Поваренная с. ...* 3. *перен.* ‘То, что придает особый интерес, остроту чему-н.’. *В этом и состоит вся с. рассказа*. 4. *перен.* ‘О лучших представителях какого-н. общества, общественной группы’. *Эти моряки — с. нашего флота*. 5. ‘В химии: соединение, в к-ром водород кислоты замещен металлом’. *Почвенные соли (СОШ)*.

В слове *соль* 2-е значение связано с 1-м при помощи общего компонента значения — ‘вещество’, которое вбирает в себя основное, родовое содержание 1-го и 2-го значений (интегральный признак); дифференциальным для 2-го значения является — ‘употр. как приправа к пище’. 3-е значение также зависит от 1-го и имеет интегральные однокоренные компоненты *остр-ым* и *остр-оту* с общим содержанием ‘сильно проявляющийся’: *острый вкус соли — острый интерес к событию*. Другие компоненты 1-го и 3-го зна-

чений различительны, они создают специфику значений. 4-е значение опосредованно зависит от 3-го: 'о лучших представителях какого-н. общества' ← 'особый интерес к чему-н.'. Ср. 'особый' = 'не такой, как все, не обыкновенный, отличительного свойства (3-е значение)' и лучший 'самого хорошего свойства (4-е значение)'. Компонент 'свойство' объединяет 3-е и 4-е значения. 5-е значение зависит от 1-го опосредованно через компонент 'соединение' = 'химическое индивидуальное вещество' (5-е значение) и 'кристаллическое вещество' (1-е значение).

Парадигматика

Единицей парадигматики является парадигма. Парадигма — это совокупность слов и/или фразеологизмов, которые сгруппированы на основе интегрального (объединяющего) компонента значения и разграничены на основе дифференциальных (отличительных) компонентов значения.

Многозначное слово *соль* в каждом из своих значений может вступать в парадигматические отношения с другими словами.

Парадигмы слова *соль*

Парадигматические параметры слова *соль* показывают, что в 1-м значении оно входит в лексико-семантическую группу слов с интегральным значением 'кристаллическое вещество, растворяющееся в воде': *соль*, *сода* 'белое щелочное кристаллическое вещество, растворимое в воде', *марганец* 'марганцовокислый калий, темно-фиолетовое кристаллическое вещество, растворимое в воде' и т.д.

Во 2-м значении слово *соль* входит в парадигму с общим значением 'приправа': *соль* 'приправа к пище', *томат* 'пюре из помидоров как приправа к пище', *лук* 'вещество из луковичы с острым вкусом как приправа к пище' и т.д.

В 3-м значении *соль* входит в парадигму с интегральным значением 'сильно действующий на что-л.': *соль* 'то, что придает особый интерес, остроту чему-н.'; *острота* 'остроумное выражение', *занимательность* 'привлечение внимания неожиданностью чего-н.'.

В 4-м значении слово *соль* образует парадигму со значением 'лучшие представители какого-н. общества': *соль*, *элита* 'лучшие представители какой-н. части общества (книжн., публиц.)', *соль соли земли* 'самое главное, ценное, лучшее. О людях'.

5-е значение организует отраслевую «химическую» парадигму — 'соединение, в к-ром водород кислоты замещен металлом': *соль*, *селитра* 'соль калия нитрата', *глауберова соль* 'кристаллогидрат натрия сульфата'.

Парадигматический параметр определяет место слова в той или иной лексико-семантической группировке, его участие в ней на основе общности интегральных и противопоставленности дифференциальных признаков по отношению к другим словам этой группировки. Парадигматика охватывает исследование типов парадигм, их свойств и структурных особенностей¹.

Синтагматика

Единицей синтагматики является синтагма. Синта́гма — совокупность двух/нескольких слов и/или фразеологизмов, которые объединяются друг с другом на основе семантико-грамматических правил сочетаемости. Так, значение слова/фразеологизма проявляется в его семантико-грамматической связи с другими словами. Например: *зеленый дуб, костюм, абажур* и пр., но **зеленый мозг, воздух, человек*² (в последнем случае имеются в виду переносные значения слов). Или: фразеологизм *ни зги* сочетается со словами *не видно, не видать, не видеть*; *закрывать глаза* на что — ‘намеренно не обращать никакого внимания на что-либо’, а *закрывать глаза* кому на что — ‘скрывать от кого-либо что-либо’. Ср.: *Сознательно закрывать глаза на ошибки сына* (В. Богомолов) и *Закрывать глаза на истинное положение — это же безумие!* (В. Шукшин).

Синтагмы слова *соль*

Синтагматические (линейные) связи раскрывают значение слова/фразеологизма и показывают способы их объединения. Грамматические связи в синтагме проявляются в уподоблении формы грамматически зависимого слова форме грамматически господствующего слова. Смысловые связи единиц основываются на семантическом согласовании.

Семантическое согласование слов/фразеологизмов обусловлено следующим: чтобы «два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем (компонентов значения слова. — Е.Д.), одну общую (выделено нами. — Е.Д.) сему»³. Так, имя прилагательное *столовая* в значении ‘употребляемая за столом во время **еды**’ согласуется в роде, числе и падеже (грамматическая связь — согласование) с существительным *соль* во 2-м значении — ‘вещество как при-

¹ Подробное описание типов парадигм, их свойств и структуры см. ниже, на с. 214–238.

² Знак * (звездочка) означает невозможность сочетания слов.

³ Как В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. — М., 1972. — С. 375.

права к **пище**’ (*пища* ‘то, что едят’). Общие компоненты значения ‘еды’ и ‘едят’ содержатся в обоих именах и семантически их согласовывают.

Синтагматические отношения единиц осуществляются в речи, в конкретных предложениях и подчинены определенным лексическим, семантическим и грамматическим правилам, которые обусловлены общностью семантико-грамматических скреп, находящихся в объединяемых словах/фразеологизмах. Но связи единиц ограничены двумя факторами: реальной невозможностью объединения предметов, признаков, процессов в самой действительности и традицией лексической сочетаемости, унаследованной от предшествующих поколений. Например: *соль* в мире реальности по цвету может быть *белой, серой*, но не *красной, синей*. Как приправа к пище она может быть *столовой, мелкой, поваренной*, но не *кусковой* (ср. *кусковой сахар*), *рафинированной* ‘очищенной от примесей’ (ср. *рафинированное масло* — *столовая, поваренная соль* тоже рафинируется). Или в сочетаниях *соль рассказа, романа, повести, *соль биографии, стиха; соль поступка, *соль поведения, предательства*.

Семантическая позиция слова

Семантическая позиция слова — это условия употребления, реализация одного из значений многозначного слова, проявляющегося в сочетаемости со значением другого слова/слов. По степени разграничения семантики слова устанавливаются типы семантических позиций. Сильной называется позиция слова, в которой его значение выступает в своей отдельности, в дифференциации с другими значениями и не допускает иных толкований. *Степка всыпал в воду (котла. — Е.Д.) три пригорини пшена и ложку соли* (А. П. Чехов). Слово *соль* в предложении — ‘приправа к пище’. Слабой считается позиция слова, в которой его значение не дифференцировано и может трактоваться различно. *В мешках привезли соль. — Для столовки али поля? — Не знаю* (В. Распутин). Ни непосредственная сочетаемость *привезли соль*, ни контекст (‘относительно законченная в смысловом отношении часть текста’) не дают ясности в установлении семантики: *соль* — это ‘приправа к пище’ (*для столовки*) или ‘калийное удобрение — селитра’ (*для поля*)?

Для сильной семантической позиции характерны такие параметры: 1) дифференциация значения слова; 2) реализация его содержания; 3) достаточность объема сочетаемости. Например: *Он насытал крупной соли на хлеб и начал есть с нескрываемой радостью* (А. Н. Толстой). Слово *хлеб* ‘пищевой продукт’ (**пищевой** ‘тот, что едят’) согласуется по смыслу со словом *соль* ‘приправа к пище’.

В этом случае выявляется одно из значений многозначного слова и реализуется определенность его семантики при согласовании общих компонентов в разных словах (*пищевой* — *пища*).

Для слабой позиции свойственны иные параметры: 1) недифференцированность, диффузность значений многозначного слова¹; 2) отсутствие определенности его содержания; 3) недостаточность объема сочетаемости для установления значения. Например: *Эта соль, которую рассыпает рассказчик, нам ни к чему! Говорил, говорил, а всем надоело и порасходились* (В. Шишков). По иллюстрации не ясно, что означает слово — ‘остроумие’, ‘злую шутку’, ‘особый смысл’? Сущность системных свойств полисемичного слова заключается в утверждении тождественности отдельных значений слова. Создание эффекта смысловой емкости, многоплановости смысла характеризует неактуализированное значение слова. *Мне надоело жить в высоте, хочу на землю* (А. Битов). Слово *земля* может трактоваться и в языковых значениях — ‘почва’, ‘территория с угодьями’, и в речевых, контекстных — ‘жизнь в деревне’, ‘прогулки по лугам’, ‘желание свободного простора’.

Следует различать диффузность как совместимость в устной и письменной речи. В устной разговорной речи в процессе коммуникации (общении/сообщении) важнейшую роль выполняет ситуация речи, жесты и мимика. Например, вопрос *Ты куда?* подразумевает, что спрашивающий хочет узнать, в какое место собирался идти собеседник. Определенность ответа на вопрос содержится в «материализации» обстановки общения. В письменной же речи, где ситуативная поддержка обычно слаба, одной синтагматики может быть недостаточно для определенности значения.

В художественных текстах, особенно поэтических, многоплановость семантики слова выступает как стилистический прием на н и з ы в а н и я с м ы с л о в: *Пишу и думаю о жизни* (В. Шукшин). Слово *жизнь* в речи писателя означает и реальную действительность, и собственную деятельность, и период этой деятельности, и существование, по его словам, «округ всего живого». Ср. лексикографическое определение слова. **Жизнь**. 1. ‘Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи’... 2. ‘Физиологическое существование человека, животного, [всего живого]’... 3. ‘Время такого существования от его возникновения до конца, а также в [какой-н. его период]’... 4. ‘[Деятельность] общества и [человека] в тех или иных ее проявлениях’... 5. ‘[Реальная действительность]’... 6. ‘Оживление, проявление деятельности, энергии’... (СОШ). В квадратных скобках

¹ На диффузность, совместимость значений слова обратил внимание Д. Н. Шмелев. См.: Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — С. 76–79; Он же. Современный русский язык : лексика. — М., 1977. — С. 85–87.

помещены компоненты семантики, включенные в слово В. Шукшина.

Для поэтической речи свойственна широкая гамма сцепления значений, которые, как бы нанизываясь друг на друга, создают семантическое, ассоциативное пространство слова в контексте: *И была роковая отрада В попираньи заветных святынь И безумная сердцу улада — Эта горькая **страсть**, как полынь* (А. Блок). В последней строфе стихотворения слово *страсть* вбирает в себя все свои лексикографические значения, означивая и чувство воодушевления, и крайнюю увлеченность, и сильнейшее волнение, и горечь сомнений, и страсти ('страдания' — устарелое) творчества.

Нанизывание смыслов выполняет специализированную художественную функцию — экспрессивно-деятельностную (выразительную, изобразительную, эмоционально-оценочную) роль слова.

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ НОМИНАТИВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Слово является основной номинативной и когнитивной (познавательной) единицей языка, которая служит для именования и сообщения знаний о предметах, признаках, процессах и отношениях — явлениях реальной действительности. Конститутивными (определяющими) признаками слова, отграничивающими его от других единиц языка и характеризующими слово как единицу системы языка, являются:

1) номинативность — название явления реальной действительности и представление его в виде лексического значения;

2) информативность — объем знаний о явлении мира действительности;

3) индивидуальность лексического значения — отражение в значении слова одного, определенного класса явлений реальности;

4) материальность — существование слова в звуковой/графической форме;

5) воспроизводимость — повторяемость слова в готовом, не создаваемом каждый раз виде;

6) структурная цельнооформленность — целостность лексического, фонетического/графического и грамматического единства слова.

Однако не все слова в равной степени обладают указанными конститутивными признаками. Слово является одновременно и единицей лексики, и единицей грамматики. Как лексико-грамматические единицы слова объединяются в **части речи** на основе их обобщенного морфологического значения и однотипности грамматических форм. Так, морфологическое значение у имени существительного означает 'предметность', у глагола —

‘процессуальность’, у прилагательного — ‘признаковость’, у предлогов и союзов — ‘отношение’. Лексическое (индивидуальное) и морфологическое (обобщенное) значения объединены между собой как разные смысловые стороны одной и той же единицы — слова¹.

Следующей иерархической обобщенной ступенью в организации слов как лексико-грамматических единиц являются номинативные классы. В номинативные классы слова объединяются на следующих основаниях: 1) когнитивной способности слова называть и познавать различные явления действительности; 2) информативной способности слова передавать содержание знаний о явлении; 3) принадлежности слова к определенной части речи.

В составе номинативных классов выделяются: 1) знаменательные (полнозначные, местоименные) слова; 2) местоименные (указательные) слова; 3) служебные (неполнозначные, незнаменательные) слова; 4) междометные (эмоциональные) слова.

Знаменательные слова обладают полной номинативной, когнитивной и информативной функцией. Они самодостаточны в своих значениях и обозначают явления действительности непосредственно и самостоятельно. К ним относятся части речи: существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия: *дуб, высокий, один, стоять, прочно*.

Местоименные слова обладают неполной номинативной, когнитивной и информативной функцией. Они обозначают явления действительности опосредованно — лишь указывают на них. Поэтому они не самодостаточны и не самостоятельны в своих значениях. К ним относятся местоимения и местоименные наречия типа *здесь, там, туда, откуда*. Только в контексте местоименные слова наполняются содержанием, заменяя собой то или иное знаменательное слово.

Для местоименных слов в контекстах свойственны д е й с т в и т е л ь н ы е функции (греч. *deixis* — ‘указание’): а) ролевой дейксис — это указание на участника/участников речи: *Ты проклянешь, в мученьях невозможных, Всю жизнь за то, что некого любить! Но есть ответ в моих стихах тревожных: Их тайный жар тебе поможет жить* (А.Блок); б) объектный дейксис — предметы речи: *Ее он увидел в магический час. Был вечер лазурным, и запад погас...* (В.Я. Брюсов); в) хронотопический дейксис — указание на пространственно-временное положение объекта речи: *А горы стынут в небесах, Загадочны и незнакомы, Там зреют молнии в лесах, Там чутко притаились громы* (Н.Гумилев); г) генерализующий дейксис — обобщенное указание на предшествующее содержание: *Лодка колотится в сонной груди, ивы нависли, целуют ключицы... Это ведь может со всяким случиться!..* (Б.Пастернак).

¹ См.: Современный русский язык : теория. Анализ языковых единиц : в 3 ч. / под ред. Е.И.Дибровой. — Ч. II. — М., 1995. — С. 6–7.

Служебные слова не имеют самостоятельной номинативной, когнитивной и информативной функции. Они выполняют функцию 'отношение' в связях со знаменательными и/или местоименными словами. К служебным словам относятся предлоги, союзы и частицы. При этом каждый разряд служебных слов выражает отношение различными способами.

Предлоги служат средством подчинения одного знаменательного слова другому и передают предложные значения (пространственные, временные, причинные, целевые и др.): *И окутаться в неизвестность, И прятать в ней свои шаги, Как прячется в тумане местность, Когда в ней не видать ни зги* (Б. Пастернак) — предлог *в* имеет пространственное значение.

Союзы оформляют связи между словами в предложении, частями сложного предложения и самостоятельными предложениями. Союзы содержательно определяют характер отношений между соединяемыми фрагментами: *Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя; То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя* (А. С. Пушкин). Союзы *то* — *то* и *как* выражают соответственно отношения — 'перечисление' и 'сравнение'.

Частицы выражают многообразные отношения: отношение к сообщению, реальность/ирреальность, отрицание, эмоции и т.д.: *Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит!* (А. Блок). *Да* — выражает отношение 'утверждения', *не* — 'отрицания'.

Междометия — слова эмоционального, а не когнитивного, интеллектуального языка. «Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их»¹. Междометия связаны с эмоциональным уровнем сознания и чувственно отражают явления действительности. Они выполняют контекстные (ситуативные) эмоционально-экспрессивные, побудительные функции. Ср.: *Ах* ('возмущение'), *ты обжора! ах, злодей! Тут Ваську повар укоряет* (И. А. Крылов); *Ах* ('испуг')! и *легче тени Татьяна прыг в другие сени* (А. С. Пушкин); *Ах* ('сожаление'), *обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!* (А. С. Пушкин); *Ах* ('ирония')... *Судьба моя плачевна, Я здесь стою как пень* (М. Ю. Лермонтов); *Ах* ('усиление'), *на цыганской, на ранней заре — Помните вечер и степь в серебре?* (М. Цветаева); *На далекой звезде Венере Солнце пламенней и золотистой, На Венере, ах* ('восхищение'), *на Венере У деревьев синие листья* (Н. Гумилев).

Таким образом, такие конститутивные (определяющие) признаки слова, как когнитивность и информативность, неадекватно выражаются различными номинативными классами слов. Когнитивность и информативность утрачивают в служебной и эмотив-

¹ Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947. — С. 745—746.

но-побудительной сферах самостоятельность и отдельность употребления.

Форма слова

Слово — структурно-семантическая, двусторонняя единица языка, обладающая формой и значением. Слово имеет две формы — фонетическую/графическую и грамматическую (морфологическую). Фонетическая/графическая форма «оглашает» слово: в устной речи форма слова представлена комплексом звуков — [вада́], в письменной речи буквами — *вода*. Грамматическая (морфологическая) форма слова представлена в языке системой его форм (словоформ): *вода, воды, воде* и т.д. «Формы одного и того же слова могут быть определены как регулярные видоизменения слова, объединенные тождеством его лексического значения и различающиеся морфологическими значениями»¹.

Морфологическое значение слова изучается в морфологии, однако морфолого-категориальные характеристики теснейшим образом связаны с семантикой слова и должны учитываться при лексическом анализе: **Воды.** *Мн. ч.* 'Минеральные источники'; **Соленья.** *Обычно мн.* 'Посоленный впрок пищевой продукт'.

Анализ формы слова связан с разграничением явлений варьирования и словообразовательной синонимии типа *лиса — лисица, давний — давнишний*.

Варианты слова — это закрепленные в языке преобразования одного и того же слова, сохраняющие его тождество, но различающиеся орфоэпически, фонематически, морфологически (формообразующими аффиксами — окончаниями) и стилистически. Различается формальное и формально-стилевое (синкретичное) варьирование слова.

Формальное варьирование связано с выявлением у слова: 1) орфоэпических (произносительных) вариантов: *лѐмех — лемѐх, твѐрог — творѐг, кру́жится — кружи́тся*; 2) фонематических вариантов: *матрас — матрац, бриллиантовый — брильянтовый*; 3) морфологических вариантов, обладающих различными по значению аффиксами: *клавиша — клавиш, ставень — ставня*; 4) стилистических вариантов, различающихся принадлежностью к разным стилям речи: *деви́чий* (общеупотр.) — *де́вичий* (устар., народно-поэт.), *издалека́* (общеупотр.) — *издалёка* (устар., книжн.)².

¹ Русская грамматика. — Т. I. — М., 1980. — С. 454.

² Вариантность слова — явление распространенное: акцентное варьирование наблюдается более чем у 3500 слов, фонематическое — примерно у 200 слов, морфологическое — более чем у 3090 слов. См.: Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978. — С. 55, 123, 138.

Синкретивы — формально-стилевые варианты, образующие переходную зону между видоизменениями плана выражения и содержания. Формально-стилевыми вариантами являются слова, одно из которых относится к межстилевой, нейтральной лексике, а другое — к маркированной в стилевом отношении (книжной, разговорной, просторечной) лексике. В составе синкретивов выделяются существенно-стилевые варианты: 1) орфоэпические: *избранный* — *избрáнный* (устар.), *деви́ца* — *дэви́ца* (народно-поэт.); 2) фонематические: *запречь* — *запрячь* (СРЯ), *акушер* (СРЯ, СО) — *акушер* и *акушёр* (ССРЛЯ), где слово *акушер* вводится как более современный произносительный вариант; 3) морфологические: *зал* — *зала* (устар.), *вуаль* (ж. р.) — *вуаль* (м. р., устар.) (ССРЛЯ).

Таким образом, вычленение коррелятов формы позволяет поставить вопрос о двух зонах парадигматики слова — собственно структурной (формальной) и семантической, расширив тем самым понятие парадигмы, применив его и к форме, и к значению слова.

Значение слова

В литературе, посвященной анализу понятия «значение слова», отражены различные подходы к истолкованию его содержания. Подход определяется тем, какой аспект анализа выдвигается на первый план. Значение — «отображение предмета действительности в сознании» (О. С. Ахманова); «значение — вовсе не сущность, а отношение» (Л. С. Бархударов); «значение слова — это совокупность его лексико-семантических вариантов» (В. А. Звегинцев) и др.¹.

Лексическое значение — это отражение в слове явления реальной действительности: предмета — *книга, лодка*; процесса — *читать, бежать*; признака предмета или процесса: *белый, чистый; бело, чисто*; отношения: *на, около; и, но; вот* и т. д. Обобщающее определение значения слова включает и лексические, и грамматические характеристики. Лексическое значение — это «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка»².

Аспекты значения слова

Основными аспектами значения слова в современной лингвистике являются:

¹ См.: Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 261–263.

² Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 169.

- 1) семиологический аспект — значение как отражение внеязыковой действительности;
- 2) структурно-семантический аспект — значение как смысловая организация слова;
- 3) функционально-стилевой аспект — значение как отражение социолингвистического отношения к слову.

Семиологический аспект значения слова

При семиологическом (греч. *ἑμεῖον* — ‘знак’) рассмотрении значение слова — это отражение явления объективного мира сознанием человека в слове. Слово в этом случае рассматривается как знак — заместитель явления реальности (предмета, признака, процесса, отношения) в мыслительно-речевой деятельности. Языковой знак — структурно-семантическая единица, обладающая планом содержания (значением) и планом выражения (формой). План содержания именуют также означаемым, а план выражения — означающим. Связь между означаемым и означающим произвольна, условна; это не естественная и неизбежная связь, а та, о которой условилось человеческое общество. Знак всегда соотнесен с другим знаком/знаками и образует знаковую систему, если значения знаков сопоставимы (согласованы).

Прямое номинативное значение, сформировавшее означаемое знака, является знаковым. В этом значении знак — представитель реальной действительности. «Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений»¹. Ему противопоставлены вторичные, косвенно-номинативные значения (метафорические, метонимические и др.), которые знак получил в системе языка путем переноса имени. Семиологический способ означивания явлений действительности связан с первичным знакообразованием. «Словесный знак является основной когнитивной единицей языковой системы, которая фиксирует, храня в скрытом виде, формы «перехода» фактов действительности в факты мышления, т.е. в форму знания, отражая одновременно ступеньки и результаты познания»².

В языке различаются три типа знаков: 1) иконические знаки — наиболее точные образцы означаемого. К ним относятся звукоподражательные слова и производные от них слова: *го-го-го* — *гоготать*, *мяу-мяу* — *мяукать*; 2) индексальные знаки — указательные слова: *тот*, *этот* (указательные местоимения) и др.; 3) символические знаки — все остальные слова человеческого естественного языка: *береза*, *дом*, *твердый*, *лежать*, *высоко*. У символических знаков связь между означаемым и означающим

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 171.

² Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. — М., 1986. — С. 51–52.

определяется социальной конвенцией (договоренностью), но не вытекает ни из их природы, ни из смежности реальных объектов.

Означаемое знака (план содержания) представлен денотативным и сигнификативным значением. Денотат (денотативное значение) обозначает объем (класс) серийных или уникальных явлений действительности и служит именованием предметной отнесенности слова. Денотат характеризует класс однородных предметов в широком смысле этого слова: *стол, вода, рябина*; процессов: *спать, ходить*; признаков: *хороший, красный; плохо, ярко* и др. и охватывает объем понятия¹. Денотативное (предметное) значение слова — это номинативный и информативный компоненты значения, абстрагированные от стилистических (эмоциональных, оценочных и экспрессивных), прагматических и других компонентов содержания².

Сигнификат (сигнификативное значение) раскрывает существенные признаки явления действительности, составляя содержание понятия. У слова *стол* денотатом является обозначение класса конкретных серийных предметов — ‘вид мебели’. Сигнификат представляет свойства данного класса предметов: ‘(вид мебели) в виде широкой горизонтальной доски на опорах, ножках’. Сигнификативное значение отражает в человеческом сознании и языке материальные свойства денотата.

Термины «denotative» и «significative» (из фр.) означают соположенность сторон знака: denotative ‘обозначающий, означающий’, significative ‘значащий, значимый’.

Следует различать денотат как имя «предметного» ряда и референт как объект внеязыковой действительности. Ср. *стол* как конкретный видимый/осязаемый предмет и *стол* как денотат — родовое именование класса предметов. Соотнесенность имен в речи с явлениями внешнего мира — референтами — определяет их денотативный статус: *Я сижу за столом* (конкретно-референтное употребление имени); *Стол — необходимый предмет обстановки в квартире* (денотатное употребление); *В предложении слово стол употреблено в форме ед. числа, им. падежа* (автонимное употребление, которое обозначает отсылку к своему имени).

Функционирование слова как знака связано с его тремя характеристиками (параметрами): а) с е м а н т и к а знака как отношение к обозначаемому явлению действительности; б) с и н-

¹ По традиции понятие определяется как форма мысли, выражающая наиболее общие и характерные отличительные признаки явления. Понятие возникает на базе слов и не может существовать вне слов. Объем понятия — множество (класс) предметов, однородных или уникальных. Содержание понятия — совокупность признаков, отношений, предметов, процессов и др., характеризующих данное понятие.

² См. подробнее в следующем разделе — «Структурно-семантический аспект значения слова».

тактика знака как его связи с другими знаками в речи/тексте; в) прагматика знака как его отношение к участникам речевого акта: говорящему — слушающему (пишущему — читающему). Прагматика знака в таком понимании — это его использование в определенной речевой ситуации с определенной целью в межличностных отношениях участников речи. Например: *Любимая — жуть! Когда любит поэт, Влюбляется бог неприкаянный... Он кажется мамонтом. Он вышел из моды. Он знает — нельзя. Прошли времена — и безграмотно* (Б. Пастернак).

Если семантика и синтактика знака могут быть соотнесены и сопоставлены с традиционными понятиями «значение» и «сочетаемость слова», то прагматика знака актуализирует и акцентирует определенную сторону значения знака в речи/тексте. Прагматика знака связана с коммуникативными целями в общении людей.

Структурно-семантический аспект значения слова

Структурно-семантический аспект характеризует структуру значения слова, его внутреннюю семантическую производность (эпидигматику) и разного рода семантические включения и смысловые возможности слова.

В лексическом значении слова закрепляются типичные и отличительные признаки явлений реального мира, которые реализуют человеческое понимание и истолкование. Лексическое значение может включать:

1) обыденное понятие — общепринятая в русском языке бытовая форма знания, сложившаяся в процессе практической и культурной деятельности и раскрывающая функциональные потребности человека: **Вода**. 'Прозрачная, бесцветная, без запаха жидкость для приготовления пищи, утоления жажды и мытья';

2) научное понятие — форма знания определенной отрасли науки, закрепившая наиболее общие и существенные признаки явления и представляющая способ его специализированного осмысления: **Вода**. *Хим.* 'Соединение двух атомов водорода и атома кислорода (H_2O)';

3) коннотации (дополнительные созначения), заключающие в себе содержательные и/или стилистические (эмоциональные, оценочные и экспрессивные) компоненты значения слова, общепринятые в русском языке: **Вода**. 1. (конн.) 'Пищевая бесполезность'. *Не суп, а вода*. 2. (конн.) 'Нечто, лишенное содержания'. *В докладе много воды*. 3. (конн.) 'Стихийность'. *Разлив большой — вода все затопила*. **Водичка**. (конн.) 'уменьш.-ласк.' к *вода*. *Водички попить*. Коннотации обычно содержатся и в семантике компонентов фразеологизмов: *Как с гуся вода* — (конн.) 'неодобр.', 'текучесть'. *Вилами по воде писано* — (конн.) 'невозможность';

4) потенциальные значения — содержащиеся в слове смысловые возможности, известные носителям русского языка и проявляющиеся при контекстном употреблении в синтагматических (сочетательных) связях: *Источник жизни в пустыне — вода* (М.Пришвин). Потенциальный компонент значения слова *вода* — ‘сохранение существования живого организма’;

5) вероятностные значения, возникающие из знания о мире прагматические ассоциативные смыслы, которые служат для означивания слова в данном контексте в синтагматических связях: *Голубая вода небес над нами* (Б. Пастернак), где слово *вода* получает значение ‘атмосфера ж и з н и’; *треугольная груша* (А. Вознесенский), где значение слова *треугольная* используется как контур геометрического, сюрреалистического образа плода.

В лингвистической литературе встречается и термин «энциклопедическое значение слова». Энциклопедическое значение включает в свой объем как обширную характеристику научного понятия, так и элементы бытового описания и функциональное назначение объекта. «**Вода**, окись водорода H_2O , простейшее устойчивое в обычных условиях хим. соединение водорода с кислородом (11,19 % водорода и 88,81 % кислорода по массе), мол. вес. 18,0160; бесцветная жидкость без запаха и вкуса (в толстых слоях имеет голубоватый цвет). В. принадлежит важнейшая роль в геологич. истории Земли и возникновении жизни, в формировании физ. и хим. среды, климата и погоды на нашей планете. Без В. невозможно существование живых организмов. В. — обязательный компонент практически всех технологических процессов как сельскохозяйственного, так и промышленного производства...» (БСЭ. Т. 5. С. 171).

Лексическое значение состоит из ядра (обыденного и/или научного понятия), ядерного окружения (коннотаций) и периферии (потенций и вероятностей значения). Например: **Вода**. ‘Прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера и моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом’ (СРЯ). В определении объединены компоненты обыденного и научного понятий. В слове — **Расписать**. 4. ‘Подробно и красочно, обычно с преувеличением, рассказать, изобразить’ (разг.). *Расписать свои приключения* (СОШ) компонент значения ‘обычно с преувеличением’ коннотационного характера; он имеет содержательно-эмоциональную (негативную) оценку и находится в составе ядерного окружения. Потенциальные и вероятностные значения не фиксируются в словарных определениях, а выводятся из контекста употребления, проявляясь в актах коммуникации. При этом в речевых сообщениях, особенно художественных текстах, периферийная семантика слова по замыслу автора может переводиться на уровень ядерных компонентов. Например: *Его отец... своей вечерней замшевой походкой вер-*

нул к себе в спальню... Он снял свой серый халат... (В. Набоков). Ассоциации слова *замшевой*, представленные необычной сочетаемостью, отражают характерную черту языка В. Набокова. Для писателя свойственно переносить по смежности качества, состояния и другие характеристики предметов (вещей персонажа) на их обладателя. Слово *замшевой* приобрело в тексте ядерное, прагматически сформированное автором значение и может быть истолковано как 'спокойной, неторопливой' (походкой). Ср.: халатный образ жизни 'бездеятельная, неторопливая жизнь; ленивый, беззаботный образ жизни' (ССРЛЯ. Т. 17. С. 19).

Надо различать лексическое значение и лексикографическую (словарную) дефиницию (определение). Лексикографическое определение уже по своей семантике лексического значения: в словарях может не регистрироваться «целевое» назначение явления, составляющее сущностную часть обыденного понятия; часто не фиксируются содержательные коннотации и др.

Поскольку слово в свое содержание включает разные способы и компоненты описания, то следует оговорить некоторые термины, не имеющие однозначного толкования в лингвистике: 1) лексическое значение и понятие; 2) коннотация и оттенок значения; 3) потенциальное значение и употребление слова.

Следует различать лексическое значение (лингвистическая категория) и понятие (логическая категория). Понятие включает в себя наиболее общие и существенные признаки предмета, его отличительные свойства. С понятиями по своему содержанию может быть соотнесена терминологическая лексика. Например: *Соль*. 5. 'В химии: соединение, в котором водород кислоты замещен металлом' (СОШ). Лексическое же значение фиксирует содержание, которое является обыденным отображением явления внеязыковой действительности в сознании человека. Это реализация человеческой интерпретации явления в своих эгоцентрических интересах.

Существуют и иные точки зрения на соотношение лексического значения и понятия. Ученые разграничивают формальные и научные понятия, первые из которых представляют собой общепринятые значения слов, возникшие в процессе практической деятельности людей, а вторые связаны со сферой научного знания и раскрывают глубинные, существенные признаки явления¹. Формальные понятия иногда называют обыденными понятиями, подчеркивая их нетерминологическое, бытовое содержание. Однако определение «формальное понятие» содержит в семантике слова *формальный* отрицательную информацию 'основанный на принципах формализма' или же в другом истолковании — 'неотделимый от содержания и служащий его выражением', что вообще неточно

¹ См.: Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. — М., 1982. — С. 19–25.

передает значение термина. Термин «обыденное понятие» оказывается более корректным именованием формы человеческого знания, жизненных представлений человека и потребностей общества.

Распространенный в современной лингвистике термин «коннотация» может быть соотнесен с традиционным лексикологическим и лексикографическим термином «оттенок значения». Но под оттенком значения понимаются и самостоятельные значения, и семантический компонент вероятной реализации значения, и собственно коннотации и др. Термин дублирует несколько принципиально различных понятий и потому не может быть использован как теоретическое понятие¹. Коннотация же — дополнительный компонент семантики содержательного и/или стилистического характера, кваликативная оценка познавательной деятельности человека. Содержательной (рациональной) коннотацией называется дополнительный компонент значения, широко известный носителям языка, но, как правило, не регистрируемый словарями. Содержательное сознание может одновременно включать и позитивную/негативную оценку, т.е. быть синкретичным. Например: слово *лисица* (животное) обладает негативно-содержательной коннотацией ‘хитрость’; аналогично: сема ‘неуклюжесть’ при характеристике животного *медведь*, сема ‘трусость’ в значении слова *заяц* (животное). В слове *желторотый* ‘еще совсем не опытный, наивный’ (СОШ) содержится негативная оценка качества, словарь же регистрирует лишь «смягчительность» значения. Только в небольшом количестве случаев сознания включены в дефиницию слова: *Заря*. ‘Зарождение чего-н. нового, радостного’. *На заре жизни. З. свободы* (СОШ) — коннотация позитивно-содержательного характера за счет компонента ‘радостного’. Или: *Льстить*. ‘Хвалить из корыстного желания расположить к себе’ (СОШ). Компонент ‘корыстного’ — негативно-содержательная характеристика действия.

Стилистическое значение отражает чувственную, ценностную и изобразительно-выразительную квалификацию реальной действительности, которая закрепляется в семантике слова в виде эмоционального, оценочного и экспрессивного компонентов значения.

Эмоциональная коннотация связана с выражением чувств, волевых побуждений, чувственных или интеллектуальных сравнений — отношения к действительности: *домишко, кляча, стиляга, прехорошенький*. Оценочная коннотация, устанавливающая ценность или значение кого-либо/чего-либо, и эмоциональная, связываемая с чувствами, не составляют обособленных компонентов в значении слова. Положительная оценка передается

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка. — М., 1974. — С. 243–248.

через положительную эмоцию: ласку, похвалу, восторг, одобрение и др.; отрицательная оценка связана с отрицательными эмоциями: осуждением, неприятием, неодобрением, презрением, иронией и др.¹. Например: *дочурка* (уменьш.-ласк.), *птичка* (ласк.), *молодец* (одобр.); *комнатенка* (презр.), *бабища* (уничиж.), *блюдолиз* (неодобр., презр.), *геройствовать* (ирон.).

Экспрессивность — изобразительность и выразительность мироотражения, образность представления знаний и чувств человека. Экспрессивность отражает «обработку» информации во внутреннем мире человека: зрительным, слуховым, осязательным и другими способами. Изобразительность передается внутренней формой слова — способом мотивации значения данного слова: а) иконичность как точный звуковой образ обозначаемого — это звукоподражательные слова, которые воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки: *шушукаться*, *хохотать*, *гоготать*; *мяукать*, *чирикать*; *бабахнуть*, *тренькать*; б) опосредованная связь первоначального звукового состава слова и его значения: *духовой* (оркестр, инструмент) ‘о музыкальных инструментах: действующий посредством вдувания воздуха’ (СОШ); *пустобрех* ‘болтун, враль’ (СОШ); в) образность как художественное отражение явления действительности, бросающийся в глаза признак явления, облеченный в форму конкретного слова: *остролист* ‘вечнозеленое южное дерево с колючими листьями...’ (СОШ); *заоблачный* ‘очень далекий, возвышенный’. *Заоблачные мечты* (СОШ). *Изюминка* ‘своеобразная прелесть, острота’ (СОШ). Компонент экспрессивности — ‘очень’ реализует ее интенсивность и может быть включен в дефиницию слова: *громовой* ‘очень сильный’, *образцовый* ‘вполне совершенный’, *грохнуться* ‘упасть с шумом’.

Экспрессивность принято связывать с эмоциональной оценкой — с позитивной/негативной нормой ценности значения. Широкое понимание стилистического значения слова позволяет определить его как экспрессивно-оценочно-эмоциональный компонент в семантике слова.

И наконец, следует разграничивать термины «потенциальное значение слова» и «употребление слова». Смысловые потенции заложены, как правило, имплицитно (скрытно) в значении слова и проявляют себя в сочетаемости слов в коммуникации, актах общения и сообщения. Они присущи семантике слова и обнаруживаются в контексте: *Наш путь — степной, наш путь в тоске безбрежной, В твоей тоске, о Русь! И даже мглы — ночной и зарубежной — Я не боюсь* (А. Блок). В словах поэтического текста возбуждены потенциальные смыслы: *путь степной* — *путь* ‘открыто-

¹ Полную систему стилистических помет см. в разделе учебника «Лексикография» — «Стилевые и стилистические пометы». — С. 434–439.

сти, бескрайности'; *мглы* 'враждебности среды'; *мглы зарубежной* 'иной цивилизации', 'другой ментальности'. Употребление же — это «или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова... в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью»¹. Употребление слова относится к сфере достаточно широкого распространения слова в языке и потому регистрируется словарями русского языка. Употребления даются за знаком | (вертикальная черта) с соответствующим семантическим указанием: **Глухой**. 'Полностью или частично лишенный слуха...' | в знач. сущ. **глухой** (СРЯ); **Внутренний**. 'Находящийся, расположенный внутри чего-л.'. *Внутреннее море, в. лестница.* | 'Обращенный внутрь'. *Внутренняя сторона стенки* (СРЯ).

Функционально-стилевой аспект значения слова

Функционально-стилевой аспект значения слова связан с рассмотрением социальных задач коммуникации. Русский язык обслуживает все сферы жизни общества — быт, экономику, политику, науку, культуру. Связи языка с общественными сферами обуславливают его социальную стратегию, его функционально-стилевое назначение.

Стиль — это социально осознанная, объединенная функциональным назначением система языковых средств, которая характеризуется отбором этих средств, их комбинациями и преобразованиями. Разные сферы речи связаны с конкретными функциональными стилями.

Функциональный стиль — подсистема языковых средств, «закрепленная в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка (подсистем. — *Е.Д.*) по своим основным параметрам — лексикой, грамматикой, фонетикой»². В современном русском литературном языке выделяют три функциональных стиля: нейтральный, книжный и разговорный.

Функциональным стилям свойственна своя стилистика — организация экспрессивных и эмоционально-оценочных средств. Поэтому стилевое и стилистическое тесно связаны и взаимодействуют друг с другом. Стилeвое характеризует принадлежность слова к нейтральной, книжной или разговорной подсистеме;

¹ Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 182.

² Степанов Ю. С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 494.

стилистическое — к качественному компоненту книжной или разговорной подсистемы: *отрада* (книжн., высок.) — *грянула* (разг., неодобр.).

Каждый из функциональных стилей обладает своими фонетическими и лексико-фразеологическими особенностями, специфическими морфологическими формами и синтаксическими конструкциями. Основу словарного состава современного русского языка образует нейтральная лексика. Ее иногда называют межстилевой, поскольку она употребляется в любом функциональном стиле языка, в письменной или устной форме речи.

Нейтральной называется общеупотребительная лексика, которая: 1) именует обыденные понятия повседневной жизни общества (быт, жизнедеятельность человека, природу, время, пространство, вес, объем и пр.); 2) лишена терминологических имен; 3) не имеет экспрессивных, эмоционально-оценочных коннотаций. К нейтральной лексике относятся слова типа *дом, нож, деревянный, зеленый, бежать, спать, хорошо, плохо, и, а, но, на, по*. Межстилевая лексика обеспечивает единство русского литературного языка как системы и является основной функционально-стилевой дифференциации слов. По сравнению с ней определяется принадлежность слова к тому или иному стилю. Использование межстилевых слов создает необходимую общедоступность изложения, на фоне которой выделяются стиливо-стилистические характеристики других слов. Но при этом некоторые многозначные слова в одних значениях выступают как нейтральные, а в других — как закрепленные за определенным стилем языка: *брат* 'каждый из сыновей в отношении к другим детям этих родителей' является нейтральным словом; в значении же 'всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами' слово принадлежит к книжной лексике — *братья по духу* (книжн., высок.).

Нейтральный стиль и соответственно нейтральная лексика выделяются не во всех учебниках и научных исследованиях. Считается, что это общеупотребительная лексика, которая не обладает собственными параметрами. Однако само отсутствие стиливой маркированности (отмеченности) позволяет считать данный признак дифференциальным и выделить нейтральный стиль как разграничивающий, с одной стороны, книжный, с другой — разговорный.

Книжный стиль (или книжная речь) — сфера литературной, главным образом, письменной речи, характеризующаяся специализацией информации. Книжный стиль языка включает три подстиля — научный, официально-деловой и публицистический, каждый из которых характеризуется специфическим составом лексики.

Научная лексика обслуживает сферу науки и характеризуется как бы обезличенной информацией о природе, человеке и

обществе. Стили различительными признаками научной лексики являются: 1) терминированность семантики слова; 2) систематика научных понятий; 3) логизация значения научного понятия; 4) отсутствие эмоционально-экспрессивных коннотаций и 5) слов сугубо разговорного характера. В состав научной лексики входят: а) терминосистемы как парадигмы отраслей специализированного знания: *валютный курс* (фин.) 'стоимость продажи ценных бумаг'; *марка* (фин.) 'денежная единица в Германии и Финляндии'; *боны* (фин.) 'кредитные документы, дающие право на получение денежной суммы'; б) терминированные значения слов: *Сталь*. 'Твердый, серебристый металл, сплав железа с углеродом и другими упрочняющими элементами' (СОШ); *Треугольный*. 'В форме треугольника, имеющий три угла' (СОШ); в) абстрактные имена, называющие отвлеченные понятия: *аналогия*, *бытие*, *вместимость*, *гипотеза*, *двуученный*, *классифицировать*, *обуславливать*, *реализовывать*; г) модальные слова, выражающие достоверность/недостоверность сообщения: *безусловно*, *вероятно*, *возможно*, *несомненно*; д) слова, определяющие порядок изложения мысли: *во-первых*, *во-вторых*, *кроме того*, *итак*, *таким образом* и др.¹.

Официально-деловая лексика обслуживает сферу письменных официально-деловых отношений. Она имеет следующие стили различительные признаки: 1) четко выраженную социально-функциональную направленность; 2) относительную стилевую закрытость; 3) стандартизацию и унификацию имен; 4) наличие функциональных коннотаций; 5) распространенность языковых штампов. В составе официально-деловой лексики выделяется большое количество тематических парадигм, называющих разные отрасли деловой жизни. В их числе административная, официально-документальная, дипломатическая, канцелярско-деловая, юридическая парадигмы: *округ*, *регион*, *губернатор*, *мэр* (админ.); *паспорт*, *прописка*, *решение*, *контракт* (офиц.-докум.); *посол*, *виза*, *нота*, *саммит* (дипл.); *заявление*, *докладная*, *вышеупомянутое*, *исходящее* (канц.-дел.); *завещание*, *дарственная*, *истец* (юрид.). Функциональные коннотации этого пласта лексики — 'специализированное', 'унифицированное', 'служебное'.

Официально-деловая специализация общеупотребительной лексики обусловлена сферой ее применения в общественной жизни: *базар* (книжный, овощной, новогодний), *высокий* (уровень договора, статус договаривающихся сторон), *дело* (торговое, юридическое), *лицо* (физическое, юридическое, подставное).

Публицистическая лексика используется средствами массовой информации (газеты, радио, телевидение и др.) по акту-

¹ См. также далее, в разделе «Терминологическая и профессиональная лексика». — С. 336–339.

альным общественно-политическим вопросам современности, текущей жизни. Стили образующими признаками этой лексики являются: 1) ориентированность сферы употребления слова: *бюджет, эмиссия, рефинансирование* (финансовая сфера); *мюзикл, шоу* (театральная сфера); *рейтинг, партия, лидер* (политическая сфера); 2) информативная точность слова: *возгорание, экспертиза, лицензирование, энергоблок* (научная сфера); 3) образность и броскость слова (экспрессивно-деятельностная функция слова): *шаманы и политики; нефть, газ, лес... женщины; болеть социализмом; неюбилейные размышления* (необычность сочетаемости создает языковые игровые ситуации); 4) использование слов с коннотативной семантикой, включая личностный компонент значения, слова с эмоционально-оценочными коннотациями: а) *единодушие, масштабность, щепетильность* (позитивы); б) *военщина, сговор, украшательство* (негативы); 5) отсутствие стилевой замкнутости слова и его определенная штампованность — личностный компонент семантики: *в тени* ('стараясь быть незаметным') *налога; честные* ('открыто воспроизведенные') *копии картин; приливы и отливы* ('успехи и провалы') *спектакля*; б) языковые трафареты: *комплекс вины, тупиковая ситуация, политические игры, ударить автопробегом по конкурентам*.

Разговорный стиль (или разговорная речь) — сфера устного литературного языка, определяемая ситуацией неофициальности общения и потому характеризующаяся непринужденностью и непосредственностью. В современной лингвистической литературе введен термин «разговорный язык» (Е.А.Земская), называющий так вторую разновидность литературного языка наряду с первой — книжным языком¹. Разговорный язык выделяется на следующих основаниях: 1) устная форма речи; 2) обусловленность ситуацией общения; 3) неполнота выражения мысли; 4) непринужденность общения; 5) жест и мимика как дополнительная словесная передача информации. Эти нелингвистические факторы коммуникации определяют специфику норм разговорного языка в области фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса, что позволяет утверждать о существовании собственных системно-языковых свойств.

В разговорной лексике по традиции выделяются две группы: 1) литературно-разговорная лексика, употребляемая в разнообразных сферах устного общения: **Дотянуть**. 5. 'Оттянуть, замедлить выполнение чего-либо до какого-либо времени' (СРЯ); **Важничать**. 'Напускать на себя важность, принимать внушительный вид, держаться высокомерно' (СРЯ); **Задолжник**. 'Тот, кто имеет задолженность, долг' (СРЯ) и 2) разговорно-бытовая

¹ См. подробнее: Земская Е.А. Разговорный язык // Русский язык: энциклопедия. — М., 1997. — С. 406—408.

лексика, используемая в повседневном, бытовом обиходе, имеющая сниженный характер: **Дочиста**. 2. 'Целиком, полностью, без остатка' (СРЯ); **Валить**. 2. 'Небрежно бросать, беспорядочно складывать в большом количестве куда-либо' (СРЯ); **Дочка**. 2. 'В обращении пожилого или взрослого человека к молодой женщине, девушке, девочке' (СРЯ).

Стиле характеризующими свойствами разговорной лексики являются: 1) широкое употребление указательных слов (местоимений 3-го лица, указательных местоимений и местоименных наречий), сопровождающихся жестами и мимикой: *он, она, оно, это, эта, вон, вот, туда, сюда* и пр.: *Оно вон туда* ('поставь стул на место'); *Эта не знаю / сюда — туда* ('не знаю, куда положила сумку')¹; 2) использование гиперонимов (родовых слов) с опустошенным лексическим значением вместо гипонимов (видовых, конкретного значения слов): *дело, вещь, штука, история* и др.: *Это дело* ('писать сочинение') / *мне надоело*; *Куда сунули эту штуку* ('книгу')?; *Ты мне / историю* ('нежелание убирать в квартире') *брось!*; 3) наличие слов «сниженного» значения с экспрессивными и эмоционально-оценочными коннотациями (слова этого типа нередко относят к просторечию): *бахнуть, мельтешишь, тараторить, шарахнуть* и др.: *Я как бахнула* ('написала') *заявление*; *Что мельтешишь* ('мнешься'), *скажи!*; *Затараторила* ('быстро и бестолково заговорила') *в Кузькину деревню!*; 4) распространение отглагольных существительных: *балаболка, открывалка, тарактелка, цокалка* и пр.: *Ну, балаболка* ('болтунья'), *куда открывалку* ('консервный нож') *дела?*; *Цокалка* ('женщина в туфлях на шпильках') *пошла*; *Заводилка* ('человек, возбуждающий кого-л.') *хорошая / ничего не скажешь*; 5) употребление составных номинаций вместо забытого слова: *Эта / как его* (нож. — *Е.Д.*) / *положи на место*; *Дай мне чем едят* ('ложку'); *Я / со мной работает* ('сослуживец') и т.д.

Неподготовленность и быстрота устной речи меняют ее интонационный рисунок; паузы возникают там, где в нормированной книжной речи их нет, — перед словом, которое в нужный момент «не находится» для обозначения чего-л., или в ситуации, когда придаточные предложения «сливаются» в потоке речи с главным предложением и др.

Разговорная лексика широко регистрируется в словарях экспрессивными и эмоционально-оценочными коннотациями в виде помет бран., шутол., ирон., ласк., фамильярн. и др.: *модернóвый* (одобр. или неодобр.), *ласточка* в функции обращения (уменьш.-ласк.), *карапуз* (шутол.), *бабеха* (ласк.-презр.). Родовой пометой этого пласта лексики является разговорное (разг.).

Общая демократизация речи в конце XX в. «внедряет» разговорную лексику с ее яркостью, живостью, экспрессивностью и

¹ Вертикальная косая черта / указывает на паузу в произношении.

экспансивностью в официальные выступления, доклады, интервью, публицистические, научные статьи и т.д. См. литературоведческую статью:

Гуманитарии, кабинетные ученые один за другим превращались в культовые фигуры. Имя академика Лихачева стало почти нарицательным, *место Хемингуэя с удочкой занял на интеллигентской кухне портрет Бахтина с дымящейся папирсой*, мастер сатирической клоунады Ефим Шифрин публично восхвалял Сергея Аверинцева, многотомие Алексея Федоровича Лосева приводило в трепет. *Полупонятные слова* — карнавализация, полифония, семиотика, структурализм — *щекотали нервы* читателям газет. Тогда же «у всех на устах» *звучало* имя Юрия Михайловича Лотмана... И все-таки «случай Лотмана» — совершенно особый. Бахтинomania и лосевослужение основаны были на вечном принципе «не читал, но скажу»... А Лотман сам, по доброй воле, после многолетнего университетского затвора сошел с академического пьедестала, адаптировал ученые размышления к нуждам публики... Но вот прошло уже пять лет со дня смерти «Юрмиха» (так называли его коллеги и ученики); «популяризаторское» место Лотмана определилось *раз и навсегда*... Первый том академического собрания... назван символично: «Русская литература и культура Просвещения». Еще символичнее — оформление обложки. На темно-зеленом фоне — только оттиснутая серебром фамилия: ЛОТМАН. *Ничего больше не нужно. Этим все сказано*¹.

(А. Архангельский)

Просторечная лексика — социально обусловленная, нелитературная разновидность лексики русского языка. В противоположность книжному и разговорному языку просторечие не имеет своей системно-языковой специфики, оно не закреплено, как диалекты, за определенной территорией и отличается от литературного языка: смешением ударения (*шóфер, нóртфель, полóжить*), изменением морфологических форм (*фамилие, статуи, с матерю* (поговори) и синтаксических конструкций (*Ничем не нуждаюсь; Не евши целый день; Споначалу встрял в этом деле*).

Просторечная лексика употребляется в сниженной — грубой, грубоватой и бранной речи. Слова просторечной лексики коннотативны и обладают экспрессивно-стилистическими значениями, представленными в словарях в виде помет груб., бран., пренебр. и др.: *деляга* (прост., пренебр.), *прихвостень* (прост., презр.), *сачок* в значении 'лентяй, бездельник' (прост., шутил. и презр.). Ср.: *лйчить* 'идти к лицу', *швйркнуть* 'потянуть носом', *хаханьки* 'смешки' (прост.) — слова, лишенные в просторечии негативных оценок. Периферию просторечия составляют *вульгаризмы* — бранные и «непристойные» слова: *стерва, сука, тварь, подлюга, стибрить* и др.

¹ Курсивом выделены слова и конструкции разговорного стиля современной эпохи.

Просторечные слова характеризуются: 1) сужением семантики слова, т. е. употреблением одного из значений многозначного слова: *утереться* ‘замолчать’, *лаять* ‘грубо и резко говорить’, *железка* ‘железнодорожный путь’; 2) ложной этимологией: *полуклиника* ‘поликлиника’, *спинжак* ‘пиджак’, *подстамент* ‘постамент’; 3) развитием просторечно-метафорических значений: *размочить* ‘сообразить’; *клеиться* ‘прижиматься’, ‘ластиться’; *в упор не вижу* ‘не хочу видеть’; 4) эвфемизацией — заменой слова книжным, высоким или нейтральным словом — для подчеркивания своей «культурности»: *мадам* ‘вежливое обращение к женщине, девушке’, *супруга* ‘жена’, *отдыхать* ‘спать’; 5) употреблением просторечных именных, глагольных и наречных именованых: *легковуха* ‘легковая машина’, *свиннота* ‘свинство’, *вчастую* ‘часто’, *заполбшый* ‘неуравновешенный’; 6) собственной сферой ласкательно-уменьшительных имен: *папаня*, *маманя*, *братуха*, *племяш*, *грамотёнка* ‘грамотность’, *коньячишко* и т. д.

Просторечие как лингвосоциальное явление принято рассматривать в качестве особого лексико-фонетического, семантико-стилистического и грамматического пласта речи, не соответствующего сфере литературного языка. Между тем просторечие является средством языковой коммуникации, обыденного общения людей в городе, в современных поселках и деревнях. В этом случае просторечные элементы являются органическими фонетическими, лексическими, грамматическими и другими фрагментами обиходной речи.

Просторечие как эмоционально окрашенный способ изображения действительности входит в состав художественной речи и служит средством характеристики персонажей, бытоописания и т. д. См. у В. Шукшина в рассказе «Постскриптум»:

Здравствуй, Катя! Здравствуйте, детки: Коля и Любочка! Вот мы и приехали, так сказать, *к месту следования* (эвфемизм). Город просто поразительный по красоте... Да, Петр Первый знал свое дело *туго* (‘хорошо’). Мы его, между прочим, видели — *по известной тебе открытке* (синт. прост.): на коне, *задавивши змею* (синт. прост.)... Гостиница просто шикарная!.. В следующем письме опишу наше *посещение театра* (эвфемизм)... Ох, одна артистка *выдавала* (‘очень хорошо играла’)!.. Ты *не подумай* там *чего-нибудь* (синт. прост.) — это же искусство... Я к тому, что не обязательно — женщина. Мне также очень понравился один артист... пляшет здорово, *собака* (восторж.). Ну, до свиданья! *Остаюсь жив-здоров* (разг.-прост. штамп).

Структура лексического значения слова

Слово имеет форму (план выражения, или означающее) и значение (план содержания, или означаемое).

Материальным знаком выражения слова является звуковая (графическая) оболочка, представленная грамматическими формами: *хлеб, хлѣба, хлебу... хлѣбá, хлебов...* и т. п.

У однозначного (моносемичного) слова форма и значение соотнесены одинарно. У многозначного (полисемичного) слова относятся одна форма с несколькими лексическими значениями, или лексико-семантическими вариантами (ЛСВ)¹. Многозначное слово современного русского языка представляет собой систему взаимообусловленных значений, или лексико-семантических вариантов, которые образуют семантическую структуру этого слова. Семантическая структура складывается эпидигматически как результат семантической производности (деривационности) слова.

Лексическое значение однозначного слова или одно из значений многозначного слова (ЛСВ) состоит из «атомарных», отдельных компонентов значения — сем. Сема — минимальный компонент лексического значения слова. Совокупность сем в их внутренней иерархической организации образует семную структуру лексического значения однозначного слова или ЛСВ многозначного слова. В семной структуре выявляются основные и дополнительные семы, которые определяют их внутреннюю зависимости в значении слова. В лингвистической литературе термин *семема* используется при именовании совокупности сем одного значения слова. Н. И. Толстой предложил соотносительные понятия при описании структуры значения и формы слова: «В плане выражения слова *лексема*, в плане содержания *семема*. Под лексемой, таким образом, нужно понимать лишь звуковую оболочку слова, под семемой — его содержание»².

В многозначном слове семное членение выполняет и вторую функцию — функцию внешних семных взаимодействий между разными ЛСВ. Семная общность лексико-семантических вариантов создается за счет однокоренных сем, которые содержатся в каждом отдельном ЛСВ. Для обнаружения семной связи лексико-семантических вариантов подбирается общая сема из семного состава зависимого по смыслу лексико-семантического варианта.

Методика семного анализа значения слова разнообразна. Существуют различные приемы выделения сем. В учебных целях удобнее всего использовать метод, предложенный в семасиологии: каждое слово в лексикографическом определении (дефиниции) представляется как отдельная, самостоятельная сема.

¹ Термин «лексико-семантический вариант» предложен А. И. Смирницким.

² Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. 6-й Международный съезд славистов : доклады советской делегации. — М., 1968. — С. 30.

Существуют два состава семного членения: 1) полный состав, включающий семную характеристику лексического и грамматического значений; 2) частичный состав, содержащий лишь семы лексического значения. Полный состав охватывает всю лексико-грамматическую структуру семемы. «Смысловые контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строением языка»¹. Частичный состав представляет лишь лексическую часть структуры семемы.

Грамматическое значение каждой части речи может быть также представлено в семном исчислении. Так, общее значение части речи имени существительного — ‘предметность’ — может быть обозначена как обобщенная, абстрактная грамматическая сема; лексико-грамматические разряды существительного — лексограммемы низлежащего уровня — ‘конкретность’, ‘вещественность’, ‘собирательность’, ‘абстрактность’, ‘лицо’ или ‘не лицо’ и т.д.

Лексико-грамматический, полный семный анализ необходим для эпидигматического, парадигматического и синтагматического анализа. Например: 1) при эпидигматическом анализе учитываются формы числа существительного при определении значения слова: *Воды*. мн. ‘Моря, реки, озера, каналы, проливы, относящиеся к данному региону’ (СОШ); 2) парадигматический анализ охватывает объединения одних и тех же частей речи: *жирный, толстый, полный, упитанный* (синонимы); 3) синтагматический анализ строится на основании общих лексических и грамматических сем: *высокий* (‘**большой** по протяженности сверху вниз’) *дуб* (‘**крупное** листовое дерево семейства буковых’). Семы **большой** — ‘значительный по величине’ и **крупное** — ‘большое по величине’ создают семантическое и грамматическое согласование; в словосочетании *читать книгу* аналогичное лексико-грамматическое согласование: *читать* ч т о (‘воспринимать **напечатанное, написанное**’) *книгу* (‘произведение **печати**, в старину **рукописное**’). Значения слов в сокращенном виде определялись по СОШ.

Полный состав включает в себя следующие типы сем: 1) **классема** — общекатегориальная сема лексико-грамматического значения, характеризующая принадлежность слова к определенной части речи (‘предметность’, ‘процессуальность’, ‘признаковость’ и др.); 2) **лексограмма** — лексико-грамматическая сема, обозначающая: а) лексико-грамматический разряд имен существительных (‘конкретность’, ‘вещественность’, ‘собирательность’, ‘абстрактность’); у конкретных существительных — одушевленность/неодушевленность (‘лицо’/‘не лицо’); б) лексико-грамматический разряд имени прилагательного (‘качественность’, ‘относительность’, ‘притяжательность’); в) лексико-грамматические категории

¹ Виноградов В. В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Известия АН СССР. ОЛЯ, 1953. — Вып. 3. — С. 180.

глагола ('аспектуальность', 'вид', 'залог') и др.; 3) гíперсема (архисема, или родовая сема), обозначающая класс объектов ('растение', 'цвет', 'глаголы движения' и др.); 4) гíпосе́мы (видовые семы), являющиеся семами конкретного характера, которые обозначают дифференциальные признаки предмета, процесса, признака и др. и различают объекты одного и того же класса¹; 5) ко́ннотативные семы, выражающие дополнительные содержательные и стилистические значения (эмоциональные, оценочные и экспрессивные): *мишура* 'блеск', 'без внутреннего содержания' (неодобр., негат.); *конструктивный* 'плодотворный' (одобр., позитив.); 6) по́тенциальные семы, проявляющиеся в конкретном тексте: *Даша сказала, что завидует Ивану Ильичу — есть свое дело, уверенность в жизни... а она — женщина* (А. Н. Толстой). Потенциальными семами в слове *женщина* являются: 'зависимость', 'слабость', 'неуверенность'; 7) ве́роятностные семы, обнаруживающиеся в конкретном тексте при окказиональных (индивидуальных) сочетаниях слов: *О, я хочу безумно жить: Все сущее — увековечить, Безличное — вочеловечить, Несбывшееся — воплотить* (А. Блок). См.: *безличное* 'не относящееся к определенному лицу, личности' (ССРЛЯ) и *вочеловечить* (неологизм А. Блока) 'воплотить в человека, личность'. Общая сема слов — '*личность*'.

Частичный состав семного членения включает семы собственно лексического значения: гиперсему, гипосемы, коннотативные, потенциальные и вероятностные семы.

Таким образом, се́мема (значение слова) представляет собой иерархически организованную семную структуру, где каждое последующее семное членение вносит уточняющие дифференциации к предшествующему.

Образец полного, лексико-грамматического семного анализа слова *хлеб* в значении 'пищевой продукт, выпекаемый из муки': 1) 'предметность' (классема); 2) 'вещество' (лексограммема, или лексико-грамматическая сема); 3) 'продукт' (гиперсема); 4) 'пищевой', 'выпекаемый', 'из муки' (гипосемы).

Хлеб в значении 'зерно, из которого делают муку': 1) 'предметность' (классема); 2) 'собирательность' (лексограммема, или лексико-грамматическая сема); 3) 'зерно' (гиперсема); 4) 'из которого', 'делают', 'муку' (гипосемы).

Коннотативные семы слова *хлеб* вытекают из характеристики зерна и изделий из него как важнейшего продукта питания человека. Эти коннотации отражены во фразеологизмах, закрепивших национально-культурный оценочный компонент слова *хлеб*: *хлеб*

¹ Например, слова *стакан* (а), *кружка* (б) и *бокал* (в) при гиперсеме 'сосуд' имеют гипосемы: а) 'стеклянный', 'цилиндрический', 'без ручки'; б) 'цилиндрический', 'с ручкой'; в) 'цилиндрический', 'с ножкой'.

насущенный, отбивать хлеб, зарабатывать на хлеб, где выявляются коннотации 'необходимое', 'средство', 'питания'.

Семы могут быть ^(в)эксплицитными (выраженными в дефиниции слова) и ^(и)имплицитными (невыраженными): *высокий* 'очень хороший' — *высокая культура* (позитив., одобр. — эксплиц.) и *греметь* 'производить звуки' — *гревели стульями* (негатив., неодобр. — имплиц.).

Типы лексического значения слова

Тип лексического значения определяется тем, какой аспект положен в основу классификации семантики слова. Первый — это способ номинации, т.е. как, каким образом именуется явление действительности — прямо или опосредованно. Второй — учитывает мотивированность значения, т.е. является ли оно первичным или мотивировано каким-либо значением того же самого слова. Третий — это способ существования значения слова — свободное оно или связанное: может ли слово иметь относительно свободную и широкую сочетаемость с другими словами либо быть ограниченным в своих связях. Соответственно строится и классификация лексического значения слова. При этом каждая градация классификации оппозитивна, т.е. обладает внутренней противопоставленностью — наличием/отсутствием признака.

Различаются следующие типы лексического значения: 1) тип **номинативности** значения: прямое (прямо-номинативное) и переносное (косвенно-номинативное); 2) тип **мотивированности** значения: немотивированное (первичное) и мотивированное (вторичное); 3) тип **синтагматичности** (сочетаемости) значения: свободное и связанное значения (среди связанных значений выделяются: конструктивно ограниченное, синтаксически обусловленное и фразеологически связанное)¹.

1. **Прямым** называется значение слова или ЛСВ, которое непосредственно указывает на предмет, признак, процесс и др. и выступает в качестве его основной номинации в современный период развития языка. Принято считать, что слово имеет одно прямое основное значение. Однако в полисемичном слове могут быть два и даже три прямых значения. Омонимичными эти значения еще не стали, потому что между ними существует непосредственная смысловая связь. Например, у многозначного слова *хлеб* 1-е и 4-е значения являются прямыми: 1. 'Пищевой продукт, выпекаемый из муки' и 4. 'Хлебный знак'.

¹ Типология лексической сочетаемости значений предложена в статье В. В. Виноградова «Основные типы лексических значений слов» // Виноградов В. В. Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162–189.

Переносным значение названо потому, что его появление обусловлено функционально-ассоциативными связями, объединяющими один предмет, признак, процесс и т.д. с другим. *Хлеб*. 1. 'Пищевой продукт, выпекаемый из муки'. 2. 'Пищевой продукт из муки в виде выпеченного изделия какой-нибудь формы' (СО).

Термины прямо-номинативное и косвенно-номинативное значения отражают автономность и неавтономность именования по характеру соотношения с действительностью. Прямо-номинативное значение обладает самостоятельной назывной функцией, косвенно-номинативное — соотносится с обозначаемым опосредованно, только при совместной реализации с опорным для него значением. Для переносного, или косвенно-номинативного, значения опорным может быть не только прямое, но и переносное значение: *Хлеб*. 5. 'Обеспечение средствами для пропитания' — переносное значение по отношению к 1-му значению 'пищевой продукт, выпекаемый из муки', но, в свою очередь, оно является исходным значением для переносного 6-го значения: *Хлеб*. 6. 'Средства, обеспечивающие существование'.

2. **Немотивированным** (первичным) называется значение, которое является генетически непроемким для современного русского языка. **Мотивированным** (вторичным) значение именуется потому, что оно производно в смысловом или словообразовательном отношении. Мотивированные слова или ЛСВ обладают «внутренней формой»: они связаны с производящим словом или ЛСВ своей формой и теми семантиками, которые входят в мотивирующую часть значения. Слово *хлеб* в 1-м и 2-м значениях имеет общую мотивирующую часть — 'пищевой', 'продукт', 'из муки', объединяющую непроемкое и производное значения. Но 2-е мотивированное значение имеет семный «привесок» — 'в виде изделия', 'какой-нибудь', 'формы'.

Многозначное слово, обладающее словообразовательным аффиксом, также может быть мотивированным по своему значению: *Хлебный*. 1. Прил. к *хлеб*; *Хлебец*. 'Небольшой хлеб' (во 2-м значении).

3. **Свободным** называют такое значение слова, которое обладает относительно широкой синтагматикой (сочетаемостью). Связи между словами в этом случае определяются реальными связями явлений действительности. Например, существительное *хлеб* имеет широкий круг сочетаемости: *свежий, черствый, белый, черный, ржаной, пеклеванный, пшеничный, горчичный* и т.д. Но свобода сочетаемости относительна, она ограничена смысловыми отношениями слов: невозможны сочетания типа *кирпичный, деревянный, умный, глупый хлеб*. Ограничения в синтагматике могут быть нескольких видов: а) в лексической сочетаемости: *черствый хлеб, черствая булка, черствый пряник* (*черствый* 'затвердевший, засохший, несвежий'), но **черствый огурец, черствое варенье* и др.;

б) в семантической сочетаемости: *черствый хлеб* 'затвердевший, засохший, несвежий' только об определенных видах мучных изделий; в значении 'лишенный душевной мягкости' слово *черствый* сочетается лишь с личными существительными: *черствый человек, черствый учитель* и др.; в) в синтаксической сочетаемости: прилагательное *черствый* употребляется только в сочетании с именем существительным: *черствые отношения, черствый начальник* и т.д.

Несвободным является значение слов, сочетаемость которых ограничена семантическими и внеязыковыми факторами.

Синтаксически обусловленным называется такое значение слова, которое проявляется лишь в определенной синтаксической позиции: позиции сказуемого, обращения или определений разных типов. «Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значения тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику»¹. Синтаксически обусловленными могут быть существительные, прилагательные, глаголы и другие части речи. Например: *шляпа* 'о вялом, безынициативном человеке, растяпе' (*он настоящая шляпа; шляпа! куда идешь?; он, шляпа, ни с чем не справится*). Или: *он будет у меня шелковый* (*шелковый* в значении 'послушный' употребляется только в составе именного сказуемого).

В лексикографии синтаксически обусловленное значение обозначается следующими способами: 1) при помощи предлога *о*, свидетельствующего об употреблении слова в роли сказуемого: **Мешок**. 5. 'О неповоротливом, неуклюжем человеке' (разг.) и 2) грамматическими пометами: **Рад**, в знач. сказ. 'О чувстве радости, удовольствии, испытываемом кем-нибудь от кого-чего-нибудь' (СО).

Конструктивно ограниченным считается значение, которое не полностью раскрывается в формах самого слова: его значение реализуется лишь в определенной синтаксической конструкции — в сочетании с другими словами. Установившаяся в литературном языке норма зависимости конструктивно ограниченного значения проявляется в строго определенных формах связей слов: управлении, согласовании и примыкании.

Конструктивно ограниченное значение фиксируется словарями либо грамматической пометой (обычно для глаголов), либо предложениями (для имен): *увлекаться чем, верить во что; розы счастья, блаженства* 'о счастье, радости'. **Слышать**. 1. *кого-что*. 'Различать, воспринимать что-нибудь слухом'. *Плохо слышать звуки...* 3. *О ком-чем* и с союзом *что*. 'Получать какие-нибудь све-

¹ Виноградов В. В. Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 187.

дения, узнавать'. Я *слышал*, что он скоро придет (СО); *Кланяться*.

1. *кому и с кем*. 'Делать поклон, приветствовать при встрече (наклон головы, снятие шляпы и т.п.)'. *Не кланяться с кем-нибудь...*
2. *кому*. 'Посылать или передавать привет'. 3. *кому чем*. 'Приносить в дар' (устар.). *Кланяться кому-нибудь хлебом-солью*. 4. *перен., кому и перед кем*. 'Обращаться с просьбой, униженно просить о чем-нибудь (разг.)'. *Приходилось кланяться перед начальством* (СО).

Наиболее многочисленной группой слов с конструктивно ограниченным значением являются глаголы. Но этим же типом синтагматики обладают и другие части речи: существительные, прилагательные и т.д. Например: *Мешок*. 4. 'Вместилище в теле животного, в растении (спец.)'. *Защечный мешок. Зародышевый мешок* (СО). Прилагательное *зеленый* в значении 'неопытный по молодости' сочетается с существительными *юнец, юноша, молодежь*.

Возможны синкретичные случаи сочетаемости, когда связи слова объединяют синтаксически обусловленное и конструктивно ограниченное значения. *Здоровый*. 3. *кратк. ф., в знач. сказ., с неопр. формой гл. и на что*. 'Ловок делать что-нибудь, искусен'. *Здоров плясать! Здоров на выдумки* (СО). Первый пример из СО иллюстрирует синтаксически обусловленное значение краткой формы прилагательного, второй — конструктивно ограниченное значение — обязательное управление винительным падежом с предлогом *на*.

В учебной литературе конструктивно ограниченное значение иногда относят к разновидностям синтаксически обусловленного значения на основании зависимости синтаксической позиции слова¹. В других же случаях ставят под сомнение существование самого типа значения и не включают его в типологию несвободных значений, поскольку обязательность связи в данной конструкции иногда свойственна всем значениям слова². *Белить* что. 1. 'Покрывать мелом, известью; красить белым'. *Белить потолок*. 2. 'Мазать белилами'. *Белить лицо*. 3. 'Обрабатывать, делая белым, очищая от прежней окраски'. *Белить холст* (СО).

Однако явления такого рода редки в сфере глагольной лексики, и в примерах подобного рода можно говорить об обобщенно-конструктивно ограниченном значении, потому что управление винительным падежом без предлога свойственно этому глаголу в целом и без указанной падежной формы у зависимого имени он не употребляется.

¹ См.: Фомина М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1990. — С. 41.

² См.: Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — М., 1987. — С. 14–17.

Фразеологически связанным является отвлеченно-переносное значение слова, которое может проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами. Для фразеологически связанного значения характерна сочетаемость с одним — восемью, десятью словами: *закадычный друг; крошечная тьма, темнота, ночь; страх, ужас, тоска, досада, злость, зависть, смех, раздумье, охота берет*, но нельзя сказать *любовь, радость, ненависть, наслаждение берет*.

Ограничения в синтагматике у слов с фразеологически связанным значением определяются внутренними, семантическими отношениями в самой языковой системе. «При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений»¹. Фразеологически связанное значение находится в переходной зоне между лексикой (отдельность слов) и фразеологией (неспособность слова обозначать явления вне сочетаемости с другими словами). Слова с фразеологически связанным значением не имеют самостоятельной знаковой функции и выступают в роли постоянных элементов фразеологических сочетаний².

Фразеологически связанное значение фиксируется лишь в ССРЛЯ под знаком $\diamond$ (лежащий ромб): $\diamond$ Легкий хлеб. 'Легкий заработок'; $\diamond$ Штучные ткани. 'Текстильные ткани, выпускаемые в виде готовых изделий (полотенца, скатерти и т.п.)'; $\diamond$ Зависть, злоба и т.п. чернит кого-, что-нибудь. 'Порочит, представляет в неблагоприятном свете'.

Структура значения многозначного слова

Семантическая структура многозначного (полисемичного) слова может быть представлена как совокупность лексико-семантических вариантов или семем — в зависимости от того, какой содержательный акцент положен в основу анализа. При употреблении первого понятия акцент падает на внутреннюю смысловую зависимость лексико-семантических вариантов и связь их с одной лексической оболочкой; при выборе другого — семемы — обращается внимание на семантическое членение каждого значения (семема — семы) и структурную взаимосвязь сем как в отдельном ЛСВ, так и между двумя ЛСВ, объединенными по смыслу.

ЛСВ (значения) многозначного слова по-разному зависят один от другого и различно связаны между собой. По традиции т и п ы

¹ Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947. — С. 26.

² Подробное описание фразеологических сочетаний и их дифференциальные признаки см. в разделе «Фразеология». — С. 372—375.

семантических отношений ЛСВ принято называть переносными значениями слова. Перенос значения осуществляется на основе возникших ассоциативных связей между разными предметами, признаками, процессами и др.; именование одного предмета переносится на другой на основе внутренних, мотивированных отношений.

В учебной литературе называется разное количество традиционных типов переносных значений слов. В одних случаях выделяют только метафору и метонимию, в других — метафору, метонимию, синекдоху и функциональный перенос значения. Различия в числе переносных значений объясняются тем, что синекдоху (расширение и сужение значения) считают разновидностью метонимии, а функциональный перенос — разновидностью метафоры.

Метафорой называется перенос именования одного предмета на другой на основании сходства их внешних или внутренних признаков, формы предметов, их расположения и др. В построении метафоры участвуют четыре компонента — два предмета, основной и вспомогательный, соотносенные друг с другом, и свойства каждого из них. Например, значение метафоры *поле* (деятельности) возникло на основе представления о *поле* как обширном пространстве (пригодном или подготовленном к посеву) и представления о деятельности как работе (в определенной области, пригодной для «посева»). В основе метафоры лежит появление признаков исходного, номинативного значения, послуживших для ее образования. Метафорическое значение вбирает в себя свойства для нового знания по аналогии с явлением, обладающим этими свойствами.

Метафора — наиболее распространенное средство образования новых значений; большая часть наших обыденных понятий по своей сути метафорична.

В метафоре наблюдается сложность отношений прообраза и образа. Метафорические прообразы прихотливы и чаще всего являются имплицитными (скрытыми). На семном уровне это выглядит как переход гипосемы (часто коннотативной) из мотивирующего значения в гипосему или гиперсему мотивированного значения. В слове *лиса* ‘хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом’ имеется скрытая коннотативная сема ‘хитрость’, по народной традиции качество, приписываемое этому животному. Второе значение слова — ‘хитрец, лживый человек’ возникло на основе коннотативного значения и включает его как гиперсему в новое значение слова.

Различают номинативную, когнитивную и образную метафору.

Номинативной является метафора, утратившая образность и служащая прямым именованием: *ножка* стула, *ручка* двери, *белок* глаза, *журавль* колодца.

Когнитивная (*cognito* — ‘думаю’) метафора — мыслительное отражение реальной или приписываемой общности свойств: **Горсть**. 1. ‘Ладонь и согнутые пальцы’... 3. *перен.* ‘О людях: незначительное, очень малое число’ (СОШ); **Стена**. 1. ‘Вертикальная часть здания, помещения’... 3. *перен.* ‘В сражении, в кулачном бою: тесно сомкнутый ряд людей’ (СО); **Провалиться**. 1. ‘Упасть в какое-нибудь отверстие’... 4. *перен.* ‘Пропасть, исчезнуть (прост.)’ (СО).

Образная метафора возникает как ассоциация человеческого чувства (зрения, слуха, обоняния и др.) с объектами реального мира и человеческого (антропоцентрического) осмысления органического/неорганического мира. Эта метафора обладает двумя семантическими планами (образом и прообразом) и имеет экспрессивно-эмоциональное значение: **Звезда**. 1. ‘Небесное тело, видимое простым глазом в форме светящейся точки на небе’; 2. *перен.* ‘О деятеле искусства, науки, о спортсмене: знаменитость’ (СО); **Крест**. 1. ‘Фигура из двух пересекающихся под углом линий’... 5. *перен., ед.* ‘Страдания, испытания (устар.)’ (СО).

Или: **Жемчуг** (зубов). *перен.* ‘О белизне и яркости зубов’; **Крик** (души). *перен.* ‘Невольное и сильное выражение сокровенных чувств, мыслей’; **Пахнет** (ссорой). *перен.* ‘Чувствоваться, ощущаться, что-либо ожидаемое’; **Обострить**. 3. ‘Сделать более напряженным’. *Обострить отношения* (СО).

Частным случаем образной метафоры является эмоциональная метафора. Для ее возникновения достаточно субъективно-эмоционального сходства явлений: **Мычать**. 1. ‘Издавать звуки, кричать (о корове, быке)’... 2. *перен.* ‘Невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки (разг.)’ (СО); **История**. 1. ‘Действительность в ее развитии, движении’... 7. ‘Происшествие, преимущественно неприятное, скандал’ (СО).

Существует также стертая метафора, которая утратила семантически мотивированные связи значений. **Пачка**. 1. ‘Несколько однородных предметов, сложенных, упакованных вместе’. *Пачка папирос*. 2. ‘Часть костюма балерины — несколько коротких юбок из тонкой материи, нашитых одна на другую (спец.)’ (СО); **Простой**. 1. ‘Однородный по составу, не составной’. *Простые вещества*... 5. ‘Добродушный, простодушный, не церемонный’. *Не стесняйся его, он человек простой* (СО).

В словарях русского языка метафоричность значения обычно обозначается пометой *перен.*, однако в некоторых случаях данная помета бывает пропущена: **Отпустить**. 1. ‘Позволить кому-нибудь отправиться куда-нибудь’... 8. ‘Сказать неожиданно (разг., шутол.)’. *Отпустить шутку* (СО).

Разновидности метафорических значений основаны на типе сходства предметов, признаков, процессов. К ним относятся: 1) форма: **Голова**. 1. ‘Часть тела человека’... 8. ‘Пищевой продукт

в форме шара, конуса' (СОШ); 2) проявление ощущения, восприятия, впечатления: **Колючий**. 1. 'Имеющий колючки'. 3. *перен.* 'Язвительный, насмешливо-злой' (СОШ); 3) мера явления: **Глубина**. 1. 'Протяженность, расстояние от поверхности до дна... по направлению вниз'. 4. *перен., чего.* 'Сила, степень проявления чего-н.' (СОШ); 4) способ действия: **Глотать**. 1. 'Движением глотки проталкивать что-н. изо рта в пищевод'. 2. *перен., что.* 'Принимать молча... скрывать свою обиду' (СОШ); 5) результат действия: **Глохнуть**. 1. 'Становиться глухим'... 3. 'Дичать, зарастать сорняком' (СОШ); 6) функция: **Молот**. 1. 'Большой тяжелый молоток для ручнойковки, дробления камней'. 2. 'Механизм ударного действия для обработки металла давлением' (СОШ).

Изобразительность метафорических именовании основывается на применении сформированного образа одних предметов к другим: образ *змеи* — к человеку, цвет *зеленый* — к молодости, образ игры *бирюльки* — к бездельничеству (*играть в бирюльки* — заниматься пустяками).

Метафоры бывают языковые и художественные (индивидуальные). Языковая метафора отражает социальный опыт, имеет системный характер употребления, воспроизводима и анонимна (*зеленый юнец, бархат южного неба*). Художественная метафора индивидуальна, невоспроизводима в языке, имеет авторство и выполняет образные эстетические функции олицетворения (антропонима): *Улыбнулись сонные березки* (С. Есенин); сравнения: *Золотые ладьи облаков* (А. Блок); загадки: *Всходит месяц обнаженный При лазоревой луне* (В. Я. Брюсов).

Метонимия — перенос именовании одного предмета, признака, процесса и т. д. на другой по их смежности (сопредельности). Основой метонимии служат причинные, следственные, пространственные, временные и другие отношения, возникающие вследствие сопредельности явлений. Отражая постоянные взаимодействия объектов действительности, метонимия образует регулярные семантические взаимодействия между ЛСВ многозначного слова.

К разновидностям метонимии относятся соотношения: 1) материал — изделие: **Золото**. 1. 'Драгоценный металл желтого цвета'... 2. 'Монеты или изделия из этого металла' (СО); 2) действие — цель действия: **Нажечь**. 1. 'Наготовить пережиганием, а также сжечь в каком-нибудь количестве'... 2. 'Накалить, повредить жаром' (СО); 3) процесс — результат: **Литье**. 1. 'Процесс изготовления жидкого металла'. 2. 'Литые металлические изделия'; 4) действие — место: **Зимовка**. 1. 'Проживание где-либо зимой'. 2. 'Место, помещение, где зимуют'; 5) признак — вещь: **Белизна**. 1. 'Яркий, чистый цвет чего-либо'. 2. 'Именование стирального порошка'; 6) причина — следствие: **Нажать**. 1. 'Давя, притиснуть, надавить'... 3. 'Выжать

в каком-нибудь количестве' (СО); 7) смежность во времени: **Зимовать**. 1. 'Проводить где-либо зиму, оставаться где-либо на зиму'. 2. 'Выдерживать, переносить зимние холода...' (СРЯ); 8) смежность в пространстве: **Окно**. 1. 'Отверстие в стене здания для света и воздуха'. 2. 'Просвет в облаках'. 3. 'Промежуток между занятиями' (спец.); 9) вместилище — содержание: **Аудитория**. 1. 'Помещение для чтения лекций'. 2. 'Слушатели лекции, доклада и т. п.' (СО).

Особой разновидностью метонимии является конверсивная связь («обратные отношения») значений слов: **Наемщик**. 1. 'Тот, кто нанимает'. 2. 'Наемный рабочий'; **Слепой**. 1. 'Лишенный зрения'. 2. 'Не дающий возможности видеть (*слепой шрифт, слепое окно*)'. Конверсивные отношения в учебных пособиях иногда относят к энантиосемии — противоположным значениям внутри одного и того же слова.

В словарях метонимический перенос не имеет специальных помет.

Метонимические взаимодействия ЛСВ образуют, в отличие от метафоры, регулярные и продуктивные семные связи. Они, как правило, входят в зону словарной статьи и могут быть легко обнаружены: **Литература**. 1. 'Совокупность письменных произведений вообще'. 2. 'Совокупность художественных произведений (поэзия, проза, драма)'. 3. 'Совокупность произведений какой-нибудь отрасли знания, по какому-нибудь специальному предмету' (СО). 2-е и 3-е значения связаны с 1-м гиперсемой 'совокупность' и гипосемой 'произведений'.

Однако в результате метонимии могут появиться новые значения, принципиально различные по лексограммам (лексикограмматическим семам): предмет — его признак, действие — инструмент действия и т. п. Например: **Протирка**. 1. 'см. протереть (вытирая, очистить)'. 2. 'Тряпка или иное приспособление для чистки чего-нибудь' (СО). 1-е значение слова имеет гиперсему 'очистить' (глагол), во 2-м, производном, гиперсемы 'тряпка', 'приспособление' (существительные). Однако связь значений эксплицитна (открыта): в 1-м значении имеется сема 'очистить', во 2-м — однокоренная сема 'для чистки'.

Синекдохой называют перенос значения слова, посредством которого целое (нечто большее) выявляется через свою часть (нечто меньшее). Выделяются две разновидности синекдохи: 1) расширение значения и 2) сужение значения: **Бас**. 1. 'Самый низкий мужской голос'. 2. 'Певец с таким голосом' (СО) — расширение значения; **Соболь**. 1. 'Хищный зверек из семейства куньих...' 2. 'Мех этого зверька' (СО) — сужение значения.

Функциональный перенос значения возникает на основе сходства функций предметов: **Молот**. 1. 'Большой тяжелый молоток дляковки металлов, дробления камней'. 2. 'Механизм

с ударным приспособлением для обработки металла давлением' (СО).

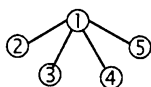
Синекдоха и функциональный перенос также основаны на семных взаимодействиях ЛСВ. Эти типы семантических взаимодействий не имеют лексикографических помет.

Традиционные виды переносных значений слова (метафора, метонимия, синекдоха, функциональный перенос значения) связаны с диахронией семантической структуры и относятся к фигурам образной речи (тропам).

Смысловая структура отражает различный характер соединения ЛСВ с основным, номинативным значением и друг с другом. Следует различать три типа структурных связей: 1) радиальную полисемию, при которой все частные значения зависят от прямо-номинативного значения и мотивируются им; 2) цепочечную полисемию, когда каждое последующее частное значение мотивируется предшествующим; 3) радиально-цепочечную полисемию, при которой совмещены оба типа связей.

Перечисленные типы структурных связей ЛСВ можно представить графически — в виде графов (графиков). Графы отражают в упрощенном виде семантическую структуру слов и позволяют наглядно показать смысловые связи между отдельными значениями (ЛСВ).

Радиальная полисемия: Стрелка. 1. 'Тонкая и узкая, вращающаяся на оси пластинка, служащая указателем в различных измерительных приборах, часах и т.п.' 2. 'Знак в виде черты, от конца которого под острым углом отходят две короткие черточки (→)'. 3. 'То же, что стрела (стебель травянистого растения)'. 4. 'Узкий и длинный выступ суши; коса'. 5. 'Устройство на рельсовых путях для перевода подвижного состава с одного пути на другой' (СО).

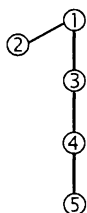

Цепочечная полисемия: Сообразить. 1. 'Сопоставить в уме, взвесить'. 2. 'Понять, догадаться о смысле чего-нибудь'. 3. 'Сделать, устроить что-нибудь (прост.)'.

Радиально-цепочечная полисемия: Зеленый. 1. 'Цвета травы, листы'. 2. 'О цвете лица: бледный, землистого оттенка (разг.)'. 3. 'Относящийся к растительности, состоящий, сделанный

из зелени'. 4. 'О плодах: недозревший'. 5. *перен.* 'Неопытный по молодости (разг.)'.

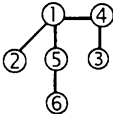
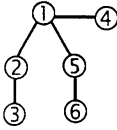

В семантической структуре многозначного слова могут быть следующие виды семной связи ЛСВ: 1) гиперо-гипонимическая; 2) гипо-гиперонимическая, 3) гиперо-гиперонимическая и 4) гипо-гипонимическая. Вид семной зависимости определяется тем, какого типа семы объединяют по смыслу лексико-семантические варианты. Например: в слове *хлеб* 1-е и 2-е значения связаны гиперо-гиперонимической связью, поскольку 2-е значение, зависимое от 1-го, имеет в своей семной структуре ту же самую гиперсему 'продукт'. В слове *песня* 1-е и 2-е значения связаны гипо-гипонимическими отношениями на основе общей гипосемы 'пения': 1. 'Стихотворное и музыкальное произведение для **пения**'. 2. 'Звуки птичьего **пения**'.

Именованное типа семной связи ЛСВ определяется тем, какой вид семы в мотивированном значении зависит от того или иного вида семы мотивирующего значения. **Караул.** 1. 'Воинское подразделение, несущее **охрану** кого-, чего-нибудь'. 2. '**Охрана**, обязанности по такой охране' (СО). Между ЛСВ — гиперо-гипонимические связи, так как 2-е значение, мотивированное 1-м, имеет гиперсему 'охрана', которая в 1-м, мотивирующем значении является гипосемой.

Способы выражения семной связи ЛСВ могут быть: 1) **эксплицитными** (выраженными), имеющими общую сему в составе связанных по смыслу ЛСВ; 2) **имплицитными** (невыраженными), не имеющими однокоренной семы в семном составе семантически объединенных ЛСВ. Для установления производности значений используется **правило шести шагов**, предложенное Ю. Н. Карауловым. «Как показывает опыт, цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента»¹. Правило шести шагов обладает универсальным характером: оно действительно и для смысловых связей отдельных слов, и для значений (ЛСВ) одного многозначного слова.

¹ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., 1976. — С. 77.

Слово и его граф (график)	Лексико-семантические варианты (ЛСВ)	Типы лексических значений			Зависимости ЛСВ
		прямое/ переносное	мотивированное/ немотивированное	свободное/ связанное	
<i>Хлеб</i> радиально-цепочечная связь	1. 'Пищевой продукт, выпекаемый из муки'	прям.	немотив.	свободн.	
вариант графа	2. 'Пищевой продукт из муки в виде выпеченного изделия какой-нибудь формы'	перен.	мотив.	свободн.	2→1
	3. 'Зерно, из которого делают муку'	перен.	мотив.	свободн.	3←4 (3→2)
 радиально-цепочечная связь	4. 'Хлебный злак'	прям.	немотив.	свободн.	
	5. 'Обеспечение средствами для пропитания (разг.)'	перен.	мотив.	свободн.	5→1
	6. 'Средства, обеспечивающие существование (разг.)'	перен.	мотив.	свободн.	6→5

¹ Дефиниции слова взяты из СО (1986). Семный состав отдельных ЛСВ волнистой чертой — семные связи ЛСВ, фигурными скобками — имплицитные

многозначного слова¹

Типы семантических отношений ЛСВ		Семный состав ЛСВ и семные связи ЛСВ	Виды семной связи ЛСВ	Способы выражения семной связи ЛСВ
типы переноса значений	разновидности переноса значений			
		<u>‘продукт’</u> <u>‘пищевой’</u> <u>‘из муки’</u>		
метонимия	вещество → изделие	<u>‘продукт’</u> <u>‘пищевой’</u> <u>‘из муки’</u> <u>‘изделия’</u> <u>‘формы’</u>	гиперо-гиперонимическая	эксплицитный
метонимия (синекдоха)	часть → целое	<u>‘зерно’</u> <u>‘муку’</u> { <u>‘злаков’</u> }	гипо-гиперонимическая (гипо-гипонимическая)	имплицитный
		<u>‘злак’</u> <u>‘хлебный’</u>		
метафора	когнитивная	<u>‘обеспечение’</u> <u>‘средствами’</u> <u>‘для пропитания’</u> { <u>‘пища’</u> }	гипо-гипонимическая	имплицитный
метонимия	процесс → результат	<u>‘средства’</u> <u>‘существование’</u>	гиперо-гипонимическая	эксплицитный

представлен в сокращенном виде. Полужирным шрифтом выделены гиперсеммы, семы.

Например: в слове *хлеб* 3-е значение ‘*зерно*, из которого делают муку’ зависит от 4-го значения ‘*хлебный злак*’. На первом шаге семного анализа значения эксплицитно не связаны между собой. Обнаружение имплицитной семной связи производится на втором шаге смыслового развертывания элемента дефиниции 3-го значения — семы ‘*зерно*’: *зерно* ‘плод, семя *злаков* (а также некоторых других растений)’. Таким образом, экспликация семы ‘*зерно*’ позволяет установить на втором шаге семного анализа имплицитную семную общность между 3-м и 4-м значениями: ‘*злак*’ (4-е значение) — ‘*зерно*’ (3-е значение): ‘*зерно*’ → ‘*злак*’. Между 4-м (исходным) и 3-м (мотивированным) значениями имеется гипо-гиперонимическая связь: сема ‘*злаков*’, обнаруживаемая при развертывании гиперсемы ‘*зерно*’ (3-е значение), является гипосемой.

Она полностью равнозначна гиперсеме ‘*злак*’ 4-го значения, которое обуславливает семантическую производность 3-го значения.

Семный анализ выполняет определяющую роль при рассмотрении семантической структуры многозначного слова. Он раскрывает реальные, а не основанные на интуиции исследователя зависимости и связи ЛСВ.

Данный анализ позволяет, основываясь на лексикографических дефинициях, рассмотреть семный состав и виды семных связей ЛСВ, выявить семную общность и способы выражения семной связи ЛСВ.

См. таблицу 3, где в обобщенном виде представлен лексико-семантический анализ слова *хлеб*.

Комментарии к таблице 3

1. Таблица 1 иллюстрирует эпидигматические (семанτικο-derivационные) отношения в составе многозначного слова, представляя слово как систему взаимообусловленных лексико-семантических вариантов (значений слова), образующих определенную семантическую структуру.

2. Семный состав ЛСВ представлен гиперсемой и гипосемами (могут быть указаны также коннотативные и потенциальные семы). Такое членение раскрывает внутреннюю семную иерархию (внутренние связи) каждого ЛСВ (см. образец семного анализа — с. 215–217 данного учебника).

3. Семная общность лексико-семантических вариантов создается за счет однокоренных сем, содержащихся в каждом отдельном ЛСВ в составе как гиперсем, так и гипосем. Для обнаружения семной связи ЛСВ подбирается общая сема из семного состава зависимого по смыслу ЛСВ.

См. выше семную структуру и семные связи 1-го и 2-го ЛСВ в слове *хлеб*. Порядок выявления имплицитной связи 4-го и 3-го значений см. выше, на с. 229–231. Связь 5-го и 1-го ЛСВ, также имплицитная, обнаруживается через сему ‘пищевой’, которая является компонентом

дефиниции 1-го ЛСВ. Сема 5-го ЛСВ 'для пропитания' разворачивается как 'пища, прокормление' на втором шаге анализа. Общими компонентами значения в результате стали: в 1-м ЛСВ — сема 'пищевой', в 5-м ЛСВ — однокоренная сема 'пища', т.е. установлена деривационная общность ЛСВ.

4. 6-й ЛСВ и 5-й ЛСВ связаны эксплицитно (открыто): в 6-м значении (ЛСВ) имеется гиперсема 'средства', в 5-м — гипосема 'средствами'; значения слов (ЛСВ) объединены гиперо-гипонимической связью.

5. Варианты комментария к таблице 3. Возможны и иные понимания семных связей ЛСВ в слове *хлеб*. 3-е значение слова может быть в гипо-гипонимической связи со 2-м значением на основе общности сем 'из муки' (2-е значение) и 'муку' (3-е значение); способ связи в таком понимании — эксплицитный. При таком анализе строится вариант графа (см. табл. 3).

6. Семная микроструктура значений слова раскрывает основы семантической макроструктуры — лексико-семантического варьирования многозначного слова. Эксплицитные и имплицитные связи в эпидигматике слова образуют систему содержательных связей словозначений и тот семантический языковой каркас, на котором основываются системные парадигматические и синтагматические отношения между отдельными словами.

7. Взаимодействие значений слова на семном уровне раскрывает глубинные смысловые ассоциации, возникающие при продвижении человеческой мысли в слове. Сохраняя означаемое, человеческое мышление нагружает его информацией (означаемым) — таков основной принцип номинативности: слово насыщается значением.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМАТИКА

Значения однозначных слов и ЛСВ многозначных слов вступают друг с другом в парадигматические отношения, образуя разного рода лексико-семантические объединения. Парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления значений слов и/или ЛСВ на основе сходства и различия в их значениях. Указанные отношения характеризуют нелинейную организацию однородных по смыслу лексических единиц. Парадигмы слов организуются на основе общих, интегральных семантических признаков и различаются семантическими дифференциальными признаками, которые противопоставляют друг другу члены парадигмы.

Вся лексико-семантическая парадигматика строится на интегрально-дифференциальных семных взаимодействиях, являющихся основанием системных связей слов/ЛСВ слов. Выделяются следующие типы парадигм:

1) омонимическая парадигма (ОП),

- 2) синонимическая парадигма (СП),
- 3) антонимическая парадигма (АП),
- 4) тематическая парадигма (ТП),
- 5) гиперо-гипонимическая парадигма (ГГП),
- 6) лексико-семантическая группа слов (ЛСГ).

Омонимическая парадигма

По традиции явление омонимии обычно не относят к парадигматике слова, поскольку под парадигматическими отношениями подразумевают семантические связи слов. Но понятие парадигматических отношений может быть применено и к явлению омонимии, поскольку системность омонимического ряда проявляется в наличии интегральных признаков (плана выражения) и дифференциальных признаков (плана содержания). Поэтому омонимическая парадигма — явление формально-семантического порядка.

Таким образом, под омонимической парадигмой понимается системная группировка одинаковых по фонетической/графической форме слов, семантически противопоставленных.

Собственно лексическая омонимическая парадигма может быть полной (все члены парадигмы соотносятся друг с другом при формообразовании) или неполной (соотносятся друг с другом лишь отдельные словоформы). Поэтому различаются лексические (полные) омонимы и лексико-грамматические (неполные) омонимы. Полнота/неполнота омонимов определяется тем, входят ли они целиком или частично в грамматическую парадигму, т.е. охватывает ли лексическая омонимия все ряды словоформ одного и того же слова. Для имен существительных полнота парадигмы определяется набором словоформ в категориях числа и падежа; для прилагательных — рода, числа и падежа; для глаголов — способностью адекватного образования инфинитива, личных форм, причастий и деепричастий (четырёх форм) при сохранении видового и залогового значения. К полным омонимам относятся, например: *ручка*¹ (стула и др.) — *ручка*² (уменьш.-ласк. к слову *рука*), имеющие как единственное, так и множественное число; *свет*¹ 'вселенная' — *свет*² 'лучистая энергия', употребляющиеся только в единственном числе. К неполным омонимам относятся: *рак*¹ 'членистоногое' — *рак*² 'болезнь', где второй омоним не имеет форм множественного числа; *заставить*¹ 'обставить мебелью' — *заставить*² 'принудить', так как второй омоним не обладает причастными страдательными формами.

Помимо лексико-грамматических омонимов выделяются еще четыре типа неполных омонимов: 1) о м о ф о р м ы — слова, совпадающие лишь в отдельных словоформах: *техника* 'совокуп-

ность средств труда' и *техника* — род. падеж ед. числа от слова *техник* 'специалист со средним техническим образованием' (морфологические омонимы); 2) о м о ф ó н ы — слова, совпадающие в произношении, но различающиеся орфографически: *плот* — *плод*, *волы* — *валы* (фонетические омонимы); 3) о м ó г р а ф ы — слова, совпадающие в написании, но различающиеся в произношении: *вѣски* — *вискѣй*, *стоѣт* — *стоѣт* (графические омонимы); 4) с и н т а к с и ч е с к и е о м о н и м ы — слова, омонимичные по морфологической форме, но различающиеся синтаксической ролью: *редакции* (им. падеж, мн. число) *отвѣчают* — *редакции* (дат. падеж, ед. число) *отвѣчают*.

Выделяются также и словообразовательные типы омонимов.

Словообразовательный тип определяется производностью/непроизводностью омонимов: *мир*¹ и *мир*² — непроизводные омонимы, состоящие из одного корня; *наметать*¹ и *наметать*² — производные омонимы, включающие в свой состав аффиксы.

Среди способов образования омонимов выделяются: а) семантический — распад многозначного слова: *свет*¹ 'вселенная' — *свет*² 'лучистая энергия'; б) словообразовательный — образование производных слов с новыми значениями: *завод*¹ 'промышленное предприятие' — *завод*² 'действие по глаголу *заводить*'; в) формообразовательный — совпадение словоформ грамматических парадигм: *наметать*¹ (несовершенный вид) — *наметать*² (совершенный вид); *шотландка*¹ 'женск. к *шотландец*' — *шотландка*² 'ткань в клетку' (только в единственном числе); г) фонетический — звуковое (графическое) совпадение в результате заимствования или исторических изменений в звуковом составе слова: *лава*¹ (итал.) 'вулканическая масса' — *лава*² (польск.) 'вид конного строя при атаке' — *лава*³ (обл.) 'мостик через реку'; *лук*¹ (общеслав. *лоукъ*) 'огородное растение' — *лук*² (герм.) 'оружие для метания стрел'.

Отграничение полисемии от омонимии вызывает в целом ряде случаев затруднения, особенно тогда, когда омонимы возникают в результате распада полисемии. В ССРЛЯ *перевод* — слово многозначное, в СО регистрируются два омонима, в «Словаре омонимов русского языка» под редакцией О. С. Ахмановой — три.

Перевод¹. 1 'см. перевести¹ (ведя через какое-либо пространство, переместить)' — **Перевод**². 'см. перевести² (известить, истребить)' (СО).

Перевод I [От перевести I — переводить I] ~ на другое место — **Перевод II** [От перевести II — переводить II] ~ денег, продуктов — **Перевод III** [От перевести III — перевести III] ~ подстрочный, на французский язык («Словарь омонимов русского языка»).

Несовпадение в числе омонимов объясняется тем, что О. С. Ахманова выделяет как омоним **Перевод III** 'текст, переведенный с

одного языка на другой', который в СО зафиксирован как 2-е значение **Перевод I** (СО, 1991).

Существуют следующие критерии разграничения омонимии и полисемии: 1) семантический, 2) словообразовательный и 3) синтагматический (сочетательный). Семантический критерий связан с подбором одинаковых или близких по значению слов к каждому из омонимов: *грохот*¹ 'шум' — *грохот*² 'решето'. Словообразовательный критерий заключается в подборе словообразовательного гнезда к каждому из омонимов: *грохот*¹ — *грохотать*, *грохнуть*, *грохотанье*; *грохот*² — *грохотить* (пропускать через грохот), *грохочение*. Синтагматический критерий раскрывает различные сочетательные связи омонимов: *грохот*¹ *страшный*, *близкий*, *металла*, *по крыше* и др.; *грохот*² *большой*, *для просеивания*, *для зерна*, *с деревянной основой* и др. В словаре омонимов под редакцией О.С.Ахмановой словообразовательные и особенно синтагматические критерии приведены в большом объеме.

В толковых словарях русского языка зафиксированы не все омонимические парадигмы, а лишь лексические и лексико-грамматические омонимы. В «Словаре омонимов русского языка» под редакцией О.С.Ахмановой регистрируются многочисленные омонимические ряды, указываются в некоторых случаях грамматические пометы омонимов, отмечается сочетаемость, а также производность омонима и его происхождение, но в подавляющем большинстве случаев не приводятся дефиниции слов, которые следует брать из толковых словарей. Какую (одну) из дефиниций ЛСВ многозначного слова следует взять к рассматриваемому омониму, в словаре подсказывает знак ~ (тильда), который, указывая на сочетаемость слова, способствует нахождению нужного значения: **Перевод II** ~ *денег*, *муки*, *продуктов* — 'полный расход чего-либо (обычно зря, впустую)'.

Являясь в целом ценным лексикографическим пособием, «Словарь омонимов русского языка» вместе с тем иногда включает в число омонимов случаи полисемии.

В таблицу 4 включены лексико-семантические характеристики трех омонимических глаголов *наметать*.

Комментарии к таблице 4

1. В словарях русского языка допускаются различные цифровые обозначения членов омонимической парадигмы: ССРЛЯ — 1. **Наметать**... 2. **Наметать**...; СРЯ и СО — **Наметать**¹... **Наметать**²...; Словарь омонимов — **Наметать I**... **Наметать II**...

2. Грамматические пометы к омонимам позволяют установить семантико-грамматический объем омонимической парадигмы, отделив те слова, которые не являются по семантическим и грамматическим свойствам ее членами. Например: *наметать*¹ — несов. к *намести*; грамматическая помета несов. обозначает, что глагол *намести* входит в видовую пару гла-

Лексико-семантический анализ омонимической парадигмы¹

Омонимическая парадигма (интегральные признаки)	Грамматические пометы членов парадигмы	Лексические значения омонимов (дифференциальные признаки)	Критерии разграничения омонимии и полисемии		Типы омонимов		Способы образования омонимов	
			семантический критерий	словообразовательный критерий	синтагматический критерий	полный/неполный омоним		словообразовательный тип
наметать ¹	несов. к <i>намести</i>	1. 'Метя, смета́я, собира́ть в каком-либо количестве'	соединять в одном месте что-либо	наме́т (обл.)	наметать <i>сузробы, пыль, листья</i>	неполный омоним к <i>наметать</i> ² и <i>наметать</i> ³	производный омоним	словообразование (образование перфектного глагола к <i>метать</i>)
наметать ²	сов. к <i>метать</i>	1. 'Прошить крупными стежками что-либо'	сделать шов на чем-либо	наме́тка, наме́тывание, наме́точный	наметать <i>швов, рукава</i>	неполный омоним к <i>наметать</i> ¹ и <i>наметать</i> ³	производный омоним	формообразование (образование видовой пары <i>метать</i> — <i>наметать</i>)
наметать ³	сов. к <i>наме́тывать</i>	'Путем длительного опыта, многих упрежнений сделать искус-ным'	добиться хорошего знания, умения в чем-либо	наме́танность, наме́танный, наме́тываться	наметать <i>глаз, руку</i>	неполный омоним к <i>наметать</i> ¹ и <i>наметать</i> ²	производный омоним	словообразование (образование перфектного глагола к <i>метать</i>)

¹ Дефиниции омонимов взяты из СРЯ (1980–1984). Нумерация лексических дефиниций та же, что и в СРЯ.

голов *наметать*¹ — *намести*, различающихся по виду, но идентичных семантически.

3. Лексические значения омонимов выбираются из соответствующих дефиниций слов в толковых словарях; омонимичными могут быть разные по порядковому номеру значения (ЛСВ) многозначных слов.

4. Критерии разграничения членов парадигмы опираются на семантические (подбор синонимов), словообразовательные (выявление словообразовательного гнезда) и синтагматические (лексико-семантическая сочетаемость данного омонима) основания. В отдельных случаях невозможно подобрать иллюстративный материал ко всем критериям разграничения.

5. Типы омонимов в данной таблице различаются по полноте охвата словоформ омонимической парадигмы и по словообразовательной структуре омонимов.

В первом случае вычлняются полные и неполные омонимы (в иной терминологии — лексические и лексико-грамматические омонимы). Например, *наметать*¹ является неполным (лексико-грамматическим) омонимом к *наметать*², поскольку эти глаголы: 1) различаются по виду и образуют различные видовые пары: *наметать*¹ несов. — *намести* сов. и *метать* несов. — *наметать*² сов.; 2) различаются в образовании залоговых пар: *наметать*¹ — *наметаться* (*сугробы наметаются ветром*) и *наметать*² — *наметываться* (*платье наметывается швеей*); 3) не совпадают в образовании причастных форм: *наметанный шов* (от *наметать*²), но *наметённый сугроб* (от *намести* — совершенный вид к *наметать*¹) — и деепричастий: *наметаю шов* (от *наметать*²), но *наметая сугроб* (от *наметать*¹).

Синонимическая парадигма

Синонимическая парадигма по сравнению с омонимической — явление иного порядка: интегральным признаком в ней является адекватность (тождественность) или близость значений синонимов, т.е. семантический признак. Дифференциальными признаками являются различия в звучании (написании) слов (ЛСВ), в их значениях и функционально-стилевом употреблении. Синонимия представляет собой лексико-семантическую организацию слов, которая базируется на интегральных и дифференциальных семах.

В синонимической парадигме (называемой по традиции синонимическим рядом) выделяется доминанта. Доминанта — это слово синонимического ряда с самым объемным и нейтральным значением, поэтому оно определяет общее толкование словарной синонимической статьи и является семантической точкой отсчета для других членов парадигмы. Значение каждого синонима сопоставляется со значением доминанты. Семная структура синонимов и их типы также определяются в отдельности только по отношению к доминанте. Интегральные семы (гиперсемы сино-

нимической парадигмы) также вычленяются из лексического значения доминанты. Например, в синонимической парадигме *развесистый*, *раскидистый*, *разлапистый* и *разлапый*¹ интегральными семами являются 'раскинувшийся', 'широко' (лексическое значение доминанты — слова *развесистый*). Если лексическое значение доминанты объемно по своему составу, следует выбрать 1–3 интегральные семы таким образом, чтобы основная по семантике интегральная сема совпадала с гиперсемой доминанты по своей частеречной принадлежности и имела такую же грамматическую форму. Так, интегральная сема 'раскинувшийся' совпадает в роде, числе и падеже с прилагательным *развесистый* (муж. род, ед. число, им. падеж).

Дифференциальные семы в синонимической парадигме представлены тремя типами: 1) семы содержательного характера (рациональные семы); см. гипосемы синонима — *разлапый* 'похожий', 'на лапы'; 2) семы, характеризующие стилевую принадлежность синонима, — *разлапый* (разг.); 3) стилистические коннотативные семы (эмоционально-экспрессивного характера) — бран., ирон., ласк., неодобр. и т.д.

Набор дифференциальных сем определяет разновидности синонимов.

1. Идеографическим (семантическим) считается синоним, содержащий по отношению к доминанте различительные содержательные семы: *разлапый* — *развесистый*.

2. Стилистическим называется синоним, обладающий эмоционально-экспрессивными коннотациями: *гулять*, *фланировать* (пренебреж.-ирон.).

3. Стилизовым является синоним, принадлежащий к определенному стилю речи: *понять*, *раскусить* (разг.), *раскумекать* (прост.). В отдельных случаях и доминанта обладает стилиевой пометой: *самовольничать* (разг.), *вольничать* (разг.).

Поскольку дифференциальные семы входят в состав значения слова, то общий тип синонима, основанный на семных разновидностях, является семантическим. Возможны синкретичные (совмещенные) типы синонимов: идеографо-стилевой: *легкий*, *немудреный*; идеографо-стилево-стилистический: *плёвый* и др.

Структурный тип синонима определяется его словообразовательным составом. Возможны: 1) однокорневые синонимы, принадлежащие к одному словообразовательному ряду: *хватать*, *ухватывать*, *схватывать*; 2) разнокорневые, не обладающие тем же самым корнем: *прозвище*, *кличка*.

Стилистическое назначение синонимов определяется при текстовом анализе: выясняется их функция в произведении, установ-

¹ Синонимическая парадигма взята из «Словаря синонимов русского языка» / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1970–1971. — Т. 2. — С. 332.

Лексико-семантический анализ синонимической парадигмы¹

Синонимическая парадигма	Лексические значения синонимов	Семная структура синонимов				Типы синонимов		Стилистическое назначение синонимов
		Интегральные семы	Дифференциальные семы			семантический	структурный	
			семы содержательного характера	эмоц.-экспрес. коннотации	стилевая сема			
легкий (доминанта)	‘Не представляющий трудности для выполнения, осуществления, усвоения и т. д.’	‘не’ ‘представляющий’ ‘трудности’			нейтр.			
нетрудный	‘Довольно легкий’	»	‘довольно’		нейтр.	идеографический	разно-корневой	
простой	‘Не требующий особого ума, знаний для выполнения, понимания’	»	‘особого’ ‘ума’ ‘знаний’		нейтр.	»	»	
элементарный	‘Очень легкий, простой’	»	‘очень’		нейтр.	»	»	
немудреный	‘Обладающий особой легкостью, отсутствием малейших трудностей’	»	‘особой’ ‘легкостью’		разг.	идеографо-стилевой	»	

	в выполнении, понимании и т. п. ¹									
<i>нехитрый</i>	»	»	»			»		»		
<i>пустяковый</i>	»	»	»			»		»		
<i>пустой</i>	»	»	»			»		»	однокорневой	
<i>плеве́ый</i>	»	»	»		пренебр.		прост.	идеографо-стилево-стилистич.	разно-корневой	

¹ Синонимическая парадигма и дефиниции ее членов взяты из двухтомного «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой (Л., 1970–1971. — Т. I. — С. 502). Эмоционально-экспрессивные стилистические коннотации приводятся по СРЯ.

ливаются значение синонима в словаре и тексте для выявления текстового приращения смысла (если оно имеется), определяется его оценка (позитив/негатив) и др. Синонимы могут выполнять смысловозначительную, стилеразличительную и стилистически различительную роль. Например: *И скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа...* Очумелов делает полуоборот налево и шагает к **сборищу** (А. П. Чехов). В синонимической паре *толпа* — *сборище* второй член в значении ‘собрание людей, толпа’ имеет стилистическое значение неодобр. и стилевое — разг., что «снижает» его значение в тексте и служит выражением отрицательной оценки. Синоним *сборище*, таким образом, выполняет в тексте стилистическое и стилевое различительное назначение.

См. таблицу 5, где в графическом виде дается лексико-семантический анализ синонимической парадигмы с общим значением ‘не представляющий трудности’.

Комментарии к таблице 5

1. Лексический материал для разбора синонимической парадигмы целесообразно брать из словарей синонимов русского языка, где выделены синонимические ряды, включающие интегральные и дифференциальные элементы значений. Наиболее полные данные приводятся в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и в справочном пособии «Словарь синонимов» также под редакцией А. П. Евгеньевой (Л., 1975). «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой включает в синонимическую статью текстовые синонимы, слова из тематической группы и др.

2. Лексические значения синонимов (лексикографические дефиниции), эмоционально-экспрессивные коннотации и стилевые пометы рекомендуется брать из толкового словаря (ССРЛЯ, СРЯ или СО), если в словаре синонимов не имеется достаточной семантической информации. В словарях синонимов отсутствуют стилистические коннотации, которые широко представлены в ССРЛЯ и СРЯ.

Стилевая сема ‘нейтр.’ означает принадлежность к нейтральной лексике.

3. Раздел «Стилистическое назначение синонимов» выполняется текстоцентрически. Устанавливаются: значение синонима в словаре и тексте, текстовое приращение смысла (если оно имеется), его функции и др.

См. один из возможных вариантов разбора: (1) Это был *легкий, приятный* труд (А. П. Чехов. «Моя жизнь»); (2) Вера не могла понять самых *элементарных* вещей, касающихся устройства автомобиля (С. Антонов. «Дельта икс»); (3) Внутри дома комнаты были заполнены заурядной, *нехитрой* мебелью (И. С. Тургенев. «Старый портрет»); (4) *Пустую* службу, *плевую* И ту не заслужил (Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»). Курсивом выделены языковые синонимы.

(1) Уточняя доминанту *легкий* (труд), синоним *приятный* ‘доставляющий удовольствие’ создаст общую текстовую тональность — ‘эмоцио-

нальное, радостное'; (2) *элементарные* (вещи) — означает в тексте 'простейшие, не представляющие трудностей в понимании'; (3) *нехитрая* (мебель) выступает как пояснение к определению синонима *заурядная* 'ничем не выделяющаяся' и получает текстовое приращение смысла 'легкая в выполнении', что снижает оценку; (4) поясняя 1-й синоним *пустую* 'обладающую особой легкостью' (службу), 2-й синоним *плевую* вносит негативно-эмоциональную оценку 'презрительное' и дополнительную сему 'несерьезную'. См. также: Словарь синонимов русского языка. — Л., 1970. — Т. 1. — С. 502–503; Шмелев Д. Н. Современный русский язык : лексика. — М., 1977. — С. 197–199.

Антонимическая парадигма

Антонимическая парадигма — это объединение слов с противоположными значениями. В основе их семантического соотношения находится общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противопоставленность значений. Специфической особенностью антонимической парадигмы является ее парность: она состоит из позитивного и негативного членов.

Дифференциальным признаком антонимии является наличие семы 'не', входящей в состав одного из членов. Антоним, содержащий сему 'не', включает в свое значение и все содержание другого антонима: *голодный* 'испытывающий голод' — *сытый* 'не испытывающий голода'; *здороветь* 'становиться здоровым' — *болеть* 'становиться не здоровым (больным)'. Сема 'не' может находиться в значении антонима как отдельное слово, выступать в качестве приставки *не-* или содержаться в антонимических приставках *а-*, *анти-*, *бес-*, *против-* и др.: *жирный* 'содержащий много жира' — *постный* 'не жирный'; *похвальба* 'лестный отзыв' — *порицание* 'нелестный отзыв'; *шумный* 'наполненный шумом' — *тихий* 'бесшумный'. В отдельных случаях антонимичность создается значением антонимичных приставок у обоих слов: *приближаться* 'перемещаться ближе к кому-, чему-либо' — *удаляться* 'перемещаться в противоположном к кому-, чему-либо направлении'.

Члены парадигмы могут содержать в своих значениях лексические антонимы: *встреча* 'свидание с кем-, чем-либо' — *разлука* 'расставание с кем-, чем-либо'; *приближаться* 'перемещаться на более близкое расстояние к кому-, чему-либо' — *удаляться* 'перемещаться на более далекое расстояние от кого-, чего-либо'. Один из лексических антонимов в этом случае имплицитно включает в свою семантику сему 'не': 'свидание' = 'не' + 'расставание'; 'близкое' = 'не' + 'далекое'.

Интегральные семы извлекаются из лексических значений антонимов, при этом они могут принадлежать или не принадлежать к той же классеме (категориальной семе части речи), что и сами

антонимы. *Жизнь* ‘физиологическое существование’ — *смерть* ‘прекращение физиологического существования’: интегральная сема ‘существование’ совпадает в лексико-грамматическом отношении с классемой, так как и сема ‘существование’, и антонимы *жизнь* — *смерть* обозначают ‘предметность’.

Большой ‘значительный по величине’ — *маленький* ‘незначительный по величине’: интегральные семы — ‘значительный’, ‘по величине’, в то время как классема антонимов *маленький* — *большой* — ‘признаковость’ обозначает принадлежность к имени прилагательному. В возможности несоответствия классемы интегральной семе, которая в других парадигмах совпадает с гиперсемой в лексико-грамматическом отношении, и состоит семная специфика антонимии.

Семный анализ членов антонимической пары позволяет выявить их семантические взаимодействия и определить типы антонимов.

Выделяются три семантических типа антонимов: контрарные, контрадикторные и конверсивные.

Контрарные (противоположные) антонимы обозначают противопоставленность предметов, признаков, процессов, отношений. Они допускают включение в свой состав «среднего» члена парадигмы — слова с нейтральным значением, от которого отсчитываются позитивный и негативный члены парадигмы: *любимый* — *безразличный* — *ненавистный*.

Контрадикторные (противоречащие) антонимы обозначают противопоставленность предметов, признаков, процессов, отношений, наличие одного из которых исключает существование другого. Средний член не может быть включен в парадигму: *жизнь* — $\emptyset$ — *смерть*.

Конверсивные (или векторные) антонимы как особый тип антонимов могут быть включены в антонимическую парадигму на основании противоположной направленности их семантики: *входить* ‘идя, начинать находиться где-либо’ — *выходить* ‘идя, переставать находиться где-либо’. Конверсивы обозначают противоположность разнонаправленных действий, признаков.

Особенность конверсивов заключается в их лексико-синтаксической противопоставленности: *Я покупаю книгу* — *ты продаешь книгу*; глаголы-конверсивы выражают двусторонние отношения подлежащно-объектных связей (объект один и тот же, а субъекты, обозначаемые подлежащими, — разные). Сами глаголы представляют одно и то же действие в «обратных» отношениях: ‘приобрести в собственность’ — ‘передать в собственность’.

Глагол *продавать* ‘приобретать в собственность’ характеризует подлежащее при неконверсивных отношениях и объект при конверсивных отношениях как один и тот же реальный субъект действия: *я продаю книгу* — *книга продается мне*.

Структурный тип антонимов определяется их принадлежностью/непринадлежностью к одному и тому же словообразовательному гнезду: *поздно — рано* (разнокорневые антонимы); *порядок — беспорядок* (однокорневые).

Функции антонимов — это создание антитезы, оксюморона и др. Антитеза — стилистическая парная фигура в тексте, используемая в экспрессивно-изобразительных, юмористических, иронических, оценочных и других целях; как средство создания контраста образа, обозначения предела, проявления свойства и т.д. Например: *Клянусь я **первым** днем творенья, клянусь его **последним** днем...* (М. Ю. Лермонтов) — антитеза используется как средство выражения временного контраста. Или: ***Но поражения от победы ты сам не должен отличать*** (Б. Пастернак) — несовместимые понятия выступают как константы авторского кредо.

См. еще: *Не знаю, жить мне **много** или **мало**, иду я к свету иль во **мрак** ночной, — душа тебе быть верной не устала, тебе, тебе одной!* (В. Я. Брюсов) — и первая и вторая пара антитез используется для утверждения одного из сопоставляемых контрастов за счет отрицания другого: либо *много* — либо *мало*, либо *к свету* — либо *во мрак*.

Оксиморон (или оксюморон) — стилистическая фигура, основанная на двух антонимах, которые обозначают взаимоисключающие явления. Например: *Будь **счастлива** **несчастьем** моим* (М. Ю. Лермонтов); *О, если б я **нищ** был! Как **миллиардер**!* (В. Маяковский). Следует обратить внимание на то, что оксимороны — антонимы всегда принадлежат к различным частям речи.

См. таблицу 6 «Лексико-семантический анализ антонимической парадигмы», где в обобщенном виде представлены характеристики трех антонимических парадигм: 1) «Величина»; 2) «Существование человека/животного»; 3) «Наем».

Комментарии к таблице 6

1. В первой паре антонимов (*большой — маленький*) интегральными являются гиперсема ‘значительный’ и гипосема ‘величина’, дифференциальной оказывается гипосема ‘не’. Во второй паре антонимов (*жизнь — смерть*) в роли интегральных сем выступают гиперсема ‘существование’ и гипосемы ‘человека’, ‘животного’. Функцию различительной семы выполняет гиперсема ‘прекращение’ (второй антоним) → ‘не’ + ‘существование’.

Интегральной семой в третьей паре является гипосема ‘наем’, дифференциальными же оказываются гиперсемы ‘отдавать’ — ‘брать’, семантическая связь между которыми разворачивается по правилу шести шагов. ‘Отдавать’ — ‘предоставлять в чье-либо пользование’ (второй шаг); ‘брать’ — ‘получать в свое пользование’ (второй шаг). На втором шаге между конверсивами возникает эксплицитная гипонимическая связь.

Лексико-семантический анализ антонимической парадигмы¹

Антонимическая парадигма	Лексические значения антонимов	Семная структура антонимов		Типы антонимов		Стилистическое назначение антонимов
		интегральные семы	дифференциальные семы	семантический	структурный	
1. <i>большой</i> 2. <i>маленький</i>	‘Значительный по величине, размерам’ ‘Незначительный по величине, размерам’	‘значительный’ ‘величина’	‘не’	контрарные антонимы	разнокорневые антонимы	
1. <i>жизнь</i> 2. <i>смерть</i>	‘Существование человека, животного’ ‘Прекращение существования человека, животного’	‘существование’ ‘человека’ ‘животного’	‘прекращение’ {‘не’ + ‘существование’}	контрадикторные антонимы	разнокорневые антонимы	
1. <i>сдавать</i> 2. <i>снимать</i>	‘Отдавать в наем’ ‘Брать в наем’	‘наем’	‘отдавать’ {‘предоставлять в пользование’} ‘брать’ {‘получать в пользование’}	конверсивы ↔	разнокорневые антонимы	

¹ Дефиниции контрарных и контрадикторных антонимов взяты из «Словаря антонимов русского языка» Л.А.Введенской (1971). Дефиниции конверсивов берутся из СРЯ (1985).

Фигурами скобками обозначены имплицитные семы.

2. При анализе антонимической парадигмы лучше всего использовать «Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской, где толкования слов зарегистрированы в их антонимических соотношениях¹.

3. В учебной литературе разнонаправленность действий, признаков и т. п. отмечается стрелками: $\rightleftharpoons$.

4. Стилистическое назначение антонимов описывается при текстоцентрическом анализе. Определяются: функции антонимов, их значения в словаре и тексте, дополнительность текстовой семантики и др. (с. 269—273 учебника). См. краткое описание функций антонимов: (1) *Кому быть живым и хвалимым, Кто должен быть мертв и хулим, Известно у нас подхалимам Влиятельным только одним* (Б. Пастернак); (2) *Прошлое страстно глядится в грядущее. Нет настоящего, жалкого — нет* (А. Блок); (3) *Голова до прелести пуста, Оттого что сердце — слишком полно!* (М. Цветаева). (1) Антонимические блоки выполняют функцию контрастного сравнения, характеризуя стиль приспособленцев; (2) объединение временных координат в роли конструктивной организации текста; (3) противоположности, характеризующие психическое состояние поэта.

Тематическая парадигма

Тематическая парадигма (тематический ряд) объединяет слова, имеющие в своем значении интегральную эксплицитную или имплицитную гиперсему, которая называет понятия одного уровня обобщения (таких гиперсем может быть несколько). Тематический ряд объединяет те или иные «отрезки действительности». Поскольку в тематические парадигмы организуются названия реальных предметов, а понятийные сферы весьма многочисленны в реальной действительности, то в современном русском языке существует большое количество тематических рядов.

См. некоторые тематические парадигмы, определяемые семантикой членов ряда: 1) глаголы движения; 2) названия частей человеческого тела; 3) названия животных и частей их тела; 4) пища; 5) названия денежных единиц; 6) названия единиц счета и количества и др. Например, глаголы движения объединяются в одну четко структурированную по смыслу группу на основе общей гиперсемы 'передвигаться'. Глаголы *ехать, идти, лететь, плыть, ползти* содержат в своем первом прямом значении сему 'передвигаться' (ССРЛЯ). Глаголы *бежать, нестись, гнать* — сему 'двигаться', а глаголы *везти, катить, нести, тащить* — 'передвигать'. И лишь два глагола — *вести* и *лезть* — содержат сему 'передвигаться' в своих толкованиях имплицитно: *вести* 'направлять чье-либо движение' и *лезть* 'карабкаться, взбираться, подниматься'. Гипонимические отличия глаголов движения касаются способа, места и направления передвижения. Например: *пол-*

¹ См.: Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов н/Д, 1971 (и последующие издания).

йти — ‘поверхность’, ‘определенное’, ‘направление’; *плывть* — ‘вода’, ‘определенное’, ‘направление’; ср.: *лететь* — ‘воздух’, ‘крылья’; *идти* — ‘земля’, ‘ноги’. Весь ряд обнаруживает симметричное устройство, где смыслообъединяющими компонентами являются не только выраженная сема движения, но и семы способа, места и направления движения, представленные гипосемами индивидуального наполнения. Ядро группировки составляют четыре глагола: *идти*, *ехать*, *лететь*, *плывть*, которые по отношению к действиям лица обладают четкой противопоставленностью дифференциальных сем: ‘суша’ — ‘не’ + ‘суша’ (*идти*, *лететь*), ‘вспомогательные’ + ‘средства’ — ‘не’ + ‘вспомогательные’ + ‘средства’ (*ехать*, *плывть*).

Тематическая парадигма включает слова — члены парадигмы, их лексические значения и состав парадигматических семных отношений: интегральные и дифференциальные семы. См. лексико-семантический анализ тематической парадигмы «Пища» в таблице 7.

Таблица 7

Лексико-семантический анализ тематической парадигмы

Тематическая парадигма	Лексическое значение слова	Семная структура ТП	
		интегральные семы	дифференциальные семы
<i>хлеб</i>	‘Пищевой продукт, выпекаемый из муки’	‘продукт’ ‘пищевой’	‘изделие’ ‘выпе- каемое’ ‘из муки’
<i>колбаса</i>	‘Пищевой продукт особого пригото- вления — мясной фарш в оболочке из кишки или искусственной пленки’	»	‘фарш’ ‘мясной’ ‘в оболочке’
<i>сыр</i>	‘Пищевой продукт в виде полутвердой массы, приготовля- емый из заквашива- емого особым обра- зом молока’	»	‘масса’ ‘полутвер- дая’ ‘из молока’ ‘заквашиваемого’
<i>молоко</i>	‘Жидкость, получа- емая от коров и ис- пользуемая для пи- тания’	»	‘жидкость’ ‘от ко- ров’

1. В состав тематической парадигмы «Пища» кроме указанных слов входит значительное количество именовании пищи: *мясо, почки, печень, язык; булка, пирог, пирожки, ватрушки; борщ, суп, запеканка, пюре, котлеты; творог, сметана, сливки, сливочное масло* и т.д.

2. Специфической особенностью тематической парадигмы является отсутствие доминантного, родового слова, определяющего объединение (интеграцию) слов по определенной теме. Интегральная сема/семы выводится из лексических значений членов данной темы. Гиперсема/гиперсемы представляет собой родовую сему/семы, обозначающую класс объектов. Дифференциальные семы также извлекаются из лексического значения каждого члена парадигмы; они являются гипосемами (видовыми семами), которые означивают различительные свойства каждого из объектов.

3. Лексическое значение членов парадигмы определяется по толковым словарям русского языка. Однако для большей строгости и последовательности описания лексическое значение слова и соответственно его семный состав могут быть дополнены добавочными компонентами, обозначающими целевое назначение объекта, его свойства и т.д.

4. В парадигме «Пища» интегральная общность создается гиперсемами 'продукт' и 'пищевой'; гипонимические отличия 'продуктов питания' связаны с разновидностью вещества, из которого приготовлена пища, способом ее приготовления, консистенцией, формой и др.

Гиперо-гипонимическая парадигма

Гиперо-гипонимическая (родо-видовая) парадигма характеризуется наличием слова — родового понятия и слов — видовых понятий. *Растение: тюльпан, ландыш, роза, астра* и др.; *змея: уж, гадюка, медянка, кобра* и др. Слово с родовым понятием в лингвистике называется г и п е р ђ н и м о м, слова с видовыми понятиями именуются г и п ђ н и м а м и.

Гиперо-гипонимические отношения охватывают и структурируют значительную часть словарного состава языка. Они являются самыми распространенными парадигматическими связями слов. Родо-видовая парадигма опирается на тематическую парадигму и отличается от нее наличием гиперонима — родового понятия, по отношению к которому гипонимы — члены тематической парадигмы. Так, в сравнении с тематической парадигмой «Пища» (см. табл. 7) слово *пища* выступает в гиперо-гипонимической парадигме как гипероним, а члены тематической парадигмы *хлеб, колбаса, сыр, молоко* — как гипонимы.

Специфической особенностью гиперо-гипонимической парадигмы является то, что ее гипероним — открытая номинация гиперсемы, а гипонимы — открытые названия гипосем.

См. анализ парадигмы «Растения (цветы)» в таблице 8.

Лексико-семантический анализ гиперо-гипонимической парадигмы

Гипероним	Гипоним	Лексическое значение слова	Семная структура ГПП	
			интегральные семы	дифференциальные семы
<i>Растение</i>		‘Растение определенного семейства с корнем, стеблем, листьями и цветами, получающее питание из почвы и воздуха’	‘растение’ ‘семейство’ ‘корень’ ‘цветки’ ‘размер’ ‘цвет’ ‘запах’	
	<i>тюльпан</i>	‘Луковичное растение семейства лилейных с крупными разноцветными цветками, обычно без запаха’	»	‘лилейное’ ‘луковичное’ ‘цветки’ ‘крупные’ ‘разноцветные’ ‘без запаха’
	<i>ландыш</i>	‘Травянистое растение семейства лилейных с душистыми мелкими белыми цветками’	»	‘лилейное’ ‘травянистое’ ‘цветки’ ‘мелкие’ ‘белые’ ‘душистые’
	<i>роза</i>	‘Кустарниковое растение семейства розоцветных с крупными душистыми разноцветными цветками и со стеблем, покрытым шипами’	»	‘розоцветное’ ‘кустарниковое’ ‘цветки’ ‘крупные’ ‘разноцветные’ ‘душистые’
	<i>астра</i>	‘Травянистое растение семейства сложноцветных с крупными цветками различной окраски, обычно без запаха’	»	‘сложноцветное’ ‘травянистое’ ‘цветки’ ‘крупные’ ‘разноцветные’ ‘без запаха’
	<i>лилия</i>	‘Луковичное растение с пряным стеблем и крупными душистыми красивыми цветками в виде колокола, обычно белого цвета’	»	‘лилейное’ ‘луковичное’ ‘цветки’ ‘крупные’ ‘обычно белые’ ‘душистые’

Комментарии к таблице 8

1. Состав гиперо-гипонимической парадигмы «Растения (цветы)» может быть значительно пополнен гипонимами: *сирень, ромашка, дельфиниум, канна, хризантема, георгин, табак садовый, алиссум* и т.д.

2. Лексическое значение членов парадигмы определяется по толковым словарям русского языка и энциклопедиям. Интегральные и дифференциальные семы вычленяются из лексических значений слов. Интегральными названы семы гиперонима **растение**, каждая из которых является гиперсемой по отношению к соположенным семам гипонима. Дифференциальными являются семы гипонимов по отношению к соположенным семам гиперонима. Например: **Растение** (интегральные гиперсемы 'растение', 'семейство' и др.): *тюльпан* (дифференциальные гипосемы 'лилейное', 'луковичное' и др.), *роза* (дифференциальные гипосемы 'розоцветное', 'кустарниковое' и др.) и т.д.

3. Лексическое значение слов и состав дифференциальных сем могут быть сокращены по сравнению с полным лексическим семным набором, фиксируемым в словарных статьях.

4. В итоге гиперо-гипонимическая парадигма может быть описана в виде трех интегрально-дифференциальных семных структур: а) *гиперонимической*, б) *гипонимической* и в) *обобщенной гиперо-гипонимической*.

См. таблицу 9 «Семная иерархичность гиперо-гипонимической парадигмы».

Комментарии к таблице 9

1. Специфику гиперо-гипонимической парадигмы составляет совпадение номинаций гиперонима и его интегральной гиперсемы. В данном случае это — **Растение** и 'растение' (см. 3-ю горизонтальную колонку).

2. По девяти горизонтальным колонкам расположены: а) гиперо-гипонимическая парадигма (1-я горизонтальная колонка сверху): **Растение**: *тюльпан, ландыш, роза, астра, лилия* и б) семные составы гиперонима и гипонимов в виде интегрально-дифференциального описания (3–9-я горизонтальные колонки). 1-я интегральная сема (3-я горизонтальная колонка) гиперонима '**растение**' — гиперсема-I — имеет семную адекватность у самого гиперонима и у его гипонимов. Но 2-я интегральная сема 'семейство' (4-я горизонталь) в составе гиперонима соотносится с семами гипонимов, которые являются по отношению к этой гиперсеме дифференциальными семами (см. продолжение 4-й горизонтали): '**семейство**': 'лилейное' (*тюльпан*), 'лилейное' (*ландыш*), 'розоцветное' (*роза*), 'сложноцветное' (*астра*), 'лилейное' (*лилия*). Аналогичны семные соответствия и в остальных горизонтальных колонках, исключая '**цветки**' (6-я горизонталь) — гиперсеме-II, которая представляет собирательное значение по отношению к дифференциальным семам гипонимов — 'цветки' (продолжение 6-й колонки).

3. В шести вертикальных колонках расположены: а) интегральная гиперсемно-гипосемная структура гиперонима и б) дифференциальная гиперсемно-гипосемная структура гипонимов.

Семная иерархичность гиперо-гипонимической парадигмы

№ п/п	Гипероним	Гипонимы			
1	<i>Растение</i>	<i>тюльпан</i>	<i>ландыш</i>	<i>роза</i>	<i>астра</i>
2	интегральная гиперсемно-гипосемная структура гиперонима	дифференциальная гиперсемно-гипосемная структура гипонимов (интегрально-дифференциальная)			
3	‘растение’	‘растение’	‘растение’	‘растение’	‘растение’
4	‘семейство’	‘лилейное’	‘лилейное’	‘розовцветное’	‘лилейное’
5	‘корень’	‘луковичное’	‘травянистое’	‘кустарниковое’	‘луковичное’
6	‘цветки’	‘цветки’	‘цветки’	‘цветки’	‘цветки’
7	‘размер’	‘крупные’	‘мелкие’	‘крупные’	‘крупные’
8	‘цвет’	‘разноцветные’	‘белые’	‘разноцветные’	‘белые’
9	‘запах’	‘без запаха’	‘душистые’	‘душистые’	‘душистые’

а) Гипероним *Растение* имеет иерархическую гиперсемно-гипосемную структуру значения, где каждая последующая сема является гипосемой по отношению к предыдущей и одновременно гиперсемой по отношению к последующей гипосеме.

См. иерархию семной подчиненности у гиперонима *Растение*, где каждая из семи интегральных сем, начиная со 2-й вертикали и кончая 6-й, находится в гиперсемно-гипосемной зависимости. В составе интегральных сем выделяются две гиперсемы обобщающего характера: '**растение**' — гиперсема-I и '**цветки**' — гиперсема-II, которые обозначают особенности семейства растений, имеющих цветки. *Цветок* 'орган размножения с венчиком из лепестков вокруг пестика и тычинок' (СОШ).

Растение (гипероним): 'растение' (интегральная гиперсема-I) — 'семейство' (гипосема-1 и гиперсема-2) — 'корень' (гипосема-2 и гиперсема-3) — '**цветки**' (интегральная гиперсема-II — гипосема-3 и гиперсема-4) — 'размер' (цветка) (гипосема-4 и гиперсема-5) — 'цвет' (гипосема-5 и гиперсема-6) — 'запах' (гипосема-6 и гиперсема-7).

б) Семная иерархическая многоступенчатость свойственна и каждому гипониму. Например: (2-я вертикаль) *тюльпан* (гипоним): 'растение' (интегральная гиперсема-I) — 'лилейное' (гипосема-1 и гиперсема-2) — 'луковичное' (гипосема-2 и гиперсема-3) — 'цветки' (гипосема-3 и гиперсема-4 (II)) — 'крупные' (гипосема-4 и гиперсема-5) — 'яркие' (гипосема-5 и гиперсема-6) — 'без запаха' (гипосема-6 и гиперсема-7) и т.д.

4. Гиперо-гипонимическая парадигма обладает матричной структурой, где каждый из ее членов имеет гиперсемно-гипосемную иерархическую организованность горизонтально-вертикального плана.

5. Гиперо-гипонимическая парадигматика в наиболее очевидном представлении отражает иерархичность человеческого знания — в ее семантическом описании представлена обыденно-научная картина мирознания человека. Переход от обобщенного (родового) к частному (видовому) отражает систематизацию познания объективного мира человеком, степени его проникновения в сущность явлений действительности.

Лексико-семантическая группа слов

Лексико-семантической группой (ЛСГ) именуется самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена базовым семантическим компонентом. Семантический компонент обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем), обозначая класс классов предметов, признаков, процессов, отношений. Например, базовый семантический компонент ЛСГ '**предмет квартирной обстановки**' включает в свою смысловую сферу три гиперсемы: 1) '**мебель комнатная**': *диван, стол, стул, шкаф* и др.; 2) '**мебель кухонная**': *кухонный стол, плита, хлебница, холодильник* и др.; 3) '**покрытие полов/стен**': *ковер, гобелен, палас* и др. Таким образом, базовый семантический компонент ЛСГ представляет собой обобщающую гиперсеми-И, включающую

Анализ лексико-семантической группы

Лексико-семантическая группа слов	Лексическое значение слова	Семная структура ЛСГ		
		интегральная сема		дифференциальные семы
		гиперсема-I	гиперсема-II	
<i>стол</i>	‘Предмет мебели, за которым сидят при принятии пищи, для письма и др., в виде широкой горизонтальной доски на высоких ножках’	‘предмет’ ‘квартирной’ ‘обстановки’	‘мебель’ ‘комнатная’	‘для сидения’ ‘при принятии пищи’ ‘для письма’
<i>стул</i>	‘Предмет мебели для сидения, со спинкой и высокими ножками (на одного человека)’	»	»	‘для сидения’ ‘со спинкой’ ‘с ножками’
<i>диван</i>	‘Предмет мягкой мебели для сидения и лежания, со спинкой, ручками или валиком’	»	»	‘для сидения’ ‘для лежания’ ‘со спинкой’ ‘с ручками’
<i>шкаф</i>	‘Предмет мебели для хранения одежды, белья, книг, в виде стоячего ящика с полками и др.’	»	»	‘для хранения’ ‘одежды’ ‘в виде ящика’ ‘с полками’
<i>буфет</i>	‘Предмет мебели для хранения посуды, столового белья, столовых приборов и др., в виде шкафа’	»	»	‘для хранения’ ‘посуды’ ‘столовых’ ‘приборов’ ‘в виде шкафа’

<i>ковёр</i>	‘Предмет квартирной обстановки — покрытие из шерстяной и др. пряжи, обычно с ворсом, узорчатое, многоцветное для украшения полов, стен’	»	‘покрытие’ ‘стен’/‘полов’	‘для украшения стен/ полов’ ‘из пряжи’ ‘с ворсом’ ‘узорчатое’
<i>гобелен</i>	‘Предмет квартирной обстановки — ковер с вытканными ручную изображением людей, цветов и т. д. для украшения стен’	»	»	‘для украшения стен’ ‘вытканное’ ‘с изображением’
<i>холодильник</i>	‘Предмет кухонной мебели в виде шкафа для сохранения пищи, с холодильным устройством’	»	‘мебель кухонная’	‘для сохранения пищи’ ‘с устройством’ ‘холодильным’ ‘в виде шкафа’
<i>хлебница</i>	‘Предмет кухонной мебели для хранения хлеба, в виде ящичка’	»	»	‘для хранения’ ‘хлеба’ ‘в виде ящичка’

несколько однородных, более конкретных по значению гиперсем-II. В этом случае ЛСГ состоит из нескольких гиперо-гипонимических парадигм.

Второй особенностью ЛСГ является интегрально-дифференциальные соотношения семного состава слов. Интегральной семой ЛСГ является гиперсема-I — базовый семантический компонент всей группы. Интегральной семе противопоставлены дифференциальные семы, в составе которых выделяются: а) гиперсема-II, означающая классы объектов в частных парадигмах, и б) гипосемы, означающие различительные конкретные свойства этих классов объектов.

Третье отличие ЛСГ от других семантических группировок заключается в том, что в ее составе может быть несколько различных по семантике парадигм. Например, ЛСГ «Физическая характеристика человека» включает:

1) антонимические парадигмы: а) '**объем**': 'толстый' — 'худой'; 'тучный' — 'истощенный'; 'полный' — 'худощавый'; б) '**рост**': 'высокий' — 'маленький'; '**вес**': 'большой' — 'малый' и т.д.;

2) синонимические парадигмы: а) '**возраст**': 'детский', 'подростковый', 'юношеский', 'зрелый', 'пожилой'; б) '**внешняя привлекательность**': 'красивый', 'миловидный', 'хорошенький' и т.д.;

3) тематические парадигмы: а) '**сноровка**': 'ловкий', 'быстрый', 'живой'; б) '**осанка**': 'гордая', 'правильная' и т.д.

См. таблицу 10 ЛСГ «Комнатная обстановка».

Комментарии к таблице 10

1. Лексические значения слов выбираются из толковых словарей русского языка. Возможно «переустройство» лексикографической дефиниции — внесение в нее дополнительных компонентов значения (целевого назначения объекта, уточнения различительных признаков и др.) для большей строгости и однородности при описании членов ЛСГ.

2. Семная структура ЛСГ по своему составу сложнее других парадигм. Она состоит из интегральной гиперсемей-I, означающей класс класса предметов: '**предмет**', '**квартирной**', '**обстановки**', и дифференциальных, по отношению к гиперсеме-I, сем. Дифференциальные семы представляют семантическую структуру трех парадигм, входящих в состав данной ЛСГ: 1) гиперо-гипонимическая парадигма «Комнатная мебель»; 2) тематическая парадигма «Покрытие стен и полов», входящая в состав 1-й гиперо-гипонимической парадигмы «Комнатная мебель» и 3) гиперо-гипонимическая парадигма «Кухонная мебель».

Каждая из парадигм обладает своей гиперсемой, являющейся гиперсемой-II по отношению к гиперсеме-I: а) '**мебель**', '**комнатная**'; б) '**мебель**', '**кухонная**'. В тематической парадигме выделены интегральные семы '**покрытие**', '**стен**'/'**полов**'.

Рассмотрение парадигматических отношений слов показывает, что парадигматика — это особая организованная система. В ней отсутствует

единый семантический показатель членения, но она состоит из больших или меньших по объему групп, каждая из которых объединяется на основе общих для нее интегральных элементов и обладает дифференциальными элементами в каждом из своих членов. Парадигматика структурирует лексику по группам, между которыми нет непроницаемых границ, поскольку многие слова, взятые в одних и тех же значениях, выступают одновременно членами нескольких парадигм. Например, слово *хлеб* может входить в тематическую парадигму: *хлеб, сахар, пшено* и др.; в гиперо-гипонимическую парадигму: *пища — хлеб, колбаса, сыр* и т.д.; в лексико-семантическую группу с базовым компонентом **пропитание**: *хлеб, отруби, помидор, пшеница, горох* и т.д. Парадигматические связи слов обусловлены отношением общего и частного в лексическом значении, что объединяет и отличает слова друг от друга.

Семантическое поле

Самой объемной ономаσιологической и семантической группировкой слов является семантическое поле. Семантическое поле — это иерархическая организация слов, объединенная одним родовым значением и представляющая в языке определенную семантическую сферу¹. Ономаσιологическим свойством семантического поля является то, что в его основе находится родовая сема, или гиперсема, обозначающая класс объектов. Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам в своих значениях. Это позволяет их объединять и различать в пределах одного семантического поля.

Семантическое поле отличается от парадигмы следующим:

- а) парадигма, включая и лексико-семантическую группу, имеет в своем составе однозначные соотношения лексических единиц (синонимия/антонимия/гиперо-гипонимия и др.); семантическое поле представляет собой организацию неоднозначных соотношений (гиперо-гипонимия + синонимия/ антонимия и др.);
- б) парадигма — это объединение грамматически однородных лексических единиц (имен существительных, прилагательных, глаголов и др.); семантическое поле может быть представлено грамматически различными лексическими единицами (существительными и прилагательными/глаголами и т.д.);
- в) парадигма является относительно обособленной лексико-семантической организацией; семантическое поле в своих наиболее отдаленных от общего родового значения зонах соприкасается и

¹ См.: Новиков Л. А. Семантическое поле // Русский язык : энциклопедия. — М., 1997. — С. 458–459; Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., 1976. — С. 23–34; Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. — М., 1974.

пересекается с другими полями, образуя смежные синкретичные пространства. Это говорит о том, что лексическая система языка непрерывна и взаимосвязана в своих семантических отношениях.

В зависимости от частеречного состава выделяются структурные типы поля: 1) лексическое семантическое поле, состоящее либо из имен существительных, либо из имен прилагательных, либо из глаголов и др.; 2) лексико-грамматическое семантическое поле, включающее в свой состав имя существительное и глагол, имя существительное, глагол и прилагательное и др.; 3) лексико-словообразовательное семантическое поле, объединяющее однокорневые производные слова.

В зависимости от состава и значения лексических единиц, входящих в поле, различаются структурно-семантические типы поля: 1) поле однотипного состава, куда входят синонимическое семантическое поле, антонимическое семантическое поле, гиперо-гипонимическое семантическое поле и др.; 2) поле разнотипного состава, или синкретичное поле, имеющее в основе смысловую организации гиперо-гипонимическую структуру, которая наполняется синонимическими, антонимическими и другими парадигмами.

Собственно семантическая структура поля состоит из следующих частей: 1) ядро поля представлено родовой семьей (гиперсемой). Гиперсема поля — семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развертывание поля. Родовая сема может быть обозначена гиперонимом — словом с родовым понятием. Замена гиперсемы гиперонимом производится в методических целях — для однотипности описания и удобства анализа их отношений в поле; 2) центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром и друг с другом, значение и разграничивающихся с ядром и рядомположными единицами дифференциальными значениями. «Центровые» единицы более сложны по своей семантике и как бы обволакивают словами ядро; 3) периферия поля включает единицы, наиболее удаленные в своем значении от ядра; общее родовое значение здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определенному тексту произведения. Обычно периферийные слои поля вступают в контакты с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы; 4) фрагменты поля представляют собой вертикальную ядерную и центрo-периферийную структуру, которая по своей семантике образует отдельную гиперо-гипонимическую структуру однотипного/разнотипного состава.

В качестве иллюстраций приводятся разные типы семантических полей и комментарии к ним.

Лексическое семантическое поле «Возраст человека»

Комментарии к лексическому семантическому полю «Возраст человека»

1. Возрастные данные определены по градациям, установленным ЮНЕСКО (бюллетень № 191, 1986 г.): *детство* — возрастной период до 7 лет, *отрочество* — до 13 лет, *юность* — до 18 лет, *молодость* — до 40 лет, *зрелость* — до 70 лет, *старость* — 70 лет и выше.

2. Ядро поля представлено гиперсемой 'возраст', которая в методических целях заменена гиперонимом **возраст** с тем же обобщенным родовым значением.

Центр занимают имена с собирательно-абстрактным значением, которые называют шесть периодов возраста: *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *старость*. Например: *детство* 'ранний, до отрочества возраст'; *отрочество* 'возраст между детством и юностью'; ...*зрелость* 'возраст между молодостью и старостью' и т.д.¹

Периферию занимают слова с конкретными (по отношению к центру) значениями; они именуют членов возрастных групп. Например:

¹ Здесь и далее значения слов приводятся из СОШ.

ребенок 'мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества'; *подросток* 'мальчик или девочка в отроческом возрасте'; *взрослые люди* 'люди, достигшие зрелого возраста' и т.д. Фрагмент поля образован именами ядра, центра и периферии. Например: **возраст**: *детство*: *ребенок, дитя, младенец*; **возраст**: *зрелость*: *взрослые люди, мужчина, мужик, женщина, баба, жена*.

3. По структуре это лексическое поле, состоящее из существительных и именных словосочетаний *молодое поколение, взрослые люди, пожилые люди*.

4. По структурно-семантическому типу это синкретичное поле, где каждый фрагмент поля — гиперо-гипонимическая парадигма. Например: **возраст** является гиперонимом-1 по отношению к словам центра *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость*, которые являются его гипонимами. Гипоним — слово с видовым понятием. В свою очередь, слова *детство, отрочество, юность* и др. являются гиперонимами-2 по отношению к словам периферии; например: *детство*: *ребенок, дитя, младенец*; ...**юность**: *юноша/юнец, девушка/девица*; **зрелость**: *взрослые люди, мужчина/мужик, женщина/жена* и т.д. Периферийная сфера слов гипонимична к словам центра. Однако и периферия может иметь гиперо-гипонимическое устройство: **ребенок**: *дитя, младенец*; **подросток**: *мальчик/отрок, девочка/отроковица*; ...**пожилые люди**: *старик/старец/старица, старуха*. Члены парадигмы **ребенок** (1), **подросток** (2)... **пожилые люди** (6) — гиперонимы по отношению к словам *дитя, младенец* (1); *мальчик, девочка, отрок, отроковица* (2)... *старик, старец, старина, старуха* (6). Таким образом может быть выстроена гиперо-гипонимическая парадигма каждого фрагмента поля: 1) **возраст** (гипероним-1): *детство* (гипоним-1, гипероним-2): *ребенок* (гипоним-2, гипероним-3): *дитя, младенец* (гипонимы-3); ...2) **возраст** (гипероним-1): *юность* (гипоним-1, гипероним-2): *юноша/юнец, девушка/девица* (гипонимы-2); ...3) **возраст** (гипероним-1): *молодое поколение* (гипоним-1, гипероним-2): *юноша, девушка* (гипонимы-2, гипероним-3): *мужчина/женщина* (гипоним-3) и т.д.

5. Каждая из гиперо-гипонимических парадигм в составе фрагмента поля имеет и свое внутреннее семантическое устройство. Так, во фрагменте **возраст**: *детство*... периферия представлена синонимичной парадигмой: *ребенок* (доминанта), *дитя, младенец*. Синонимическими являются и периферийные парадигмы: *мальчик* — *отрок* (устар.), *девочка* — *отроковица* (устар.); *девушка* — *девица* (устар.); *мужчина* — *парень* (разг.), *мужик* (прост.); *женщина* — *жена* (устар., высок.), *баба* (прост., пренебр.).

6. В периферийной части фрагмента **возраст**: *отрочество*... имеется антонимическая парадигма с интегральным признаком 'различие по полу': *мальчик* — *девочка*. Аналогично: *юноша* — *девушка* во фрагменте *юность*; ... *мужчина* — *женщина* во фрагменте *зрелость*; *старик* — *старуха* во фрагменте *старость*. Антонимичны в широком значении и имена центра: *детство* — *отрочество, отрочество* — *юность, молодость* — *зрелость*. В узком понимании антонимии контрарными антонимами являются: *детство* — *зрелость* и *детство* — *старость*.

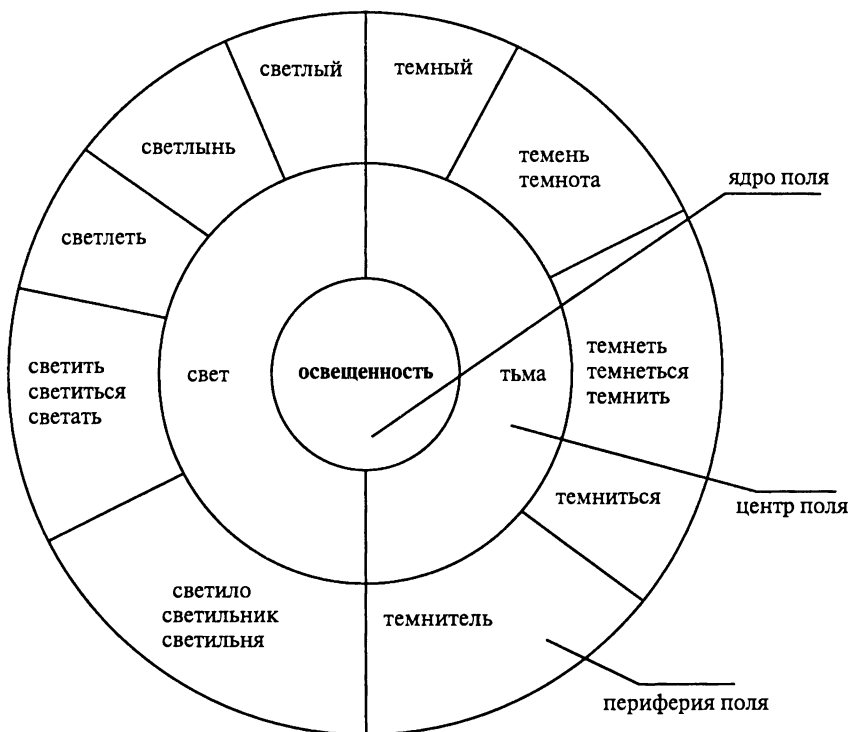
7. Периферийная семантика вступает и в более сложные — синонимико-антонимичные отношения. Например:

СИНОНИМЫ	отрочество		юность	
	мальчик	девочка	юноша	девушка
	отрок	отроковица	юнец	девица
	АНТОНИМЫ		АНТОНИМЫ	

Таким образом, семантика лексического поля характеризуется:

- 1) гиперо-гипонимической парадигматикой всех фрагментов поля;
- 2) гиперо-гипонимической парадигматикой части периферийных фрагментов;
- 3) антонимической парадигматикой в центре поля и на периферии;
- 4) синонимической парадигматикой на периферии поля;
- 5) синонимико-антонимической парадигматикой на периферии.

**Лексико-словообразовательное
антонимическое поле «Освещенность»**

Комментарии к лексико-словообразовательному антонимическому полю «Освещенность»

1. Ядро поля — гиперсема 'освещенность' означена одноименной номинацией — гиперонимом *освещенность* (здесь и далее толкования слов даются по СОШ).

2. В центре поля находится антонимическая парадигма: *свет* 'освещенность, состояние, когда светло' — *тьма* 'отсутствие света, мрак', которые имеют гипонимические отношения с ядром — гиперонимом *освещенность*.

3. На периферии поля находятся словообразовательные дериваты¹ позитивного члена антонимической парадигмы *свет*: 1) именная словообразовательная цепочка: *свет* → *светл̂[ы]и* 'хорошо освещенный, яркий' → *светл̂[ы]нь* 'об освещении (обычно лунном или звездном), при котором светло и хорошо видно' (разг.); 2) глагольный дериват: *светл̂[ы]й* → *светл̂[ы]ть* 'о наступлении рассвета, светлого времени дня'; 3) глагольная словообразовательная цепочка: *свет* → *светл̂[ы]ть* 'излучать свет' → *светл̂[ы]ться* 'излучать ровный свет'; 4) глагольный дериват: *свет* → *светл̂[ы]ть* 'о расвете: начинаться'; 5) глагольно-именная словообразовательная цепочка: *светл̂[ы]ть* → *светл̂[ы]ть* 'светящееся небесное тело' } *светильник* 'лампа' (устар.). Так одиночные дериваты и словообразовательные цепочки на периферии поля образуют словообразовательное гнездо с именем центра *свет*.

Противоположная (контрастная) сторона освещенности представлена словообразовательным гнездом, состоящим из одиночных производных слов, словообразовательных гнезд и словообразовательных цепочек: 1) адъективный дериват: *тьма* → *темн̂[ы]и* 'лишенный света'; 2) именное словообразовательное гнездо: *темный* }

темн̂[ы]и } *темн̂[ы]ть* 'тьма'; 3) адъективноглагольное словообразовательное гнездо: *темный* }

темн̂[ы]ть } *темн̂[ы]ть* → *темн̂[ы]ться*, где *темн̂[ы]ть* 'становиться темным', *темн̂[ы]ться* 'то же, что темн̂[ы]ть'; *темн̂[ы]ть* 'дсать темным', *темн̂[ы]ться* 'то же, что темн̂[ы]ть'; 4) именной дериват: *темн̂[ы]ть* → *темн̂[ы]ть* 'устройство для изменения интенсивности освещения'.

4. Каждый фрагмент периферии лексико-словообразовательного поля включает слова, принадлежащие к одной части речи, при этом

¹ Дериват — производное слово с новыми словообразовательными и лексическими значениями. Словообразовательное гнездо — объединение однокоренных слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности. Словообразовательное гнездо состоит из словообразовательных цепочек, создающих упорядоченный характер производности. Словообразовательная цепочка — ряд слов, которые последовательно мотивируют друг друга в гнезде. Подробнее см. ниже, в разделе «Словообразование», с. 487.

соблюдается синхронная производность слов: от существительного *свет* к прилагательному *светлый*, от прилагательного *светлый* к существительному, мотивированному прилагательным, — *светлынь* и т.д., т.е. соблюдается последовательная, упорядоченная мотивированность дериватов.

5. Внутри периферийного пространства образуются синонимические парадигмы: *светить* — *светиться*; *темень* — *темнота* — и антонимические парадигмы: *светлый* — *темный*; *светлеть* — *темнеть*.

6. Лексико-словообразовательное семантическое поле вбирает в себя парадигматику и словообразовательные структуры, образуя иерархии: а) общую семантическую структуру поля — гиперо-гипонимию парадигматического типа; б) внутреннее устройство гиперо-гипонимии составляют синонимические и антонимические парадигмы; в) одночастеречные и разночастеречные отношения между членами поля. Фрагменты поля представляют внутриполевые семантические структуры, относительно самостоятельные по смыслу, но одновременно соотносительные с рядоположными/нерядоположными фрагментами. Таким образом, семантическое поле — сложная иерархическая структура с внутренне непересекающимися и пересекающимися семантическими отношениями.

* *
* *

Лексика есть особым образом организованная система. Она имеет три структуры — эпидигматику, парадигматику и синтагматику, каждая из которых отражает системные свойства слова — центральной единицы словарного состава языка.

Эпидигматические, парадигматические и синтагматические отношения взаимно обусловлены и определяют семантические функции слова — номинативной единицы в составе коммуникативной единицы — предложения, сложного синтаксического целого — объединения нескольких предложений на основе общего содержания, абзаца — компонента главы произведения между красными строками, представляющего собой смысловое единство и состоящего из одного/нескольких предложений, главы — относительно самостоятельного по содержанию раздела произведения, состоящего из абзацев, и, наконец, текста произведения, обладающего целостностью, самостоятельностью и относительной автономностью выражения темы — круга событий, составляющих содержание произведения.

Каждая из этих коммуникативных ролей слова может характеризоваться приращением смысла, изменением значения и др. В предложении, абзаце, главе, тексте произведения реализуется то или иное значение слова, возникает возможность синонимического, антонимического или другого сопоставления семантики единиц и, наконец, выражается сама мысль.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Различают два функциональных вида анализа значения слова — лексикографический (лексоцентрический) и текстовый (текстоцентрический). В первом случае исследуется лексикографическое слово (словарная статья): 1) слово, семантически расчлененное на отдельные значения (лексико-семантические варианты — ЛСВ); 2) разного рода грамматические, семантические, стилевые и стилистические пометы; 3) семантическая структура слова как исторически и иерархически организованная совокупность значений (ЛСВ); 4) реализованное слово (иллюстративный материал).

Лексикографическое слово является результатом лингвосоциального, общепринятого употребления слова. Оно обобщено в своей семантике по отношению к своим индивидуальным реализациям.

При текстоцентрическом анализе на первый план выдвигается сопоставление узуального (общепринятого) и окказионального (обусловленного текстом) значений. Случаи окказионального употребления слова, т.е. его текстовые значения, не ставшие языковыми, не фиксируются в толковых словарях русского языка.

При текстоцентрическом анализе выявляются: 1) специфика значения слова в тексте — приращение смыслов: содержательных, стилистических — экспрессивных, эмоциональных, оценочных, т.е. появление текстовых коннотаций; 2) изменение/видоизменение стилевой принадлежности слова; 3) место и функция текстового значения в лексоцентрической эпидигматике и парадигматике; 4) текстовая значимость слова как средство художественной характеристики кого-, чего-либо.

При текстоцентрическом подходе анализ может производиться как на примерах из различных художественных или научно-публицистических текстов, так и на материале иллюстраций из словарной статьи. В обоих случаях исследуется актуализированное (употребленное в речи) слово, проявляющее свое значение в определенных синтагматических условиях. Текст может видоизменять тем или иным способом значение, создавая речевой или даже личностный смысл слова, т.е. обнаруживать психофилологические значения слов в текстах. «Значение представляет собой отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека... а смысл определяет, чем оно (значение. — Е.Д.) становится для меня, для моей личности»¹. Личностный смысл представляет собой индивидуальное, речевое употребление слова: *русло идеи* (А. Битов) 'основное направление идеи'; *лунный коридор* (Б. Ахмадулина) 'аллея, залитая лунным светом'.

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М., 1965. — С. 28.

В учебных целях можно изучать слово как лексо-, так и текстоцентрически. Каждый аспект имеет свою специфику, свои цели и задачи, которые необходимо разграничивать.

Так, глагол *ехать* в лексикографическом описании выглядит следующим образом. **Ехать**, несов. 1. 'Двигаться куда-н. при помощи каких-н. средств передвижения'... 2. (1-е и 2-е л. не употр.). 'Двигаться (о средствах передвижения)'... 3. 'Отправляться куда-н., передвигаться при помощи каких-н. средств передвижения'... 4. перен. 'Сдвигаться, скользить в сторону, стороны' (разг.)... 5. перен., на ком-чем. 'То же, что выезжать' (СОШ). Но в художественном тексте у слова появляются экспрессивно-деятельностные функции. Замысел произведения реализуется в текстовом приращении смысла слова, изменении значения из-за особенностей сочетаемости и др. Глагол перемещения *ехать* в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» используется как лексический доминантный повтор одного и того же значения 'отправляться куда-нибудь' (3-е лексикографическое значение): *Ольга Ивановна... в первом часу... ехала к своей портнихе... От портнихи... обыкновенно ехала к какой-нибудь знакомой актрисе... От актрисы нужно было ехать в мастерскую художника... После обеда... ехала к знакомым, потом в театр или на концерт... Так каждый день.* Глагол *ехать* передает регулярную повторяемость жизни героини, и коннотации повтора — 'беззаботность', 'праздность', 'легкость', 'бесцельность', согласуясь с названием рассказа, раскрывают образ героини. Глагол приобретает в тексте, помимо содержательных изменений, стилистическую оценку — негативное, уничижительное.

Или: глагол *думать* фиксируется в ССРЛЯ: **Думать**... несов., перех. и неперех. 1. 'Мыслить, размышлять'... 2. 'Предполагать'... ◇ (одно из употреблений слова). 'Иметь мнение, суждение; судить о ком-, чем-либо'... 3. 'Заботиться о ком-, чем-либо; беспокоиться'...

В рассказе А. П. Чехова «Душечка» глагол *думать* развивает текстовое антонимичное значение 'не иметь собственного мнения', а глагол *повторять* становится его текстовым синонимом, приращивая смысл 'возобновлять в речи услышанное, заученное'; ср. гл. *повторять*. 1. 'Сказать или сделать еще раз'... 2. 'Возобновить еще раз в памяти известное, заученное'... (СОШ).

Какие мысли были у мужа, такие и у нее. Если он думал, что в комнате жарко или что дни теперь стали тихие, то так думала и она... Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как и он... — Островом называется часть суши, — прочел он (Саша, сын ветеринара, ученик гимназии. — Е. Д.), — часть суши, со всех сторон окруженная водою. — Островом называется часть суши... — повторила она, и это было ее первое мнение, которое она высказала с уверенностью после стольких лет молчания и пустоты в мыслях.

Энантисемиа (антонимические значения одного и того же слова) глагола *думать* характеризует героиню рассказа Оленьку негативно и неодобрительно. Текстовая переориентация значения глаголов представляет читателю героиню как «мыслительную копию» ее мужей, близких ей людей, что заключено в содержательных созначениях: ‘возобновляя в речи услышанное’, ‘не углубляясь мыслью во что-н.’, ‘не обладая собственным мнением’. Ставший нарицательным образ Душечки — этот женский персонаж с тиражированным типом мышления и образа жизни раскрывается текстовой глагольной синонимической парадигмой *думать* и *повторять*.

Многозначное слово может создавать в тексте игровую стилистику — систему художественных средств для выражения экспрессивно-эмоциональных оценок: *Розог не бойтесь, дети! Знайте — ученым игривым Прутья ужасные эти Названы жизни мотивом... Вы улыбайтесь сквозь слезы, Молвите — это мотивы* (Д. Минаев). В 1-м случае *мотив* означает ‘побудительная причина к хорошей учебе’ и обладает по сравнению с лексикографическим словом смысловым приращением ‘к хорошей учебе’, во 2-м — ‘доводы в пользу наказания’ слово *мотив* также приобретает содержательное добавление ‘в пользу наказания’. Ср.: **Мотив...** 1. ‘Побудительная причина, повод к какому-н. действию’... 2. ‘Довод в пользу чего-н.’ (СОШ). Текстовые ЛСВ слова *мотив* использованы в саркастическо-иронической роли.

Метонимия используется в произведениях литературы как художественный прием характеристики человека через его отдельное свойство: *Почему, болтушка, сейчас молчишь?* (В. Астафьев); внешность: *Стой за тем усатиком* (В. Шукшин); принадлежность одежды: *Синие брюки уже давно ушли* (Д. Гранин); части тела: *Туловище шло само* (Д. Хармс); деятельность: *первые лыжи страны* (из телерепортажа).

Омонимия создает текстовую языковую игру с широким спектром значений: каламбур, сатира, ирония и др. *Защитник вольности и прав в сем случае совсем не прав* (А. С. Пушкин) — каламбурная роль; *Когда господь занялся отделением Зерна от плевел, глас надменный стих, И пережил вольнолюбивый стих Того, кто ведал третьим отделением* (Я. Козловский) — ироническая функция; *Вечно властен, вечно молод В странах Сумрака и Льда, Петь заставил вещей молот, Залил блеском города* (В. Я. Брюсов) — ритм торжественности.

Тематическая, гиперо-гипонимическая парадигма, лексико-семантическая группа образуют нередко в художественных текстах лексико-стилистические парадигмы, которые, выражая авторскую целеустановку, создают характерные для художника слова типовые ситуации, окрашенные определенной эмоцией, оценкой, экспрессией. Глагол *нашить* с накопительным значени-

ем (гипероним рассказа А. П. Чехова «Приданое») имеет гипонимы: *сшить, сметать* (платье), *вышить, покроить*. Предметный мир (ЛСГ) матери и дочери (швей): *корсовые башмаки, герань, мухи, кисейные тряпочки, выкройки, малиновое варенье* и др. создают бытовой, негативно-оценочный и эмоционально-смысловой план повествования этого рассказа — *бытописание* — одну из доминант творчества А. П. Чехова.

Особое место в языке художественной литературы занимает поэтическая лексика. По традиции это слова, обладающие языковыми, системными коннотациями 'высокое', 'лирическое' и 'торжественное': *лик, взор, божественный, облагриться. Музы вас благословили, Венками свьше осень, Когда вы, други, отличили Почетной чашею меня* (А. С. Пушкин). Но в широком понимании поэтическое слово — это словесно-художественное творение. Оно включает в свою семантику текстовое приращение смысла — новые содержательные компоненты, экспрессию, эмоциональность, оценку, то, что создает искусство слова. *Я помню вечер, бледно-скромный* ('ничем не выдающийся'), *Цветы усталых* ('утомленных') *георгин...* (В. Я. Брюсов); *Художник нам изобразил Глубокий обморок* ('полнота проявления вялости, слабости') *сирени* (О. Мандельштам); *Вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого* ('нежного, вызывающего внутренние приятные ощущения') (А. П. Чехов). Метафоры-олицетворения создают глубокую интимность чувств, тонкость и мягкость эмоциональных начал, т. е. передают семантические и стилистические приращения смысла в художественном тексте.

Таким образом, слово в языке имеет свой семантический ареал — свои семантические реальности и семантические возможности, которые в течение веков выработало человеческое познание. Этот ареал пополняется текстовыми приобретениями, вводящими слово в сферу искусства, поэтику слова.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

При описании происхождения и формирования русской лексики необходимо разграничить хронологические и лингвистические этапы ее развития, выявить источники образования слов, указать на специфику исторического анализа словарного состава языка и особенности истолкования языковых явлений.

В учебных изданиях по современному русскому языку принято вычленять четыре хронологических и лингвистических пласта в образовании русской лексики: так выделяются индоевропейские, общеславянские, восточнославянские (древнерусские) и

собственно русские слова¹. Однако в цикле исторических дисциплин по русскому языку существует более детальная градация двух последних хронологических пластов, произведенная на основании данных славянских диалектов, их территориального распространения, языковых контактов, а также социолингвистических факторов формирования восточнославянских государств. Эта периодизация будет использована далее.

1. Период индоевропейского праязыка, единого языка-источника, начало существования которого возводится ко II тысячелетию до нашей эры. К этому языку после распада индоевропейской этнической общности восходит индоевропейская семья языков и ее группы: славянская, индийская, иранская, греческая, итальянская, романская, германская и др. Современная индоевропеистика (индоевропейское языкознание) изучает индоевропейские языки с точки зрения их происхождения из единого языкового источника, исследует систему регулярных соответствий на фонетическом, морфологическом, лексическом, семантическом и других уровнях языка для объяснения общих и различных черт в языках-преемниках. Индоевропеистика накопила данные и о языковых фактах, относящихся к славянским языкам.

2. Праславянский (общеславянский) период. Протославянский — один из индоевропейских диалектов — дал начало праславянскому языку, родоначальнику современных славянских языков. В течение веков праславянский язык существовал как единый диалект, на основе которого выделились диалекты, положившие, в свою очередь, начало группам славянских языков: восточнославянской группе, куда входит русский, белорусский и украинский языки; южнославянской, представленной болгарским, македонским, сербохорватским и словенским; западнославянской, состоящей из чешского, словацкого, польского, верхне- и нижнелужицкого. Переход праславянских диалектов в самостоятельные славянские языки совершался весьма длительное время, но наиболее активно этот процесс протекал во 2-й половине I тысячелетия нашей эры. Это был период возникновения феодальных славянских государств на территории южной и восточной Европы. Праславянские диалекты существовали примерно до VII в. нашей эры.

3. Восточнославянский период (VI—IX вв.) характеризуется распространением славянской речи на территории Восточной Европы и контактированием с балтийскими и финно-

¹ См.: Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. — М., 1981. — Ч. 1. — С. 31—43; Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. — М., 1990. — С. 161—200; Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М., 1977. — С. 233—272; Введенская Л. А., Дыбина Т. В., Шеболева И. И. Современный русский литературный язык. — М., 1968. — С. 51—83 и др.

угорскими языками, принадлежащими коренным жителям территорий¹.

В это же время происходит обособление восточнославянских диалектов от западно- и южнославянских и образование территориальных диалектов на восточнославянской почве. Распад общинно-родового строя приводит к появлению сельских общин, поселений городского типа и др.

4. Древнерусский период (IX—XIV вв.) связан с формированием единого языка древнерусской народности, протекавшим под влиянием образования государственного объединения — Киевской Руси. Монголо-татарское нашествие на Древнюю Русь раскололо ее, в связи с чем впоследствии возникнут иные диалектные группы.

5. Старорусский (великорусский) период (XIV—XVII вв.) — этап создания языка великорусской народности, которая формировалась вокруг Москвы, ставшей центром восточнославянского государства. Этот социолингвистический процесс способствовал образованию великорусского языка и отделению его от украинского и белорусского.

6. Начальный период формирования национального русского языка (середина XVII—XVIII в.) — период образования русской нации, характеризуется процессом активного сглаживания различных диалектов, оформлением нового литературного языка, ориентированного на говор Москвы, и постепенным вытеснением позиций старославянского языка — книжного языка славянского средневековья.

7. Период развития национального русского языка (XIX—XX вв.). Этому этапу свойственно завершение формирования русского литературного языка и установление системы его норм. Русский язык становится средством общения нации, диалекты же все более утрачивают свою роль и к концу XX в. являются средством общения среднего и старшего поколений сельских жителей.

При лингвохронологическом членении русского языка в курсе «Современный русский язык» по традиции принято выделять исконную русскую лексику и заимствованную лексику. Первый пласт представлен генетическими группами: индоевропеизмами, общеславянизмами² (праславянизмами), восточнославянизмами (древнерусизмами) и собственно русизмами.

¹ Периодизация становления русского языка, начиная с восточнославянской эпохи и кончая образованием русского национального языка (3—7-й периоды), дается по учебнику: Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М., 1981. — С. 27—30.

² Этим термином принято в современном русском языке обозначать слова, принадлежащие праславянскому этапу развития.

В учебной литературе помимо понятия исконной русской лексики вводится еще понятие собственно русская лексика (собственно русизмы).

Существующие понятия нуждаются в дополнительных разъяснениях. Собственно русизмы — это слова, появившиеся в языке русской народности (с XIV в.) и языке русской нации (с XVII в. — по настоящее время). Исконное русское слово возникло же либо в самом русском языке, либо пришло в него из восточнославянского, древнерусского, общеславянского или индоевропейского. Если восточнославянские диалекты и древнерусский язык имеют письменные данные о словах, формах слов, то отсутствие письменных источников общеславянского и индоевропейского периодов позволяет определять формы слов (корни/основы) путем фонетической, морфологической и других реконструкций. Восстановление общеславянских и индоевропейских форм производится в группах языков, ведущих свое начало от общего индоевропейского источника.

Второй пласт русской лексики — заимствования (слова, фразеологизмы, кальки, полукальки и др.), которые попали в русский язык в результате языковых контактов. Взаимодействия языков/диалектов протекали в различные периоды развития русского языка. Ср.: *корабль* (слово греческого происхождения) вошло в общеславянский язык, откуда было перенесено в древнерусский, а затем в современный русский; *импичмент* (слово английского происхождения) вошло в русский язык в 70—80-е годы XX в.

При исторической характеристике слов следует различать генеалогическое и контактирующее описание. При генеалогической характеристике учитываются: 1) общность происхождения, т.е. принадлежность к индоевропейской семье языков и ее группам (славянской, романской, итальянской, германской и т.д.); 2) письменные свидетельства о существовании слова/его реконструкции на основании сравнительных данных в группах языков; 3) генетическое развитие слова, учитывающее источник его происхождения и дальнейшие преобразования по уровням системы языка; 4) параллельное сосуществование родственных слов в группах языков и их специфические особенности; 5) хронология генетических взаимодействий родственных по происхождению, но принадлежащих к разным языкам слов.

При контактирующем описании выделяются иные аспекты; обращается внимание на: 1) временной период проникновения слова из одного языка в другой; 2) прямой/опосредованный контакт (вхождение слова в язык-преемник непосредственно из языка-источника или опосредованно через язык-посредник); 3) формы существования в заимствующем языке (исконная/«принимающая» графика, фонетика, семантика, морфология и пр.);

4) центры притяжения, т.е. возможность вхождения в парадигматические ряды, и пр.¹.

Формирование словарного состава русского языка, происходившее в течение сотен лет на различной генетической базе и разнообразных элементах языка (корней, основ слов, слов, фразеологизмов и др.), отражает ф и л о г е н е т и ч е с к и й² путь развития языка в процессе развития Homo sapiens (человек разумный). Этот процесс закономерного «расширения» языка, и лексики в частности, обусловлен развитием общества — освоением внешнего, материального мира и развитием внутреннего, духовного мира человека. Переход от элементарного к осознанному овладению «картиной мира» — этому своеобразному слепку человеческого познания объективной действительности совершался и совершается через язык, в определенном порядке и осмысливании связей между единицами языка. Л.В. Щерба писал: «Мы имеем в современном русском языке элементы весьма разнородные по происхождению, но спаянные в единую сложную систему»³.

Разные уровни языка развиваются не синхронно, и даже лексический уровень, наиболее зависимый от социальной истории народа — носителя языка и наиболее открытый для включения новых слов, также развивается по своему внутреннему лингвистическому времени. Исследования системы регулярных соответствий между формальными элементами: фонетических изменений в родственных по происхождению словах, поиск общих корней слов в разных языках и др. дают наиболее очевидные и информативные сведения о реконструируемых элементах. В меньшей степени изучена к настоящему времени наиболее трудно устанавливаемая и часто не имеющая фактического подтверждения семантическая сторона слова. Но этимологические словари содержат значительный корпус лексики, где могут быть выяснены смысловые взаимодействия между словами. На данных словарей и специальных исследований по истории слов основано последующее изложение.

Историческая система лексики складывалась как закономерная, х р о н о т о п и ч е с к а я (последовательная по времени и лингвогеографическому расположению) совокупность эпидигматических и парадигматических объединений.

Г е н е т и ч е с к о й п а р а д и г м о й называется хронологически сложившееся объединение слов, организованное на основе общих семантических признаков. В составе генетических парадигм наиболее изучены тематические и лексико-семантические группы (ЛСГ).

¹ См. подробнее ниже, в разделе «Заимствованная лексика».

² Филогенез (греч. *phylē* — ‘племя, род, вид’ и *genesis* — ‘происхождение’) — историческое → эволюционное развитие.

³ Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — С. 125.

Тематические парадигмы объединяют родственные по значению, функциям и отношениям названия однопорядковых явлений действительности. В своей основе они имеют общую лексико-семантическую гиперсему (родовую сему), которая выполняет интегральную (объединяющую) роль. Родовая сема входит в семантику *гиперонима* — родового имени класса. Например: гипероним *родство*, служащий обозначением отношений людей по происхождению или браку, включает в свой состав гиперсему 'родственники', по отношению к которой члены парадигмы: *отец*, *мать*, *сын*, *дочь* и т.д. — являются *гипонимами*, содержащими видовую сему — гипосему. Например: *родители* → 'дети' (гипосема); *родители* → 'дочь' (аналогично).

Понятийные сферы весьма многочисленны в реальной действительности, поэтому в языке существует значительное количество парадигм. Их именованья отражают родовую принадлежность слов. См. генетические тематические парадигмы: 1) «Родство»; 2) «Животные»; 3) «Птицы»; 4) «Рыбы»; 5) «Растения»; 6) «Ремесленная терминология»; 7) «Части человеческого тела»; 8) «Пища»; 9) «Предметы домашнего обихода» и др.

Генетические лексико-семантические группы слов состоят из имен разнопорядковых явлений действительности и объединяются иным общим компонентом. Он имеет семантико-грамматический характер, так как «организует» группу слов, принадлежащую к одной части речи, к определенному лексико-грамматическому разряду. Так, имя прилагательное как часть речи имеет классему (частеречную сему) 'непроцессуальный признак предмета' (или 'признаковость') и ряд субкатегориальных (лексико-семантико-грамматических) сем: 'качественность', 'относительность', 'порядковость' и т.д. В составе 'качественность' можно выделить лексико-семантические семы: гиперсемы, обозначающие 'цвет', 'чувственное ощущение', 'количественный признак', 'физическое свойство', 'умственный склад', 'временной признак' и пр. Иерархичность семантической структуры ЛСГ отражает поступательный ход познания от частного к общему и от конкретно-индивидуального (лексика) к обобщенно-абстрактному (грамматика).

При описании истории лексики в понятиях парадигматики необходимы уточнения.

1. Описание рядов слов, общих по своему значению, с выделением названий ряда (гиперонимов) и членов ряда (гипонимов) отражает современную классификацию языкового материала, не совпадающую с внутренней историей этих парадигм. Разные лексические парадигмы развивались несинхронно и относительно автономно в своей лингвистической истории. Вначале появлялись, как свидетельствуют этимологические исследования, видовые именованья (гипонимы), затем возникали родовые обозначения (гиперонимы). При этом имеются существенные различия

между значением исходного элемента и современного слова. *Родство* в современном языке — ‘отношение между людьми, имеющими общих предков’ — гипероним, не фиксируется этимологическими словарями; слово зарегистрировано лишь в Словаре древнерусского языка И. И. Срезневского¹ в значениях ‘рождение’, ‘празднование дня рождения’, ‘родство’ и др.

Рыба в современном толковании ‘водное позвоночное животное’ — общеславянское слово, которое, по-видимому, является табуистическим названием вместо более древнего **zъvъ*, соответствующего литовскому *zuvis* ‘рыба’, которое ввиду созвучия с глаголом *звать* рыбаки избегали употреблять. Члены темы: *окунь* общеславянское — ‘глазастая рыба’, суффиксальное образование от праславянского **око*; *ѣрш* восточнославянское, первоначальное значение ‘гвоздь’; *угорь* индоевропейское, восходит к **одоць* ‘змееобразный’; *плотва*, *плот(в)ица* общеславянское, возможно, как отмечает М. Фасмер, из более древнего **ploty*, **plotъve*.

2. Формирование организаций слов производилось в разные временные периоды, начиная с эпохи индоевропейской общности. Имена целого ряда предметов, признаков, действий и др. реального мира были необходимы развивающемуся разумному человеку для его практической деятельности. Наполнение парадигм происходило постепенно, в течение веков и тысячелетий, при этом каждая из них обусловлена своей внутренней временной протяженностью и требованиями практики.

Термины родства, играющие важную роль в родо-племенных отношениях, имена зверей, рыб, птиц и др., имеющих значимость для жизненного существования древнего человека, связаны с наиболее ранними процессами тематических обозначений.

Хронологические рамки индоевропейского и общеславянского происхождения могут обозначаться только условно, поскольку даже в пределах нескольких столетий невозможно определить дату появления того или иного слова. Отсутствие письменных памятников, относящихся к индоевропейскому и общеславянскому времени, делает еще более проблематичной датировку. Происходит процесс постепенного развития, где конец одного изменения/возникновение является началом другого.

3. Лексико-семантическое группирование слов — более позднее явление, чем тематическая группа, поскольку: а) в нем наблюдается несколько ступеней в объединении слов; б) внутренняя иерархия связана с разными уровнями семантического осмысления реальности: видовая сема (гипосема) → родовая сема (гиперсема) → лексико-грамматическая сема (лексограмма) → частеречная сема (классема); в) данное объединение слов сходно с

¹ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — Т. III. — Ч. I. — М., 1989. — С. 139.

функционально-семантическим полем, где внутреннее построение, с одной стороны, — центр и периферия (см.: ‘признаковость’ ↔ ‘качественность’, ‘относительность’ и др.); с другой стороны, внутреннее построение полевого пространства представлено тематическими, гиперо-гипонимическими и синонимическими рядами слов.

Исконная русская лексика

В составе исконной русской лексики выделяют по источнику происхождения и времени вхождения в русский язык: индоевропеизмы, общеславянизмы, восточнославянизмы (в том числе древнерусизмы) и собственно русизмы.

1. **Индоевропеизмы** вошли в состав русского языка через протославянский диалект, праславянские (общеславянские) территориальные диалекты; в восточнославянский, древнерусский, старорусский и другие периоды развития языка; путем языковых контактов с группами семей — индоевропейской, тюркской, иранской и т.п. В большинстве индоевропейских (по генезису) языков встречаются общие корни/основы, называющие отношения родства, животных, растений и др. Отсутствие письменных источников позволяет восстанавливать слова по сохранившимся фонетическим и морфемным «остаткам». В специальных исследованиях и словарях воспроизведенные элементы слова индоевропейского периода условно обозначены буквами латинского алфавита со знаком * (звездочка) вверху перед реконструируемой формой: **mūs* ‘серая’ (одно из древнейших индоевропейских табуистических названий животных)¹. В учебных пособиях по современному русскому языку индоевропейские слова/основы принято обозначать буквами русского алфавита, в русской фонетической, акцентологической, морфологической и других формах: **mūs* представлено как *мышь*. Но ниже будут соблюдаться этимологические традиции и латинская фиксация реконструируемых форм.

1.1. Тематическая парадигма «Животные»: *свинья* (производное от индоевропейского **sūs*, из звукоподражательного **sū-*); *мышь* (инд.-евр. **mūs* ‘серая’); *бобр* (первоначальное *bhe* — *bhwe* ‘корич-

¹ Здесь и далее значения восточнославянизмов (древнерусск. слов), общеславянизмов и индоевропеизмов берутся из словарей: «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О. Н. Трубачева (1974–1990); М. Ф а с м е р «Этимологический словарь русского языка» (1987); П. Я. Ч е р н ы х «Историко-этимологический словарь современного русского языка» (1993); Н. М. Ш а н с к и й, В. В. И в а н о в, Т. В. Ш а н с к а я «Краткий этимологический словарь русского языка» (1971); И. И. С р е з н е в с к и й «Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1903), а также из монографии О. Н. Т р у б а ч е в а «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959).

невый'); *овца* (праславянское **ovъsa* из инд.-евр. **ovika*) и др. Наиболее изучена к данному времени тематическая парадигма «Родство», которая изложена ниже в таблицах и комментариях.

1.2. Тематическая парадигма «Родство»: *отец, мать, сын, дочь, отчим, мачеха, пасынок, падчерица, зять, сноха, свекор, свекровь, тесть, теща, деверь, шурин, золовка, свояк* (см. табл. 11).

Комментарии к таблице 11

1. Лексический материал для анализа генетической тематической парадигмы целесообразно брать из этимологических словарей и словарей древнерусского языка, где даются этимолого-фонетические, морфологические, семантические и другие сведения. Наиболее полные данные приводятся в «Этимологическом словаре» под ред. О. Н. Трубачева и «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера.

2. В таблице показано восхождение русских терминов родства с их современными дефинициями к лексико-семантическому облику восточнославянизмов (древнерусизмов), общеславянизмов (праславянизмов) и слов/основ слов с их семантикой из индоевропейского языка. Семантическое движение в словах парадигмы наглядно отражает осмысление родственных отношений от первобытнообщинного строя до современной цивилизации. Эпоха матриархата, вероятно, нашла отражение в значении индоевропейского **sūnus* 'рожденный матерью', а групповой брак — в значении **seḱros* 'член группы «матери жены»'. «Родовой» взгляд, по-видимому, наложил свой отпечаток на семантику праславянизмов **zěť* 'кровнородственный, единокровный, родной' и **sveky* 'своя кровь, мать мужа', в то время как *сноха* < **snъxa* 'жена сына', а *свекор* < **svekrъ* 'отец мужа'.

3. Пустые клетки таблицы, с одной стороны, свидетельствуют о более позднем появлении имен родства; см.: *пасынок, падчерица* как славянские приобретения; или *отчим*, по поводу которого О. Н. Трубачев писал: «Суффикс *-im-* здесь, видимо, глагольного происхождения, ср. русские *проходим, подхалим...* Правда, относительно слова *отчим* правильное будет заключить, что оно аналогичного образования, возможно, по образцу *побратим*, так как исходный глагол для самостоятельного образования *отчим* отсутствует»¹. С другой стороны, не исключена возможность утраты слова/основы. Ср.: наличие *тесть* в индоевропейском, но появление *теща* в общеславянском.

4. Индоевропейская и праславянская классификации терминов родства говорят о древности роли института семьи в первобытном обществе.

2. Общеславянизмы (праславянизмы) явились базой для образования новых слов в славянских языках, восточнославянских диалектах, древнерусском и русском языках. По своей морфологической структуре это в основном корневые слова/основы слов, которые так же, как и индоевропеизмы, восстанавливаются с учетом фонетических изменений и морфологической структуры срав-

¹ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства... — М., 1959. — С. 29.

Лексико-семантический анализ генетической тематической парадигмы «Термины родства»

Собственно русизмы	Лексическое значение русизмов ¹	Восточнославянизмы ² (др.-русс.)		Общеславянизмы (праславянизмы)		Индоевропеизмы	
		слово	значение	слово	значение	слово	значение
<i>отец</i>	‘Мужчина по отношению к своим детям’	<i>отъць</i>	‘отец’	<i>*otьсь</i>	‘отец’	<i>*ǣtikos</i> из <i>*ǣtia</i>	‘отцов’ из ‘отец’
<i>мать</i>	‘Женщина по отношению к своим детям’	<i>мати</i>	‘мать’	<i>*mai</i>	‘мать’	<i>*māter</i>	‘мать’
<i>сын</i>	‘Лицо мужского пола по отношению к своим родителем’	<i>сынъ</i>	‘сын’	<i>*synъ</i>	‘сын’	<i>*sūnus</i>	‘рожденный матерью’
<i>дочь</i>	‘Лицо женского пола по отношению к своим родителем’	<i>дъчи</i>	‘дочь’	<i>*dьkti</i>	‘дочь’	<i>*dhughāter</i>	‘дочь’
<i>отчим</i>	‘Муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака’	<i>отчимъ</i>	‘отчим, неродной отец’	<i>*otьcim</i>			
<i>мачеха</i>	‘Жена отца по отношению к его детям от прежнего брака’	<i>мачеха</i>	‘мачеха’	<i>*majexa</i> из <i>*majesa</i>	‘подобная матери’	<i>*matrīja</i>	‘некоторое подобие матери’

<i>пасынок</i>	‘Сын одного из супругов по отношению к другому, для него неродному’	<i>пасынькѣ</i>	‘сын от первого брака’	<i>*razutъkъ</i>	‘пасынок’		
<i>падчерица</i>	‘Дочь одного из супругов по отношению к другому, для него неродному’	<i>падъчи</i>	‘дочь от первого брака’	<i>*radъkti</i>	‘падчерица’		
<i>зять</i>	‘Муж дочери или сестры’	<i>зять</i>	‘породнившийся по средством брака’	<i>*zъľ</i>	‘кровнородственный, единокровный, родной’	<i>*ġenə-</i>	‘рождать- (ся)’
<i>сноха</i>	‘Женщина по отношению к отцу и матери ее мужа, невестка’	<i>снаха</i>	‘невестка, жена сына’	<i>*snъha</i>		<i>*snъā</i> из <i>*snъōs</i>	(возможно) ‘жена сына, племянница’
<i>свекор</i>	‘Отец мужа’	<i>свекръ</i>	‘отец мужа’	<i>*svекrъ</i>		<i>*svekrōs</i>	‘член группы «матери жены»’

¹ Лексические значения русизмов взяты из СОШ (1993) — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова «Словарь русского языка».

² Значения восточнославянских (др.-русс.), общеславянских и индоевропейских слов берутся из словарей: «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский словарь русского языка» под ред. О. Н. Трубачева (1974—1990); М. Фасмер «Этимологический словарь русского языка» (1987); П. Я. Черныш «Историко-этимологический словарь русского языка» (1993); Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанский «Краткий этимологический словарь русского языка» (1971); И. И. Срезневский «Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893—1903), а также из монографии О. Н. Трубачева «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя» (1959).

Собственно русизмы	Лексическое значение русизмов	Восточнославянизмы (др.-русс.)		Общеславянизмы (праславянизмы)		Индоевропеизмы	
		слово	значение	слово	значение	слово	значение
<i>свекровь</i>	‘Мать мужа’	<i>свекры</i>	‘свекровь, мать мужа’	<i>*svękrŭ</i>	‘своя кровь, мать мужа’	<i>*sŭękrŭs</i>	
<i>тесть</i>	‘Отец жены’	<i>тъсть</i>	‘отец жены’	<i>*tŭstŭ</i>		<i>*tęĕ-</i>	‘производить, рожать’
<i>теща</i>	‘Мать жены’	<i>тъща</i>	‘мать жены, теща’	<i>*tŭstŭjā</i>			
<i>деверь</i>	‘Брат мужа’	<i>дѣверь</i>	‘брат мужа’	<i>*dęverŭ</i>	‘брат мужа’	<i>*dāŭiēr</i>	
<i>шурин</i>	‘Брат жены’	<i>шуринъ</i>	‘брат жены’	<i>*ŭirŭ</i>	‘брат жены’	<i>*ŭŭiur-(io)</i> от <i>*ŭiŭ-</i>	‘брат жены’ от ‘шить, т.е. вязать’
<i>золовка</i>	‘Сестра мужа’	<i>зълѣвъка</i>	‘сестра мужа’	<i>*zŭly</i>	‘золовка, сестра мужа’	<i>*ĝŭlous</i>	
<i>свояк</i>	‘Муж сестры жены’	<i>своѣакъ</i>	‘муж свояченицы, сестры жены’	<i>*svojŭ</i>	‘свой’	<i>*ŭiĕ-</i>	‘свой’

ниваемых слов в отдельных славянских языках в разные периоды их развития. Общеславянизмы унаследованы из языка славянских племен, живших до VI в. нашей эры на территории среднего течения Днепра, верховьев Западного Буга и Вислы.

Общеславянизмы образуют значительное число тематических парадигм, связанных с повседневным бытом, общением; они составляют ядро словарного состава современного русского языка. Среди них — именованья частей человеческого тела, животных, рыб, птиц, растений, названия лиц по профессии¹, продуктов сельскохозяйственного труда, жилищ, качества предметов, душевных и физических качеств человека, имена числительные, местоимения, глаголы речи, движения, физиологического состояния, местоименные наречия, первообразные предлоги, союзы и т.д. «Слов же, идущих из общеславянского языка... в нашей лексике сейчас не более двух тысяч. Однако до сих пор они наиболее употребительны в нашей речи... и составляют не менее 1/4 всех слов»². Праславянизмы, как и индоевропеизмы, фиксируются в русской и принятой в этимологии латинской форме.

2.1. Тематическая парадигма «Части человеческого тела»: *борода* (общеслав. **borda* 'колючая, острая'); *бок* (из **bakn-*; возможно, родственно исходному значению 'ребро'); *око* (праслав. **oko* 'глаз'); *палец* (праслав. **paľь* — сохранилось в *беспалый*, *шестипалый*); *плечо* (общеслав.; ввиду форм *белоплечий*, *подоплека* считают исходным **plektjo-*); *сердце* (праслав. **sr̃dyko*, содержит уменьшительный суффикс -*ko-*) и др.³.

2.2. Тематическая парадигма «Животные»: *волк* (праслав. **vьlkъ*, первоначальное значение 'растерзывающий'); *еж* (праслав. **ezio-*; возможно, табуистическое название 'пожиратель змей'); *конь* (из **komъ* от древнего **kobъ*); *лань* (праслав. **olnъ*); *ласка* (слав. **laska* 'любовь, ласка' как название зверька по мотивам табу); *лось* (праслав. **olsъ* 'лось'); *медведь* (праслав. **medvѣdъ* 'поедатель меда', представляет табуистическую замену исчезнувшего индоевр. **rkpos*); *серна* (праслав. **sr̃na*) и пр.

2.3. Тематическая парадигма «Птицы»: *воробей* (праслав. **vorb-*); *ворона* (праслав. **vorna*); *галка* (праслав. **gaľь* 'черный'); *голубь* (общеслав., производное от названия цвета); *дрозд* (индоевр. **trosdos* подверглось в славянской ассимиляции **drozdъ*); *дятел* (праслав. **dętyľь* из **dьlbtyľь* 'долбящий'); *лебедь* (от **olbъdъ*; ср. лат. *albus* 'белый', греч. *αλφος* 'белое пятно'); *орел* (праслав. **orьľь* 'орел'); *скворец* (праслав. **skvoryсь* связано с чередованием глас-

¹ См.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. — М., 1966.

² Шанский Н. М. Лексика // Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. — М., 1981. — Ч. I. — С. 32.

³ Разночтения в этимологических пометах (праславянское/общеславянское) к реконструируемым формам отражают пометы этимологических словарей.

ных ь — ъ: **skvъr-*; в болгарском *скверѣсь* ‘пронзительно кричать’, украинское *скверещати* ‘пронзительно кричать’; по-видимому, звукоподражательное); *соловей* (праслав. **solvijь* от *solъ* ‘желтовато-серый’); *сорока* (общеслав., от **sorka* и **svorka*; последний фонетический вариант объясняют часто влиянием церковно-славянского *сврѣчати* ‘издавать звук’).

2.4. Лексико-семантическая группа слов «Качественность» включает в свой состав следующие тематические парадигмы.

2.4.1. Тематическая парадигма «Цвет»: *белый* (исконно родственно древнеиндийское **bhālam* ‘блеск’); *желтый* (праслав. **žltъ* ‘желтый’); *зеленый* (от **zель* ‘зеленый’); *русый* (из **rudsъ*, связанного с *руда*, *рдеть*, *рыжий*); *серый* (праслав. **xoiro-*); *синий* (общеслав., родственно *сиять*; сербско-церковно-славянское **синѣти*, болгарское *силен* ‘блестящий, лучезарный’); *черный* (праслав. **čъrnъ*; в древнепрусском *kiršnan* ‘черный’) и др.

Представляет интерес происхождение и развитие названий цвета в разных индоевропейских языках: *зеленый* русское ‘цвета зелени’ родственно литовскому *želti* ‘зарастать’; с другим вокализмом: литовское *žolė* ‘трава, зелень’; древнепрусское *sālin* ‘трава’; латинское *helvus* ‘желтоватый’; авестийское *zairi* ‘желтый, золотистый’; *русый* — в русском ‘светло-коричневый’, в болгарском — *рус* ‘светловолосый’, в словенском — *rūs* ‘красный, желтый’, в чешском — *rusý* ‘светловолосый, телесного цвета’, в словацком — *rusý* ‘пестрый, пятнистый’. Или: *серый* — в русском ‘цвета пепла, дыма’; в болгарском *сер*, *сѣрей* ‘сало, жир’; в словенском *ser* ‘белокурый’.

2.4.2. Тематическая парадигма «Количественный признак»: *высокий* (праслав. **ūpso-*); *глубокий* (от **globъ* ‘глубокий’); *короткий* (общеслав. **kortъ*); *малый* (общеслав., родственно в значении греч. ‘мелкий скот, овцы’); *тонкий* (праслав. **тънъкъ*, первоначальное **тънъ* родственно литовскому *tėvas* ‘тонкий, стройный’); *узкий* (праслав. **ozъкъ* ‘узкий’), *широкий* (связано с *širъ* ‘широкий’) и др.

2.4.3. Тематическая парадигма «Чувственные ощущения»: *горький* (общеслав. связано с *гореть*); *кислый* (праслав. **kūts-*; ср. с латышским *kūsāt* ‘кипеть’, *kūsuls* ‘ключ, родник’); *мокрый* (общеслав. от *мокáти*; родственно литовскому *makonė* ‘лужа’); *острый* (общеслав., родственно литовскому *aštrus* ‘острый’); *теплый* (праслав. **teplъ*, древнеиндийское *taptas* ‘раскаленный, горячий’; *Tepula aqua* — название водопровода в Риме); *чептвый* (праслав. **čьrstvъ*, готское *hasdus* ‘жесткий, твердый’) и др.

2.4.4. Тематическая парадигма «Физическое свойство»: *глупый* (общеслав., ср. словенское *glūp* ‘глухой, глупый’); *глухой* (общеслав., связано с чередованием *глохнуть*); *кривой* (общеслав., родственно литовскому *kreivas* ‘кривой’); *лысый* (общеслав., родственно древнеиндийскому *rūcan* ‘светлый, белый’); *толстый* (праслав. **tolstъ*, родственно литовскому *tulžai* ‘набухать, размякнуть’); *хро-*

мой (праслав. **xromъ* ‘хромой’); *худой* (праслав. **xudъ* считается родственным древнеиндийскому *ksódati* ‘толчет, дробит’); *щедрый* (праслав. **šcedrъ*, по-видимому, родственно латышскому *škedērns* ‘небольшой кусочек дерева, щепка’) и др.

2.4.5. Тематическая парадигма «Физическое состояние»: *здоровый* (праслав. **sъdorvъ*, где *съ* = древнеиндийскому *su* ‘хороший’ и **dorvo-*, связанное чередованием с *дерево*, т.е. ‘из хорошего дерева’); *злой* (общеслав., родственно литовскому *atžulūs* ‘черствый, бесчеловечный’); *ярый* (праслав. *jarъ*, родственно греческому в значении ‘огненный, сильный, несмешанный (о вине)’) и др.

2.4.6. Тематическая парадигма «Возраст»: *молодой* (общеслав., восходит к **moldъ*); *старый* (общеслав., родственно литовскому *stóras* ‘толстый, объемистый’); *юный* (праслав. **junъ*, **junъsъ* родственно литовскому *jáunas* ‘молодой’) и др.

Ср. развитие значений в родственных по происхождению языках: русское *лысый* ‘лишенный волос на голове’ и болгарское *лис* ‘с продолговатым пятном на лбу’, сербохорватское *лис*, *лиса* ‘лысина (на лбу у животных)’. *Кривой* в русском ‘окривевший’, ‘косой’ (диал.) и в чешском *křivý* ‘кривой, неправильный, лживый’, в сербохорватском *krûb* ‘левый’.

3. Восточнославянизмы и древнерусизмы. Восточнославянизмами принято называть слова, появившиеся в языке восточных славян в VI–IX вв., в период расселения славян в Восточной Европе и взаимодействия их с балтийским и финно-угорским коренным населением. Древнерусизмы как преемники восточнославянизмов ведут свое начало с IX–XIV вв., периода образования древнерусского языка, языка Киевского государства — Древней Руси (подробнее см. выше). В это же время происходит и распространение книжно-письменного языка на старославянской основе, который является государственным языком и языком церкви в древнерусском феодальном государстве.

В учебных пособиях по современному русскому языку принято выделять восточнославянский период с VI по XIV в., а слова, возникшие в это время, относить к восточнославянской лексике. Существующий параллельный термин «древнерусская лексика» в одних случаях синонимичен термину «восточнославянская лексика», в других — отражает реальное время фиксации слова. С учетом новой периодизации (К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев) восточнославянский период определяется с VI по IX в., а древнерусский — с IX по XIV в. Там, где возможно использование сведений из словарной или исследовательской практики, будут введены расчлененные пометы восточнослав. и древнерусск. (или др.-русс.).

Восточнославянизмы в своей основной массе появились на базе общеславянских (праславянских) корней слов и самих слов. Значительно меньшее количество восточнославянизмов, зафиксиро-

рованных в русской обработке, заимствовано из греческого, германского, тюркского и других языков.

Среди слов восточнославянской лексики распространены производные слова: например, *бойкий* образовано с помощью суффикса *-к-* от существительного *бой* 'битва, драка'. Первоначальное его значение 'драчливый, воинственный'.

В составе восточнославянской и древнерусской лексики можно выделить те же группировки слов, что и в корпусе индоевропейских и общеславянизмов, но парадигмы «Животные», «Птицы», «Цвет» и др. становятся к этому времени закрывающимися лексическими группировками, потому что реалии и их названия практически исчерпаны. Общеславянская лексика заполнила парадигмы. Появление новых обозначений в таких системах может быть связано с синонимическими обозначениями прежнего или табуистическими факторами. Но в этот период развиваются парадигмы «Ремесленная терминология», «Предметы обихода», «Процессуальность», «Качественность» и др.

3.1. Тематическая парадигма «Животные»: *белка* (древнерусск. *бѣла, бѣла вѣверица* 'белая белка' — в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 859 г.); *кошка* (древнерусск., от **коша* — к *котъ*; вероятно, уменьшительные к **коша*); *лошадь* (древнерусск. **лоша*, род. падеж **лошате*; старое заимствование из тюркских языков; см. чувашское *лаша*) и т.д.

3.2. Тематическая парадигма «Птицы»: *жаворонок* (восточнослав., от *жаворонъ* с суффиксом *-ѣкъ*; другая этимология: 2-я часть слова от *воронъ*, 1-я, вероятно, звукоподражательная, обусловленная чередованием *гаваранъ* 'ворон' в языке церковно-славянских памятников русского извода); *зяблик* (восточнослав. от общеслав. **zъbъ*; возможно, от *зѣбнуть*, потому что зяблик появляется уже с первым таянием снегов и улетает только с наступлением зимы); *коршун* (восточнослав., образовано от основы *корш-* при помощи суффикса *-унъ*; предполагают родство с литовским *karšiù, karšti* 'чесать, скрести', восходящее семантически к *'рвать'); *селезень* (древнерусск. *селезень*); *снегирь* (древнерусск., из **снѣгырь* с фонетической ассимиляцией *ѣ—ы > и*).

3.3. Тематическая парадигма «Предметы домашнего обихода»: *бадья* (древнерусск. *бадия*, заимствовано через татарский *badiä* из персидского *badye* 'сосуд для вина'); *бечевка* (древнерусск., с суффиксом *-к-* от *бечева*); *жаровня* (восточнослав., от *жаровъ* 'пламя, раскаленные угли'); *корзина* (восточнослав., ср.: укр. *кóрзити* 'плести', *корзоватый* 'шероховатый'; родственно латышскому *kuřsa* 'коробочка из древесной коры для ягод; корзина из прутьев'); *коромысло* (древнерусск., от *коромысль*); *костыль* (древнерусск., образовано от *кость* с помощью суффикса *-ыль*); *плошка* (древнерусск., *плошки* 'жировые светильники'); *самовар* (восточнослав., от *сам* и *варить*) и т.д.

3.4. Тематическая группа «Пища»: *колобок* (древнерусск., от *ко-лобъ* ‘круглый, небольшой хлеб’ и суффикса *-ѡкъ*); *корж* (восточнослав. ‘вид лепешки, испеченной на сале’); *кулеш* (восточнослав., ‘жидкая каша из пшена’, ‘гороховая похлебка с солью’; восходит к венгерскому *köles* ‘просо’); *перец* (древнерусск. от *пльрь*; общеслав. заимствование из латинского — *piper*, последнее через греческое *pererē* восходит к древнеиндийскому *pīrpāl* ‘перец’); *пряник* (древнерусск., произведено от *пряный*; древнерусск. прилагательное *пльрянъ* от **пльрь* ‘перец’).

3.5. Лексико-семантическая группа слов «Качественность».

3.5.1. Тематическая группа «Цвет»: *белобрысый* (восточнослав., от праслав. **bry*, т.е. ‘белобровый’); *голубой* (восточнослав., от *голубь* — по синему отливу шейных перьев голубя); *коричневый* (древнерусск., от прилагательного *коричный* с суффиксом *-ев-*; *коричный* с суффиксом *-н-* от *корица*; *корица* ‘маленькая корочка’ с уменьшительным суффиксом *-иц-* от *кора*; значение *коричневый* ‘цвета коры’); *сизый* (древнерусск. *шизии*; скорее всего, от того же корня, что и *сивый*); *смуглый* (восточнослав., от *смуга* ‘копоть’; считается родственным литовскому *smāugti* ‘давить, душить’, англосаксонскому *smēocean* ‘дымить’, английскому *to smoke* ‘дымить, курить’ и т.д.).

Ср. семантические трансформации цвета в славянских языках: *бурый* (древнерусск.) в современном языке ‘серовато-коричневый или серовато-рыжий’; *бурий* (укр.); *burý* (польск.) ‘темно-серый’. Слово отсутствует в чешском, словенском, верхнелужицком, нижнелужицком языках. Названия лошадиных мастей (*карий*, *буланый*) обычно заимствовались из тюркских языков. Турец. *bur* ‘рыжей масти’ из персидск. *bōr* ‘гнедой, рыжей масти’.

3.5.2. Тематическая группа «Физическое свойство»: *бойкий* (восточнослав., от *бой* при помощи суффикса *-к-*; первоначальное значение ‘драчливый, воинственный’); *долговязый* (древнерусск., из *долгий* и *вязь* от **vęzъ* ‘шея’; первоначально ‘длинношей’); *долгорукий* (древнерусск., от *долгий* ‘длинный’ и *рука*; буквальное значение ‘с длинными руками’); *едкий* (древнерусск., от *ѣда* при помощи суффикса *-к-*; в современном русском языке ‘острый, неприятный’; первоначальное ‘съедобный’); *зоркий* (восточнослав., от *зоръ* ‘зрение’ с помощью суффикса *-ѡк-*); *корноухий* (восточнослав., от общеслав. *корный* ‘коротенький, куций’ и *ухо*); *кургузый* (восточнослав., из общеслав. **кърногузъ* от **кърнъ* ‘обрубленный, обрезанный’ и *гузъ* ‘зад у птиц’; праслав. **gozъ* наряду с **gizъ*); *курносый* (древнерусск., восходит к *кърноносъ*, образовано от *корный* и *нос*); *расторопный* (восточнослав., от *торопъ* ‘поспешность, суета’ к *торопный* ‘торопливый, быстрый’ и приставки *рас-*; в польском *roztropny* ‘смышлелый’; праслав. **torp-* первоначально ‘поворотливый, проворный’); *удалой* (восточнослав., от предлога *у* и глагола *дать*).

3.5.3. Тематическая парадигма «Квалифицирующий признак»: *дешевый* (древнерусск., скорее всего, от *десить* 'находить'); *нужный* (восточнослав., от *нужа* с помощью суффикса *-н-*); *удобный* (древнерусск., от *удобный* 'легкий'; из общеслав., у (предлог, родственно индоевр. **ai*) в роли приставки и *доба* 'время, пора'); *хороший* (восточнослав., вероятно, от *хоробрый* 'храбрый'; праслав. **horbrъ*); *юркий* (восточнослав., от *юръ* 'бойкое место, торг' с помощью суффикса *-к-*, в значении 'резвый').

4. Русизмы — слова собственно русской лексики, появляющиеся в языке русской народности (XIV–XVII вв.) и национальном русском языке (середина XVII в. — по настоящее время)¹. Этот пласт составляет до 90 % всех слов, бытующих в современном русском языке. Собственно русские слова характерны только для русского языка, в других славянских языках, в том числе украинском и белорусском, они имеют иные соответствия: *печатник* (руссск.) — *друкар* (укр.) — *друкар* (белорусск.); *нужно* (руссск.) — *потрібно* (укр.) — *патрэбна* (белорусск.); *ходить* (руссск.) — *хóдити* (укр.) — *хáдзіць* (белорусск.).

Образовываются русизмы на базе общеславянской, восточнославянской, древнерусской лексики, а также на основе заимствований из других языков. 1) Слова исконно русской лексики: *мальчуган* (от общеслав. корня *мал-*); *одолевать* (от общеслав. *дол* 'почва, пол'); *дородный* (от общеслав. *род-* → **ordrъ*); *кочегар* (от восточнослав. *кочерга*); *комкать* (от восточнослав. *комить* 'сжимать'); *выпуклый* (от восточнослав. *пук-* → *выпучить*) и др.; 2) слова, включающие те или иные заимствованные элементы, но организованные по нормам уровня системы русского языка: *карточка* (от польск. *karta*), *извратить* (от старослав. *извратити*), *легальный* (от франц. *legal*) и т.д.

По своей словообразовательной структуре русизмы — производные слова, которые образовались суффиксально: *мальчик*, *зычный*, *комкать*, *впереди*, *низко*; префиксально: *забудыга*, *пригорелый*, *нахлобучить*, *настежь*; суффиксально-префиксально: *перестройка*, *подковерный* (*подковерная борьба*), *насупиться*, *науськивать*, *впоныхах*; безаффиксно: *дурь*, *синь*, *прием*; путем словосложения: *радиовещание*, *ракетодом*, *траншеекопатель*; сложносокращенные имена: *вуз*, *МХАТ*.

Составляя основу всех стилей русского литературного языка, русские слова распределяются в них количественно различно: в разговорном и книжном стилях они абсолютно преобладают; научный стиль и публицистический подстиль включают значительное число заимствованных слов.

¹ Из состава собственно русской лексики иногда исключаются заимствованные слова, вошедшие в язык с XIV в. по настоящее время, т.е. в период развития и формирования русского языка. См.: Фомина М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1990. — С. 165.

Хотя собственно русская лексика (ее семантика, структура, происхождение и др.) изучена значительно полнее других лингвохронологических слоев, но полная ее классификация еще не создана из-за богатства семантических организаций слов. Рассмотрим лишь некоторые парадигмы, соотносимые с проанализированными выше из общеславянского, восточнославянского и древнерусского языков.

4.1. Тематическая парадигма «Птицы»: *выхухоль* (русск., от *ху-холь* с помощью приставки *вы-*; предположительно от **хухать* 'вонять'); *глухарь* (русск., от общеслав. *глухой* и суффикса *-арь*; при токовании птица словно теряет слух); *грач* (русск., от общеслав. **гракать* 'каркать', при помощи фонетической трансформации суффикса — *кј* > *ч*); *горихвостка* (русск., от основы глагола *гореть*, существительного *хвост* и суффикса *-к(а)*); *кукушка* (русск., звукоподражательное от *ку-ку* и суффикса *-ушк(а)*); *курица* (русск., от общеслав. **кура* с помощью суффикса *-иц(а)*); *петух* (русск., от *пѣть* и суффикса *-ухъ*).

4.2. Тематическая парадигма «Предметы быта»: *колыбель* (русск., от *колыбать* 'качать' и суффикса *-ель*); *кошелек* (русск., от общеслав. **кош* 'плетеная корзина' → русск. *кошель* → *кошелек* с помощью уменьшительного суффикса *-екъ*); *крынка* (русск., от общеслав. **крина* 'кубок, хлебная мера' и суффикса *-к(а)*); *кубышка* (русск., 'выпуклый сосуд' от древнерусск. *кубъ* 'сосуд для питья' с помощью суффикса *-ышк(а)*); *кулек* (русск., от восточнослав. *куль* 'мешок из рогожи, мешок муки, связка соломы, мера ржаной муки в 10 пудов' и суффикса *-окъ*); *люлька* (русск., возможно, от звукоподражательного *лю-лю* 'припев при укачивании' и суффикса *-к(а)*); *наперсток* (русск., от индоевр. **p̥r̥st̥s*; см. древнеиндийское *prsthām* 'хребет, вершина', литовское *pi̯r̥štas* 'палец'; непосредственно от древнерусск. *на перстѣ* 'на пальце'); *обои* (русск., от древнерусск. *о* и *бити* 'обивка, набивка'); *прялка* (русск., праслав. **pr̥estī*, древнерусск. *прести*; непосредственно от древнерусск. *пряло* с суффиксом *-к(а)*).

4.3. Тематическая парадигма «Пища»: *варенье* (русск., от *варить* и суффикса *-ені-*; см. общеслав. **варь* 'кипящая вода'; 'смола'; 'жар'); *голубцы* (русск., вероятно, от *голубь* с суффиксом *-ецъ* по сходству формы с птицей); *кулебяка* (русск., 'продолговатый пирог с рыбой, капустой, кашей'; возможно, от *колоб* 'круглый, небольшой хлеб'); *лепешка* (русск., с уменьшительным суффиксом *-к(а)* от *лепеха*; обычно сближают с общеслав. *лепить*, но допустимо и сближение с общеслав. **лепень* 'кусочек, лоскут, обрезок'); *селянка* (русск., название различных кушаний: 'горячая похлебка с мясом, капустой, луком, огурцами'; или: 'кушанье из яиц с белым хлебом'; от древнерусск. *селянинъ* 'крестьянин'); *щец* (русск., от древнерусск. *шти* 'варево, похлебка, суп, заправленный капустой, щавелем и другой зеленью'; возможно, восходит к праслав. **сътъ*

и древнерусск. *сѣто* ‘пропитание’; слово *щец* род. п. мн. ч. от уменьшительно-ласкательного *щци*, от *щи* и суффикса *-ц-*).

4.4. Тематическая парадигма «Имена профессий»: *весовщик* (русск., от русск. *весовой* при помощи суффикса *-щик*; русск. *весовой* от общеслав. **вьсъ*; связано чередованием с *вистѣти*); *гончар* (русск., от древнерусск. *гѣрньчарѣ*, *горѣчарѣ*; от древнерусск. *гѣрньць* ‘горшок’ с суффиксом *-арѣ*; в свою очередь, *гѣрньць* с уменьшительным суффиксом *-ьць* от общеслав. **гѣрън* ‘котел’); *каменьщик* (русск., от индоевр. **kāten-* и общеслав. **кату*, в вин. п. **катьнь*; восточнослав. и древнерусск. *камень-* с суффиксом *-щик*); *кочегар* (русск., от фонетически преобразованного **кочергар* от восточнослав. *кочерга*); *летчик* (русск., от глагола *лететь* и суффикса *-чик*; общеслав. **lekŕiŕi* ‘лететь’ с фонетическим изменением *kt > t*; в восточнослав. и древнерусск. *летѣти*); *сапожник* (русск., от древнерусск. *сапогъ* с суффиксом *-никъ* и чередованием *г—ж*; сближают с общеслав. **sor* — ‘сопеть’, древнерусск. *сопѣти* с суффиксом *-ѣти*; ср. *сопля*, *сопель* общеслав. происхождения, первоначально ‘трубка’, ‘дудка’); *чистильщик* (русск., от русск. *чистить* с суффиксом *-льщик*; *чистить* от праслав. **čistŕь*, связанного чередованием гласных с древнерусск. *цѣстити* ‘чистить’).

4.5. Лексико-семантическая группа слов «Качественность».

4.5.1. Тематическая парадигма «Цвет»: *белокурый* (русск., от сложения древнерусск. *бѣла* и *куръ* ‘пыль’; значение ‘словно покрытый белой пылью’); *красный* (русск., в значении ‘цвета крови, мака’; первоначальное древнерусск. *красьный* ‘красивый’ от общеслав. **krasa* ‘красота’ с суффиксом *-en-*; ср. с литовским *grōžis* ‘красота’ и *gražus* ‘красивый’); *розовый* (русск., от нем. *Rose*; латышское *rosa*; ср. укр. *рожевий*, польск. *różowy*; возможно, через польский и украинский с вторичным влиянием *роза*); *сиреневый* (русск., от *сирень* с суффиксом *-ев-*; через немецкое диалектное *Sirene*, *Syringe* от латинского *syrix*, *syrix* ‘трубка’; наименование растения от строения его ветки: прямые ветки имеют толстую сердцевину, которая легко выдавливается, и ветка становится полый, как трубка). См.: места хроматической парадигмы, занятой исконными славянскими наименованиями, пополняются заимствованиями с пастельными тонами: *розовый*, *сиреневый* и т.д.

4.5.2. Тематическая парадигма «Физический признак»: *громоздкий* (русск., от восточнослав. *громоздить* с суффиксом *-к-*; глагол от *громоздь* ‘куча негодных вещей, хлам’; ср. с *громадь* ‘большая масса, множество’); *коренастый* (русск., от древнерусск. *корень* с суффиксом *-аст-*; восходит *корень* к русскому изводу языка церковно-славянских памятников *корѦ*); *лохматый* (русск., от *лохма* ‘тряпка’ с суффиксом *-ат-*); *неуклюжий* (русск., приставка *не-* и *уклюжий* ‘проворный, ловкий’ от *кляужий* ‘красивый, статный’; восходит к *клюдь* ‘порядок, приличие, красота’); *сухощавый*

(русск., диалектное, от *сухошь*, *сухость* с суффиксом *-ав-*; от древнерусск. *сухъ*, праслав. **siuxъ*, родственно литовскому *saĩsas* 'сухой').

4.5.3. Тематическая парадигма «Физическое свойство»: *колченогий* (русск., в значении 'хромой', от *колча* 'хромой' и *нога*; *колча* от *колтать* 'хромать'); *конопатый* (русск., диалектное от *конопи* (мн. число) 'конопля' и суффикса *-ат-*); *нерадивый* (русск., от *радивый* 'старательный, усердный' и отрицания *не-*; ср. древнерусск. *радити* 'заботиться'); *осторожный* (русск., с суффиксом *-н-* от *осторожа* 'осторожность, оглядка'; древнерусск. *сторожа* 'стража' от праслав. **storžь*); *чуткий* (русск., от древнерусск. *чути* 'чувствовать, слышать, понимать' с помощью суффикса *-к-*; восходит к праслав. *čuti*) и др.

4.5.4. Тематическая парадигма «Физическое состояние»: *бесноватый* (русск., от древнерусск. *бѣсънь* 'безумный, душевнобольной' с суффиксом *-оват-*; *бѣсънь* от *бѣсъ* с суффиксом *-нь*; ср. славянское *bēs* 'злой дух', чешское *běs*; родственно литовскому *baisa* 'страх'); *беспечный* (русск., в значении 'беззаботный, легкомысленный' от древнерусск. *безъ печѣ* 'без заботы'; в другом истолковании *беспечный* от древнерусск. *печаль*, *пеку*, *печи*; древнерусск. *печаль* 'скорбь, грусть' от праслав. **rečalь* из *rekělь*); *забубенный* (русск., от русск. существительного *бубень* 'промотавшийся, бедняк' с помощью суффикса *-енн-*; родственно литовскому *bambėti* 'ворчать'; в греческом — *boubos* 'низкий, глухой звук').

Каждая из рассмотренных выше лексико-семантических систем включает словесные преобразования, унаследованные от предшествующих эпох. При этом каждое из преобразований имеет свое внутреннее время. В праславянском, восточнославянском, древнерусском и русском языках новые слова появлялись как результат не одномоментных и совпадающих по времени фонетических, словообразовательных, морфологических и семантических изменений. Язык отражает прогресс общества, он может идти в ногу с ним, может отставать, соблюдая свое внутреннее лингвистическое время (Т.П. Ломтев), при котором фонетические, лексические, морфологические и иные явления обнаруживают свою собственную историю.

Заемствованная лексика

Начиная с древнейших, дописьменных времен через языковые контакты на бытовой, экономической, просветительской, политической почве в исконный русский язык входили заимствованные слова.

Понятие заимствования включает следующее: 1) источники заимствования; 2) устное / письменное; 3) прямое / опосредованное;

4) древнее / позднее / позднейшее / новое / новейшее; 5) уровневое / межуровневое заимствование.

Источник заимствования определяется по принадлежности к языку, из которого непосредственно приходит слово, основа, морфема и др.

В дописьменный период заимствования происходили «из уст в уста», в результате миграционных процессов родов, племен и народностей; в письменный период включение в язык новых слов происходит как устно, так и через письменные источники.

Прямое и опосредованное заимствование определяется способом вхождения в язык; прямое: язык-источник → язык-преемник; опосредованное: язык-источник → язык (языки)-посредник (посредники) → язык-преемник.

Время древних заимствований может быть определено в самом общем виде — периодами существования индоевропейского, протославянского или праславянского (общеславянского) единства (до VI в. нашей эры); поздние — охватывают восточнославянский, древнерусский, великорусский и начальный период формирования национального русского языка (VI—XVIII вв.); позднейшие проникновения (XIX — середина XX в.) связаны с развитием национального языка, временем деятельности А.С.Пушкина; новые — с эпохой НТР (50—70-е годы XX в.); новейшие — с эпохой средств массовой информации (СМИ) (80—90-е годы XX в.).

Уровневое и межуровневое заимствование определяется характером адаптации: ассимилируется ли слово только фонетически, семантически и т.д., или оно входит, «согласуясь» с графикой, фонетикой (акцентологией, орфоэпией), семантикой, морфологией языка-преемника.

При анализе исторического формирования русской лексики следует различать аспекты заимствования — этимологический и синхронный. Этимологический аспект фиксирует источник, время, характер, способ и адаптацию языкового элемента (слова, морфемы, фразеологизмы и т.д.). Синхронный аспект устанавливает статус слова в определенный момент развития системы языка. Иными словами, определяется его собственное, «внутреннее» состояние (семантическая структура) и его отношения (парадигматические и синтагматические) с другими словами в данный момент истории языка.

С точки зрения этимологии слово *ангел* пришло из греческого — *ánggelox*, первоначально ‘вестник, посол’ (язык-источник), через перевод религиозных книг в X в. н.э. на старославянский — *ánъgělъ* в значении ‘вестник Бога’ (язык-посредник) и затем в русский — *ангел* (язык-преемник). Слово в старославянском изменилось графически, приобрело его фонетическую огласовку

(вставка звука [н], появление редуцированных гласных [ъ]), изменение долготы звука [г], но сохранение его фриктивности, усеменение конечного -ос); сохранило религиозное значение; было морфологически освоено как имя существительное мужского рода; приобрело сочетательные (синтагматические) свойства: *Божий ангелъ летѣлъ*. В синхронном срезе с точки зрения современного русского языка — графическое слово *ангел*; фонетическое — [а́нг'ѣл], где звук [г] — взрывной; слово сохранило морфологию и синтагматику родственного старославянского, но приобрело современную лексико-семантическую деривацию: *Ангел*. 1. 'По учению христианской религии вестник Бога — особое сверхъестественное существо...' 2. '*Ангел мой, мой ангел...* — употребляется в ласковом обращении, особенно к любимой женщине...' 3. 'Устар. Переносно: об идеале, воплощении чего-либо...' (ССРЛЯ. — Т. I. — С. 137). Следовательно, на каждом этапе заимствования слово адаптировалось в системе нового для него языка, приобретало его уровневые свойства: фонетический облик (произношение, акцентология), графику, лексико-семантическую структуру (значение / значения слова), словообразование, морфологию, синтаксис и стилево-стилистические характеристики. Парадигмы слова *ангел*: а) антонимическая: *ангел* 'служитель Бога, исполнитель его воли и его посланец к людям' — *бес* 'злой дух, недруг, вражья сила' и т.д.; *ангел света* 'благой, добрый' — *ангел тьмы* 'аггел, злой дух'; б) тематическая: *ангел*; *архангел* 'ангел, относящийся к одному из высших ангельских ликов (единому множеству)'; *серафим* 'ангел высшего чина, изображаемый шестикрылым'; *херувим* 'в библейской символике — шестикрылое существо с глазами по всему телу; в христианском вероучении — ангел высшего чина'.

Одним из решающих факторов на этапе вхождения слова в язык является его морфологическая и синтаксическая адаптация: заимствованное слово сразу же входит в систему грамматических (морфолого-категориальных и сочетательных) согласований со словами языка-преемника: *тихий ангел пролетел, ангел-хранитель*; см. ФЕ: *день ангела, ангел во плоти*.

Сам процесс заимствования слова включает две фазы: фазу проникновения слова, элемента слова и фазу адаптации (иногда говорят об ассимиляции), длительного перевоплощения слова в принимающем языке.

По разным данным и на основании разных критериев (учитываются не только слова, но и словообразовательные элементы, фонетическая, акцентологическая специфика и др.) указывается, что в современном русском языке содержится от 10 до 35 % заимствованной лексики. В ее составе выделяют: 1) славянские, родственные и 2) неславянские, иноязычные заимствования. К первым относят слова старославянские, украинские, польские и др.,

ко вторым — греческие, латинские, тюркские, финно-угорские, немецкие, английские, итальянские и т.д.

Славянские заимствования

Значительную часть родственных проникновений составляют старославянизмы, вошедшие через язык переводов богослужбных и канонических книг с греческого языка. Древнейший литературный язык, старославянский, использовался на Руси с X в., после принятия ею христианства в 988 г. «Это был язык “священный”, т.е. нормализованный, функционально отличный от народно-разговорного языка. Как и всякий литературный язык, он был в известной степени искусственный и в эпоху средневековья ареально-интернациональный»¹. Но это не помешало старославянскому языку благодаря его близости к древнерусскому широко проникать в последний. В древнерусский, а затем и в русский проникали не только старославянские слова, но и грамматические формы.

А.А. Шахматов в «Очерках современного русского литературного языка» впервые выделил фонетические, словообразовательные и семантические признаки старославянизмов².

Фонетическими признаками являются:

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в одной морфеме вместо русских полногласных сочетаний *оро, оло, ере, еле*: *брань* ‘сражение’ (русс. оборона), *власы* (волосы), *влачить* (волочить), *среда* (середина), *млечный* (молочный) и др.;

2) сочетания *ра, ла* в начале слова вместо русских *ро, ло*: *расти* (рост), *равный* (ровный), *ладия* (лодка) и др.;

3) сочетание *жд* на месте русского *ж* (из общеслав. *dj*): *надежда* (надежный), *нужда* (нудить), *рождать* (рожать) и т.д.;

4) звук *щ* на месте русского *ч* (из общеслав. *tj*): *мощь* (мочь), *пещера* (Печора, Печерский) и т.п.;

5) начальное *е* на месте русского *о*: *един* (один), *елей* (олива) ‘оливковое масло’ и др.;

6) начальное *ю* на месте русского *у*: *юродивый* (урод), *юг* (угъ, древнерусск., совр. ужин) и др.;

7) начальное *а* на месте русского *я*: *аз* ‘название буквы старославянского алфавита’ (*язъ* → *я* — личное местоимение), *агнец* (*ягня* ‘ягненок’) и пр.;

¹ Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. — 1961. — № 1. — С. 53.

² См.: Шахматов А. А. Церковнославянские элементы в современном литературном языке // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. — М., 1952. — С. 245–266.

8) твердое *з* из *г* на месте русского *з* мягкого: *льгота* — *льга* ‘свобода, легкость’ (*нельзя*), *осязать*.

Словообразовательными признаками являются:

1) приставки: *воз-* на месте русской приставки *вз-*: *возводить* (*взводить*), *воспрянуть* (*вспрянуть*); *со-* на месте русской приставки *с-*: *собор* (*сбор*), *совет* (*свет*); *из-* (*ис-*) на месте русской приставки *вы-*: *изводить* (*выводить*), *истечь* (*вытечь*), *изложить* (*выложить*); *низ-* (*нис-*) на месте русской приставки *вв-*: *низвергать* (*ввергать*); *пре-* на месте русской *пере-*, а также *пред-* на месте *перед-*: *предать* (*передать*), *предел* (*передел*), *преставить* ‘уничтожить, превратить’ (*переставить*); *раз-* (*рас-*) на месте русской приставки *роз-* (*рос-*): *разный* (древнерусск *розный*; соврем. *рѹзно*, *рѹзница*, *рознь*, *пѹрознь*), *разбить* (диал. *розбить*); *чрез-* на месте русской приставки *через-*: *чрезмерный*, *чрезвычайно* (*чрезвычайно* — просторечн.);

2) суффиксы: *-знь*: *казнь*, *жизнь*; *-есн-*: *словесный*, *небесный*; *-тв(а)*: *жатва*, *жертва*, *клятва*; *-стви(е)*, *-ств(о)*: *странствие*, *царствие*, *рождество*; *-ын(я)*: *милостыня*, *святыня*; *-чий*: *кормчий*, *ловчий*; суффиксы действительных причастий: *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-*: *несущий*, *поющий*, *лежащий*, *светящий* и др.;

3) первые части сложных слов типа *благо-*, *бogo-*, *добро-*, *жертво-*, *зло-*, *сue-* (многие из них кальки (дословные переводы) греческих слов)¹: *благодать**, *Богородица**, *добросердечие*, *добродетель*, *жертвоприношение**, *злополучный**.

Семантическими признаками старославянизмов являются:

1) принадлежность слова к религиозному культу, предметам церковного обихода: *апостол**, *архимандрит**, *евангелие**, *кадить*, *креститель*, *престол*, *пророк**, *ряса**, *свeticильник*, *святой* и др.;

2) слова отвлеченной лексики: *беззаконие**, *благодeяние**, *воскресить*, *грех*, *довлеть*, *исход*, *лицемерить**, *преткновение**, *прославить*, *сотворить*, *упование** и др.

Среди указанных слов есть греческие кальки и византийская религиозная терминология.

Следует четко различать старославянизмы и слова с элементами, сходными со старославянскими. Второй случай включает: а) общеславянизмы: *край*, *гладкий*, *дразнить*, *бледный*, *ждать*, *грань*, *еда*, *товарищ*, *толща*, *щербатый*, *щука* и т.д.; б) русизмы, включающие в свой состав старославянские элементы: *благодаря* (предлог), *воспринимающий*, *предположение*, *предприниматель*, *разбежаться*, *расточительство*, *чрезвычайщина* и др.

Происхождение слов рассмотрено в этимологических словарях, сведения из которых помогают определить принадлежность слов к генетическим пластам. Старославянская лексика и элементы этой лексики дали большое число образований в русском языке:

¹ Греческие заимствования обозначаются знаком «*» после слов.

Семантико-структурный анализ старославянизмов

Старославянизмы ¹	Лексическое значение слов в старославянском языке ²	Признаки старославянизмов				Функционирование старославянизмов в современном русском языке (в тексте художественного произведения)			Русское параллельное слово
		фонетические	словообразовательные	семантические	лексико-семантическое ³	стилевое	стилистическое		
<i>багряный</i>	‘Красного цвета’				‘Густо-красного цвета’	книжн.			<i>багровый</i> (нейтр.)
<i>разлука</i>	От <i>разлучати</i> ‘разъединять, разделять’	ра-	раз-		‘Расставание с кем-либо близким’	нейтр.			<i>разлучить</i> (диал.)
<i>берег</i>	‘Берег, склон’	-ре-			‘Край земли у водной поверхности’	книжн., арх.	поэт.		<i>берег</i> (нейтр.)
<i>глас</i>	‘Голос’	-ла-			‘Способность говорить’	книжн., арх.	поэт.		<i>голос</i> (нейтр.)
<i>сладко-гласный</i>	‘Обладающий приятным, нежным голосом, звуком’	-ла-, -ла-	сложное слово		‘Ласкающий слух’	книжн., арх.	высок.		<i>сладко-голосый</i> (книжн. и народно-поэт.)

<i>блуждающий</i>	От <i>блудъ</i> , 'блуждание'	-жд-	-ющ-		'Бродящий, двигающийся без определен- ной цели'	книжн.		<i>блудить</i> (прост.)
<i>нрав</i>	'Характер'	-ра-			'Характер, совокупность психических свойств'	нейтр.		<i>норов</i> (прост.)
<i>союз</i>	'Связь, узы'		со-		'Тесное еди- нение, связь'	нейтр.		Ср.: <i>узел</i> (нейтр.)
<i>обитель</i>	'Монастырь, гостиница, жилище'		-тель	церк.	'Место пребы- вания кого- либо'	книжн.	поэт.	
<i>благословить</i>	'Совершать обряд благо- словения'	-ла-	сложное слово с первой частью <i>благос-</i>		'Напутствовать добрыми по- желаниями, советами'	книжн.	высок.	
<i>жизнь</i>	'Состояние всего живого'		-знь		'Существова- ние'	нейтр.		

¹ Отнесение к старославянизмам устанавливалось по этимологическим словарям: М. Фасмер «Этимологический словарь русского языка» (1987); П. Я. Черных «Историко-этимологический словарь современного русского языка» (1993); Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская «Краткий этимологический словарь русского языка» (1971).

² Лексическое значение старославянизмов определялось по данным указанных словарей как исходное семантическое.

³ Современное лексико-семантическое значение слов определялось по ССРЯ (1950–1965) в том значении/варианте, в каком оно употребляется в тексте.

Старославянизмы	Лексическое значение слов в старославянском языке	Признаки старославянизмов			Функционирование старославянизмов в современном русском языке (в тексте художественного произведения)			Русское параллельное слово
		фонетические	словообразовательные	семантические	лексико-семантическое	стилевое	стилистическое	
суета	От суи 'пустой, незначительный, напрасный'			церк.	'То, что не представляет никакой ценности'	нейтр.		
восклицание	'Вскрик'		вос- -ний		'Возглас, передающий какое-либо сильное чувство, волнение'	нейтр.		
хранивший	От храниити 'защищать'	-ра-			'Оберегающий, защищающий от опасности'	нейтр.		хранивший (нейтр.)
благо	'Добро, счастье'	-ла-			'Добро, счастье, благополучие'	книжн.	высок.	Богое (топоним)
сомнение	От сумьѣити 'сомневаться'		со- -ний		'Состояние душевного разлада'	книжн.		
соединение	От съединити 'соединить, слить воедино'		со- -ний		'Объединение'	книжн.		Ср.: один (нейтр.)

собственно лексических единиц, по различным подсчетам, от 10 до 26 %.

В современном русском языке старославянизмы выполняют следующие семантические, стилевые и стилистические функции:

а) являются словами нейтрального стиля, общеупотребительны и вытеснили однокорневые русские слова: *враг, вред, время, нужда, плен* и др. (ср.: *ворог, веред, веремья, нужна, полон*);

б) относятся к нейтральному стилю, существуют параллельно с русскими словами, но разошлись с ними в значениях: *глава* (книги, предприятия) и *голова*; *гражданин* и *горожанин*; *страна* и *сто-рона* и пр.;

в) принадлежат к книжному стилю речи: *возбранять, воспламенять, главенство, отвратить, претерпеть, праздный, чрево, чуждый* и т.д.;

г) выступают в качестве культовых названий и широко распространены в церковной практике: *благодать, владыка, власяница, врата* (царские), *жезл, жертва, посвящение*, (отчий) *прах, престол, Рождество, священник, храм* и др.;

д) встречаются в специальных текстах (археологических, исторических, медицинских и т.д.) как термины: *вождь* (истор.), *Все-ленная* (астроном.), *ладья* (шахматн.), *млекопитающее* (зоолог.), *раб* (истор.), *средостение* (медиц.), *страж* (истор.) и под.;

е) остаются в сфере книжного стиля и обладают стилистической функцией высокого, поэтического, торжественного (так называемые стилистические славянизмы): *власы, влачить, длань, древо, златоструйный, златолюбие, ланиты, очи, прекосердие, уста* и др. В произведениях художественной литературы в зависимости от времени написания, рода литературы, темы произведения, жанра, стратегии автора, его идиостиля и прочего заимствования выступают в различных функциях.

См. таблицу 12, представляющую семантико-структурный анализ старославянизмов в стихотворении А. С. Пушкина «19 октября».

Комментарии к таблице 12

1. Структурно-семантический анализ старославянизмов в художественном тексте включает: 1) установление соответствий и различий по форме и значению между генетическими старославянизмами и их функционированием в современном языке; 2) определение фонетических, словообразовательных и семантических признаков старославянизмов; 3) выявление их стилево-стилистических характеристик в современном состоянии языковой системы.

2. Между первоначальным, этимологически выявленным значением и текстовым имеются различия, которые обусловлены: а) краткостью буквального, генетического значения и современным, развернутым толкованием, зафиксированным 17-томным Словарем современного русско-

го языка; б) текстовым расширением семного состава слова, т.е. увеличением его информативной нагруженности; в) эпидигматическим развертыванием (появлением многозначности) образности, обобщенности и «религиозности» семантики. Ср.: *благословить* (старослав., букв. 'говорить о ком-либо хорошо') и *благословлять* (русск.): 1. 'Напутствовать, наделять кого-либо добрыми пожеланиями, советами, одобрять и т.п.'. Устар. В церковном и семейном обиходе. 'Крестить кого-либо (рукой, иконой и т.п.), произнося при этом слова молитвы, напутствия или пожелания; совершать обряд'. В выражениях. *Благословлять судьбу, участь и под.* — 'благодарить, радоваться'. ...И раб судьбу благословил (А.С.Пушкин). 2. 'Одобрять, признавать разумным, совершенным'. 3. В просторечии (шутл.). Благословить чем по чему-либо — 'ударить' (ССРЛЯ. — Т. I. — С. 493).

3. Старославянизмы — представители литературного, книжнописьменного языка в определенной степени сохранили стилевую принадлежность и придают тексту торжественность и приподнятость стиля: *багряный, обитель, благо* и др.; но ряд слов вошел в нейтральную лексику: *нрав, союз, жизнь, хранить* и т.д., включившись в основной фон повествования; некоторые ушли в архаический пласт: *брег, глас, сладкогласный*, повышая стилистическую тональность текста, — поэтическое и высокое.

4. Русские параллели относятся к нейтральной лексике: *берег, голос, узел* и пр., просторечной: *блудить, норов*, диалектной: *розлучить*.

В разные исторические периоды в русский язык вошли заимствованные слова из родственных славянских языков. Это поздние (VI—XVIII вв.) и позднейшие (XIX—XX вв.) проникновения. Многочисленны польские заимствования, они датируются XVII—XVIII вв. В их составе: 1) именованья одежды: *бекеша* (от фамилии Бекеш, венгерский полководец короля Стефана Батория), *кофта*; 2) имена пищевых продуктов: *булка* от общеслав. **byla* 'шишка'; *повидло*; 3) воинские звания: *полковник* и др.

Через польский язык до XVIII в. пришли слова из западноевропейских языков: *барвінок* 'вечнозеленое травянистое растение с голубоватыми и фиолетовыми цветками'; *barwinek* пришло из польского в XVI в., в котором оно появилось из чешского *barvinek*; через немецкий (в современном немецком *Bärwinkel* с внутренней формой 'медвежий угол') восходит к латинскому *pervinca* (в том же значении 'барвинок'); *белясы* (от *balasa* 'точеный столбик для ограды, перил и др.') из французского *balustre*, в котором оно восходит к латинскому *balustrum*.

Из украинского языка вошли слова: *борщ, бублик, гопак, детвора* и др.

Иноязычная лексика

В зависимости от степени освоения иноязычных слов, их структурно-семантического преобразования и функционирования в принимающем языке выделяются типы заимствования:

1) ассимилированные слова; 2) экзотизмы; 3) иноязычные вкрапления (варваризмы).

Ассимилированным считается слово, которое уподобилось словам языка-преемника на всех уровнях системы языка (графически, фонетически (орфоэпически), словообразовательно, морфологически и синтаксически). Например: *сёрвис* [с'ёрв'ис], *текст* [т'екст], *сékта* [с'экть] и др. Некоторые из слов не вполне фонетически освоены: *фонéтика* [флн'эт'икъ и флнэт'икъ], *дём-пинг* [дэмп'инк и д'эмп'инк], *модéль* [модэл' и млд'эл'] и т.д.

Заемствованные слова не однородны по характеру ассимиляции в русском языке. Среди них могут быть:

1) русское графическое, фонетическое (орфоэпическое), морфологическое и семантическое слово в языке-источнике имеет иную графику: *цинк* и *Zink* (нем.) различаются не только русской и латинской графикой, но и орфографо-морфологически: имена существительные в немецком языке пишутся с заглавной буквы;

2) русское графическое, фонетическое (орфоэпическое), морфологическое и семантическое слово не совпадает по графике и произношению со словом в языке-источнике: *ёмпорт*. 1. 'Ввоз товаров, капиталов, технологии из-за границы'. 2. собир. 'Ввозимые из-за границы товары, изделия' (разг.) и *impórt* [imprɔ:t] (англ.). 1. 'Ввоз, импорт'. 2. множ. 'Ввозимые (импортные) товары'; аналогично: *спорт* (русс.) — *sport* [sprɔ:t] (англ.); *спúкер* (русс.) и *spéeker* [spi:kə] (англ.);

3) русское графическое, фонетическое, морфологическое и семантическое слово имеет различия в графике, орфоэпии и морфологии слова в языке-источнике: *сúлос* и *sílos* (исп.), где [l] — полумягкий звук, конечный -s — показатель мн. числа; *тотáльный* — имя прилагательное муж. рода, ед. числа, им. падежа, со звуком [л'], -н- — суффикс прилагательного, -ый — окончание и *totál* (нем.) — имя прилагательное муж. рода, ед. числа, им. падежа, с нулевым окончанием, склонением по четырем падежам (Nom., Gen., Dat. и Akk.) и звуком [l] средневропейским, полумягким;

4) русское графическое, фонетическое и морфологическое слово отличается произношением и семантикой от слова в языке-источнике: *комбáйн*. 1. 'Сложная машина, агрегат, выполняющая работу нескольких более простых машин'. 2. 'Такая сельскохозяйственная машина, предназначенная для уборки зерна, картофеля, свеклы, хлопка и других культур' и *combáine* [kəmbain] (англ.). 1. 'Сельскохозяйственный комбайн'. 2. 'Синдикат, комбинат'. 3. 'Объединение (для контроля и поднятия рыночных цен и т.п.)';

5) русское графическое, фонетическое, морфологическое и семантическое слово, которое отлично в языке-источнике в графике, произношении, морфологическом строении и семантике: *эксклюзивный*: неологизм 80—90-х годов, не зафиксированное в толковых словарях русского языка имя прилагательное в муж. роде,

ед. числе, им. падеже с диффузным значением 'исключительный, единственный' (см.: *эксклюзивный репортаж*) и *exclusive* [iksklu:siv] (англ.). 1. 'Исключительный'. 2. 'Единственный'. 3. 'Недоступный, замкнутый в своем кругу, с ограниченным доступом (о клубах)'. 4. 'Отличный, первоклассный'.

Выделяют экстралингвистические (неязыковые) и лингвистические причины заимствования. Первые связаны с экономическими причинами (*банк, брокер, дилер, клиринг, маркетинг, траст*), политическими (*демонстрация, спикер, парламент, стагнация*), культурными (*битник, герлс, кино, комикс, шоу-мен*), технологическими (*ноу-хау, компьютер, факс, принтер, стример*), бытовыми (*джинсы, бутсы, джемпер, колготки, лайкра*) и др. К лингвистическим причинам заимствований относят: а) разделение сфер семантического влияния русского и входящего слов: *страсть, увлечение* и *хобби* 'увлечение, любимое занятие для себя, на досуге'; *варенье* и *джем* 'варенье из фруктов или ягод в виде густого желе'; *удобства* и *комфорт* 'условия жизни, пребывания, обстановки, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют'; б) однотипность структуры иноязычных включений, имеющих общее тематическое значение и общую морфему: *джентльмен, спортсмен, конгрессмен, бизнесмен, клубмен* и новейшее *шоу-мен* и т.д.; в) замена русского составного именования одночленным: *гостиница для автотуристов — мотель, бег на короткие дистанции — спринт, меткий стрелок — снайпер*.

По мнению большинства лингвистов, условием для заимствования является двуязычие. Сначала лексическое заимствование возникает в двуязычной среде, а затем распространяется в более широкие сферы. Наконец слово попадает в письменную речь и охватывает всю область языка. В современном мире двуязычие проявляется различными способами в устном и письменном виде: общение на иностранном языке, чтение на иностранном языке, телевидение, периодическая печать — «из уст в уста» идет широкий поток иноязычий, которые еще не освоены носителями языка. Это находит свое выражение в как будто «неправильном» употреблении слова, на самом же деле это новые истоки жизни слова в чужой пока для него среде. *Бестселлер* (амер.) 'наиболее раскупаемая книга, изданная большим тиражом' употребляется в публицистике: «бестселлер об обиходе моды — белые, без рисунка»; «речь идет о фильме-бестселлере». Или: *камикадзе* (японск.) 'летчик-смертник, погибавший вместе с самолетом, атакующим цель' и на страницах прессы: «камикадзе на Онежском озере» (о рыбаках, ведущих подледную ловлю рыбы); «каскадер-камикадзе». «Двуязычие может иметь место без непосредственного (разрядка наша. — Е.Д.) контакта носителей двух различных языков, а заимствованные слова, как результаты двуязычия, сразу попадают в письменную (разрядка наша. — Е.Д.) речь, минуя...

стадию употребления только в устной (разрядка наша. — Е.Д.) практике двуязычно говорящих людей...»¹

Объединение устных/письменных и прямых (непосредственных)/опосредованных заимствований предлагает М. Н. Черкасова, связывая их с хронологией и эволюцией межъязыковых связей.

Перемещение слов из одного языка в другой связано со свойственными каждому периоду лингвосоциальными условиями.

Так, в XVII в. слова из иностранных языков воспринимались и записывались на слух, часто исконное написание игнорировалось, искажалась звуковая оболочка. Много опосредованных английских заимствований пришло в русский язык через немецкий и голландский языки. В результате каждый язык накладывал отпечаток в соответствии со своими фонетическими огласовками и грамматическими формами. Побуквенное чтение, оглушение конечных согласных, наличие полумягкого [л], свойственные немецкому и голландскому языкам, но не английскому, наложили отпечаток на исконные слова английского языка: *Ливерпуль* вместо *Ливерпул*, *Лидс* вместо *Лидз*. Или: *галстук* из немецкого — *Halstuch* [ʰástux], вероятно, под диалектным влиянием изменилось в *галстук*. Слово *матрос* заимствовано из голландского языка в конце XVII — начале XVIII в. (первоначально в форме множественного числа — *матрозы*).

В конце XVIII в., в Петровскую эпоху заимствование шло чаще устным путем: *армия* (первоначально *армея* ← немецкое *armee* ← французское *armée*); *вымпел* (голландское *wimpel* ‘знамя’, ‘флаг’). Голландское слово *haven* [ʰавен] переоформилось под влиянием русской модели на *-ань* в *гавань* (ср. *пристань*) и др.

В конце XVIII — середине XIX в. преобладают письменные заимствования через частную переписку и художественную литературу, но и сохраняются устные заимствования в результате разговорной практики: *браслет* — французское *bracelet* ‘браслет’ — уменьшительно-ласкательное от существительного *bras* ‘рука’; *балет* — французское *ballet* ‘балет’ из итальянского *balletto* — уменьшительное к *ballo* ‘бал, танец’; *коньяк* — французское *Congac*, название города, где производился этот сорт вина; *конфета* — итальянское *confetto* ‘конфета’ восходит к латинскому *confectum* ‘приготовленное (о лекарстве)’. Французское слово *пальто* «приехало прямо из Парижа на машинах. Несмотря на это, господина, который носил его на плечах своих, считали за дикого, и, несмотря на это, безобразная, нестатная одежда, вроде китайской курмы или шкуры гиппопотама, вошла в моду...» (журнал «Московитянин», 1849 г.).

¹ Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968. — С. 32.

Займствования из французского, как и займствованные через французский язык английские слова, меняли ударение и структуру: *розётка* — из французского *roséte* ‘розочка’ (деминутив к *rose* ‘роза’), было переоформлено с помощью суффикса -к(а) (см. *шапка*, *бабка*); *пиджак* — из английского *péa jácket* от сложения слов *péa* ‘бобриковая куртка’ и *jácket* ‘жакет’; *жакет* заимствовано из французского деминутива *jaquéte* ‘куртка’.

Для середины XIX — середины XX в. характерны письменные и устные займствования через прессу, науку. Прослеживается тенденция непосредственного вхождения слов: *ýмидж* (англ.), *мýтинг* (англ.), *свýтер* (англ.); *випрáж* (франц.), *гипýр* (франц.), *редýс* (франц.). *Герáнь* — книжное заимствование XIX в. через посредство немецкого из латинского *geráanium* ‘журавельник’; *рёйнвёйн* (нем.) и т.д.

Но побуквенное заимствование все же сохраняется, как и изменение места ударения, т.е. лингвистические процессы становления лексической единицы в русском языке одерживают верх: *волейбóл* — англ. *vólleybóll* (наличие двух ударных слогов); *баскетбóл* — англ. *basketball*; *хоккеý* — англ. *hóckey*; *девелопёр* — англ. *devéloper* ‘проявитель’.

Широкий поток информации в 80—90-е годы XX в. приводит к образованию новейших тематических парадигм, члены которых графически и фонетически полностью не освоены, сохраняется семантика языка-источника. Стремительность вхождения в язык еще не подготовила полного грамматического освоения, но традиционные нормы грамматической категоризации начинают брать верх над непривычностью формального образования. Слова с основой на твердый согласный «по привычке» отнесены к мужскому роду и 1-му склонению; категория одушевленности формирует категорию рода по полу и т.д.

См. грамматическую адаптацию слов: а) банковская терминология: *аудít*, *брóкер*, *лýзинг*, *оффшóр*; б) технология: *пéйджер*, *фáйл*, *модém*; в) пища: *гáмбургер*, *чýзбургер*; г) мода: *тон*, *свýнгер*, *сно́птон* и т.д. Все вышеприведенные примеры являются существительными м. р., ед. ч., им. п.

Другим результатом иноязычных займствований является образование словообразовательных гнезд, рядов, цепочек по канонам русской словообразовательной традиции. См. словообразовательный ряд с компонентом *видео-*: *видеоряд*, *видеопленка*, *видеокассета*, *видеомагнитофон*, *видеосалон*, *видеоточка*, *видео клуб*, *видео канал*, *киновидеообъединение*, *видеорынок*, *видео конференция*, *видеомания*.

Особо следует сказать о терминах и терминированных словах, которые состоят из греческих и латинских элементов: *атом*, *алфавит*, *грамматика*, *диагноз*, *кафедра*, *телефон*, *магнитофон*, *реагент* и др. Особенность этих слов в том, что они не имеют родины и

живого источника заимствования. Они принадлежат к интернациональной лексике, выполняющей одну из основных функций иноязычных слов. Новые и новейшие именованья (50-е годы — конец XX в.), в отличие от позднейших (XIX — середина XX в.), берутся из мертвых языков: греческого — *нейроплэгики* (медиц.), *пситтакóz* (зоол.), *термóграф* (техн.) и латинского — *аудíт* (финанс.), *адáптер* (компьют.), *видеотéка* (искусств.) и др. Появление международной терминологии — явление прогрессивное: оно единообразно отражает успехи человечества в научно-техническом прогрессе и составляет общий фонд названий, облегчающих языковое контактирование народов.

Экзотизмы — это национальные названия предметов быта, домашней утвари, одежды, обычаев, обрядов того или иного народа, той или иной страны. Попадая в язык-преемник, они сохраняют в своем большинстве национальные языковые черты (кроме графического и отчасти фонетического облика) и функционируют как обозначения уникальных, безэквивалентных понятий, не имеющих аналогов в принимающем языке. Их смысловая функция заключается в передаче колорита исконной культуры носителей языка. Признаками экзотической лексики являются: отнесенность к национальной реалии, ее уникальность, отсутствие синонимов в языке-преемнике, высокая степень обусловленности культурой нации. Приведенные ниже парадигмы представляют в современном русском языке названия определенных «отрезков действительности» разных наций.

В тематическую парадигму «Религиозные термины» включены пришедшие в последние десятилетия из неевропейских языков такие именованья: *ван* 'монастырь в Лаосе', *джихáд* (исламск.) 'священная борьба за веру против неверных', *мехрéб* 'ниша, указывающая направление к Мекке', *минбér* 'подобие трибуны в мечети', *садкх* 'священник индийского прихода', *сангх* 'буддийская община', *синтó* 'религия японцев', *тóрии* 'японские храмовые ворота'.

Тематическая парадигма «Национальная одежда»: *дохти* 'набедренная повязка в Индии', *дэли* 'монгольская верхняя одежда', *бандана* 'платок, завязывающийся концами назад, обычно у мужчин', *лоунджи* 'клетчатая юбка бирманцев-мужчин', *оби* 'японский пояс, завязывающийся бантом назад', *хакама* 'штаны самурая', *пиколь* 'афганская мужская шапочка'.

Тематическая парадигма «Музыкальное искусство (инструменты, танцы, песни)»: *бань* 'китайская разновидность кастаньет', *маракасы* 'южноамериканский ударный инструмент', *карнаи* и *сурнаи* 'узбекские музыкальные инструменты', *зикр* 'ритуальный чеченский танец', *ламбада* 'бразильский танец', *самба* 'латиноамериканский танец', *спиричуэлсы* 'негритянские народные песни', *трова* 'лирическая песня трубадуров на Кубе', *хуучир* 'монгольская песня, стих',

танка 'японский стих', *дархат* 'народный певец в Монголии', *дод-зёджи* 'японская исполнительница танца с глицинией'.

Тематическая парадигма «Мода»: *гранж стиль* 'сельский стиль', *шляпка клоше* 'шляпа в форме колокола', *от кутюр* 'высокая мода', *прет-а-порте* 'обычная одежда', *свингер* 'расклешенное пальто', *сноптон* 'короткая дубленка с особой выделкой меха', *топ-модель* 'модель высшего класса', *топ-салон*, *фэшен-шоу* 'представление коллекции моделей'.

С течением времени именования могут терять свою экзотичность и переходить в разряд заимствований: *пальто*, *кофта*, *костюм*, *халат*, *юбка*; *бокс*, *баскетбол*, *хоккей*, *футбол*; *бекон*, *бифштекс*, *бульон*, *гамбургер*, *котлета*, *кофе*. Некоторые из них даже не осознаются как иноязычные: *кофта*, *костюм*, *юбка*, *котлета* и др.

Среди экзотизмов выделяют: а) этнографизмы — названия предметов быта: *джонка* 'в Юго-Восточной Азии грузовое судно с четырехугольным парусом', *новруз* 'древний праздник весеннего обновления в исламских странах', *раану* 'лапландские ковры', *ао зай* 'вьетнамское женское платье со стоячим воротником и длинными рукавами из шелка или других материалов светлых тонов'; б) этнонимы — имена этнических общностей: *талибан* 'исламское движение в Афганистане', *тейн* 'территориальный регион, где имеются группы родства'.

Иноязычные вкрапления — это слова, части предложений, предложения языка, находящиеся в чужом для него окружении. Иноязычные вкрапления (варваризмы) не освоены или неполно освоены языком, их принимающим. Они часто не меняют своего графического облика: *Genósse* 'товарищ по партии' (нем.), *privé* 'частная собственность' (англ.), но *экслюзэ* 'извините' (франц.), *пáблисити* 'известность, популярность' (англ.).

Ср. латинские вкрапления интернационального характера: *ad hoc* 'к этому', *de jure* 'юридически, по праву', *dixi* 'я сказал, я кончил, я высказался'. Среди интернациональных вкраплений есть слова и выражения не из мертвых языков: *a cappella* (итал.) 'без аккомпанемента (о хоровом пении)', *adieu!* (франц.) 'прощай(те)!', *a la* (франц.) 'на манер', *sos* (англ.) 'международный сигнал бедствия'.

Вкрапления — разнопорядковые единицы: а) слова: *baby* (англ.) 'маленький ребенок', *cito* (лат.) 'быстро, срочно', *item* (лат.) 'также'; б) термины и терминированные обозначения: *capriccioso* (итал.) 'прихотливо' (музыкальное), *gaudeamus* (лат.) 'название старинной студенческой песни', *aqua vitae* (лат.) 'водка', *pro et contra* (лат.) 'за и против', *trade mark* (англ.) 'фабричная марка'; в) крылатые слова и выражения: *ad honores* (лат.) 'ради чести', *ars longa, vita brevis* (лат.) 'искусство долговечно, жизнь коротка', *par exemple* (франц.) 'например', *tutti frutti* (итал.) 'всякая всячина'.

Одни вкрапления могут сохранять свой иноязычный облик и долгое время пишутся на языке-источнике (см. примеры выше);

Генетический и структурно-семантический анализ заимствований

Зaimствованное слово	Источник заимствования (языковая база вхождения)	Устная/письменная форма	Период вхождения (если возможно указать)	Способы заимствования						Тип ассимиляции в языке-преемнике
				язык-преемник		язык-посредник		язык-источник		
				форма слова	значение слова ¹	форма слова	значение слова	форма слова	значение слова ²	
абитуриент	нем.	письм.	XIX в.	abituri- erient (русск.)	‘человек, поступающий в высш./ спец. учебное заведение’	Abiturient (нем.)	‘сдающий выпускные экзамены’	abituriens -nis (средне-лат.)	‘собирающийся уходить’	графический фонетический семантический морфологический синтаксический

¹ Лексические значения заимствованных русским языком слов взяты из «Толкового словаря русского языка» (СОШ) С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М., 1993.

² Этимология слов берется из: Этимологического словаря славянских языков. Прагматический лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1974—1990; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1987; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М., 1993; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971; Современный словарь иностранных слов. — СПб., 1994; Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. — М., 1971; Новое в русской лексике / под ред. Н. З. Котеловой. — М., 1986, 1987 и др.

Заемствованное слово	Источник заимствования (языковая база вхождения)	Устная/письменная форма	Период вхождения (если возможно указать)	Способы заимствования						Тип ассимиляции в языке-преемнике
				язык-преемник		язык-посредник		язык-источник		
				форма слова	значение слова	форма слова	значение слова	форма слова	значение слова	
абрикós	гол-ландск.	письм./устн.	начало XVIII в.	абрикос (руссск.)	‘плод фрукт. дерева со сладкими, сочными плодами’	abrikoós (гол-ландск.) abricót (франц.) alberóque (испанск.) al-birgíg (арабск.)	‘абрикос’ » » »	práesox (лат.) (в арабский через греческий из латинского)	‘скоро-спелый’	графический фонетический семантический морфологический синтаксический
бульдóзер	англ.	письм.	50-е годы XX в.	бульдóзер (руссск.)	‘землеройная машина’			bulldozer (англ.)	‘землеройная машина’	графический фонетический семантический морфологический синтаксический

<i>бутерброд</i>	нем.	письм./ устн.	XIX в.	<i>бутерброд</i> (русск.)	‘ломтик хлеба с маслом, колбасой, рыбой, икрой’			<i>Butterbröt</i> (нем.)	‘хлеб с маслом’	графический фонетический морфологический синтаксический
<i>gazeta</i>	итальянск.	письм./ устн.	XVIII в.	<i>gazeta</i> (русск.)	‘периодич. издание, ежедневное в виде больших листов’	<i>gazzetta</i> (итальянск.)	первонач. ‘мелкая монета за чтение, покупки газеты рускописн./печатн.’	<i>gáza</i> (греч.)	‘сокровище’	графический фонетический морфологический синтаксический
<i>колбаса</i>	общеслав. (из тюркского)	устн./ письм.	XIII в.	<i>колбаса</i> (русск.)	‘особо приготовл. мясной фарш в удин. оболочке’	* <i>kālbasa</i> (праслав.)		<i>küllasty</i> (турск.)	‘жареные котлеты, жареное мясо’	графический фонетический морфологический синтаксический
<i>тюрé</i> (рэ)	франц.	письм./ устн.	франц.	письм./ устн.	‘приправа, протертые овощи, фрукты’	<i>purée</i> (франц.)	‘приправа, протертые овощи, фрукты’	<i>purée</i> (лат.) от (лат.) <i>purus</i>	‘чистый’	графический фонетический морфологический синтаксический

другие же постепенно ассимилируются принимаемым языком: *уикэнд* (англ.) ‘конец недели’, *де-факто* (лат.) ‘фактически, на деле’, *де-юре* (лат.) ‘юридически, по праву’ (последние две единицы отражают переходный период их существования — они употребляются и в латинском, и русском написании); третьи бесследно исчезают: *mote vides* (франц.) ‘слова, лишённые значения’, *mots pleins* (франц.) ‘полнозначные слова’.

Термин *варваризм* в русском языке имеет отрицательную коннотацию за счёт сем ‘пренебрежительное’ (стилистическая сема), ‘невежественный’, ‘грубый’, ‘жестокий’ (содержательные семы), имеющих в семантике производящей основы *варвар*. Поэтому предпочтительнее термин *иноязычные вкрапления*: он составной по своей структуре и отражает более точно существо понятия.

Вкрапления за счёт своей «иноязычности» выполняют нередко *макароническую* роль, выступая в текстах в гротесково-шуточной, юмористической, иронической и сатирической функциях. Макароническое использование вкраплений характерно для языка 90-х годов. «*Шерше ля бабушка*», «*Шерше ля юбка*» («Комс. правда») — юмористическое преобразование французского выражения «*chercher la femme*» (‘ищите женщину’). Каламбуры создаются при объединении несопоставимого: «За последние годы шоу-бизнес пополнился десятками новых “стар” и “суперстар”...» («Время») — словесная игра построена на омонимах — прилагательном «стар» (имеется в виду возраст актёра) и приставки *супер-* (в слове «*суперстар*» — именовании звезды кино, эстрады, театра).

«*Бурда в моде*» (заголовок в журн. «Новое время») — о производстве водки-сивухи; гротеск основан на слове *Бурда*, объединяющем два контрастных значения: 1) ‘популярный немецкий журнал мод’ и 2) ‘мутное спиртное низшего сорта’.

В статье «Рваные джинсы в стиле “гранж”» («Аргументы и факты») нейтральное французское *гранж* ‘сельский’ выступает в качестве саркастического именовании гранж-стиля: «“Гранж” и “от кутюр” — вещи такие же несовместимые, как *бельканто* и *блатная частушка*. Чтобы одеваться в стиле “гранж”, нужно одеваться как можно хуже...» Негативность оценки усилена противопоставлениями: *гранж* — *от кутюр* ‘высокая мода’; *бельканто* ‘стиль вокального, мелодичного, красиво звучащего исполнения’ — *блатная частушка* ‘грубая арготическая песенка’. Или: «Итак, проведена «поголовная *ваучеризация*» россиян (знает ли тот, кто запустил это слово в оборот, что в переводе с английского оно означает талон, на который дают в США бесплатные обеды нищим людям?)» («Новое время»).

Все три типа иноязычий: заимствованные слова, экзотизмы и вкрапления — будут рассмотрены однотипно, в единой схеме «Ге-

нетический и структурно-семантический анализ заимствований» (см. табл. 13).

Комментарии к таблице 13

1. Иллюстративный материал относится к заимствованиям из разных языков, разных источников, включает устную и письменную формы вхождения в русский язык и связан с поздними (VI—XVIII вв.), позднейшими (XIX — середина XX в.), новыми (середина XX в. — 50—70-е годы XX в.) и новейшими (80—90-е годы XX в.) включениями.

2. Отражение способа заимствования учитывает три (два) этапа: язык-преемник → язык-посредник → язык-источник. Периодизация перемещения в русский язык из других языков имеет временные рамки для 1-го и 3-го этапов. 2-й этап — этап языка-посредника может быть дву- и многоступенчатым.

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Все социальные (экономические, политические, административно-управленческие, культурные, исторические, лингвогеографические и др.) преобразования, совершающиеся в жизни общества, реализуются лексикой языка. Словарный состав — наиболее открытый и подвижный уровень языковой системы: в него непрерывно входят и из него постепенно уходят слова, притом лексических приобретений значительно больше. Для каждого периода развития языка характерна широко распространенная и утратившая надобность лексика.

По социально-территориальному употреблению в современном словарном составе можно выделить общерусскую лексику и лексику диалектную, распространенную в разных регионах Российского государства. По параметру социолингвистического употребления лексика делится на группы: 1) по частотности употребления — активная и пассивная лексика; 2) по периоду использования — устарелая и новая лексика; 3) по характеру отражения деятельности — терминологическая и профессиональная лексика; 4) по социальной общепринятости — жаргонная и арготическая лексика.

Общерусская и диалектная лексика

Основной словарный фонд лексики современного русского языка составляют слова общерусские, которые известны всем говорящим на русском языке независимо от места проживания,

образа жизни и характера трудовой деятельности. Это лексика константной социальной ценности: она складывалась в течение веков как совокупность именований, необходимых в жизненной практике русского человека. Это повседневно употребляемые слова, которые генетически складывались длительное время в системные группировки — парадигмы: 'Родство': *отец, мать, сын, дочь*; 'Пища': *хлеб, мясо, крупа, сахар*; 'Движение': *идти, бежать, плыть*; 'Цвет': *красный, синий, зеленый*; 'Количество': *много, мало, несколько* и т.д. Исторически это «расширяющаяся вселенная» имен, которая наполняется новыми знаниями и потому новыми значениями¹.

Однако не каждое общерусское слово общепотребительно. Использование слов в каждое лингвистическое время обусловлено социальными факторами: административными (ролевой статус: подчиняющий — подчиненный); производственными (профессиональный статус: директор — инженерно-технические работники — рабочие); физиологическими (пол: мужской — женский); образовательными (ценз: высшее — среднее — низшее образование); этикетными (возраст: старший — младший) и др. Таким образом, социализация лексики отражает разный характер использования слов в обществе. Так, слово *хлеб* в значении 'семена злаков' употребляется обычно в речи агрономов, работников мукомольной промышленности; слово *водь* 'моря, реки, озера, проливы, входящие в состав данного государства' используется в речи работников морского и речного транспорта, пограничной службы; слово *земля* 'планета Солнечной системы' — в речи астрономов; *моделировать* 'изготавливать модель', *модернизировать* 'делать отвечающим современным требованиям' характерны для речи специалистов определенных профессий — лингвистов, инженеров, технологов и др. См. социальную ориентацию отношений подчиняющий — подчиненный в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон»:

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов *строго*, кашляя и шевеля бровями... — Чья собака?.. *Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям!*.. Чья это собака, спрашиваю? — Это, кажись, генерала Жигалова. — *Генерала Жигалова?* Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко!.. Одного только я *не понимаю*: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца?.. Ты, должно быть, расковырял палец *звездиком*... чтоб соврать. *Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!*

Общерусская лексика сосуществует параллельно с лексикой диалектного языка, который состоит из распространенных на определенном географическом пространстве диалектов (псковского, новгородского, рязанского, смоленского и др.).

¹ Подробнее см. выше, в разделе «Историческое формирование лексики современного русского языка». — С. 273.

Диалект (греч. *dialektos* — ‘диалект, говор’) — территориально закреплённая разновидность русского языка, имеющая набор языковых особенностей: фонетических, лексических, морфологических и др. Диалектная речь — бесписьменная устная речь — служит для обиходно-бытового общения сельского населения. Диалектная лексика — совокупность слов, составляющих специфику словарного состава данного диалекта: *додѣльница* (дон.) ‘умелая женщина’, *балáхта* (новг.) ‘лягушка’, *елáнь* (ряз. и тамб.) ‘поляна’, *барáн* (пск.) ‘кулик’, *баклу́шничать* (дон.) ‘бездельничать’, *связанный* (дон.) ‘ловкий’.

Лексика литературного языка постоянно пополняется диалектными словами, которые утрачивают территориальную принадлежность и воспринимаются как общеупотребительные. В XIX в. в литературный язык из диалектов вошли слова: *гадюка*, *занятый*, *зря*, *мальчуган*, *плес*, *пойма*, *тайга* и др.; в XX в. — *глухомань*, *затемно*, *косовица*, *коржик*, *путина*, *стан* и др.

Диалектные слова, сохранившие особенности своей структуры и значения и вошедшие в литературный язык со стилихарактеризующими целями, называются диалектизмами.

Типы и функции диалектизмов

Принято выделять типы диалектизмов по соотношению с формой и значением слов литературного языка. Фонетическими считаются диалектизмы, отличающиеся от слова литературного языка звуковым составом и/или ударением: *омма́н* (сев.) — *обман*, *мос* (сев.) — *мост*, *дру[x]* (южн.) — *дру[k]*, *чуги́н* (дон.) — *чугун*. Словообразовательные диалектизмы имеют иную/иные морфемы, чем слово в литературном языке: *никчему́шный* (дон.) — *никчемный*, *обва́льный* (южн.) — *повальный*, *черни́га* (сев.) — *черника*. Морфологические диалектизмы обладают специфическими диалектными категориями и формами. Так, слова типа *дедушко* (сев.) склоняются как существительные муж. — ср. рода — *дедушка*, *дедушку* и др.; *поёть*, *поють*, *несёть*, *несуть* — <т’> в окончании 3-го л. глаголов (южн.) — *поет*, *поют* и т.д.; *сра́ма* (дон., ж.р.) — *срам*. Лексические диалектизмы представлены тремя типами: а) собственно лексические являются синонимами соответствующих литературных слов: *баско́й* (сев.-ур.) ‘красивый’, *вѣ́кша* (сев.) ‘белка’, *безлѣ́тный* (дон.) ‘вечный’; б) семантические имеют другое, по сравнению со словом литературного языка, значение: *барáн* (ирк.) ‘сорт грибов’, *хам* (дон.) ‘иностранец’; в) этнографические обозначают свойственные данной территории предметы быта, пищи и др.: *понѣ́ва* (ряз.) ‘вид юбки из пестрой домотканой материи’, *курѣ́нь* (дон.) ‘квадратный казачий дом с четырехскатной крышей’, *ба-ра́ба* (ур.) ‘танец’.

Синтаксические диалектизмы имеют иную сочетаемость, чем аналогичные слова литературного языка: *жили о реку* (сев.) — *жили около реки*; *в́ыйтить на пёнзия* (дон.) — *выйти на пенсию* и др.

Основная функция употребления диалектизмов — отображение народной, сельской жизни в текстах художественных произведений, где они являются средством имитации народной речи.

В художественной речи диалектизмы выполняют функции речевых характеристик персонажей, отражают быт и нравы людей, живущих в данной местности, создают территориальную языковую картину мира и др.

Мелеховский двор — на самом краю *хутора* ('селения'). Воротца со скотиньего *база* ('двора') ведут на север к Дону.. дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью *стремя* ('стремнина') Дона. На восток, за красноталом гуменных плетней — *Гетманский шлях* ('дорога к Новочеркасску')... С юга — меловая *хребтина* ('вершина') горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к *займищу* ('заливной луг') (М. Шолохов).

Или:

— Разбуди меня после *первых кочетов* ('после 12 часов ночи'). — Куда в такую *спозаранку* ('рань')? — Рыбалить... — Отец говорил — *конопи* ('коноплю') молотить завтра. Нечего *балагайничать* ('бездельничать'). Ишь, *рыбалка* ('рыболов')! (М. Шолохов).

Анализ диалектной лексики можно проводить на материале трех источников: 1) записей реальной диалектной речи, собранной в полевых диалектологических экспедициях в разных регионах России; 2) словарных статей диалектных словарей и 3) текстов художественных произведений, где встречаются диалектизмы. Материал определяет содержание анализа: это либо приобретение специализированного знания по предмету обучения, либо рассмотрение семантики и стилистики диалектизмов в художественной речи. 1-й и 2-й типы анализа обычно используются в специальном курсе «Диалектология»; 3-й — как правило, на практических занятиях по курсу «Современный русский язык», «Стилистика русского языка», ЛАХТ, где на материале текстов художественных произведений можно исследовать не только языковые особенности народного слова, но и его назначение, отражающее иллюкуции (целустановки) автора. В толковых словарях диалектная лексика регистрируется скупо, ее помечают как областное (обл.) или диалектное (диал.). Поэтому для корректного изучения диалектизмов, встречающихся в художественной речи, следует использовать диалектные словари. Наиболее полно диалектная лексика отражена в сводном многотомном «Словаре русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, затем — под редакцией Ф. П. Сороколетова: В 32 т. (А—П). — М.; Л.; СПб., 1965–1998. В этом словаре

помещена диалектная лексика, распространенная на всей территории России. Составлены также региональные диалектные словари разных областей России (Архангельской, Вологодской, Иркутской, Красноярской, Псковской, Приамурья, Среднего Урала и т.д.). Лексика одного говора описана в «Словаре современного русского народного говора» (деревня Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А.Оссовецкого. — М., 1969. Словарный состав говоров подробнее освещен в региональных словарях и словарях одного говора, поэтому рекомендуется использовать их при анализе художественных текстов с диалектными вкраплениями. Рекомендуется пользоваться теми словарями, чья территориальная лексика отражена в художественных произведениях. Тексты произведений М.Шолохова — «Словарь русских донских говоров» : в 3 т. — Изд. Ростов. ун-та, 1975–1976; 1991; Ф.Абрамова — «Архангельский областной словарь» : в 9 вып. — М., 1980–1996; В.Астафьева — «Словарь русских говоров южных регионов Красноярского края». — Красноярск, 1998; П.Бажова и В.Шишкова — «Словарь русских говоров Среднего Урала» : в 6 т. и доп. — Т. 7. — Свердловск, 1964, 1998; Свердловск; Екатеринбург, 1996; В.Белова — «Словарь вологодских говоров». — Вологда, 1983. Возможно использование и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля : в 4 т. — М., 1978–1980 (и последующие издания), где помещено большое количество диалектных слов с указанием географического распространения.

См. таблицу 14, где дается типология диалектизмов, их семантика, функциональное назначение. Материалом для анализа служит отрывок из романа М. Шолохова «Тихий Дон»:

С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и *на майдане*. Жил в своем *курене*, на отшибе у Дона, бирюком. *Гутарили* про него по хутору чудное. Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали, будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, *ажник*, кургана... Разно *гутарили* и о жене Прокофия... *жалмерка* Мавра сбегала к Прокофию будто бы за свежей *накваской*. Спустя время раскрасневшаяся Мавра... *торочила* на проулке бабьей толпе: — И что он, милушки, нашел в ней хорошего? Хоть бы баба была, а то так... Ни зада, ни пуза, одна *страма*... Глаза *тусменные*, — небось, не сладко на чужой сторонushке. А *ишо*, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах... только *без лампасин*... Шепотом *гутарили* по хутору, что Прокофьева жена *ведьмачит*. Сноха Астаховых... перед светом видела, как Прокофьева жена, простоволосая и босая, доила *на их базу* корову. С тех пор ссохлось у коровы вымя в детский кулачок, *отбила от* молока и вскоре издохла.

Комментарии к таблице 14

1. Значения диалектизмов определялись по «Словарю русских донских говоров». — Ростов н/Д, 1991.

Структурно-семантический и функциональный анализ диалектизмов

Диалектизм	Значение диалектизма	Типы диалектизмов						Семантико-стилистическая функция
		лексический	семантический	этнографический	фонетический	словообразовательный	морфологический	синтаксический
<i>майдан</i>	‘Базарная площадь, помещение, где проводились собрания казаков для решения каких-л. вопросов’	+		+				
<i>курень</i>	‘Квадратный казачий дом с четырехскатной крышей’			+				
<i>гутарить</i>	‘Говорить’	+						
<i>ажик</i>	‘Аж, даже (усилит. частица)’					+		
<i>жалмерка</i>	‘Солдатка, жена казака, несущего воинскую службу’	+						
<i>наквашка</i>	‘Заквашка (для молока)’					+		

Казацья языковая картина мира в изображениях территориального предметного мира; его характеристика; специфика устной речи персонажей

2. Ряд диалектизмов синкретичен, т.е. совмещает в себе два/три типа: а) *майдан* может толковаться как лексико-этнографический диалектизм, так как *майдан* ‘площадь’, ‘помещение’ (лексический д.); его целевая функция — ‘собрания казаков для решения каких-л. вопросов’ (этнографический д.); б) *страма* (лит. — *срам*) — фонетико-морфологический диалектизм: добавочный звук [т] в корне слова и суш. жен. рода; в) *лам-пасина* — этнографический и словообразовательно-морфологический диалектизм; имеет знаковое значение в парадной казачьей форме: лампы, околышек у фуражки — красного цвета, остальная форма — синего цвета; красный цвет ‘свобода’, синий — ‘цвет воды в низовьях Дона, Азовского моря, отвоеванных у турок’ (этнографический д.); включает в свой состав суффикс единичности — *ин-а* (словообразовательный д.); имеет значение жен. рода (лит. *лампас* муж. рода) (морфологический д.); г) *отбить от (молока)* — семантико-синтаксический диалектизм: *отбить* ‘потерять молоко’ (дон.), в литературном языке такого значения нет (семантический д.); *отбить от* (дон.) — глагольное управление род. падежом имени (синтаксический д.) — *отбить что* (лит.) — глагольное управление вин. падежом имени.

3. Специфика диалектного словообразования — от общенародных корней в говорах появились иные слова: *квас-: накваaska* (дон.) — *закваска* (лит.); *тус-: тусенный* (дон.) — *тусклый* (лит.).

Активная и пассивная лексика

К активной лексике относятся частотные слова словарного состава языка, которые используются в общении повседневно и значение которых практически понятно всем носителям русского языка. Ядро активной лексики состоит из слов нейтральной (общеупотребительной) лексики: *книга, автобус, делать, говорить, близкий, хороший* и др., обладающих: а) развитой системой значений (эпидигматикой); б) широкой сочетаемостью (синтагматикой): *книга нужная, интересная, рукописная, в переплете* и др.; в) значительными словообразовательными возможностями: *книга, книжка, книжный, книголюб, книгоиздатель, книгообмен, книгохранилище* и т.д.; г) устойчивостью употребления в языке.

К пассивной лексике относятся слова: а) устарелые или новые для данного лингвистического времени: *уезд, кисея, лучина, перманент* (уст.); *гидробника, брифинг, саммит, спонсор* (нов.); б) относящиеся к научной, отраслевой (терминологической и профессиональной) лексике: *артерия, вена, мышца, плевра, брюшина, гортань* и т.д. (медицинские термины); *угольщик, угледобыча, углевоз, угольный разрез* и т.д. (термины угольной промышленности); в) распространенные в узкой социальной сфере: *бабки* ‘деньги’, *балдэж* ‘праздное времяпрепровождение’, *тусовка* ‘сборище для совместного времяпрепровождения’ (жаргонная лексика); *висячка* ‘нераскрытое преступление’, *зюга* ‘две копейки’, *кичман* ‘тюрьма’, *лягушка* ‘агент уголовного розыска’ (арготическая лексика).

Понятие активности/пассивности слова относительно — не каждое актуальное слово общеупотребительно и не каждое пассивное слово не частотно. Специализация лексики, характерная для конца 80-х и 90-х годов XX в., обусловленная широкой демократизацией языка, расширила рамки употребительности слова. Этому процессу способствуют средства массовой информации (радио, телевидение, газеты, журналы и др.), чья лексика стала характеризоваться расширением профессиональной направленности — проблемы политики, экономики и культуры стали повседневными сообщениями СМИ. Потому слова, бывшие в пассиве использования, перешли в каждодневное употребление: *демократы, либералы, левые, центристы* (политическая лексика), *реформатор, экономический блок, бюджет, финансирование* (экономическая лексика) и т.д.

Другой особенностью языка конца XX в. стала широкая «внутренняя» профессионализация речи работников разных отраслей труда. В речи врачей, преподавателей, летчиков, рыбаков, представителей других профессий широко используются термины и профессионализмы, ежедневно сопровождающие производственную деятельность. См. лингвистическую терминологию: *звук, слог, ударение, интонация, фраза* и др.; терминологию рыбной промышленности: *отлов, кошелковый невод, трал, тральщик, траулер, сейнер* и др. Это свидетельствует о росте профессиональной культуры работника. Но последнее имеет и свои позитивные тенденции — профессиональная речь начинает обогащать обыденную, разговорную речь; жесткость рамок специализированной речи стирается, а сами производственные слова преобразуются по своей семантике, метафоризируются и наполняют разговорный язык новыми образными средствами: *призма* оценки, неприя́тный *баланс* ('итог') экзаменов, *многоугольник* отношений в студгруппе, *индекс* ('качество') лектора (из студенческой лексики).

Устарелая и новая лексика

Историзмы

В составе устарелых слов различают историзмы (собственно историзмы и семантические историзмы) и архаизмы. Собственно историзмы — слова, обозначающие вышедшие из современной жизни предметы, явления, профессии: *барщина, соха, рожон, сюртук, буденновец, пятилетка*. Семантические историзмы — вышедшие из употребления значения (ЛСВ) многозначных слов, называющие исчезнувшие предметы, явления: *картэль* 'письменный вызов на дуэль', *крепость* 'крепостное право', *подписчик* 'художник, расписывающий здания, стены, по-

толки'. В историзмах отражаются общественный строй, производственная деятельность, быт, нравы, мода и др.

Для каждого времени характерны свои тематические парадигмы, фиксирующие устои, свойственные своей эпохе. Возникает система понятий, сосуществующих и взаимосвязанных предметно, интеллектуально, профессионально. Из живой речи могут выходить отдельные члены парадигмы, вся парадигма (например, именованная первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального строя), но в парадигмах, связанных с жизнедеятельностью нации (управление, производственная деятельность, семья), происходят замены и пополнения в системе понятий, соответствующих содержанию и стилю мышления эпохи. Например, в XVII в. в Русском государстве были актуальны административные структуры: *приказ* 'управленческое учреждение' (*Приказ Большой Казны, Каменный приказ, Тайный приказ*), *дьяк* 'начальник и письмоводитель приказа', *грамота* 'документ, письмо', *челобитная* 'письменное прошение'; в XVIII в. — *Коллегия* 'учреждение государственного управления' (*Коллегия иностранных дел, Военная коллегия, Юстиц-коллегия*), *президент, советник, асэссор, секретарь коллегии, прошение*; в настоящее время — *Совет Министров, премьер-министр, министры*. Уход историзмов из актуальной, общенародной лексики обычно определяется внелингвистическими причинами.

В текстах художественной литературы, читаемых широкой публикой, изучаемых в школьной и студенческой среде, встречаются историзмы предшествующих эпох. Их лексико-семантический анализ важен не только в культурологическом отношении, но и для развития национального самосознания, поскольку историзмы отражают наш прежний быт, нравы и др.

См. отрывок из прозы М. Ю. Лермонтова «Журнал ('записки', как определяет сам автор) Печорина». Часть вторая. «Княжна Мери»:

Спустиась в середину города, я пошел бульваром, где встретил... семейства степных *помещиков* ('в дореволюционной России и других странах землевладелец, обычно дворянин'); об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным *сюртукам* ('мужская верхняя двубортная одежда в талию с полами до колен') и по изысканным нарядам жен и дочерей... петербургский покрой сюртука ввел их в заблуждение, но, скоро узнав армейские *эполеты* ('парадный офицерский погон в дореволюционной России, украшенный бахромой, позументами, аксельбантами и др.'), они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть *лорнеты* ('складные очки на длинной ручке'), они менее обращают внимание на мундир, они привыкли на Кавказе встречать *под нумерованной пуговицей* ('военная форменная пуговица со знаком части') пылкое сердце и *под белой фуражкой* ('офицерская фуражка с белым верхом') образованный ум... Я обогнал толпу мужчин, штатских и военных,

которые, как я узнал после, составляют особый класс людей между чающими движения воды... Они франты... военные выпускают из-под воротника *брыжжи* ('воротник, густо собранный в складки в виде сборок'). Они исповедуют глубокое презрение к *провинциальным* ('находящимся вдалеке от столицы по административно-территориальному членению дореволюционной России') домам и вздыхают о столичных *аристократических* ('принадлежащих аристократам — высшему слою имущих, в силу своего происхождения, богатства, пользующихся преимущественным правом на занятие высших государственных должностей') гостиниц, куда их не пускают¹.

В современном истолковании указанные историзмы (сословные, административные имена, названия одежды и ее специфических принадлежностей) отражают язык эпохи. Но другой прием использования историзмов — это воссоздание языка эпохи; он обладает функцией *стилизации* — уподобления стилю языка эпохи: *Серебром волны блеснула другу На стальном мече* ('холодное оружие с обоюдоострым длинным прямым клинком, используемое в битвах'), *Освежила пыльную кольчугу* ('старинный воинский доспех в виде рубашки из металлических колец') *На моем плече* (А. Блок).

Архаизмы

Архаизация лексики — явление лингвистического порядка. Архаизмы (греч. *archaios* — 'древний') — это вышедшие из употребления именования объектов реальности, которые получили в современном языке новые названия. Различают разнокорневые и однокорневые архаизмы. К разнокорневым относятся собственно лексические архаизмы, имеющие устаревший корень: *раменá* — *плечи*, *длань* — *ладонь*, *десница* — *рука* (правая). В состав однокорневых архаизмов входят: 1) лексикосемантические архаизмы — ушедшие из употребления значения многозначного слова, имеющие иное, современное название: *кумир* 'языческий идол', *линия* 'укрепленная граница государства', *оператор* 'хирург', *пахать* 'развешиваться', *чиниться* 'церемониться'; 2) лексикофонетические архаизмы — различающиеся с современным вариантом слова звуками (фонемами) или местом ударения (акцентные архаизмы): *воксáл* — *вокзал*, *балтйический* — *балтийский*, *осьмь* — *восемь*, *навкрéст* — *накрест*, *библиóтека* — *библиотека*; 3) лексикословобразовательные архаизмы — различающиеся с современным однокорневым словом (словообразова-

¹ Для определения значения историзмов рекомендуется использовать ССРЛЯ, СРЯ и «Школьный словарь устаревших слов русского языка» Р. П. Рогожниковой, Т. С. Карской (М., 1996), где историзмы фиксируются родовой пометой — устарелое (уст.).

тельным синонимом) суффиксами и/или приставками: *воитель* — *воин*, *спекулятор* — *спекулянт*, *сказ* — *рассказ*, *кокётствовать* — *кокетничать*, *позабывать* — *забывать*; 4) лексико-морфологические архаизмы — грамматические варианты, отличающиеся от современных слов устаревшими морфологическими категориями и формами слов: *лебедь* (ж. р.) — *лебедь* (м. р.), *зала*, *зало* (ж. и ср. р.) — *зал* (м. р.), *роги* (им. п., мн. ч.) — *рога*, *облак* (род. п., мн. ч.) — *облаков*, *плечмй* (тв. п., мн. ч.) — *плечми*.

Стилевые и стилистические функции архаизмов в современном языке определяются как: а) отражение языкового стиля эпохи: *По сердцу пламень пробежал, Вскипела кровь. Он мрачен стал Пред горделивым истуканом* ('языческой статуей') (А. С. Пушкин); *Шутил подчас зефир* ('теплый, легкий ветер' — поэт.) и *резвый и игривый* (М. Ю. Лермонтов); б) создание торжественности и поэтичности речи: *И была роковая отрада В попираньи заветных святынь И безумная сердцу услада — Эта горькая страсть, как полынь!* (А. Блок); *Ты — солнце моих песнопений, Ты — жизни моей благодать* (А. Ахматова); в) стилизация — воссоздание языка эпохи: *Есть зело хочется* (А. Н. Толстой); г) понижение стилистической оценки (ирон., шутол., насмешл., презр., неодобр. и др.): *Влюбленный в одну... — терпит другую то́кмо* ('только') *по расчету* (К. Прутков); *И кепка — набекрень — венчая* (ирон.) *этот сумрак, отразилась...* (И. Бродский).

В текстах художественной литературы встречаются слова/значения слов, архаичные с современной точки зрения. Но здесь необходимо различать: 1) архаизацию нашего лингвистического времени — конца XX в. и 2) архаизацию лингвистического времени создания текста. Поэтому существуют два аспекта анализа лексической архаизации: архаизация времени написания произведения и архаизация современного прочтения произведения. Ниже для рассмотрения предлагается отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Осень», где архаичная для нашего времени лексика была естественным компонентом поэтического языка первой трети XIX в. Типология архаизмов в таблице 15 учитывает и лексическую семантику пушкинской поры, и семантические данные конца XX в.; стиле-стилистические функции означены также двумя подходами. См. таблицу 15, где предложен анализ архаизмов.

Октябрь уж наступил — уж роща *отряхает*
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний *хлад* — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой *поспешает*
В *отъезжие* поля с охотою своей,
И *страждут* озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...

Структурно-семантический и функциональный анализ архаизмов

Архаизм	Значение архаизма	Типы архаизмов					Стиле-стилистические функции
		лексический	семантический	фонетический	словообразовательный	морфологический	синтаксический
<i>отряхает</i>	‘Отрясать; встряхиванием удалять что-л.’			+			1. XIX в. (1-я треть). Лексика поэтического языка — ‘высокое’, ‘торжественное’.
<i>хлад</i>	‘Холод’			+			
<i>поспешает</i>	‘Спешить, торопиться’				+		
<i>отъезжие</i>	‘Отдаленный’	+					
<i>охотого</i>	‘Люди и обзаведение для охоты, собаки, соколы и др.’		+				2. Конец XX в. Архаическая лексика — отражение языкового стиля пушкинской поры
<i>страждут</i>	‘Страдать’			+			
<i>раздолии</i>	‘Раздолье; простор’				+	+	
<i>дол</i>	‘Долина’				+		
<i>лиет</i>	‘Распространять свет’			+	+	+	
<i>питаю</i>	‘Способствовать сохранению, развитию в себе идей, замыслов и т. п.’		+				+

Ведут ко мне коня; в *раздолии* открытом,
 Махая гривую, он всадника несет,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промерзлый *дол* и трескается лед.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет *лиет*,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей *питаю*.

Комментарии к таблице 15

1. Значения архаизмов определялись по ССРЛЯ, СРЯ и «Словарю языка А. С. Пушкина».

2. Для простоты анализа типы архаизмов названы простым, а не сложным словом.

3. Ряд архаизмов синкретичны: они совмещают в себе два-три типа устарелого: а) в *раздолии* — словообразовательно-морфологический архаизм: имеет устарелый суффикс *-иѣ-* (в современном языке *-і-* — *раздолье*); и окончание *-и* в предл. падеже (в современном языке *-е*, ср. в *раздолье*); б) *лиёт* (свет) — фонетический и словообразовательно-морфологический архаизм: 1) пушкинское слово [л'иј[ѣт]] — современное [л'ј[от]] различаются фонетически — гласными звуками в окончаниях глагола; 2) пушкинское слово сохраняет архаическое чередование *и/е* (*литъ*, *лей*), что в современном русском языке интерпретируется словообразовательно: *-и-* — суффикс основы инфинитива глагола несов. вида и конечный гласный производящей основы, в то время как *ли-* — основа инфинитива, образовавшая основу наст. времени глагола *л'иѣ*, — форма архаичная; в современном же языке глаголы в форме наст. времени образуются от другой основы — основы наст. времени при помощи суффикса *-ј-*: это основа *лј-ѣт*. В обеих формах глагола (пушкинской и современной) имеется типичный суффикс основы наст. времени *-ј-*; 3) глаголы морфологически различаются окончаниями [ѣт] и [ѣт]; в) *питаю* (думы) — семантико-синтаксический архаизм: 1) современное значение глагола *питать* 'давать пищу, кормить'; в тексте *питать* 'способствовать сохранению идей, замыслов'; 2) в современном языке глагол *питать* управляет вин. п. — кого, что; в пушкинском тексте — только вин. п. — что.

Неологизмы

Изменения в социально-исторической жизни общества зеркально отражаются в языке в виде появления новых слов. Новации в словарном составе появляются под влиянием не языковых, общественных факторов, но вся история русской лексики свидетельствует, что впервые слово появляется за счет внутренних, системных образований и/или за счет заимствований из других языков. Неологизмы (греч. *néos* — 'новый' и *logos* — 'слово') — слова, созданные для обозначения новых предметов, признаков, действий. По источнику происхождения различаются языковые и

индивидуально-авторские неологизмы. Языковые неологизмы не имеют авторства, образуются чаще продуктивными способами, входят в синонимические, антонимические, тематические ряды, регистрируются словарями и находятся в пассивном запасе до широкой актуализации обозначаемого явления. Индивидуально-авторские неологизмы имеют авторство, могут образовываться продуктивными/непродуктивными способами, не образуют лексических системных организаций, индивидуальны в употреблении, фиксируются лишь словарями языка автора («Словарь языка А. С. Пушкина») и остаются в пассивном запасе языка.

Лексические языковые неологизмы могут образовываться: а) из русских слов по продуктивным словообразовательным моделям: *работа* — *работать* — *разработать* — *разработка*; *готовить* — *подготовить* — *подготовка*; *очистить от снега* — *снегоочиститель*; *исходный* — *безысходный* — *безысходность*; б) путем заимствования: *габарит*, *лимит*, *видеоукмён* ‘портативный видеомаягнитофон’, *ноу-хау*; в) возникновением словообразовательных гнезд из заимствованных слов по русским моделям: *лимит* → *лимитировать* → *лимитирование*; *лимит* → *лимитчик* → *лимитчица*.

Семантические неологизмы — новые значения слов, появляющиеся в результате внутрисловной семантической деривации (эпидигматики) на основе метафорических и иных переносных значений слова: *ориентир* ‘направление деятельности кого-либо’, *диагноз* ‘определение основания чего-либо’, *конверсия* ‘изменение политического мышления в мирных целях’, *штрих* ‘паста для исправления ошибок в тексте’.

Последнее десятилетие XX в. характеризуется стремительными социальными изменениями, что вызвало лексический взрыв, связанный с политической и экономической жизнью страны. Динамика лексических изменений определяется следующим: 1) появление специализированной семантики (и сочетаемостных свойств) в основном лексическом фонде языка: *кормушка* ‘место во властных структурах как источник власти’; *влиять* что во что ‘направлять денежные средства на обеспечение деятельности предприятия и др.’; *вложить* что во что ‘поместить деньги и ценные бумаги в какое-либо дело’; *жареный* (с новым значением и сочетаемостью) — *жареный факт* ‘сенсационное разоблачительное сообщение, не до конца проверенное’; 2) слова абсолютной новизны: *антиправо* ‘отсутствие или нарушение правового законодательства’; *бомжевать* ‘вести жизнь бомжа’; *тамиздат* ‘зарубежные издательства русскоязычных произведений, которые не могли быть изданы в России по идеологическим причинам’; *неформал* ‘член неформальной молодежной группировки’; *сатанист* ‘последователь культа сатаны’; 3) пассивная лексика (устарелая, заимствованная и др.), перешедшая в состав активного лексического фонда: *думец* ‘член Государственной Думы’; *духовность* ‘сфера нрав-

ственных, интеллектуальных потребностей человека'; *приют* 'учреждение для детей-сирот, обычно благотворительное'; *обанкротиться* 'потерпеть банкротство'; 4) бывшая активная лексика, уходящая или ушедшая в пассив (политическая, административная, официальная): *колония* 'страна, находящаяся под властью иностранного государства-метрополии'; *валютчик* 'спекулянт иностранной валютой'; *вредительство* 'действия, поступки вредителя'; *западногерманский* 'относящийся к Федеративной Республике Германии'. Неологизмы могут остаться в пассивном фонде языка, что обуславливается социальной значимостью понятия, обозначаемого этим словом; утрачивая реалии, они уходят в устарелую лексику: *кружковец*, *выдвиженец*, *коллективизация*, *раскулачить* и др. — слова 20–30-х годов XX в. Слова, появившиеся как общегуманитарные номинации и лишенные яркой политической или экономической привязки, обычно входят в активный фонд: *идея*, *гуманность*, *действительность*, *равенство* (неологизмы XIX в.).

Язык художественной литературы отражает общее развитие языка, но желание найти собственные образные речевые средства приводит художника слова к созданию индивидуально-авторских новообразований. Однако речетворчество обусловлено правилами языковой системы: новообразования могут быть созданы по продуктивным или непродуктивным моделям.

Потенциализмы — неологизмы, созданные автором по продуктивным моделям словообразования и сочетаемости слов: *неахтильное* 'кое-какое' (убранство), *подшофёйное* (состояние), *разбойник пера и мошенник печати* (А. П. Чехов); *желтень*, *голубень*, *непролазь*, *люлюкающая водица* (М. Шолохов); *свирипунчик*, *переживатель*, *безноженька* 'девочка-инвалид', *шахович* 'шах в игре в шахматы' (В. Шукшин).

Неологизмы, созданные по нестандартным моделям, являются авторскими **окказионализмами**: *магазинус*, *сундукявичус* (В. Шукшин); *любопись*, *бездрёмь* (И. Бродский); *осенебрий*, *раздвин* (А. Вознесенский).

Терминологическая и профессиональная лексика

Слова и словосочетания, используемые в определенной отрасли науки, техники, искусства, составляют терминологическую и профессиональную лексику. **Термины** — слова и словосочетания, называющие понятия в определенной области науки, техники, искусства. Параметры термина заключаются в том, что термин: 1) обладает строго дефинитивным (определятельным) значением в определенной отрасли знания; 2) логизированностью семантики; 3) конвенциональностью (сознательной договоренностью) в употреблении; 4) однозначностью и 5) является членом

данной терминологической системы, входя в нее как член гиперогипонимической организации — как гипероним и/или гипоним¹. Например: лингвистика (гипероним-I): *фонетика, орфоэпия, графика, орфография* и др.; фонетика (гипероним-II): *сегментные единицы, ударения, интонация*; сегментные единицы (гипероним-III): *фраза, речевой такт, фонетическое слово, слог, звук*.

Гиперогипонимическая структура свойственна терминосистеме, обладающей следующими параметрами: 1) наличие теории — системы научных идей как системообразующего экстралингвистического фактора: *генеративная лексика, нарратология* 'теория повествования', *квантовая механика, теория относительности* и т.д.; 2) конструирование терминосистемы специалистами в области знания как психолингвистический фактор: *генеративная лингвистика* 'описание языка в виде формальных моделей': *глубинная структура, поверхностная структура, дерево непосредственно составляющих, именная группа, глагольная группа* и т.д.²; 3) системность как проявление закономерных и регулярных связей элементов (терминов): *лексико-семантическая подсистема: эпидигматика, парадигматика, синтагматика*; 4) как правило, отсутствие вариантов терминов: *фонема, морфема, семема* и др. как единственные имена единиц системы языка.

Для образования терминов используются: 1) метафорический перенос названия: *пéтля* (спорт.), *таз* (мед.), *пастушья сумка* (бот.) — сходство формы; *подушка* (геол.), *парус* (архит.), *золотое сечение* (искусств.) — сходство функций; 2) лексико-словообразовательный способ: *луноход, дымоуловитель* — сложение основ; *биоинженерия, электрозапись, ультраакустика* — использование заимствованных элементов *био-, электро-, ультра-* и др. в сложении основ; 3) заимствование слов: *лазер, алгоритм, скáннер* и др.

К профессиональной лексике относятся слова и выражения, свойственные речи людей одной производственной деятельности и являющиеся бытовыми и экспрессивно-образными специальными именованиями в данном роде занятий.

«Производственные» слова и выражения создаются как дубликаты или синонимы терминов «для себя», в своей сфере деятельности. Нередко профессионализмы замещают собой недостающие члены терминосистемы: членистоногие: *медведка, черепашка, конек*; техническое: *носик* (горелки), *шейка* (вала), *тело* (шипа). Эти полуофициальные названия придают живость и раскованность номинации. См. профессиональное медицинское: *корешки нерва*,

¹ См. также раздел учебника «Лексико-семантическая парадигматика» — «Гиперогипонимическая парадигма».

² См. подробнее: К и б р и к Е. А. Генеративная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 98–99.

глазное яблоко, большой таз ‘верхний отдел пояса’, *малый таз* ‘нижний отдел пояса’, *плечевой пояс* ‘опора плеча’.

Отличительными признаками профессионализма являются: 1) функционирование в сфере разговорного языка — неофициальной формы речи, потому родовой коннотативной семой профессионализма, как правило, является ‘непринужденность’; 2) «не-терминологичность» именования — его обиходно-бытовой характер: *губки* стыковой сварочной машины; *фуменный глазок*; *щека* электродержателя; *карман* (для проката); 3) образность значения (сохранение внутренней формы как способа мотивировки номинации): *колено* водопроводной трубы; *плечо* рычага; *ребро* в опоке; 4) видовые коннотации семантики (экспрессивность, эмоциональная оценочность): *козел* ‘гимнастический снаряд — короткий брус на ножках’ — коннотация ‘упрямство’ (снаряд, крайне трудный для выполнения упражнений); *башмак* ‘приспособление, накладываемое на рельс для остановки колес’ — коннотация ‘подчиненность’ (ср. фразеологизм *быть под башмаком* ‘в полном подчинении’); *подушка* ‘углубление для подшипника — механизм, принимающий на себя давление’ — коннотация ‘опора’; 5) пересечение имен разных видов трудовой деятельности: *рожа* (мед.) ‘болезнь, характеризующаяся покраснением кожи’ и *рожа* (бот.) ‘название растения мальва’ (обычно красного или розового цвета); *шейка* бедра (мед.), вала, оси (техн.), колонны (архит.), корневая (бот.); 6) отсутствие системной организации в номинативных рядах: в металлургии — *лапа* податчика слитков, кислородное *копые*, зерно огнеупора, *бочка* прокатного вала, *амбразура* фурмы и т.д.

Профессионализмы образуются: а) путем переноса значения слова: *сухарь* (литейн.), *бык* (техн.), *мушки* (морск.), *пластинки* (метеор.); б) лексико-словообразовательно: *плечики* (портн. и быт.), *кобылка* (зоол.); в) словосочетательно: *коробка скоростей* (техн.), *зона молчания* (техн.), *белый живот* (техн.), *позвоночный столб* (мед.), *острый живот* (мед.), *краеугольная глаукома* (мед.), *спинной мозг* (мед.).

Наиболее распространенным способом образования профессионализмов является метафорический перенос значения конкретных существительных: а) имен частей человеческого тела: *зев* валков, *кулачок* для стыковой сварки, *шейка* вала, турбинная *лопатка*; б) имен животных, моллюсков, насекомых и частей их тел: *козел* в доменной печи, *боров* печи, *улитка* стальная, *бабочка* регулятора тяги; в) имен одежды: паровая *рубашка*, *рукав* электродержателя, прокатный *карман*; г) имен домашней утвари: *коромысло* весов, *тарелка* клапана, *горн* доменной печи и т.д.

Освоение литературным языком терминов и профессионализмов приводит к их детерминизации и превращению в общеупотребительные слова: *катализатор* идей, успеха; *контакт*

человеческий, торгово-экономический, с большим; *синтез* идей, знаний, мнений.

Специальная и профессиональная лексика используется в художественной, мемуарной литературе в речи персонажей, при описании профессиональной деятельности.

В Новосибирске на госпитализацию к нам ждало около трехсот *пациентов*... В то время мы еще только начали понимать необычную интенсивность *кровообращения*. Если вы хоть раз вошли в *рентгенооперационную* и во время исследования видели, как *контрастированная кровь* заполняет *полость сердца*, как она пробегает по *сосудам сердца*, как она пробегает по *сосудам легких*, потом выбрасывается из *левого желудочка* в *аорту* и стремительно разбегается по всему *человеческому организму*, то чуточку бы поняли суть *кровообращения* (Е. Н. Мешалкин. До высот искусства).

Жаргонная и арготическая лексика

Жаргонная (фр. *jargon*) лексика — слова и выражения социальной разновидности речи, характеризующейся специфической экспрессивно переосмысленной, «сниженной» лексической и словообразовательной семантикой. Существуют профессиональные, молодежные и другие жаргоны. Жаргонизация — особая языковая игра в названия, которая обусловлена желанием создать «свой» язык общения. В жаргонном словотворчестве широко используются различные языковые приемы изобразительности: 1) метафорический перенос значения: *вёточки* ‘конечности’, *зависáловка* ‘вечеринка, тусовка’, *нулевой* ‘совершенно новый’; 2) сохранение внутренней формы: *белуга* (воен.) ‘нижнее белье’, *башня* ‘голова’, *бесбашенный* ‘глупый’, *железно* ‘абсолютно твердо’; 3) использование экспрессивно-интенсивного компонента значения слова для создания нового смысла: *наезжать* ‘предъявлять претензии’, *забойный* ‘мощный, сильный’; 4) намеренное столкновение общепринятого значения с новым: *обуть* ‘обмануть’, *вísнуть* ‘хорошо проводить время’.

Демократизация общества, снятие цензурных запретов в средствах массовой информации привели в 90-х годах XX в. к вспышке жаргонизации. В обиходную речь, в язык литературы, прессы, радио, телевидения, кино хлынул поток новообразований внелитературной лексики: *предки*, *шнурки* ‘родители’, *тусовка*, *потрясно*, *фирма́*, *дерево* ‘дурак’, *родной* ‘принадлежащий стране производства чего-л.’. Возникают, особенно среди молодежи, узкогрупповые жаргоны вуза, курса, школы: *алибаба* ‘директор школы’, *сорок разбойников* ‘учителя’, *улитка* ‘учительница ботаники’.

Жаргонная молодежная речь новейшего времени характеризуется системностью и избирательностью правил образования:

1) тематические парадигмы как функциональные группировки: а) «Армия»: *дух* 'военнослужащий, прослуживший 6 месяцев', *черпак* 'прослуживший один год', *дед* 'военнослужащий до приказа об увольнении со службы', *дёмбель* 'военнослужащий до увольнения из армии после приказа об увольнении'; б) «Школа»: *параша* 'двойка', *нормально* 'тройка', *гуляем* 'четверка', *празднуля* 'пятерка', *ботаник* 'старательный ученик'; в) «Футбол»: *кони* — болельщики «ЦСКА», *дворники/мусорщики* — «Динамо», *мясники* — «Спартак»; 2) словообразовательные гнезда как наиболее типичное словопроизводство: *прикинуться* 'модно, красиво одеться', *прикинутый* 'модник', *прикид* 'хорошая одежда'; *ловэ*, *ловэшки* 'деньги'; 3) заимствования с сохранением корня слова, его значения, но с фонетической (и акцентной) ассимиляцией и образованием русских гнезд слов: *Crazy* (англ.) 'сумасшедший' — *Крезá* (русск.). 1. 'Сумасшедший'. 2. 'Психиатрическая больница'; *Крезануться*. 1. 'Сойти с ума'. 2. 'Вести себя странно'; *Крезóвый* 'странный, дурацкий'; *Крезовóз* 'машина психиатрической скорой помощи'.

Высокая экспрессивность и коннотативность жаргонизмов, нестандартность их внутренней формы, большая мобильность, обусловленная сферой общения, создают условия для заполнения семантической ниши в языке для удовлетворения в эмоциональности и эпатаже молодого поколения.

Аргó (фр. *argot* — 'замкнутый, нелепый') — слова и выражения социального диалекта, распространенного в узкопрофессиональной или асоциальной среде. Арго выполняет конспиративную и опознавательную функции: засекреченные, условные слова используются для корпоративных названий и узнавания «своих».

В дореволюционной России существовала законспирированная профессиональная речь торговцев-коробейников, или офёней. Офёнская речь возникла как средство внутриворонного общения и была непонятна непосвященным: *масья* 'мать', *мастьрить* 'делать', *костёр* 'город', *шерсно* 'сукно', *скрыпы* 'двери', *пáщенок* 'дитя', *юсы* 'деньги'. Пример связной офенской речи: *Да позагóрбила басвё слёмзить: астóна басвínска ухáлила дрябóтницей* 'Да позабыл тебе сказать: жена твоя померла весною'.

Арго представляет собой в настоящее время особую социальную разновидность речи (тюремно-воровская речь), существующую на базе общенародного языка. Специфику арготической речи составляют: 1) условность и ограниченность распространения слова; 2) наличие большого количества вариантных форм, обусловленных устной формой речи: *кандыбáть*, *шкандыбáть*, *скандыбáть* 'пойти, поплестись'; 3) многозначность (эпидигматика) слова: *Накáльвать*. 1. 'Сообщать местонахождение'. 2. 'Обманывать'; *Махáться*. 1. 'Меняться' 2. 'Дратся'; 4) моделирование фразеологизмов: *крутить воргáнку* 'выдавать себя за вора'; *крутить*

дело 'вести следствие'; *крутить динаму* 'обманывать'; *крутить педдали* 'убираться'; *крутить поганку* 'совершать подлость'; 5) коннотации негативной оценки (грубое, уничижительное, презрительное, оскорбительное и др.): *бестолковка* 'голова', *бобик* 'милиейская машина', *волчок* 'контролер ИТУ', *навáксисться* 'напиться'.

В настоящее время арг — лексика преступного мира: о б щ е у г о л о в н а я (*ёриш* 'бывший вор в законе', *мокру́шник* 'убийца', *громила/громищик* 'грабитель'); в том числе и тюремная (*собачник* 'камера в тюрьме', *браслеты* 'наручники', *бочка* 'караульная вышка') и с п е ц и а л и з и р о в а н н а я, «распределенная» по видам преступлений: *медвѣдка* 'взломщик сейфов', *ба́новый шпан* 'вокзальный вор', *очкарик* 'вор, крадущий через окно'.

В последние десятилетия XX в. демократизация языка привела и к отрицательным результатам. В состав просторечия и разговорной, стилистически сниженной, речи стали проникать арготические слова: *буха́рик* 'пьяница', *туфта́* 'обман, пустая болтовня', *халя́ва* 'кое-как, небрежно' и т.д.

Вхождение социально ограниченной лексики в разговорный язык осуществляется: 1) путем прямого заимствования, когда слова сохранили свое арготическое значение: *бу́хать* 'пить водку', *ко́реш* 'друг, приятель', *кранты́* 'безвыходное положение', *стучать* 'доносить'; 2) путем различных семантических трансформаций, связанных с расширением или утратой корпоративного значения: *беспредел* (арг.) 'самоназвание группировки воров, возникшее в период «сучьей войны»' и *беспредел* (разг.) 'крайняя степень беззакония, беспорядка' (СОШ); *тусова́ться* (арг.) 'толкаться' и *тусова́ться* (прост. и разг.) 'собираться вместе для общения, совместного препровождения свободного времени' (СОШ); *разборка* (арг.) 'выяснение отношений, самосуд' и *разборка* (разг.) 'крупная ссора с дракой между враждующими группами (обычно преступными)' (СОШ).

Семантическая экспансия социально ограниченной лексики в общеупотребительную речь объясняется разгерметизацией корпоративного общения; по мере распространения арготическое слово приобретает более широкое, лишенное «специализированности» и конспирированности значение.

В свою очередь, лексика общенародного языка, проникая в тюремно-лагерную речь, сужает свой смысловой потенциал: *Авторитет*. 1. 'Общепризнанное значение, влияние, общее уважение'. 2. 'Лицо, пользующееся влиянием, признанием' (СОШ) и *Авторитет* (арг.). 'Человек, имеющий власть в уголовной среде'. *Академия*. 1. 'Высшее научное или художественное учреждение'. 2. 'Название некоторых высших учебных заведений' (СОШ) и *Академия* (арг.). 'Тюрьма'.

Существует и параллельное употребление слов в арготической и молодежной речи: в последней — отсутствуют уголовные содер-

жание и ценностные ориентации: *игла* (арг.) ‘нож’ и *игла* (жарг., молодежное) ‘медицинский шприц’; *обща́га* (арг.) ‘общие работы’ и *обща́га* (жарг., молодежное) ‘общеежитие’.

Влияние общенародного языка на социальный диалект сказывается и в области эпидигматики тюремного слова. Оно распространяет свою семантику, получая новые значения, которые возникают обычно метафорическим путем, развивая коннотации — негацию оценки и экспрессию грубости: *бык* ‘заключенный, хорошо работающий на предприятии’; *гусь* ‘доносчик’; *грач* ‘простофиля, лопух’; *дятел* ‘дурак’¹.

Слова и фразеологизмы, приведенные выше, отражают реальное речевое употребление с начала второй половины XX в. и по настоящее время. Истоки активности распространения асоциального диалекта заключаются в том, что контингент лиц, отбывших заключение, возвращается в общесоциальную среду, сохраняя в обиходе слова тюремно-воровского аргота. Лингвистическая специфика арготизма (экспрессивность, оценочность, образность) обусловила его вхождение в разговорную речь. Общая тенденция языка конца XX в. — расширение сферы употребления нелитературной лексики — определила включение асоциального арготического пласта слов. Вне всякого сомнения, лексика преступного, уголовного мира должна отвергаться обществом, и в прямую задачу преподавания русского языка в школе и вузе, употребления русского языка в средствах массовой информации, речи каждого носителя русского языка должны входить понимание значимости и величия национального языка и борьба за сохранение языковой культуры родного языка.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Полный лексико-семантический анализ охватывает три измерения слова: 1) анализ структуры значения однозначного или многозначного слова; этот тип анализа называется эпидигматическим и раскрывает внутреннюю смысловую структуру слова, связи его ЛСВ, типы лексических значений, типы переноса значений, семный состав ЛСВ, виды и способы их семных взаимодействий; 2) парадигматический анализ показывает внешние семантические отношения слов или ЛСВ, устанавливает их общность и различия; 3) синтагматический анализ отражает внешние лексико-семантические и синтаксические связи слов.

Предлагаемая схема разбора учитывает в основном два первых типа анализа, поскольку они являются собственно лексикологическими. Элементы синтагматического анализа включаются в раз-

¹ Иллюстративный материал арготической лексики см. в словаре: Быков В. Русская феня. — Смоленск, 1994.

бор лишь в виде грамматических помет при описании лексического значения слова: *делать* кого-что, *заниматься* кем-чем и т. п. — или в виде пояснений, отражающих специфику сочетаемости слова: *зеленый* 'недозревший (о плодах)'.

Каждая из таблиц лексико-семантического анализа может быть использована в отдельности как итог изучения темы — для проведения первой письменной аудиторной или домашней работы, предусмотренной программой по современному русскому языку. Вторая письменная контрольная работа является результатом семестрового изучения лексикологии в курсе «Современный русский язык» и поэтому носит обобщающий характер¹.

Вторая работа охватывает эпидигматический и парадигматический анализ слова. Для анализа целесообразно выбрать одно многозначное слово и произвести разбор его эпидигматики и парадигматики по схеме, предложенной ниже. Каждому студенту (или группе из двух-трех человек) дается индивидуальное задание (различный лексический материал).

Лексико-семантический анализ многозначного слова

Эпидигматический анализ слова

А. Форма слова (наличие/отсутствие вариантов формы слова).

1. Слово не имеет вариантов формы.

2. Вариантность формы слова:

а) формальные варианты: акцентные, фонематические, морфологические;

б) формально-стилевые варианты: акцентные, фонематические, морфологические.

Б. Значение слова.

Структура значения многозначного слова.

1. Значения лексико-семантических вариантов².

2. Типы лексических значений:

а) номинативность значения ЛСВ — прямое (прямо-номинативное)/переносное (косвенно-номинативное) значение;

б) мотивация значения ЛСВ — немотивированное (первичное)/мотивированное (вторичное) значение ЛСВ;

в) лексико-семантическая синтагматика значения ЛСВ — свободное/связанное значение (конструктивно ограниченное, синтаксически обусловленное или фразеологически связанное).

¹ См.: Программа высших педагогических учебных заведений: Современный русский язык. Для специальности «Русский язык и литература» / под ред. акад. Д. Н. Шмелева. — М., 1992 (и последующие издания).

² Каждому ЛСВ дается отдельная лексикографическая дефиниция.

3. Зависимости ЛСВ ($2 \rightarrow 1$; $3 \rightarrow 1$; $4 \rightarrow 3$ и др.).

4. Типы семантических отношений между ЛСВ:

а) типы переноса значений — метафора, метонимия, синекдоха и функциональный перенос;

б) разновидности переносных значений: метафора — номинативная, когнитивная, образная или эмоциональная; метонимия — предмет $\rightarrow$ его часть; вещь $\rightarrow$ признак; действие $\rightarrow$ свойство; предмет $\rightarrow$ местонахождение и др.

5. Семный состав ЛСВ и семные связи ЛСВ:

~а) семный состав лексико-грамматического значения ЛСВ — классема, лексограммемы, гиперсема (архисема, родовая сема), гипосемы (видовые семы), коннотативные семы, потенциальные семы, вероятностные семы¹;

б) семный состав лексического значения ЛСВ — гиперсема (архисема, родовая сема), гипосемы (видовые семы), коннотативные семы, потенциальные семы, вероятностные семы;

в) стилистические экспрессивно-эмоциональные коннотации — бранное (бран.), грубое (груб.), ироническое (ирон.), ласкательное (ласк.), неодобрительное (неодобр.), почтительное (почтит.), увеличительное (увелич.), уменьшительное (уменьш.), уменьшительно-ласкательное (уменьш.-ласк.), уничижительное (унич.), шутовское (шутл.) и др.²;

г) семные связи ЛСВ (гиперсема выделяется подчеркиванием на письме; гипосемы не имеют специального обозначения; имплицитная сема отмечается фигурными скобками; семы, связывающие два лексико-семантических варианта, выделяются на письме волнистой чертой).

~6. Виды семной связи ЛСВ:

а) гиперо-гипонимическая связь;

б) гипо-гиперонимическая связь;

в) гиперо-гиперонимическая связь;

г) гипо-гипонимическая связь.

~7. Способы выражения семной связи ЛСВ:

а) эксплицитная связь;

б) имплицитная связь.

8. Граф (графически обозначенная связь ЛСВ)³:

а) радиальная связь;

¹ Пункты анализа, обозначенные знаком ~ (тильда), предлагаются подготовленной аудиторией. Заполняется один из пунктов схемы (5а или 5б) для каждого значения. Коннотативные и потенциальные семы указываются, если они имеются. Квалификацию коннотативных экспрессивно-эмоциональных сем предлагает пункт 5в.

² Стилистическая характеристика коннотативных сем основывается на пометах толковых словарей. Имеющиеся пометы к ЛСВ ставятся при разборе после значения каждого ЛСВ.

³ Граф (график) и его виды определяются после полного эпидигматического анализа слова и помещаются в 1-ю рубрику таблицы 16.

- б) цепочечная связь;
- в) радиально-цепочечная связь.

В. Функционирование слова¹.

I. Общеупотребительность/ограниченность в употреблении слова или ЛСВ (социотерриториальное/социолингвистическое употребление)².

- 1. Общеупотребительное слово или ЛСВ.
- 2. Слова/ЛСВ, ограниченные в употреблении:

а) терминологическая и профессиональная лексика (терм. или проф.);

б) диалектная (областная) лексика (диал., или обл.);

в) жаргонная и арготическая лексика (жарг. и арг.).

II. Активность/пассивность употребления слова или ЛСВ.

1. Слово/ЛСВ активного употребления.

2. Слово/ЛСВ пассивного употребления:

а) неологизм (неолог., или нов.);

б) устарелое (архаичное) слово (устар., или арх.).

III. Функционально-стилевая характеристика слова или ЛСВ.

1. Нейтральное (межстилевое) слово/ЛСВ.

2. Стилиевая маркированность слова/ЛСВ:

а) разговорное (разг.);

б) книжное: книжное (книжн.), официально-деловое (офиц.-дел. или офиц.); высокое (высок.), народно-поэтическое (народно-поэт.);

в) просторечное: просторечное (прост.), грубо-просторечное (груб.-прост.).

Парадигматический анализ слова

I. Омонимическая парадигма (ОП)

1. Состав омонимической парадигмы.

2. Грамматические пометы членов парадигмы.

3. Лексические значения омонимов.

4. Критерии разграничения омонимии и полисемии.

5. Типы омонимов: полные (лексические)/неполные (лексико-грамматические) омонимы; словообразовательный тип (непроизводные/производные омонимы).

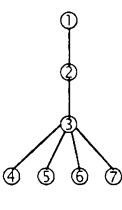
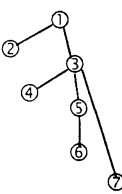
6. Способ образования омонимов.

II. Синонимическая парадигма (СП)

1. Состав синонимической парадигмы.

¹ Пункты анализа выполняются с использованием классификаций и таблиц 14, 15 раздела «Социально-функциональная характеристика лексики русского языка» учебника.

² Пометы слов, ограниченных в употреблении, и функционально-стилевая характеристика слова (ЛСВ) определяются данными толковых словарей русского языка.

Слово и его граф	Лексико-семантические варианты (ЛСВ)	Типы лексических значений			Зависимости ЛСВ
		прямое/ переносное	мотивированное/ немотивированное	свободное/ связанное	
<i>Земля</i> цепочно-радиальная связь	1. 'Третья от Солнца, обитаемая нами планета'	прям.	немотив.	свободн.	
	2. 'Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)'	перен.	мотив.	свободн.	2→1
	3. 'Верхний, поверхностный слой коры нашей планеты: почва, грунт'	перен.	мотив.	свободн.	3→2 (3→1) ³
вариант графа радиально-цепочечная связь	4. 'Рыхлое, темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты'	перен.	мотив.	свободн.	4→3
	5. 'Территория, находящаяся в чьем-либо пользовании; обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва'	перен.	мотив.	связан. (констр. огранич.)	5→3
	6. 'Страна, государство (высок.)'	перен.	мотив.	связан. (констр. огранич.)	6→3 (6→5)
	7. 'Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок (устар.)'	перен.	мотив.	связан. (констр. огранич.)	7→3

¹ Дефиниции слова взяты из СРЯ (1985). Полуужирным шрифтом выделены имплицитные семы.

² Виды семной связи ЛСВ устанавливаются в зависимости от типа сем (гиперсемы. Например, смысловая связь 2-го ЛСВ слова *земля* с 1-м ЛСВ (2→1) устанавливается {'земля'}). В результате возникает гиперо-гиперонимическая связь. Или: 7-й → связь между двумя ЛСВ — гипо-гипонимическая.

³ Варианты анализа заключены в круглые скобки.

анализ слова *земля*¹

Типы семантических отношений ЛСВ		Семный состав ЛСВ и семные связи ЛСВ	Способы выражения семной связи ЛСВ	Виды семной связи ЛСВ
типы переноса значений	разновидности переноса значений			
		<u>'планета'</u> { <u>'земля'</u> }		
метонимия (синекдоха)	предмет → его часть (вещество)	<u>'суша'</u> { <u>'земля'</u> }	имплицитный	гиперо-гиперонимическая ²
метонимия (синекдоха)	вещество → вещество (часть → целое)	<u>'почва'</u> { <u>'поверхностный'</u> } <u>'слой'</u> { <u>'коры'</u> } <u>'планета'</u> { <u>'земля'</u> }	имплицитный	—»—
метонимия	вещество → его состав	<u>'вещество'</u> <u>'коры'</u>	эксплицитный	гипо-гипонимическая
метонимия	местонахождение → использование	<u>'территория'</u> 'обрабатываемая' <u>'почва'</u>	эксплицитный	гипо-гиперонимическая
метонимия (синекдоха)	страна → местонахождение (часть → целое)	<u>'страна'</u> { <u>'территория'</u> } { <u>'земельное'</u> }	имплицитный	гипо-гипонимическая
метафора	образная	<u>'поле'</u> { <u>'поверхности'</u> }	имплицитный	гипо-гипонимическая

гиперсемы, волнистой чертой — семные связи ЛСВ, фигурными скобками —

гипосемы), которые служат основой для выявления смысловых связей ЛСВ. через семное развертывание гиперсемы 'суша' {'земля'} и гиперсемы 'планета' ЛСВ 3-й ЛСВ: 'участок поверхности' (гипосема) → 'поверхностный слой' (гипосема) —

2. Лексические значения синонимов.

3. Семная структура синонимов: интегральные и дифференциальные семы.

4. Типы синонимов: семантический тип (идеографические, стилистические, стилевые и синкретичные типы); структурный тип (разнокорневые/однокорневые синонимы).

5. Стилистическое назначение синонимов (текстоцентрический анализ).

III. Антонимическая парадигма (АП)

1. Состав антонимической парадигмы.

2. Лексические значения антонимов.

3. Семная структура антонимов: интегральные и дифференциальные семы.

4. Типы антонимов: семантический тип (контрарные, контрадикторные, конверсивные антонимы); структурный тип (разнокорневые/однокорневые антонимы).

5. Стилистическое назначение антонимов (текстоцентрический анализ).

IV. Тематическая парадигма (ТП)

1. Состав тематической парадигмы.

2. Лексические значения слов тематической парадигмы.

3. Семная структура слов тематического ряда: интегральные и дифференциальные семы.

V. Гиперо-гипонимическая парадигма (ГПП)

1. Состав ГПП: гипероним (слово с родовым значением), гипонимы (слова с видовым значением).

2. Лексические значения слов гиперо-гипонимической парадигмы.

3. Семная структура слов гиперо-гипонимической парадигмы: интегральные и дифференциальные семы.

VI. Лексико-семантическая группа слов (ЛСГ)

1. Состав лексико-семантической группы.

2. Лексические значения слов лексико-семантической группы.

3. Семная структура слов лексико-семантической группы: интегральные и дифференциальные семы.

VII. Семантическое поле (СП)¹

1. Лексический состав семантического поля.

2. Лексические значения слов семантического поля.

3. Семантическая структура поля: ядро, центр, периферия, фрагменты.

¹ Лексико-семантический анализ поля см. в разделе «Семантическое поле».

Образцы лексико-семантического анализа

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
...Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей *землю*...

(Ф. И. Тютчев)

Многозначное слово *земля* употреблено в тексте в своем втором значении: 'суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)' (СРЯ). Разбор слова см. ниже, в таблице 16, которая по своим рубрикам аналогична таблице 3.

Лексико-семантический (эпидигматический) анализ многозначного слова

Эпидигматический анализ слова *земля* может быть выполнен таблично или описательно (образец последнего вида анализа — для одного из ЛСВ слова — приводится ниже, после табличной характеристики слова в целом)¹. Табличный анализ может быть полным или сокращенным — без пунктов анализа, помеченных в схеме знаком ~.

При полном лексико-семантическом анализе рассматриваются следующие пункты схемы:

А. **Форма слова** (этот пункт не отражен в таблице, так как лишь немногие слова имеют варианты формы);

Б. **Значение слова** (лексико-семантическое описание многозначного слова производится по рубрикам таблицы 3, которые подробно раскрыты в схеме эпидигматического разбора);

В. **Функционирование слова** (функциональные пометы помещаются в таблице после значения ЛСВ).

Комментарии к таблице 16

Семный состав ЛСВ и семные связи ЛСВ слова *земля* устанавливаются при развертывании значения (ЛСВ) слова.

В таблице полужирным шрифтом выделены гиперсемы; волнистой чертой отмечены семы, которые связывают ЛСВ по смыслу; имплицитные семы отмечаются фигурными скобками; развертываемая сема ЛСВ выделена разрядкой.

1-й ЛСВ. **Планета**. 'Большое небесное тело, движущееся вокруг Солнца...' || '**Земля**' (второй семный шаг ко 2-му ЛСВ).

2-й ЛСВ. **Суша**. '**Земля**, в противоположность водному пространству, морю...' (второй семный шаг к 1-му ЛСВ).

3-й ЛСВ. **Почва**. '**Поверхностный** слой земной коры, в котором развивается растительная жизнь; *земля*' (второй семный шаг ко 2-му ЛСВ).

¹ Лексико-семантический анализ слова должен производиться по одному толковому словарю русского языка (в данном случае использованы дефиниции, взятые из СРЯ).

4-й ЛСВ. 'Рыхлое, темно-бурое вещество ... коры планеты...' (первый семный шаг к 3-му ЛСВ).

5-й ЛСВ. Территория. '... обрабатываемая почва' (первый семный шаг к 3-му ЛСВ).

6-й ЛСВ. Страна. 'Местность, территория, выделяемая по географическому положению и природным условиям' (второй семный шаг к 3-му ЛСВ). → Территория. 'Земельное пространство с определенными границами' (третий семный шаг к 3-му ЛСВ).

7-й ЛСВ. Поле. 'Основа, фон, на которые нанесены узоры, изображения' (второй семный шаг к 3-му ЛСВ). → Основа. 'Часть какого-либо предмета, на которой укрепляются остальные части' (третий семный шаг к 3-му ЛСВ). → Часть. 'Участок какой-либо поверхности, площади' (четвертый семный шаг к 3-му ЛСВ).

Таким образом, 2-й и 1-й ЛСВ связаны имплицитно общей гиперсемой 'земля' на втором шаге анализа 2-го ЛСВ Суша и 1-го ЛСВ Планета.

3-й и 2-й ЛСВ объединены аналогичной семой имплицитно на втором шаге анализа 3-го ЛСВ Почва и 2-го ЛСВ Суша.

4-й и 3-й ЛСВ соединяются эксплицитно гипосемой — 'коры'. 5-й и 3-й ЛСВ связаны эксплицитно гипосемой 'почва', появляющейся на первом шаге анализа 5-го ЛСВ Территория, и гиперсемой 'Почва' (3-й ЛСВ).

6-й и 3-й ЛСВ скреплены имплицитно гиперсемой 'земля' 3-го ЛСВ (второй семный шаг) и однокорневой гипосемой 'земельное' (третий семный шаг при разворачивании 6-го ЛСВ Страна).

7-й и 3-й ЛСВ установили гипосемные отношения имплицитно через однокорневые гипосемы 'поверхности' и 'поверхностный' на четвертом шаге семного анализа 7-го ЛСВ Поле и 2-го шага 3-го ЛСВ Почва.

Возможны иные трактовки семных связей ЛСВ слова *земля*.

В а р и а н т ко м м е н т а р и я к т а б л и ц е 16

3-й ЛСВ может быть связан эксплицитно гипосемой 'планеты' с гиперсемой 1-го ЛСВ 'планета'; вид связи ЛСВ — гипо-гиперонимический.

6-й ЛСВ зависит от 5-го ЛСВ: {'территория'} — 'территория'; обе семы родовые; вид связи ЛСВ — имплицитно-эксплицитный, гиперо-гиперонимический.

При таком анализе строится другой вид графа. См. вариант графа в таблице 16. Вариант включен в таблице круглыми скобками.

Первый комментарий семных связей ЛСВ слова *земля* более сложен по характеру их отношений при разворачивании смысла и связи сем. Но он точнее и логичнее раскрывает сущности и основания внутренних зависимостей ЛСВ.

Образец описательного лексико-семантического (эпидигматического) анализа ЛСВ слова *земля*

А. Форма слова.

Вариантов формы слово не имеет.

Б. Значение слова.

Таблица 17

Омонимическая парадигма

Омонимическая парадигма	Грамматические пометы	Лексические значения омонимов	Критерии разграничения омонимов и полисемии			Типы омонимов		Способы образования омонимов
			семантический	словообразовательный	синтагматический	полный/неполный омоним	словообразовательный тип	
<i>земля</i> ¹	только ед.	‘Суша, земная твердь’	—	<i>земной, земляной, земляца</i>	<i>земной шар, земная ось</i>	полный (лексический) омоним	непроизводный омоним	распад полисемии
<i>земля</i> ²	только ед.	‘Устарелое на звание буквы «з» (в славянской азбуке)’	<i>Зе</i> (современное название буквы)		<i>ложка «з», корпус «з»</i>	омоним —»—	—»—	

Антонимическая парадигма

Таблица 18

Антонимическая парадигма	Лексические значения антонимов	Семная структура антонимов		Типы антонимов		Стилистическое назначение антонимов
		интегральные семы	дифференциальные семы	семантический	структурный	
земля	‘Суша, земная твердь (в отличие от воздушного пространства)’		‘земное’	контрарные антонимы ¹	разнокорневые антонимы	Создание текстовой антитезы (лазурь над землей) ²
небо	‘Видимое над землей воздушное пространство в форме свода, купола’	‘пространство’	‘воздушное’ (‘не’+‘земное’)			

¹ Промежуточный член контрарных антонимов — *вода* (*земля* → *вода* → *небо*). Ср. полную дефиницию слова *земля* ‘суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)’.

² *Лазурь* ‘безоблачное голубое небо’, является текстовым антонимом к слову *земля*.

Тематическая парадигма

Тематическая парадигма	Лексическое значение слов	Семная структура ТП	
		интегральные семы	дифференциальные семы
<i>земля</i>	‘Суша, земная твердь’	‘вещество’	‘земное’ (твердое)
<i>воздух</i>	‘Образующая атмосферу Земли смесь газов, главным образом азота и кислорода’	—»—	‘атмосферное’ (газообразное)
<i>вода</i>	‘Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря’	—»—	‘жидкое’

Таблица 20

Гиперо-гипонимическая парадигма

Гипероним	Гипонимы	Лексическое значение слов	Семная структура ГПП	
			интегральные семы	дифференциальные семы
<i>вещество</i>		‘Качественная сущность материи, то, из чего состоит физическое тело’	‘физическое’ ‘тело’	
	<i>земля</i>	‘Суша, земная твердь’	—»—	‘твердь’
	<i>воздух</i>	‘Образующая атмосферу Земли смесь газов, главным образом азота и кислорода’	—»—	‘атмосфера’ ‘газы’
	<i>вода</i>	‘Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря’	—»—	‘жидкость’

1. Слово *земля* многозначное, в тексте употреблено во втором значении (ЛСВ) — ‘суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства)’.

2. Значение переносное, мотивированное, свободное.

3. 2-е значение зависит от 1-го; тип переноса значения — метонимия (синекдоха).

В. Функционирование ЛСВ.

Общеупотребительный ЛСВ, активного употребления, нейтральный.

Парадигматический анализ ЛСВ слова *земля*

ЛСВ слова *земля* в значении ‘суша, земная твердь (в отличие от водного и воздушного пространства)’ входит в четыре парадигмы: омонимическую, антонимическую, тематическую и гиперо-гипонимическую (см. табл. 17–20).

Комментарии к тематической парадигме таблицы 19

1. Интегральная сема ‘*вещество*’ выделяется на втором шаге анализа семы ‘*жидкость*’, имеющейся в значении слова *вода*. *Жидкость* ‘*вещество*, обладающее свойствами течь...’. Эта сема может быть использована и для слов *земля* ‘твердое *вещество*’ и *воздух* ‘газообразное *вещество*’.

2. Дифференциальные семы подбираются из однокорневых слов в дефинициях парадигмы и для согласования с интегральной семой ‘*вещество*’; они могут быть преобразованы в семы ср. рода, ед. числа, им. падежа. Например: *воздух* ‘образующая *атмосферу* Земли смесь газов’ — дифференциальная однокорневая сема ‘*атмосферное*’.

Табличный анализ эпидигматики многозначного слова *Земля* и парадигматики одного из ЛСВ этого слова раскрыл внутреннюю семантическую структуру номинативной единицы и ее внешние структурно-содержательные связи. Элементы анализа синтагматики слова помогли выявить его линейные (текстовые) связи с другими словами. Таким образом, лексико-семантический анализ номинативной единицы *Земля* представляет собой смысловую микроструктуру, организованную по законам словарного состава языка, его лексико-семантическую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды. — Т. 1. — М., 1995.

Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. — М., 1990.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избранные труды. — М., 1977.

Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения. — 2-е изд. — М., 1987.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по русскому языку. — М., 1990 (и последующие издания).

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968.

- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. — М., 1982.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск, 1986.
- Метафора в языке и в тексте / под ред. В. Н. Телия. — М., 1988.
- Никитин В. М. Лексическое значение слова. — М., 1983.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке : семантический анализ противоположности в лексике. — М., 1973.
- Разновидности городской устной речи / под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской. — М., 1988.
- Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
- Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — 2-е изд. — М., 1997.
- Синонимы русского языка и их особенности / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1972.
- Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. — М., 1988 (и последующие издания).
- Современный русский язык : в 3 ч. Ч. I. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — М., 1987.
- Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1989 (и последующие издания).
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.
- Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. — М., 1990.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение : принципы семиологического описания лексики. — М., 1986.
- Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968.
- Фомина М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1983 (и последующие издания).
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.
- Шмелев Д. Н. Современный русский язык : лексика. — М., 1977.
- Языковая номинация : виды наименований / под ред. Б. А. Серебренникова. — М., 1977.
- Языковая номинация : общие вопросы / под ред. Б. А. Серебренникова. — М., 1977.

С л о в а р и

- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940; а также: М., 1947—1949.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л., 1950—1965 (и последующие издания).

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1980—1984 (и последующие издания).

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 9-е изд., испр. и доп. — М., 1972 (и последующие издания).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993 (и последующие издания).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — 7-е изд. — М., 1978—1980 (и последующие издания).

Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1970—1971.

Словарь синонимов : справочное пособие / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1975.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. — М., 1974 (и последующие издания).

Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов н/Д, 1971 (и последующие издания).

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. — М., 1976 (и последующие издания).

Розенталь Д. И., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — 2-е изд. — М., 1976 (и последующие издания).

Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина. — 7-е изд., перераб. — М., 1979 (и последующие издания).

Словарь иностранных слов. — М., 1988 (и последующие издания).

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х гг.) / под ред. Н. З. Котеловой. — СПб., 1995.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. — СПб., 1998.

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / под ред. К. С. Горбачевича. — М., 1973.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1964—1973 (и последующие издания).

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1975 (и последующие издания).

Фразеология — раздел науки о языке, изучающий устойчивые сочетания слов различного типа¹. Как отрасль языкознания она квалифицируется по-разному: специалисты по фразеологии признают ее самостоятельным разделом; лексикологи же обычно считают подсистемой лексики, так как у слова и фразеологической единицы имеются общие системные свойства.

Во фразеологии употребляются несколько синонимичных терминов для названия устойчивой организации слов: 1) фразеологическая единица (ФЕ); 2) фразеологизм; 3) фразеологический оборот².

Фразеологизм является сложной интердисциплинарной единицей, в форме и значении которой взаимодействуют единицы разных уровней: фонетического, словообразовательного, лексического, семантического и грамматического. Поэтому анализ плана выражения и плана содержания ФЕ предполагает рассмотрение фразеологических характеристик с учетом единиц указанных уровней.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фразеологизм представляет собой многоаспектную единицу, являющуюся косвенно-номинативным знаком языка, что определяет его специфические особенности. Во фразеологизме сочетаются как

¹ Термин «фразеология» используется не только как название раздела языкознания, но и как обозначение совокупности фразеологических единиц данного языка: *фразеология русского (английского, испанского и т.д.) языка*. Рже фразеологией называют специфическое употребление слов и их сочетаний, свойственное отдельному автору, социальной группе или литературному направлению: *фразеология А. П. Чехова, фразеология медиков, фразеология романтизма* и т. п.

² Термин «фразеологический оборот» широко не используется в большинстве учебных пособий, поскольку ассоциируется с терминами «причастный (деепричастный, инфинитивный и т.д.) оборот», обозначающими языковые явления синтаксического порядка.

признаки слова, так и свои, самостоятельные дифференциальные признаки. Как и слово, ФЕ может быть однозначной и многозначной; вступает в омонимические, синонимические, антонимические и другие ряды; обладает сочетаемостью с тем или иным кругом слов. Следовательно, как и слово, ФЕ обладает тремя подсистемами: 1) э п и д и г м а т и к о й — исторически образовавшейся многозначностью (по аналогии со словом, фразеолого-семантическими вариантами — ФСВ); 2) п а р а д и г м а т и к о й — противопоставленностью значения (ФСВ) одной ФЕ значению (ФСВ) другой ФЕ; 3) с и н т а г м а т и к о й — сочетаемостью ФЕ со словами или иными ФЕ.

ФЕ, как и слово, является единицей номинации. Но в отличие от слова — одинарного именования фразеологизм представляет собой составную, целостную номинацию, обладающую особым, косвенно-номинативным значением. Это значение создается общим метафорическим или метонимическим переосмыслением слов-компонентов, входящих в ФЕ, что обычно приводит к оценочному, экспрессивному и образному характеру семантики единицы и отражает идиоматическое, обобщенно-целостное обозначение какого-либо явления действительности: *Какого туману напустил! разбери, кто хочет* (Н. В. Гоголь); *Антон Иванович чувствовал себя как рыба в воде* (Д. Мамин-Сибиряк). См.: *туману напустил* 'запутал кого-либо', *как рыба в воде* 'свободно, непринужденно'¹.

Конstitutивными признаками ФЕ являются: 1) косвенно-номинативное значение; 2) социально закрепленное соотношение смыслового содержания и лексико-грамматического состава единицы; 3) постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава; 4) раздельнооформленность единицы (ФЕ состоит не менее чем из двух слов-компонентов)².

Существует широкое и узкое понимание фразеологического состава языка. В широком понимании к фразеологии относятся следующие типы единиц: 1) и д и о м ы (сращения и единства по В. В. Виноградову) — устойчивые структурно-семантические объединения, значение которых неразложимо на значения слов-компонентов, их составляющих, и которые функционируют в предложении как эквивалент отдельного слова (т. е. выступают как один член предложения): *бить баклуши* 'бездельничать', *третий калач* 'очень опытный человек, которого трудно провести', *до не-*

¹ Большинство фразеологических дефиниций взято из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова (ФСРЯ). В некоторых случаях (при недостаточной фразеографической разработанности единицы) мы даем свои определения значений ФЕ или сокращаем слишком объемные дефиниции ФСРЯ.

² См. иной состав конstitutивных признаков ФЕ: Ф о м и н а М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1990. — С. 312–316 (автор приводит 14 различных определений ФЕ).

тухов 'очень рано', *возжа под хвост попала* 'кто-либо находится в крайне неуравновешенном состоянии'; 2) фразеологические сочетания, в которых только один из компонентов обладает фразеологически связанным значением, что создает структурно-семантическую расчлененность единицы: *закадычный друг*, *расквасить лоб* (колено, нос); 3) пословицы — устойчивые изречения, грамматически и ритмически организованные, в которых запечатлен практический опыт народа и его оценка и которые выступают в речи как самостоятельные суждения: *Что с возу упало, то пропало*; *Любишь кататься, люби и саночки возить*; *Бедность — не порок*; 4) поговорки — устойчивые изречения, образно определяющие факт реальной действительности и получающие конкретный смысл в тексте: *посмотрит — рублем подарит*; *господь не выдаст, свинья не съест*; 5) крылатые слова (фразеологические выражения — по Н. М. Шанскому) — устойчивые изречения, появившиеся в языке из определенного литературного источника или закрепившиеся в употреблении высказывания исторических деятелей: *Быть или не быть?* (У. Шекспир); *А Васька слушает да ест* (И. А. Крылов); *На деревню дедушке* (А. П. Чехов); 6) речевые штампы — функционирующие в речи устойчивые формулы, обладающие стилистической окрашенностью: *счастья в личной жизни, всего хорошего, выполнить и перевыполнить*.

Указанные несвободные сочетания слов отличаются друг от друга характером семантики, расчлененным/нерасчлененным обозначением действительности, номинативной/коммуникативной функцией, лексико-грамматическим строением и синтаксической ролью. Объединяют их общие конститутивные признаки: воспроизводимость в речи и семантико-структурная устойчивость. Эти сочетания употребляются как готовые формулы языка.

К фразеологии в узком понимании относятся сращения и единства, т. е. класс идиом.

Идиомы представляют собой структурно-семантическое ядро фразеологии, исследованное наиболее полно. Наряду с идиомами в разделе «Фразеология» анализируются фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Поскольку фразеологизмы являются особыми косвенно-номинативными единицами, обладающими специфическими семантическими свойствами, анализ ФЕ следует начинать с ее значения (плана содержания).

ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

По своему происхождению фразеологическая единица — произведение речевой ситуации, воспроизводящее метафорически субъективно-образное отражение факта действительности; ср. СССР *писать вензеля* 'писать начальные буквы имени или фами-

лии' и ФЕ *писать вензеля* 'идти шатаясь, пьяной походкой'. Поэтому значение ФЕ сложнее по составу компонентов, чем слово. Семантический анализ ФЕ выявляет следующие аспекты ее значения: 1) структура значения ФЕ (она характеризуется наличием тех компонентов в ее содержании, которые определяют специфику ФЕ как косвенно-номинативной единицы языка): а) идиоматичность; б) мотивированность значения; в) внутренняя форма; г) фразеологический образ; д) оценочные (аксиологические) значения; е) модальные значения; ж) стилистические коннотации (созначения); экспрессивные и эмоциональные компоненты; з) функционально-стилевая принадлежность значения (ФСВ); и) семантические типы ФЕ (сращения, единства и сочетания); 2) семантическая структура многозначной ФЕ, которая представлена: а) составом фразеолого-семантических вариантов (ФСВ); б) их зависимостью друг от друга; в) типами смысловых отношений между ними; г) семантическим типом ФСВ.

Структура значения фразеологической единицы

Идиоматичность значения

Ядро фразеологии составляет класс идиом, которые семантически противопоставлены остальным типам фразеологизмов. Основным дифференциальным признаком идиомы является идиоматичность ее значения, возникшая в результате целостного метафорического или метонимического переосмысления сочетания слов. Идиоматичность — это смысловая неразложимость фразеологизма на значения слов-компонентов, его составляющих, и как следствие — невыводимость/выводимость значения единицы в целом из значения ее частей: *ни рыба ни мясо* 'ничем не выделяющийся, посредственный человек'; *лететь вверх тормашками* 'рушиться, гибнуть'; *многие лета* 'пожелание долголетьей, благополучной жизни'.

Идиоматичность связана с изменением обозначения (номинации) факта действительности по сравнению с аналогичными словами и свободными сочетаниями слов. Ср. свободное сочетание слов *мне далеко ходить не нужно* (до работы) и ФЕ *далеко ходить не нужно* в значении 'легко назвать, подтвердить что-либо': «*Мне далеко ходить не нужно* (все показано и рассказано)». Идиоматичность, возникшая в результате утраты реальных смысловых соотношений между словами — компонентами ФЕ, приводит к семантическому «опустошению» значений компонентов и образует слитное (целостное) значение единицы.

Вторым дифференциальным признаком идиом является наличие или отсутствие мотивированности их значения. В связи с

этим различаются: а) идиомы с немотивированным значением, которое не зависит от значений компонентов: *собаку съел* 'имеет большой опыт'; *у черта на куличках* 'очень далеко'; *была не была!* 'попытаюсь, надо рискнуть'; б) идиомы с мотивированным значением — потенциальной, опосредованной выводимостью общего содержания из значений слов-компонентов: *плыть по течению* 'действовать так, как вынуждают обстоятельства'; *скатертью дорога* 'пожелание счастливого пути'; *с головы до ног* 'целиком, полностью'.

Внутренняя форма фразеологической единицы

Идиомы с мотивированным значением обладают внутренней формой. Внутренняя форма ФЕ — это ее первоначальное денотативное значение, вытекающее из суммы реальных значений слов-компонентов. Обычно внутренняя форма имеется у тех ФЕ, которые обладают в современном русском языке соответствиями среди свободных сочетаний слов: *лежать на печи* (ФЕ) — *лежать на печи* (ССС)¹, *считать ворон* (ФЕ) — *считать ворон* (ССС). Лексико-фразеологические параллели как бы возвращают ФЕ к ее первоначальному значению (денотату) и создают семантическую двуплановость единицы, своего рода смысловую призму, где основание — внутренняя форма, а «поверхностный» слой — современное фразеологическое значение. Экспрессивность отражения картины мира, возникновение своеобразных игровых ситуаций и создаются во фразеологии как раз за счет присутствия внутренней формы. См.: *в чем мать родила* 'нагишом'; *музейная редкость* 'что-либо устаревшее'; *на краю света* 'очень далеко'.

Внутренняя форма в одних ФЕ прозрачна и понятна всем носителям данного языка: *набираться ума, сам себе хозяин, не из храброго десятка*; другие же единицы обладают затемненной внутренней формой и могут быть ясны лишь специалистам: *молочные реки и кисельные берега* 'об изобилии (кисель с молоком был одним из любимых или праздничных крестьянских блюд)'; *показать товар лицом* 'обнаружить лучшие стороны кого-, чего-либо (лицо — лицевая сторона изделия, в отличие от изнанки)'². Внутренняя форма ФЕ может формироваться на базе одного слова-компонента: в ФЕ *стоять одной ногой в гробу* 'быть близким к смерти' или *резать без ножа* 'ставить в безвыходное положение' внутренняя форма подсказывается семантикой слов *в гробу* и *резать*. В ряде случаев внутренняя форма создается потенциальными значениями слов-компонентов: *сбить с толку* 'запутать', *на птичьих правах*

¹ СССР — свободное сочетание слов.

² Этимологию ФЕ см.: Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М., 1987. — С. 81, 111.

‘не имея надежного обеспечения’ и др. Единицы данного типа не имеют синонимичных ССС.

Идиомы, имеющие внутреннюю форму, представляют ее в виде образа, который возникает как ассоциативная связь между значением слов свободного употребления и значением ФЕ в целом: *сесть в лужу, руки чешутся, на свежую голову*. Внутренняя форма выполняет роль посредника — образного видения фразеологического значения.

Фразеологический образ — это целостное, непосредственное представление, имеющее цель раскрыть в наглядном виде отношение к изображаемой действительности. См.: *вешаться на шею* ‘приставать с ласками, нежностями и т.п.’; *запускать лапу* ‘красть, обычно государственное имущество’; *набираться духу* ‘перебарывая в себе страх, робость, неуверенность, решаться на что-либо’. Внутренняя целостность многих выражений обусловлена единством образа.

Среди идиом выделяются: 1) образные ФЕ: *носить на руках, белая ворона, во всю силу*; 2) безобразные ФЕ: *бить баклуши, при царе Горохе, темна вода во облацех*.

Оценочные значения

В языке фразеологизмы выполняют в основном функцию характеризующих обозначений: *гонять лодыря* ‘бездельничать’ (отрицательная оценка), но *видеть на три аршина в землю* ‘отличаться большой проницательностью’ (положительная оценка). Существует множество дополнительных оценочных (аксиологических) смыслов, сопутствующих значению ФЕ или даже составляющих его основу. Характеризующая функция ФЕ — отражение и закрепление в семантике единицы отношения говорящего к сообщаемому — по своему существу является объективно-субъективной оценкой. Аксиологический компонент отражает человеческий фактор в семантике единицы, входит в структуру значения подавляющего числа идиом и представляет собой важнейшую характеристику фразеологизма.

Отрицательная (негативная) или положительная (позитивная) оценка является во фразеологии обобщающей квалификацией, внутри которой могут быть иные содержательные смыслы. Подавляющее число ФЕ обладает негативной оценкой: *держат в черном теле* ‘притеснять кого-либо’; *петь дифирамбы* ‘неумеренно восхвалять кого-, что-либо’; *ки-ейная барышня* ‘изнеженный, не приспособленный к жизни человек’; *к ногтю* ‘расправиться’ и др. К ФЕ позитивной оценки относятся: *набирать силу* ‘крепнуть, усиливаться’; *широкая натура* ‘человек не мелочный, открытый, щедрый во всех своих проявлениях’; *по душам* ‘искренне, чистосердечно, откровенно’ и т.д.

В отличие от лексики, во фразеологии нет общеоценочных значений 'хороший/плохой'¹. Фразеологизм — характеризующее, косвенно-номинативное имя, чья структура значения значительно сложнее, чем в простом имени — слове. Поэтому для фразеологии свойственны частнооценочные значения, которые (на базе общих негативных и позитивных оценок) имеют семантические компоненты, характеризующие структуру оценки: 1) способ мотивации оценки; 2) отношение к цели оценки; 3) преобразование аффективного значения в социально значимое (сублимация); 4) нормативность оценки.

Частнооценочные значения могут быть представлены следующим образом:

1. Эмотивная оценка: а) негативная: *вешать голову* 'приходить в отчаяние'; *держать сердце* 'таить злобу против кого-либо'; *лезть на стенку* 'крайне раздражаться'; б) позитивная: *по душам* 'искренне, чистосердечно, откровенно'; *кровь говорит* 'проявляется чувство родства'; *к счастью* 'выражение удовлетворения по поводу чего-либо'.

2. Этическая оценка: а) негативная: *извиваться ужом* 'подхалимничать'; *спутать карты* 'разрушать чьи-либо планы, намерения'; *набивать карман* 'обогащаться нечестным путем за чей-либо счет'; б) позитивная: *широкая натура* 'человек не мелочный, щедрый в своих проявлениях'; *соль земли* 'самое главное, самое важное, самое умное. О людях'.

3. Интеллектуальная (эпистемическая) оценка: а) негативная: *пороха не выдумает* 'не очень умен'; *скользить по поверхности* 'не вникать в сущность чего-либо'; *бесструнная балалайка* 'пустомеля'; б) позитивная: *искра Божья* 'одаренность, талантливость, выдающиеся способности'; *жить своим умом* 'придерживаться своих взглядов, убеждений'.

4. Нормативная (деонтическая) оценка: а) негативная: *не-насытная утроба* 'о прожорливом, жадном человеке'; *переступить через труп* 'не остановиться даже перед убийством человека'; б) позитивная: *в ажуре* 'так, как должно, как следует; хорошо, благополучно'; *как в аптеке* 'совершенно точно'.

5. К в а л и ф и к а т и в н а я (качественная/количественная оценка): а) негативная: *как баран на новые ворота* 'растерянно, глуповато (установился, смотрит)'; *ни холодно ни жарко* 'безразлично'; *с воробыиный нос* 'ничтожное количество'; б) позитивная: *мастер на все руки* 'человек, искусный в своем деле'; *как по маслу* 'без помех, без затруднений (идти, протекать)'.

В подавляющем большинстве фразеологизмов, обладающих тем или иным видом оценочности, присутствует эмотивная оценка.

¹ См.: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : оценка. Событие. Факт. — М., 1988. — С. 64–77.

Наличие эмотивности вызывает эмоциональное сопереживание в виде чувства-отношения, актуализируя у слушателя/читателя фразеологический образ.

Модальные значения

Понятие фразеологической модальности шире традиционного понятия лексической субъективной модальности, поскольку существуют фразеологические единицы — выразители интеллектуального отношения: *ничего не скажешь* — выражение согласия; *еще бы!* 'нехорошо, если бы' — выражение условия; *Бог весть* 'неизвестно, никто не знает' — выражение незнания и т.д. Однако это не относится к сочетаниям слов типа *одним словом*, *в конце концов*, *кроме того* и др., которые определяют порядок и последовательность изложения, а не отношение говорящего к объекту повествования, т.е. модальность.

По участию модальности в семантике ФЕ выделяются: 1) чисто модальные ФЕ: *должно быть* 'вероятно'; *в самом деле* 'действительно'; 2) субъективные синкретивы, обладающие модально-вещественным значением: *чтоб (тебе, ему и др.) ни дна ни покрывки* 'пожелание неудачи, несчастья и т.п.'; *воля ваша* 'учтивая форма выражения согласия/несогласия с кем-либо'; 3) ситуативно-модальные ФЕ, проявляющие ту или иную субъективную характеристику в определенных условиях: *соломенная вдова* (эта ФЕ может иметь оценочные коннотации 'ни плохо, ни хорошо', 'иронично', 'шутливо', 'печально' и др.).

По семантике в составе фразеологической модальности выделяются следующие виды:

1. Персуазивы — ФЕ со значением достоверности/недостоверности сообщаемого (действительности, возможности, безусловности, вероятности, необходимости, невозможности и др.): *в самом деле*, *может быть*, *должно быть*, *по всей вероятности*, *известное дело*.

2. Императивы — волеизъявления субъекта речи: *счастливого оставаться*, *в добрый час*, *не в обиду будет (будь) сказано*, *ваше дело*, *чтоб (тебе, мне и т.д.) ни дна ни покрывки*.

3. Когнитивы — выразители интеллектуального отношения к тому, что сообщается субъектом своему собеседнику: *ничего не скажешь* 'выражение невозможности возразить против чего-либо'; *как знать* 'выражение неуверенности, сомнения'; *ничего подобного* 'выражение категорического несогласия'.

Стилистические коннотации

В значении ФЕ, как и в значении слова, содержатся дополнительные значения, которые в той или иной степени формируют ее

семантику. Но в отличие от слова сознания во фразеологии выполняют более существенную роль в организации значения устойчивых сочетаний; в ряде случаев они составляют само содержание ФЕ: *не было печали* 'выражение досады, огорчения и др.'; *ко всем чертям* 'выражение бранного отношения к чему-либо'. К фразеологическим стилистическим коннотациям принято относить: 1) экспрессивность — изобразительность/выразительность при обозначении фактов действительности; 2) эмоциональную оценку, обозначающую чувство и отражающую одобрение, ласкательность, пренебрежение, презрение, иронию и др. к предмету речи.

Экспрессивность

Фразеологизм обладает выразительно-изобразительным характером значения, отличающим его от нейтральных языковых единиц. Выразительность связана с особым подчеркиванием, «выдвижением» образа единицы и увеличением воздействия на читающего (или слушающего). Экспрессивная ФЕ характеризует лицо, действие, признак и т.д. с качественной или количественной стороны, но при этом таким образом, что количественная характеристика переходит в новое качество¹. Рассматриваемая коннотация во фразеологии отражает не реальную меру явления, а представление о ней лица, коллектива, общества и служит для создания изобразительного эффекта: *белены объелся* 'обезумел, одурел', *пальчики оближешь* 'очень вкусен, аппетитен'.

В. Н. Телия рассматривает экспрессивность как более широкую оценочно-эмоциональную категорию, несущую в себе отношение к обозначаемому. Экспрессивность отражает человеческое мировидение и мироотражение в формах знания субъекта, его мнения, образно-ассоциативного представления и переживания субъектом «положения дел в мире», выражающееся в одобрительном/неодобрительном к нему эмоциональном отношении².

Эмоциональная оценка

Эмоциональность, связываемая с чувствами человека, и оценочность неразрывно связаны. Положительное отношение к чему-либо может быть передано через положительную эмоцию: 'одобрительное', 'ласкательное', 'уменьшительно-ласкательное' и др.

¹ См.: Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. — Новосибирск, 1986. — С. 41.

² См.: Телия В. Н. Механизм экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. — М., 1991. — С. 36–66.

Отрицательное отношение передается негативной эмоцией: ‘неодобрительное’, ‘пренебрежительное’, ‘презрительное’ и т.д.

Экспрессивность ФЕ также связана с эмоциональностью, так как качественная характеристика явления объединяется с его чувственной оценкой.

Поэтому в ряде учебников и монографий не расчленяются экспрессивность и эмоциональная оценка языковых единиц — и то и другое авторы относят в целом к стилистической характеристике. Действительно, оценка, модальность, экспрессия и эмоция — компоненты значения ФЕ, но они раскрывают способ отражения действительности с разных сторон. Употребление в лингвистике традиционных составных терминов «экспрессивно-эмоциональное», «эмоционально-стилистическое» и «эмоционально-экспрессивно-стилистическое» значение не противоречит существу явления.

Экспрессивность как изобразительно-выразительное свойство ФЕ формируется ее внутренней формой (первоначального денотативного значения слов-компонентов), фразеологическим образом (наглядным представлением действительности) и оценочными значениями, присущими как единице в целом, так и ее отдельным компонентам. «Основное вещественное значение слова никогда не погаснет до конца. Это значение всегда предполагается как фон и фундамент дальнейших смысловых изменений слов. Оно причастно в той или иной степени переносным смыслом слова»¹.

Так, экспрессивность ФЕ *извиваться змеей* ‘изворачиваться, хитрить’ может быть обнаружена в виде зрительного образа при глубоко прочтении и коннотационной оценке компонентов ФЕ. Значения компонентов *извиваться*: 2. перен. ‘Вести себя не прямо; хитрить, изворачиваться’ (ССРЛЯ) и *змея* ‘пресмыкающееся с длинным извивающимся телом’ (ССРЛЯ) формируют образно-ассоциативное представление о действиях кого-либо, данное в неодобрительно-уничижительной или презрительной оценке (в зависимости от ситуации сообщения). Усилительность негации подчеркивается и семой ‘пресмыкающееся’ в слове *змея*, сохраняющейся в нашем сознании подспудно, возвращающей нас к смыслу первичной номинации. *Змея*: 1. ‘ползающее по земле’; 2. перен. ‘раболепствующее, угодничающее’ (ССРЛЯ). Выразительность смысла единицы представлена трижды: *извиваться* (‘изворачиваться’), *змея* (‘пресмыкающееся’) и *пресмыкающееся* (‘раболепствующее’)². См.: *Я слишком горд, слишком благодарен, чтобы извиваться перед вами змеей* (В. Г. Белинский);

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. — М., 1941. — С. 21–22.

² В последнем случае применено семантическое развертывание компонента значения слова *змея* (‘пресмыкающееся’), которое на 1-м шаге семантического анализа выявило сему ‘раболепствующее’; в анализе возможна и 2-я сема — ‘угодничающее’.

Открывайте! Сию минуту открывайте, а не то все ворота разнесу! Открывали, извивались змеей (Ф. Абрамов). Или: ФЕ *валаамова ослица* 'покорный, молчаливый человек, который неожиданно для окружающих выразил свое мнение или протест' (ФСРЯ). Данная ФЕ, наряду со значением, имеющим библейское происхождение, приобрела 2-е значение 'глупый человек', ассоциированное словом-компонентом *ослица* (*осел*). Модальность обеих ФЕ когнитивна: содержит интеллектуальное отношение к сообщению — 'выражение категорического осуждения'.

Слово во фразеологизме — двуликий Янус со старым и молодым лицом, старое обращено к началу начал фразеологизма — к его словесной семантике, молодое — к будущему, к стремлению единицы абсолютизировать семантическую власть над комплексом слов, создав изобразительно-выразительный фрагмент отражения мира.

Семантические типы фразеологических единиц

Семантическая классификация ФЕ, предложенная В. В. Виноградовым¹, основывается на компонентном составе значения ФЕ: ее идиоматичности, мотивированности, наличии/отсутствии внутренней формы и фразеологического образа, выраженности коннотаций и др. В указанной классификации выделяются три типа единиц: 1) фразеологические сращения, 2) фразеологические единства, 3) фразеологические сочетания. Первые два типа входят в состав идиом — косвенно-номинативных единиц языка, обладающих слитным фразеологическим значением и функционирующих как целостное именование явления действительности. Фразеологические сочетания представляют собой аналитическую (семантически и синтаксически расчлененную) единицу, где лишь один из компонентов обладает фразеологически связанным значением.

Каждый из трех типов фразеологизмов обладает семантическими, лексическими и грамматическими дифференциальными признаками, на основании которых единицы противопоставляются друг другу.

Сращения

Семантическими признаками сращения являются: а) идиоматичность, б) немотивированность значения. К лексическим признакам относится наличие архаизмов и историзмов:

¹ См.: Виноградов В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 140–161.

Фразеологические сращения

Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы	Дифференциальные признаки				
		немотивированность	отсутствие внутреннего образа	наличие архаизмов (лексических и грамматических)	отсутствие современных грамматических связей	номинативная целостность
<i>Боже мой! да это хаос, вавилонское столпотворение!</i> (В. Г. Белинский)	‘Полная неразбериха, беспорядок, путаница’	+	+	+ историзм <i>вавилонское</i>	+	+ именная часть составного именного сказуемого
<i>2. Петя понял, что попал впросак; никакой тайны у Гаврика, разумеется, не было, а он только хотел над ним посмеяться.</i> (В. Катаев)	‘Оказаться в неприятном, неловком или невыгодном положении из-за своей оплошности или неосведомленности’	+	+	+ лексический архаизм <i>впросак</i>	+	+ простое глагольное сказуемое

бить баклуши, точить баясы, в оны дни, мамеево побоище и др. Грамматические признаки представлены: а) архаическими морфологическими формами: *построить дом на песце, многая Лета*; б) устаревшими синтаксическими связями: *шутка сказать* (инфинитив управляет именительным падежом), *почить в Бозе* (т.е. *почить в Боге* ‘умереть’); в) синтаксической целостностью (сращение выступает как один член предложения).

Единства

Семантические признаки единств заключаются в наличии: а) идиоматичности; б) мотивированности значения ФЕ значением слов-компонентов; в) существования внутренней формы; г) экспрессивно-эмоциональной окрашенности единицы. Лексические признаки представлены омонимическими соотношениями ФЕ и ССС (свободных сочетаний слов), что приводит

Фразеологические единства

Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы	Дифференциальные признаки				
		мотивированность	наличие омонимичного ССС	внутренний образ	эмоционально-экспрессивная стилистическая окраска	номинативная целостность
1. <i>Встречались помещики, которые буквально выжимали сок из барщинных крестьян, поголовно томя на господской работе...</i> (М. Е. Салтыков-Щедрин)	‘Жестоко эксплуатировать, всячески притеснять, доводить до крайней степени нужды’	+	+	+	+	+
					неодобр.	простое глагольное сказуемое
2. <i>Пьет он, насто- ящая бездонная бочка, спасу нет.</i> (В. Овечкин)	‘Человек, который может выпить много спиртного, не пьянея’	+	+	+	+	+
					уничиж.	приложение

к возрождению фразеологического образа: ФЕ *наломать дров* ‘наделать грубых ошибок’ и ССС *наломать дров*; ФЕ *садиться на голову* ‘подчинять своей воле’ и ССС *садиться на голову*. Грамматическим признаком единства, как и сращения, является целостность, синтаксическая неразложимость номинации (единство выступает как один член предложения).

Фразеологические сочетания

Семантическим свойством ФС является наличие одного компонента с фразеологическим значением: *беспробудный сон*, *потупить* голову. Компонент с фразеологическим значением лексически может быть заменен синонимом — словом со свободным значением: *беспробудный* — *глубокий*, *продолжительный*; *потупить* — *опустить*. Грамматическими признаками ФС

Фразеологические сочетания

Фразеологическая единица	Значение фразеологической единицы	Дифференциальные признаки			
		слово со связанным значением	замена компонента синонимом	ограниченная сочетаемость	аналитичность номинации
1. <i>При помощи услужливости и расторопности втерся он, однако ж, в доверие к исправнику.</i> (М. Е. Салтыков-Щедрин)	‘Любыми средствами приобрести доверие’	+ <i>втереться</i>	+ <i>приобрести</i>	+ <i>*в расположение, в милость</i>	+ <i>втереться в доверие</i> — простое глагольное сказуемое + косвенное дополнение
2. <i>Небо было облачно. Тьма крошечная окутывает местность.</i> (Д. Григорович)	‘Полная непроглядная, беспросветная тьма’	+ <i>крошечная</i>	+ <i>полная, сплошная</i>	+ <i>темнота, мрак; *ночь</i>	+ <i>тьма крошечная</i> — подлежащее + согласованное определение

являются: а) связанность, несвободность сочетаемости слова с фразеологическим значением с другими словами (обычно шкала сочетаемости охватывает от одного до восьми — десяти слов): *вломиться* в амбицию — единичная сочетаемость, но *затронуть* честь, гордость, интересы, чье-либо имя, самолюбие и др.; б) аналитичность номинации (слово с фразеологически связанным значением является самостоятельным членом предложения): *он потупил голову*, где *потупил* — простое глагольное сказуемое; *беспробудный сон охватил всех*, где *беспробудный* — согласованное определение.

Вопреки сложившемуся мнению, что ограничения в сочетаемости фразеологически связанного значения определяются его логической или вещной природой, исследования показывают, что вы-

бор в сочетаемости зависит от семантики опорного, свободного слова. Анализ опорного слова раскрывает его мотивационные способности, которые разрешают/запрещают ту или иную связь слов. Метафорически переосмысленное (олицетворенное, зооморфное и др.), связанное значение слова «приспосабливается» по смыслу к главенствующему слову: мысли, думы, мечты, грезы принадлежат миру человека, поэтому они *спят, будят, подсказывают*; или: мысли, думы *подавляют, угнетают, поглощают*; можно *утрачивать, разрушать, разбивать* мечты, грезы, думы; как и человек, мечты, фантазии могут быть *робкими, смешными, возвышенными*.

Между семантическими типами ФЕ — сращениями, единствами и сочетаниями — наблюдаются переходные явления. В одних случаях это объясняется семантикой единицы, в других — лингвистической и культурной осведомленностью носителя языка. Например: *бабье лето* в значении ‘короткая пора в начале осени с ясной, теплой погодой’ — единство, в значении же ‘последний расцвет в жизни женщины’ — сочетание; *детский сад* ‘именование детского учреждения’ — сочетание, а та же ФЕ в значении ‘несерьезное, не по возрасту поведение людей’ — единство.

ФЕ *туда и дорога* ‘того и заслуживает кто-либо, нечего жалеть’ можно квалифицировать и как единство, и как сращение; аналогично: *всю подноготную* ‘абсолютно все (узнать, выпытать и др.)’. Поэтому в последних двух случаях квалификации идиом возможно употребление синкретичного термина «единство-сращение».

В толковых словарях русского языка идиомы (сращения, единства) и фразеологические сочетания регистрируются различно. В СРЯ идиомы и ФС помещаются после значка ◇ (стоячий ромб), в ССРЯ идиомы выделяются ~ (тильдой), а ФС фиксируются после значка ◊ (лежачий ромб). В ФСРЯ описаны в основном идиомы. Единицы с ограниченной связанностью регистрируются там следующим образом: слова со свободными значениями (окружение фразеологизма) выделены курсивом: *спать* без задних ног, *денег* куры не клюют.

Семантическая структура многозначной фразеологической единицы

Недостаточной теоретической разработанностью вопроса о семантической структуре ФЕ объясняется то, что в имеющихся учебных пособиях и словарях отмечается, что подавляющее большинство ФЕ однозначны (моносемичны). ФСРЯ из более чем 4000 фразеологических единиц отметил многозначность только у 600 ФЕ, что составляет примерно 15 % от их общего количества. Но не подлежит сомнению, что многозначность (полисемия) ФЕ —

явление реальное и развивающееся. Анализ иллюстративного материала, приведенного в ФСРЯ, свидетельствует о том, что семантический объем фразеологизмов установлен далеко не полностью.

Существует точка зрения, что характер эпидигматики в ФЕ иной, чем в слове. Здесь нет прямых и переносных значений, нет первичного и вторичного значений. Являясь образным переосмыслением ССС, ФЕ развивает на его почве параллельные значения. «Вследствие повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, наиболее удобного для обобщения, появляются такие многозначные фразеологизмы, которые имеют одни метафорические значения»¹.

Существует и другой взгляд на семантическую структуру ФЕ, когда в ней обнаруживают прямые и переносные значения. Последнее членение вряд ли целесообразно, поскольку значение ФЕ не является прямым, адекватным прямому значению слова благодаря своему косвенно-номинативному значению.

Однако несомненно, что полисемичная ФЕ обладает мотивирующим и мотивированным значениями, связанными внутренними семантическими зависимостями. Как свидетельствует языковой материал, между значениями многозначной ФЕ имеются отношения метафоры, метонимии, синекдохи и функционального переноса, т.е. те же смысловые отношения, что и в составе многозначного слова.

Необходимо различать два типа варьирования семантики ФЕ — диахронное и синхронное. Диахронное варьирование отражает формирование фразеологического значения и связано с этапами образования единицы: а) *Я обратился к нему, показал книгу, а он и бровью не повел* (В. Каверин) — ФЕ употреблена в конкретном значении психофизической реакции — ‘внешне, мимически не отреагировал’; б) *«Дейли миррор» знает, как развлечь своего читателя... Она, и бровью не поведя, может лягнуть «истэблишмент»* (А. Осипов) — значение единицы удалено от конкретной реакции и выступает в обобщенном, косвенно-номинативном значении ‘не обращая внимания ни на кого’. В первом случае ФЕ находится в совмещенной стадии: единица одновременно является и фразеологизмом, и свободным сочетанием слов; во втором случае перед нами ФЕ-сращение.

Синхронное варьирование возникает на базе уже «готового» фразеологизма в современном русском языке. В этом случае возможно цепочечное, радиальное или параллельное (собственно фразеологическое) развитие многозначности.

ФЕ *скалить зубы* имеет значение ‘смеяться, хохотать, насмехаться’ (ФСРЯ). Тексты же выявляют три фразеолого-семантических варианта, обусловленных последовательным, цепочечным

¹ Жуков В. П. Русская фразеология. — М., 1986. — С. 199–200.

смысловым расщеплением. 1. 'Сердиться, злиться, защищая кого-либо'. *Он чуть что — зубы скалит, попробуй тронь его* (Ф.Абрамов). 2. 'Смеяться'. *Расселись по стене туесами да и знай ржут, скалят зубы — весело* (Ф.Абрамов). 3. 'Насмехаться'. *Игнаша зубы скалит да людей подковыривает...* (Ф.Абрамов). 1-е и 2-е значения связаны метафорически — на основе внешнего мимического сходства; 2-е и 3-е объединены метонимической зависимостью — обозначают действие и его целевую направленность.

Графически зависимости ФСВ можно изобразить следующим образом:

Развитие фразеологической многозначности может идти по пути радиальной зависимости ФСВ, когда все ФСВ зависят от одного, основного. Например, фразеологизм *валять дурака* (ФСРЯ регистрирует всего четыре значения данной ФЕ) имеет следующую семантическую структуру¹, что подтверждается иллюстративным материалом.

1. 'Делать глупости, поступать не так, как надо'. *Он был спокоен, его лишь давила мысль о том, что он сваял дурака и зря он тешит себя какой-то надеждой* (П.Проскурин). 2. 'Притворяться глупым, непонимающим'. *Не проще ли будет не валять дурака на суде* (А.Н.Толстой). 3. 'Бездельничать'. *Ты ведь знаешь, что за жизнь я прожил — валял дурака, марал бумагу, мечтал Бог знает о чем* (И.Эренбург). 4. 'Паясничать'. *Вечером Карабанов валял дурака и вертелся между кроватями как бес* (А.Макаренко). 5. 'Оттягивать время'. *Что, братцы! — спохватился Замаараев. — Что же это мы дурака валяем? Надо спешить* (Д.Мамин-Сибиряк).

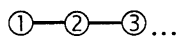
2-е значение единицы находится с 1-м в отношениях синекдохи; 3-е значение развивается на основе метонимии — пояснения 1-го 'поступать не так, как надо'; 4-е значение имеет аналогичные с 3-м метонимические отношения с 1-м значением; 5-е значение объединено с 1-м целевой зависимостью. Семантическую структуру данной ФЕ представляет следующий граф:

¹ Нами рассмотрена невариантная ФЕ, тогда как в ФСРЯ отмечается вариантная форма единицы: *валять (ломить, корчить) дурака (ваньку)*. Анализ невариантной ФЕ обусловлен тем, что все варианты идентичны в своих значениях.

Строение рассмотренной многозначной ФЕ показывает, что внутренняя семантическая деривация может развиваться на основе собственного, 1-го фразеологического значения, а не являться только образным переосмыслением одного свободного сочетания слов. Семантика многозначного фразеологизма подчинена тем же общим законам развития значений, что и семантика слова.

Специфической, собственно фразеологической зависимостью ФСВ является их параллельная семантическая связь типа:

Параллельная связь означает, что все значения (ФСВ) многозначной ФЕ находятся в равноправных, независимых друг от друга смысловых отношениях. Примером такой связи является ФЕ *ни жива ни мертва*: 1. 'Быть сильно испуганным'. *Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная* (Ф.Абрамов). 2. 'Находиться в расстроенных чувствах'. *Ни жива ни мертва сидела Настя... ничего не слыхала, ничего не понимала... — Да что с тобой, Настенька? Ровно ты не в себе* (П.Мельников-Печерский). 3. 'Быть в состоянии крайней усталости'. *Милендьевна вернулась из лесу в четвертом часу пополудни — ни жива ни мертва. Но с грибами* (Ф.Абрамов).

Анализ ФЕ с параллельной связью значений не подтверждает положения о том, что многозначность единицы развивается на основе ССС, поскольку ФЕ *ни жива ни мертва* не имеет омонимического ССС. Для фразеологии характерен синкретизм формального и семантического варьирования, т.е. имеет место двустороннее варьирование. ФЕ *отвечать (ручаться) головой* обладает тремя фразеолого-семантическими вариантами: 1) 'платить или быть готовым поплатиться жизнью'; 2) 'брать на себя полную ответственность'; 3) 'заверять, гарантировать'. В первом значении ФЕ связана лишь с вариантом *отвечать головой*; со 2-м значением связаны оба варианта; 3-м значением обладает лишь вариант *ручаться головой*. В своих содержательных связях значения (ФСВ) располагаются по ступенчатой (цепочечной) зависимости: 2-е значение уже по степени своей «ответственности», чем 1-е, и носит более «облегченный» характер ответственности, чем 2-е; 3-е значение содержит лишь уверение в обещании чего-либо. Следовательно, 2-е и 3-е значения сформировались путем сужения значения (на основе синекдохи), при этом одновременно шел процесс уменьшения значения ручательства: от цены жизни до цены заверения.

Разбор семантической структуры разных вариантных многозначных ФЕ показывает, что между ФСВ могут быть еще более сложные отношения. Например, тексты из художественной литературы подтверждают, что в ФЕ *морочить (дурить) голову* имеется пять ФСВ, в то время как в ФСРЯ зарегистрированы лишь два

варианта: 1. 'Дурачить, намеренно вводить в заблуждение кого-либо'. 2. 'Приставать с глупостями, пустяками'¹.

В классе идиом «завуалированная» соотносительность значения компонентов с общим значением ФЕ приводит к семантическим парадоксам, имеющим, однако, реальные психолингвистические основания: «слово значит то, что мне известно, потому думаю, что это выражение имеет такой смысл». Индивидуально-личностное осмысление ФЕ, основанное на законах лексической семантики, придает единице окказиональное значение, что впоследствии может привести к семантической деривации ФЕ. Например: «“Витать в эмпириях” — любимое выражение Алмазова и имеет в его устах бесконечное количество значений. Витать в эмпириях означает и размышлять о высоких материях, и вращаться в высоких сферах, и роскошествовать, и развлекаться, и уклоняться от всякого рода прозаических обязанностей. Подтекст во всех случаях осудительный, но с легким оттенком зависти» (А. Крон). Релятивность (относительность) значений слова *витать* в свободном употреблении повлияла на появление индивидуальных значений ФЕ. См.: *Витать...* 2. 'Парить, носиться в воздухе || Присутствовать, быть ощутимым где-либо (в окружающей среде и т. п.)'. 3. 'Отвлекаясь, отрываясь от окружающего, мысленно, мечтой уноситься куда-либо, быть где-либо' (СРЯ). Фразеографическая же дефиниция данной ФЕ — 'пребывать, находиться в мечтательном состоянии, не замечая окружающего' (СРЯ).

В полисемичной ФЕ-идиоме в зависимости от мотивационных связей слов-компонентов со значением единицы в целом может наблюдаться семантический «разнобой»: одни ФСВ могут представлять собой сращение, другие — единства. Например, в ФЕ *валять дурака* 1-й, 2-й и 4-й ФСВ — единства; 3-й — переходный случай между единством и сращением; 5-й — сращение. Таким образом, семантическая структура многозначной ФЕ обнаруживает как общие со словом, так и специфические, свойственные лишь косвенно-номинативному знаку характеристики.

Форма фразеологической единицы

Форма ФЕ включает: 1) структурный тип единицы; 2) ее лексико-грамматический состав; 3) порядок следования компонентов; 4) формоизменение (грамматическую парадигматику) ФЕ; 5) вариантность единицы².

¹ Данная ФЕ послужила материалом для обобщенного фразеологического анализа (см. таблицу 27, с. 374–375 настоящего учебника).

² Парадигматический аспект ФЕ должен по своему существу рассматриваться в разделе «Морфология». Но поскольку в грамматиках не описывается фразеологическое формоизменение, то в данном учебнике анализ видоизменений грамматической формы ФЕ будет произведен при общем рассмотрении формы фразеологизмов.

Структурный тип фразеологической единицы

Выделяются три структурных типа ФЕ по аналогии с их генетическим типом:

1. ФЕ-словоформы (*в душе, не по душе, ни на йоту, не горит*).
2. ФЕ-словосочетания (*заказывать путь, чучело гороховое, во весь дух*).
3. ФЕ-предложения (*закон не писан, в ногах правды нет*).

В составе продуктивных фразеологических словосочетаний выделяются глагольные, именные и наречные ФЕ. Среди глагольных фразеологических единиц наблюдаются: 1) глагольно-именные (*сгореть со стыда, задавать тон*); 2) глагольно-наречные (*видеть насквозь, долго не надышит*); 3) глагольно-глагольные (*дать прикурить*).

В сфере именных ФЕ отмечаются: 1) субстантивные: а) существительное + зависимое прилагательное (*бабье лето, лебединая песня, нож острый*); б) существительное + существительное в косвенном падеже без предлога или с предлогом, иногда с включением зависимого прилагательного, местоимения или числительного (*дело в шляпе, герой нашего времени, пятое колесо в телеге*); в) существительное в косвенном падеже с предлогом или без предлога, с включением зависимого прилагательного, местоимения или числительного (*любой ценой, на всех парусах, с первых шагов*); г) косвенный падеж существительного + косвенный падеж существительного, с включением прилагательного, местоимения или числительного (*от альфы до омеги, с головы до <самых> ног*); 2) адъективные (*нечист на руку, легок на подъем*).

Наречные фразеологические единицы: *кверху тормашками, на голову выше* и т. п.

Среди фразеологизмов-предложений выделяются: 1) ФЕ, входящие к простым предложениям: а) двусоставным (*вожжа под хвост попала, бабушка надвое сказала*); б) односоставным (*держи карман шире, честь имею <кланяться>*); 2) ФЕ, генетически представляющие собой части сложных предложений, организованные по моделям придаточных предложений разных типов (*в чем душа держится, куда глаза глядят, что есть мочи, как ни в чем не бывало*).

В состав непродуктивных ФЕ входят:

1) сочетание частицы *не* со знаменательным словом (*не пара, не горит*);

2) сочетание союза со знаменательным словом (*как часы, хоть зарежь, как по нотам*);

3) сочинительные сочетания знаменательных слов (*смех и горе, ни рыба ни мясо, сплошь да рядом, судить и рядить*) и т. п.

Лексико-грамматический состав фразеологической единицы

Лексико-грамматический состав фразеологизмов определяется генетическим статусом их компонентов: 1) компонентный состав представлен знаменательными по происхождению словами: *прикусить язык* (гл. + сущ. в вин.п.); *стреляный воробей* (сущ. + прил.); *кот наплакал* (сущ. + гл. в изъяв. накл., прош. вр., муж. р., ед. ч.); 2) компонентный состав включает генетически знаменательные и незнаменательные слова: *обводить вокруг пальца* (гл. + сущ. в род. п. с предл.); *и так и этак* (нареч. + нареч., объединенные соч. союзами); *вот так клюква!* (сущ. в им. п. + указ. част. + усил. част.); 3) компонентный состав включает генетически незнаменательные слова: *вот-вот* (повторяющаяся указ. част.); *еще бы!* (усил. част. + формообраз. част.).

Порядок компонентов фразеологической единицы

Порядок следования (расположения) компонентов может быть: 1) свободным (*мешаться в уме — в уме мешаться, ни душой ни телом — ни телом ни душой*); 2) стандартным, при котором наблюдается типичное расположение компонентов (*валить с большой головы на здоровую, под самым носом, стреляный воробей*); 3) фиксированным, когда за каждым компонентом закреплено определенное место (*от жилетки рукава, ни жив ни мертв, не разбери-поймешь*).

Формоизменение фразеологической единицы

Формоизменение фразеологизма охватывает систему его форм (фразеоформ), объединенных одним и тем же фразеологическим значением и различающихся морфологическими значениями. Именные ФЕ обладают категориями рода, числа и падежа; глагольные ФЕ — категориями вида, залога, наклонения, времени, лица, числа и рода.

Система форм ФЕ называется его парадигмой (фразеопарадигмой). Парадигма каждого структурного типа соотносится с его генетическим типом: система форм ФЕ-фразеоформы соотносится с системой форм слова, ФЕ-словосочетания — с формоизменением свободного словосочетания, ФЕ-предложения — с системой форм свободного предложения¹.

Большая часть фразеопарадигм обладает ограничениями в формоизменении, что определяется: 1) словесными свойствами компонентов — «бывшие» слова и в свободном своем употреблении

¹ См.: Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1979. — С. 116–121.

могут не обладать теми или иными формами (глагол *бить* в современном русском языке не образует деепричастий; существительное *кровь* в литературном языке не имеет форм множественного числа); 2) фразеологическими свойствами единицы: а) деривационной базой ФЕ, т.е. первичным материалом, на основе которого возникла единица, б) идиоматичностью значения ФЕ, в) ее синтаксической специализацией, г) функциональной характеристикой (ФЕ *в рубашке родился* употребляется только в форме совершенного вида, прошедшего времени, ФЕ *не горит* — только в форме настоящего времени, единственного числа, ФЕ *крокодиловы слезы* — только в форме множественного числа).

По наличию и составу фразеоформ выделяются следующие типы фразеологизмов: 1) ФЕ, обладающие полной парадигмой, включающей весь набор возможных формоизменений (*ловить галок, ловлю галок, ловишь галок, ловил галок, будет ловить галок, не лови галок, ловил бы галок, ловящий галок, ловя галок* и т.д.; *старый волк, старого волка, старые волки* и т.д.); 2) ФЕ, имеющие неполную парадигму, в которой отсутствуют определенные фразеоформы (*бить баклуши, бью баклуши, бил баклуши, не бей баклуши, бил бы баклуши, бьющий баклуши*, но нет деепричастных форм; *голубая кровь, голубой крови*, но нет форм множественного числа); 3) ФЕ, образующие дефектную парадигму, состоящую лишь из нескольких фразеоформ (*на край света — на краю света; кровавый пот — до кровавого пота*); 4) ФЕ фиксированного типа, не обладающие формоизменением (*в душе, со всего плеча, пальца в рот не клади, ищи-свищи*).

Для каждого из структурных типов ФЕ (словоформы, словосочетания и предложения) характерен свой тип фразеопарадигмы.

ФЕ-словоформы обладают только дефектной именной парадигмой, состоящей из двух-трех фразеоформ, имеющих обычно форму одного числа.

Дефектная фразеопарадигма

Единственное число	Значение ФЕ
В. <i>под башмак</i> (попасть)	‘в полную зависимость’
Тв. <i>под башмаком</i> (быть, находиться)	‘в полной зависимости’
Множественное число	
Р. <i>из когтей</i> (вырваться, выбраться)	‘из полной зависимости’
В. <i>в когти</i> (попасть)	‘в полную зависимость’
Пр. <i>в когтях</i> (находиться, быть)	‘в полной зависимости’

В ФСРЯ *в люди* и *в людях* зарегистрированы как самостоятельные ФЕ; *на вид* и *с виду* — аналогично, с перекрестной ссылкой друг на друга при тождественном значении ‘внешне’. ФЕ *в когти*

представлена в ФСРЯ как грамматическое употребление единицы *в когтях*, в то время как этот фразеологизм — член дефектной парадигмы, имеющий форму винительного падежа, множественного числа. Во фразеологической практике нередко наблюдается смешение фразеоформ, употребления фразеоформ и вариантов ФЕ.

Следует различать три самостоятельных грамматических явления: фразеоформы, грамматические варианты ФЕ и грамматическое употребление той или иной фразеоформы (окказиональные морфологические формы).

Фразеоформы дефектной парадигмы обладают морфологическими значениями числа и падежа, каждая из форм имеет свое собственное окружение, а предлог, являющийся компонентом фразеоформы, выступает одновременно в двух функциях: выполняет конструирующую роль в организации ФЕ и выступает элементом глагольного управления со стороны грамматически господствующего слова: *попасть подо что? — под башмак*; *находиться в чем? — в когтях*; *уйти куда? — в люди*; *быть где? — в людях*.

Грамматические варианты ФЕ типа *на вид (с виду)* ‘внешне (быть, казаться, стать и др.)’, *под сурдинку (сурдинкой)* ‘тихо (звонеть, уезжать и др.)’ не обладают различительными морфологическими значениями, безразличны к своему окружению, и предлог в их составе выполняет лишь функцию компонента единицы и не вступает в синтаксические связи с окружением единицы.

Употребление морфологических фразеоформ необходимо отличать от членов регулярной фразеопарадигмы. Под давлением грамматической системы языка дефектная парадигма может пополняться членами, еще не ставшими равноправными в парадигме из-за своей окказиональности. Например, дефектная парадигма ФЕ *в полный ажур* (вин. п.), *в полном ажуре* (пр. п.) пополнилась пока еще не регулярными членами — *полный ажур* (им. п.), *до полного ажур* (род. п.). Последние два члена и представляют собой употребление морфологических фразеоформ, т. е. составляют особенность грамматического функционирования ФЕ.

ФЕ-словосочетания сохраняют парадигмы своего генетического структурного типа. В. В. Виноградов сформулировал понятие парадигмы свободного словосочетания: «Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, то есть оно обладает системой форм»¹. Формоизменение ФЕ-словосочетания определяется, как и в свободном сочетании, формой его грамматически господствующего слова, а парадигма

¹ Виноградов В. В. Морфология и синтаксис как составные части грамматики // Грамматика русского языка. — М., 1954. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 11.

ФЕ-словосочетания набирается из его фразеоформ. Флективное изменение господствующего компонента фразеологизма создает морфологическую парадигму ФЕ-словосочетания, которая может быть глагольной или именной (а последняя — субстантивной или адъективной).

Глагольная фразеопарадигма

Формы настоящего времени

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>бью баклуши</i>	1-е л. <i>бьем баклуши</i>
2-е л. <i>бьешь баклуши</i>	2-е л. <i>бьете баклуши</i>
3-е л. <i>бьет баклуши</i>	3-е л. <i>бьют баклуши</i>

Формы прошедшего времени

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>бил, была баклуши</i>	1-е л. <i>били баклуши</i>
2-е л. <i>бил, была баклуши</i>	2-е л. <i>били баклуши</i>
3-е л. <i>бил, была, било баклуши</i>	3-е л. <i>били баклуши</i>

Именная фразеопарадигма

Единственное число	Множественное число
И. <i>стреляный воробей</i>	И. <i>стреляные воробьи</i>
Р. <i>стреляного воробья</i>	Р. <i>стреляных воробьев</i>
Д. <i>стреляному воробью</i>	Д. <i>стреляным воробьям</i>
В. <i>стреляного воробья</i>	В. <i>стреляных воробьев</i>
Тв. <i>стреляным воробьем</i>	Тв. <i>стреляными воробьями</i>
Пр. <i>о стреляном воробье</i>	Пр. <i>о стреляных воробьях</i>

ФЕ-предложения, как и свободно организованные предложения, обладают синтаксической парадигмой: «Совокупность всех регулярно существующих в системе языка видоизменений предложения, связанных с категорией объективной модальности и синтаксического времени... будем называть парадигмой предложения»¹. Семантика фразеологизма и его синтаксические функции накладывают большие ограничения на парадигму ФЕ-предложения. В таких парадигмах, как правило, отсутствуют синтаксические ирреальные наклонения, которые обычно не согласуются с семантикой ФЕ.

Эталоном для свободного глагольного подлежащно-сказуемого предложения является восьмичленная парадигма². Для сопоставления с ней выбран однотипный по генезису структурный тип ФЕ-предложения с наименее усеченной фразеопарадиг-

¹ Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык : грамматические исследования. — М., 1967. — С. 10.

² См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 2. — С. 245–248.

мой. В индикативе и синтаксически ирреальных наклонениях приведены типичные в употреблении члены видовой пары «бывшего» глагольного сказуемого.

Парадигма ФЕ-предложения

Синтаксический индикатив	Значение ФЕ
Наст. вр. <i>Рука не поднимается</i>	‘не хватает решимости’
Прош. вр. <i>Рука не поднялась</i>	‘не хватило решимости’
Буд. вр. <i>Рука не поднимется</i>	‘не хватит решимости’
Синтаксические ирреальные наклонения	Значение ФЕ
Сослагат. накл. <i>Рука не поднялась бы</i>	‘не хватило бы решимости’
Условн. накл. <i>Если бы рука не поднялась</i>	‘если бы не хватило решимости...’
Желат. накл. <i>Хоть бы рука не поднялась!</i>	‘хоть бы не хватило решимости!’
Побуд. накл. <i>Пусть рука не поднимется!</i>	‘пусть не хватит решимости!’
Долженств. накл.	

Вариантность фразеологической единицы

Иерархическая классификация вариантов ФЕ может быть представлена в виде следующих разграничений: 1) сторон ФЕ — формы и значения (одностороннее и двустороннее варьирование); 2) уровней системы, связанных с преобразованиями сторон ФЕ (форма единицы — фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический уровни; значение единицы — семантический уровень); 3) единиц уровней, участвующих в варьировании (фонема, морфема, лексема, семема); 4) структурных типов ФЕ (ФЕ-словоформа, ФЕ-словосочетание, ФЕ-предложение), модифицируемых согласно каждому уровню.

Возможны следующие соотношения между формой и значением вариантной ФЕ: 1) форма вариантна — значение невариантно; 2) форма невариантна — варьирует значение; 3) варьирует и форма и значение единицы. Первые два случая связаны с односторонним варьированием, последний — с двусторонним варьированием.

Вариантность формы ФЕ связана: 1) с разграничением уровней варьирования — фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и лексическая вариантность; 2) с усечением компонентного состава ФЕ — количественная (квантитатив-

ная) вариантность; 3) с количеством варьируемых компонентов — двучленная/многочленная вариантность.

Фонетическая вариантность основана на нейтрализации нерегулярных звуковых взаимодействий лексикализованного типа: *калиф (халиф) на час, садиться в калошу (галошу), геркулесовы столбы (столпы)*. Этот тип вариантности представлен во фразеологии единичными примерами.

Словообразовательная вариантность является результатом снятия различительных (дифференциальных) значений морфов:

а) суффиксов субъективной оценки: *на глаз (глазок), забубенная голова (головушка), живот (животик, животикшко) подводит;*

б) словообразовательных префиксов: *подрезать (обрезать) крылья, давать (отдавать) себе отчет;*

в) разных корней, связанных с одним и тем же префиксом: *подрубить (подкосить, подрезать, подсечь) под корень;*

г) суффиксов основы глагола: *свистеть (свистать) в карманах, ломить (ломать) шапку.*

Морфологическая вариантность возникла на основе нейтрализации дифференциальных значений в морфологической парадигме:

а) видовых форм глаголов (первичной и вторичной имперфективации): *видать (видывать) виды, валить (сваливать) в одну кучу;*

б) категорий залога, наклонения, времени, лица, числа у глагольных ФЕ: *не ударить (удариться) лицом в грязь, водой не разольешь (разлей), пальчики оближешь (облизать), есть просят (просит);*

в) категории числа грамматически зависимых имен существительных: *подносить пилюлю (пилюли), море по колено (колена), тугой на ухо (уши);*

г) вариантных форм рода, числа, падежа (в том числе и архаических) у именных ФЕ: *гог и магог (гога и магога);* аналогично в составе глагольно-именных фразеологизмов: *праздновать труса (трусу), построить дом на песке (песце), будь хоть семи пядей (пядень) во лбу, во все (вся) тяжкие (тяжкая);*

д) полных/кратких форм имен прилагательных и причастий: *эзоповский (эзопов) язык, без малого (мала), из-за угла мешком прибитый (прибит) и др.*

Синтаксическая вариантность основана на нейтрализации дифференциальных грамматических значений в синтаксической парадигме ФЕ-словосочетания и ФЕ-предложения.

В синтаксической парадигме **ФЕ-словосочетаний** вариантность возникла на основе межпадежной синонимии фразеоформ:

а) с одним и тем же предлогом, но разными падежными формами: *сидеть между двух (двумя) стульев (стульями), пара на отлете (отлет);*

б) с разными предлогами и разными падежными формами: *пускать на ветер (по ветру), капля за каплей (по капле)*.

Синтаксическая вариантность **ФЕ-предложений** образовалась на базе нейтрализации:

а) категорий наклонения, времени, рода, числа в глагольных компонентах: *вожжа под хвост попала (попади), и не говори (говорите), кондрашка хватил (хватила)*;

б) категорий числа и падежа в именных компонентах: *карта бита (карты биты), хоть в глаз (глаза) коли, ветер свистит в кармане (карманах)*.

Лексическая вариантность ФЕ в наибольшей степени отражает специфику составного знака: при сохранении его тождества может быть произведена замена целого слова-компонента. В этом заключается уникальность варьирования фразеологизма. Лексическая мена компонентов происходит на основе: 1) лексико-семантической организации слов — лексико-семантических парадигм различных видов (синонимов, слов тематической группы и др.); 2) на основе регулярных способов семантических взаимодействий (метонимии, метафоры) слов-компонентов.

Замена компонентов происходит на основе общности их значения и утраты ими дифференциальных семантических признаков. В ФЕ *брать (хватать) за сердце* ‘сильно, глубоко трогать, тревожить’ мена основывается на семной общности глаголов — ‘овладевать’ чем-либо и нейтрализации дифференциальных сем глагола *хватать* — ‘поспешно’, ‘резко’.

На основе метонимических взаимодействий возник вариантный ряд *стреляный (травленный) волк*, где общая сема прилагательных — ‘опытный’, дифференциальные признаки компонента *травленный* — ‘подвергшийся’, ‘травле’ нейтрализовались в контексте единицы.

1. Лексическая вариантность образовалась в результате нейтрализации слов-компонентов в следующих лексико-семантических парадигмах:

а) синонимической парадигме: *бить (ударять) в нос, пустая голова (башка), в буквальном смысле (значении), взять назад (обратно) свои слова*;

б) тематической парадигме: *уплыть (уйти) сквозь пальцы, давать руку (голову) на отсечение, седьмая (десятая) вода на киселе, ни на грош (копейку, полушку)*;

в) гиперо-гипонимической парадигме: *извиваться ужом (змеей), пересчитать кости (ребра), на склоне лет (дней)*;

г) антонимической парадигме: *Бог (черт) знает, сам большой (маленький)*.

2. Лексическая вариантность на базе семантических связей слов-компонентов возникает при нейтрализации их различительных признаков:

а) на основе метонимии: *мешать (путать) карты, вдавливать в голову (мозги), мизинца (ногтя) не стоит, старый (стреляный) воробей*;

б) на основе метафоры: *ногтя (подметки) не стоит, кричать не своим (дурным) голосом, пустая (дубовая) голова*.

Количественное (квантитативное) варьирование связано с сокращением числа компонентов ФЕ: *пускать <красного> петуха, переступить <через> порог, пройти <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>*.

Объем вариантной парадигмы определяется количеством варьироваемых форм:

1) двучленная вариантная парадигма: *съесть (проесть) зубы, волею судеб (судьбы), вожжа (шля) под хвост попала*;

2) многочленная вариантная парадигма: *ободрать (обобрать, обчистить, облупить) как липку, мышьяная возня (беготня, суета), мороз (холодок, озноб) по коже (спине, телу) дерет (подирает, продирает, пробегаёт, идет)*.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Структурно-семантический аспект

Выделяются два типа функционирования ФЕ: 1) без изменения семантики и/или структуры (уз у а л ь н о е употребление) и 2) с изменением (авторской обработкой) семантики и/или структуры (о к к а з и о н а л ь н о е употребление). 1-й тип функционирования реализует существующие языковые семантико-коннотационные свойства ФЕ; 2-й — их потенциальные качества.

Фразеологизмам как единицам языка присущи образность, оценочность, модальность и экспрессивность. Использование ФЕ в авторской речи в узуальной форме делает речь живописнее, насыщеннее оценками и эмоциями автора. Используя в тексте языковые ФЕ, художник слова опирается на сформированные в обществе системные, общепринятые свойства, которые могут терять/возобновлять былую образность в зависимости от ближайшего окружения ФЕ (синтагматики): *Мы в войну из хомута не вылезали и тепере-ка на печи не лежим* (Ф. Абрамов); — *Космос. Куда наши космонавты лётаят. — Летают, — поправил Юрка... — Что толку-то?.. — А что, им лучше на печке лежать?* (В. Шукшин). Значение ФЕ *лежать на печи/печке* 'бездельничать' в первом примере ближе реалиям крестьянской жизни, ее внутренняя форма прозрачна и ясна; во втором примере — в «приложении» к космической ситуации — возникает иронически-насмешливое до-

полнительное значение фразеологизма за счет разведения бытового и «космического» образа лежащего на печи.

Или: вариантная ФЕ *на кривой (на вороньих, на саврасой, на козе) не объедешь* ‘не перехитришь, не обманешь, не проведешь’ (ФСРЯ) приобретает дополнительное значение ‘упрямство’: *Она — его судьба, как ни подходит к ней, а на козе ее не объедешь* (П. Мельников-Печерский) — за счет простонародной коннотации — коза ‘упрямое животное’.

Исторический подход к смыслу ФЕ раскрывает постепенность включения оценки в ее значение. Восходящая к библейским текстам ФЕ *пройти (сквозь) огонь и воду* («проидохоъм сквозь огнь и воду и извелъ еси ны въ покой») первоначально означала конкретную ситуацию. Начиная с произведений М. Ломоносова и по настоящее время, ФЕ переосмыслилась и означает ‘пройти сквозь многие испытания’ (одобр.). Постепенно данная ФЕ приобретает и негацию — ‘пронырливость’, ‘проходимость’ (о лицах мужского пола): *Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят* (А. Н. Островский). В XIX в. ФЕ расширила свой состав компонентом *медные трубы*, сохранив и позитивную (одобр.), и негативную (неодобр., уничиж.) оценку. Начиная с середины XIX в. и по настоящее время, ФЕ разошлась в семантико-коннотационном ореоле по отношению к лицу мужского и женского пола.

В современном употреблении ФЕ *пройти (сквозь) огонь, воду (и медные трубы)* имеет три значения: 1. ‘Пройти сквозь многие испытания; быть опытным, бывалым человеком’ (позитив., одобр.) — о мужчине. *Что мне твой хозяин... Я, брат, и сам огни и воды, и медные трубы прошел* (А. Н. Островский). 2. ‘Быть пронырливым, пройдохой’ (негатив., неодобр., уничиж.) — о мужчине. *Старец, прошедший сквозь медные трубы, — Савва Антихристов — спич говорит* (Н. А. Некрасов). 3. ‘Быть женщиной легкого поведения’ (негатив., резко неодобр., презр., уничиж.) — о женщине. *Одиночку не любили в губернии... за границу она ездила не даром, а из необходимости скрыть несчастные последствия... Прошла через огонь и воду, — говорили о ней; а известный местный губернский остряк обыкновенно прибавлял: «И через медные трубы»* (И. С. Тургенев)¹.

Более яркую и интересную область функционирования ФЕ составляют преобразования художником слова устойчивых организаций слов. Трансформации единиц определяются авторской стратегией, которая нередко сущностным образом видоизменяет языковую единицу. Рассмотрим два типа авторских фразеологических новаций (способов видоизменений; в зависимости от авторского замысла насчитывается свыше трех десятков).

¹ См.: Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1979. — С. 23–25.

Авторское фразеологическое новообразование, имея в основе своей семантики содержание языковой единицы, может приобретать, по авторскому замыслу, дополнительные смысловые элементы: оценку (позитив/негатив); стилистические коннотации (юмористическое, комическое, шутливое, шуточное, иронически-юмористическое и другие «полутона»). Возможны и стилевые сдвиги (разговорное, разговорно-просторечное, просторечное, что также свойственно авторским неологиям). Возникшее новообразование и узуальная единица образуют парадигму синонимического, антонимического и иного характера.

См. трансформации фразеологизмов в текстах А. П. Чехова. Синонимические связи лежат в основе образований типа: *Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма; ...ругань смените на Ваш милый трагический смех*. Ср. синонимические фразеобразовательные основы: *не будь дураком* 'вовремя смекни, как следует поступить' (ФСРЯ) и *не будь штанами* 'сообразы, пойми что-либо'.

Авторская фразеологическая единица имеет шутливо-увещательную коннотацию и означает уменьшительно-уничижительный императив, по сравнению с узуальной, языковой ФЕ (грубо-просторечное). *Сменить гнев на милость* 'перестать гневаться' (ФСРЯ) и *сменить ругань на смех* 'заменить «бранный» гнев на нечто веселое'. Окасиональная ФЕ меняет линию «сердитости» на благосклонность — «смех».

Антонимические отношения между языковой и речевой (авторской) ФЕ легли в основу образования фразеологических окказионализмов: *Он совсем разлитонничался и смотрит на свою литературную судьбу сквозь копченое стекло; Фельетон плох в квадрате, до степени «увы и ах!», но я не виню себя*. Ср.: *смотреть сквозь розовые очки* 'не замечать недостатков, идеализировать кого-, что-либо' (ФСРЯ) и *смотреть сквозь копченое стекло* 'оценивать мрачно кого-, что-либо'.

Языковая ФЕ представляет позитив отношения субъекта, авторская ФЕ — негатив. *Возводить в квадрат* 'преувеличивать что-либо' (ФСРЯ) и *плох в квадрате* 'быть крайне неудовлетворительным'. Языковая ФЕ — позитивно-негатив, авторская — негатив. Обе антонимические авторские ФЕ отличаются семантикой и стилево-стилистической оценкой: негативности, понижения в стиле, появления дополнительных коннотаций: *смотреть сквозь копченое стекло* — горько-шутливое; *плох в квадрате* — шутливо-уничижительное.

А. П. Чехов создает фразеологические неологизмы на основе структуры общеязыковой ФЕ, синонимизируя или антонимизируя ее значение с целью привязать авторский фразеологизм к определенной речевой ситуации.

Функционально-стилевой аспект

Фразеологизм, как и слово, обладает функционально-стилевой характеристикой, что связано со сферой его употребления. С точки зрения выполняемых функций все фразеологизмы литературного языка членятся на три группы: нейтрального, разговорного и книжного стиля. Вне сферы литературного языка находятся просторечные ФЕ. Слово «функциональный» в составе термина «функционально-стилевое значение» отражает тот экстралингвистический факт, что данная характеристика фразеологизма связана с его функционированием в речи, преимущественным использованием в определенных социальных сферах общения людей.

Нейтральные, межстилевые, ФЕ обладают, как и слова, нулевой стилиевой характеристикой, являются точкой отсчета стилемаркированных (отмеченных) ФЕ. Нейтральные фразеологизмы используются во всех сферах речи: *брать свои слова обратно, на ночь глядя, играть роль, пустой звук, (сидеть) сложа руки* и др.

В составе книжных ФЕ принято выделять: 1) ФЕ научной речи; 2) ФЕ официально-деловой речи и 3) публицистические ФЕ.

Книжных фразеологизмов в языке сравнительно мало: в ФСРЯ их приводится около пятидесяти. Им присущи коннотации торжественности, риторичности, ироничности и др., хотя сами эти созначения не регистрируются словарями: ФЕ *аттическая соль* ‘изысканная шутка, насмешка’ имеет лишь родовую помету (книжн.) при шутовском или ироническом созначениях; *прокрустово ложе* (книжн.) ‘мерило, то, к чему насильственно подгоняют что-либо’ обладает неодобрительной коннотацией, также не отмеченной словарями¹. См. еще: *мерзость запустения, вкушать от пищи святого Антония, Авгиевы конюшни* и др.

Специальные (или терминологические) ФЕ обозначают понятия, орудия или продукты труда в определенной области науки или производства. Внутри этого разряда выделяются термины и профессионализмы. Термины называют понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства. Терминологические фразеологизмы обладают той же системой помет, что и специальная лексика: воен., полит., ист., церк., техн., литер., лингв. и т.д. Например: *железный век* (археол.) ‘эпоха первобытной культуры, когда человек начал применять железо’ (СРЯ); *мертвая точка* (техн.) ‘положение звеньев механизма, когда они находятся в состоянии магнитного равновесия’ (СРЯ). В роли терминов выступают обычно фразеологические сочетания: *грядковая культура* ‘огородная культура (овощей); возделывание, выращивание злаков на грядках, с пересадкой, окучиванием и т.д.’ (ССРЛЯ); *грейдерная дорога* ‘дорога, устроенная при помощи грейдеров’ (ССРЛЯ).

¹ Систему стилиевых и стилистических помет см. в разделе учебника — «Лексикография», с. 382–394.

Профессионализмы в отличие от терминов функционируют в разговорной речи и являются принадлежностью речи коллектива, объединенного общей производственной деятельностью. От терминологических ФЕ их отличает меньшая «строгость» значения, большая экспрессия и образность. Профессионализмы являются идиомами, имеющими более широкую область употребления в языке, и поэтому они обычно не имеют специальных помет; *сумасшедший дом* 'больница для душевнобольных' (ФСРЯ); *желтая вода* 'то же, что глаукома' (СРЯ); *царская водка* 'смесь азотной и соляной кислот, действующая на золото' (ССРЛЯ). В СО последние два фразеологизма имеют помету спец., поскольку в однотоном словаре имеется только родовая помета *специальное*, относящаяся как к собственно терминологической, так и профессиональной фразеологии. Ср.: *тяжелая вода* (спец.) 'разновидность воды, в состав которой вместо обычного водорода входит дейтерий' (СО) и *темная вода* (спец.) 'слепота вследствие болезни глазного нерва' (СО).

К официально-деловым ФЕ относятся: *докладная записка*, *договаривающиеся стороны*, *очная ставка*, *исходящие бумаги* и др.

Публицистические ФЕ: *бряцать оружием*, *коричневая чума*, *разрядка напряженности*, *желтая пресса* и др.

Разговорными ФЕ считаются фразеологизмы, употребляемые в устной форме речи, в сфере разговорного языка. Их отличают большая образность, непосредственность и непринужденность. Для этого пласта фразеологизмов характерны стилевая сниженность, бытовой характер, некоторая «вольность» семантики. В плане эмоциональности разговорные фразеологизмы характеризуются значениями ласкательности, шутливости, иронии, неодобрительности, пренебрежительности и т.д.: *за словом в карман не лезет* 'находчив в беседе, разговоре, споре' (имплицитная коннотация 'одобр.'); *набираться духу* 'превозмогая в себе страх, робость, неуверенность и т.п., решаться на что-либо' (имплицитная коннотация 'одобр.');

набивать себе цену 'стараться возвыситься в глазах других' (имплицитная коннотация 'неодобр.');

по щучьему велению 'чудесным образом' (имплицитная коннотация 'одобр.' или 'шутл.');

велика важность! 'подумаешь! Что тут особенного? О том, чему не следует придавать значения' (имплицитная коннотация 'ирон., насмешл.') и т.д.

Разговорные ФЕ составляют основной массив фразеологического фонда языка и употребляются в различных сферах речи. Поэтому их трудно отграничить от нейтральных устойчивых единиц. И по этим же причинам составители словарей, в том числе и ФСРЯ, избегают давать стилевые пометы. Лишь в редких случаях коннотации в словарной статье указываются: *строить куры* (шутл.) 'ухаживать за кем-либо, заигрывать с кем-либо' (ФСРЯ); *дела как сажка бела* (шутл.) 'плохи, никуда не годятся' (ФСРЯ).

Эмоциональная оценка может включаться в саму семантику сочетания: *хорошенькое дело!* 'выражение возмущения, неодобрения по поводу чего-либо'; *грешным делом* 'к сожалению; следует признаться. Выражение признания своей или чужой ошибки, слабости, промаха, вины и т.п.'

По подсчетам исследователей, разговорные ФЕ составляют около 80 % от общего числа фразеологизмов русского языка.

Просторечные фразеологизмы отличаются более резкой, сниженной эмоциональностью, оценочностью и экспрессивностью; сюда включаются фамильярные, вульгарные, презрительные и бранные ФЕ. Если разговорные фразеологизмы являются принадлежностью словарного состава литературного языка, то просторечные ФЕ или находятся на границе разговорно-просторечной речи, или выходят за ее пределы. Например: *глухая тетеря* (груб.-прост.) 'человек, который плохо слышит'; *хоть кол на голове теши* (прост.) 'что ни делай, что ни говори. О чем-либо упрямстве, непонимании и т.д.'. См. еще: *олух царя небесного, отсохни (у меня) руки и ноги, почем зря, со всеми потрохами* и т.д.

В словарях толковых и фразеологических широко фиксируется у ФЕ родовая помета просторечия — просторечное (прост.), стиливо-стилистическая помета — грубо-просторечное (груб.-прост.) и собственно просторечная стилистическая помета — грубое (груб.).

Фразеолого-семантическая парадигматика

ФЕ как значимые единицы языка не существуют изолированно друг от друга, они образуют систему, представленную определенными организациями слов — фразеолого-семантическими парадигмами. Их образуют группы фразеологизмов, объединенных общностью формы (омонимия), семантической и структурно-семантической общностью (синонимия и антонимия) и различающихся семантико-структурными дифференциальными признаками.

Наиболее полно рассмотрена в учебных пособиях и научных исследованиях синонимия фразеологизмов¹. Имеется и специальный «Фразеологический словарь синонимов». В ФСРЯ в конце некоторых словарных статей дается петитом синонимическая парадигма: *дать дуба, испустить дух, лечь в гроб, окончить дни свои, отдать Богу душу, отойти в вечность* и др.

Явление фразеологической омонимии описано в основном в кандидатских диссертациях и ряде научных статей.

¹ См.: Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М., 1978. — С. 116–124; Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М., 1985. — С. 52–55 и др.

Фразеологическая антонимия получила лишь эскизное описание¹. В ФСРЯ в конце словарных статей выделены петитом некоторые антонимы: *из другого (разного) теста — из одного и того же теста*; *на (за) свой собственный счет — на чужой счет*.

Фразеологическими омонимами называются идентичные по фонетической (графической) и грамматической структуре единицы, не имеющие в современном языке внутренних семантических связей. Выделяются двучленные и многочленные омонимические парадигмы: 1) *зеленая улица*¹ 'отсутствие препятствий, задержек для осуществления чего-либо' — *зеленая улица*² (устар.) 'строй солдат, сквозь который прогоняли наказуемых'; *куриная слепота*¹ 'болезнь глаз, при которой человек не видит при слабом освещении' — *куриная слепота*² 'народное название некоторых травянистых растений'; 2) *отдать концы*¹ 'отшвартоваться' — *отдать концы*² 'убежать' — *отдать концы*³ 'умереть'; *метать икру*¹ (спец.) 'производить потомство путем выброса икры' — *метать икру*² 'браниться, выходить из себя' — *метать икру*³ 'трусить' — *метать икру*⁴ (прост.) 'рвать (его рвет)'.

При установлении фразеологической омонимии применяются следующие критерии разграничения: семантический, морфологический, синтаксический и структурный. К семантическим критериям относятся: а) различия в семантике единиц; б) их принадлежность к определенному семантическому типу ФЕ; в) наличие стилистических, стилевых и функциональных помет. Морфологический критерий связан с различиями в составе морфологической парадигмы, которая может быть: а) полной; б) неполной; в) дефектной. Синтаксический критерий показывает различные связи ФЕ с окружающим текстом. Структурный критерий раскрывает наличие вариантных форм у омонимов.

Омонимы *разделявать под орех*¹ кого-либо 'сильно ругать' — *разделявать под орех*² что-либо 'одержать победу' различаются по смыслу и синтаксически. Омонимы *пускать <красного> петуха*¹ 'поджигать' — *пускать (давать) петуха*² 'издавать писклявые звуки, сорвавшись на высокой ноте' обладают структурно-семантическими дифференциациями: различаются по смыслу (семантически) и наличием квантитативного и лексического вариантов (структурно).

Омонимическая парадигма может быть представлена разными семантическими типами ФЕ: *набить оскомину*¹ 'получить вяжущее ощущение во рту от чего-либо кислого, терпкого' (сочетание) — *набить оскомину*² 'очень сильно надоест' (единство); *зеленая улица*¹ (единство) — *зеленая улица*² (сращение).

¹ См.: Фомина М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1990. — С. 337–338.

Фразеолого-семантический анализ омонимической парадигмы

Омонимическая парадигма (интегральные признаки)	Дифференциальные признаки					Морфологический критерий	Структурный критерий	Типы омонимов	Способы образования омонимов
	Синтаксический критерий	Семантические критерии			пометы: стилистические, стилистические, функциональные				
		значения омонимов	семантический тип ФЕ	единство					
закрывать глаза ¹	кому	‘Быть рядом с умирающим в последние минуты жизни. Обычно о близком, родном человеке’	единство	пассивн.	полная парадигма	—	—	полный	1-й и 2-й омонимы — распад полисемии ФЕ
закрывать глаза ²	—	‘Умирать’	единство	пассивн.	неполная парадигма (отсутствуют причастные формы)	—	—	неполный	1-й и 2-й омонимы — распад полисемии ФЕ
закрывать глаза ³	кому на что	‘Скрывать от кого-либо что-либо, умалчивать о чем-либо’	единство-сращение	активн.	неполная парадигма (отсутствуют причастные и деепричастные формы)	—	—	неполный	3-й и 4-й омонимы — распад полисемии ФЕ
закрывать глаза ⁴	на что перед чем	‘Намеренно не обращать внимания на что-либо, не замечать чего-либо’	единство	активн. пассивн. (устар.)	полная парадигма	—	—	полный	3-й и 4-й омонимы — распад полисемии ФЕ

Следует различать грамматические типы ФЕ-омонимов. Полными и считаются омонимы, совпадающие во всех морфологических формах: например, *закрывать глаза*¹ и *закрывать глаза*³. К неполным относятся омонимы, у которых отсутствуют или не совпадают какие-либо морфологические фразеоформы: *закрывать глаза*² и *закрывать глаза*⁴ (см. таблицу 24). Для именных ФЕ омонимы считаются полными при наличии обеих форм числа и всех форм падежа; для глагольных ФЕ полнота фразеопарадигмы определяется существованием в языке всех четырех форм глагольного компонента: инфинитива, личных форм, причастий и деепричастий.

Способы образования ФЕ-омонимов в современном русском языке связаны либо с распадом полисемии (см. таблицу 24), либо с образным переосмыслением разных ССС: *пускать петуха*¹ и *пускать петуха*² (см. выше).

Фразеографически явление омонимии отмечается далеко не всегда. В ряде случаев омонимы в словарях представлены как значения многозначной ФЕ, например: *Отдавать концы*. 1. 'Умирать'. 2. 'Удирать, убежать' (ФСРЯ). Фразеологическая омонимия фиксируется в ФСРЯ в единичных случаях; например: *За глаза*¹. 1. 'Заочно, в отсутствие кого-либо (говорить о нем что-либо, смеяться над ним и т.п.)'. 2. 'Не видя (купить, нанять и т.п.)' и *За глаза*². 'Вполне, с избытком (хватит, достаточно, довольно и т.п.)'. ФЕ-омонимы могут быть зафиксированы как самостоятельные единицы: *до нитки* 'абсолютно все (пропить, проиграть)' и *до нитки* 'насквозь (промокнуть)' (ФСРЯ).

Комментарии к таблице 24

1. 1-й и 2-й омонимы возникли в результате распада полисемичной ФЕ под влиянием синтаксических связей: *закрывать глаза*¹ управляет дат. падежом (*закрывать глаза*¹ отцу, мне, некому и др.); *закрывать глаза*² — субъектная ФЕ. 3-й и 4-й омонимы имеют аналогичное образование: они отличаются синтаксическими ролями (*закрывать глаза*³ кому на что — другу на правду и *закрывать глаза*⁴ на что — на интересы страны).

2. Омонимы-фразеологизмы можно обнаружить в толковых словарях и ФСРЯ при последовательном расположении графически одинаковых единиц; например, в ФСРЯ подряд описаны три ФЕ *закрывать глаза* в виде самостоятельных словарных статей без всяких помет. Первые три омонима, рассмотренные в таблице, взяты из ФСРЯ. Четвертый омоним, приведенный в таблице, зарегистрирован как самостоятельная ФЕ в ССРЛЯ. В ССРЛЯ также в порядке простого перечисления (без специальных омонимических помет) указаны три единицы: *закрывать глаза* 'умереть'; *закрывать глаза* кому-либо 'присутствовать при чьей-либо смерти'; *закрывать глаза* на что-нибудь 'намеренно не замечать, не видеть чего-либо'.

Фразеологические синонимы — это близкие по значению ФЕ, обозначающие одно и то же явление действительности. Они обладают интегральными семами, но различаются дифференциальными признаками: а) семантикой (семами содержательного характера, внутренней формой, оценкой и экспрессивно-эмоциональными коннотациями, стилевой и функциональной характеристикой); б) типами (семантическими и структурными); в) синтагматическими связями (сочетаемостью).

Семантические типы фразеологических синонимов те же, что и у слова. 1) Идеографическими (или собственно семантическими) называются синонимы, имеющие различительные признаки содержательного (семного) и/или образного характера, разную внутреннюю форму: *кот наплакал* 'очень мало' и *малая толика* 'ничтожное количество чего-либо' (синонимы обладают различиями лишь в семном составе, поскольку второй синоним — безобразный); *под мухой*, *под градусом*, *под хмельком* — при общем значении 'в состоянии опьянения или в состоянии легкого опьянения' синонимы разнятся только внутренней формой. 2) Стилистическими являются синонимы, которые обладают дифференцирующими коннотациями: *лечь в гроб* (нейт.), *уйти в лучший мир* (позитивная экспрессивность), *дать дуба* (негат.-уничжит. и груб.) при общем значении 'умереть'. 3) Стилиевыми считаются синонимы, различающиеся принадлежностью к стилям речи (книжному или разговорному) или находящиеся вне стилей литературного языка, т.е. относящиеся к просторечию: *на за какие блага* (разг.) и *ни за какие коврижки* (прост.). К стилиевым синонимам можно отнести и единицы, обладающие разной функциональной принадлежностью — вхождением в активный или пассивный фразеологический фонд, потому что пометы устарелое и высокое обозначают принадлежность ФЕ к книжному стилю речи: *не по годам* (разг.) и *не под лета* (устар.) при общей семантике 'не пристало по возрасту, не в состоянии из-за возраста (делать что-либо)'. Возможны и синкретические типы синонимов: *в дым — как свинья* в значении 'очень сильно (напиваться, быть пьяным)' различаются внутренней формой, коннотациями и стилем речи. Первый синоним — кваликатив качественной негативной оценки, разговорного характера, второй синоним — кваликатив качественной резко отрицательной оценки, просторечной принадлежности.

Структурные типы фразеологических синонимов определяются: 1) по своей принадлежности к структурным типам ФЕ (ФЕ-словоформам, ФЕ-словосочетаниям, ФЕ-предложениям) и 2) по наличию/отсутствию вариантных форм ФЕ.

В составе первой группы выделяются одноструктурные и разноструктурные фразеологические синонимы. К одноструктурным синонимам относятся: а) однокомпонентные си-

нонимы, у которых совпадает лексически и по способам связи один компонент: *бросаться в глаза* — *бить в глаза* в значении 'быть особенно заметным'; *взбредать в голову* — *взбредать на ум* в значении 'внезапно появляться, возникать'; б) одноклассные синонимы — ФЕ одинаковой структуры, с одним видом связи между компонентами: *гонять лодыря, считать галок, бить баклуши* (гл. + сущ. в вин. п.) 'бездельничать'; *стреляный воробей, тертый калач* (сущ. + зависимое прил.) 'очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть'; *не по душе, не по вкусу, не по нраву* (сущ. в дат. п. с предл. *по* и част. *не*) 'не нравится'; в) сходноклассные синонимы, которые образованы по близкой модели: *стереть в порошок, оставить мокрое место* (гл. + зависимое сущ.) 'уничтожить'; *не по годам, не под лета* (сущ. с предл. и част. *не*) 'не пристало по возрасту'.

К разнотипным относятся синонимы, образованные по разным моделям. Например: *капля в море, с гулькин нос, малую толику*; первый синоним — существительное в именительном падеже + зависимое существительное в предложном падеже с предлогом *в*; второй синоним — существительное в винительном падеже с предлогом *с* + притяжательное прилагательное; третий синоним — существительное в винительном падеже + зависимое прилагательное.

Наличие или отсутствие вариантных форм также определяет дифференциацию формы (плана выражения) ФЕ. Здесь различаются: а) невариантные синонимы: *набираться духу, собираться с силами* 'перебарывая, преодолевая в себе страх, робость и т.п., решаться на что-либо'; *хоть зарежь, хоть убей* 'выражение невозможности понять, уяснить и т.п. что-либо'; *ни рыба ни мясо, ни то ни се* 'ничем не выдающийся, средний, посредственный человек'; б) вариантные синонимы: *мороз по коже (по спине) дерет (подирает, продирает, пробегает, идет)*, *мурашки бегают (ползают) по спине (по телу, по коже)* 'ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения и т.п.'; в) синкретично-вариантные синонимы, где один из синонимов не обладает вариантом, другой имеет его: *зарубить на стенке, зарубить <себе> на носу (на лбу)* 'запомнить крепко-накрепко, навсегда'.

Синтагматические связи ФЕ-синонимов указываются после фиксации самих единиц: *затыкать глотку кому, затыкать (закрывать, зажимать) рот кому* 'заставлять молчать, не давать говорить что-либо или о чем-либо'.

Доминантой в синонимическом фразеологическом ряду является знак, наиболее широкий по семантическому объему, лишенный коннотаций и принадлежащий к нейтральному стилю. Поэтому по традиции во фразеологии доминанту обычно представляет слово, поскольку ФЕ — косвенно-номинативный знак, обладающий оценкой, экспрессией, эмоциональностью и об-

Синонимическая парадигма ФЕ	Значение синонимов	Интегральные семы	Дифференциальные	
			Семантическая	
			семы содержательного характера	внутренняя форма
1. <i>Немного</i> (доминанта)	‘Мало’	‘мало’	‘очень’	—
2. <i>Всего ничего</i>	‘Очень мало, почти ничего’	—»—	‘ничтожно’ ‘сравнительно’ ‘с чем-либо’	—
3. <i>Капля в море</i>	‘Ничтожно малое количество по сравнению с чем-либо’	—»—	‘очень’	+
4. <i>Кот наплакал кого, чего</i>	‘Очень мало’	—»—	‘очень’	+
5. <i>По пальцам можно сосчитать</i> (пересчитать, счесть и др.) кого, чего	‘Очень немного, мало’	—»—	‘очень’	+
6. <i>С гульки (воробьиный) нос</i>	‘Очень мало, ничтожное количество’	—»—	‘ничтожное’ ‘количество’	+
7. <i>Малую толику чего</i> (устар.)	‘Совсем мало, ничтожное количество’	—»—	‘ничтожное’ ‘количество’	—
8. <i>Раз-два (один-два) <да> и обчелся кого, чего</i>	‘Очень мало. О незначительном количестве, что можно пересчитать’	—»—	‘незначительное’ ‘количество’ ‘считаемое’	+

синонимической парадигмы

признаки		Типы синонимов		
характеристика	Стилевая характеристика	Семантический тип	Структурный тип	
оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации			собственно структурный тип	вариантность
	нейтр.			
квалификатив количественной оценки	разг.	идеографо-стилистически-стилевой	разноструктурный	—
экспрессивный квалификатив количественной оценки	разг.	—»—	—»—	—
—»—	прост.	—»—	—»—	—
—»—	разг.	—»—	—»—	лексическая
—»—	прост.	—»—	—»—	лексическая
квалификатив количественной оценки	разг.	—»—	—»—	—
экспрессивный квалификатив количественной оценки	разг.	—»—	—»—	лексическая

разностью. По отношению к доминанте отсчитываются дифференциальные признаки и типы синонимов.

Фразеолого-семантический анализ синонимической парадигмы сложнее аналогичного лексико-семантического анализа, что обусловлено сложностью содержания и формы составной косвенной номинации, какой является ФЕ. Поэтому в состав дифференциальных признаков включены три дополнительных: 1) внутренняя форма идиомы; 2) оценка и эмоционально-экспрессивные коннотации, свойственные практически всем ФЕ; 3) вариантность формы ФЕ, ибо практически каждая ФЕ может обладать различными преобразованиями в своем составе. В таблице 25 представлен сводный фразеолого-семантический анализ синонимической парадигмы.

Комментарии к таблице 25

1. Синонимическая парадигма ФЕ берется либо из ФСРЯ, либо из «Словаря фразеологических синонимов».

2. Синтагматическая связь единицы и ее функциональные пометы (устар., спец. и т. п.) указываются в первой графе, сразу после именования ФЕ.

3. В составе дифференциальных признаков фразеологических синонимов выделены основные семы содержательного характера (по сравнению с полным составом семного набора в значении единицы). Наличие внутренней формы у ФЕ-синонимов определяется, как правило, тем, имеется ли идентичное по лексико-грамматическому составу свободное сочетание слов: *капля в море* (ФЕ) — *капля в море* (ССС). Но в отдельных синонимических парах внутренняя форма при отсутствии синонимичного СССР создается за счет сохранения словами-компонентами своих потенциальных значений: *раз-два и обчелся*, *с воробьиный нос* и т. п.

4. Характер коннотаций определяется пометами в словарях, а также описанием типов коннотаций, предложенных в данном учебнике. Стилистая характеристика ФЕ: книжн., прост. и др. — определяется пометами словарей, помета разг. помещается в связи с общей принадлежностью фразеологии к разговорному стилю речи при отсутствии иных стилистических помет в словарях.

Антонимическую парадигму образует пара фразеологизмов, противоположных по значению и соотносительных по общности лица, предмета, признака, действия и др.: *толстый карман* у кого 'кто-либо очень богат, имеет много денег' — *тощий карман* у кого 'кто-либо очень беден, совсем не имеет денег или испытывает нужду в деньгах'; *заваривать кашу* 'затевать сложное, хлопотное или неприятное дело' — *расхлебывать кашу* 'распутывать сложное, хлопотное или неприятное дело'. Фразеологические антонимы обладают интегральными признаками (семами), объединяющими их в парадигму, и дифференциальными признаками, к которым относятся: а) семантическая характеристика ФЕ-антонимов — семы содержательного характера, внутренняя

форма, оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации; стилевая характеристика; функциональная характеристика; б) структура ФЕ-антонимов; в) их синтагматические связи.

Семантические типы фразеологических антонимов аналогичны типам слов-антонимов.

1. Контрарными считаются антонимы, обладающие промежуточным, «средним» членом; при этом специфической особенностью фразеологических антонимов является то, что «средний» член обычно выражен словом, реже свободным или устойчивым словосочетанием: *от горшка два вершка* 'очень низкого роста. О человеке' — *<среднего роста>* — *с коломенскую версту* 'очень высокий. О человеке'. Контрарные (противоположные) антонимы выражают симметричные видовые понятия: *черепашым шагом* 'очень медленно. О развитии чего-либо' — *<средними темпами>* — *семимильными шагами* 'очень быстро. О развитии чего-либо'; *с молодых ногтей* 'смолоду, с раннего детства' — *<в зрелом возрасте>* — *на старости лет* 'в преклонных годах'; *идти в гору* 'развиваться в благоприятном направлении, успешно' — *<стоять на одном месте>* 'не продвигаться вперед, не развиваться' — *идти под гору* 'развиваться в неблагоприятном направлении, резко ухудшаться' (в последнем антонимическом ряду промежуточный член представлен фразеологизмом).

2. Контрадикторные (противоречащие, или комплементарные) антонимы не обладают средним, промежуточным членом и обозначают видовые понятия, дополняющие друг друга до единого родового понятия: *на краю света* 'очень далеко' — *рукой подать* 'совсем близко'; *выходить из себя* 'приходить в состояние крайнего возбуждения' — *приходить в себя* 'успокаиваться, переставать бояться, беспокоиться, волноваться' и т. п.

3. Конверсивные (или векторные) антонимы выражают противоположные, разнонаправленные действия или признаки: *со щитом* 'победителем (возвращаться, приходить и т. п.)' — *на щите* 'побежденным (возвращаться, приходить и т. д.)'. Как и лексические конверсивы, фразеологизмы обозначают «обратные» отношения: кто-либо побеждает — *со щитом*, а другая сторона проигрывает — *на щите*.

Структурные типы антонимов определяются: 1) принадлежностью ФЕ к одним и тем же или разным фразеологическим моделям (т. е. ФЕ-антонимы являются одноструктурными или разноструктурными); 2) наличием или отсутствием вариантных форм.

Одноструктурные фразеологические антонимы представлены одномодельными ФЕ: *язык хорошо подвешен* у кого 'кто-либо умеет свободно, гладко говорить' — *язык плохо подвешен* у кого 'кто-либо не умеет свободно, гладко говорить' (антонимы по своему структурному типу принадлежат к ФЕ-предложениям); *наде-*

Фразеолого-семантический анализ антонимической парадигмы

Антонимические парадигмы ФЕ	Значение антонимов	Интервальные семы	Дифференциальные признаки				Типы антонимов			
			Семантическая характеристика			Стили- вая ха- ракте- ристика	Семанти- ческий тип	Структурный тип		
			содер- жательного характера	внут- ренняя форма	оценка и экспрессив- но-эмоциональные стилистические коннотации			собствен- но струк- турный тип	вариант- ность	
1. От горшка два вершка С коломенскую в ерсту	‘Очень низкого роста. О человеке’	‘рост’	‘низкий’	+	экспрес.-колич. ква- лификатив негатив- ной оценки; шутл.	разг.	разно- струк- турные	—	—	
	‘Очень высокий. О человеке’		‘высокий’	—	экспрес.-колич. квалификатив нега- тивной оценки; нео- добр.					
2. Из одного <и того же> теста Из другого (раз- ного) теста	‘Схожий с другим по образу жизни, характеру, взглядам’ ‘Не схожий с дру- гим по образу жи- зни, характеру, взглядам’	‘схо- жий’	‘не’	+	экспрес.-качеств. квалификатив	разг.	одно- струк- турные	квантита- тивная ва- риантность	лексиче- ская вари- антность	
				+	—»—					
3. Со щитом На щите	‘Победителем (воз- вращаться и т.п.)’ ‘Побежденным (возвращаться и т.п.)’	‘воз- вра- щать- ся’	‘победите- лем’	+	экспрес.-качеств. квалификатив пози- тивной оценки	разг.	одно- струк- турные	—	—	
			+	экспрес.-качеств. квалификатив нега- тивной оценки						

вать маску 'скрывать свою подлинную сущность' — сбрасывать маску 'обнаруживать свою истинную сущность' (антонимы являются глагольно-именными сочетаниями, образованными по модели: гл. + зависимое сущ. в вин. п.); *без царя в голове* 'очень глуп, недалек' — *с царем в голове* 'умен, хорошо соображает' (оба антонима — именные словосочетания: первый антоним имеет грамматически господствующее слово — существительное в родительном падеже с предлогом *без*, другой антоним — имя существительное в творительном падеже с предлогом *с*).

Разноструктурные фразеологические антонимы представлены разномодельными единицами: *тянуть канитель* 'медлить, затягивать какое-либо дело' — *в пожарном порядке* 'экстренно, спешно, чрезвычайно быстро (делать что-либо)' (антонимы образованы глагольно-именным и именным словосочетаниями). Антонимические парадигмы могут возникнуть на основе: а) невариантных ФЕ: *без царя в голове* — *с царем в голове*; *со щитом* — *на щите*, б) вариантных ФЕ: *надевать (носить) маску (личину)* — *сбрасывать (скидывать) маску*.

Фразеологическая антонимическая парадигма — явление многоаспектное как по значению, так и по форме. Эта парадигма сложнее лексической по своей семантике за счет наличия у ФЕ внутренней формы, оценки и экспрессивно-эмоциональных коннотаций, а также за счет наличия вариантных форм у фразеологических антонимов.

Фразеологические антонимы могут различаться и стилевыми пометами: книжное, просторечное. Термин разговорное не фиксируется толковыми словарями и ФСРЯ, поскольку в своей массе ФЕ принадлежат к разговорной речи и не требуют специальной стилиевой характеристики. В таблице 26 помета разг. употреблена для уточнения стилиевой принадлежности ФЕ.

Комментарии к таблице 26

1. Как было отмечено выше, антонимическая парадигма в ряде случаев указывается мелким шрифтом в конце словарной статьи в ФСРЯ. Однако случаев фразеологической антонимии значительно больше, чем это фиксируется указанным словарем: *черная кость* — *белая кость*; *черная кость* — *голубая кровь*; *наставить на путь истинный* — *сбить с панталыку*; *войти в колею* — *выбиться из колеи*; *кожа да кости* — *от жиру лопаться* и т. п. (все эти ФЕ отмечены в ФСРЯ как не имеющие противоположных значений).

2. Специфической особенностью антонимической парадигмы является то, что интегральные семы могут не совпадать по частям речи с компонентами ФЕ; например: *от горшка два вершка* — *с коломенскую версту* (антонимы имеют атрибутивно-предикативное значение), интегральная же сема — 'рост' (имя существительное); антонимы *со щитом* — *на щите* (признаковые приглагольные ФЕ), интегральная же сема берется из окружения единицы — 'возвращаться' (глагол).

3. Наличие внутренней формы, как и у фразеологических синонимов, определяется существованием омонимических параллелей: *со щитом* (ФЕ) — *со щитом* (ССС) — или же наличием потенциальных значений у слов-компонентов, создающих фразеологический образ: *от горшка два вершка*.

4. Стилистические коннотации ФЕ-антонимов определяются, как правило, на основе помет в словарях; однако все стилистические коннотации антонимических парадигм в таблице 26 определены нами, поскольку в ФСРЯ и толковых словарях русского языка стилистические пометы к фразеологизмам представлены крайне ограниченно.

Анализ парадигматики фразеологических единиц показывает, что ФЕ вступают в те же семантические отношения друг с другом, что и слова. Это свидетельствует о том, что и слово (основная единица номинации), и фразеологизм (косвенно-номинативная номинация) обладают одинаковыми парадигматическими отношениями в корпусе наименований.

Большая сложность фразеолого-семантического анализа парадигматических отношений (по сравнению с лексико-семантическим анализом) объясняется: 1) характером значения устойчивых единиц: косвенностью значения, наличием специфических коннотаций (внутренней формой, образностью, экспрессией и др.); 2) составной формой (практически каждая ФЕ может обладать вариантностью).

В области линейных отношений ФЕ повторяют, как правило, законы лексической синтагматики; однако специфика идиоматики (переосмысление СССР, целостность, неразложимость семантики номинации) и здесь вносит свои коррективы. Например, глагол *закрыть* управляет винительным и творительным падежами без предлога — *закрыть* что? чем? — в то время как омонимичные глагольные ФЕ с тем же грамматически господствующим словом *закрыть* *глаза* обладают следующим управлением: кому? (1); кому на что? (2); на что? перед чем? (3) (см. таблицу 24 на с. 356).

Таким образом, ФЕ, как и слово, обладая тремя подсистемами: эпидигматикой, парадигматикой и синтагматикой, характеризуется собственной спецификой, обусловленной характером семантики наименования. Наличие же общих характеристик слова и ФЕ подтверждает мысль о существовании единой лексико-фразеологической системы в языке, где фразеология — особый подраздел составных именовании, которым свойственны свои дифференциальные признаки.

Аспекты анализа фразеологизма представлены в виде таблиц, что дает суммированное и наглядное представление о тех или иных характеристиках ФЕ: таблицы 21, 22, 23 отражают анализ семантических типов фразеологизмов, таблица 24 — анализ омонимической парадигмы и т.д. Кроме того, даются краткие сведения

о парадигматике и синтагматике фразеологических единиц. Таблицы по фразеологии могут быть использованы при выполнении контрольных работ (домашней и аудиторной).

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Как и в лексике, во фразеологии в современном русском литературном языке по степени распространенности вычленяются две группы устойчивых единиц: активные и пассивные ФЕ. К активным относятся общеупотребительные фразеологизмы, хорошо известные и широко употребляемые в разных сферах человеческой деятельности: *ломать голову*, *отрезанный ломоть*, *с головы до ног*, *нашла коса на камень* и т.п. Активные ФЕ не имеют никаких помет в словарях, указывающих на данную характеристику.

К пассивным относятся: 1) устарелые (архаичные) ФЕ и 2) специальные ФЕ.

В составе устарелых ФЕ, как и в лексике, выделяются: а) и с т о р и з м ы, обозначающие реалии, вышедшие из употребления: *зеленая улица* 'наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России', *адмиральный час* 'полдень, время завтрака или раннего обеда'; б) а р х а и з м ы, вытесненные из обихода современными оборотами речи: *андроны едут* 'ерунда, чепуха, полная бессмыслица', *без души* от кого, чего 'в восторге, восхищении'. В толковых словарях русского языка и ФСРЯ историзмы и архаизмы имеют одну и ту же помету устарелое (устар.), которая располагается после номинации: *С первого абы́уга*. Устар. 'Сразу, с самого начала'; *Ни синь (с́иня) поро́ха*. Устар. 'Совсем ничего (нет, не осталось и т.п.)'.

ФЕ-неологизмы также относятся к пассивной части фразеологии, поскольку они еще не вошли и, возможно, не войдут в общесоциальное употребление. Фразеологические неологизмы, возникшие в советскую эпоху и закрепившиеся в языке, регистрировались толковыми словарями без помет: *уголок живой природы* 'собрание живых растений и животных, используемых для наблюдения и опытов в школе, пионерском лагере и т.д.' (ССРЛЯ); *красный уголок* 'помещение в учреждении, общежитии и т.п., отведенное для культурно-просветительской работы' (СРЯ). В данное время они ушли в пассив языка из-за утраты названных реалий. На смену приходит новая фразеология, связанная с информационным бумом и социальными изменениями в структуре общества: *эксклюзивное интервью* 'интервью, данное для единичного адреса-

та (газеты, телевизионного комментатора и др.)'; *аппаратное обслуживание* 'совокупность средств, методов и мероприятий, направленных на автоматическую обработку данных с помощью вычислительной техники'; *обменный курс* 'цена покупки/продажи валюты, акций, облигаций и других ценных бумаг'; *массовая культура* 'разновидность современной коммерческой культуры, ориентированной на развлечения, характеризующейся примитивизмом, серийностью и получающей широкое распространение через телевидение, иллюстрированные журналы, видеокассеты и др.'¹.

Огромное национальное богатство русского языка составляют диалектные фразеологизмы, распространенные в диалектном языке в разных регионах России. Своей неповторимой образностью, яркостью и свежестью именования реалий они отличаются от языковых ФЕ, теряющих силу своего воздействия, постепенно утрачивающих свои отличительные качества в постоянстве общенародного использования. Ср.: *старая дева* (лит.) и донское *миколáевская* (*николáевская*) *девка* 'старая дева' (именование времен Николая I, когда казаки уходили служить на 25 лет); *девушка Петра I* 'старая дева'. Или: *бить баклуши* (лит.) и донское с тем же значением: *бить баглай* (*багла́й* 'бездельник'), *бить лягушек*, *бить байда́ки* (*байда́к* 'бездельник'), *сбивать китушки* (*китушка* 'сережка у цветущего дерева (березы, ивы и др.)'); *Млечный путь* (лит.) и донское с аналогичной семантикой *Баты́ев* (*Батéев*, *Батйев*) *путь* (по имени татарского хана Батыя, который в своих передвижениях ориентировался по Млечному пути), *Баты́ева* (*Батéва*, *Батéва*, *Батéева*, *Патéева*) *дорога*, *Батéево колесо*; *степной тюльпан* (бот., профессиональное) и донское *лазóревый цветок* 'степной тюльпан с красными и желтыми цветами локального цвета'²; получил свое название от цвета неба — *лазури* — светло-синего природной окраски. Казачья этимология: «*лазóрливый, с́иний, бо́льна светлый, чистый, как нёбушко*».

Стилевая принадлежность ФЕ используется писателями, поэтами, публицистами в стилистических целях: столкновение стилевой принадлежности ФЕ с ее окружением в тексте приводит к сатиричности, ироничности, юмористичности, шутливости, шаржированности и др.: *теория ежовых рукавиц* (ирон.) (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Лес берегами как руками развел* — и вышла река (шутл.) (М. Пришвин); *Рабочие, которых он злостно эксплуатировал, выпустили его в трубу* (сатир.) (В. Шишков). См. тексты А. П. Чехова: *Как бы полное собрание не ударило меня по карману* (юмор.-ирон.); *Почиваю на академических лаврах и безденежествую*

¹ См.: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. — СПб., 1998.

² *Локальный цвет* (живописн.) — 'цвет чистой краски без смешения с другими красками'.

(юмор.); *Мамаша так утомилась окороком и пасхами, что ее теперь никакими пушками не разбудишь* (шутл.).

Реализация исконной образности, экспрессивности, эмоциональной оценочности ФЕ создает языковую игру в тексте художественного произведения и ярче высвечивает целеустановки (иллюзии) авторского повествования.

ФРАЗЕОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Эпидигматический анализ фразеологической единицы

А. Значение фразеологизма.

I. Объем значения ФЕ.

1. Однозначная (моносемичная) ФЕ.
2. Многозначная (полисемичная) ФЕ¹.

II. Структура значения ФЕ (ФСВ).

1. Идиоматичность.
2. Внутренняя форма.
3. Оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации ФЕ (ФСВ):

а) оценка отрицательная (негативная)/положительная (позитивная);

~ б) частнооценочные значения — эмотивная, этическая, интеллектуальная, нормативная, квалификативная оценки²;

~ в) модальные значения — персуазивы, императивы, когнитивы;

г) стилистические эмоционально-экспрессивные коннотации: бран., ирон., ласк., неодобр., почтит., презр., пренебр., уменьш., уменьш.-ласк., уничижит., шутл. и др.

III. Структура значения многозначной ФЕ.

1. Зависимости ФСВ (значений многозначного слова): 2 → 1, 3 → 2 и др.

2. Типы семантических отношений между ФСВ: метафора, метонимия, синекдоха, функциональный перенос.

IV. Семантический тип ФЕ (ФСВ).

1. Сращение.
2. Единство.
3. Сочетание.

V. Граф (графически обозначенная связь ФСВ).

1. Радиальная связь.
2. Цепочечная связь.

¹ Каждое значение (ФСВ) многозначной ФЕ и все его характеристики фиксируются в отдельности.

² Пункты анализа, обозначенные знаком ~ (тильда), предлагаются подготовленной аудитории.

3. Параллельная связь.
4. Синкретичные типы связи (радиально-цепочечная связь и др.).

Б. Функционирование ФЕ (ФСВ).

I. Функционально-стилевая принадлежность ФЕ (ФСВ).

1. Разговорная ФЕ (разг.).
2. Книжная ФЕ:
 - а) книжное (книжн.);
 - б) народно-поэтическое (народно-поэт.).
3. Просторечная ФЕ:
 - а) просторечное (прост.);
 - б) грубопросторечное (груб.-прост.).

II. Функционирование ФЕ (ФСВ).

1. ФЕ активного употребления.
2. ФЕ пассивного употребления:
 - а) специальные ФЕ (спец., или проф.);
 - б) устарелые (архаичные) ФЕ (устар., или арх.);
 - в) ФЕ-неологизмы (неол.).

В. Форма фразеологизма.

I. Структурный тип ФЕ.

1. ФЕ-словоформа:
 - а) имя существительное в косвенном падеже + предлог;
 - б) имя существительное в косвенном падеже + предлог + отрицательная частица *не/ни*;
 - в) глагол в личной форме + отрицательная частица *не*.
2. ФЕ-словосочетание:
 - а) глагольные ФЕ (глагольно-именные, глагольно-наречные, глагольно-глагольные);
 - б) именные ФЕ (субстантивные: существительное + зависимое прилагательное; существительное + зависимое существительное в косвенном падеже без предлога и др.; адъективные);
 - в) наречные ФЕ.
3. ФЕ-предложение:
 - а) ФЕ, структурно равнозначное простому предложению;
 - б) ФЕ, структурно равнозначное части сложного предложения.

II. Лексико-грамматический состав ФЕ (ФСВ) — морфологическое выражение компонентного состава.

1. Компоненты — знаменательные части речи.
2. Компоненты — знаменательные и незнаменательные части речи.
3. Компоненты — незнаменательные части речи.

III. Порядок компонентов ФЕ (ФСВ).

1. Свободное расположение.
2. Типичное расположение.

3. Фиксированное расположение.

IV. Формоизменение ФЕ (ФСВ).

1. Полная парадигма.

2. Неполная парадигма¹.

3. Дефектная парадигма.

4. ФЕ фиксированного типа (не обладающая формоизменением).

V. Вариантность ФЕ.

1. Тип формального варьирования: фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая или лексическая вариантность.

2. Тип формально-семантического варьирования: соотношение типов варьирования формы и значения ФЕ.

3. Квантитативная (количественная) вариантность.

4. Объем вариантной парадигмы: двучленная/многочленная вариантность².

Парадигматический анализ фразеологической единицы

I. Омонимическая парадигма (ОП).

1. Состав омонимической парадигмы.

2. Критерии разграничения омонимов:

а) синтаксический критерий (синтаксические пометы ФЕ-омонимов);

б) семантические критерии: значение омонимов, семантический тип ФЕ-омонимов, стилистические и стилевые пометы, функциональные пометы: активное/пассивное употребление (специальные, профессиональные, устарелые и неологические ФЕ);

в) морфологический критерий (полная, неполная, дефектная парадигма);

г) структурный критерий (наличие/отсутствие вариантов ФЕ).

3. Типы омонимов (полные/неполные омонимы).

4. Способы образования омонимов.

II. Синонимическая парадигма (СП).

1. Состав синонимической парадигмы.

2. Значение синонимов.

3. Интегральные семы.

4. Дифференциальные признаки:

а) семы содержательного характера;

б) внутренняя форма;

¹ При анализе неполной и дефектной парадигмы ФЕ отмечаются отсутствующие члены фразеопарадигмы; например, отсутствие множественного числа, деепричастных форм и т.п.

² Последний пункт не включается в таблицу 27, он рассматривается лишь при описательном разборе ФЕ.

в) оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации;

г) стилевая характеристика.

5. Типы синонимов:

а) семантический тип (идеографические, стилистические, стилевые, синкретичные типы);

б) структурный тип (собственно структурный тип: одноструктурные/разноструктурные синонимы; вариантность формы синонимов).

III. Антонимическая парадигма (АП).

1. Состав антонимической парадигмы.

2. Значение антонимов.

3. Интегральные семы.

4. Дифференциальные признаки:

а) семы содержательного характера;

б) внутренняя форма;

в) оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации;

г) стилевая характеристика.

5. Типы антонимов:

а) семантический тип (контрарные, контрадикторные, конверсивные антонимы);

б) структурный тип (собственно структурный тип: одноструктурные/разноструктурные антонимы); вариантность формы антонимов.

Образцы фразеолого-семантического анализа

Ах господи... морочит мне голову ваш Назанский (А. И. Куприн). В данном тексте ФЕ *морочить голову* выступает в своем 3-м значении 'запутывать, обманывать, сбивать с толку'.

Эпидигматический анализ многозначной ФЕ¹

Эпидигматический анализ ФЕ *морочить голову*, как и анализ слова, может производиться таблично или описательно. При **полном** эпидигматическом анализе рассматриваются следующие пункты схемы: А. Значение ФЕ; Б. Функционирование ФЕ; В. Форма ФЕ.

Фразеолого-семантический анализ многозначной вариантной ФЕ *морочить (дурить) голову*, приведенный в таблице 27, позволяет представить основные характеристики формы и значения рассматриваемой ФЕ в наиболее компактном виде.

¹ Фразеолого-семантический анализ эпидигматики ФЕ рекомендуется производить по данным ФСРЯ, где, по сравнению с толковыми словарями русского языка, многозначность ФЕ отмечена более полно и дефиниции представлены в целом ряде случаев точнее.

1. Функционально-стилевая принадлежность анализируемого фразеологизма определяется в словарях по-разному. В ФСРЯ отсутствуют пометы, что, по логике составителей словаря, обозначает принадлежность данной ФЕ к разговорному стилю. В СРЯ единица квалифицируется как просторечная. При анализе нами использованы данные ФСРЯ.

2. В ФСРЯ ФЕ *морочить (дурить) голову* зарегистрирована как вариантная, обладающая двумя значениями: 1. 'Дурачить, намеренно вводить в заблуждение кого-либо'. 2. 'Приставать с глупостями, пустяками'. Анализ семантики единицы, произведенный на многочисленных примерах из произведений художественной литературы, свидетельствует, что данная ФЕ обладает на самом деле пятью ФСВ.

1) 'Усиленно думать, размышлять о чем-либо'. *Не знаем, как хату покрыть, — морочили себе голову и морочили* (В. Закруткин).

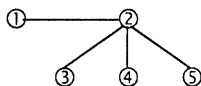
2) 'Лишать способности здраво рассуждать'. *Не морочь ты мне голову пустяками, сама знаю, как поступить* (М. Горький); *Он дурил ему голову долго, тот и ляпнул глупость* (В. Смирнов).

3) 'Запутывать, обманывать, сбивать с толку'. *Пока я морочил головы следователям и прикидывался пешкой, они держали меня в строгой изоляции* (М. Шолохов); *Ну что ты ему дуришь голову, ведь он все равно во всем разберется* (М. Шолохов).

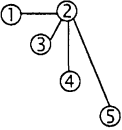
4) 'Приставать с пустяками, глупостями'. *А что такое — любить? — разочарованно сказал Петя... — Ну, так не морочь мне голову и не мешай спать! — простонал Гаврик, повернулся на другой бок и накрыл себе голову подушкой* (В. Катаев).

5) 'Влюблять в себя, легкомысленно относясь к чувствам другого'. *Это она тебе голову задурила. Ты молодой — и ничего не понимаешь* (А. Смирнов).

3. Фразеолого-семантический анализ рассматриваемой ФЕ раскрывает следующие зависимости значений (ФСВ): 2-й ФСВ энантиосемичен (т.е. антонимичен) 1-му; 3-й находится в метонимической, следственной зависимости от 2-го; 4-й ФСВ метонимически связан со 2-м причинными отношениями; 5-й зависит от 2-го метонимически — также причинные отношения. Фразеологический граф регистрирует параллельно-радиальные зависимости ФСВ:

4. Семантические типы ФСВ определяются соотношением между значением слов-компонентов, составляющих единицу, и значением фразеологизма в целом. В 1-м ФСВ *морочить голову* значение единицы 'усиленно размышлять о чем-либо' не выводится из значений слов-компонентов, поэтому ФСВ представляет собой сращение. В остальных ФСВ наблюдается семантико-формальное расслоение: вариант *морочить голову* обладает лексическим архаизмом *морочить*, который не способствует в современном русском языке мотивации устойчивой единицы. Вследствие этого указанный вариант квалифицируется как сращение. Вариант

ФЕ и ее граф	Фразеолого-семантические варианты и их стилевые пометы	Зависимости ФСВ	Типы семантических отношений ФСВ	Семантический тип ФСВ	Структура	
					идиоматичность	внутренняя форма
<i>Морочить (дурить) голову кому</i> параллельно-радиальная связь	1. 'Усиленно размышлять о чем-либо' (разг.)			сращение (<i>морочить голову</i>)	+	–
	2. 'Лишать способности здраво рассуждать' (разг.)	2↔1	энантиосемия	сращение; единство (<i>дурить голову</i>)	+	– +
	3. 'Запутывать, обманывать, сбивать с толку' (разг.)	3→2	метонимия (следствие)	сращение; единство (<i>дурить голову</i>)	+	– +
	4. 'Приставать с пустяками, глупостями' (разг.)	4→2	метонимия (причина)	сращение; единство (<i>дурить голову</i>)	+	– +
	5. 'Влюблять в себя, легкомысленно относясь к чувствам другого' (разг.)	5→2	метонимия (причина)	единство (<i>дурить голову</i>); сращение (редко)	+	–

многозначной фразеологической единицы

значения ФЕ	Функционирование ФЕ	Форма ФЕ				
		структур- ный тип и лексико- грамматиче- ский состав	порядок компо- нентов	формо- изменение	вариантность ФЕ	
					формально- семантиче- ская вари- антность	тип вариант- ности
оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации						
интеллект. позитивн. оценка; одобр.	ак- тивн.	ФЕ-слово- сочетание (гл.+сущ. в вин. п.)	свобод- ный	неполная парадиг- ма (нет страда- тельных прича- стий)	<i>морочить голову</i>	—
интеллект. негативн. оценка; неодобр.	—»—	—»—	—»—	—»—	<i>морочить (дурить) голову</i>	лексиче- ская
этическая негативн. оценка; неодобр.	—»—	—»—	—»—	—»—	<i>морочить (дурить) голову</i>	—»—
—»—	—»—	—»—	—»—	—»—	<i>морочить (дурить) голову</i>	—»—
эмотивн. негативн. оценка; неодобр.	—»—	—»—	—»—	—»—	<i>дурить голову (предпо- чтительнее)</i>	—»—

дурить голову обладает мотивированным значением, которое обусловлено значением слов-компонентов, поэтому ФСВ *дурить голову* относится к классу единств.

5. Оба варианта ФЕ *морочить (дурить) голову* — идиомы. Внутренней формой обладает лишь единство *дурить голову*. 1-й ФСВ представляет собой интеллектуальную позитивную оценку, одобрительное; 2-й ФСВ — интеллектуальную негативную оценку, неодобрительное; 3-й и 4-й ФСВ — этическую негативную оценку, неодобрительное; 5-й ФСВ — эмотивную негативную оценку, неодобрительное.

6. По своему структурному типу ФЕ *морочить (дурить) голову* — словосочетание (глагол + зависимое существительное в винительном падеже). Порядок ее компонентов свободный. В составе форм единицы есть: инфинитив, личные формы, действительные причастия и деепричастия, но отсутствуют формы страдательных причастий, что создает неполноту грамматической парадигмы ФЕ.

7. В единице не совпадают формальная и семантическая стороны: наблюдающееся формально-семантическое варьирование отражает соотношение формы и значения ФЕ. 1-е значение представлено только лексической вариантной формой *морочить голову*, 2-е, 3-е и 4-е — образуют полные корреляции, когда каждое из значений выражается обеими вариантными формами; 5-е значение обладает вариантом *дурить голову*, но в отдельных случаях возможна и вторая лексическая вариантная форма.

Образец сокращенного описательного эпидигматического анализа

Значение и функционирование ФЕ

1. Многозначная ФЕ выступает в своем 3-м значении ‘запутывать, обманывать, сбивать с толку’.

2. Это значение зависит от 2-го значения ‘лишать способности здраво рассуждать’ и находится с ним в отношениях метонимии (следственная зависимость).

3. Вариант ФЕ *морочить голову* — сращение; вариант *дурить голову* — единство.

4. Оба варианта — идиомы, внутренней формой обладает вариант *дурить голову*. Экспрессивно-эмоциональная оценка идиомы — *неодобрительное*.

5. ФЕ *морочить (дурить) голову* является разговорной по ФСРЯ, но просторечной по СРЯ.

6. Единица активна в речевом употреблении.

Форма ФЕ

1. ФЕ *морочить (дурить) голову* — словосочетание глагольно-именного типа (глагол + зависимое существительное в винительном падеже).

2. Порядок компонентов свободный.
3. Парадигма неполная, так как не образуются формы страдательных причастий.
4. Варьирование лексическое, двучленное.

Парадигматический анализ ФСВ *морочить (дурить) голову*

ФЕ в значении ‘запутывать, обманывать, сбивать с толку’ — 3-й ФСВ — вступает в парадигматические синонимические и антонимические отношения с другими ФЕ. В таблице 28 проанализирована синонимическая парадигма единицы, в таблице 29 — антонимическая парадигма.

Комментарии к таблице 28

1. В роли доминанты выступает слово *запутывать* как номинативная единица с наиболее обобщенным и нейтральным значением.

2. Лексической вариантностью обладает лишь фразеологический синоним *морочить (дурить) голову*.

3. Все синонимичные ФЕ — идиомы. ФЕ *морочить голову, сбивать с панталыку, сбивать с пахвей* — сращения, они не обладают внутренней формой. ФЕ *дурить голову, сбивать с толку* — единства, имеющие внутреннюю форму.

4. Все ФЕ имеют одинаковые оценки и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации: интеллектуально-эмотивные негативные оценки с эмоциональной пометой *неодобрительное*, что определяет идентичность семантических типов синонимов.

5. 3 — 5-й синонимы обладают одним общим компонентом и построены по модели: глагол + существительное в родительном падеже с предлогом *с*. Эти синонимы являются однокомпонентными, одномодельными и одноструктурными. Синоним *морочить (дурить) голову*, как и остальные синонимы, представляет собой одноструктурное, одномодельное образование: глагол + зависимое имя в винительном падеже.

Комментарии к таблице 29

1. ФЕ-антонимы *морочить (дурить) голову* и *наставлять на ум* имеют интегральную имплицитную сему ‘воздействовать’, которая является родовой для видовых сем ‘запутывать’ (первый антоним) и ‘учить’, ‘хорошему’ (второй антоним). Указанные видовые семы являются дифференциальными для каждого антонима.

2. Внутренней формой не обладает лишь сращение *морочить голову*, вариант *дурить голову* и антоним *наставлять на ум* имеют ее, поскольку являются единствами.

3. Фразеологические антонимы имеют интеллектуально-эмотивную негативную оценку (первый антоним) и интеллектуальную позитивную оценку (второй антоним) и соответственно обладают эмоциональными пометами *неодобрительное* — *одобрительное*.

Синонимическая парадигма ФСВ

Синонимическая парадигма ФЕ	Значение синонимов	Интегральные семы	Дифференциальные	
			семы содержательного характера	внутренняя форма
1. <i>Запутывать</i> кого (доминанта)	‘Сбивать с толку, вводить в заблуждение’	‘вводить’ ‘в заблуждение’		
2. <i>Морочить</i> (дурить) голову кому	‘Запутывать, обманывать, сбивать с толку’	—»—	‘обманывать’	— +
3. <i>Сбивать с толку</i> кого	‘Приводить в замешательство, запутывать’	—»—	‘приводить’ ‘в замешательство’	+
4. <i>Сбивать с панталыку</i> кого	—»—	—»—	—»—	—
5. <i>Сбивать с пахвей</i> кого (устар.)	—»—	—»—	—»—	—

Антонимическая парадигма ФСВ

Антонимическая парадигма ФЕ	Значение антонимов	Интегральные семы	Дифференциальные	
			семы содержательного характера	внутренняя форма
1. <i>Морочить</i> (дурить) голову кому	‘Запутывать, обманывать, сбивать с толку’	‘воздействовать’	‘обманывать’	— +
2. <i>Наставлять</i> на ум кого	‘Давая разумные советы, учить чему-либо хорошему, поучать’		‘учить’ ‘хорошему’	+

морочить (дурить) голову

признаки		Типы синонимов		
оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации	стилевая характеристика	семантический тип	собственно структурный тип	вариантность формы
	нейтр.			
интеллект.-эмотивн. оценка; неодобр.	разг.	идеографо-стилевой, стилистический	одноструктурный, одномодельный к 3–5-му синонимам	лексическая
—»—	разг.	—»—	одноструктурный, однокомпонентный к 3–5-му синонимам	—
—»—	разг.	—»—	—»—	—
—»—	книжн.	—»—	—»—	—

морочить (дурить) голову

признаки		Типы антонимов		
оценка и экспрессивно-эмоциональные стилистические коннотации	стилевая характеристика	семантический тип	собственно структурный тип	вариантность формы
интеллект.-эмотивн. негативн. оценка; неодобр.	разг.			лексическая
интеллект.-позитивн. оценка; одобр.	прост.	контрарные	одноструктурные	—

4. По своему семантическому типу ФЕ-антонимы являются контрарными, поскольку имеют нейтральный, промежуточный член — речение <не оказывать воздействия>.

5. ФЕ-антонимы разнятся синтагматически: первый антоним имеет помету кому, второй — кого.

Фразеолого-семантический анализ вариантной многозначной единицы обнаружил, что, как и слово, ФЕ обладает внутренней семантической структурой. Но в отличие от слова ФЕ практически всегда оценочна, экспрессивна и эмоциональна из-за опосредованности (метафоричности или метонимичности) своего значения. Парадигматика ФЕ подтверждает общие закономерности объединения номинативных единиц на основе общности (интегральных признаков) и различий (дифференциальных признаков). Синтагматика ФЕ в ряде случаев специфична и отличается по характеру связей с окружающими словами от омонимических слов свободного употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. — М.; Л., 1970.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды : лексикология и лексикография. — М., 1977.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Там же.

Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1979.

Жуков В. П. Русская фразеология. — М., 1986.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М., 1978.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. — Воронеж, 1972.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. — М., 1980.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. — М., 1977.

Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — М., 1997.

Современный русский язык : в 3 ч. Ч. I. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — М., 1987.

Телия В. Н. Типы языковых значений : связанное значение слова в языке. — М., 1981.

Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.

Фомина М. И. Современный русский язык : лексикология. — М., 1983 (и последующие издания).

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М., 1985 (и последующие издания).

Шмелев Д. Н. Современный русский язык : лексика. — М., 1977.

С л о в а р и

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л., 1950—1965 (и последующие издания).

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой : в 4 т. — М., 1980—1984 (и последующие издания).

Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 9-е изд. — М., 1972 (и последующие издания).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М., 1955 (и последующие издания).

Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. — М., 1995.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 3-е изд. — М., 1978 (и последующие издания).

Фразеологический словарь синонимов / под ред. В. П. Жукова. — М., 1978 (и последующие издания).

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVII—XX в. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск, 1991.

Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М., 1987 (и последующие издания).

Лексикогр а ф и я (греч. *lexikos* — ‘словесный’ и *grapho* — ‘пишу’) — раздел языкознания, который занимается теорией и практикой составления словарей. Объем, характер и аспект изложения информации определяют тип словаря. Словари бывают энциклопедические и лингвистические. Энциклопедический словарь (энциклопедия) — научное справочное издание в форме словаря, где в алфавитном порядке излагаются основные сведения по всем отраслям знания. В энциклопедии помещены имена выдающихся людей, названия стран, городов, рек, терминология науки, искусства и т.д. Лингвистический словарь — научное справочное издание, где в алфавитном порядке помещены слова (все части речи), устойчивые сочетания слов с их толкованием, ударением, грамматическими, стиливыми, стилистическими и другими специальными пометами.

ТИПЫ СЛОВАРЕЙ

По типу информации, которая содержится в лингвистических словарях, они бывают толковыми и аспектными. Толковые словари излагают общие познавательные (гносеологические) и лингвистические сведения о слове в основном в форме обычных понятий и редко — кратких научных понятий. Аспектные¹ словари помещают специализированные сведения о слове (словари синонимические, антонимические и др.), его грамматических свойствах (словари грамматические, морфемные, словообразовательные, правильности речи, сочетаемости слов и др.), об истории слова (словари этимологические, исторические и др.), правилах написания и произношения слова (словари орфографические, орфоэпические) и распространении слова на определенной территории (словари диалектные) и т.д.

В зависимости от объема информации, сообщаемой в словаре, выпускаются однотомные и многотомные словари. Нормативные

¹ Аспектные словари лексики см. в разделе «Словари». — С. 356–357; остальные типы словарей указаны в соответствующих разделах учебника — в «Фонетике и орфоэпии», «Графике», «Орфографии», «Морфологии» и т.д.

сведения о современном русском слове помещены в четырех наиболее полных и авторитетных толковых словарях.

17-томный **«Словарь современного русского литературного языка»**, в сокращении — БАС (Большой академический словарь), или ССРЛЯ (1950—1965 гг.), 120 480 слов, энциклопедический по объему, характеру и типу толкования информации, включил лексику от Пушкина до наших дней.

Четырехтомный **«Словарь русского языка»**, в сокращении — МАС (Малый академический словарь), или СРЯ (1957—1961 гг.), 1-е издание, 82159 слов; 2-е издание (1981—1984 гг.); 3-е издание (1985—1988 гг.), около 90000 слов, фиксирует лексику от Пушкина до наших дней в более сокращенном объеме, чем ССРЛЯ.

Четырехтомный **«Толковый словарь русского языка»** под ред. Д. Н. Ушакова, в сокращении — ТУ (1935—1940 гг., переиздан в 1947—1948 гг.), 85 289 слов, послужил нормативным образцом в системе отбора слов и их стилистико-грамматического описания.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова, в сокращенном названии — СО (1949 г.), 1-е издание, 50 100 слов, и **«Толковый словарь русского языка»** С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, дополнившей и переработавшей словарь С. И. Ожегова; в сокращении — СОШ (1992 г.), 72 500 слов и 7 500 устойчивых сочетаний слов.

Содержание словарной статьи

Толковый словарь состоит из расположенных в алфавитном порядке словарных статей, в которых помещается основное слово и под ним с целью сокращения объема словаря фиксируются его наиболее употребительные производные слова.

Словарная статья — краткая лингвистическая энциклопедия о слове, его лексикографическое описание. По своей структуре она состоит из компонентов: 1) заглавное слово; 2) толкование слова: а) система грамматических, стилевых и стилистических помет; б) дефиниция¹ (определение) лексического значения в словаре; в) иллюстративный материал как средство семантизации слова.

Важность иллюстративного материала заключается в лучшем осмыслении значения слова, наглядности его стилистических свойств и особенностей лексической, семантической и синтаксической сочетаемости. В словаре приводятся такие цитаты из произведений, «из которых значение слова было бы ясно без объяснения» (Л. В. Щерба). Так, в иллюстрации к слову **Крепость**: «Укреплённый пункт с долговременными оборонительными сооруже-

¹ Вместо традиционного термина «определение» в лингвистике все шире употребляется термин «дефиниция». Под «толкованием» понимается вся совокупность средств лексикографической семантизации (раскрытия значения), которая используется в словарной статье.

ниями, приспособленный для упорной круговой обороны'. *Крепость оказалась как крепость... стены, сделанные из твердой глины, были толщиной в четыре сажени при такой же, четырехсаженной, высоте по отвесу... Огромный ров был выкопан перед стенами.* (С. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда») (ССРЛЯ. — Т. 5. — С. 1629) — описываются типичные признаки любой крепости, соответствующие ее функциональному назначению: толстые высокие стены и ров перед ними для долговременной обороны. При этом определение значения хотя и не имеет пометы *специальное*, но по содержанию соответствует терминологической дефиниции.

Разные типы толковых словарей используют различные по характеру и объему дефиниции, которые характеризуют узуальное значение слова. Узуальным называется общеупотребительное и регулярное значение слова, обработанное и закрепленное в социалингвистическом общении.

Л. В. Щерба выдвинул важное для лексикографии положение, что словарь является «собранием сгруппированных под отдельными словами общих понятий, под которые подводятся в данном языке единичные явления действительности»¹. Назначение дефиниции заключается в описании узуального значения слова и представлении его в обобщающем виде. Но специфика дефиниции заключается еще и в том, какая часть речи и какой ее лексикограмматический разряд фиксируется.

Конкретные существительные в словаре регистрируют названия объектов, лиц по профессии, национальности, имена представителей флоры и фауны и пр. и включают в свою семантику предметный (денотатный) компонент значения и типичные для данного класса свойства объектов: **Косточка**. 2. 'Покрытое деревянистой оболочкой ядро плода'. *К. сливы, вишни, абрикоса* (СОШ). Или: **Роман**. 1. 'Литературно-художественное повествовательное произведение, обычно в прозе, изображающее сложные пути развития личности в ее многообразных связях с обществом'... *Прохор читал... интересный роман с вымышленными талантливым автором героями.* Шишк. Угрюм-река (ССРЛЯ. — Т. 12. — С. 144).

Абстрактные существительные, обозначающие состояния, чувства, свойства, признаки и др., не поддаются точному определению и толкуются как общее указание на состояние, его различные стадии и функции. **Красота**... 1. ед. 'Все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение'. *К. русской природы. К. поэтической речи. Отличаться красотой* (СОШ).

Объем словаря определяет состав иллюстративного материала. При этом могут возникнуть семантические разногласия между словарной дефиницией и актуализированным текстовым словом:

¹ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974. — С. 282.

Крахмальный. 2. 'Приготовленный из крахмала'. *Крахмальный клейстер. Судья должен был есть одни только лепешки из гречневой крупы да крахмальный кисель* (Н. В. Гоголь) (ССРЛЯ). Речение (сочетание слов) *крахмальный клейстер* подтверждает дефиницию. Пример из художественной литературы не соответствует ей, так как в сочетании *крахмальный кисель* имеется значение 'содержащий в себе крахмал', и слово обладает более широким значением, чем дефиниция.

Обращение к толковым словарям русского языка как к материалу для семантического анализа слова требует ряда уточнений.

Лексическое значение слова шире словарной дефиниции, так как в ней обычно не находят отражение все коннотации (созначения), смысловые потенции слова и пр. Коннотации хорошо известны всем носителям языка, но содержательные и оценочные созначения, как правило, не фиксируются в словарной зоне статьи. Слово *осел* (животное) обладает коннотацией 'упрямство'; *заря* — позитивной оценкой (*заря жизни, заря свободы*). Лишь в отдельных случаях созначение включено в дефиницию слова: **Вывернуть-ся.** 4. || 'Л о в к о выйти из затруднительного положения' (СРЯ); ср. Л о в к о 'изворотливо, хитро'.

В словарях употребление слова указывается след за знаком | (вертикальная черта). **Вещь.** 1. 'Всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.) | *обычно мн. ч.* (вещи, -ей). О платье, одежде, мелочах личного обихода' (СРЯ).

В лексикографии употребляется и традиционное понятие «оттенков значения слова» — побочное, сопутствующее значение, существующее рядом с основным. В толковых словарях оттенок значения выделяется либо посредством двух параллельных вертикальных черточек, либо стоящей точкой с запятой. **Дебют.** 1. 'Первые выступления артиста на сцене. || Первое публичное выступление на каком-либо поприще' (СРЯ); **Дружественный.** 'Основанный на дружбе; взаимно благожелательный (о народах, государствах, отношениях между ними)' (СРЯ).

В словарях наблюдаются разночтения в регистрации вариантов формы слова, что должно учитываться при анализе: СРЯ — *белё-ый*, ССРЛЯ — *белёый* и *белёый*, СОШ — *белёый*. Лексикографические разногласия объясняются развитием языковой нормы, приводящей к устареванию тех или иных вариантов, регистрируемых словарями, вышедшими в разное время, а также позицией составителя словарной статьи.

Не находит в толковых словарях полного отражения лексическая и семантическая сочетаемость (синтагматика) слова. Традиционно считается, что закономерности сочетания слов относятся к грамматике, но иллюстративный материал раскрывает возможности синтагматики слова. Так, при общем значении 'буро-желтый' слова *коричневый, карий* и *каштановый* разнятся своей лексической соче-

таемостью: *коричневый костюм, диван, портфель, но карие глаза, карая масть* (о лошади), *каштановые волосы*. Следовательно, в языке существуют традиционные ограничения лексической сочетаемости.

Но возможны объяснимые для современного русского языка семантические ограничения в синтагматике слов. Семантика слова *есть* 'принимать пищу' и слова *пить* 'проглатывать в каком-либо количестве жидкость' определяет их сочетаемость с другими словами: *есть, пить бульон* 'отвар из мяса', т.е. 'принимать/проглатывать жидкость'. *Пить борщ* 'суп со свеклой и др. овощами' нельзя, так как *борщ* по своей консистенции — густая масса, а не жидкость.

Типы лексикографических дефиниций

Выделяются три основных типа дефиниции в толковых словарях современного русского языка: 1) описательная, 2) синонимическая и 3) отсылочная (деривационная).

Описательная дефиниция определяет значение слова путем указания на явление реальной действительности, что сводится к определению родового понятия и набора дифференциальных (различительных) признаков. Родовое понятие обозначает класс индивидуальных явлений (*дом, дорога, береза; деревянный, стальной; спать, лежать, бежать* и т.д.) и в семном описании равно гиперсеме (родовой семе). Дифференциальные признаки обозначают свойства явления и в семном описании представлены гипосемами.

В составе описательной дефиниции выделяются два лексикографических компонента значения: а) собственно описательный, который отражает внешние и внутренние и пр. характеристики явления (внешний вид, размер, объем, форма, местоположение, цвет, вкус и др.; лицо; качества, свойства и т.д.), и б) функциональный, который отражает назначение данного явления в жизненной практике человека (отношение явления к действиям/поведению человека, отношение данного явления к другому).

Собственно описательные компоненты значения входят в основу словарного определения. Функциональные компоненты значения занимают ту часть семантики дефиниции, где сообщается, зачем и почему используется то или иное явление. Они могут иметь открытое (эксплицитное) и самостоятельное выражение, но в большинстве случаев они имплицитны (скрыты) и могут быть обнаружены через свои сочетательные свойства (синтагматику) в иллюстративном материале.

Например: **Информация.** 1. 'Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством'. *Теория информации...* 2. 'Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.'

Научно-техническая и. Газетная и. ...(СОШ). 1-й ЛСВ (значение) слова отражает описательно существо явления, 2-й же ЛСВ включает в свой состав функциональный компонент — ‘осведомляющие о положении дел, состоянии чего-н.’. Разрядкой в обоих ЛСВ выделены родовые понятия (гиперсемы), остальные фрагменты дефиниции — это дифференциальные признаки этих слов-понятий (гипосемы).

В статье: *Поезд*. ‘Состав сцепленных железнодорожных вагонов, приводимых в движение локомотивом или моторным вагоном’. *Пассажирский, товарный поезд. Скорый п. Ехать на поезде* (СОШ) — функциональные компоненты заключены в иллюстрации: *поезд — пассажирский, товарный, скорый; ехать — на поезде*.

В толковых словарях в описательную дефиницию могут быть включены в большей или в меньшей степени элементы энциклопедизма: **Роза**. 1. ‘Кустарниковое растение сем. розовых с крупными душистыми цветками красных, розовых, белых или желтых тонов и со стеблями, обычно покрытыми шипами’ (ССРЛЯ). Разрядкой выделено научное истолкование, обязательно входящее в энциклопедическое значение, — родовое понятие.

Дефиниции терминов в словарях воспроизводят структуру знания в отличие от дефиниций остальной лексики, воспроизводящие структуру объекта описания. Во всех случаях определение включает в себя две части — родовые понятия (гиперсемы) и дифференциальные (видовые) признаки (гипосемы). Например: **Католицизм**. ‘Вероисповедание и вероучение католиков западной христианской церкви, возглавляемой римским папой’ (ССРЛЯ). Ср. иную форму и трактовку термина: **Католичество**. ‘Одно из основных направлений христианства с церковной организацией, возглавляемой римским папой’ (СОШ). СОШ фиксирует словообразовательно-морфологический вариант слова, отличающийся категорией рода и суффиксом *-ество*.

Синонимической называется такая дефиниция, которая раскрывает значение слова через тождественные или близкие по значению слова. Например: **Рыхлый**. 2. ‘Не упругий, излишне пухлый, дряблый’ (ССРЛЯ); **Истошный**. ‘Громкий и отчаянный’. *И. крик* (СОШ); **Истребить**. ‘Уничтожить, погубить’. *И. крыс. Град истребил посевы* (СОШ); **Жатка**. ‘Жатвенная машина’ (СОШ).

Синонимическое толкование может вводиться с указанием *то же, что*: **Авиатор**. ‘То же, что летчик’ (СО); **Леопард**. ‘То же, что барс’ (СОШ). См.: **Барс**. ‘Крупное хищное животное сем. кошачьих с пятнистой шерстью, леопард’ (СОШ). Или более сложная ссылка: **Девѣца** (устар.). ‘То же, что девушка (в 1-м знач.)’.

Дефиниции синонимического типа могут использоваться для описания стилистически или экспрессивно окрашенных значений, а также устарелых или областных слов, которые имеют в языке более употребительные и/или стилистические нейтральные синонимы.

Использование синонимической дефиниции целесообразно, когда значение малоизвестного или неизвестного слова поясняется более известным или общеупотребительным словом: **Куртина**. 1. 'Цветочная грядка, клумба (устар.)' (СО); **Кривда**. Устар. 'Ложь, неправда' (СОШ).

Трудности синонимического определения заключаются в том, что словари нередко дают перекрестные ссылки, при которых одно определение толкуется через другое.

Так: **Известие**. 1. 'Сообщение о чем-н.'. *Неприятное и. Последнее известие по радио* (СОШ); **Сообщение**. 1. см. **сообщить**. 2. 'То, что сообщается, известие, информация (во 2-м знач.)'. *По последним с. Экстренное с.* (СОШ); **Сообщить**. сов., кому что, о ком — чем. 1. 'Уведомить, известить, довести до чьего-н. сведения'. *С. о прибытии поезда. С. последнее известие* (СОШ). В подобных случаях возрастает роль иллюстраций, которые разграничивают синонимические трактовки по правилам лексической и семантической сочетаемости. Ср.: *Последние известия по радио*, но невозможно — *По последним известиям*; однако возможно — *По последним сообщениям*. В значении слова **сообщение** содержится скрыто сема адресата сообщения 'кому', которым не обладает семантика слова **известие**, поэтому нельзя: *сообщить по последним известиям*. Но если слово **сообщение** утрачивает сему адресата, то оно синонимично слову **известия**: *последние известия/сообщения*.

Возможны случаи синкретичных дефиниций: **Капельник** и **капельник**. 1. 'Известковый нарост, натек; то же, что сталактит, сталагмит' (ССРЛЯ. — Т. 5. — С. 770) — соединяются описательная и синонимическая дефиниции.

Отсылочная (деривационная) дефиниция содержит характеристику мотивирующего значения слова и сохраняет мотивирующие и мотивированные связи значений. **Ружейный**. 'Относящийся к оружию' (ССРЛЯ); **Краска**. 5. '*Разг.* Действие по 1-му знач. глаг. *Красить*' (ССРЛЯ); **Красавчик**. *Простореч. Ласк.* к 'красавец' (ССРЛЯ).

Сиреневый. 1. см. сирень (СОШ); **Прилететь**. 'Летя (в 1-м и 2-м знач.), прибыть, достигнуть чего-н.' (СОШ). См.: **Лететь**. 1. 'Нестись, передвигаться по воздуху'. 2. 'То же, что мчаться' (СОШ).

Значения мотивированных (производных) слов сохраняют смысловую связь со словами, от которых образованы; это определяется в толковом словаре посредством отсылочной дефиниции типа: см.; относящиеся к; действие по знач.; к; (в 1-м знач.) и т.д.

Особую ценность имеют иллюстрации, позволяющие уточнить дефиницию, охарактеризовать смысловую связь между мотивированным и мотивирующим словами. Ср. дефиниции слов **красочный** и **краска**. **Красочный**. 1. 'Относящийся к краскам'. *Петровский открыл ему [художнику] безграничный кредит в красочной лавке: к р а с к и, кисти, полотно доставлялись ему в изобилии*. Гри-

гор. Неудав. жизнь (ССРЛЯ. — Т. 5. — С. 1601). «Красочная лавка» — историзм, современному читателю практически не известен. Дефиниция прилагательного **красочный** актуализирует его словообразовательную связь с мотивирующим общеупотребительным существительным: **Краски**. 1. 'Вещество, служащее для окрашивания предметов или для живописи' (ССРЛЯ. — Т. 5. — С. 1584). Это позволяет понять, какой товар находится в красочной лавке, — цитата вносит необходимое уточнение.

Таким образом, иллюстративный материал (цитаты из произведений и речения) расширяет, презентрует смысловую сферу лексикографической дефиниции. Поэтому в учебной практике столь необходим и анализ справочного материала.

Стилевые и стилистические пометы

В лексикографической практике функционирование слова в определенном стиле (стилевая помета) и стилистическое значение (стилистическая помета) либо представлены в иерархической градации, где стилистическое — разновидность стилового, например: *балбес* (разг., презр.), либо регистрируются как книжное (письменного изложения) и/или устарелое (устар.) как видовая разновидность книжного: *воспринять* (книжн., устар.), *добронравие* (устар.), *доброхотство* (устар.).

Толковые словари, как правило, для книжного стиля дают функциональную помету родового характера — **книжное** и/или пометы видового характера — официальное, официально-деловое: *неоспоримость* (книжн.), *питомец* (книжн.), *послание* (офиц.), *исходящий* (офиц.-дел.). Как синкретичные стилово-стилистические пометы книжного стиля словари отмечают высокое: *возмездие* (книжн., высок.) — и народно-поэтическое: *молодец* (народн.-поэт.). Слова публицистического подстиля не получают лексикографических помет: *гуманизм*, *демократия*, *гласность*.

Терминология, связанная с лексикой научного стиля, имеет «отраслевые» пометы: **специальное** (спец.) как родовую помету и/или многочисленные видовые пометы — пометы отраслей науки: астр., горн., грамм., дипл., зоол., ист., лингв. и др.¹: *разлом* (спец.) 'место, где предмет разломлен, переломлен'; *азимут* (астр., геод.) 'угол между плоскостью меридиана точки наблюдения и вертикальной плоскостью'; *боны* (фин.) 'кредитные документы, дающие право на получение денежной суммы'.

Лексикографическая родовая помета разговорной лексики — **разговорное** (разг.), но наряду с указанной пометой нередко рядом находятся стилистические пометы. Например: *бултыхать*—

¹ См. пометы в ССРЛЯ и СРЯ, где они представлены наиболее широко.

ся (разг.), *истощный* (разг.), *зубрить* (разг.), *добряк* (разг.) и *буржуйка* (разг., презр.), *модерновы́й* (разг., одобр. или неодобр.), *ласточка* в значении обращения (разг., уменьш.-ласк.), *карануз* (разг., шутл.). Дополнительных видовых помет, указывающих на принадлежность слова к литературно-разговорной или разговорно-бытовой группе, словари не помещают, но вторая стилистическая помета (презр., уменьш.-ласк., одобр. и т.д.), стоящая вслед за родовой — разг., обычно свидетельствует о том, что слово входит в состав разговорно-бытовой лексики.

Слова просторечной лексики эмоционально окрашены и поэтому наряду с родовой пометой просторечное (прост.) могут обладать дополнительными стилистическими пометами: *зуда* (прост.), *магарыч* (прост.), *ерепениться* (прост.) и *деляга* (прост., пренебр.), *прихвостень* (прост., презр.), *сачок* в значении 'лентяй, бездельник' (прост., презр., шутл.).

Просторечная лексика употребляется, в отличие от диалектной (областной), в речи всего народа. Поэтому в словарях наблюдаются разночтения в стилевых пометах: *зудить* (прост.) 'испытывать зуд, чесаться' (СРЯ) и *зудить* (разг.) в том же значении (СО); *впрямь* (разг.) в значении 'в самом деле, действительно' (СРЯ) и *впрямь* (прост.) 'то же, что действительно' (СО).

Диалектное слово, указывающее на принадлежность к региональным народным говорам, имеет помету областное (обл.): *большуха* (обл.) 'старшая в доме, хозяйка'; *гутóрить* (обл.) 'разговаривать, беседовать'.

Стилистические пометы, означающие эмоциональные и оценочные значения слов (коннотации), фиксируются в словарях синкретичными пометами. 1) Негативная эмоциональная оценка: родовая помета — неодобрительное (неодобр.) и видовые пометы — бранное (бран.), отвратительное (отврат.), презрительное (презр.), уничижительное (уничиж.), пренебрежительное (пренебр.), порицательное (пориц.), предосудительное (предосуд.), ироническое (ирон.), насмешливое (насмешл.) и др. Например, *дура* (бран.) 'глупая женщина', *дьявол* (бран.) 'сатана', *завидующий* (пориц.) 'жадный, завистливый', *истеричка* (презр.) 'женщина, склонная к истерикам', *карьеризм* (неодобр.) 'погоня за карьерой; стремление к личному благополучию', *кляузный* (предосуд.) 'мелочный, придирчивый', *компилировать* (предосуд.) 'использовать результаты чужих исследований', *отвалить* (ирон.) 'дать, расщедрившись'. 2) Позитивная эмоциональная оценка: одобрительное (одобр.) как родовая помета и видовые пометы — восхитительное (восх.), ласкательное (ласк.), уменьшительно-ласкательное (уменьш.-ласк.), почтительное (почт.), шутливое (шутл.) и др. Например, *консолидировать* (одобр.) 'сплачивать для усиления деятельности', *мудрец* (почт.) 'мудрый человек', *егоза* (шутл., ласк.) 'непоседа (обычно о детях)', *брюш-*

ко (уменьш.-ласк.) 'животик', *отбояриться* (шутл.) 'отделаться, отвертеться от чего-н.'

Возможны синкретические (объединенные) стилистические пометы: *барынька* (уничиж. и ласк.); *расстрига* (презр. и ирон.).

Пометы к словам, выходящим или вышедшим из употребления, — это устарелое (устар.) или его синоним — архаичное (арх.): *благонравие* (устар.) 'хорошее поведение, благовоспитанность'; *душегрейка* (устар.) 'женская теплая кофта без рукавов; со сборками на талии'; *ерник* (устар., прост.) 'озорник, безобразник'.

В толковых словарях русского языка идиомы (фразеологические сращения, единства) и фразеологические сочетания регистрируются различно. В СРЯ идиомы и ФС помещаются после значка $\diamond$ (стоячий ромб), в ССРЛЯ идиомы выделяются ~ (тильдой), а ФС фиксируются после значка $\diamond$ (лежащий ромб). В ФСРЯ описаны в основном идиомы. Единицы с ограниченной сочетаемостью регистрируются там следующим образом: слова со свободными значениями (окружение фразеологизма) выделяются курсивом: *спать* без задних ног, *денег* куры не клюют.

По своей стилевой принадлежности фразеологизмы современного русского языка относятся: к разговорному стилю ($\approx 62\%$) и книжному стилю ($\approx 5\%$). Просторечные единицы имеют достаточно широкое распространение ($\approx 33\%$).

Разговорные ФЕ не имеют специальных помет в СРЯ и ФСРЯ: *брать слово* 'получить от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо'; *набираться ума* 'становиться умным'. Отсутствие помет наблюдается нередко и тогда, когда варианты единицы обладают стилевой маркированностью. Например, фразеологизм *набираться ума* употребляется в разговорном стиле, а ФЕ *набираться уму-разуму* носит народно-поэтический характер, при этом оба варианта не имеют в словарях специальных помет.

В словарях отмечается в основном маркированность книжного и просторечного характера: *альфа и омега* (книжн.), *от аза до йжицы* (книжн.); *лезть на рождён* (прост.).

Однако в ССРЛЯ иногда дается стилевая помета разговорное, хотя и не во всех случаях. Ср.: *целый короб* (разг.) 'куча, ворох, множество чего-либо', но *с три короба* '(наговорить) очень много' (без пометы).

Самой распространенной в ФСРЯ является помета просторечное, которая характеризует фразеологизмы с ярко выраженной оценочностью, при этом некоторые из них имеют бранно-вульгарный характер: *продирать глаза* (прост.); *точить лясы* (прост.); ср.: *чертова перечница* (груб.-прост.) 'о злой, сварливой старой женщине', *лопаться с жиру* (груб.-прост.) 'сильно жиреть'.

В словарях наблюдаются стилевые разночтения: фразеологизм *под мухой* ССРЛЯ и СРЯ квалифицируют как просторечный, ФСРЯ не дает стилевой характеристики; ФЕ *с мухой* в аналогич-

ном значении 'в состоянии опьянения' в ФСРЯ дана с пометой просторечное.

Разговорные фразеологизмы используются обычно в разговорно-бытовом общении и отличаются большей образностью и могут иметь дополнительные стилистические пометы: *песок сыплется* (пренебр.) 'кто-либо очень стар, дряхл'; *тяжелая артиллерия* (ирон.) 'неповоротливые, медлительные люди'; *отставной козы барабанщик* (шутл., ирон.) 'человек, не заслуживающий внимания'.

Отмечается и область специального употребления ФЕ: медицинское (мед.), физическое (физ.), спортивное (спорт.), ботаническое (бот.), астрономическое (астрон.) и т.д. Например: *гигантские шаги* (спорт.) 'устройство для гимнастической игры в виде столба с вертушкой наверху, к которой прикреплены длинные веревки с лямками, куда садятся игроки и, разбегаясь и взлетая, кружатся вокруг столба'; *темная вода* (мед.) 'глаукома, слепота, вызванная атрофией зрительного нерва'; *глухая крапива* (бот.) 'сорное травянистое растение с мелкими белыми цветками и листьями, похожими на листья крапивы, но без жгучих волосков'; *глухой согласный* (лингв.) 'согласный, произносимый без участия голоса'.

В роли терминов выступают обычно фразеологические сочетания: *белый свет* (физ.) 'сложное излучение, испускаемое телами, нагретыми приблизительно до 2000 °С или больше' (ССРЛЯ); *белые стихи* (спец.) 'стихи без рифмы' (СО). Специальная терминология регистрируется различно: в СРЯ и СО она помещается после значка ∠, как и идиомы. В ССРЛЯ фразеологизмы-термины помечены как фразеологические сочетания после значка ◇. Разнотечения объясняются тем, что составители двух первых словарей подходят к терминам как к неразложимой номинации; в ССРЛЯ же термины относят к составным аналитическим именованиям. ФСРЯ не включает терминологическую фразеологию.

В толковых словарях русского языка к стилистическим пометам в широком понимании относят: 1) собственно эмоциональную окраску ФЕ: бран., ирон., презр., шутл. и др.; 2) область специального применения единицы: астроном., геодез., мат., лингв., муз. и др.; 3) принадлежность ФЕ к стилям речи: разг., книжн. и т.д. Однако в данном учебнике используется узкое понимание стилистического значения как проявления эмоциональных и оценочных свойств фразеологизма.

В толковых словарях и ФСРЯ предлагаются следующие собственно стилистические пометы: 1) негативная эмоциональная оценка: неодобр., презр., уничиж., пренебр., пориц., предосуд., ирон., насмешл. и др.; 2) позитивная эмоциональная оценка: одобр., ласк., уменьш.-ласк., почт., шутл. и др. Например: *пошел к черту* (бран.); *чернильная душа* (пренебр.) 'бюрократ'; *носить воду решетом* (ирон.) 'делать бессцельную работу'; *история с географией* (шутл.) 'возникновение затруднения, которое нелегко

преодолеть'. Возможны и синкретические пометы: *кладезь премудрости* (шутл., ирон.) 'обширные и глубокие знания'.

Наибольший набор и система стилистических помет используется СРЯ и ССРЛЯ. В ФСРЯ стилистические пометы ограничены, что объясняется составителями словаря неразработанностью вопроса и общей разговорной принадлежностью фразеологии.

Словари фиксируют и устарелые фразеологизмы: *глядеть вон* (устар.) 'стремиться удалиться куда-н.'; *делать авансы* (устар.) кому: 1) 'стараться расположить кого-л. заранее в свою пользу'; 2) 'поощрять кого-л. своим расположением к ухаживанию'; *вид на жительство* (устар.) 'в дореволюционной России удостоверение личности, выдаваемое в предусмотренных законом случаях вместо паспорта'.

Фразеологические неологизмы, возникшие в советскую эпоху и закрепившиеся в языке, регистрируются толковыми словарями без помет: *уголок живой природы* 'собрание живых растений и животных, используемых для наблюдения и опытов в школе, пионерском лагере и т.д.' (ССРЛЯ); *красный уголок* 'помещение в учреждении, общежитии и т.п., отведенное для культурно-просветительской работы' (СРЯ); *черный рынок* 'незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля' (СО). ФСРЯ не фиксирует значения неологизмов. См. фразеологические неологизмы: (ремонт) *с ноги* 'ремонт обуви в присутствии заказчика'; (уголь) *с колес* 'только что привезенный'; (репортаж) *с колес* 'только что произведенный'; *королева спорта* 'легкая атлетика' и др.¹.

Толковые и аспектные словари учат правильному употреблению слов, соблюдению норм современного русского языка, расширяют общую и речевую культуру человека.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избранные труды. — М., 1977.

Гак В. Г. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М., 1993.

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974.

Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. — М., 1958.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.

¹ См.: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х гг.) / под ред. Н. З. Котеловой. — СПб., 1995; Толковый словарь русского языка конца XX в. — СПб., 1998.

С л о в а р и

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935—1940 (и последующие издания).

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. — М.; Л., 1950—1965 (и последующие издания).

Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1980—1984 (и последующие издания).

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 9-е изд., испр. и доп. — М., 1972 (и последующие издания).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1993 (и последующие издания).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — 7-е изд. — М., 1978—1980 (и последующие издания).

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.

Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1970—1971.

Словарь синонимов : справочное пособие / под ред. А. П. Евгеньевой. — Л., 1975.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. — М., 1974 (и последующие издания).

Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов н/Д, 1971 (и последующие издания).

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд. — М., 1995.

Розенталь Д. Е., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — 2-е изд. — М., 1976 (и последующие издания).

Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — 2-е изд. — М., 1997.

Словарь иностранных слов. — М., 1988.

Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. — М., 1995.

Словарь-справочник по русскому языку / под ред. А. Н. Тихонова. — М., 1995.

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х гг.) / под ред. Н. З. Котеловой. — СПб., 1995.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складаревской. — СПб., 1998.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 3-е изд. — М., 1978 (и последующие издания).

Фразеологический словарь синонимов / под ред. В. П. Жукова. — М., 1978 (и последующие издания).

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1975 (и последующие издания).

Вопрос о статусе морфемики как учении о значимых частях слова остается в лингвистике до сих пор открытым. Традиционно эта область знания включалась в русских грамматиках в состав или словообразования, или морфологии. Само же словообразование до недавнего времени входило в состав грамматики, обычно завершая главы к разделам, посвященным морфологии отдельных частей речи. Это обусловлено наличием тесной связи между смежными областями знания, и прежде всего общностью исходной для них минимальной единицы, в качестве которой выступает морфема. Необходимость обособления морфемики в особый раздел языкознания вызвана различиями подходов к изучению морфемы по сравнению с морфологией и словообразованием. Если для словообразования морфема — строительный материал, используемый в процессе образования новых слов, а для морфологии — материал, обеспечивающий образование грамматических форм, грамматических категорий и грамматических классов слов, то в морфемике как особом разделе грамматики изучаются значимые части слов в их отношении друг к другу и к слову в целом¹, при этом характер отношений рассматривается на определенном этапе развития языка, т.е. в плане синхронии. В обеих академических грамматиках русского языка раздел «Морфемика» представлен в качестве самостоятельного, предваряющего материал по словообразованию.

Одной из задач морфемики является и практическое применение ее теоретических положений при изучении принципов морфемного анализа слова.

Основными единицами морфемики являются: *морфема*, *морф*, *слово* и *словоформа*.

СЛОВО И МОРФЕМА

Морфема (греч. *morphē* ‘форма’) — это минимальная значимая единица языка, характеризующаяся по сравнению со словом

¹ См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. — М., 1977. — С. 4.

как общими для них (интегральными), так и различительными (дифференциальными) признаками.

Интегральными признаками морфемы и слова являются их материальность, значимость и воспроизводимость. К числу дифференциальных признаков морфемы относятся ее минимальность, повторяемость, структурная соотнесенность со словом, а не со словосочетанием или предложением.

Однако четкой границы между обоими типами признаков морфемы провести нельзя, поскольку ее интегральные признаки, внешне сходные с аналогичными признаками слова, качественно отличаясь от них, являются в то же время и дифференциальными.

Так, слово и морфема — это двусторонние единицы языка, обладающие планом содержания (определенным значением) и планом выражения (звуковой, материальной стороной). Но морфема — это минимальная значимая единица языка, у которой план выражения может отсутствовать при сохранении известной смысловой целостности. Это наблюдается, например, у нулевых морфем (*стол*□ — *стола*, *стрел*□ — *стрелы*, *рад*□ — *рада*, *высох*-Ø-Ø — *высох-ла* и т. п.), представляющих собой значащее отсутствие звукового отрезка в определенной точке речевой цепи.

Для слова же наличие материальной субстанции является обязательным. Не одинаковы сопоставляемые единицы и в плане содержания. Всякое производное слово является носителем одновременно трех типов значения: лексического, грамматического и словообразовательного (деривационного). Те же типы значения по-разному распределяются между разными типами морфем. Для служебных морфем (аффиксов) характерны словообразовательное и грамматическое значения. Так, например, суффикс *-тель/-итель* в именах существительных, мотивированных глаголами (*победитель*, *спас-итель*), имеют словообразовательное значение 'лица — производителя действия', а в глаголе *победи-л* суффикс *-л-* выражает грамматическое значение прошедшего времени. Окончания являются носителями сразу нескольких грамматических значений: рода, числа, падежа у имен, лица и числа у глаголов. Носителем лексического значения является только корневая морфема.

Синкретические морфемы, совмещающие словообразовательное и грамматическое значения, в языке немногочисленны. Это, главным образом, глагольные приставки. Например, приставки *в-/во-*, *до-*, *за-* и др. в сочетании с глаголом *идти*, выражая направление движения (внутри, к предмету, за предмет и т. д.), в то же время изменяют вид глагола, переводя его из несовершенного вида в совершенный. Но самым важным различием между морфемой и словом в этом плане является сам характер значения, выражаемого той и другой единицей.

Лексическое значение слова (как денотативное, так и сигнификативное) всегда является результатом большей или меньшей сте-

пени отвлечения от реальной действительности. Словообразовательное же значение морфемы (при всем различии точек зрения на этот счет) остается общим типовым значением, извлеченным из ряда частных словообразовательных значений близких по структуре слов. Следовательно, степень абстрактности словообразовательного значения по сравнению с лексическим большая. В этом отношении оно стоит на грани между лексическим и грамматическим значениями.

Под воспроизводимостью морфемы и слова понимают способность их существования в системе языка в готовом виде, в качестве целостных единиц. Но слово при этом в конкретных речевых ситуациях обладает и свойством «творимости», а морфема никогда не создается заново в процессе общения. Кроме того, воспроизводимость морфем имеет «связанный» характер, поскольку их восприятие говорящим осуществляется в сочетаниях с другими морфемами в составе слова. Слово же в этом смысле свободно, так как процесс его воссоздания не обязательно связан с другими словами.

Два признака слова и морфемы — их обобщенность и нелинейность (парадигматический характер) — однозначно являются интегральными. Парадигматический характер морфемы проявляется в ее способности входить в сопоставление с единицами, обладающими структурной общностью, но различающимися по смыслу, что подтверждает ее типовой, а следовательно, и обобщенный характер. Это можно показать на примере имен существительных с суффиксом *-щик* — *-чик*-, обозначающим лицо по профессии или занятию: *гардероб-щик-ø*, *морожен-щик-ø*, *прицеп-щик-ø*; *обход-чик-ø*, *рез-чик-ø*, *разнос-чик-ø*, *лет-чик-ø* и т.д. Что касается слова, то оно изучается в морфемике с грамматической точки зрения. В этом плане наряду с его внутренним строением и членимостью на значимые части рассматриваются особенности его словоизменения и формообразования. Поэтому парадигматическая сущность слова может быть определена как система всех его грамматических форм (словоформ) с общей для них основой. Структура парадигмы слова определяется принадлежностью слова к той или иной части речи, набору и характеру ее грамматических категорий. Так, например, полная парадигма имени существительного образуется двенадцатью падежно-числовыми формами, включающими две подсистемы, противопоставленные по грамматическому значению числа (6 падежей единственного и 6 падежей множественного числа). Через парадигму грамматических форм слово входит в систему слов одного и того же грамматического класса, образуя общее понятие лексемы.

Помимо интегрально-дифференциальных у морфемы есть и собственно различительные признаки.

Наиболее важным из них является признак ее минимальности, проявляющийся в невозможности дальнейшего членения морфемы на более мелкие части без нарушения ее смысловой целостности¹. В противном случае образуются незначимые единицы низшего уровня — фонемы (ср., например, *вод-а*, но не *в-о-д-а*) — или звуковые отрезки, внешне совпадающие с другими морфемами (ср. приставки *подо-* и *по-*, *до-*).

К различительным признакам морфемы относится и ее структурная выделяемость в составе слова, поэтому морфема связана с единицами высшего, синтаксического уровня не прямо, а опосредованно. Об этом свидетельствует невозможность выступать в качестве члена предложения и занимать в нем определенную синтаксическую позицию.

Что касается признака повторяемости морфемы, то это характерное для нее свойство (большинство морфем употребляется минимум в двух словах одного и того же словообразовательного ряда: *учи-тель*, *писа-тель*, *вая-тель*, *оформи-тель* и т.п.) относится не всеми лингвистами к числу ее обязательных дифференциальных признаков.

Слово и морфема, являясь парадигматическими обобщенными единицами языка, при определенных условиях могут выступать и как единицы линейные (синтагматические). В этом случае слово употребляется в одной из своих словоформ, а морфема представлена одним из морфов.

Словоформа — это определенная грамматическая форма слова, выделяемая в потоке речи, т.е. в линейной последовательности слов. Так, например, в предложении *Я принял помощь друга* все четыре слова выступают в одной из возможных у каждого из них грамматических форм и являются словоформами. Каждая словоформа — носитель определенного грамматического значения, отличного от грамматических значений других словоформ. Так, имя существительное *помощь* выражает три грамматических значения — ж. р., ед. ч., им. п.; глагол *принял* имеет целый комплекс грамматических значений: изъяв. накл., прош. вр., м. р., ед. ч., сов. в. Индивидуально и лексико-грамматическое значение словоформы. Оно уточняется не только набором свойственных ей грамматических значений, но и характером частеречных значений, а также участием словообразовательных аффиксов. Так, лексическое значение двух словоформ разных однокоренных слов *вож-д'-ениц-е* и *вожд'* — конкретизируется по-разному. В первом

¹ Этому положению не противоречит определение морфов как «наименьших единиц языка плана выражения» (см.: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 31), поскольку морфы являются формальным видоизменением морфемы в условиях определенного морфонологического окружения, а не результатом ее дальнейшего членения.

случае оно отвлеченно-процессуальное, а во втором обозначает носителя процессуального признака. В обоих случаях эти различия создаются под влиянием словообразовательных суффиксов *-ениј* и нулевой словообразовательной морфемы в составе второй из словоформ.

Оставаясь единицей языка, словоформа как линейная единица имеет отношение и к речи. В составе предложения, в условиях сочетаемости с другими словоформами, она приобретает и синтаксические характеристики. Так, в рассматриваемом предложении вин. падеж словоформы *помощь*, управляемой глаголом-сказуемым *принял*, выступает в объектном значении, тогда как в словоформе *друга*, подчиненной рядом стоящей с ней словоформе *помощь*, род. падеж имеет субъектно-определяющее значение. Таким образом, слово — это понятие обобщенное, парадигматическое, родовое, а словоформа — конкретное, синтагматическое, видовое¹.

Основа слова

В лингвистической литературе понятие основы слова истолковывается неоднозначно. Это вызвано, с одной стороны, различиями в подходах к самим процессам изменения слова, а с другой — неразработанностью ряда положений грамматики и словообразования. В связи с этим истолкование понятия основы сводится по существу к трем разновидностям: 1) при проведении четкого разграничения процессов словоизменения, формообразования и словообразования различают основы грамматические и лексические, которые в зависимости от актов изменения слова подразделяются на основы словоизменения (*стран-а*, *сильн-ый*, *пищ-у*), формообразования (*писа-л-а*, *писавш-ий*, *сильн-ее*) и словообразования (*писа-тель*, *пере-писа-ть*).

В настоящей работе в соответствии с двумя выделенными единицами языка (словом и словоформой) выделяются два типа основ: 1) основа слова и 2) основа словоформы в зависимости от того, что принимается за исходное: слово в его конкретной грамматической форме (словоформа) или общая часть всех словоформ (понятие более отвлеченное).

Основа словоформы — это часть слова без окончания и словоизменительного постфикса *-те*, выражающего в глаголах значение множественного числа, например: *читал-а*, *читавш-ий*; *читај-у*, *читајущ-ий*, *читај-те*.

Основа словоформы выделяется в составе отдельной грамматической формы слова и потому так же, как морф и словоформа, является конкретной линейной (синтагматической) единицей.

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 128.

Основой слова называется общая часть всех словоформ одного и того же слова, которая остается по отсечении окончания, постфикса *-те* и формообразующих суффиксов. В приведенных примерах основой слова является часть слова чита — читај -: чита-ла, чита-вший; читај-у, читај-ущий, читај-те.

Представляя собой общую часть всех словоформ одного и того же слова, основа слова противопоставлена комплексу аффиксов: формообразующим суффиксам в сочетании с окончанием и постфиксом *-те*. По условиям выделения, в отличие от основы словоформы, она является единицей обобщенной, парадигматической, стоящей в одном ряду с морфемой и словом. Таким образом, основанием для выделения двух типов грамматических основ оказываются разные по своему качеству и количеству аффиксы.

Таблица 30

Слово	Основа	
	словоформы	слова
<i>братья</i> (ср. <i>брат</i>)	<u>брат'-і</u> -а	<u>брат'-і</u> -а
<i>длиннее</i>	<u>длин-н-ее</u>	<u>длин-н-ее</u>
<i>старше</i>	<u>стар-ше</u>	<u>стар-ше</u>
<i>длиннейший</i>	<u>длин-н-ейш-ий</u>	<u>длин-н-ейш-ий</u>
<i>изготавливают</i>	<u>из-готовл-я-і</u> -ут	<u>из-готовл-я-і</u> -ут
<i>изготавливающийся</i>	<u>из-готовл-я-і-ущ-ий-ся</u>	<u>из-готовл-я-і-ущ-ий-ся</u>
<i>изготовленный</i>	<u>из-готовл-енн-ый</u>	<u>из-готовл-енн-ый</u>
<i>изготовив</i>	<u>из-готов-и-в</u>	<u>из-готов-и-в</u>

При отсутствии в составе словоформы формообразующих суффиксов оба типа основ могут структурно совпадать: дом-□, книг-а, высок-ий, поездк-а, стројениј-е, вдруг, громко, но, без. Что касается словообразовательных постфиксов *-то*, *-либо*, *-нибудь* в составе неопределенных местоимений и глагольного постфикса *-ся/-сь*, то они в состав основы слова и словоформы входят, и в этом случае обе основы имеют прерывистый характер: чит□-либо, кт□-нибудь; из-готовл-я-і-ущ-ий-ся — основа словоформы, из-гов-л-я-і-ущ-ий-ся — основа слова.

Несмотря на возможность материального совпадения, функции обоих типов основ различны. Основа словоформы обеспечи-

вает образование синтаксических форм одного и того же слова (форм склонения имен и спряжения глаголов). От основы слова с помощью формообразующих суффиксов образуются его несинтаксические формы: а) наклонения, времени и вида глаголов: уч-у, уч-ит, но учи-л; б) причастий и деепричастий: уч-ащ-ий — учи-вш-ий; выуч-енн-ый — выучи-вши. В связи с этим одно и то же слово в разных формах может иметь различные основы. Так, в глаголе выделяются две основы: основа инфинитива (прошедшего времени) и основа настоящего (будущего простого) времени, различающиеся конечной согласной фонемой. В основе инфинитива (прошедшего времени) конечной является обычно гласная; основа настоящего — будущего простого времени оканчивается, как правило, согласной. Основа инфинитива: зва-ть, зва-л → основа зва-; основа настоящего времени: зов-у, позов-у → основа зов-. Аналогично: зна-ть, зна-л → основа зна-; знай-у → основа знай — и т.д. Основы инфинитива (прошедшего времени) и настоящего (будущего простого) могут совпадать: вез-ти (вез-ѣ-[ѣ]), вез-у, привез-у.

Оба типа основ тесно связаны с лексическим значением слова. С той, однако, разницей, что основа словоформы конкретизирует его за счет формообразующих аффиксов, а основа слова, как общая часть всех словоформ одного и того же слова, выражает лексическое значение более обобщенно, а следовательно, и более абстрактно. Кроме того, основа слова помимо собственно грамматической функции может выполнять и роль «образующей» (лексической) основы. В этом случае она входит в структуру другого слова и выступает по отношению к нему в качестве производящей базы. Так, например, имя существительное *создание* образовано от основы глагола *созда-* (*созда-ть*) путем присоединения к ней суффикса *-ниѣ* со значением процессуального признака и включает в свой состав глагольную основу в качестве производящей. Изучение словообразовательной функции основы слова входит в задачу особого раздела науки о языке — словообразования.

В структурном отношении основа словоформы и основа слова могут быть членимыми или нечленимыми. В рамках членимых основ рассматриваются основы простые и сложные. Членимыми простыми называются основы, состоящие минимум из двух морфем, одна из которых обязательно корневая: градус-ник-[ѣ], газет-чик-[ѣ], лед-ян-[ѣ], на-столь-н-[ѣ], голуб-оват-[ѣ]. Ср.: подо-ше-л-[ѣ] — основа слова, подо-ше-л-[ѣ] — основа словоформы; при-шед-ѣ-ий — основа слова, при-шед-ѣ-ий — основа словоформы.

Членимые простые основы противопоставлены членимым сложным основам или цельнооформленным словам со слитной основой типа кровать-диван-[ѣ], кафе-молочн-[ѣ].

В состав сложной основы могут входить два и более корней: пят|и|класс-ник-[ѣ], мор|е|плава-те-ль-[ѣ], тепл|о|электр|о|центр|аль-[ѣ],

грязьеводолечеб-ница. При этом соединительный элемент входит в состав основы¹.

Нечленимые основы равны корню: *стол*-[Ø], *стен*-[а], *красн*-[ый], *ид*-[ти]. По своей структуре они всегда простые. Что касается слов с простой основой, не имеющих форм словоизменения (служебные и некоторые типы полнозначительных слов), то они могут быть как членимыми, так и нечленимыми: *в*-*крут*-*ую*, *с*-*лев*-*а*, *слыш*-*и*-*о*, *по*-*казах*-*ск*-*и*, но: *или*, *но*, *через* и др.

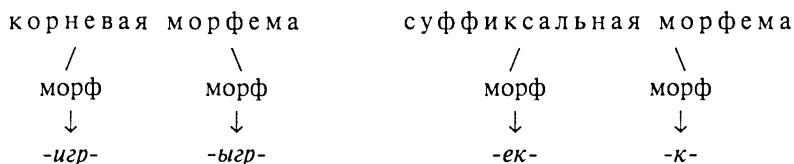
Оба типа рассматриваемых основ (основа слова и основа словоформы) характеризуются: 1) количеством и качеством входящих в их состав структурных элементов: наличием словоизменяющих суффиксов в составе словоформы и отсутствием их в структуре основы слова; 2) местом, занимаемым в системе грамматических единиц языка: основа словоформы — конкретная, синтагматическая единица; основа слова — обобщенная, парадигматическая единица, стоящая в одном ряду с морфемой и словом.

Морф и морфема

В составе определенной словоформы, т.е. употребляясь в линейном ряду, морфема выступает в конкретных значимых единицах — морфах (греч. *morphē* 'форма'), являющихся ее реализацией.

Так, корневая морфема у существительного *игра* в форме им. падежа ед. числа выступает в морфе *-игр-*, а в предл. падеже ед. числа в морфе *-ыгр-* [*в ыгрé*]. Суффиксальная морфема *-ек-* в слове *цветоч-ек* (им. п., ед. ч.) проявляется в морфе *-ек-*, а в форме род. п., ед. ч. в морфе *-к-*.

Соотношение морфем и морфов в анализируемых словах можно изобразить графически:

Морфы, реализующие морфему в словоформах разных однокорневых слов, образуют иногда целые ряды: *вес*/*вед*/*вед'*/*вод'*/*вожд'* в словах *вес-ти*, *вед-у*, *вед-ущ-ий*, *вед-я*, *вод-и-ть*, *вожд-ениц-е* составляют одну корневую морфему с общим значением 'имеющий отношение к сопровождению кого-чего-л. во время движения, ходьбы'. Морфы могут представлять одну морфему в словоформах

¹ Соединительная гласная обозначается двумя вертикальными чертами «||».

неродственных слов. Таковы, например, одноименные морфы *в-/во-*, *с-/со-* в префиксальных морфемах глаголов: *в-лечь*, но *во-йти*; *с-нять*, но *со-здать*. В неизменяемых словах типа *вчера*, *где*, *когда*, *вдруг*, *на* и т. д. морфема и морф материально совпадают.

Морфы образуют одну морфему при соблюдении двух условий: 1) если они обладают одним и тем же значением, 2) характеризуются частичной материальной (фонематической) близостью.

Обоим условиям отвечает ряд морфов корневой морфемы в словах типа *вести* — *веду*. Что касается их фонематической близости, то она проявляется в чередовании согласных *д—с*, *д—жд'*, а также в чередовании твердых и мягких согласных *д—д'*.

В зависимости от условий употребления морфы подразделяются на алломорфы и варианты. Алл о м о р ф ы (греч. *állos* 'другой') — это тождественные по значению морфы: а) различающиеся позицией в словоформе; б) зависящие от качества соседних морфов; в) находящиеся в отношениях дополнительного распределения (дистрибуции). Например: *круж-ок-□* — *круж-к-а*; *лис'-и́-□* — *лис'-і-его*. Вариантами одной морфемы называются морфы: а) тождественные по значению; б) по занимаемой ими позиции; в) способные в одной и той же позиции замещать друг друга (т. е. находиться в отношениях свободного распределения), например: *вод-ой* и *вод-ою*, *бел-ёшеньк-ий* и *бел-ёхонь-к-ий*.

Таким образом, различия между морфемой и морфом состоят в том, что морфема — это понятие общее, родовое, выделяемое в результате сопоставления всех ее морфов, а морф — это понятие частное, видовое, выделяемое в составе конкретной словоформы, в линейной цепи, т. е. в условиях синтагматики.

Морфема не может проявляться иначе, как через морфы. Поэтому в лингвистической литературе ее определяют как «простейшую единицу языка, характеризующуюся в разных случаях употребления известной общностью как со стороны значения, так и со стороны звукового выражения»¹.

Корневая морфема

В составе членимой основы выделяются два типа морфем, различающихся по их назначению и степени иерархической зависимости: 1) корневые морфемы и 2) аффиксы (служебные морфемы). Например, в основе слова *переброск-□* выделяются три морфемы: *пере'-брос-к-*, одна из которых корневая — *брос-* и две аффиксальные: приставка *пере-* и суффикс *-к-*. Корневая морфема является главной, обязательной частью основы слова. Служебные морфемы лишь дополняют ее. Определение корня связано с известными трудностями. Традиционно корень слова определяется в

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 125.

лингвистической литературе с семантической точки зрения: «Корень — это морфема с основным лексическим значением слова»¹, «корень является носителем идеи, определяющей лексическое значение слова»².

Не менее распространенным является и определение корня как общей части родственных слов. В обеих академических грамматиках сделана попытка структурного определения корня через понятие основы слова: «Корневой морф — это морф, обязательно наличествующий в каждой словоформе и могущий полностью материально совпадать с основой»³. Однако в «Русской грамматике» признается ведущая роль корня в выражении лексического значения слова⁴. Структурные признаки корня устанавливаются составителями обеих грамматик путем противопоставления его аффиксам: 1) корень обязателен для словоформы, аффиксы могут в ней и отсутствовать, 2) корень может совпадать с основой слова, аффиксы не допускают возможности такого совпадения. Однако второй из выделенных признаков не относится к бесспорно различительным. Этому препятствует, с одной стороны, наличие в языке связанных корней типа *роб-к-ий*, *роб-е-ть*, *роб-ость*, *за-лож-и-ть*, *от-лож-и-ть* и др., не существующих без сопровождающих их аффиксов, а с другой — совпадение некоторых аффиксов (правда, опосредованное, через служебные слова), приставок типа *без-*, *на-*, *от-*, *не-* и др. с предлогами и частицами.

В школьной практике корень определяется по двум признакам: 1) регулярной повторяемости в составе словообразовательного гнезда, 2) характеру выражаемого значения: «Общая часть родственных слов, в которой заключено их основное значение, называется корнем»⁵.

Корень является обязательной, далее неделимой частью основы. Без корня слово существовать не может. И если основа состоит из одной морфемы, то такая основа равна корню: ног-а, рук-а, вед-ут. Корень и основа совпадают и в нечленимых словах с отсутствующими аффиксами словоизменения типа: кафе, вдруг, очень, уже, как, где и др.

Обязательное наличие корневой морфемы для каждого слова обусловлено двумя причинами: 1) первостепенной ролью корня в выражении лексического значения, 2) центральным положением его в составе словообразовательного гнезда. Предметно-логиче-

¹ Янко-Триницкая Н. А. Членимость основы русского слова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — Т. 27. — Вып. 6. — 1968. — С. 534.

² Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — М., 1975. — С. 113.

³ Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 31.

⁴ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 24.

⁵ Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык : теория : учебник для 5–9 классов общеобразовательных учреждений. — М., 1998. — С. 54.

ский характер корня определяется, с одной стороны, особенно-стями отражения в слове реального предмета, его процессуального признака или характерного свойства, а с другой — принадлежностью слова к той или иной части речи. В связи с этим различают следующие виды значения корня: 1) предметное (*книг-а*, *дерев-о*, *рог-□*), 2) процессуальное (*нес-ти*, *игра-ть*, *беречь-□*), 3) признаковое, подразделяемое на качественный (*желт-ый*, *зелен-ый*) и количественный (*четыр-е*) признак. Степень конкретности лексического значения корня не одинакова: она может быть большей и меньшей. Менее конкретны слова со значением процессуального и качественного признака, у которых корневая морфема может выражать лишь общую идею обозначаемого понятия. (Ср. *стен-□*, *стол-□*, но *светл-ый*, *уч-ениц-е*, *разум-н-ый*.) Особое место в этом отношении занимают местоименные корни, имеющие отвлеченное указательное значение (*я□*, *мн-е*, *тот-□*, *что-□*). Они не обозначают предметов и их признаков, а лишь привлекают к ним внимание собеседника.

Однако прямой зависимости между характером лексического значения корня и частеречной принадлежностью слова провести нельзя, поскольку в пределах каждой части речи корни могут иметь различную степень конкретности. Так, корни имен существительных наряду с конкретным значением типа *берег-□*, *лес-□*, *пол'-е* могут обозначать и отвлеченное значение процессуального или качественного признака (*реш-ениц-е*, *езд-□*, *бел-изн-□* и т.д.). Но самый обобщенный смысл имеет наиболее короткий отрезок корня (корневой морф) в составе родственных слов словообразовательного гнезда. Он выражает лишь самые общие очертания обозначаемого понятия, уточняемые за счет аффиксальных морфем. В результате каждое слово приобретает свое вполне определенное лексическое значение. Так, например, корневой морф *чит-* в словообразовательных цепочках гнезда *чит-а-ть*, *чит-а-тель-□*, *чит-къ-□*, *чит-ениц-е* обозначает лишь нечто, имеющее отношение к зрительному и/или звуковому восприятию написанного. Но в слове *чтение*, сочетаясь со словообразовательным суффиксом *-ниц-/ениец-* и системой окончаний имен существительных ср. рода, он получает определенное значение 'отдельного акта действия'. Как носители лексического значения, корни противопоставлены аффиксам, выражающим более отвлеченное грамматическое или словообразовательное значение. В приведенном примере *чит-ениц-е* к числу грамматических относятся значения рода, числа, падежа имени существительного; словообразовательным, выраженным суффиксально, является значение 'отдельного акта действия'.

В материальном (звуковом) отношении корень — это неделимая часть основы, состоящая из ряда фонем (реже — одной фонемы), способная подвергаться формальным видоизменениям.

Традиционно различают два вида таких изменений: 1) позиционные (обусловленные ныне действующими фонетическими законами) и 2) исторические чередования, сохранившиеся в языке от очень давнего времени и вызываемые в прошлом фонетическими причинами. Примером первых из них могут служить чередования твердых/мягких, звонких/глухих согласных [ð/ð'], [ð/m] в словах *годовой*, *годи́чный*, *год*: [гѣд-лѣ-бѣй, глѣд'-ѣч-н-ѣй, гот], а также чередования гласных [ѣ-а-ѣ] в составе той же морфемы, вызываемые разным положением по отношению к ударению: *гот*-□, но *глѣд'-ѣчн-ѣй* [ѣй], *гѣд-лѣ* [ѣй]

К историческим чередованиям корня относится, например, чередование заднеязычных согласных *г*, *к*, *х* с шипящими *ж*, *ч*, *ш* в корнях имен существительных с уменьшительным суффиксом *-ок*: *друг* — *дружок*, *сук* — *сучок*, *стих* — *стишок*. Чередование корневых звуков *к* — *ч* имеет место перед окончаниями личных форм глагола *пекѹ* — *печѣшь*. О независимости таких чередований от звукового окружения корня свидетельствует тот факт, что оба чередующихся звука во всех приведенных примерах находятся перед морфами одинакового звучания, т.е. в одной и той же фонематической позиции. Такие виды формальных различий корневой морфемы не нарушают ее смыслового единства, поскольку представленные видоизменения связаны с одним и тем же понятием об определенном промежутке времени.

Подобные различия корневой морфемы (за исключением редукции гласных в зависимости от положения по отношению к ударному слогу) относятся в обоих академических грамматиках к алломорфам, поскольку они отвечают основным условиям формальных преобразований морфов: 1) имеют тождественное значение, 2) находятся в отношении дополнительной дистрибуции, 3) их материальное различие обусловлено морфонологически, т.е. качеством соседних морфов в составе словоформы. Так, корневые глагольные морфы *пек-/печ-* позиционно распределяются так: морф *пек-* выступает перед окончанием глаголов 1-го л., ед. ч. *-у* (*пек-ѹ*), а морф *печ-* — перед окончанием 2-го л., ед. ч. *-ешь* (*печ-ѣш*). Такое объединение различных типов чередований (фонетически обусловленных и исторических) в общем понятии фонематических, формальных преобразований морфов в известной мере объясняется тем, что внимание составителей обеих академических грамматик последнее время сосредоточено главным образом вокруг вопросов, связанных с анализом формальной структуры слова.

Свободные и связанные корни

По степени морфемной и семантической самостоятельности различают свободные и связанные корни.

Свободными называются корни, способные выступать самостоятельно, вне сочетания со служебными (кроме флексии) морфемами или другими корнями. Например: *стен-а*, *окн-о*, *зим-а*, *езд-а*, *лесостепь-ф*. В этом случае слово представляет собой сочетание корневой морфемы с окончанием, в неизменяемых словах типа *здесь*, *вчера* — основу, которая совпадает с корнем.

К связанным относятся корни, выступающие только в соединении со служебными морфемами (в том числе и нефлексийными) или другими корнями в составе членимой (производной) основы. Такие корни отличаются от свободных корней, поэтому их принято называть радиками (лат. *radix* 'корень' и греч. *oíd* 'подобный'): *вдобавок* (*в-дб-бав-ок*), *ввергнуть* (*в-верг-н-у-ть*), *завет* (*зв-вет-о*), *навык* (*нв-вык-о*), *надеть*, *одеть* (*нв-/д-де-ть*) и др. Особенности их употребления вызваны тем, что слова со связанными корнями не имеют параллельной нечленимой основы. Так, например, при наличии ряда повторяющихся слов с корнем *-бав-*: *добавить*, *добавка*, *добавочный*, *прибавка*, *разбавить* и др. — в современном русском языке нет ни одного слова, где бы корень *-бав-* выступал самостоятельно.

Образование слов со связанными корнями вызвано разнообразными изменениями слова в процессе исторического развития языка. Так, например, в словах *палец* и *солнце* корневые морфемы с точки зрения современного сознания употребляются лишь в сочетании со словообразовательными аффиксами: *пал-ец-о*, *паль-чик-о*; *солн-ц-е*, *солн-еч-н-ый*, *солн-ышк-о*, *солн-ц-е-нёк-о*. Однако в первом из этих слов — *палец* явление связанности корня вызвано утратой исходного слова *наль*, употреблявшегося прежде в аналогичном значении как слово с нечленимой основой, а во втором — *солнце* — расхождением смысловых связей с однокорневым словом *соль*, от которого оно образовано. Связанные корни отличаются от свободных корней рядом признаков: они 1) не употребляются в качестве нечленимых основ; 2) характеризуются частой повторяемостью в рядах одноструктурных образований. Это особенно ясно в производных словах с приставками и суффиксами: *на-де-ть*, *о-де-ть*, *пере-о-де-ть*, *раз-де-ть*, *при-о-де-ть*; *ото-й-ти*, *подо-й-ти*, *по-й-ти*, *со-й-ти*; *до-каз-а-ть*, *за-каз-о*, *на-каз-о*, *при-каз-о*, *с-каз-о*, *с-каз-а-ть*, *у-каз-о*, *у-каз-а-ть* и т.д.; 3) имеют затемненное для современного восприятия значение, подобно словам в составе фразеологически связанных единиц: *ни зги не видно*, *балясы*, *лясы точить*, *кромешный ад*, *попасть впросак*, *строить кúры* и т.д.

Частая повторяемость связанных корней не препятствует образованию слов с единичными связанными корнями, называемыми уникальными, типа *бужен-ин-а*, *смород-и-н-а*, *мал-ин-а*, членение которых осуществляется по остаточному принципу. Выделение связанных и уникальных корней при морфемном

анализе состава слова часто вызывает затруднения, в особенности в тех случаях, когда от этимологического корня остаются один-два звука типа $\overline{об}-\overline{у}-\overline{ть}$, $\overline{раз}-\overline{у}-\overline{ть}$, $\overline{об}-\overline{у}-\overline{в}-\square-\square$, $\overline{с}-\overline{ня}-\overline{ть}$, $\overline{в}-\overline{ня}-\overline{ть}$, $\overline{от}-\overline{ня}-\overline{ти}-\overline{и}-\overline{е}$.

Спорным остается вопрос о выделении корневой морфемы при анализе состава слова не только со связанными или уникальными корнями. Споры идут о том, какому критерию отдать предпочтение при выделении корневой морфемы — семантическому, при котором корень определяется через сопоставление с родственными словами, или формально-грамматическому, при котором определяющим является типовое морфемное окружение корня. Так как каждому из предложенных критериев свойственны свои ограничения, общепринятым в лингвистической литературе остается прием двойного сопоставления¹ анализируемого слова с: а) родственными ему словами одного и того же гнезда (план парадигматики) и б) одноструктурными словами одного и того же словообразовательного типа (план синтагматики). При этом чем шире при сопоставлении круг слов, входящих в одно гнездо, тем легче выделить корень и определить его лексическое значение. Так, сопоставление слова *поездка* с родственными ему словами *поездить*, *ездить*, *езда* позволяет выделить в его основе корень $\overline{езд}$, сопоставление же слова *поездка* с двумя рядами одноструктурных слов: а) *возка*, *носки*, *переброска* и б) *походка*, *повалка*, *полет* — способствует в первом случае выделению суффикса $\overline{-к}$, а во втором — приставки $\overline{по}$. Учет морфемного окружения корня подтверждает правильность его выделения.

Сопоставлению анализируемого слова, если оно относится к числу изменяемых, предшествует сопоставление всех его словоформ: *поездк-а*, *поездк-и*, *поездк-е*, *поездк-у*, *поездк-ои*, *о поездк-е*. Это позволяет выделить в его структуре окончание и основу слова.

Аффиксальные морфемы

Аффиксы (лат. *affixus* 'прикрепленный') по месту относительно корня делятся на: приставки (префиксы), суффиксы, окончания (флексии), постфиксы и интерфиксы.

Все перечисленные аффиксы образуют по этому признаку противопоставление. Приставка, располагаясь в начале слова перед корнем, противопоставлена окончанию, занимающему в словоформе конечную позицию, и постфиксам, которые стоят после окончания. Нейтральное положение — в середине основы — занимают интерфиксы.

Помимо местоположения аффиксы могут быть рассмотрены с точки зрения: 1) выполняемой ими функции, 2) характера выра-

¹ См.: Грамматика русского языка. — М., 1953. — С. 578–581.

жаемого значения, 3) особенностей структуры, 4) степени регулярности и продуктивности.

Приставка/префикс (лат. *præfixum* 'прикрепленный спереди') — аффикс, который находится перед корнем и выражает словообразовательное и/или грамматическое значение. Обычно приставка располагается перед корнем, но может находиться перед другой или другими приставками, если их в слове несколько, например: *без'-раз'-мерный*, *пере'-на'-сытить*, *по'-раз'-мыслить*, *по'-на'-вы'-дергивать*, *по'-при'-за'-думаться* и т.д. Большинство приставок по своему происхождению исконно русские. Приставок иноязычного происхождения немного, из них наиболее употребительными являются *а-*, *анти-*, *архи-*, *интер-*, *наи-*, *ультра-*: *а-*моральный, *анти-*общественный, *архи-*сложный, *интер-*вокальный, *наи-*больший, *ультра-*консервативный.

По структуре исконно русские приставки в большинстве случаев являются простыми (*без-/бес-*; *в-/во-*; *вы-*; *до-*; *за-*; *из-/ис-/изо-*; *на-*; *о-/об-/обо-*; *пере-*; *раз-/рас-* и др.), но могут быть и составными (производными или сложными), образованными в результате сочетания двух префиксальных морфем. Такие приставки немногочисленны: *обез-/обес-*; *недо-*; *небез-/небес-* (*обез'*-водить, *обес'*-силить, *небез'*-известный, *небес'*-полезный, *недо'*-выполнить, *недо'*-брат и т.д.).

Приставки, как правило, выполняют словообразовательную функцию. Они служат для образования новых слов, например: *вы'полнить* (план) → *пере'*-выполнить; *группа* → *под'*-группа; *ныне* → *от'*-ныне. При этом приставка присоединяется к производящему слову в целом и не изменяет его принадлежности к той или иной части речи.

Глагол *выполнить*, принимая приставку *пере-*, остается в системе этой части речи (*выполнить* — *пере-выполнить*), точно так же как имена существительные, прилагательные и наречия в этом случае не изменяют своих свойств (*школьный* — *при-школьный*; *ныне* — *от-ныне*).

Приставки наиболее продуктивны в образовании глаголов. Образуя новое слово, приставки существенно не изменяют его лексического значения, а лишь вносят в него дополнительные оттенки смысла. Так, в префиксальных глаголах *во-гнать*, *вы-гнать*, *до-гнать*, *при-гнать*, *со-гнать*, *ото-гнать* и др. приставка оказывает влияние не на характер перемещения, а указывает на различия в направлении движения (внутри, изнутри наружу, до определенного пространственного предела, вниз, от предмета и т.д.). В именах прилагательных, существительных и некоторых наречиях приставка изменяет не признак, заложенный в слове, а выражает степень его проявления (часто высшую), отрицание признака: *предобрый*, *наи-лучший*, *рас-красавица*, *без-лунный*, *не-умный*, *до-нельзя*, *за-светло* и др.

Несмотря на то что словообразовательное значение приставок имеет лишь дополнительный (модифицирующий) характер, оно обладает относительной самостоятельностью, поскольку не зависит от влияния флексии и не выражает грамматических свойств слова. Это объясняется, с одной стороны, препозитивным положением приставок по отношению к корневой морфеме, а с другой — их происхождением, исторически связанным с первообразными предлогами, которые являются самостоятельными словами, хотя и служебными. И до сих пор еще сохранилась звуковая и семантическая соотнесенность между приставкой и предлогом, без участия которого многозначная приставка не может конкретизировать своего значения. Так, приставка *до-* способна выразить значение ‘достижения пространственного (или временного) предела’ только в сочетании с предложно-падежной формой *до- + имя существительное*, например: *добежать до дверей, доехать до города, дожить до весны*. При отсутствии такой формы приставочный глагол выражает иное значение — ‘доведение действия до его конца, завершение его’.

Этим обусловлены некоторые структурные особенности приставок:

1) в отличие от словообразовательных суффиксов они присоединяются не к производящей основе слова, а к слову в целом;

2) при этом приставки не изменяют частеречной принадлежности нового слова по сравнению с тем, от которого оно образовано, и не могут программировать его лексико-грамматические свойства.

Обычно выделение приставок при морфемном анализе слова не вызывает затруднений. Трудности в этом отношении возникают в двух случаях: 1) при смешении структуры сложных приставок типа *недо-*, *обез-/обес-* с простыми приставками, из сочетания которых они образованы (*не-* + *до-*, *не-* + *без-/бес-* и т.д.); 2) при неразличении синхронного и диахронического подходов к морфемному анализу слова, т.е. в случаях выделения приставок в тех словах, где они могут быть выделены лишь этимологически, типа *воспитание*, *прилежный*, *сведение* и др.

Известные трудности представляют и префиксальные глаголы со связанными корнями типа *вос-пре-тить*, *вос-пре-щается*. В первом случае при выделении морфем в слове следует принимать во внимание: а) характер словообразовательного значения сложных и простых приставок, б) возможность сочетаемости простых приставок с производящими словами. Так, например, в словах типа *недбразвитый*, *недбношенный*, *неддоценка*, *неддспать* и в ряде других выделяется сложная приставка *недо-*. Об этом свидетельствует ее словообразовательное значение ‘недостаточной степени проявления действия или признака’, реализуемое в данных образованиях, а также невозможность сочетаемости приставки *до-* с рядом при-

веденных слов (*доразвитый, дооценка, доспать* и т.д.). Во втором случае трудности при морфемном анализе возникают из-за полной или частичной утраты префиксальной или корневой морфемы своего значения. Так, например, в слове *сведение*, несмотря на возможность сопоставления его с однокоренными словами, приставка не выделяется, так как ее словообразовательное значение уже не осознается.

Окончание/флексия (лат. *flexio* ‘сгибание’, ‘переход’) — изменяемая часть словоформы, служащая для выражения грамматического значения и указывающая на синтаксические отношения словоформ друг к другу в предложении. Не являясь частью основы, окончание занимает обычно в составе словоформы конечную позицию. После окончания могут находиться лишь постфиксы *-сь/-ся*: *молни-я, дерев-о, свеж-ий, говор-ю, себ-я, никт-о, но чт-о-то, как-ой-нибудь, дыми-ть-ся, взвил-и-сь* и т.д.

В сложных именах числительных типа *пят-и-десят-и, дв-е-ст-и, дв-ум-ст-ам, шест’-и-ст-ами* и др. выделяются два окончания, одно из которых, выполняя дополнительную функцию связки, располагается в середине слова.

Окончание выполняет двойную функцию:

1) словоизменятельную — служит для образования грамматических форм слова (рода, числа, падежа — у имен; лица, числа — у глаголов): *стран-а, стран-ы, стран-е...*; *друж-у, друж-ишь, друж-ит...* и т.д.;

2) выражает синтаксические отношения между словоформами в предложении. Например, предложения *Отдали тетрадь ученика* и *Отдали тетрадь ученику* состоят из одинаковых слов, но в первом из них словоформа *ученика* является определением (*тетрадь чью?*), а во втором — дополнением (*отдали кому?*).

Однако наряду с основной функцией окончание может служить и средством образования новых слов, т.е. выполнять роль словообразовательных аффиксов. В этом случае проявляется функциональный синкретизм окончаний. Такое явление наблюдается, например, при субстантивации имен прилагательных и причастий. Имена существительные типа *командующий, приемная, будущее* в отличие от производящих слов имеют формы только одного рода; существительные типа *командировочные, наличные, суточные* — формы только мн. числа. При этом набор окончаний сокращенной парадигмы таких слов является одновременно словообразовательным формантом и средством образования грамматических форм нового слова.

Окончание выражает наиболее отвлеченное грамматическое значение, которое присуще не слову в целом, а определенной грамматической словоформе. Поэтому взаимозамена окончаний приводит к изменению грамматических форм слова и их грамматических значений: *побед-а, побед-ы, побед-е* и т.д. Этим опреде-

ляется одно из важнейших свойств окончаний — их комплексный характер.

Окончания существуют не в одиночку, а взаимно предполагают друг друга, образуя их наборы, комплексы, которые повторяются в словах одной и той же части речи. Так, набором окончаний, выделенных в слове *победа*, обладают все имена существительные 1-го склонения типа *земля, страна*; набор окончаний (-у/-ю, -ешь/-ишь, -ет/-ит, -ут/-ют, -ат/-ят) типичен для всех глаголов I и II спряжения. Комплексный характер имеет и само грамматическое значение, поскольку одно окончание выражает несколько значений. Так, окончание -а/-я в именах существительных является носителем трех грамматических значений: ж. рода, ед. числа, им. падежа. Окончание -у/-ю в глаголах *виж-у, зна-ю (знай-у)* выражает значения 1-го лица, ед. числа, наст./буд. времени.

Окончанием обладают только изменяемые (склоняемые и спрягаемые) слова. Поэтому неизменяемые слова: наречия (*дружески, чуть-чуть*), деепричастия (*читая, запомнив, несиш*), компаративы (*громче, более*), предикативы (*можно, нельзя*), служебные, модальные слова и междометия (*чтобы, но, ли, конечно, эх, караул*), иноязычные прилагательные и существительные (*пенсне, хаки*) — окончания не имеют.

Особое место занимают формы инфинитива глаголов. По традиции аффиксы инфинитива -ть, -ти относят к формообразующим суффиксам на том основании, что: 1) они встречаются в неизменяемых словоформах типа *учи-ть, нес-ти, лез-ть* и 2) не выражают синтаксических отношений между словами в предложении. В некоторых лингвистических работах последнего времени эти аффиксы инфинитива относят к окончаниям¹. Такое решение обусловлено рядом структурных и семантических показателей: 1) аффикс [-ть]/[-ти] служит для образования грамматической формы инфинитива и выполняет функцию, аналогичную окончанию, 2) его значение, как словоизменительного аффикса, по степени отвлеченности приближается к грамматическому значению окончания, 3) замена аффикса -ти/-ть другими аффиксами (-у/-ю, -ешь/-ишь, -ет/-ит, -ут/-ют) приводит к изменению грамматической формы слова и ее значения, 4) так же, как и окончание, аффикс -ть/-ти не входит в состав словоформы. Исключение из этого правила составляет форма инфинитива на -чь (*беречь, печь, стеречь*), в которой фонема ч входит в основу словоформы. Об этом свидетельствует чередование заднеязычных согласных г или к с аффрикатой ч: *берег-у, береж-ен-н-ый, беречь, пек-у, испеч-енн-ый, испечь*. Такое чередование вызвано процессом расподобления конечных согласных г или к корня и начального звука т в составе суффикса -ти древнерусской формы инфини-

¹ См.: Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 124.

тива типа *пекти*, *берегти*. Это и привело к появлению в ее составе аффрикаты *ч*. Поэтому с точки зрения современного сознания в аффиксе *-чь* совмещены корневой звук *г* или *к* и суффиксальный *т*. Этим объясняется тот факт, что в определении аффикса *-чь* среди ученых нет единства. Одни исследователи считают, что *-чь* не суффикс инфинитива, а конечная фонема корня. Другие относят элемент *-чь* к материально выраженным окончаниям. Третьи полагают, что форма инфинитива на *-чь* имеет нулевое окончание.

Трудности в выделении окончания легко устранимы при обращении к парадигме слова. Тем не менее они остаются в случае морфемного анализа слов со звуком *ј*, который, скрываясь за буквами *е*, *ё*, *ю*, *я*, *й*, в одних случаях относится к основе слова, а в других — к окончанию. Ср., например: *сто-ю* (*стој-у*), но *степ-ю* (*стен'-ју*), *семь-и* (*сем'ј-и*), но *сем-и* (*сем'-и*); *иде-я* (*идеј-а*), *идей-□* (*идеј-□*), но *мысл-ей* (*мысл'-ей*), *арми-я* (*армиј-а*), но *знам-я* (*знам'-а*).

Во всех подобных случаях следует помнить, что буквы *е*, *ё*, *ю*, *я* в положении после гласных (*идея*, *армия*) и после разделительного *ь* (*семья*, *степень*) обозначают два звука *јѣ*, *јѓ*, *јѹ*, *јѧ*. Чтобы определить, к какой части слова относится звук *ј*, нужно подобрать такую словоформу, в которой корневая морфема выступала бы в своем основном виде и, сопоставив ее с другими словоформами этой парадигмы, уточнить местоположение звука *ј*. Например, в имени существительном *друзья* корневая морфема наиболее отчетливо выступает в форме им. п., ед. ч. → *друг-□*. В словоформе *друзья* (*друз'-ј-ѧ*) происходит чередование звуков *г/з* и наращение словоизменительного суффикса *-ј-* со значением мн. ч. Этот суффикс остается в словоформе род. п., мн. ч. *друзей* (*дру-з'-ѣј-□*), с той, однако, разницей, что в его составе появляется беглый гласный [е]. При этом в словоформе *друзья* суффикс *-ј-* обозначается буквой *я* (*ј-а*), а в словоформе *друзей* — буквой *й*. Следовательно, в словоформе *друзья* фонетическое окончание *-ѧ*, а в словоформе *друзей* *-□* оно нулевое.

Суффикс (лат. *suffixus* 'прикрепленный') — это аффикс, находящийся перед окончанием и служащий для образования новых слов и/или их грамматических форм.

Суффиксы располагаются обычно после корня, но могут находиться и после другого или других суффиксов, общее количество которых в словоформе иногда достигает 3—4. Ср., например: *издатель-□*, *дач-н-ый*, *гост-н-ть*, но *послед-ова-тель-□*, *послед-ова-тель-ниц-а*, *послед-ова-тель-н-ость-□*. В абсолютном конце словоформы суффиксы могут быть только у неизменяемых слов: *полезн-ѓ*, *вызывающ-ѣ*, *крайн-ѣ*, *слегк-ѧ*, *сообщ-ѧ*, *сослеп-ѹ* и др.

Занимая позицию перед окончанием, суффиксы характеризуются рядом структурных особенностей:

1) неразрывной спаянностью с тем или иным комплексом окончаний и образованием вместе с ним единого форманта: *-ниѳ(е)/-ениѳ(е)*, *-ств(о)/-еств(о)*, *-ниѳ(а)*; например: *пе-ниѳ(е)*, *рожд-ѳни(е)*;

2) способностью суффиксов вместе с окончанием предопределять отнесенность слова к той или иной части речи, тому или иному типу склонения или спряжения. Так, например, суффикс *-ниѳ(а)* со значением 'вместилища для чего-нибудь (сосуд, ящик, коробка)' — *черниль-ниѳ(а)*, *хлеб-ниѳ(а)*, *сахар-ниѳ(а)* — предопределяет отнесенность слова к именам существительным ж. р., ед. ч., им. п. Суффикс *-ск(иѳ)* в словоформах *свет-ск(иѳ)*, *сенат-ск(иѳ)* указывает на принадлежность их к именам прилагательным, а суффикс *-ну-* в словоформах типа *толкнуть*, *крикнуть* относит их к глаголам I спряжения;

3) в отличие от приставок суффиксы присоединяются не к слову в целом, а к основе словоформы. Этим в свою очередь объясняется их способность изменять частеречную принадлежность вновь образованного слова. Так, имя существительное *дружба* образовано от глагола *дружить* (*дружи-ть* — *друж-ѳ(а)*), имя прилагательное *длинный* от основы существительного *длина* путем присоединения суффикса *-н* (*длин-а* — *длин-н(иѳ)*), а мотивирующей основой для суффиксальных глаголов *красн-ѳ(ть)*, *бледн-ѳ(ть)* послужили имена прилагательные *красный*, *бледный*. Возможны и случаи, при которых присоединение суффиксов к производящей основе оставляет производное слово в составе той же части речи: *газета* → *газет-ѳик*□, *водяной* → *водян-ѳст-ѳиѳ*□, *семь* → *сем-ѳр-ѳ*□.

По функции суффиксы подразделяются на словообразовательные и словоизменительные.

Выполняя словообразовательную функцию, суффиксы, в отличие от приставок, изменяют лексическое значение производного слова, хотя, как и все аффиксы, имеют по сравнению с корнем дополнительное, более отвлеченное значение. Так, от основы имен существительных *гардероб*, *газета* с помощью суффикса *-ѳик/-ѳик* образованы новые слова той же части речи, но с иным значением: не предметности, а лица по отношению к объекту, орудия действия: *гардеробѳик*, *газетѳик*.

Словообразовательное значение суффиксов по степени отвлеченности не однородно. Оно может быть общим, типовым и частным. Так, общее словообразовательное значение суффикса *-тель/-иѳель* 'носитель отношения к действию' подразделяется на два частных значения: а) 'лицо, производящее действие': *преподава-тель-*□, *учи-тель-*□, *спас-иѳель-*□; б) 'учреждение, организацию, осуществляющие данное действие': *отправи-тель-*□, *заготови-тель-*□. В современном русском языке суффиксы преимущественно словообразовательные.

С л о в о и з м е н и т е л ь н ы е суффиксы служат для образования несинтаксических форм слова. Они встречаются обычно в формах глаголов и степеней сравнения имен прилагательных. Их можно представить закрытым списком: 1) суффикс прошедшего времени *-л-*: *дума-л-□*, *дума-л-а*, *дума-л-и*; 2) суффикс *-й-* в форме повелительного наклонения: *вед-й*, *нес-й*, *бер-й*; 3) суффиксы причастий настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залога *-ущ-/-ющ-*; *-ащ-/-ящ-*; *-вш-/-вш-*; *-ем-/-ом-/-им-*; *-нн-*, *-енн-*, *-т-*: *чита-ющ-ий*, *чита-вш-ий*, *чита-ем-ый*, *прочита-нн-ый*; 4) суффиксы деепричастий совершенного/несовершенного вида *-а-/-я-*; *-в-*, *-вши*, *-иши*: *читая* (*чита-а*), *прочитав*, *прочитавши* (*прочита-в-вши*), *несиши* (*нес-иши*). К формообразующим суффиксам имен прилагательных в лингвистической литературе относят бесспорно только суффиксы степеней сравнения *-ее*, *-е*, *-ше*: *красив-ее*, *больш-е* (ср. *больш-ой*), *стар-ше* (ср. *стар-ый*). Что касается формообразующих суффиксов превосходной степени имен прилагательных *-ейш-/-айш-* (*красив-ейш-ий*, *велич-айш-ий*), то они в ряде работ квалифицируются как один из словообразовательных типов, выражающих высшую степень проявления признака.

Тесной связью суффиксов с окончаниями объясняются те трудности, которые возможны при выделении суффиксов в условиях графического изображения слова. Ср., например: *голуб[ей]*, но *семей□* (*голуб'-□*, *голуб'-[и]* *голуб'-[ей]*, но *сем'j-[а]*, *сем'j-[и]*, *сем'эi-□*); *человечий□*, но *висяч-[ий]* (*висяч-[ий]*, *висяч-[его]*, *висяч-[ему]*, но *человеч'-ий-□*, *человеч'-i-[его]*, *человеч'-i-[ему]*). В основе словоформы притяжательных прилагательных м. рода, ед. числа, им. падежа (*человечий*) появляется беглый звук [и], отсутствующий в других формах слова (ср. *человек-□*, *человеч'-иц-□*, но *человеч'-i-[его]*, *человеч'-i-[ему]*...). Дополнительные трудности создаются при одинаковом графическом изображении разных аффиксов слова — окончаний и суффиксов (ср. *сем-ей-□* и *голуб-[ей]*).

Термин **п о с т ф и к с** (от лат. *post* — 'после' и *fexus* — 'прикрепленный') употребляется по отношению к особой разновидности аффиксов, находящихся после окончания в абсолютном конце слова.

В русском языке пять постфиксов: два глагольных *-ся/-сь*, *-те* (*бороть-ся*, *бору-сь*, *учи-те*) и три местоименных *-то*, *-либо*, *-нибудь* (*кто-то*, *какой-либо*, *что-нибудь*). В современных школьных учебниках русского языка термин «постфикс» не употребляется. Аффиксы этой разновидности отнесены к суффиксам.

Все перечисленные постфиксы (за исключением *-те*) с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е. Так, например, постфикс *-ся/-сь* сообщает глаголам *переписываться*, *ссориться* значение взаимности, а местоимения и наречия с постфиксами *-то*, *-либо*, *-нибудь* имеют значение неопределенности. Однако постфикс *-ся/-сь* может вы-

полнять и словоизменительную функцию: он используется для образования форм страдательного залога. Ср., например: Рабочие строят дом. — Дом строится рабочими.

Словоизменительный постфикс *-те* в формах повел. наклонения выражает грамматическое значение мн. числа: *пиши-те*, *смотри-те*, *не забывай-те*.

В слове может быть два постфикса, следующих друг за другом. Это наблюдается в глаголах повел. наклонения мн. числа: *задумай-те-сь*, *не переговаривай-те-сь*.

Особенности постфиксов проявляются в том, что они совмещают в себе признаки приставок и суффиксов. Занимая позицию справа от корня так же, как и суффиксы, они тем не менее ведут себя в словообразовательном отношении как приставки: при чистой постфиксации (*мыть* — *мыть-ся*, *строить* — *строить-ся*) присоединяются ко всему слову в целом и не изменяют частеречной принадлежности слова и тип его словоизменения. При этом глаголы остаются глаголами, а местоимения — местоимениями: *повышать благосостояние масс* — *благосостояние масс повышает-ся*, *начинать учебный год* — *учебный год начинает-ся*. Присоединение постфиксов к слову в целом приводит к образованию прерывистой основы, разделенной окончаниями: *чит[о]-то* (*чит...-то*), *как[ой]-либо* (*как...-либо*), *начина[ет]-ся* (*начина...-ся*).

С суффиксами, кроме местоположения относительно корня, постфикс *-ся/-сь* сближается тем, что в смешанных способах словообразования, где в качестве словообразовательного средства выступает не только постфикс, но и суффикс, постфикс, как часть сложного форманта, присоединяется не к слову в целом, а к основе и потому изменяет частеречную принадлежность и грамматические свойства слова. Например, возвратный глагол *колосить-ся* образован от основы имени существительного *колос*-□ путем прибавления форманта *-й-...-ся* и соответствующей системы окончаний. Глагол *скупить-ся* образуется тем же способом от основы имени прилагательного *скупой*, а глагол *прилуниться* создан на базе имени существительного *луна* с помощью сложного форманта, в состав которого входит приставка *при*-...-*й-ся*: *прилун-й-ть-ся*.

Термином *интерфикс* (от лат. *inter* 'между' и *fixus* 'вставленный') в лингвистической литературе объединяются связанные между собой, но не тождественные понятия: 1) «межморфемные прокладки» (Е.А. Земская), играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, и 2) соединительные гласные *о*, *е* в составе сложных слов, стоящие, по мнению некоторых исследователей, в одном ряду с суффиксами и префиксами.

Межморфемные прокладки (по мнению Е.А. Земской) незначимы и потому не являются аффиксами. Они обеспечивают закономерную сочетаемость морфем и являются результатом их

морфонологических изменений. Такие прокладки, состоящие из одного или нескольких звуков, могут соединять разные морфемы, в том числе и корневые (*лес-|о|-степь, сея-|л|-к-а*), но на границе основы и суффикса они встречаются чаще всего. Так, в прилагательных *летний, зимний* (*лет-н-ий, зим-н-ий*) отношение к определенному промежутку времени выражено суффиксальным морфом *-н-*, выступающим в своем основном виде, а в прилагательном *вчерашний* (*вчера-|ш|-н-ий*) — морфом *-шн-*, осложненным дополнительным звуком *|ш|*. Аналогичное явление наблюдается и в прилагательных со значением индивидуальной принадлежности чему-л.: *саратов-ск-ий, казан-ск-ий*, с одной стороны, и *орл-ов-ск-ий, горьк-ов-ск-ий*, с другой. Поскольку основного вида морфем вполне достаточно для выделения их словообразовательного значения, межморфемные прокладки являются незначимыми. Однако В. В. Лопатин вводит понятие «интерфикс» в ряд терминов, обозначающих виды аффиксов по их положению в слове, считая, что «термин этот обозначает аффикс, находящийся между корнями... Точнее, интерфикс связывает не корни, а простые основы в составе сложной основы»¹. Например: *лес-ѐ-заготовки, земл-ѐ-проходец*. Расширяя это понятие за счет элементов: *-и-*, *-ех-*, *-ух-*, *-у-* (*сорв-и-голова, пят-и-конечный, четыр-ех-этажный, дв-ух-этажный, пол-у-тень*), он приписывает им, в отличие от соединительных гласных *-о-*, *-е-*, особое словообразовательное значение, синтагматическое по своей природе, считая, что такой интерфикс не асемантическая прокладка и не часть морфемы, а особая морфема, значимая часть слова.

С расширением понятия «интерфикс» за счет указанных строчных элементов согласны не все ученые. Например, многие из них считают, что элементы *-и-*, *-ех-*, *-ух-*, *-у-* не являются вставными. Это по происхождению окончания повел. накл. глагола (*сорвиголова*) или падежной формы количественных числительных (ср. *семь-□, сем-□ и сем-и-летк□*; *четыр-□, четыр-□ и четыр-□-ст□*; *четыр-ех-этажн□*; *дв-□, дв-□ и дв-ух-этажн□*), выполняющие в составе сложных слов дополнительную связочную (синтагматическую) функцию.

Спорным остается и вопрос о способах членимости слова с асемантическими элементами. Исходя из положения о безостаточном членении всех значимых единиц языка (слов, морфем и предложений), большинство ученых полагают, что членение слова нужно производить без остатка. На этом основании интерфиксы должны отойти или к основе слова, которая при этом подвергается наращению, или к суффиксу.

¹ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. — М., 1977. — С. 53–54.

Материально выраженные и нулевые аффиксы

По характеру формального выражения аффиксы могут быть материально выраженными и нулевыми.

Материально выраженные аффиксы с точки зрения их фонематического окружения в составе словоформы, так же как и корневые морфемы, могут занимать позиции алломорфов и вариантов. Так, например, алломорфы префиксальных морфем типа *в-/во-*; *вз-/взо-/вс-*; *из-/изо-/ис-*; *от-/ото-* и т.д. обусловлены двумя свойствами морфов, перед которыми они располагаются: 1) количеством фонем в их составе, 2) качеством их начальной фонемы.

Количественным составом последующих морфов определяется наличие/отсутствие гласной фонемы в исходе префиксального морфа. Отсутствие гласной в приставках типа *в-*, *вз-/вс-*, *из-/ис-*, *от-* наблюдается, если последующий морф образует собой слог. Например: *в-бе-жать*, *вз-бро-сить*, *вз-мыть*, *вс-крик-нуть*. При стечении согласных в последующем морфе выступают алломорфы с наличием гласной: *во-гнать*, но *в-го-ним*; *ото-рвать*, *ото-гнать*, но *от-ры-вать*, *от-го-нять*.

Что касается качества начальной фонемы последующего морфа, то оно оказывает влияние на конечный согласный алломорфов префиксальных морфем. Так, префиксальные морфы с конечным звонким согласным возможны лишь перед сонорными и звонкими согласными фонемами, например: *вз-лететь*, *вз-мыть*, *из-бежать*, но *вс-кричать*, *ис-тратить*, *ис-сушить*. Качеством звукового состава предшествующих морфов объясняется и появление морфов постфикса *-ся/-сь*. Морф *-ся* обычно занимает позицию после морфов, оканчивающихся на согласную: *мо^л-ет-ся*, *мы-л-ся*, *мо-й-ся*. В позиции же после морфов, оканчивающихся на гласную (кроме флексийных падежных морфов), выступает морф *-сь*: *мо-л-я-сь*, *мы-л-я-сь*.

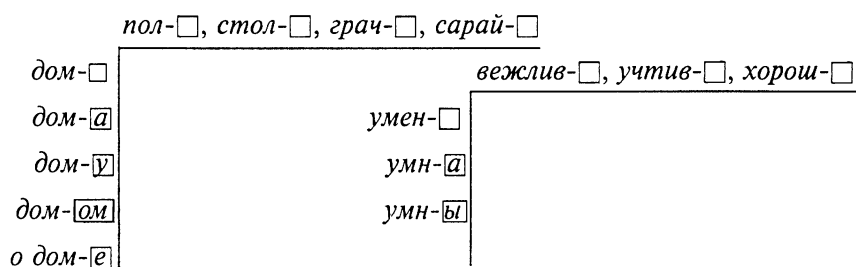
Алломорфы одной суффиксальной морфемы *-ств(о)* и *-еств(о)* в словах *автор-ств-о*, *сосед-ств-о*, но *студенч-еств-о*, *кулач-еств-о* также вызваны формальной стороной окружения: морф *-еств(о)* выступает только после шипящих фонем, а морф *-ств(о)* — после всех остальных (*актер-ств-о*, *сосед-ств-о*, *упрям-ств-о*).

Морфы являются вариантами в том случае, если, имея тождественное значение, характеризуются фонематической близостью и способностью заменять друг друга в окружении одних и тех же морфов. При этом вариантные морфы могут иметь дополнительную стилистическую или эмоционально-экспрессивную нагрузку. Так, например, окончания имен прилагательных *-ой/-ою* (*тих-ой/тих-ою*) — варианты, отвечающие всем указанным требованиям. Флексия *-ою* в отличие от *-ой* встречается в поэтической речи и характеризуется стилистической окраской книжности.

Нулевыми (или материально невыраженными) называются аффиксы, имеющие грамматическое или словообразовательное значение, не выраженное формально. Нулевыми бывают окончания (флексии), суффиксы и интерфиксы. В школьной практике понятие нулевой морфемы распространяется только на словоизменительные аффиксы — окончания. Так, например, краткое имя прилагательное *умен-* имеет грамматическое значение м. р., ед. ч., им. п., но в отличие от других форм этого слова (*умн-а*, *умн-ы*) оставляет его материально не выраженным. То же наблюдается и в форме имен существительных типа *дом*, *пол*, *дуб*, *сарай* (ср. *дом-я*, но *дом-а*, *дом-у*, *дом-ом* и т.д.), выражающей значение м. р., ед. ч., им. п. без каких-либо формальных показателей. В связи с этим в грамматиках русского языка нулевые аффиксы определяются как «значимое отсутствие». Значимость таких аффиксов устанавливается по сопоставлению с материально выраженными аффиксами одного и того же слова, имеющими определенное значение, по принципу: если значением обладают аффиксы материально выраженные, то значимыми в одной и той же парадигме должны быть и нулевые аффиксы.

Поэтому выделение нулевых аффиксов (в данном случае окончаний) происходит с помощью методики двойных сопоставлений: 1) с рядом значимых словоформ одного и того же слова, имеющих материальное выражение (парадигматический ряд по вертикали); 2) с рядом разнокоренных образований с нулевыми регулярно повторяющимися аффиксами, имеющими тождественное или аналогичное значение (ряд по горизонтали).

Сказанное можно изобразить графически:

В ряду по вертикали нулевое окончание сосуществует на фоне материально выраженных значимых окончаний и по сопоставлению с ними приобретает аналогичное значение: *умен-* (м. р., ед. ч.), *дом-* (м. р., ед. ч., им. п.). Ряд по горизонтали, характеризующийся регулярной повторяемостью нулевых образований с тождественными или аналогичными значениями, подтверждает возможность выделения нулевого аффикса.

Парадигматический ряд по вертикали может быть дополнен сопоставлением с разнокоренными словами, у которых аналогич-

ная форма выражена материально. Например, нулевое окончание им. п., ед. ч. существительных типа *дом*-□, *грач*-□ в таких случаях сопоставляется с именами существительными 1-го и 2-го скл. (*стран*-*а*, *земл*-*я*, *окн*-*о*, *пол*-*е*), у которых тот же падеж имеет постоянное материальное выражение.

Аналогичным путем выделяются и нулевые интерфиксы (соединительные морфемы в составе сложных слов). Ср., например: *тепл*-*о*-*ход*-*ѣ*-□ и *Нов*-□-*город*-□.

В двойные отношения вступают и слова с нулевыми суффиксами. Так, в словоформе имени существительного *подбор*-*ѣ*-□ (кадров), помимо нулевого окончания (ср.: *подбор*-□, *подбор*-*а*, *подбор*-*у* и т.д.), выделяется и нулевой словообразовательный суффикс со значением отвлеченного действия (ср.: *подобрать* → *подбор*-*ѣ*-□). Возможность его выделения определяется теми же двумя условиями: 1) он существует в языке на фоне ряда отглагольных имен существительных, у которых материально выраженные суффиксы имеют аналогичное значение отвлеченного действия: *подбор*-*ѣ*-□ → *подбор*-*к*-*а*, *подбир*-*ани*-*е*; 2) входит в ряд именных образований с тем же значением, где суффиксальная часть слова остается невыраженной: *подбор*-*ѣ*-□, *ввоз*-*ѣ*-□, *изгиб*-*ѣ*-□, *обжиг*-*ѣ*-□, *промыв*-*ѣ*-□, *проезд*-*ѣ*-□ и т.д.

Методику вычленения словообразовательных нулевых суффиксов путем сопоставления соотносительных рядов слов Е. А. Земская предлагает усовершенствовать обращением к словообразовательным отношениям между производным и производящим словами. Это позволит избежать распространенных ошибок, когда словообразовательные нулевые суффиксы выделяются в составе нечленимой основы там, где их нет. Так, например, из двух имен существительных с отвлеченным значением *шум*-□ и *гам*-□ нулевой суффикс может быть выделен, как показывает обращение к производящей основе (*шуметь* → *шум*-*ѣ*-□), только в слове *шум*-*ѣ*-□, поскольку слово *гам* представляет собой непрямую корневую основу.

Предложенный прием вполне оправдывает себя применительно к трудным случаям выделения нулевых суффиксов, в частности по отношению к глагольным именным образованиям, включающим в свой состав помимо нулевого суффикса и приставку, например: *подбор*-*ѣ*-□, *подъезд*-*ѣ*-□, *вход*-*ѣ*-□ и т.д. Обращение к производящей основе помогает выделить в составе этих имен нулевой суффикс в качестве словообразовательного средства, присоединяемого на последней ступени словообразовательного процесса, и установить, что приставка является частью производящей основы (*входи*-*ть* → *вход*-*ѣ*-□, *подъеха*-*ть* → *подъезд*-*ѣ*-□).

Нулевыми могут быть не только словообразовательные, но и словоизменяющие суффиксы, хотя они менее регулярны. К их числу относятся: 1) суффиксы прош. вр. и сосл. накл., м. р., ед. ч.

некоторых глаголов: *вез- $\hat{\square}$ - $\square$* , *рос- $\hat{\square}$ - $\square$* , *пёк- $\hat{\square}$ - $\square$* (ср.: *вез- $\hat{\text{л}}$ - $\hat{\text{а}}$* , *рос- $\hat{\text{л}}$ - $\hat{\text{а}}$* , *пек- $\hat{\text{л}}$ - $\hat{\text{а}}$*); 2) суффикс словоформы повелительного наклонения глаголов: *брось- $\hat{\square}$ - $\square$* , *бросай- $\hat{\square}$ - $\square$* , *ударь- $\hat{\square}$ - $\square$* , *ударяй- $\hat{\square}$ - $\square$* . В приведенных примерах нулевой суффикс располагается перед нулевым окончанием, и потому в словоформе оказываются два нулевых аффикса, следующих друг за другом: *рос- $\hat{\square}$ - $\square$* ; ср.: *брось- $\hat{\square}$ - $\hat{\text{ме}}$* , *бросай- $\hat{\square}$ - $\hat{\text{ме}}$* , *ударь- $\hat{\square}$ - $\hat{\text{ме}}$* , *ударяй- $\hat{\square}$ - $\hat{\text{ме}}$* .

Трудности в выделении нулевых аффиксов связаны главным образом с совпадением материально выраженного и нулевого окончания при внешне сходных окончаниях у разных грамматических словоформ. Это наблюдается:

1) у существительных 1-го и 2-го склонения в форме р. п., мн. ч.: *стат-ей- $\square$* , но *пол- $\hat{\text{еи}}$* (ср.: *стат'- $\hat{\text{я}}$ - $\hat{\text{а}}$* , но *пол- $\hat{\text{е}}$* , где звук [j], присутствуя в основе слова *стать $\hat{\text{я}}$* , обозначается в разных словоформах по-разному: сочетанием букв *ья* в форме им. п. и буквой *й* в форме род. п., мн. ч.);

2) у прилагательных м. р., ед. ч., им. п.: *лис-ий- $\square$* , но *зимн-ий* (ср.: *лис-ий'- $\square$* , *лис'- $\hat{\text{и}}$ - $\hat{\text{его}}$* , *лис'- $\hat{\text{и}}$ - $\hat{\text{ему}}$* , но *зимн-ий*, *зимн-его*). В притяжательном прилагательном *лис-ий- $\square$* звук [j] словоизменительного суффикса *-ий-* на письме обозначается буквой *й*, а в словоформах косвенных падежей — сочетанием разделительного мягкого знака с гласной фонемой <е>. Кроме того, в словоформе им. п. суффикс *-ий-* (*-ий'-*) имеет беглую гласную фонему <и>.

Теория нулевой аффиксации не имеет до сих пор единого толкования. Помимо спорных вопросов, касающихся методики выделения нулевых аффиксов, не до конца решен и вопрос о границах функционирования нулевых аффиксов того или иного типа. А. Н. Тихонов¹ расширяет этот круг за счет словообразовательных суффиксов, но не включает в их состав образования: *супруг- $\hat{\text{а}}$* (ср.: *супруг- $\square$*), *физик- $\hat{\text{а}}$* , *ботаник- $\hat{\text{а}}$* (ср.: *физик- $\emptyset$* , *ботаник- $\hat{\text{а}}$*), усматривая здесь действие словообразовательной функции окончания². Дискуссионным остается и вопрос, могут ли быть нулевыми приставки, хотя в ряде случаев здесь имеется в виду то, что не имеет прямого отношения к понятию нулевой аффиксации, — слова, начинающиеся с корня и приведенные в алфавитном порядке до первого материально выраженного префикса (*без-*).

Регулярность/нерегулярность аффиксов

Аффиксы бывают регулярными и нерегулярными, продуктивными и непродуктивными.

¹ См.: Тихонов А. Н. Современный русский литературный язык. — М., 1988. — С. 59.

² В словах типа *супруг- $\hat{\text{а}}$* конечный гласный звук [а] является одновременно и суффиксом, и окончанием.

Как показывает сам термин, образованный от лат. слова *régula* ‘закон, правило’, регулярность — это закономерная повторяемость, воспроизводимость аффикса в составе ряда слов однородной структуры. Так, например, повторяемость суффикса *-щик/-чик-* образует два структурных ряда: один со значением лица как производителя действия (*регулиров-щик-□, лет-чик-□, обход-чик-□, разнос-чик-□* и т.д.), а другой — со значением неодушевленного предмета, выступающего в качестве активного деятеля (*буксиров-щик-□* (судно), *бомбардиров-щик-□, перехват-чик-□* (самолет), *подбор-щик-□* (устройство), *счет-чик-□* и т.д.), которые уживаются в рамках многозначной суффиксальной морфемы.

Регулярными являются и глагольные приставки: *в-/во-, вз-/взо-/вс-, вы-, до-, за-, на-, о-/об-/обо-, от-, с-, у-* и др. Такова, например, многозначная приставка *за-*, сочетающаяся с группой разнокоренных глаголов: 1) ‘начало действия’: *запеть, закричать, заиграть*; 2) ‘направление действия за пределы чего-л.’: *заехать, загнать*; 3) ‘направление действия внутрь предмета’: *заползти, зайти*; 4) ‘предел действия’: *завоевать, законсервировать*; 5) с постфиксом *-ся* — ‘доведение действия до крайней степени’: *заработаться, забегаться*.

Регулярная повторяемость — это важное свойство аффиксов, позволяющее выделить из состава слова служебные морфемы при его морфемном анализе.

Способность аффиксов к регулярной воспроизводимости обусловлена характером их значения и функцией, выполняемой ими в составе слова. Дополнительное значение аффиксов, уточняющее предметно-логическое содержание корня, отличается и большей отвлеченностью. Это дает возможность для более свободного маневрирования при сочетаемости с различными корнями. В то же время свойство регулярности оказывает обратное влияние на характер их значения.

Регулярные аффиксы в отличие от нерегулярных имеют то или иное значение не только в качестве части словесного целого, но и взятые отдельно, вне слова.

Нерегулярные аффиксы встречаются в словах от случая к случаю, чаще всего в единичных словах. Так, суффикс *-л-(а)* встречается только в слове *мет-л-а*, *-н-* в слове *тле-н-□*, *-тай-* в словах *лен-тай*, *слюн-тай*; префикс *ко-* выделяется в слове *за-ко-улок-□* (ср.: *перу-ул-ок-□*), а нерегулярные окончания *-м*, *-ст* в тематических глаголах *есть* и *дать* сохранили древнюю систему окончаний: *да-м*, *да-ст* и др.

Нерегулярные аффиксы не образуют длинных словесных рядов одного и того же строения и потому не имеют структурных моделей. Их значение нередко бывает утрачено и становится понятным только в составе слова. Например, значение суффикса *-н-* в составе единичного слова *тлен*, предположительно определяемое

как ‘результат опредмеченного действия’, может быть установлено лишь путем соотнесения его с производящей основой глагола *тлеть*. Таким образом, значение нерегулярных аффиксов, устанавливаемое лишь в составе слова, напоминает значение слов в составе фразеологических единиц и потому не является свободным.

Степень регулярности/нерегулярности разных аффиксов неодинакова. Наибольшей регулярностью обладают словоизменятельные аффиксы, и прежде всего окончания (флексии). Наделенные отвлеченным грамматическим значением, они образуют словоформы по определенным стандартным моделям. Например, по модели типа *И* = -а/-я, *Р* = -и/-ы, *Д* = -е, *В* = -у/-ю и т.д. изменяются все имена существительные на -а(-я) типа *вода*, *земля*. По стандартной модели типа *V* = -л(-□, -а, -и), хорошо известной всем владеющим русским языком, образуются формы глаголов прошедшего времени: *строи-л-□*, *строи-л-а*, *строи-л-и* и т.д.

Регулярные и нерегулярные аффиксы входят в систему языка в качестве его звеньев с той, однако, разницей, что нерегулярные аффиксы существуют в ней в составе отдельных слов и словоформ.

Продуктивность/непродуктивность аффиксов

С понятием регулярности/нерегулярности тесно связано понятие продуктивности/непродуктивности, хотя оба типа понятий не тождественны и не покрывают друг друга.

Продуктивность аффикса (позднелат. *productivus* — ‘подлежащий удлинению’) — это его способность участвовать в образовании новых слов или грамматических форм, т.е. его активность. Продуктивными называются аффиксы, с помощью которых слова образованы сравнительно недавно. Таковы, например, суффиксы -ист-, -ик- со значением лица по принадлежности к определенной сфере деятельности или роду занятий: *связ-ист-□*, *тур-ист-□*, *лог-ик-□*, *полит-ик-□* и т.д.; суффикс -ость- с отвлеченным значением признака или действия: *классов-ость-□*, *водостойк-ость-□*, *выживаем-ость-□* и др.

Ряд глаголов, обозначающих ‘совершать действие, подобное кому-, чему-л.’, образован с помощью продуктивных суффиксов -и-, -ствова-: *шахтер-и-ть*, *директор-ствова-ть*, *профессор-ствова-ть*.

К продуктивным приставкам относятся за-, от-/ото-, про-, с-/со-: *за-программировать*, *от-нять*, *от-реагировать*, *про-западный*, *с-ориентироваться*, *со-переживать*.

Непродуктивными являются аффиксы, с помощью которых в современном языке не идет процесс образования новых слов и грамматических форм. В сфере имен существительных к

числу непродуктивных суффиксов принадлежат суффиксы типа *-ик(а)*, *-тв(а)*, *-ель*, *-знь* и др.: *голуб-ик-а*, *черн-ик-а*, *жа-тв-а*, *би-тв-а*, *мет-ел'-□*, *боле-зн'-□*, *жи-зн'-□*.

Среди непродуктивных префиксов можно отметить *воз-/вос-*, *пре-*, *пред-*, *на-*, *ко-* и др.: *воз-благодарить*, *пре-возноситься*, *на-сын* и др.

Продуктивность и регулярность тесно связаны между собой. Чем более продуктивным оказывается аффикс, тем длиннее ряды слов одного и того же типа, тем более он регулярен. Например, продуктивный суффикс *-ист-* со значением лица повторяется в ряде слов с аналогичным значением: *футбол-ист-□*, *массаж-ист-□*, *оптим-ист-□*, *идеал-ист-□* и т.д. Стандартно повторяется в названиях минералов и продуктивный суффикс *-ит-*: *баштаун-ит-□*, *гагарин-ит-□*, *лун-ит-□*, *урал-ит-□*. Одиночная сочетаемость непродуктивных морфем нарушает регулярность. Таковы, например, единичные образования с непродуктивным суффиксом *-ик-*: *голуб-ик-а*, *черн-ик-а*, *косян-ик-а*.

Тем не менее между понятиями продуктивности и регулярности нельзя поставить знак равенства. Неоднозначность этих понятий проявляется в том, что регулярно повторяющиеся аффиксы могут быть вместе с тем и непродуктивными. Это можно объяснить активностью аффикса в прошлом; активностью, которая не поддерживается его словообразовательными возможностями на современном этапе развития языка. Таков, например, суффикс *-ль-/ель-* в словах типа *кап-ель-□*, *кач-ел'-и*, *мет-ел'-□*, *гиб-ел'-□*.

Возможны и обратные случаи, при которых аффикс может быть продуктивным, но образованные с его помощью слова не создают регулярных рядов. Примером может служить единичный суффикс *-льщик-* в составе имени существительного *боле-льщик-□* со значением лица, являющегося любителем чего-н., увлеченного чем-н.

Различия между понятиями регулярности и продуктивности в лингвистической литературе устанавливаются по-разному. Одни исследователи считают, что регулярность — это явление системы языка, функционирующей на данном этапе ее развития (т.е. явлением синхронии), а продуктивность — это диахроническое явление.

Для того чтобы определить степень продуктивности аффикса, нужно сопоставить количество и состав содержащих его слов в данный момент существования языка с тем, что было в прошлом, и, определяя, служит ли он для образования новых слов, установить его продуктивность. Другие же ученые видят разницу между регулярностью и продуктивностью в том, что регулярность характеризует систему языка с количественной, а продуктивность — с качественной стороны.

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА

Морфемный состав и морфемная структура слова в современном русском литературном языке могут быть описаны в плане синхронии, т.е. с точки зрения современного языкового сознания, и в плане диахронии, с учетом исторической перспективы их развития. Для этого в первом случае применяют морфемный и словообразовательный, а во втором — этимологический анализ, предполагающий восстановление существовавшего ранее состава слова и его прежних словообразовательных связей, иногда относящихся к очень отдаленному времени.

Каждый из видов анализа имеет свои цели и задачи, отличается особой процедурой членения слова. Однако, несмотря на существенные различия между ними, все три типа анализа имеют точки соприкосновения. Это обусловлено наличием общего для них предмета изучения, связанного с морфологическим строением слова и его местом среди других родственных слов.

Наиболее тесными являются связи между морфемным и словообразовательными видами анализа, объединенными в плане синхронии. Поэтому в вузовских учебных пособиях по современному русскому языку их иногда считают двумя ступенями в изучении структуры слова, первой из которых является морфемный анализ. Однако характер этой связи в лингвистической литературе по дериватологии (словообразная производность) определяется по-разному. В последнее время наметились две противоположные тенденции: 1) стремление к установлению взаимодействия между обоими типами анализа; 2) стремление к более четкому их размежеванию и разграничению.

Морфемный анализ (в школе его называют разбором слова по составу) ставит своей целью выявление всех имеющихся в слове морфем, живых с точки зрения современного русского языка. Основными единицами этого анализа являются слово и морфема, причем последняя выделяется обычно в составе слова (структурное совпадение морфемы и слова представлено в языке единичными случаями: *вы, нет, ура, беж* и т.п.).

Морфемный анализ начинается с выделения окончания и определения двух видов основ (первая ступень). Это дает возможность установить функцию и значение формообразующих суффиксов, если они есть, в основе словоформы. Корень и словообразовательные аффиксы выделяются на второй ступени морфемного анализа. В дальнейшем результаты морфемного анализа уточняются и перепроверяются с помощью словообразовательного анализа, который становится необходимым при разборе сложных по строению слов с несколькими аффиксами, подвергающимися слиянию в процессе морфонологических изменений. Так, для

определения количества и характера суффиксов в слове *цветочек* обращаются к его производящей основе *цветок-* и путем наложения обеих основ друг на друга устанавливают, что в слове *цветочек* не один, а два суффикса субъективной оценки: *-оч-* (из *-ок-*) и *-ек-*, в составе первого из которых произошло чередование *к/ч*.

Обе ступени морфемного анализа опираются друг на друга и оказываются тесно связанными с другими видами анализа: морфологическим (при определении окончания и типов основ), лексическим и семантическим (при определении корня), а также с элементами словообразовательного анализа (при разборе многоструктурных слов, относящихся к наиболее трудным случаям).

Поскольку разбор слова по составу взаимодействует с лексическим и семантическим видами анализа, структурному членению слова должно предшествовать установление его лексического значения.

Схема морфемного анализа

Определить лексическое значение анализируемого слова (по толковому словарю русского литературного языка).

Произвести структурное членение слова с конца в следующем порядке:

1. Часть речи анализируемого слова — изменяемая (как изменяется)/неизменяемая.

2. Характеристика окончания (флексии):

1) по характеру формального выражения;

2) по характеру отношения к варьированию — представлено одним вариантом/набором вариантов;

3) по функции — словоизменительное/синкретичное;

4) по характеру грамматического значения в зависимости от принадлежности к той или иной части речи.

3. Характеристика основ:

1) по функции — основа словоформы/основа слова;

2) по структуре:

— членимая/нечленимая;

— простая/сложная;

— прерывистая/непрерывная.

4. Характеристика корня:

1) по степени самостоятельности в выражении значения — свободный/связанный/полусвязанный;

2) по характеру значения — предметный/процессуальный/признаковый (качественный/количественный признак);

3) по характеру варьирования;

4) по наличию/отсутствию чередований.

5. Характеристика суффиксов:

1) по характеру формального выражения;

2) по структуре — производные/непроизводные;

- 3) по характеру варьирования;
- 4) по функции — словоизменятельные/словообразовательные/синкретичные;
- 5) по значению¹;
- 6) по способности к воспроизводимости в речи;
- 7) по стилистической окраске.
6. Характеристика приставок:
 - 1) по структуре — производные/непроизводные;
 - 2) по функции — словоизменятельные/словообразовательные/синкретичные;
 - 3) по характеру значения²;
 - 4) по способности к воспроизводимости в речи;
 - 5) по стилистической окраске.
7. Характеристика постфиксов:
 - 1) по функции — словообразовательные/словоизменятельные;
 - 2) по характеру значения — грамматические (множественность, страдательность)/словообразовательные (возвратность, неопределенность).

8. Интерфиксы, их типы по функции — соединительные, «незначимые прокладки», способствующие образованию слова.

9. Условные обозначения линейной последовательности морфов: а) окончание — □; б) основа слова (словоформы) — □; в) суффикс — ^; г) корень слова — ^; д) приставка — ^; е) постфикс — ^; ж) интерфикс — ||; з) нулевой суффикс — ∅.

Образцы морфемного анализа

Перелесок

Перелесок. 'Небольшой лес, отделенный полянами от других лесных участков' (СРЯ).

1. Имя существительное, изменяется по падежам и числам (*перелесок*, *перелесек-а*, *перелесек-у*, *перелесек-ом*, *перелесек-и* и т.д.).

2. Окончание в данном слове: 1) в форме именительного падежа представлено нулевым морфом, который материально не выражен; 2) в каждой падежной форме одновариантно: *перелесок*-□, *перелесек-а*, *перелесек-у* и т.д.; 3) выполняет словоизменятельную функцию; 4) выражает грамматическое значение ед. ч., м. р., им. п.; 5) является регулярным.

3. Основа словоформы *перелесок*-□:

- 1) основа слова совпадает с основой словоформы *перелесок*-□;
- 2) производная (членимая), простая, непрерывная.

¹ Перечень значений суффиксов см.: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 254–274; Потиha З. А. Современное русское словообразование. — М., 1970. — С. 170–247, 343–360; Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 142–452.

² Перечень значений приставок см. по тем же изданиям.

4. Корневая морфема представлена морфом *-лес-* (однокорневые слова: *лес, лесок, лесной, лесистый*): 1) корень свободный (ср. *лес-□*); 2) имеет предметное значение; 3) выступает в двух фонетических вариантах: *-лес-, -лес'* (ср. *перелесок — лесистый*); 4) чередований нет.

5. Суффиксальная морфема реализуется в морфе *-ок-*, который: 1) материально выражен; 2) по структуре производный; 3) представлен двумя вариантами: *-ок-, -к-* (ср. *перелесок — перелеска*); 4) выполняет словообразовательную функцию; 5) имеет предметно-уменьшительное значение; 6) регулярный; 7) нейтральный в стилистическом отношении.

6. Префиксальная морфема реализуется в морфе *пере-*, который: 1) по структуре производный; 2) выполняет словообразовательную функцию; 3) имеет пространственное значение ‘через’ (‘между’), затемненное значением суффиксального морфа *-ок-*; 4) регулярный; 5) нейтральный в стилистическом отношении.

9. перелесок □.

Беличий

Беличий. ‘Относящийся к белке (*белчье дупло*) || Сделанный из меха белки’ (СРЯ).

1. Притяжательное прилагательное, изменяется по родам в ед. числе (*беличий, беличья, беличье*), числам (*беличий, беличьи*) и падежам (*беличий, беличьего, беличьеу* и т.д.).

2. Окончание в форме им. падежа, м. рода реализуется в нулевом морфе, который: 1) материально не выражен; 2) представлен одним вариантом (*беличij-∅*); 3) выполняет словоизменительную функцию; 4) имеет грамматическое значение ед. числа, м. рода, им. падежа; 5) является регулярным.

3. Основа словоформы — *беличij-∅*: 1) основа слова совпадает с основой словоформы: беличий - *∅*; 2) производная (членимая), простая, непрерывная.

4. Корневая морфема представлена морфом *-белич-* (однокорневые слова: *белка, белочка*): 1) корень полусвязанный (ср. *белк-а* и *белич-ий-∅*); 2) предметный (название вида, породы животных); 3) представлен двумя вариантами *-белич-, -белк-*; в корне происходит чередование *к/ч*, нуль звука/и.

5. Суффиксальная морфема реализуется в морфе *-ий-* (*-ий-*), который: 1) материально выражен; 2) по структуре производный; 3) представлен двумя вариантами: *-j-* и *-ий-* (ср. *лис-ий-∅ — лис'-j-его, медвеж-ий-∅ — медвеж-j-его, птич-ий-∅ — птич-j-его*), в вариантном морфе появляется беглый гласный звук [и]; 4) словообразовательный; 5) имеет значение родовой принадлежности; 6) регулярный; 7) нейтральный в стилистическом отношении.

9. беличий ∅.

Повнимательнее (читать)

Повнимательнее. 'Более сосредоточенно производить какое-либо действие (с оттенком некоторого смягчения)'.

1. Наречие; не имеет форм словоизменения, но обладает формой сравнительной степени.

3. Основа словоформы — все слово в целом: *повнимательнее*: 1) основа слова — *повнимательн-*; 2) обе основы членимые, простые, непрерывные.

4. Корневая морфема представлена морфом *-вним-* (однокорневые слова: *внять, внимать, внимательный, внимательность, внимание*): 1) корень связанный; 2) значение качественного признака; 3) представлен вариантами: *-вня-*, *-вним-*; 4) в корне происходит чередование *а(я)/им*.

5. Суффиксальный морф основы словоформы — *-ее-* (одноструктурные слова: *старательнее, решительнее, убедительнее*): 1) материально выражен; 2) непроизводный; 3) представлен вариантами: *-ее-*, *-ей-* (*повнимательнее, повнимательней*); 4) формообразующий; 5) грамматическое значение сравнительной степени; 6) регулярный; 7) нейтральный в стилистическом отношении.

В основе слова два суффиксальных морфа: *-тельн-* и *-а-*.

Морф *-тельн-* выделяется при сопоставлении с одноструктурными словами: *старательный, привлекательный, желательный*. Морф *-а-* — при сопоставлении с основами глагольных форм: *желать, доказать, привлекать*. 1) Оба морфа материально выражены; 2) морф *-а-* — непроизводный, морф *-тельн-* — производный (восходит к суффиксальным морфам *-льн-/и-льн-* (*читальный, красильный*, ср. *оправдать — оправдательный*, но *повелесть — повелительный*); 3) представлен в языке двумя вариантами: *-тельн-/и-тельн-* (*повнимательнее, но пренебрежительнее*); 4) морф *-тельн-* — словообразовательный, а морф *-а-* — синкретический: служит одновременно для образования формы несовершенного вида и нового слова; 5) морф *-тельн-* имеет значение 'характеризующийся действием, названным основой слова'; 6) регулярный; 7) нейтральный в стилистическом отношении.

6. Префиксальный морф *по-* (ср. *посерьезнее, поглубже, построже, погромче*): 1) непроизводный; 2) словообразовательный; 3) служит для придания признаку, названному основой слова, оттенка смягчения; 4) регулярный; 5) стилистически нейтральный.

9. Повнимательнее

Комментарии к анализу

При морфемном анализе встречаются следующие трудные случаи:

I. Трудности в выделении окончания слова, вызванные: 1) расхождением между буквенным и звуковым составом слова при его словоизменении; 2) смещением нулевого и материально выраженного окончания в словах с основой на [j]; 3) ошибочным выделением окончаний в

неизменяемых словах под влиянием ложной аналогии с окончаниями изменяемых слов; 4) необычным положением окончания в слове.

II. Трудности в выделении основы слова, вызванные наличием в языке словообразовательного постфикса *-ся/-сь*.

III. Трудности, связанные с членением сложной по структуре основы, включающей две и более морфемы.

IV. Трудности в выделении местоименных корней и корней некоторых количественных числительных, имеющих склонение.

V. Трудности в разборе смысловой стороны префиксальных глаголов, связанные с явлением многозначности, омонимии, синонимии и антонимии глагольных приставок.

I. 1) При выделении окончаний в словах типа *воюю, воюешь* следует учитывать, во-первых, функцию букв *е, ё, ю, я*, которые в положении после гласного и разделительных *ь* и *ъ* обозначают два звука: [j] + соответствующие гласные [e], [o], [y], [a]; во-вторых, принадлежность звука (при условии его повторения в словоформе) к разным структурным элементам основы слова. В слове *воюю* (*воj-юj-у*) повторяющийся звук [j], относясь к корню и формообразующему суффиксу *-юj-*, обозначается одной и той же буквой *ю*, вследствие чего границы между корнем и суффиксом, суффиксом и окончанием сливаются. Для их разграничения необходимо обратиться к двойному сопоставлению анализируемого слова — с родственными ему словами того же словообразовательного гнезда (*война, войско, войсковой*) и с другими грамматическими формами (*воюешь, воюет, воюем* и т.д.), образующими его парадигму. Первое из этих сопоставлений позволит подтвердить наличие звука [j] в составе корневой морфемы (несмотря на иное его обозначение — буквой *й*), второе поможет выделить звук [j] в составе формообразующего суффикса *-юj-* и правильно определить окончание глагола.

2) Нулевое окончание существительных с основой на [j] часто смешивается под влиянием ложной аналогии с материально выраженными окончаниями имен существительных, не имеющих этого звука в основе. Здесь возможны разные случаи: а) *судей-∅, скамей-∅*, но *суд'j-а, скам'j-а; армий-∅, ущелий-∅* (*армиj-а, ущел'j-е*); б) *иней-∅, муравей-∅, ручей-∅* (*иней-а, мурав'j-а, руч'j-а*), но *дожд-еuj, ключ-еuj, врач-еuj* (*дождь-∅, ключ-∅, врач-∅*).

Особые трудности в членении слова вызывают притяжательные прилагательные типа *рыбий-∅, птичий-∅, заячий-∅* с нулевым окончанием и словообразовательным суффиксом *-иj/-j-*. Их часто не отграничивают от прилагательных типа *син-ий, зряч-ий*, у которых элемент *-ий* является окончанием.

При разграничении нулевого и материального окончаний нужно иметь в виду, что нулевое окончание существует на фоне материально выраженного, и потому выявлению окончаний того и другого типа способствует прежде всего обращение к словоизменению, например: *скам'j-а*, но *скамеj-∅*, *армиj-а*, но *армиj-∅*, *иней-∅*, но *иней-а*. Изменение слов с основой на [j] показывает, что звук [j] из основы не выпадает и, получив иное буквенное обозначение по сравнению с исходной формой, может совпасть с обозначением звука [j] в словах с материаль-

но выраженным окончанием: *ручь-и* (*руч'j-и*) — *ручей-* [Ø], но *грач-* [еи] (*грач-* [Ø]).

Наличие у притяжательных прилагательных словообразовательного суффикса *-и/-j-* определяется путем нахождения мотивирующей основы слова: *лисий-* [Ø] — *лиса*; *птичий-* [Ø] — *птица*. О появлении беглого гласного звука [и] в составе этого суффикса свидетельствует сопоставление начальной формы слова с формами косвенных падежей: *лисий-* [Ø] (*-и-* [Ø]), но *лисьего* (*-j-его*); *птичий* (*-иj-* [Ø]), но *птичьего* (*-j-его*), *птичьему* (*-j-ему*) и т.д. Из приведенных примеров видно, что беглый гласный [и] появляется в основе слова перед нулевым окончанием и исчезает перед окончанием, материально выраженным.

3) Для правильного анализа неизменяемых слов типа *бра, депо, резюме, жюри; ясно, гладко, красиво* (говорит), конечный гласный которых смешивается с окончаниями изменяемых слов типа *нора, дело, поле, сани; ясно, тонко, красиво, гладко* (о лице), необходимо установить:

а) относится ли разбираемое слово к неизменяемым частям речи (если да, то окончания нет, если нет — окончание есть)¹;

б) к какой именно части речи принадлежит анализируемое слово (если к исконно русским именам прилагательным, то окончание есть; если к наречным именам, существительным — окончания нет).

4) В слове может быть не одно окончание — в этом случае одно или несколько из них располагаются в середине слова. Такое явление наблюдается в сложных числительных: *два-* [xx]-*сот* [], *пять-* [и]-*ст-* [ам], *шесть-* [ю]-*десять-* [ю] и т.д.

II. В отличие от словоизменительного постфикса *-те*, который при выделении основы словоформы отсекается вместе с окончанием, словообразовательные постфиксы *-то, -либо, -нибудь, -ся* (*-сь*) входят в основу словоформы и в основу слова. Постфлексийное их положение придает обоим типам основ прерывистый характер: [*подготовы*]-[Ø]-*те* и [*подготовы*]-[Ø]-*те-*[сь]; [*стараи*]-[ет]-[ся], [*взял*]-[и]-[сь] (основы словоформы) и [*взял*]-[л]-[и]-[сь] (основа слова); [*кты*]-[о]-[то] и [*чты*]-[о]-[нибудь] (основа словоформы и основа слова совпадают).

III. В ряде случаев бывает трудно определить количество и типы аффиксов, выделяющихся в слове. Сравните в этом плане, например, слова *восточка* и *корочка*. Для определения количества и характера суффиксов в приведенных словах нужно обратиться к помощи словообразовательного анализа. На первом же его этапе выясняется, что существительное *восточка* образовано от слова *вост* и потому имеет в своем составе только один суффикс *-очк-* субъективной оценки. Слово *корочка* прошло две словообразовательные ступени. Оно образовано от существительного *корка* путем присоединения уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*, а слово *корка*, в свою очередь, возникло на базе слова *кора* с помощью предметного суффикса *-к-* (исторически из *-ѣк-*). Поэтому в слове *корочка* не один, а два суффикса (*-оч-* и *-к-*) с разными словообразовательными значениями (предметным и уменьшительным).

¹ См.: Вознюк Л. В. Некоторые вопросы выделения окончания в слове // Рус. яз. в школе. — 1971. — № 6. — С. 57.

Изменение в звучании предметного суффикса (-к- → -оч-) произошло в составе производящей членимой основы *кор-к-* в положении перед последующим уменьшительным суффиксом -к-: *кор-к̂(оч) + к̂-□*, поэтому с точки зрения современного русского языка предметный суффикс реализуется в варианте, который является результатом одновременно двух морфологических явлений: чередования заднеязычных согласных (к/ч) и появления беглого гласного звука [о].

В глаголах определение количества морфем может быть затруднено в связи с варьированием префиксальных морфов. Такое явление наблюдается, например, в словах типа *разогреть* и *разодеть*. В глаголе *разогреть* морф *разо-* четко отделяется от корня, о чем свидетельствует сопоставление этого глагола с родственными ему словами *греть*, *нагреть*, *согреть* и одноструктурными словами того же словообразовательного типа *разомкнуть*, *разозлить*, *разойтись*. В слове *раз̑́-о̑́-де-ть* не один, а два префиксальных морфа, первый из которых (*раз-*), составляя часть морфа *разо-*, является вторичной приставкой, присоединяемой к слову, уже имеющему в своем составе приставку *о-*: *раз̑́-о̑́-де-ть*, *о̑́-де-ть*, *на̑́-де-ть*.

В отглагольных существительных *разоружение* и *разорение* свободно-му вычленению приставок препятствуют: а) положение префиксального морфа *раз-* в слове перед первичной приставкой *о-*, б) влияние структуры слов, подвергшихся опрошению, у которых приставка *раз-* не выделяется. Так, в слове *разоружение* приставка *раз-*, являясь вторичной, присоединяется к производящей основе -*оруж-* одновременно с суффиксом -*ениј-*; а в производящей основе, которая, в свою очередь, является производной, вычленяются корень -*руж-* (*ружье*, *ружейный*) и приставка *о-*. В составе слова *разорение* (исторически *раз̑́-о̑́-р-ениј-[е]*) приставка не выделяется.

IV. В личных местоимениях *вы* и *ты* гласный звук [ы] не является окончанием, а входит в состав корня, о чем свидетельствует наличие производных от них слов *вы-ка-ть* и *вы-ка-нь-е*; *ты-ка-ть* и *ты-ка-нь-е*. При этом местоименные корни в приведенных словах нельзя смешивать с омонимичной корневой морфемой в слове *вы-ть*, имеющей у глагола процессуальное, а у существительного предметное значение.

В составе определительного местоимения *весь* (*вся*, *все*, *всѐ*) корневыми морфемами, допускающими звуковое варьирование, являются -*вс'*-, -*вес'*-, что подтверждается сопоставлением с родственными словами *всякий* (*вс'-як-[ий]*), *всяческий* (*вс'-яч-[еск]-[ий]*).

В составе количественных числительных *два*, *три*, *четыре* корни закрытые: -*дв-*, -*тр-*, -*четыр'*- (*дв-[yx]*, *дв-[ѳ]-[е]*, *тр-[и]*, *тр-[ex]*, *четыр'-[е]*, *четвер-[о]*).

V. При разграничении многозначности и омонимии глагольных приставок следует учитывать: 1) характер их звучания; 2) наличие/отсутствие семантической связи между их словообразовательными значениями. Одинаковые по звучанию приставки омонимичны в том случае, если в их смысловой структуре нет ни одного общего словообразовательного признака. Так, в глаголах *вывести* (новый сорт пшеницы) и *вывести* (пятна с поверхности чего-либо) приставка *вы-* многозначна и выража-

ет два значения, связанные между собой отношениями результативности: а) указание на появление чего-либо нового (*вывести новый сорт пшеницы*), б) указание на уничтожение предмета (*вывести пятна с поверхности* чего-либо). В глаголах с результативной приставкой *вы-* (*вывести новый сорт пшеницы*) и приставкой *вы-*, имеющей пространственное значение (*вывести* кого-нибудь *из помещения*), приставки *вы-*¹ и *вы-*² омонимичны: они одинаково звучат, но имеют не связанные между собой пространственное и результативное значения.

Трудности при анализе синонимичных приставок представляет определение тех словообразовательных признаков, которыми они различаются. Так, начинательные приставки *вз-* и *за-* (в глаголах *взречь* и *заречь*), *за-* и *по-* в глаголах *заходить* (по комнате) и *пойти* различаются следующими словообразовательными признаками. Приставка *вз-* выражает кратковременность и интенсивность начала действия, в начинательной приставке *за-* эти признаки отсутствуют. Приставки *за-* и *по-*, сигнализируя начало действия, отличаются друг от друга тем, что приставка *по-* указывает на начало действия, которое направлено к концу, а в приставке *за-* этот признак остается невыраженным. Значение направленности начального этапа к конечному пределу приставка *по-* получает под действием однонаправленных глаголов, с которыми она сочетается: *пойти, побегать, полететь, покатить*. Ненаправленность приставки *за-* поддерживается со стороны семантики ненаправленных глаголов, к которым она присоединяется: *заходить, забегать, заезжать, залетать* (по воздуху).

Антонимичные приставки в глаголах имеют как общие, так и противоположные признаки. Так, антонимичные отношения начинательной и финитной приставок (*птицы залетали в воздух — самолет отлетал свое*) развиваются на основе общего для них признака длительности протекания действия во времени. Противопоставленность пространственных приставок *вз-* (*в-*) — *с-* (*со-*) (*взойти на пятый этаж — сойти с пятого этажа*), *подо-* — *ото-* (*подойти к дому — отойти от дома*) строится на основе признака направленности движения в пространстве.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (ДЕРИВАТОЛОГИЯ)

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО. ПРИЗНАКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Словообразование, или дериватология (лат. *derivatum* — ‘произведенное, производное’), — раздел языкознания, изучающий структуру и семантику производных слов, способы их образования и их объединения. Основным объектом рассмотрения в словообразовании является производное слово (дериват). Производные слова — это слова, значение и звучание которых обусловлены семантикой и звуковой формой других, однокоренных с ними слов: *безвольный* → *воля*, *доброта* → *добрый*, *березняк* → *береза*. По образному определению польского лингвиста В. Дорошевского, производные слова — это «галерея окон, через которые мы можем смотреть на все то, что есть вне нашего “я” и что в форме воспоминаний сохраняется в нашей памяти и **благодаря словам** может оживать в ней»¹. Производное слово семантически и формально выводится из другого родственного слова, которое мотивирует его. Это прекрасно отражено, например, в следующем диалоге:

— Этот (гриб), — говорит мама, — называется **подберёзовик**. Видите, он **под березой** растет. Потому он так и называется — **подберёзовик**. А вот это — **маслята**. Посмотрите, какие у них шапочки блестящие.

— Ага, — говорят девочки, — как будто **маслом** намазаны (*Л. Пантелеев*).

Мотивирующее и мотивированное слова (дериват) связаны отношениями словообразовательной мотивации. Это отношения между двумя однокоренными словами, при которых значение одного из них либо: а) определяется через значение другого: *переводить* → *переводчик* (‘тот, кто переводит’), *слон* → *слоненок* (‘детеныш слона’); б) либо тождественно другому во всех семантических компонентах, кроме частеречного значения, ср.: *нежный* → *нежно*, *тихий* → *тихо*; в) либо полностью тождественно другому по семантике при различии в стилистической окраске: *Афганистан* → *Афган*.

Мотивирующее и мотивированное слова (дериват) составляют словообразовательную пару. Мотивированным в этой

¹ Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. — М., 1973. — С. 222.

паре признается слово, которое формально и семантически сложнее однокоренного: $\overline{\text{олень}}[\emptyset] \rightarrow \overline{\text{оленин}}[\text{а}], \overline{\text{трактор}}[\emptyset] \rightarrow \overline{\text{тракторист}}[\emptyset], \overline{\text{пекарь}}[\emptyset] \rightarrow \overline{\text{пекарн}}[\text{я}].$ Слово $\overline{\text{пекарн}}[\text{я}]$, например, формально длиннее (на суффиксальный отрезок — $\hat{n}$) и семантически сложнее слова *пекарь*: оно включает семантический компонент ‘место’. В том случае, если оба слова совпадают по количеству формальных компонентов, мотивированным признается слово, семантически более сложное. Ср.: $\text{истор-и}[\text{я}] \rightarrow \overline{\text{истор-ик}}[\emptyset]$ (‘специалист по истории’), $\text{меланхол-и}[\text{я}] \rightarrow \overline{\text{меланхол-ик}}[\emptyset]$ (‘лицо, испытывающее меланхолию’).

Для того чтобы верно определить направление мотивации и выделить мотивирующее слово, целесообразно использовать прием развернутого толкования производного слова: *пахарь* ‘тот, кто **пашет**’ (мотивирующее слово — *пахать*), *сахарница* ‘вместилище для **сахара**’ (мотивирующее слово — *сахар*), *парусить* ‘надуваться, подобно **парусу**’ (мотивирующее слово — *парус*), *неизбежный* ‘такой, которого нельзя **избежать**’ (мотивирующее слово — *избежать*).

При толковании производных слов используются типовые определения, или «словообразовательные перифразы» (А.И. Моисеев), которые состоят из двух частей: обобщенной (родовой), представленной обычно местоименным блоком (тот, кто...; то, что; такой, который...), и видовой, выделяющей отличительный признак: *преподаватель* ‘тот, кто **преподает**’. «Правильно составленная перифраза позволяет установить саму производность толкуемого слова, производящее слово и направленность производности»¹. Возможны и другие типы толкований, выделяющих мотивирующее слово: *запеть* ‘начать **петь**’, *морской* ‘относящийся к **морю**’, *безбилетный* ‘не имеющий **билета**’, *бодрость* ‘свойство по знач. прилагательного **бодрый**’.

Итак, если в морфемике противопоставляются друг другу членимые и нечленимые слова, то в словообразовании разграничиваются слова производные и непроизводные.

Производное слово характеризуется рядом признаков.

1. Дери́ват обладает свободной или достаточной членимостью. Слова, характеризующиеся недостаточной членимостью², в современном языке являются непроизводными: *буженина*, *смородина*.

¹ Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном литературном языке. — Л., 1987. — С. 32.

² Достаточная членимость — членимость, при которой корневая морфема является повторяющейся в языке и легко выделяется на основе сопоставления с однокоренными словами, а аффикс является нерегулярным (*попа́дья*), недостаточная членимость — членимость, при которой легко выделяется регулярный аффикс, повторяющийся в одноструктурных словах, а корень является унирадиксоидом (уникальным связанным корнем): *буженина*, *малина*, *крушина*.

Ядерный тип производности в русском языке составляют именно дериваты, которые имеют свободный корень: водный, ездок, смельчак. «К ядерным образованиям примыкают слова типа *агитировать*, *агитатор*, *агитация*... Корни слов такого типа характеризуются связанностью, не выступают в чистом, свободном виде»¹. Дериваты с полной связанной членимостью И. А. Ширшов относит к промежуточному типу членимости, который «характерен для интернациональной и терминологической лексики, подвергающейся мощному воздействию со стороны производных ядерного типа»².

2. Важнейший признак производного слова — словообразовательная мотивированность. Как уже отмечалось, его семантика и форма базируются на другом слове. Как заметил Г. О. Винокур, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы...»³. Критерием производности слова (критерий Г. О. Винокура) признается обязательное существование в языке мотивирующей данный дериват единицы. «...О производной основе (выделено Г. О. Винокуром) можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа **непроизводная**»⁴.

3. Производное слово имеет бинарную структуру. Рассмотрим, например, слово *рассказывание*. С точки зрения морфемного состава в нем выделяются 5 морфем. Со словообразовательной же точки зрения в структуре этого слова различаются два составляющих его компонента: основа слова, от которой образован данный дериват (рассказыва-ть), и средство, при помощи которого он образован (суффикс -ниѝ). Структура производного, таким образом, всегда бинарна (двухкомпонентна). В ней выделяется производящая база и словообразовательный формант, или дериватор.

Производящая база — это основа мотивирующего слова или все мотивирующее слово в целом, ср.:

сеять → сеятьель; сеять → засеять;

терпеть → терпение; радовать → радоваться.

Производящая база может быть представлена и основами нескольких слов: белоснежный → белый как снег; лесоруб → рубить лес; гололед → голый лед.

Словообразовательный формант (дериватор) — наименьшее в формальном и семантическом отношении средство, которым производное слово отличается от производящего. Это важнейший

¹ Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования. — М., 1999. — С. 139—140. В данной монографии представлена типология производности (ядерный, промежуточный, периферийный типы).

² Там же. — С. 143.

³ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 421.

⁴ Там же. — С. 425.

элемент структуры производного слова. Словообразовательный формант — конкретное средство образования деривата на основе той или иной производящей базы, ср.: *учить* → *учи́тель*; *нос* → *пере́носи́ца*; *автор* → *соавтор*; *колос* → *колоси́ться*.

Мы видим, что во всех рассмотренных примерах формантами являются аффиксы и их сочетания. Однако круг формантов в языке значительно шире.

В качестве формантов (дериваторов) в современном русском языке выступают: 1) аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы и их комбинации — *пере́читать*; *чита́тель*; *учи́ться*; *разбежа́ться*); 2) сокращение (усечение) производящей основы — *специалист* → *спец*; *магнитофон* → *маг*; 3) устойчивый порядок компонентов при сложении или сращении и единое главное ударение: *быстрорастворимый*, *вагон-ресторан*; 4) изменение (обычно сужение) и переоформление морфологической парадигмы (т.е. системы грамматических форм) слова, связанное с переходом из одной части речи в другую, — *мороженое*, *ученый*, *кругом* (сущ. → наречие → предлог).

Все форманты соответственно делятся на два больших класса: аффиксальные и безаффиксные (операционные). К аффиксальным формантам относятся словообразовательные аффиксы и их сочетания, к безаффиксным — 1) сокращение (усечение) производящей основы (*маг*, *зав*); 2) устойчивый порядок компонентов и возможность единого ударения (*нижеподписавшиеся*, *вагон-ресторан*); 3) переоформление морфологической парадигмы (*учительская*, *будущее*). Возможно и сочетание формантов разных типов в одном деривате; см., например, слова *видик*, *мультик* (при их образовании усечение сочетается с суффиксацией).

При образовании конкретного производного слова наблюдаются различные морфонологические явления:

1) чередование фонем на морфемном шве и внутри корня: *снег* → *снежинка* (г//ж), *пух* → *пушистый* (х//ш), *стечь* → *сток* (е//о);

2) усечение производящих основ (усекаемые отрезки могут быть как морфемами, так и субморфемами), ср.: *побелу́ть* → *побелка*; *бочка́* → *бочонок*; *избежа́ть* → *неизбежный*;

3) интерфиксация (появление асемантических прокладок на стыке производящей базы и аффикса): *кафе* → *кофе(й)ник*, *Вязьма* → *вязьм(ин)ский*;

4) наложение морфов, устраняющее повторы фонем и фонемных сочетаний на морфемном шве: *Братск* → *братский*, *сосна* → *сосняк*;

5) перемещение ударения и, следовательно, изменение акцентологической характеристики слова, ср.: *гита́ра* → *гитарист*, *красный* → *красно́та*.

На основе семантического соотношения мотивирующего и мотивированного слов (derivata) выделяется словообразовательное (derivационное) значение производного. Это обобщенное значение, присущее производным словам одной словообразовательной структуры, которое может быть определено как тот семантический компонент, которым производное отличается от мотивирующей единицы, ср.: *танк* → *танкист*, *дом* → *домике*. Словообразовательное значение носит менее обобщенный характер, чем грамматическое, но более абстрактный и регулярный, чем лексическое.

Словообразовательное значение выражается при помощи разных формантов в зависимости от способа словообразования. Сравним, например, ряды словообразовательных пар: 1) *вокал* → *вокалист*, *массаж* → *массажист*, *связь* → *связист*, *шахматы* → *шахматист* и 2) *логичный* → *алогичный*, *синхронный* → *асинхронный*, *ритмичный* → *аритмичный*. В первом случае в процессе деривации возникает семантическая «добавка» 'лицо', именно этим компонентом значения отличаются все производные от мотивирующих их слов. Это словообразовательное значение последовательно выражается посредством суффиксации (при помощи форманта *-ист*). Во втором случае производные прилагательные одной словообразовательной структуры характеризуются общим деривационным значением 'отрицание или отсутствие признака, названного мотивирующим словом'. Оно выражается уже префиксацией (формантом служит достаточно регулярная и продуктивная приставка *а-*).

Словообразовательные значения делятся на общие и частные. Общие значения обладают высокой степенью абстрактности и обобщенности, частные являются более конкретными и менее обобщенными. Общие и частные словообразовательные значения находятся между собой в родо-видовых отношениях. Сопоставим, например, производные существительные *вокалист*, *массажист*, *иранист*, *пушкинист*. Все они объединены общим словообразовательным значением лица по отношению к предмету, названному мотивирующим словом. Частные же значения слов *массажист*, *вокалист* и *иранист*, *пушкинист* не совпадают: *массажист*, *вокалист* обозначают лицо по сфере деятельности, *иранист*, *пушкинист* — лицо по объекту изучения.

Если же мы обратимся к ряду производных *дарвинист*, *марксист*, *фашист*, то встретимся с еще одним частным словообразовательным значением имен с формантом *-ист* — 'лицо по отношению к общественно-политическому течению, научному или религиозному учению'.

Производные слова в русском языке выражают широкий спектр словообразовательных значений разных типов. Это значения лица (*льстец*, *лжец*, *обманщик*, *летчик*, *дирижер*, *агитатор*,

эмигрант), разнообразные предметные значения (*двигатель, нагреватель, счетчик, кипятильник, резак, покрывало, вибратор*), значение места действия или вместилища (*раздевалка, зимовье, купальня, коровник, конюшня; сахарница, чернильница, кофейник, бумажник*), значения женскости, невзрослости, собирательности или единичности (*повариха, спортсменка, кассирша, поэтесса; лисенок, орленок, мышонок; офицерство, солдатня, клиентура, комарьё; горошина, макаронина, икринка, чаинка, карамелька*), разнообразные субъективно-оценочные значения: уменьшительное, ласкательное, уничижительное, увеличительное (*рукавчик, домик, вазочка, умишко, собачонка; домина, ручища*); значения интенсивности признака, начала, конца действия, направления действия в пространстве (*вскрикнуть, иззябнуть, нагрешить; запеть, заговорить, подуть; донеть, доварить, отишуметь; отбежать, подойти, улететь, обежать*); значения однократности и многократности (*дунуть, крикнуть, мазануть; певать, хаживать*) и мн. др.

Различные словообразовательные значения производных слов могут подчеркиваться, обыгрываться в тексте, в результате возникает множественность наименований, характерная особенно для художественной речи; ср.: *Старуха стояла перед ним молча. — Это была крошечная, сухая старушонка* (Ф. М. Достоевский); *Глазки Софьи Петровны Лихутиной не были глазками, а были глазами: если бы я не боялся впасть в прозаический тон, я бы назвал глазки Софьи Петровны не глазами — глазищами темного, синего — темно-синего цвета...* (А. Белый).

Производные слова выполняют в языке и речи ряд важных функций. Во-первых, это функция номинативная: дериват служит средством наименования новой реалии, явления или процесса. Так, появление в школах Москвы нового учебного предмета вызвало к жизни производное слово *московведение*, выход в космос первого человека породил ряд глаголов, оказавшихся затем словами-«однодневками»: *леонить* (мотивирующим словом послужила фамилия космонавта Леонова), *космосовать, космить*, появление новых профессий обусловило в XX в. возникновение таких производных слов, как *программист, ядерщик, компьютерщик* и др.

Во-вторых, производные слова могут использоваться для сокращения уже имеющихся в языке единиц, в этом случае они выполняют **компрессивную** функцию, ср.: *зачетная книжка* → *зачетка*; *неотложная помощь* → *неотложка*; *читальный зал* → *читалка*; *заместитель* → *зам*; *специалист* → *спец*¹.

¹ Замена словосочетания однословным суффиксальным образованием, конденсирующим его значение, называется универбацией (*uni* — ‘одно’ + *verbum* — ‘слово’), а производные слова в этой функции — универбами (*читалка, минералка, неотложка, «Вечерка»* и др.).

В-третьих, «производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи»¹. В этой **конструктивной** функции обычно выступают дериваты, которые тождественны по значению мотивирующим их словам, но отличаются от них принадлежностью к другой части речи: это отглагольные отвлеченные существительные, абстрактные существительные, мотивированные прилагательными, качественные наречия, относительные прилагательные, например: *пересказывание, веселость, весело*. Упрощая синтаксическую структуру, дериваты одновременно устанавливают внутритекстовые связи, отсылают к предшествующим высказываниям и, таким образом, способствуют связности речевого произведения, например: *Чухонка или злилась и грубила... или молчала по неделям... Должно быть, я попал в такой молчаливый день* (Ф. М. Достоевский); *Решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире... Но, что делать: мундирный сюжет, мундирность приема, мундирность мысли, слога...* (Ф. М. Достоевский).

Наконец, дериваты создаются для выражения оценок говорящего, передачи его эмоционального состояния, субъективного отношения к предмету речи. Таким образом, они могут выполнять и **эмоционально-экспрессивную функцию**. Сравним, например, ряд слов: *рука — ручонка — рученька*. Производные слова выражают здесь эмоциональные оценки говорящего. Дериваты, выполняющие экспрессивную функцию, особенно часто используются в разговорной и художественной речи; см., например, стихотворение В. Ходасевича «НЭП»:

Если б — маленький домишко,
Да вокруг него садишко,
Да в погожий бы денек
Попивать бы там чаек —
Да с супругой Акулиной,
Да с дочуркой Алевтиной
Д' на крылечке бы стоять —
Своих курочек считать.

В художественном тексте функции производных слов усложняются: они не только устанавливают анафорические связи или выражают авторские оценки, но и служат для создания художественных образов, могут в свернутом виде содержать метафору, оксюморон или сравнение, выступать как средство передачи семантически емкой информации: *Если пронзен острожальной стрелой, долю свою и в недолге открой* (К. Бальмонт); *Ты теплое в радостно-грустном апреле* (К. Бальмонт).

Таким образом, производные слова многофункциональны. Они играют важную роль как в номинации, так и в текстообразовании.

¹ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М., 1992. — С. 5.

Типы мотивации производных слов

Как уже отмечалось, мотивирующее и мотивированное слова связаны отношениями словообразовательной мотивации. В семантическом плане различается несколько типов мотивации¹. Основным классификационным признаком при этом служит полное или неполное вхождение (включение) значения мотивирующего слова в значение мотивированного (производного). В соответствии с этим признаком все типы мотивации делятся на две большие группы. В первую группу входят типы мотивации, при которой дериват полностью включает и осваивает значение мотивирующего слова (**полная мотивация**): *тигр* → *тигренок*. Вторая группа объединяет типы **частичной мотивации**: значение производного в этом случае базируется лишь на одном из компонентов семантики мотивирующего слова: *сова* → *советь*.

Полная мотивация неоднородна. Производное слово может базироваться как на прямом, так и на переносном значении производящего. Ср., например: *домик* ('маленький дом') ← *дом*, *лесной* ('относящийся к лесу') ← *лес* и *озвереть* ('стать жестоким человеком') ← *зверь* (перен. 'жестокый, свирепый человек'). Соответственно различаются прямая и переносная мотивация. **Прямая мотивация** — это мотивация прямым значением мотивирующего слова: *конь* → *конюх*, *синий* → *синеватый*. **Переносная мотивация** — мотивация переносным значением мотивирующего слова: *черствый* → *очерстветь*.

В зависимости от того, ядро или периферию значения деривата формирует при полной мотивации лексическое значение производящего, противопоставляются **основная** (прямая или переносная) и **периферийная** мотивация. **Периферийная мотивация** была выделена Е.А.Земской. Рассматривая пары слов типа *госпиталь* ('больница для военных') → *госпитализировать* ('помещать в любую больницу, в том числе и в госпиталь'), Е.А.Земская пришла к выводу, что в этом случае производные «имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти можно назвать периферийными (т.е. не основными), потому что семантика производных не включает семантику производных целиком, как в парах типа *дом* → *домик*, но связана с семантикой производящего лишь «краешком своего значения»². Производные, характеризующиеся периферийной мотивацией, включают в свою

¹ Проблемам мотивации посвящены работы Е.А.Земской, В.В.Лопатина, И.С.Улуканова, И.А.Ширшова. Детальная классификация типов мотивации представлена в статье И.А.Ширшова «Типы словообразовательной мотивации» // ФН. — 1995. — № 1. См. также монографию И.А.Ширшова «Теоретические проблемы гнездования». — М., 1999.

² Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А.Белошапковой. — М., 1989. — С. 243.

семантику ограничительный компонент 'в том числе'; см., например, слова: *кашевар* ('тот, кто готовит пищу, *в том числе и кашу*'), *полковник* ('тот, кто командует значительным воинским подразделением, *в том числе полком*'). Значение мотивированного слова в этом случае шире семантики мотивирующего.

Обратимся теперь к типам частичной мотивированности. Она представлена косвенной, метафорической и ассоциативной мотивациями.

При частичной косвенной мотивации «прямая отсылка к значению мотивирующего, т.е. его включение в толкование, невозможна, но словообразовательная структура слова и семантические связи мотивированного и мотивирующего свидетельствуют о наличии между ними мотивационных отношений»¹: *мертвечина* (собр. 'трупы животных, падаль') → *мертвец*. Как отмечает И.А. Ширшов, семантические отношения в словообразовательной паре при этом «вуалируются, затушёвываются».

При метафорической мотивации из значения мотивирующего слова извлекается только один семантический компонент, которому посредством сравнения и уподобляется значение производного. Именно этот компонент и ложится в основу номинации, при этом «переносный смысл возникает... **только на уровне мотивированного слова**, только в его словообразовательной структуре»²; см., например: *змеиться* ('извиваться, подобно змее'), *каменеть* ('становиться твердым, как камень'). В толкованиях дериватов при метафорической мотивации включаются показатели сравнения (как, подобно, похожий, напоминающий).

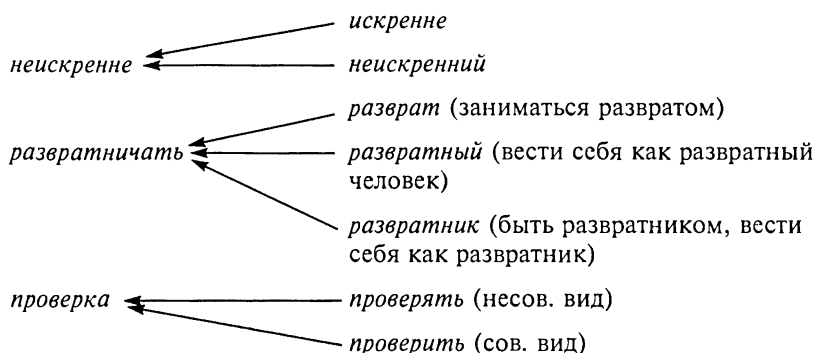
При ассоциативной (ассоциативно-образной мотивации) значение производного базируется уже не на значении производящего, а на тех или иных ассоциациях, связанных с ним в языковом коллективе. Ассоциации актуализируют определенный семантический признак, который, как правило, не фиксируется толковыми словарями у мотивирующего слова. Этот признак обычно связан с образными характеристиками и служит основой уподобления: *совать* 'пребывать в дремотном состоянии, как сова днем', *цыганить* 'попрошайничать, просить, как обычно просят цыгане'. Ассоциативная мотивация широко распространена в разговорной речи и жаргонах: *лимонничать* 'проявлять излишнюю мягкость, слабость' (ср. *апельсинничать*).

В зависимости от того, с одним или двумя (несколькими) мотивирующими словами соотносится производное, различаются

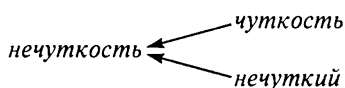
¹ Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования // Принципы составления гнездового Толково-словообразовательного словаря современного русского языка. — Грозный, 1991. — С. 67.

² Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. — Вып. 1. — Ташкент, 1975. — С. 55.

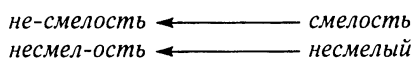
единичная (единственная) и множественная мотивация. При единственной мотивации производное слово является одномотивированным, т.е. выводится только из одного, строго определенного мотивирующего слова: *лесной* ← *лес*, *водица* ← *вода*, *снежинка* ← *снег*. Множественная мотивация предполагает возможность выводимости одного деривата параллельно из двух или более мотивирующих слов:

При множественной мотивации «ни семантические, ни формальные основания не дают возможности предпочесть одно из двух (или более) однокоренных слов в качестве непосредственно мотивирующего для данного производного слова»¹, ср.:

Множественная мотивация может порождать множественность словообразовательной структуры производного. Так, анализируя слово *учительство*², Г.О. Винокур (первым отметивший явление множественной мотивации, названное ученым «омонимией словообразовательной формы») показал, что оно может члениться по-разному в зависимости от его значения: *учительств(о)* 'совокупность учителей' и *учи-тельств(о)* 'занятие того, кто учит'. Таким образом, в случае множественной мотивации одно и то же производное слово в структурном отношении может характеризоваться разными производящими базами и разными формантами; см., например, слово *несмелость*:

¹ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. — М., 1977. — С. 92.

² См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 434.

Словообразовательный анализ производного слова предполагает определение мотивирующего слова и рассмотрение характера мотивации как в семантическом, так и в структурном плане, при этом обязательно должен определяться тип мотивации.

Способы словообразования в современном русском языке

Способ словообразования — одно из центральных понятий словообразования. Оно может быть рассмотрено как в плане диахронии, так и в плане синхронии. В плане диахронии под способом словообразования понимается конкретный прием создания производного слова. Так, например, слово *вратарь* ('тот, кто охраняет врата') образовано суффиксальным способом — посредством форманта *а́рь* со значением лица, слово *сейчас* возникло в результате слияния (сращения) двух знаменательных слов — местоимения *сей* и существительного *час*. Способ словообразования с диахронической точки зрения, таким образом, фиксирует историю рождения слова в языке в тот или иной период его развития. Это исторический процесс создания новых лексических единиц на базе уже существующих. Большинство слов современного языка, однако, не создается нами заново, а воспроизводится, извлекается из языковой памяти.

С синхронической точки зрения понятие «способ словообразования» имеет уже другое наполнение. Оно «используется для ответа на вопрос, с помощью **какого средства** (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова»¹. Способ словообразования объединяет множество дериватов, характеризующихся одним и тем же видом форманта. Так, например, у существительных *зверьё*, *листва*, *родня*, *студенчество*, *березняк*, *старостат* словообразовательное значение собирательности (целостного множества) выражается суффиксальным способом, при этом, как мы видим, используются разные суффиксы: *-ѣ*, *-ѡ*, *-нѣ*, *-(е)ствѣ*, *-нѣкѣ*, *-ѣтѣ*. Словообразовательное значение начинательности у глаголов передается префиксальным способом; см., например: *зѣнѣть*, *зѣкрѣчать*, *зѣстонѣть*, *вѣзвѣть*, *вѣскрѣчать*, *вѣзрѣвѣть*, *пѣлѣть* (о дожде), *пѣвалѣть* (о снеге), *пѣскакаѣть*. Для выражения особого накопительного значения у глаголов также используется префиксальный способ словообразования: *нѣкупѣть* (*массу*) *вещей*, *нѣсолѣть* *грибов*, *нѣделѣть* *ошибок*, *нѣловѣть* (*много*) *рыбы*.

Первая последовательная научная классификация способов словообразования в русском языке была разработана В. В. Вино-

¹ Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование. — М., 1973. — С. 169.

градовым (1951). В. В. Виноградов выделил морфологический способ словообразования, противопоставленный неморфологическим способам: лексико-семантическому, лексико-синтаксическому и морфолого-синтаксическому.

Морфологический способ, центральный способ русского словообразования, — это «образование новых слов с помощью аффиксов»¹ (префиксов, суффиксов и др.): *лес-нѣк*, *пѣобедать*, *нѣстольный*. К нему в классификации В. В. Виноградова примыкает фонетико-морфологический способ — такой прием создания слов, при котором их образование происходит без присоединения материально выраженных словообразовательных аффиксов, но сопровождается фонетическими изменениями: чередованием или перемещением ударения: *глухой* → *глушь*, *тихий* → *тишь*.

Неморфологические способы не используют аффиксальных словообразовательных средств.

Лексико-семантический неморфологический способ — это образование нового слова в результате изменения значения уже существующей в языке лексической единицы, «формирования омонимов путем распада одного слова на два»²: *кулак* ('зажиточный крестьянин') ← *кулак*, *успевать* ('хорошо учиться') ← *успевать* (ср. *успеть*).

Лексико-синтаксический неморфологический способ — это создание нового слова на базе словосочетания в результате слияния двух или более слов: *умалишенный* (ума лишенный), *сумасшедший* (с ума шедший), *сегодня* (сего дня), *семьсот* (семь сот).

Морфолого-синтаксический способ в классификации В. В. Виноградова включает «все факты перехода слов из одной части речи в другую, а также тесно связанные с ними случаи отрыва формы от системы форм слова и превращения в самостоятельное слово»³: *рабочий*, *проводжатый*, *весной* (наречие) ← *весной* (сущ.), *караул!* (междометие) ← *караул* (сущ.).

В дальнейшем классификация способов русского словообразования, предложенная В. В. Виноградовым, подверглась уточнениям и корректировке: так, фонетико-морфологический способ стал рассматриваться как разновидность морфологического и получил название «безаффиксного» способа; с выделением же нулевых словообразовательных аффиксов он стал трактоваться как нулевая суффиксация; изменения значений слов (лексико-семантический способ) и развитие омонимии в современной науке, как правило, относятся к сфере лексикологии. В то же время разработанная

¹ Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 156.

² Там же. — С. 158.

³ Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике или лексикологии // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 207.

В. В. Виноградовым классификация способов словообразования последовательно учитывается в практике преподавания: именно она лежит в основе школьного курса русского языка. В современной же дериватологии эта классификация способов словообразования может быть отнесена только к диахроническому словообразованию: выделенные В. В. Виноградовым способы (прежде всего неморфологические) позволяют дать ответ на вопрос, с помощью каких средств в истории русского языка **было** образовано то или иное конкретное слово. Например, появление в языке слова *спасибо*, созданного лексико-синтаксическим способом на базе устойчивого сочетания лексических единиц *спаси Бог*, — результат длительного исторического развития, а не использования типизированной модели в настоящем. В современном русском языке сохраняют продуктивность лишь отдельные разновидности неморфологических способов. Это, например, субстантивация прилагательных и причастий (*приёмная, докладная, командировочные, провожающие, отъезжающие*) и сращение, или слияние наречия и прилагательного или причастия (*долгоиграющая пластинка, быстрорастворимый кофе, вечнозеленое дерево*).

Классификация способов, разработанная В. В. Виноградовым, должна, таким образом, учитываться при **историческом** словообразовательном анализе слов. Основной же классификационный признак — использование аффиксальных словообразовательных средств или их отсутствие и привлечение других средств — отражен и в типологии способов словообразования в синхронном аспекте, однако он наполняется другим содержанием: для построения типологии способов значим не сам факт наличия или отсутствия словообразовательного аффикса, участвующего в образовании производного слова, а тип форманта (аффиксальный/безаффиксный), выражающего то или иное деривационное значение в современном языке.

Классификация способов словообразования в плане синхронии строится с учетом трех признаков: 1) характера форманта; 2) количества формантов; 3) отношения к системе языка. По первому — в е д у щ е м у — классификационному признаку все способы словообразования делятся на а ф ф и к с а л ь н ы е и б е з а ф ф и к с н ы е: в первых используются аффиксальные форманты разных типов, во вторых — операционные, безаффиксные форманты. По количеству формантов различаются п р о с т ы е, или ч и с т ы е, способы и с о с л о ж н ы е, или к о м б и н и р о в а н н ы е: в чистых способах используется только одно словообразовательное средство (суффиксация, префиксация, постфиксация), в комбинированных — два и более (префиксально-суффиксальный способ, префиксально-постфиксальный способ, префиксально-суффиксально-постфиксальный способ и др.), ср.: *растратить* — *обанкротиться*. По отношению к системе языка разграничиваются у з у а л ь н ы е и

о к к а з и о н а л ь н ы е способы словообразования. Узуальные (лат. *usus* — обычай, привычка) способы закреплены в системе языка, окказиональные (лат. *occasio* — случайность) характерны для индивидуального или поэтического словотворчества. Окказиональные способы словообразования носят периферийный характер и представлены, как правило, небольшим количеством производных. К окказиональным способам относятся, например, рифмованное сложение, или «повтор — отзвучие» (*танцы-шманцы*), субституция, или замена морфем (*Твердиземное море* — Н. Лесков), вставка: ...*Лю-я-блю. Лю-я-блю. Моя любовь разбита...* (Н. Глазков), междусловное наложение: *Сугробовая тишина. Снеграфика. Снеготика* (Н. Моршен) и др.

Рассмотрим основные узуальные способы современного русского словообразования.

Аффиксальные способы словообразования

К ч и с т ы м аффиксальным способам относятся: 1) префиксация; 2) суффиксация; 3) постфиксация.

1. П р е ф и к с а ц и я, или приставочный способ словообразования, характеризуется использованием такого форманта, как префикс: *петь* → *з̑апеть*; *писать* → *д̑описать*; *вежливый* → *н̑евежливый*; *автор* → *с̑оавтор*; *всегда* → *н̑авсегда*.

Префиксация наиболее распространена в глагольном словообразовании, реже она используется в сфере прилагательных, существительных и наречий.

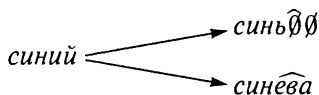
Своеобразие приставки как препозитивной морфемы, занимающей позицию перед производящей основой, определяет особенности префиксации. Приставка более автономна, чем суффикс. Она не оказывает заметного влияния на звуковой состав последующих морфов, поэтому для префиксального словообразования характерно отсутствие существенных морфонологических явлений на стыке форманта и производящей основы.

Приставка всегда присоединяется к целому производящему слову. Производные этого способа относятся к той же части речи, что и производящие, ср.: *умный* → *п̑реумный*; *нести* → *п̑ринести*; *веселый* → *р̑азвеселый*; *язык* → *п̑раязык*. В семантическом отношении приставка не влияет существенным образом на семантику слова, она лишь уточняет, модифицирует значение мотивирующей единицы, в результате мотивированные слова сравнительно мало отличаются по значению от мотивирующих, ср.: *заговорить* — *проговорить* — *поговорить* — *говорить*.

2. С у ф ф и к с а ц и я, или суффиксальный способ словообразования, — наиболее распространенный способ русского словообразования. Он широко представлен в сфере разных частей речи,

прежде всего существительных и прилагательных (*олене́нок*, *пе-реводчи́к*, *добро́та*, *преподава́тель*, *медный́*, *глиня́ный*, *осли́ный*, *пе-тербу́ргский* и др.).

Формант, выражающий деривационное значение, при суффиксации может быть как материально выраженным, так и нулевым. Ср.:

Нулевая суффиксация является разновидностью суффиксального способа словообразования. Она особенно распространена в сфере образования имен существительных: deverбатов (отглагольных отвлеченных имен), деадъективов (отвлеченных существительных, мотивированных прилагательными) и оценочных существительных со значением лица: *вылетё*, *пробегё*, *заменё*, *прогулё*, *синьё*, *зеленьё*, *новьё*, *подлизё*, *задирё*. Наиболее продуктивны в современном русском языке deverбатовы, состав которых активно пополняется; см., например, зафиксированные в словарях новообразования *набрызг*, *просверк*, *защёлк*, *взбрык*, *загад*.

При суффиксации формант присоединяется не к производящему слову в целом, как при префиксации, а к его основе.

Ср.: *воспита́ть* — *воспита́тель*; *красный́* — *красно́та*.

На стыке производящей основы и суффикса регулярно наблюдаются морфонологические явления: чередования, наложение морфов и др.: *дорога* → *дороженька*; *Братск* → *братский*.

3. П о с т ф и к с а ц и я, или постфиксальный способ, — аффиксальный способ, при котором средством выражения деривационного значения служит такой формант, как постфикс: *радо́вать* → *радо́ватьсѧ*, *мы́ть* → *мы́тьсѧ*.

Способ этот ограничен небольшим числом постфиксов в русском языке. Он представлен в основном в сфере глагольного словообразования (*бритьѧ*, *мучитьѧ*, *крутитьѧ*, *торопитьѧ* и др.), а также в сфере местоименных слов: *какой-нибудь*, *чей-то*, *что-либо*.

Постфикс, как и префикс, присоединяется к целому производящему слову, при этом дериват сохраняет его лексико-грамматические свойства и относится к той же части речи.

Ср.: *стуча́ть* → *стуча́тьсѧ*, *беле́ть* → *беле́тьсѧ*, *краси́ть* → *краси́тьсѧ*, *что* → *что-нибу́дь*.

К о м б и н и р о в а н н ы м аффиксальным способам относятся:

1. П р е ф и к с а л ь н о - с у ф ф и к с а л ь н ы й способ. Словообразовательным формантом в этом случае является комбинация двух аффиксов — приставки и суффикса. Эта комбинация возникает либо при одновременном присоединении аффиксов к

производящей основе (снег → $\overline{\text{под}}\text{-снеж-н\acute{и}к}$, рукав → $\overline{\text{на}}\text{-рукав-н\acute{и}к}$, дорога → $\overline{\text{без}}\text{-дорож-н\acute{и}к}$), либо в результате преобразования предложно-падежной формы (*при школе* — $\overline{\text{при}}\text{-школ'-н\acute{и}й}$, *на столе* — $\overline{\text{на}}\text{-стол'-н\acute{и}й}$, *под Москвой* — $\overline{\text{под}}\text{-москов-н\acute{и}й}$). Префиксально-суффиксальный способ в современном русском языке — наиболее распространенный комбинированный способ словопроизводства. Он представлен в сфере образования разных частей речи, однако особенно характерен для именного словопроизводства.

Суффикс, входящий в комбинацию аффиксов, может быть и нулевым. Префиксация и нулевая суффиксация — способ, характерный для образования прилагательных, мотивированных именами существительными со значением частей тела или деталей внешности: $\overline{\text{без}}\text{-глаз\acute{в}ый}$, $\overline{\text{без}}\text{-ног\acute{в}ый}$, $\overline{\text{без}}\text{-рук\acute{в}ый}$. Эта же комбинация аффиксов выражает деривационное значение и в небольшой группе существительных типа $\overline{\text{прод}}\text{-сид\acute{ь}}$, $\overline{\text{прод}}\text{-син\acute{ь}}$.

2. Префиксально-постфиксальный способ ограничен только сферой глагольного словообразования. Средством выражения деривационных значений служит комбинация префикса и постфикса $\overline{\text{с\acute{я}}}$ (*сь*): $\overline{\text{до}}\text{-звонит\acute{ь}с\acute{я}}$, $\overline{\text{до}}\text{-кричат\acute{ь}с\acute{я}}$, $\overline{\text{за}}\text{-читат\acute{ь}с\acute{я}}$, $\overline{\text{ис}}\text{-страдат\acute{ь}с\acute{я}}$, $\overline{\text{проб}}\text{-олтат\acute{ь}с\acute{я}}$, $\overline{\text{раз}}\text{-бежат\acute{ь}с\acute{я}}$. Формант присоединяется к целому производящему слову, причем в качестве производящих, естественно, выступают только глаголы: *голодать* → $\overline{\text{из}}\text{-голодат\acute{ь}с\acute{я}}$, *сидеть* → $\overline{\text{до}}\text{-сидет\acute{ь}с\acute{я}}$.

3. Суффиксально-постфиксальный способ также характерен только для глагольного словообразования. Словообразовательное значение в этом случае выражает комбинация суффикса и постфикса $\overline{\text{с\acute{я}}}$. В качестве мотивирующих слов выступают существительные и прилагательные: *нужда* → $\overline{\text{нужд\acute{а}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *суета* → $\overline{\text{сует\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *гордый* → $\overline{\text{горд\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *скупой* → $\overline{\text{скуп\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$.

4. Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ. В качестве форманта выступает комбинация трех аффиксов: префикса, суффикса и постфикса $\overline{\text{с\acute{я}}}$. Способ этот соответственно представлен только в сфере глагольного словообразования. Мотивирующими словами служат существительные, прилагательные и глаголы: *банкрот* → $\overline{\text{дбанкрот\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *штраф* → $\overline{\text{проштраф\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *щедрый* → $\overline{\text{расщедр\acute{и}т\acute{ь}с\acute{я}}$, *шептать* → $\overline{\text{перешепт\acute{ы}ват\acute{ь}с\acute{я}}$, *моргать* → $\overline{\text{перемаргиват\acute{ь}с\acute{я}}$.

5. Сложносуффиксальный способ. В сложных словах этого способа деривационное значение выражается комбинацией сложения и суффикса. Словообразовательными формантами служат порядок (последовательность) объединяемых компонентов, аффикс и единое (главное) ударение¹. Сложносуффиксальный

¹ В том случае, если интерфикс в сложных словах рассматривается как самостоятельная морфема, а не как асемантическая прокладка, состав формантов расширяется: в комплексный (комбинированный) формант входит и интерфикс.

способ широко распространен в сфере образования имен: *огнетушитѣль, полнолуннѣ, пятиклассник, честолубѣц, плоскостопѣ, канатоходец; трехэтажный, западноевропейский, северокавказский, левобережный, дальневосточный.*

Суффикс, входящий в комбинацию словообразовательных средств, может быть нулевым: *однолюбѣ, лесорубѣ, бензовозѣ, снегопадѣ, сенокосѣ, листопадѣ, сероглазый, чернородый, длинноногий, одноногий.*

В системе комбинированных аффиксальных способов русского словообразования отмечаются также б) сложнопредфиксальный: *оплодотворить, умиротворить* — и 7) префиксально-сложносуффиксальный способы: *предновогодний, повседневный, Причерноморье, повсеместный.* См. также новообразования: *раззолотенебело* (В. Маяковский); *оскудодушели* (В. Астафьев); *пораннеапрельски* (В. Солоухин). Способы эти, однако, представлены небольшим числом производных слов.

Безаффиксные способы словообразования

К безаффиксным способам русского словообразования относятся *сложение, сращение, аббревиация, усечение и субстантивация.*

1. Сложение.

Словообразовательными формантами при сложении служат устойчивый порядок компонентов и тенденция к единому ударению. Сложные слова, или композиты (лат. *compositio* — сложение), имеют особый тип словообразовательного значения, которое присуще «вообще всем словам со сложной мотивирующей базой»¹. Это соединительное значение, связанное с объединением разных по семантике мотивирующих основ (слов) в одну целостную единицу, ср.: *север + восток → северо-восток, генерал + лейтенант → генерал-лейтенант.*

По мнению И. С. Улуханова, это соединительное значение сложных производных слов во многом «аналогично лексическому значению соединительных союзов»², ср.: *русско-французский* — и *русский, и французский.*

Сложение включает несколько разновидностей. Это:

1) сложносоставной способ — сложение самостоятельных знаменательных слов без помощи интерфикса: *изба-читальня, вагон-ресторан, платье-костюм.* Этот способ в русском литературном языке охватывает составные имена существительные, которые занимают промежуточное место между сочетанием слов и одним

¹ Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. — М., 1977. — С. 54.

² Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М., 1996. — С. 149.

целостным дериватом. Компоненты составного существительного характеризуются высокой степенью формальной и смысловой автономности, что проявляется в способности некоторых из них к самостоятельному словоизменению; ср.: *войти в вагон-ресторан, подойти к вагону-ресторану, выйти из вагона-ресторана*.

Составные существительные строятся по модели «определяемое + определяющее»: *генерал-майор, плащ-палатка*. Если в литературном языке сложносоставной способ характерен только для существительных, то в народной речи он распространяется и на другие части речи за счет ассоциативных и синонимических сближений прилагательных, наречий и даже глаголов: *белая-румяная, тихо-мирно, блеснуть-сверкать* и др.

Сложносоставной способ продуктивен в современной речи, при этом в последнее десятилетие заметно усилилась тенденция к аналитизму, проявляющаяся в неизменяемости первого компонента: *бизнес-клуб, попкорн-аппарат*;

2) чистое сложение — образование производного слова путем соединения одной или нескольких основ с самостоятельным знаменательным словом: *лесостепь, лжепророк, англо-русский, черно-белый*. Последний компонент сложения (самостоятельное слово) выражает комплекс грамматических значений и морфологически оформляет новую единицу.

Первый и второй компоненты чистого сложения могут быть связаны как равноправными, так и неравноправными смысловыми отношениями, аналогом которых могут служить сочинение и подчинение в синтаксисе; ср.: *русско-испанский, бело-розовый, северо-запад и первоисточник, хлебозаготовки, водонепроницаемый*.

Чистое сложение характерно для образования существительных и прилагательных. При объединении компонентов сложного слова обычно используется интерфикс¹: *шахматно-шашечные* (соревнования), *экспрессивно-эмоциональная* (окраска), *юго-запад, лжеучение*. Наличие интерфикса — признак этого типа сложения.

При чистом сложении, как правило, объединяются два компонента, однако возможно и большее их число: *серо-буро-малиновый, рязанско-курско-тамбовско-воронежско-саратовский клуб* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *аксаково-тургенево-толстовская дичь* (В. Набоков), *солono-горько-кисло-сладкая страна* (В. Высоцкий) и др.;

3) образование сложных слов с первым неизменяемым связанным компонентом интернационального характера, развивающим высокую деривационную активность, *авиа-, агро-, био-, гидро-, видео-, метео-, рок-*

¹ В том случае, если интерфикс рассматривается как морфема (значимая единица), этот способ включается в состав аффиксальных. Интерфикс при этом квалифицируется как формант, выражающий соединительное значение.

и др.¹: *авиапочта, видеомагнитофон, видеофильм, рок-группа, рок-концерт, метеосводка, радиорубка, радиопередача, телеведущий, телепередача, телепрограмма, телешоу*. Развитие этого класса слов в современном русском языке свидетельствует о росте в нем элементов аналитизма.

2. **Сращение** — слияние двух самостоятельных полнозначительных слов, связанных подчинительными отношениями. В основе сращения обычно устойчивое сочетание слов. Формант тот же, что и при сложении. Для сращения характерны две основные словообразовательные модели:

1) «наречие + прилагательное или причастие»: *вечнозеленый, быстрорастворимый, многоуважаемый, вышеизложенный, маловысокохудожественные книги* (М. Зощенко);

2) «существительное + прилагательное или причастие»: *фосфорсодержащий, азотсодержащий*.

Последняя модель характерна для научной и технической терминологии, первая — проявляет продуктивность в разных языковых сферах.

3. **Аббревиация** (лат. *brevis* — ‘краткий’) — сложение сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание: *МГУ, ООН, СНГ, вуз, пединститут*. В качестве словообразовательных формантов в этом случае выступают неморфемное усечение слов и закрепленный порядок компонентов.

Аббревиация — один из самых молодых способов русского словообразования. Бурное развитие она получила в XX в., особенно после Октябрьской революции, вызвавшей в языке своеобразный «аббревиатурный взрыв»: *совнарком, ЧК, ликбез, комбед, комсомол, шкраб, ревком, конармия, соцбыт* и др.

Аббревиация связана с действием закона экономии языковых средств и имеет ряд структурных разновидностей. Выделяются:

а) звуковая аббревиация — сочетание начальных звуков сокращенных слов: *РЯШ* («Русский язык в школе»), *НИИ*;

б) буквенная аббревиация — объединение начальных букв сокращенных слов: *МГУ, СКВ, МПГУ*;

в) слоговая аббревиация — объединение элементов сокращенных слов, аналогичных слогу: *помреж* (помощник режиссера), *Совбез* (Совет безопасности), *совхоз*;

г) слого-словная аббревиация — объединение целого слова и сокращенного элемента: *зарплата, Госдума, сбербанк*;

д) смешанная аббревиация — объединение сокращенных элементов разных типов: *завуч, ИМЛИ* (Институт мировой литературы);

¹ Подобные компоненты многие ученые рассматривают как **слова** нового для русского языка грамматического класса — аналитические прилагательные. См.: Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М., 1999. — С. 152–155.

е) телескопическая аббревиация — объединение начала одного слова и конца другого: *параланг* (парашют + акваланг), *бионика* (биология + техника), *львигр* (львенок + тигр).

Аббревиация, как и различные разновидности сложения и сращения, выражает особый вид словообразовательного значения, которое обобщенно может быть названо соединительным или синтагматическим¹. Это абстрактное значение соединения компонентов, вступающих в определенные отношения друг с другом: *МГЛУ* — Московский государственный лингвистический университет, *СМИ* — средства массовой информации, *комбат* — командир батальона, *педсовет* — педагогический совет.

Аббревиация — способ, характеризующийся высокой продуктивностью и дающий в современный период развития языка большое количество новых образований: *ГИБДД*, *АиФ*, *Газпром*, *Сибнефть*, *госсекретарь* и мн. др.; как мы видим, активность проявляют все выделенные типы аббревиатур.

4. Усечение — сокращение производящей основы по типу аббревиатур (независимо от морфемного шва): *заместитель* → *зам*. Словообразовательный формант в этом случае носит операционный характер: это неморфемное усечение лексической единицы. Название форманта, таким образом, совпадает с обозначением способа. Производное относится к той же части речи, что и производящее, и тождественно ему по значению, но отличается от него стилистической окраской (обычно сниженной) и соответственно особой экспрессивностью в речи: *магнитофон* — *маг*; *мерседес* — *мерс*; *диссертация* — *диссер*; *Афганистан* — *Афган*.

Усечение, как и аббревиация, получило интенсивное развитие в русском языке в XX в. Оно свойственно преимущественно разговорной речи и жаргонам: *пенс* (пенсионер), *консерва* (консерватория), *преп* (преподаватель) и др.; однако несколько слов, образованных усечением, уже вошло в литературный язык, например: *метро*, *кино*.

Усечению подвергаются основы существительных и прилагательных, ср.: *специалист* → *спец*; *заведующий* → *зав*; *примитивный* → *примитив*, *наивный* → *наив*, *интенсивный* → *интенсив*. Усечения могут мотивироваться как одним словом, так и словосочетанием.

По отношению к мотивирующему словосочетанию «прилагательное + существительное» усечения характеризуются семантическим стяжением: они вбирают в себя значение всей мотивирующей их единицы, а не только прилагательного, с которым формально соотносятся. Ср.: *термоядерный синтез* → *термояд*, *фигтурный брак* → *фигтур*, *декретный отпуск* → *декрет*, *синхронный перевод* → *синхрон*.

¹ См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. — М., 1977. — С. 54–55.

В структурном отношении усечения различны. Они могут быть равны части слова (*спец, фан*) или слову (*сигнал* → *сигнальный эк-земпляр*). Некоторые усечения, активно функционирующие в разговорной речи, жаргоне или просторечии, отличаются от мотивирующих их слов звуковым составом основы; процесс образования их, таким образом, связан с фонетическими изменениями, см., например: *дембель, шпора* (шпаргалка).

Усечение в современной речи регулярно осложняется суффиксацией: *комок* (комиссионный магазин), *видик, мультик, компик* (компьютер).

5. Субстантивация (лат. *substantivum* — ‘существительное’) — образование существительных в результате перехода в этот грамматический класс прилагательных и причастий: *учительская, трудящиеся*. Словообразовательным формантом служит функциональное преобразование морфологической парадигмы мотивирующих слов. Морфемный состав прилагательных и причастий не меняется, однако их парадигма резко сокращается: в результате перехода в существительные эти слова теряют способность изменяться по родам, а их согласовательные флексии становятся синтаксически независимыми. Ср.: *В комнату вошел слепой мальчик. — Слепой подошел к окну*. Субстантивация прилагательных и причастий связана с изменением их синтаксической функции. Ср.: *Маленькие дети боятся темноты. Взрослых приглашали в столовую, а маленьких завлекали в детскую* (А. И. Куприн).

Субстантивированные прилагательные и причастия, или субстантиваты, разнообразны по семантике: это обозначения лиц (*ссылный, встречный, ученый*), помещений (*ванная, приемная, операционная*), абстрактных понятий (*будущее, прошедшее, прекрасное*), блюд, кушаний, лекарств (*мороженое, жаркое, первое, снотворное*), денег, платежей (*чаевые, командировочные*) и др.

Способ продуктивен в современном языке. В разговорной и художественной речи, наряду с субстантивацией прилагательных и причастий, распространена и субстантивация других частей речи, см., например: *О милый гость, святое прежде зачем в мою теснится грудь...* (В.А. Жуковский); *Трясущимся людям в квартир-ное тихо стоглазое зарево рвется в пристани...* (В. Маяковский). Эта субстантивация носит, как правило, окказиональный характер.

Таким образом, для выражения деривационных значений на синхронном срезе русского языка используется развитая система аффиксальных и безаффиксных способов.

Типы производных слов

Производные слова в семантическом плане по-разному соотносятся: а) со значением составляющих их морфем; б) со значением мотивирующих их слов.

Значение деривата может полностью складываться из значения входящих в производное слово морфем как значимых частей слова, ср.: *сто́л-и́к* 'маленький стол', *о́лен-ёно́к* 'детёныш оленя'. Однако, сравнивая семантику (мотивированного) слова и значение слова мотивирующего, лингвисты (А. М. Пешковский и др.) обратили внимание на то, что значение деривата часто не выводится непосредственно из значения составляющих его частей, а содержит добавочные семантические компоненты, не выраженные эксплицитно морфемами. «То, что **выключатель** — прибор, **истребитель** — самолет, **указатель** — столб с надписью или книга, а **водитель** — человек, состав слова не указывает. Более того, состав слова не указывает, что **выключатель** столько же выключает, сколько и включает; что **водитель** водит не экскурсии, а автомашину и т.д. Состав слова допускает **выключателем** назвать человека, потушившего свет в комнате; **истребителем** — самолет, истребляющий саранчу, а также морителя мышей, обжору, печь и т.д. ...»¹. Свойство производного слова выражать дополнительные семантические компоненты, не сводящиеся к значению составляющих его частей, получило название «фразеологичность, или идиоматичность семантики» (термин предложен М. В. Пановым). Соответственно все производные слова в семантическом отношении делятся на фразеологичные и нефразеологичные. **Фразеологичные производные** — это дериваты, семантика которых не равна сумме значений составляющих слово частей, их значение всегда включает добавочные компоненты: *писатель*, *носильщик*, *лесник*, *вечерник*. Так, словом *вечерник*, например, может обозначаться любое мероприятие, относящееся к вечеру (ср.: *утренник*), либо лицо, связанное своей деятельностью с этим временем суток. В языке же слово *вечерник* используется лишь для обозначения студента вечернего отделения. Эти компоненты значения не выражены непосредственно составляющими эту лексическую единицу морфемами.

Нефразеологичные по семантике производные — дериваты, значение которых равно сумме значений составляющих это производное морфем: *домик*, *лесостепь*, *сероглазый*, *черно-красный*.

Идиоматичность (фразеологичность) семантики по-разному проявляется у слов разных частей речи и разных лексико-грамматических разрядов. Так, в большей степени фразеологичность семантики присуща производным существительным, именно у них она наиболее ярко выражена, см., например: *газетчик*, *мясник*, *сухарь*, *холодец*, *тепушка*. В то же время относительные прилагательные характеризуются неидиоматичностью семантики: *лет-*

¹ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М., 1999. — С. 67.

ний, киевский, глиняный и др.; нефразеологичны производные качественные наречия: *весело, быстро, смело* и др.

Для семантики дериватов и их функционирования не только значима их соотнесённость со значениями входящих в эти слова элементов, но и важно семантическое соотношение между производным и мотивирующим его словом. Как уже отмечалось, значение деривата может быть тождественно значению мотивирующего слова во всех компонентах, кроме категориальной семантики части речи, или существенно отличаться от него, ср.: *тихий* — *тихо* и *тихий* — *тихоня*. Польский лингвист Ежи Курилович на этом основании предложил разграничивать два типа деривации: синтаксическую и лексическую: «Синтаксическая деривация происходит внутри одного и того же лексического значения (...без изменения лексического значения)...»¹. Соответственно в языке различаются синтаксические и лексические дериваты.

Синтаксический дериват — это производное, значение которого тождественно лексическому значению производящего во всех компонентах, кроме общекатегориального значения части речи. Синтаксический дериват отличается от мотивирующего его слова частью речи и, следовательно, первичной синтаксической функцией: «это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией»².

К синтаксическим дериватам относятся:

1) *девербативы* — отглагольные существительные со значением отвлеченного действия: *чтение, приезд, вылет*;

2) *деадъективы* — существительные со значением отвлеченного качества, мотивированные прилагательными: *чистота, смелость, тишь, синева*;

3) качественные наречия, мотивированные прилагательными: *тихо, громко, нежно*;

4) относительные прилагательные, мотивированные существительными: *дорожный, глиняный, речной, морской*.

Лексический дериват — это производное, лексическое значение которого не тождественно значению мотивирующего его слова, ср.: *барабанщик* (барабан), *подснежник* (снег), *отговорить* (говорить).

Лексические дериваты или частично видоизменяют, модифицируют значение мотивирующего слова (*дом* → *домище*, *голубой* → *голубоватый*, *студент* → *студенчество*), или содержат существенно новый семантический компонент (*читать* → *читатель*, *чай* → *чайник*, *вешать* → *вешалка*). Они могут и относиться к той же части речи, что производящие (*река* → *речонка*, *снег* → *снежинка*),

¹ Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М., 1962. — С. 63.

² Там же. — С. 61.

и представлять уже другой грамматический класс слов (*переводить* → *переводчик*, *синий* → *синяк*).

Тип деривации (лексическая или синтаксическая) определяет характер функционирования производного, его деривационный потенциал, особенности его семантики и «поведения» в словообразовательной системе, в высказывании и — шире — в тексте. «Деление словообразовательной системы на две подсистемы — лексическую и синтаксическую деривацию основано на характере словообразовательного значения, передаваемого суффиксами в той и другой подсистеме. Суффиксы лексической деривации выполняют в языке собственно семантическую функцию... и представляют собой семантическую добавку к значению производящей основы. Суффиксы синтаксической деривации выполняют в языке структурно-семантическую функцию: они переводят слово из одной части речи в другую, формально маркируют производное слово... В результате одно и то же лексическое значение может выступать в сопровождении разных частеречных значений»¹. Ср.: *веселый*, *веселость*, *весела*.

Особое место в словообразовательной системе русского языка занимают слова, образованные усечением (*спец*, *зав*). Как уже отмечалось, они по значению совершенно идентичны мотивирующим словам, ср.: *заведующий* → *зав*. Таким образом, в этом случае можно говорить о семантической эквивалентности производного и производящего. Их различие носит стилистический характер: производное обычно является стилистически окрашенным словом, причём стилистическая окраска обычно сниженная: *мерс*, *маг*. Дериваты-усечения можно, следовательно, рассматривать как стилистические модификации производящих слов.

Отношения семантической эквивалентности характерны и для аббревиатур и мотивирующего их сочетания, ср.: *Московский государственный университет* — *МГУ*, *Московский Художественный академический театр* — *МХАТ*. Стилистические различия при этом могут отсутствовать: аббревиатуры регулярно употребляются как официальные наименования.

По отношению к системе языка производные слова также неоднородны. Узуальным словам (лат. *usus* — ‘привычка, обычай’) противопоставлены новообразования: первые носят системный характер, строятся в соответствии со словообразовательными законами языка и фиксируются в словарях; вторые — возникают в речи. Новообразования в свою очередь делятся на потенциальные слова и окказионализмы.

Потенциальные слова — это новообразования, возникающие в речи по продуктивным словообразовательным моделям.

¹ Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1981. — С. 106.

Они создаются по мере необходимости и могут заполнять «пустые клетки» в лексической системе. Это «слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность...»¹. Так, толковые словари не фиксируют таких слов, как *кашалотиха*, *жирафиха*, *дельфиниха*, *тарантулиха*, однако эти наименования самок регулярно встречаются в научно-популярной литературе о животных: они восполняют отсутствие подобных названий в литературном языке, при этом все они соотносятся с узуальными словами с той же семантикой и строятся по их образцу, ср.: *слон — слониха*, *волк — волчиха*. Примером потенциальных слов могут служить также многочисленные образования с формантом *-ость* в русской поэзии начала XX в. Эти отвлеченные существительные, мотивированные именами прилагательными и созданные по продуктивным моделям, широко представлены в русской художественной речи этого периода и стали ее приметой, ср.: *О тусклость мертвого заката...* (И. Ф. Анненский); *В жидкой заросли парка береза жила/ И черна, и суха, как унылость...* (И. Ф. Анненский); *Я люблю обманность слова и прозрачность ваших глаз* (М. Волошин); *А эти скалы — голубые, сизые, с лиловостью, с янтарностью* (И. Ф. Северянин).

Потенциальные слова, как правило, характеризуются нефразеологичностью семантики: их значение «целиком складывается из значения составляющих их частей, в нем нет ничего добавочного, индивидуального»². Таковы, например, сложные прилагательные и существительные, широко распространенные в языке художественной литературы: *грубо-черноволосые сестры* (И. А. Бунин); *несбыточно-дальняя грёза* (И. Ф. Анненский), *лесофея* (И. Ф. Северянин) и мн. др.

Окк а з и о н а л и з м ы (лат. *occasio* — ‘случайность’) в отличие от потенциальных слов связаны с нарушением законов словопроизводства, действующих в языке. Они предполагают деавтоматизацию словообразовательных средств и соответственно нового деривата в том или ином контексте. С этим связана особая выразительность окказионализмов. Вспомним, например, новообразования В. Я. Хлебникова или В. Маяковского. Основными признаками окказионализмов являются нарушение словообразовательных норм при образовании деривата, контекстуальная обусловленность и экспрессивность, см., например: *О Достоевскиймо идущей тучи, / О пушкиноты млеющего полдня...* (В. Я. Хлебников). Окказионализмы включают:

1) производные, созданные с нарушением условий образования дериватов по той или иной модели. Так, если отвлеченные суще-

¹ Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. — М., 1943. — С. 15.

² Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование. — М., 1973. — С. 218.

ствительные на *-ость*, мотивированные в соответствии с правилами языка качественными прилагательными, рассматриваются как потенциальные слова, то образования И. Ф. Северянина *сигарность* и *папиросность* (*Сигарность моей папиросности*) не могут быть отнесены к ним, так как образованы от относительных прилагательных, не обладающих таким деривационным потенциалом;

2) производные, созданные окказиональными способами, например префиксально-сложносуффиксально-постфиксальным способом: *На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась* (А. П. Чехов) — или субституцией (заменой морфем): *выходимец* (ср. *проходимец* — Б. Любимов), *вподкачку* (ср. *враскачку* — А. Белый);

3) «заумные» слова с вымышленным составом: *бобэоби*, *вээоми* (В. Я. Хлебников);

4) производные, созданные по образцу непродуктивных в современном языке дериватов: *цыцарь* (Н. А. Лесков), *мыслево*, *тужево* (В. Я. Хлебников);

5) слова, созданные заменой первой буквы: *мленник* (вместо *пленник* — В. Я. Хлебников), *мирожки* (вместо *пирожки* — В. Я. Хлебников), *болитва* (вместо *молитва* — С. Кирсанов).

В окказионализмах особенно ярко проявляется творческое начало языка. Индивидуально-авторские новообразования этого типа отражают особенности мировидения поэта или писателя, выражают авторские оценки, расширяют состав образных средств в художественном тексте или служат одним из способов создания языковой игры.

Комплексные единицы словообразовательной системы

Русское словообразование носит системный характер: это множество взаимодействующих друг с другом различных объединений производных слов. Словообразовательная система носит открытый и иерархический характер: она постоянно пополняется новообразованиями, при этом производное слово входит в состав более крупных комплексных единиц.

Словообразовательная система состоит из ряда микросистем: словообразовательной пары, словообразовательного типа, словообразовательной категории, словообразовательной парадигмы, словообразовательной цепи и словообразовательного гнезда. Как уже отмечалось, словообразовательная пара — это сочетание мотивирующего и мотивированного слов: *лес* → *лесник*, *атом* → *атомный*, *расти* → *прорасти*.

Словообразовательный тип — это совокупность производных слов, которая характеризуется общностью:

- 1) части речи мотивирующего слова;
- 2) словообразовательного форманта и, следовательно, способа словообразования;
- 3) словообразовательного значения.

Так, например, слова *рябинник*, *малинник*, *осинник* относятся к одному словообразовательному типу: все они мотивированы существительными, характеризуются общим формантом — суффиксом *-ник*, суффиксальный способ выражает общее для них деривационное значение собирательности. К другому словообразовательному типу относятся существительные *сапожник*, *пирожник*, *колбасник*: они также мотивируются существительными, характеризуются аффиксальным формантом *-ник*, однако имеют уже совершенно другое словообразовательное значение — значение лица.

Словообразовательный тип — это «минимальная единица словообразовательной системы, в рамках которой элементы плана выражения соответствуют определенным элементам плана содержания»¹. С учетом словообразовательного типа выделяется понятие словообразовательной модели.

Словообразовательная модель — это схема построения производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Она включает такие обязательные элементы, как производящая база (с указанием части речи мотивирующего слова), формант и деривационное значение. При характеристике модели также отмечаются морфонологические явления, характерные для образования производных. Например, существительные *гимназист*, *курсист*, *семинарист*, относящиеся к одному словообразовательному типу, построены по модели **основа сущ. + суффикс *-ист*** (значение лица по месту обучения). Для этой модели характерны следующие морфонологические явления: 1) усечение финалей: *гимназия* — *гимназист*; 2) ударность форманта; 3) возможность чередований: *курсы* — *курсист* (t/t).

Различаются продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели: продуктивные модели дают новообразования в современный период языкового развития, по непродуктивным моделям новые слова не образуются. Так, например, малопродуктивна в современном языке модель «основа сущ. + суффикс *-ир*» (значение лица по роду деятельности), представленная дериватами *бригадир*, *дебошир*, *кассир*, *конвоир*. Новых образований по этой модели не отмечается. Напротив, модель «основа сущ. + *-ант*» (значение лица) характеризуется продуктивностью, см., например, производные *магистрант*, *диссертант*, *конкурсант*, разг. *подписант*.

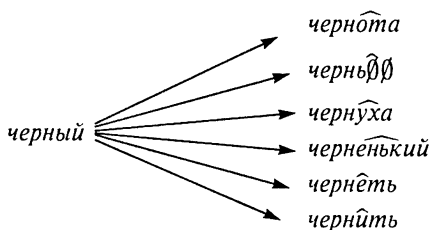
¹ Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969. — С. 122.

Таким образом, словообразовательная модель может рассматриваться как формально-семантический образец порождения новообразований в языке. По существующим в языке моделям создаются новые слова, заполняющие лакуны в словообразовательной системе, см., например, стихотворение В.Лифшица, посвященное форманту *со-*:

Вот собрат, а вот соперник,
Сочинитель и создатель,
Со-Бетховен, Со-Коперник,
Со-по-улице-шагатель,
Соискатель, сомолчатель...

Синонимичные словообразовательные типы объединяются в словообразовательную категорию. Это совокупность производных слов, объединенная общностью словообразовательного значения. Форманты же при этом могут быть различными. Так, в словообразовательную категорию интенсивности качества объединяются прилагательные — дериваты, характеризующиеся разными формантами: *большу́щий*, *пре́глупый*, *толсте́нный*, *ра́звеселый*; в словообразовательную категорию локативности (дериваты со значением места) входят производные с формантами разных типов, ср.: *спальня*, *зимовье*, *лесопильня*, *пожарище*, *пельменная* и др.

Словообразовательная парадигма — это объединение параллельно производных слов — слов, имеющих одну и ту же производящую базу и находящихся на одной и той же ступени деривации. Члены одной парадигмы, таким образом, объединены общим семантическим компонентом, но различаются формантами и соответственно словообразовательными значениями. Примером словообразовательной парадигмы может служить набор производных, непосредственно образованных от слова *черный*:

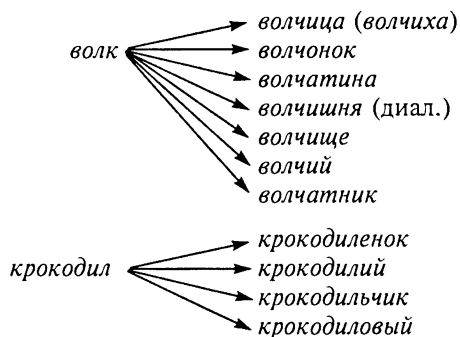
От одного производящего слова, как мы видим, образуется «пучок» дериватов, таким образом, члены парадигмы объединены радиальными отношениями.

Специфика парадигмы определяется частью речи мотивирующего слова, его лексико-грамматическим разрядом, особенностями его лексической семантики. Словообразовательная парадигма включает слова разных частей речи, при этом в нее не входит сло-

во, которое служит производящим одновременно для всех членов парадигмы.

Наряду с конкретными парадигмами, для того «чтобы абстрагироваться от “капризов” лексики и узуса, от многообразия средств выражения одного и того же словообразовательного значения»¹, выделяются типовые парадигмы. Типовая словообразовательная парадигма определяется набором возможных деривационных значений, которые регулярно выражаются производными одной лексико-семантической или тематической группы. Так, русские дериваты, мотивированные зоонимами (названиями животных), представляют собой: а) наименования самки или детёныша; б) название мяса животного; в) название помещения или пространства, связанного с животным; г) наименования лиц по отношению к животным; д) уменьшительные, уменьшительно-оценочные и увеличительные образования; е) притяжательные или относительные прилагательные; ж) глаголы со значением ‘производить на свет’; з) глаголы со значением ‘вести себя подобно тому, кто назван мотивирующим словом’ (например, обезьянничать).

Далеко не все конкретные зоонимы обладают полным набором таких дериватов, ср., например, парадигмы слов *волк* и *крокодил*:

Рассмотрение типовой словообразовательной парадигмы позволяет, таким образом, выявить «пустые места» в русской словообразовательной и — более того — в лексической системе и объяснить их существование. Используя это понятие, можно определить словообразовательный потенциал различных частей речи, лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп, выявить дефектные парадигмы, предсказать появление новых слов. Понятие словообразовательной парадигмы, как мы видим, обладает большой обобщающей и прогнозирующей силой.

Словообразовательная цепь (в отличие от словообразовательной парадигмы) — ряд слов, находящихся в отношениях

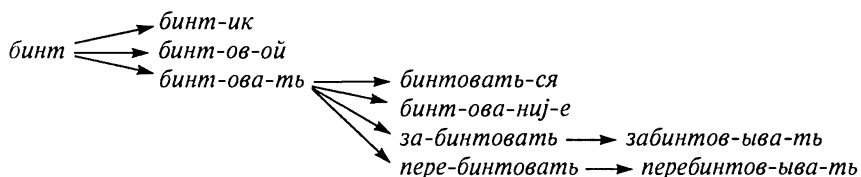
¹ Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989. — С. 341.

последовательной производности. Иначе говоря, это такой ряд слов, в котором каждое предшествующее слово является производящим для последующего, см., например: *петь* → *запеть* → *запевать* → *запевала*; *синий* → *синеть* → *посинеть* → *посинение*.

Словообразовательная цепь может включать разное количество звеньев и объединять производные разных частей речи. Количество компонентов цепи зависит от деривационного потенциала исходного слова.

Словообразовательные цепи делятся на полные и неполные. Полные цепи характеризуются наличием всех необходимых элементов: каждое производное в них соотносится со своим непосредственным производящим, а каждая ступень словопроизводства «маркирована своим аффиксом: *каприз* — *капризный* — *капризник* — *капризничать*»¹. Неполные цепи характеризуются чересступенчатым словообразованием: одно из звеньев цепи пропущено, в результате в производном используется особый протяженный формант, восполняющий «недостающее» производящее слово. Например: *комбайн* — (*комбайнировать*) — *комбайнирование*.

Наиболее широкое объединение производных — словообразовательное гнездо. Словообразовательное гнездо включает в свой состав и словообразовательные цепи, и словообразовательные парадигмы. Словообразовательное гнездо — это упорядоченная отношениями производности совокупность однокоренных слов, ср., например, фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *бинт*:

Как мы видим, во фрагменте этого гнезда представлены и словообразовательные цепи (*бинт* → *бинтовать* → *перебинтовать* → *перебинтовывать*) и словообразовательные парадигмы (*бинт* → *бинтик* → *бинтовой* → *бинтовать*).

В основе каждого словообразовательного гнезда находится исходное слово — вершина. Вершина гнезда представлена непродуговой единицей, которая служит базой для образования других слов. В словообразовательном гнезде, таким образом, особенно ярко проявляется ступенчатый характер русского словообразова-

¹ Ш и р ш о в И. А. Теоретические проблемы гнездования. — М., 1999. — С. 179.

ния, его иерархическая организация¹. «Любое гнездо имеет строго определенную структуру, и каждый его элемент (слово) занимает в нем предусмотренное системой языка и закрепленное в норме место»².

Словообразовательные гнезда различаются по объему. Так, выделяются:

а) нулевое гнездо — гнездо, представленное только одним словом, например: *ажур* — проведение бухгалтерских записей в день совершения операций;

б) слаборазвернутое гнездо — гнездо, включающее вершину и только одно производное: *майонез* — *майонезный*;

в) сильноразвернутое гнездо — гнездо, включающее три и более слова. Такие гнезда могут включать десятки и сотни производных, например гнездо с вершиной *делать* объединяет 342 слова.

Большинство слов русского языка существует в виде гнезд (слабо- или сильноразвернутых), нулевые же гнезда составляют только 2,5 % от всех слов языка. Принцип гнезда широко используется в лексикографической практике: словообразовательные словари строятся именно как словари гнезд.

Активные процессы в современном русском словообразовании

Изменения в языке всегда особенно ярко проявляются в лексике и словообразовании. Словообразование, последовательно используя морфемный инвентарь языка, служит источником новых наименований, необходимых обществу, и тем самым выполняет «социальный заказ», отражая динамику общественных процессов. Для современного словообразования характерны функциональный динамизм, активизация определенных словообразовательных моделей, рост именной префиксации, композитный «взрыв», широкое использование аббревиации и усечений, обнажение установки на языковую игру. «В современном словопроизводстве обнаруживаются те же черты, которые характерны для современного языка в целом: рост личностного начала, высокая роль оценочных и количественных значений, активное перемещение в центральные сферы коммуникации явлений окраинных, периферийных...»³.

Функциональный динамизм современного русского словообразования проявляется в активном проникновении в речь и регулярном использовании в ней моделей, которые ранее находились на

¹ Опыт изучения словообразовательных гнезд русского языка отражен в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова (М., 1985).

² Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. — М., 1985. — Т. 1. — С. 36.

³ Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996. — С. 138.

периферии языка или носили внелитературный характер. Так, например, широкое распространение в последнее время получили субстантивные образования — универбы, построенные по модели с суффиксом *-ух(а)*, ранее характерные преимущественно для жаргона: *чернуха, развлекуха, сенсуха* и др. В то же время сохраняют продуктивность и многие словообразовательные модели, активные и в предшествующие десятилетия, см., например, образования с суффиксом *-ость*.

Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксом *-изациј(а)*, которые стали приметой нашего времени: *канализация, западнизация, долларизация, банализация, фундаментализация* и др. Каждое новое социально значимое событие порождает подобное имя действия с суффиксом *-изациј*: *ваучеризация, суверенизация* (республик), *капитализация* (страны), *криминализация* (власти), *американизация* (культуры), *фермеризация* (сельского хозяйства), *чеченизация, «балканизация»* (конфликтов) и мн. др. Эти имена действия с каузирующей семантикой называют обычно процесс превращения, направленный на определенный объект, см., например: *зарплатализация* доходов, т.е. превращение доходов в зарплату, проедание ее. Если ранее образование имен действия типа *канадизация, украинизация* рассматривалось как асистемное явление, связанное с «чересступенчатым» словообразованием, то новые факты позволяют увидеть в нем последовательную «перестройку» подсистемы имен действия и формирование нового направления мотивации (не от глагола к имени, а от имени к имени). Образование имен действия на *-изациј* последовательно расширяет круг производящих основ: в качестве мотивирующих слов выступают не только конкретные существительные и прилагательные, но и имена собственные, см., например: *арканизация экранов* (от имени собственного — *Арканов*).

Характерная особенность современного словообразования — высокая продуктивность наименований лица, при этом особую активность проявляют суффиксы *-ец, -ник, -ист* и *-ант*, см., например: *гайдаровец, зюгановцы, рыночник, державник, перестроечник, компенсант, апробант, комплексант, триллерист, кошмарист, рекламист* и др. Если словообразовательные модели с суффиксами *-ец, -ник* и *-ист* характеризовались продуктивностью и в предшествующие десятилетия, то модель с суффиксом *-ант* обнаружила заметную активность именно в последнее время: *Горечи у дискусанта прибавилось бы...* (Новый мир. — 1995. — № 2); *Набежало много профессиональных митингантов* (Известия. — 1995. — 4 марта).

Отличительная черта современного словообразования — рост именной префиксации. Заметно возросла активность, во-первых,

приставок с темпоральной семантикой: *после-* и *пост-*, во-вторых, приставок, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: *анти-, раз-, де-, контр-*: *послепутчевый, постперестроечный, разбюрокрачивание, деполитизация, декоммунизация, департизация, декавказизация, антирынок, антипарламент, контрдемонстрация, контрлозунги, контрмитинг*. Активизируются, как мы видим, прежде всего те префиксы, которые «передают социально и культурологически значимую семантику»¹. К ним относятся также приставки и префиксоиды, выражающие отношения ложности, неистинности (*квази-, лже-, псевдо-*), интенсивности признака, высокой степени чего-либо (*супер-, сверх-*), поддержки (*про-*): *псевдокультура, псевдорынок, квазиреформа, супердешевый, суперпрофессионал, сверхнадежный; прозападный, прорыночный, проалбанский*.

Активное использование заимствований в современной речи обусловило образование и широкое распространение производных, созданных на их базе: *пролоббировать, спонсорство, электроальный, оффшорный, консалтинговый, имиджмейкерство* и др. Производящей базой для новых дериватов служат и иноязычные аббревиатуры, см., например: *пиаровский, пиарщик*. В составе сложных слов высокую степень продуктивности проявляют заимствованные компоненты и элементы интернационального характера: *бизнес-, хит-, шоу-, поп-, рок-, видео-* и др.: *бизнес-центр, бизнес-тур, бизнес-шоу, бизнес-клуб; рок-группа, рок-концерт, рок-опера, хит-парад* и др.

Существенно активизировались в современном языке различные типы сложений. Их употребление связано с действием закона экономии языковых средств и конденсацией информации, которая может выражаться в развернутом словосочетании: *В общем все просто, как в мыльной пузырькопушкелке и слезовыжималке для ипохондриков* (Московская правда. — 1994. — 2 марта); *Посреди бесстыдной моды на свечконошение и поклонбиение целомудренная тоска звучит в ответе Киреева* (Новый мир. — 1995. — № 2); *Многосерийник* сначала обещал мне проникнуть поглубже в чувства и мечты городка на Дальнем Западе (Московский комсомолец. — 1994. — 1 июня).

Сложение взаимодействует с суффиксацией, при этом в роли мотивирующих слов часто выступают устойчивые сочетания, фразеологизмы, составные имена собственные или сочиненный ряд слов, см., например: *Даже в самом «крутом», кровавом триллере «среднеклассовец» обязательно ожидает найти то, на чем стоял* (Литературная газета. — 1995. — 16 августа); *Великий князь словно предчувствовал перспективность «борисоглебской» духовно-поведенческой*

¹ Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996. — С. 139.

модели для России (Литературная газета. — 1995. — 26 июня). Столь же широкое распространение в современной речи получили составные образования с неизменяемыми первыми компонентами, занимающие промежуточное место между словами и словосочетаниями и свидетельствующие об усилении элементов аналитизма в современной речи: *бизнес-клуб, Горбачев-фонд, имидж-центр, штайнер-школа, Дягилев-центр* и мн. др.

90-е годы — период нового аббревиатурного «взрыва», в языке постоянно увеличивается число условных знаков — сокращенных слов. В современной речи активно используются разные типы аббревиации — от инициальной до телескопической: *СНГ, РФ, МВФ, СПС, АО, АиФ, бесик, Демроссия, Промбанк, Информ-ТВ, львигр* и др. Особенно продуктивными являются инициальные (звуковые или буквенные), слоговые и слоگو-словные аббревиатуры: *соврубли, ДПР, СМИ, ОРТ, Инкомбанк, Госдума, автоВазбанк* и др., — при этом отмечаются новые тенденции в образовании слоговых аббревиатур: значительно шире, чем раньше, в них наблюдаются такие морфонологические явления, как интерфиксация и наложение: *деморосы, трудомосы, выборосы*. Наряду с аббревиатурами в современной речи широко употребляются усечения, круг которых последовательно расширяется. В качестве производящих для них выступают как существительные, так и прилагательные: *криминал, неформал, маргинал, межрегионал, безнал, компра* и др.

«Композитный взрыв» — взрыв образования сложений в современной речи связан также с активизацией окказиональных разновидностей сложения, прежде всего контаминации, т.е. объединения начала и конца двух различных узуальных единиц; в результате контаминации возникают гибридные слова, вбирающие в свою семантику значение обеих сокращаемых единиц: *проэзия, Азиона, коопираты, господарищ, диссидеточки* и др.

Вследствие контаминации пополняется класс квазиморфем, которые сохраняют коннотации сокращенных слов. Контаминация обычно рассматривается как способ окказионального словообразования, однако в настоящее время образцы некоторых контаминированных образований закрепляются в языке как словообразовательные модели. Слова, по ним построенные, характеризуются воспроизводимостью в современной речи: *рейганомика, гайдарономика; Кремльгейт, ЮАРгейт, Диангейт*. Гибридные слова участвуют в языковой игре и выражают обычно экспрессивные оценки: *трепортаж, ложунги, каннибалиссимус* и др.

Кроме контаминации, как средства языковой игры регулярно используются субституция, деаббревиация, создающая комический эффект, и ложная мотивация, см., например, следующее «Новогоднее меню по рецептам сатирика»: *железобекон, божженина, сапогетти* (макароны по-солдатски), *йогурт* (из йогов, приготовленных гуртом) — Аргументы и факты. — 1994. — № 52.

Таким образом, современное словообразование характеризуется динамикой, вариативностью использования словообразовательных средств, предельной свободой и раскрепощенностью в их применении. Процессы, протекающие в нем, требуют дальнейшего изучения.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Цель словообразовательного анализа — определение направления производности и соответственно установление мотивирующего слова, рассмотрение соотношения с ним слова мотивированного как в формальном, так и в семантическом плане. В процессе анализа определяется словообразовательная структура деривата: выделяется производящая база и дериватор (словообразовательный формант) — и выявляется деривационное значение производного, которое выражается способом словообразования. Объектом словообразовательного анализа служит, таким образом, только производное слово: слова непроизводные для словообразовательного анализа привлекаться не могут.

Словообразовательный анализ носит системный характер и осуществляется с позиций синхронии, с учетом живых семантических и структурных связей слов в языке. В процессе анализа привлекаются слова одного и того же словообразовательного типа, обнаруживающиеся закономерности словопроизводственного процесса.

Схема словообразовательного анализа

1. Часть речи анализируемого слова.
2. Мотивирующее слово.
3. Тип мотивации:
 - полная/частичная (с указанием вида полной или частичной мотивации);
 - единственная (единичная)/множественная.
4. Производящая база.
5. Словообразовательный формант.
6. Тип форманта (аффиксальный/безаффиксный).
7. Морфонологические явления при образовании деривата.
8. Способ образования.
9. Словообразовательное значение деривата.
10. Тип производного слова (лексический/синтаксический дериват).
11. Словообразовательная модель (привести несколько слов того же словообразовательного типа).
12. Характеристика словообразовательной модели с точки зрения ее продуктивности/непродуктивности.

Образцы словообразовательного анализа

Колокольня

1. Существительное.
2. Мотивирующее слово — *колокол*: *колокольня* — ‘место, где находится колокол’.
3. Мотивация полная, прямая, единственная.
4. Производящая база — основа мотивирующего слова *колокол*.
5. Словообразовательный формант — суффикс *-ня*.
6. Формант аффиксальный.
7. При образовании деривата наблюдаются такие морфонологические явления, как чередование и перемещение ударения.
8. Способ образования — аффиксальный, суффиксация.
9. Суффиксация выражает словообразовательное значение места.
10. Лексический дериват.
11. Производное построено по модели:
основа сущ. + суффиксальный формант (значение места).
К тому же словообразовательному типу относятся слова *пекарня*, *слесарня* (разг.).
12. В современном языке модель малопродуктивная.

Перезваниваться

1. Глагол.
2. Мотивирующее слово — глагол *звонить*: *перезваниваться* — ‘периодически звонить друг другу’.
3. Мотивация полная, прямая, единственная.
4. Производящая база — основа глагола *звонить*.
5. Словообразовательный формант — комбинация префикса, суффикса (*-ива*) и постфикса.
6. Формант аффиксальный, сложный (комбинированный).
7. Морфонологические явления — чередование (*о//а*), усечение производящей основы, перемещение ударения.
8. Способ образования — аффиксальный, комбинированный, префиксально-суффиксально-постфиксальный.
9. Этот способ выражает словообразовательное значение ‘обмениваться действием, **названным** мотивирующим глаголом’.
10. Лексический дериват.
11. Производное построено по модели:

пере + основа глаг. + *ива* + *ся*.

К тому же словообразовательному типу относятся глаголы *пеглядываться*, *перешучиваться*, *перестукиваться*.

12. Модель продуктивна в сфере глагольного словопроизводства.

Замертво

1. Наречие.

2. Мотивирующее слово — *мертвый*: *замертво* — ‘подобно мертвому, почти без признаков жизни’.

3. Мотивация частичная, метафорическая, единственная.

4. Производящая база — основа мотивирующего прилагательного *мертв*.

5. Словообразовательный формант — аффиксы: префикс $\overline{за}$ и суффикс $-ѡ$.

6. Формант аффиксальный, сложный (комбинированный).

7. Образование деривата сопровождается таким морфонологическим явлением, как перемещение ударения на префикс.

8. Способ словообразования — аффиксальный, префиксально-суффиксальный.

9. Этот способ выражает словообразовательное значение обстоятельственного признака, осложненное значением подобия.

10. Лексический дериват.

11. Производное построено по модели $\overline{за}$ + основа прилагат. + $+ ѡ$.

К этому же словообразовательному типу относятся наречия *заживо*, *запросто*, *засветло*.

12. Модель малопродуктивна в современном языке.

Комментарии к анализу

1. При определении производящей базы слова нужно учитывать явление множественной мотивации: производное слово в одном и том же значении может соотноситься с двумя и более производящими основами (производящими словами). В этом случае результаты анализа различаются: а) характером производящей основы (производящего слова); б) словообразовательным аффиксом (формантом), а в ряде случаев и значением производного слова.

Множественность мотивации¹ особенно распространена среди существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Например: *педагогический*: от *педагогика* → *педагогик(ч)* + $\widehat{еск}$ + $\overline{ий}$ (‘относящийся к педагогике’) и от *педагог*-□ → *педагог* + *ическ* + $\overline{ий}$ (‘свойственный педагогу’); *умничать*: от *умн* $\overline{ый}$ → *умн* + $\widehat{ича}$ + $\overline{ть}$ (‘поступать по-своему, мудрить’) и от *умник*-□ → *умник(ч)* + $\widehat{а}$ + $\overline{ть}$ (‘стараться выказать свой ум’); *невыразительно*: от *не* + *выразительно* и от *невыразительн* $\overline{ый}$ → *невыразительн* + $\widehat{ѡ}$ (‘нечетко, неярко выразить, передать что-либо’).

В словах-омонимах результаты членения словообразовательной структуры слова различаются всеми тремя отмеченными выше особенностями. Например: *бумажник* (‘небольшой портфельчик для хранения бумаг и денег’) от *бумаг* $\overline{а}$ → *бумаг(ж)* + *ник* + □ и *бумажник* (‘человек, работающий в бумажной промышленности’) от *бумажн* $\overline{ый}$ → *бумажн* + $\widehat{ик}$ + □.

¹ См.: Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 433—435; Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // РЯШ. — 1970. — № 4.

2. При образовании производных слов в русском языке возможно явление расхождения формальной и смысловой производности: производное слово по форме может быть образовано от одной производящей основы (или слова), а по смыслу соотноситься с другой. Так, существительное *вузовец* по форме образовано от прилагательного *вузовский* с помощью агентивного суффикса *-ец-*. Это подтверждается наличием в его словообразовательной структуре суффикса прилагательного *-ов-* и морфонологических изменений, связанных с усечением производящей основы за счет суффикса *-ск-*. По смыслу же это слово восходит к непроизводному существительному *вуз* → *вузовец* 'тот, кто учится в вузе'. Таким образом, с формальной точки зрения слова *вуз* → *вузовский* → *вузовец* образуют словообразовательную цепочку, в которой первое и второе, второе и третье слова связаны словопроизводственными отношениями, а с семантической точки зрения слова *вузовский* и *вузовец* равнопроизводны¹. И хотя в случаях расхождения мотивирующих основ прилагательного и существительного (*вузовский* ← *вуз*) членение производного слова на значимые части осуществляется на основании формальной производности, тем не менее при решении вопроса о том, от чего образовано данное слово, необходимо учитывать одновременно и формальную и семантическую производность.

Расхождение формальной и смысловой производности особенно ярко проявляется в сфере словопроизводства наречий: *по-зимнему* ('как зимой'), *метеорно* ('подобно метеору'), *рябинно* ('как рябина').

Особый тип расхождения формальной и смысловой выводимости представляет собой чересступенчатое словообразование (А. Н. Тихонов): это образование производного при отсутствии непосредственного производящего, которое предусмотрено системой языка: *комбайн* → *комбайнирование*, *снег* → *снегование*, *купе* → *купированный*. Возможные производящие **комбайнировать*, **снеговать*, **купировать* отсутствуют в языке. В этом случае словообразовательные цепи, в которые входят подобные производные, являются неполными: в них отсутствует одно из звеньев (*дождь* → **дождевать* → *дождевание*). Производное слово, созданное в результате чересступенчатого словообразования, характеризуется наличием протяженного аффикса, объединяющего два реальных суффикса, причем первая часть этого форманта отображает пропущенное звено словообразовательной цепочки, «восстанавливает» его и закрепляет в языковом сознании: *снег* → *снег-ованиј-(е)*, *купе* → *куп-ированн-(ый)*, *фашист* → *фаши-ствујщ-(ий)*.

В процессе исторического развития языка направление производности может меняться. Так, если в современном языке слово *маета* соотносится с производящим глаголом *маяться*, то в истории языка оно было реально образовано от утраченного позднее существительного *мая*, имевшего значения: 'тяжелая работа, мучение'. Существительное *заморозки* было образовано от исчезнувшего существительного *заморозы*

¹ См.: Лыков А. Г., Зиньковская В. Е. О некоторых трудных случаях словообразовательной характеристики производных слов // РЯШ. — 1984. — № 4. — С. 90—91; Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование. — М., 1973. — С. 69.

(‘первые морозы’) и сейчас воспринимается как производное от глагола *заморозить*. Исторический процесс изменения направления производности и соответственно словообразовательных связей слова называется *д е с к о р р е л я ц и е й*.

3. Суффиксальные образования, мотивированные сложными словами типа *водопроводный, железобетонный, коневодческий, пулеметчик, рыболовство*, могут смешиваться со сложносуффиксальными именами прилагательными и существительными, образованными сложением с материально выраженной или нулевой суффиксацией: *железнодорожный, народно-демократический, благополучие, человеколюбие, водопровод, самотек, сухостой* и т.д. Чистое сложение (*светло-синий, темно-синий, засухоустойчивый*) может не различаться со сращением (*вечнозеленый, свежеекрашенный, нижеподписавшийся*).

Причиной смещения этих способов образования является структурное сходство производных слов. При разграничении суффиксации и основосложения следует помнить, что там, где в языке есть готовое сложное слово, производное слово с двумя основами, включающее в свой состав суффикс, образуется от сложного слова путем суффиксации: *водопроводный* → *водопровод*($\emptyset$ □) + *н* + [*ыи*]; *коневодческий* → *коневод*($\emptyset$ □) + *чѣск* + [*ий*]; *пулеметчик*($\emptyset$) → *пулемет*($\emptyset$ □) + *чик* + □; *рыболовство* → *рыболов*($\emptyset$ □) + *ств* + □.

Что касается сложносуффиксальных образований типа *народно-демократический, водопровод, человеколюбие*, то от производных слов с суффиксацией, мотивированных сложными словами, они отличаются двумя особенностями: 1) образуются обычно на базе словосочетаний (*воду проводить, человека любить*); 2) образуются с помощью основосложения, которое сопровождается суффиксацией — присоединением суффикса ко второй основе: *водопровод* + $\emptyset$ + □; *человеколюб* + *и* + □.

От сращений (*вечнозеленый, свежеекрашенный*) оба отмеченных типа сложения отличаются: 1) производящей единицей; 2) характером выражения словообразовательного значения. Сращения возникают на базе рядоположных слов, образующих сочетание с подчинительными отношениями, при этом они строятся по строго определенным моделям: а) «наречие + прилаг. или причастие», б) «сущ. + прилаг. или причастие» (*вечно зеленый, ниже подписавшийся*), тогда как производящей базой для основосложения (чистого сложения) являются свободные сочетания слов с разными типами отношений (*серый и голубой, устойчивый против засухи*). Кроме того, в образованиях, полученных путем сращения, элементы *-о-*, *-е-* не являются интерфиксами, как при сложении: они входят в состав первой основы в качестве словообразовательного суффикса (*вечнѣзеленый*, но *сер-о-го-луб-ой*).

4. Образования с нулевым суффиксом, имеющие в своей структуре приставку (типа *вход, взлет, выброс, допрос, застой, надрез, опись, подъем* и т.д.), часто смешиваются: 1) с явлением префиксации, характерной для образования глаголов *входить, взлетать, выбросить, описать* и пр.; 2) с префиксально-суффиксальной разновидностью отглагольной нулевой суффиксации типа *улов*($\emptyset$ □, *забег*($\emptyset$ □). В первом случае в качестве производящей основы отглагольных имен существительных *вход, взлет*

выступает производная основа глаголов *входить*, *взлетать*, уже имеющая в своей структуре приставку, присоединенную на предыдущем шаге словообразования. Отглагольные же существительные образуются на следующей ступени этого процесса путем присоединения нулевого суффикса со значением отвлеченного действия и нулевого окончания. При этом процессу образования отглагольных существительных сопутствует усечение производящей основы за счет глагольного суффикса *-и-* (или *-е-*). Во втором случае отглагольные имена существительные типа *улов*, *забег* образовались от бесприставочных производящих основ *лови-тъ*, *бежа-тъ* путем одновременного присоединения приставок *у-*, *за-* и нулевых суффиксов в сочетании с нулевыми окончаниями, т.е. с помощью префиксально-суффиксального способа производства. При этом, как и в предыдущем случае, словообразовательный процесс сопровождается морфологическими изменениями: 1) усечением основ за счет глагольных суффиксов *-и-*, *-а-*; 2) чередованием звуков *з/ж* в основе.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1947; 2-е изд. — М., 1972; 3-е изд. — М., 1986.

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избр. работы по русскому языку. — М., 1959.

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов. — М., 1984.

Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование. — М., 1973.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М., 1992.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. — М., 1991 (и последующие издания).

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М., 1981.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика : проблемы и принципы описания. — М., 1977.

Моисеев А. И. Русский язык : фонетика. Морфология. Орфография. — М., 1980.

Немченко В. Н. Современный русский язык : словообразование. — М., 1984.

Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980. — Т. 1.

Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — М., 1997.

Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. — М., 1988 (и последующие издания).

Современный русский язык : в 3 ч. — М., 1987; Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов.

Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1989 (и последующие издания).

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. — М., 1977.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М., 1996.

Шанский Н. М. Русский язык : лексика. Словообразование. — М., 1975.

Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования. — М., 1999.

С л о в а р и

Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. — М., 1986.

Словарь-справочник по русскому языку / под ред. А. Н. Тихонова. — М., 1995.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. — М., 1985 (и последующие издания).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М., 1964—1973 (и последующие издания).

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1975 (и последующие издания).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	7

ФОНЕТИКА И ОРФОЭПИЯ

Фонетика	16
Артикуляционная фонетика	17
Артикуляционная характеристика звуков речи. Речевой аппарат	17
Методы артикуляционных исследований	18
Акустическая фонетика	19
Акустические свойства звуков речи	19
Методы акустических исследований	22
Перцептивная фонетика	24
Факторы, влияющие на восприятие речи	24
Перцептивные эталоны	26
Методы перцептивных исследований	27
Звуковой символизм	28
Фонетическая транскрипция	29
Сегментные и суперсегментные единицы	31
Гласные и согласные звуки	33
Классификация гласных звуков	33
Классификация согласных звуков	36
Слог	43
Теории слога. Слоговые и неслоговые звуки	43
Слогораздел	46
Анализ слоговой структуры слова	48
Ударение	49
Фонетическая природа ударения	49
Место ударения в слове	51
Неподвижное и подвижное формообразовательное ударение	51
Неподвижное и подвижное словообразовательное ударение	56
Клитики	57
Слабое ударение	59
Побочное ударение	59
Анализ словесного ударения	60
Фразовое и синтагменное ударение и акцентное выделение слова	60

Анализ ударения в тексте	61
Интонация	61
Тональные средства интонации	62
Тембровые и количественно-динамические средства интонации	70
Функции интонации	71
Анализ интонационной структуры текста	72
Фонология	73
Звуки речи и звуки языка	73
Фонема	74
Позиционные чередования	78
Нейтрализация фонем	82
Позиция	82
Дифференциальные и интегральные признаки фонем и звуков	85
Архифонема	87
Гиперфонема	90
Система фонем	90
Фонологические школы	92
Фонетические чередования звуков русского языка	95
Чередования гласных звуков	95
Ударные гласные	95
Безударные гласные	98
Чередования согласных звуков	100
Чередование звонких и глухих согласных	100
Чередование твердых и мягких согласных	101
Чередование согласных по месту образования	101
Чередование согласных по способу образования	102
Чередование долгих и кратких согласных	102
Чередование согласных с нулем звука	103
Фонологическая система русского литературного языка	104
Состав гласных фонем	104
Состав согласных фонем	106
Спорные вопросы в определении состава согласных фонем	106
Подсистема гласных фонем	109
Подсистема согласных фонем	110
Фонетическая и фонематическая транскрипция	114
Анализ звукового состава слова	115
Фонематический анализ слова	116
Орфоэпия	118
Орфоэпические нормы в области гласных	120
Орфоэпические нормы в области согласных	122
Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм	128
Орфоэпические нормы заимствованных слов	129
Орфоэпические нормы в области ударения	131
Русское литературное произношение в его историческом развитии	136

Орфоэпический анализ текста	139
Литература	140

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Графика	142
Современный русский алфавит	142
Фонематический принцип графики	144
Позиционный принцип русской графики	144
Обозначение на письме фонемы /j/	145
Обозначение на письме твердости и мягкости согласных	145
Гласные буквы после шипящих и <i>ц</i>	146
Значения букв	147
Графический анализ слова	149
Орфография	150
Орфограмма	150
Передача буквами фонемного состава слова	152
Слитные, раздельные и дефисные написания	158
Употребление прописных и строчных букв	160
Перенос части слова на другую строку	161
Графические сокращения	162
История русской орфографии	163
Орфографический анализ слова	165
Литература	166

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Семасиология	171
Структурно-семантические подсистемы лексики и фразеологии	171
Эпидигматика	172
Эпидигма слова <i>соль</i>	172
Парадигматика	173
Парадигмы слова <i>соль</i>	173
Синтагматика	174
Синтагмы слова <i>соль</i>	174
Семантическая позиция слова	175
Слово как основная номинативная единица языка	177
Форма слова	180
Значение слова	181
Аспекты значения слова	181
Семиологический аспект значения слова	182
Структурно-семантический аспект значения слова	184
Функционально-стилевой аспект значения слова	189
Структура лексического значения слова	195
Типы лексического значения слова	199
Структура значения многозначного слова	203
Лексико-семантическая парадигматика	213
Омонимическая парадигма	214

Синонимическая парадигма	218
Антонимическая парадигма	223
Тематическая парадигма	227
Гиперо-гипонимическая парадигма	229
Лексико-семантическая группа слов	233
Семантическое поле	237
Функционирование слова в современном русском языке	244
Историческое формирование лексики современного русского языка	247
Исконная русская лексика	254
Заемствованная лексика	267
Славянские заимствования	270
Иноязычная лексика	276
Социально-функциональная характеристика лексики русского языка	287
Общерусская и диалектная лексика	287
Типы и функции диалектизмов	289
Активная и пассивная лексика	294
Устарелая и новая лексика	295
Историзмы	295
Архаизмы	297
Неологизмы	300
Терминологическая и профессиональная лексика	302
Жаргонная и арготическая лексика	305
Лексико-семантический анализ	308
Лексико-семантический анализ многозначного слова	309
Эпидигматический анализ слова	309
Парадигматический анализ слова	311
Образцы лексико-семантического анализа	315
Лексико-семантический (эпидигматический) анализ многозначного слова	315
Образец описательного лексико-семантического (эпидигматического) анализа ЛСВ слова <i>земля</i>	316
Парадигматический анализ ЛСВ слова <i>земля</i>	319
Литература	319

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Фразеологическая единица и фразеологический состав русского языка	322
Значение фразеологической единицы	324
Структура значения фразеологической единицы	325
Идиоматичность значения	325
Внутренняя форма фразеологической единицы	326
Оценочные значения	327
Модальные значения	329
Стилистические коннотации	329

Экспрессивность	330
Эмоциональная оценка	330
Семантические типы фразеологических единиц	332
Сращения	332
Единства	333
Фразеологические сочетания	334
Семантическая структура многозначной фразеологической единицы	336
Форма фразеологической единицы	340
Структурный тип фразеологической единицы	341
Лексико-грамматический состав фразеологической единицы	342
Порядок компонентов фразеологической единицы	342
Формоизменение фразеологической единицы	342
Вариантность фразеологической единицы	346
Функционирование фразеологической единицы в современном русском языке	349
Структурно-семантический аспект	349
Функционально-стилевой аспект	352
Фразеолого-семантическая парадигматика	354
Социально-функциональная характеристика фразеологии русского языка	367
Фразеолого-семантический анализ	369
Эпидигматический анализ фразеологической единицы	369
Парадигматический анализ фразеологической единицы	371
Литература	380

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Типы словарей	382
Содержание словарной статьи	383
Типы лексикографических дефиниций	386
Стилевые и стилистические пометы	389
Литература	393

МОРФЕМИКА

Слово и морфема	395
Основа слова	399
Морф и морфема	402
Корневая морфема	403
Свободные и связанные корни	406
Аффиксальные морфемы	408
Материально выраженные и нулевые аффиксы	418
Регулярность/нерегулярность аффиксов	421
Продуктивность/непродуктивность аффиксов	423
Морфемный анализ слова	425

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ (ДЕРИВАТОЛОГИЯ)

Производное слово. Признаки производного слова	434
Типы мотивации производных слов	441
Способы словообразования в современном русском языке	444
Аффиксальные способы словообразования	447
Безаффиксные способы словообразования	450
Типы производных слов	454
Комплексные единицы словообразовательной системы	459
Активные процессы в современном русском словообразовании	464
Словообразовательный анализ	468
Литература	473

Учебное издание

**Диброва Елена Иннокентьевна,
Касаткин Леонид Леонидович,
Николина Наталия Анатольевна,
Щеболева Инна Ивановна**

Современный русский язык

Теория. Анализ языковых единиц

В 2 частях

Часть 1

**Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология.
Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование**

Редакторы *О. В. Агафонова, А. В. Птухина*
Технический редактор *Н. И. Горбачева*
Компьютерная верстка: *Г. Ю. Никитина*
Корректоры *В. Н. Рейбекель, О. Н. Тетерина*

Изд. № 103100376. Подписано в печать 12.10.2007. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 25206.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Буглерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (495) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpg.ru

